

ОШО

ПУТЬ МИСТИКА

ОГЛАВЛЕНИЕ

- Глава 1. Мысли всегда мятежны
- Глава 2. Начни путешествие с сердца
- Глава 3. Очарованные неведомым
- Глава 4. Реальность всегда хрупка
- Глава 5. В то мгновение, когда истина идет на компромисс, она умирает
- Глава 6. Цветок ученичества
- Глава 7. Между двумя сновидениями
- Глава 8. Жажда запредельного
- Глава 9. Благодарность существованию
- Глава 10. Ты не должен быть никем другим
- Глава 11. Эго: Величайшее рабство
- Глава 12. Вся проблема – ум
- Глава 13. Несчастье: не что иное, как выбор
- Глава 14. Просто празднуя
- Глава 15. Настоящие богатства
- Глава 16. Сокровища и драконы
- Глава 17. Существование не торопится
- Глава 18. Разум - единственное сокровище
- Глава 19. Блаженство одиночества
- Глава 20. Слезы благодарности
- Глава 21. Лишь если позволит любовь
- Глава 22. Наблюдателю не забавно
- Глава 23. Упасть в доверие
- Глава 24. Медитация: революция в религии
- Глава 25. Украсть истину
- Глава 26. Я отвечаю не на ваши вопросы; я отвечаю на ваши сердца
- Глава 27. Нечто, не знающее пути назад
- Глава 28. Идти некуда
- Глава 29. Новые небеса, чтобы летать
- Глава 30. Название - любовь, но игра – политика
- Глава 31. Я не могу оставить свой сад неоконченным
- Глава 32. Мое видение принадлежит целому
- Глава 33. Опаснее ядерного оружия
- Глава 34. Слово нельзя распять
- Глава 35. Терять нечего
- Глава 36. Тигр - такой же гость
- Глава 37. Молчаливое равновесие
- Глава 38. Смерть происходит во мнении о тебе других
- Глава 39. Мои слова - лишь указатели на пути к молчанию
- Глава 40. Мысль о тишине никого не вдохновляет
- Глава 41. Тайны жизни очень просты
- Глава 42. Политика - это болезнь
- Глава 43. Напрасный лай друг на друга
- Глава 44. Я говорю, чтобы трансформировать твое сердце

Глава 1

Мысли всегда мятежны

*Любимый Ошо,
Пребывание в некоторых странах было для тебя проблематичным. Не потому ли это, что твои мысли мятежны?*

Мысли всегда мятежны.

Не мятежны лишь люди, которые не мыслят. Мышление преступно. Иисус был распят, Сократ - отравлен, Гаутама Будда - избит камнями. Эти люди никому не причинили вреда. Они были такими любящими, такими сострадательными человеческими существами, как это только возможно, - но совершили преступление, преступление под названием мышление.

Ни одно общество не хочет, чтобы его члены мыслили.

Мышление опасно.

Общество хочет роботов, которые просто делают все, что бы им ни говорили, которые не могут сказать "нет", - это для них невозможно. Они - машины.

Не случайно каждое развитое общество заменяет людей машинами. Машины послушны, никогда не мятежны. Ты когда-нибудь слышал о машине, которая была бы революционером или бунтарем? До сих пор никогда не случалось такого, чтобы нам пришлось распять машину. Машины - очень респектабельный народ. Я не машина.

И нет другого способа мыслить, нежели чем мятежно.

Мышление означает, что ты сомневаешься, мышление означает, что ты не готов принимать все, что тебе говорят. Ты хочешь решать сам. Мышление означает, что ты рационален, логичен; до сих пор же человечество было суеверным.

Когда Галилей обнаружил, что Земля вращается вокруг Солнца, Папа вызвал его в суд и потребовал, чтобы он изменил это утверждение в книге, потому что оно противоречит христианству. Библия говорит, что Солнце вращается вокруг Земли, и это подтверждает опыт каждого: кажется, что утром солнце встает, обходит круг и вечером садится. Мы не ощущаем, что Земля вращается вокруг Солнца. Поэтому Библия просто высказывает всеобщий опыт, не нечто научное.

Папа сказал:

- Ты должен изменить это предложение, потому что Библия - святая книга, написанная Богом: он не может ошибаться.

Галилей - один из людей, которых я люблю. Люблю его гений, его мышление, люблю его чувство юмора. Он сказал:

- Никаких проблем. Я изменю это предложение, но, Ваша Честь, помните, что изменение предложения не изменит факта: Земля будет продолжать вращаться вокруг Солнца. Вы можете меня убить, вы можете сжечь мои книги, но это никак не повлияет на движение Земли. Она будет продолжать вращаться вокруг Солнца.

Вот и Галилей - мятежник. И только мятежные люди ответственны за прогресс этого мира. Все, что у вас есть: вся цивилизация, весь научный рост, вся технология - вклад мятежных людей. Этот вклад был внесен не суеверными.

Я счастлив объявить себя мятежником, абсолютным мятежником.

Принадлежность к этой категории - великая честь. К ней же принадлежат Иисус, Сократ, Галилей, Гаутама Будда. Вот настоящие человеческие существа. Остальные - лишь часть толпы, спицы в колесе.

Общество определяет, что правильно, и они никогда этого не оспаривают. Общество определяет, что неправильно, и они никогда не сомневаются. В чем же разница между животным и человеком?

Каждое человеческое существо должно быть мятежником, если оно хочет быть человеческим существом. Вот определение, данное Аристотелем: человек - это мыслящее животное. А мышление равнозначно мятежности.

Это правда - многие страны решили, что мне нельзя дать даже четырехнедельной туристической визы. И я действительно наслаждался этим, потому что никогда раньше в истории столько стран

не пугалось одного человека до такой степени, чтобы не дать ему даже четырехнедельной туристической визы.

Сократ прожил долгую жизнь, затем его отравили. Иисус постоянно проповедовал три года, затем его распяли. Я пробыл в Греции всего две недели, прежде чем меня арестовали. И мне угрожали сжечь дом, взорвать дом динамитом, если я его немедленно не покину. Это те же самые люди, что две тысячи лет назад отравили Сократа.

А что я могу сделать за две недели? Я даже не выходил из дома! Я никуда не ходил. Но архиепископ засыпал президента телеграммами, звонил премьер-министру, давал интервью средствам массовой информации: "Пребывание здесь этого человека, - а у меня была четырехнедельная туристическая виза, и пребывать мне оставалось всего лишь две недели, - пребывание здесь этого человека разрушит нашу нравственность, нашу религию, нашу церковь, нашу традицию".

Услышав это, я сказал: "Если религию, церковь, нравственность и традицию, - которые вы создавали две тысячи лет, - может разрушить один-единственный человек за две недели, то их стоит разрушить, в этом нет никаких сомнений".

И эта паранойя распространилась по всей Европе. Сейчас европейский парламент постановил, что мне запрещено приземляться в любом европейском аэропорту. Кажется, само приземление моего самолета в аэропорту разрушит их нравственность, религию и традицию. Это показывает только одно: они сами знают, что опираются на прогнивший фундамент. Лишь небольшой толчок, - который может организовать даже турист за две недели, - и все ваше здание будет разбито вдребезги.

Странно... в цивилизованном мире, если я с тобой не согласен, мы можем все обсудить и прийти к согласию. Но взорвать мой дом - это не ответ. Кажется, люди так ничему и не научились.

Было ли ответом отравить Сократа? Никто во всей истории Греции не был столь уважаем, как Сократ. Люди совершенно забыли имена тех, кто решил его отравить. Но имя Сократа останется бессмертным, пока на Земле остаются человеческие существа. Даже сегодня он современен. Его мышление, наверное, содержало безмерное прозрение, если не устарело даже через две тысячи лет. Он был самыми сливками - гением всего греческого ума, - а его уничтожили.

Кажется, многие века существует заговор посредственных людей против гениальных. И, конечно, посредственных людей большинство - и у них вся власть. У них есть правительство, у них есть армия, у них есть полиция, у них есть ядерное оружие. У гения нет ничего, кроме его разума, а разум революционен в своей основе, и не может быть никаким другим. Его качеством, присущим ему свойством является бунт - бунт против темноты, бунт против неправды, бунт против рабства, бунт против всего того, что мешает человеку быть тотальным, взрослым существом.

Все эти страны просто доказали, что одна-единственная индивидуальность обладает большей силой, чем все они вместе взятые со всем своим ядерным оружием, потому что иначе незачем было бы так бояться.

В Англии мне не позволили переночевать в транзитном зале ожидания аэропорта, который специально для этого предназначен. У меня был собственный самолет, но, чтобы не испытывать судьбу, я вдобавок купил билеты первого класса. Этот зал ожидания предназначен для людей, которые пересекаются из одного самолета в другой, но мне не позволили там переночевать. Один из моих друзей случайно заглянул в папку этого человека... он оставил папку на столе, уходя в уборную. Он просто заглянул в папку. Я еще не приземлился в аэропорту, а правительство уже во всех подробностях приказало: если я приеду, мне нельзя разрешать переночевать в гостинице; меня нужно заставить оставаться всю ночь в самолете, потому что я - опасный человек.

Я спросил этого человека: - Какую же я представляю опасность? Я буду просто спать. Уже одиннадцать часов ночи, и я буду просто спать в зале ожидания. Из этого зала невозможно даже проникнуть в Англию!

Но он сказал:

- Мы ничего не можем сделать. Мы не можем предоставить вам свободу; и если вы хотите переночевать в зале ожидания, то будете заключены под стражу.

В Швеции было то же самое.

Германия отдала приказ, чтобы ни одно ее посольство не давало мне визы. Странно... и это мы называем "цивилизацией".

Цивилизации еще не случилось.

Все это подделка.

Я опасен - а как же облако, несущее ядерную радиацию из Чернобыля... остановите его, посадите его в тюрьму! Оно опасно! Здесь они бессильны, они ничего не могут сделать. А я мятежник, потому что я многие годы говорил: "Не играйте с ядерной энергией, потому что вы не можете гарантировать, что ничто не выйдет из-под контроля". Теперь что-то вышло из-под контроля, и они беспомощны. И это не событие одного дня; его последствия продлятся многие годы.

В Украине, где случилось это бедствие, нельзя будет собирать урожай тридцать лет, а это область, которая снабжает продовольствием весь Советский Союз. Теперь Советский Союз будет самой голодной страной в мире. И во всей Европе уровень радиации поднялся - в триста раз, в двести раз выше, чем приемлемо для человеческих существ. Вдыхать этот воздух, пить молоко или воду, есть овощи или фрукты - все опасно. Теперь эти парламенты молчат.

Я опасен... а ядерное оружие не опасно! Кажется, этот мир - просто ненормальный.

Любимый Ошо,

Умирает ли вместе со смертью человека существо, его "я", или живет после смерти в другом теле?

Этот вопрос - немного сложный.

Сначала ты должен понять, что твоя личность - это не твоя реальность; она дается тебе культурой, обществом.

Индивидуальность твоя, личность - нет.

Как личность ты всегда мертв; ты жив только как индивидуальность. Но чтобы быть индивидуальностью, ты должен взбунтоваться против личности и всех тех людей, которые насадили тебе определенную личность.

Каждый ребенок рождается с определенным потенциалом - и каждое общество принуждает его быть кем-то другим.

Я слышал об одном человеке, который праздновал золотую свадьбу. Собрались все его друзья, родственники и знакомые. Было много радости и смеха. Но внезапно они заметили, что самого этого человека нет. Никто не мог понять, куда он делся. Обыскав весь сад, его нашли в тени под деревьями, где он сидел, очень печальный.

Друзья сказали:

- Странно - ты позвал всех нас, чтобы отпраздновать, а сам сидишь тут такой печальный, словно у тебя кто-то умер! Что случилось?

- Вот что случилось... Женщина, на которой я женился, так меня мучила, что двадцать пять лет назад я спросил адвоката, что мне за это будет, если я ее пристрелю. Он сказал: "Ты что, с ума сошел? Если ты ее застрелишь, то на двадцать пять лет отправишься в тюрьму!" Мне так грустно, потому что сегодня я вышел бы на свободу. Этот дурак адвокат умер; иначе я убил бы его! Он напугал меня.

Мужчина должен жить с женщиной, которую он не любит, и это сущее несчастье. Женщина должна жить с мужчиной... это сущее несчастье, ад. Человек должен посвятить себя профессии, которую он ненавидит. Каждому приходится делать то, что ему не нравится. Это твоя личность. Общество уводит каждого прочь от его естественной индивидуальности и принуждает делать то, к чему он не предназначен.

Поэтому первое, что нужно понять, - ты не личность (Personality), ты не "персона". Слово "персона" происходит от греческой драмы. В греческой драме актеры выступали в масках, и такая маска... настоящего лица человека не было видно; его можно было только услышать. "Сона" значит "звук". "Персона" значит, что неизвестно, кто говорит; ты только слышишь звук, лица не видно. Слово "персональность" происходит от греческой драмы.

Каждый носит маску. Ты можешь услышать звук, но лица не видно; индивидуальности не видно. Итак, первое: ты не личность. Как личность ты уже мертв. Оставаясь личностью, ты просто протаскивал себя от колыбели до могилы, но никогда не жил. Ты живешь лишь, будучи индивидуальностью - утверждая себя вопреки всякой традиции, религии, всему тому прошлому, что требует от тебя быть кем-то другим, нежели чем хочешь существование. Тогда ты живешь.

Это напоминает мне о великом хирурге, которого я знал, - может быть, самом известном в Индии. Он уходил на пенсию, и друзья и коллеги устроили ему вечеринку, прощальный вечер, но он был очень печален. Я спросил его:

- Почему ты такой грустный? Ты должен радоваться: ты лучший хирург во всей стране.

- Ты не понимаешь, - сказал он. - Прежде всего, я никогда и не хотел быть хирургом, так какая разница, лучший я или нет? Мне противно даже это слышать! Я хотел быть музыкантом, но мои родители заставили меня стать хирургом - я хирург против своей воли. Случайно я стал первоклассным хирургом; может быть, я никогда не стал бы первоклассным музыкантом. Я богат, у меня все есть, я респектабелен, но это не приносит мне счастья.

Даже если бы я остался нищим музыкантом, это было бы блаженством, потому что я был бы самым собой. Хирург кажется кем-то другим; это роль, которую мне приходится играть, но не я сам. Все эти люди празднуют, а я плачу внутри, потому что вся моя жизнь разбита.

Таким образом, прежде всего, ты не "личность"; в противном случае ты мертв прежде смерти. Есть миллионы людей, которые умирают за тридцать, сорок или пятьдесят лет до действительной смерти. Ты - индивидуальность, и лишь индивидуальность способна познать свою настоящую сущность. У личности нет сущности - только эго, столь же ложное, что и личность. У индивидуальности есть сущность, душа. Индивидуальность - это живой принцип жизни.

Если бы ты знал жизнь, то никогда не задал бы такого вопроса. Если ты знаешь жизнь подлинно, это значит, что ты также знаешь, что она бессмертна. Знанию ее присуще знание ее бессмертия. Это не какая-то информация, полученная снаружи. Просто живя своим истинным существом во всей его полноте, ты мало-помалу начинаешь осознавать бессмертное течение жизни у себя внутри. Ты знаешь, что тело умрет, но эта душа, содержащая всю сущность жизни, не может умереть.

В существовании ничто не разруσιμο.

И это не нечто, во что ты должен верить, это научная истина - ничто не может быть разрушено. Ты не мог бы разрушить и небольшого камешка. Что бы ты с ним ни делал, он сохранится в той или иной форме.

Наука исследует объективный мир и находит, что даже объективная реальность бессмертна. Религия работает, точно как наука, но в мире внутреннего, и находит, что этой танцующей жизни неотъемлемо свойственно бессмертие.

В это мгновение хорошо вспомнить Сократа, потому что он был не тот человек, чтобы что-то принимать на веру. Если бы ты его спросил, выживет ли твоя душа после телесной смерти, он ответил бы:

- Дай мне сначала умереть - потому что как я могу что-то сказать, пока не умру?

И тот день, когда ему дали яд, был одним из самых важных дней в истории человека. Его ученики сидели вокруг; он лежал. Он сказал ученикам:

- Я расскажу вам, что происходит. Пока я могу, я буду вам сообщать.

Затем он сказал:

- До коленей мои ноги мертвы. Пожалуйста, кто-нибудь, ущипните меня за ногу, чтобы я мог определить, чувствую ли я их.

Кто-то ущипнул его за ногу. Он сказал:

- Я ничего не чувствую, ноги умерли. Но помните одно: я настолько же жив, что и всегда. Смерть ног мою жизнь ничего не лишила; моя жизнь осталась такой же целой, что и всегда.

Потом его ноги омертвели полностью, затем половина тела. И он сказал: - Половина моего тела умерла, но я цел, столь же цел, что и всегда. Затем умерли его руки, и он сказал:

- Я по-прежнему здесь, и я по-прежнему цел. Может быть, сейчас остановится сердце, но я могу вам сказать, что, хотя, возможно, я и не смогу вам этого сообщить, я останусь, потому что всех этих частей не стало, а я цел, значит, это неважно: сердце - это только очередная часть.

И когда он умер, его лицо было так радостно, так блаженно, что Платон, его ученик, вспоминает:

- Мы никогда не видели его лица таким полным света, таким сияющим. Может быть, последнее мгновение, когда душа покидает тело, подобно закату, когда солнце садится и все небо становится таким прекрасным и сияющим.

Это не вопрос веры. Я сам ни во что не верю, и тебе не предлагаю верить, что душа бессмертна. Но согласно моему опыту, она бессмертна, потому что я помню свои прошлые жизни, и это бесспорное доказательство того, что будут и будущие. Я могу научить тебя техникам,

помогающим вспомнить прошлые жизни, и это станет для тебя неоспоримым доказательством того, что у тебя есть и будущее. У тебя есть вечность прошлого и вечность будущего.

Ты всегда был и всегда будешь.

Но сначала отбрось свою фальшивую личность.

Вырасти в свою подлинную индивидуальность.

Живи таким, каким тебя хочет видеть существование. Сама твоя жизнь должна быть настолько тотальной и интенсивной, чтобы факел жизни был подожжен с обоих концов. В самой этой интенсивности ты узнаешь, что затронул нечто от вечности. И если ты узнал это в жизни, в смерти ты найдешь еще более глубокое подтверждение этому факту.

Люди, живущие в личности, всегда умирают без сознания. Они никогда не жили. Они не знают, что такое сознание, поэтому, прежде чем умереть, становятся бессознательными. Именно поэтому мы не помним прошлых жизней. Ты был без сознания, и смерть случилась в твоей бессознательности.

Но если ты живешь сознательно, как индивидуальность, тогда ты и умрешь сознательно, так как умер Сократ - таким сознательным до последнего вздоха. И эта память будет с тобой и в следующей жизни.

На Востоке есть три великие религии: индуизм, джайнизм и буддизм. Они не соглашаются ни в чем - их философии расходятся во всем, кроме одного, и это вечность души, потому что это не вопрос теоретического обсуждения, это вопрос экзистенциального опыта. Ты не можешь с этим не согласиться - это в точности так.

Вне Индии этим трем религиям противостоят три другие: иудаизм, христианство и ислам. Все они верят только в одну жизнь, и это просто показывает их бедность. Они не исследовали достаточно глубоко, чтобы найти прошлые жизни, они ничего не могут гарантировать в будущем. Эти три религии, рожденные вне Индии, поверхностны. Их работа не является глубоким исследованием.

Но в Индии десять тысяч лет тысячи людей входили в реализацию себя и находили, что один и тот же свет сохраняется всегда. Он продолжает двигаться из одного тела в другое, но сам по себе - неуничтожим.

Я не предлагаю тебе верить в это, я предлагаю просто экспериментировать. Я против всех верований, потому что каждое верование тебя разрушает, разрушает твое мышление. Я всецело за экспериментирование, и для этого имеются техники.

Это было работой всей моей жизни - создать техники, доступные каждому, кто действительно хочет искать и находить, не для просто любопытствующего, но для искателя, который готов рискнуть ради поиска всем. И это такой поиск, ради которого ты должен рискнуть всем, потому что ты находишь величайшее из всех сокровищ.

Любимый Ошо,

Что такое свобода - индивидуальности и коллективная?

Свобода - это трехмерное явление. Во-первых, физическое измерение: тебя можно поработить физически. И тысячи лет человека продавали на рынке, как любой другой товар. Все негры, оказавшиеся в Америке, были куплены, как товар.

Рабы существовали по всему миру. Им не давали человеческих прав; их не считали человеческими существами, они были ниже человеческих существ. И с ними по-прежнему обращаются, как с низшими существами. В Индии есть шудры, неприкасаемые. Четвертая часть Индии до сих пор живет в рабстве: эти люди не могут получить образования, эти люди не могут двигаться ни в какие другие профессии, чем было определено традицией пять тысяч лет назад, и считать их человеческими существами невозможно... Даже коснувшись их, ты становишься нечистым: ты должен немедленно принять ванну. Даже если ты касаешься не самого человека, но только его тени - все равно ты должен принять ванну.

Таким образом, есть физическое рабство и физическая свобода - состоящая в том, что твое тело не заковано в цепи, что ты не считаешься низшим, чем кто-либо другой, что во всем, что касается тела, есть равенство. Но это не так даже сегодня.

Тело женщины не считается равным телу мужчины. Она не так свободна, как мужчина. В Китае веками муж имел право убить жену совершенно безнаказанно, потому что жена была его

собственностью. Точно как ты можешь сломать свой стул или сжечь свой дом, потому что этот стул твой, дом твой, жена твоя. В китайских законах не было наказания за убийство жены мужем, потому что она считалась лишенной души; она была просто механизмом воспроизведения, фабрикой по производству детей.

Мусульмане женятся на четырех женах, что абсолютно уродливо, потому что природа поддерживает в мире равновесие. Количество мужчин и женщин одинаково, и если один мужчина женится на четырех женщинах, что делать оставшимся троим мужчинам? Они становятся извращенными, становятся гомосексуалистами, содомистами, создают СПИД и всевозможные болезни. Сам Мухаммед был женат на четырех женщинах.

Но это еще ничего! Лишь сорок лет назад, когда Индия стала свободной, в одном из мусульманских штатов Индии, в Хайдерабаде, у низама было пятьсот жен! Но даже это не предел.

Кришна, индийское воплощение Бога, имел шестнадцать тысяч жен. По крайней мере, жены низама были его собственные - он на них женился. Кришна же брал, чью угодно жену, какая бы ему ни понравилась... не думая о том, что у нее есть дети, что у нее есть муж, что она должна о них заботиться - его это не волновало. У него было достаточно власти. Но иметь шестнадцать тысяч жен так глупо - ты даже не сможешь запомнить, как их зовут!

Но в Индии считалось, что, поскольку женщина - это своего рода собственность, то, чем их больше, тем лучше. И, конечно, воплощению Бога должно быть позволено наибольшее число жен, чтобы доказать, что у него больше всех собственности.

Таким образом, есть рабство тела, и оно по-прежнему продолжается в разных формах. Его становится меньше и меньше, но оно не исчезло полностью.

Свобода тела значила бы, что нет различия между черными и белыми, между мужчиной и женщиной, что нет никаких различий ни в чем, касающемся тела. Никто не чист, никто не грязен; все тела равны. Это сама основа свободы.

Есть второе измерение: психологическая свобода. Очень немногие индивидуальности в мире психологически свободны... потому что если ты мусульманин, ты не свободен психологически; если ты индуист, ты не свободен психологически. Вся наша система воспитания детей делает их рабами - рабами политических идеологий, социальных идеологий, религиозных идеологий. Мы не даем им никаких шансов думать самим, исследовать самим. Мы принуждаем их умы... мы набиваем их умы вещами, в которых у нас самих нет никакого опыта.

Родители учат детей, что есть Бог, - а сами ничего не знают о Боге. Они говорят детям, что есть рай и ад, - а сами ничего не знают ни о рае, ни об аде.

Я слышал: однажды это случилось в Нью-Йорке, в самой большой церкви Нью-Йорка - кардинал вошел и увидел молодого человека, и не мог разобрать, хиппи это или Иисус Христос. Он выглядел как Иисус Христос, но Иисуса Христа так просто не встретишь! Наверное, это все-таки был хиппи. Кардинал испугался, потому что Иисус не был его собственным опытом - он не смог бы его узнать.

Он подошел к нему поближе и сказал:

- Кто ты?

- Разве ты меня не узнаешь? - сказал молодой человек. - А между тем каждый день ты молишься мне: "Мой Господь Иисус Христос". И вот я пришел, а у тебя хватает наглости спрашивать, кто я?

Кардинал испугался по-настоящему, что, может быть, это и есть Господь Иисус Христос - он выглядит точно как Иисус Христос. Но что же делать? В теологическом колледже, где он учился и стал кардиналом, ему никто никогда не говорил, что нужно делать, когда Иисус Христос приходит в церковь. Это беспрецедентно!

Он позвонил в Ватикан и спросил папу:

- Хоть намекни, что мне делать! Сюда пришел человек - я решил по его виду, что он хиппи, но он также похож на Иисуса Христа. Я спросил его, и он сказал: "Я твой Господь Иисус Христос". Что мне теперь делать?

- Что? - сказал папа. - Такого еще никогда не было! Сделай вот что: во-первых, выгляди занятым. Во-вторых, позвони в полицию!

Вы учите детей вещам, которых не знаете сами. Вы обуславливаете их умы, потому что ваши умы обусловлены вашими родителями. Таким образом эта болезнь передается от одного поколения к другому.

Психологическая свобода будет возможной, если детям позволят расти, помогут расти к большему интеллекту, разуму, сознанию, бдительности. Им не дают никаких верований. Их не учат никакой вере, им дается, как только возможно большее поощрение искать истину. И им должны напоминать с самого начала: твоя собственная истина твоего собственного нахождения освободит тебя; ничто другое этого не сделает.

Истину нельзя заимствовать.

Ее нельзя выучить по книгам.

Никто не может сообщить тебе о ней. Ты должен обострить свой разум сам, чтобы посмотреть в существование и найти ее.

Если ребенка оставить открытым, восприимчивым, бдительным и поощрить исследовать, у него будет психологическая свобода. И с психологической свободой приходит безмерная ответственность. Его не нужно учить ответственности; она приходит как тень психологической свободы. И он будет вам благодарен. Обычно каждый ребенок зол на родителей, потому что они испортили его: они разрушили его свободу, обусловили его ум. Прежде чем он задал множество вопросов, они наполнили его ум ответами, которые были поддельными, потому что не основывались на вашем собственном опыте.

Этот мир живет в психологическом рабстве.

И третье измерение, предельная свобода - знание, что ты не тело, знание, что ты не ум, знание, что ты - чистое сознание. Это знание приходит в медитации.

Оно отделяет тебя от тела, оно отделяет тебя от ума, и в конце концов, остаешься только ты, как чистое сознание, как чистая осознанность. Это духовная свобода.

Вот три основных элемента свободы индивидуальности.

Ты спросил об индивидуальной и коллективной свободе. Для коллектива в свободе нет никакой необходимости. Только индивидуумы должны быть свободными, и тогда свободным будет коллектив. У коллектива нет души, у коллектива нет ума, у коллектива нет даже тела: это только название. Это всего лишь слово. Мы позволяем словам себя впечатлить - до такой степени, что забываем, что слова не вещественны. Коллектив, общество, сообщество, религия, церковь - все это слова. За ними не стоит ничего реального.

Это напоминает мне о небольшой истории. В "Алисе в стране чудес" Алиса приходит в сад королевы. Королева спрашивает ее:

- Не встретила ли ты по пути посланца, направляющегося ко мне?

- Никого, - ответила маленькая девочка, имея в виду, что никого не встретила.

Королева подумала, что "никто" - это какой-то человек, и спросила:

- Так почему же этот никто до сих пор не прибыл?

- Мадам, никто значит никто? - ответила девочка.

- Не глупи! - сказала королева. - Я понимаю: никто и есть никто, но он должен был прибыть раньше тебя. Странно, никто не может быть медленнее тебя.

- Это абсолютно неправильно, - говорит Алиса, - никто не может быть быстрее меня!

И диалог продолжается в таком же духе. Этот "никто" в диалоге становится кем-то, и Алиса никак не может убедить королеву, что никто есть никто. Как ее убедить? Она пытается изо всех сил, и когда она слышит, что королева говорит: "Никто тебя не тороплевее", она сердится: это уж слишком! Она кричит: "Никто меня не медленнее!"

Тогда королева говорит:

- Тогда никто должен был быть уже здесь!

Коллектив, общество - все это только слова. То, что существует в реальности, это индивидуум; а все эти Клубы Ротарианцев и Львов... тогда возникнет проблема: что такое свобода Клуба Ротарианцев? Что такое свобода Клуба Львов? Это просто названия. Коллектив - очень опасное слово.

Во имя коллектива индивидуум, бунтарь всегда приносился в жертву. Я абсолютно против этого.

Нации приносят индивидуумов себе в жертву, а "нация" - это всего лишь слово. Линий, которые вы начертили на картах, не существует нигде на Земле. Это просто ваша игра. Но на этих линиях, которые вы нарисовали на картах, умерли миллионы людей - настоящих людей, и ради нарисованных линий. И вы делаете их героями, национальными героями!

Идея коллектива должна быть полностью уничтожена; иначе тем или иным образом мы будем продолжать приносить в жертву индивидуума. Мы жертвовали им во имя религии, в религиозных войнах.

Мусульманин, гибнущий в религиозной войне, точно знает, что попадет в рай. Священник ему сказал:

- Если ты умрешь за религию, за ислам, рай тебе абсолютно гарантирован вместе со всеми удовольствиями, которые ты только можешь вообразить, о которых ты только можешь мечтать. И человек, которого ты убиваешь, тоже попадет в рай, потому что он был убит мусульманином. Для него это привилегия, поэтому ты не должен чувствовать себя виноватым, когда кого-то убиваешь.

Христиане совершали крестовые походы - джихады, религиозные войны, - и убивали тысячи людей, сжигали тысячи человеческих существ, и ради чего? Ради какого-то рода коллективности... ради христианства, буддизма, индуизма, коммунизма, фашизма - подойдет что угодно. Любое слово, символизирующее нечто коллективное, - и ради него можно пожертвовать индивидуумом.

У коллективности нет даже причины для существования - индивидуума достаточно. И если у индивидуума есть свобода, психологическая свобода, духовная свобода, тогда, естественно, будет духовно свободным и коллектив.

Коллектив состоит из индивидуумов, не наоборот. Говорили, что индивидуум - это только часть коллектива; это неправда. Индивидуум - это не часть коллектива; коллектив - это только символическое слово, означающее собравшихся вместе индивидуумов. Они не части чего-либо; они остаются независимыми. Они остаются органически независимыми, они не становятся частями.

Если мы действительно хотим, чтобы мир был свободным, мы должны понять: столько зверств совершалось во имя коллективности, что пришло время остановиться.

Все коллективные имена должны утратить блеск, придаваемый им в прошлом. Индивидуумы должны быть высшей ценностью.

Любимый Ошо,

Является ли познание интеллектуальным опытом?

У опыта познания есть два измерения. Одно - объективное познание, другое - субъективное познание. Объективное познание интеллектуально. Именно этим продолжает заниматься наука. Это интеллектуальное познание.

Интеллекта достаточно, чтобы познать объект. Объект снаружи - доступный восприятию глазами, доступный для эксперимента. Ты можешь его анатомировать, ты можешь сделать с ним что угодно, как угодно экспериментировать. Он доступен чистому интеллекту. Но твое собственное существо недоступно интеллекту.

Твое существо доступно только в молчании, не в интеллектуальной деятельности, но в молчаливой осознанности. Это совершенно другое измерение, и это истинное познание, познание себя. Но оно не может быть интеллектуальным, потому что интеллект - это нечто такое, что может достичь только внешнего; у него нет возможности достичь внутреннего.

Ты можешь увидеть все своими глазами, но не можешь увидеть - своими глазами - своих глаз. В зеркале ты можешь их увидеть, но это не твои глаза - это отражение. Твой интеллект способен познать все, что снаружи его, но ты - за интеллектом, и интеллект не имеет никакой возможности туда войти.

Это напоминает мне... когда Форд впервые создал автомобиль, в нем не было передачи заднего хода. Самой идеи заднего хода еще не возникло. И если ты отъехал от своего дома всего лишь на несколько футов, но должен вернуться, чтобы что-то взять, для этого нужно было бы объехать весь город. Это было слишком утомительным и глупым, это было пустой тратой времени. И он добавил передачу заднего хода.

Но что касается интеллекта, Бог - не Форд. У интеллекта так до сих пор и нет передачи заднего хода; он движется только вперед. Ты можешь направить его к самым дальним звездам, нет никаких препятствий; но он не может проникнуть вовнутрь тебя, что так близко.

Альберт Эйнштейн, может быть, самый разумный человек, который только исследовал звезды, умер несчастным, потому что не познал себя. И вот в чем было его несчастье: какой смысл знать

весь мир - знать все об электронах, протонах, нейтронах и дальних галактиках - и не знать о самом себе, кто ты такой?

Прежде чем умереть, он сказал:

- Если бы я родился снова, я стал бы водопроводчиком, а не физиком, чтобы у меня было достаточно времени, чтобы смотреть внутрь себя. Физика требовала слишком большой вовлеченности.

При помощи интеллекта ты можешь познать что угодно, но только не самого себя.

И, полагаясь только на интеллект, ты будешь отрицать душу - именно это делают атеисты, коммунисты. Причина в том, что они приняли за основу, что, чтобы быть истинным, нечто должно быть интеллектуально доказанным. А у интеллекта нет никакой возможности доказать сознание.

Сознание должно быть обнаружено совершенно другим образом. Интеллект - это мышление, а сознание обнаруживается в состоянии не-мышления - в таком предельном молчании, не тревожимом ни малейшим движением мысли.

В таком молчании ты обнаруживаешь само свое существо.

И оно безгранично, как небо.

И познать его, значит познать нечто действительно достойное знания; иначе все твоё знание - просто мусор. Оно может быть полезным, утилитарным, но оно не поможет тебе трансформировать свое существо. Оно не сможет привести тебя к осуществленности, к удовлетворенности, к просветлению, к точке, в которой ты можешь сказать: "Я пришел домой".

Любимый Ошо,

Что приносит человечеству обнажение бессознательного, как в психоанализе, - согласно тебе?

Почти ничего. Психоанализ - это бесполезное упражнение, потому что он ничего не меняет: он не создает нового человека, он не приносит покоя. Фактически, даже основатели психоанализа, такие как Зигмунд Фрейд, так боялись смерти, что невозможно поверить. Ни одно нормальное существо так не боится смерти. Основатель психоанализа так боялся, что даже слово "смерть" запрещалось произносить в его присутствии - это было табу. О нем нельзя было говорить. Три раза случалось так, что кто-то упоминал о смерти, и Зигмунд Фрейд падал в обморок, у него случался припадок, он терял сознание. Он так боялся смерти, что избегал бывать на кладбищах, не приходил, когда кто-то умирал, даже если это был друг или ученик. Когда происходило что-то, связанное со смертью, он впадал в полную панику - и этот человек учит психоанализу!

Его проблемы не были решены. Он злится, как и любой другой. Он ревнив, ревнивей кого-либо другого. Он жаден. Он хочет иметь монополию, он хочет командовать людьми. Он почти, что создает империю психоаналитиков во всем мире, но каждый из них должен повторять, как попугай, все, что говорит он сам. Любой, кто говорит что-то другое, немедленно изгоняется. Кажется, это не наука, а политическая партия или фанатичная религия - но не научное исследование.

И то же самое верно в отношении Юнга. Юнг приехал в Индию, чтобы с кем-то встретиться... потому что на Востоке люди работали над умом тысячи лет. Но они никогда не разрабатывали ничего подобного психоанализу; они разработали медитацию - совершенно другой подход.

Какой смысл в том, чтобы анализировать мусор ума? - разбирать его... это занимает многие годы. Некоторые люди проходили психоанализ в течение пятнадцати лет, но ни к чему не пришли. Они меняли психоаналитиков, в надежде, что, может быть, поможет кто-то другой, но так ни к чему и не пришли. Этого и не может быть, потому что все, что делает психоаналитик - любой школы, Адлера, Юнга или Фрейда, - это разбирает мусор твоего ума, истолковывая это согласно своему уму. И какой во всем этом смысл?

На Востоке мы не разрабатывали психоанализа, мы разработали медитацию. Медитация просто уводит тебя прочь от мусора, за пределы мусора - и о нем не стоит беспокоиться. Если ты хочешь им заниматься, ты можешь это делать многие жизни. Ты никогда не достигнешь конца.

Но если ты просто остаешься свидетелем своего ума, ничего не делая с умом, - просто оставаясь отстраненным, просто видя его, как будто мысли движутся на экране, и просто наблюдая их без всякого суждения, хорошего или плохого, - приходит странный опыт: мало-помалу мысли начинают исчезать. Вскоре наступает мгновение, когда есть только пустой экран -

мыслей нет. И когда нет никакого объекта, когда в твоём сознании нет никакой мысли, оно оборачивается к самому себе, потому что ему ничто не мешает; в этом в точности значение слова "объект" - то, что мешает, преграждает.

Когда нет никакого объекта, сознание... точно как все в существовании движется по кругу, движется по кругу и сознание. Оно возвращается к собственному источнику. И встреча сознания с его источником - взрыв света, величайшее празднование, на которое только способен человек, величайший оргазмический опыт.

И это не нечто такое, что происходит и кончается. Нет, как только это произошло, оно продолжается. Оно остается с тобой. Оно становится почти как твое дыхание. Ты живешь в этом двадцать четыре часа в сутки.

Юнг приехал в Индию в поисках кого-то, кто дал бы ему установить, что сделал Восток, чтобы создать столько людей, подобных Будде, - не одного, но сотни тех, кто вышел за пределы ума и всех его бед и проблем, забот и тревог. В чем же секрет? Он ходил в университеты, встречался с психоаналитиками, и везде ему говорили:

- Ты напрасно тратишь время. Эти люди - не те, кто тебе нужен. Эти люди учились психоанализу на Западе и преподают психоанализ в университетах. Ты приехал, чтобы найти кого-то, кто абсолютно не тронут Западом. И такой человек есть.

И такой человек был - Шри Рамана Махарши. Куда бы ни приезжал Юнг, - а он был в Индии три месяца, - везде ему называли одно и то же имя.

- Езжай в Аруначалу в Южной Индии и встретись с этим человеком, который необразован, который ничего не знает о психоанализе; это человек, которого смог создать Восток. Просто пойди и посиди с ним, поговори с ним, послушай его. Если у тебя есть какие-то вопросы, задай их ему.

Но вы будете удивлены: Юнг так у него и не побывал.

И позднее, чувствуя, что подвергнется критике, Юнг написал: "Я умышленно не поехал к Рамане Махарши, потому что у Востока свой путь, у Запада - свой, и они не должны смешиваться" - просто чтобы защитить себя от критики. Тогда зачем вообще было ехать в Индию? Снова и снова ему говорили посетить человека, что было редкой возможностью, но он этого не сделал, хотя доехал до Мадраса, откуда до Аруначалы было всего два часа езды!

Юнг не пришел к этому человеку, при одной встрече с которым он увидел бы, каков ясный человек, каков человек, полностью очистивший свой ум, - его глаза, его жесты, его слова, его авторитет. Он не цитирует писаний, он знает самого себя.

Юнг не пришел к нему и сам почувствовал себя виноватым. Чтобы себя защитить, он стал писать, что у Востока и Запада разные пути. Это чепуха, потому что человек - на Западе или Востоке - один и тот же. И странно, что он учил восточных студентов западной психологии. Он должен был бы им отказать, потому что это значило бы смешивать Запад и Восток. Если бы он был по-настоящему честен, то предложил бы им вернуться на Восток.

Он учил восточных студентов западной психологии, но не был готов прийти к восточному медитатору, просто встретиться с ним. Почему он боялся? Потому что он был точно таким же человеком, что и вы, - просто знающим. Он собрал многое из книг, но у него не было собственного подлинного опыта.

Западный психоанализ - это просто бизнес. Это обман людей. Это просто эксплуатация людей без оказания им какой-либо помощи, и люди идут на это лишь потому, что нет никакой другой альтернативы. Сами психоаналитики ходят к другим психоаналитикам. И психоаналитики сходят с ума чаще, чем люди какой-либо другой профессии! Они совершают больше самоубийств, они во всех смыслах более извращены.

Это очень странное явление. Это вообще не наука, это просто вымысел. Но это стало популярной профессией. Фактически, евреи упустили Иисуса, который создал величайшую фирму, христианство, - и евреи никогда не могли этого себе простить. Их собственный сын создал такую великую фирму, а они распяли бедного мальчика!

Зигмунд Фрейд и Карл Маркс - тоже евреи - попытались компенсировать упущенное евреями при распятии Иисуса. На этот раз Карла Маркса не распяли. Как и Зигмунда Фрейда. Они выучили урок, что распятие обходится дорого: весь бизнес попадает в чужие руки!

Total. - Здесь и далее приводится английский оригинал слова или фразы, которые имеют особенный смысл, или смысловой контекст которых требует нетрадиционного перевода или непонятен без пояснения. - Прим. перев.

To object - мешать; object - объект. - Прим. перев.

Глава 2

Начни путешествие с сердца

Любимый Ошо,

Когда ты так красиво говоришь о просветлении, пробуждении и сновидении, для меня сновидение настолько реально, что даже представить себе пробуждение кажется невозможным. Меня изумляют твоя красота, твоя милость, твоя любовь, твое понимание, но быть в твоём присутствии кажется мне такой невероятной ситуацией, что, должно быть, это либо мечта, либо странное совпадение. Жизнь стала такой, что, что бы ни попросил, это дано. С тобой я осыпаем столькими дарами, что волшебная сказка продолжается и продолжается. По мере того как лениво течет жизнь, я перехожу от одной забавы к другой. Такой образ жизни кажется таким легким и приятным, и желание просветления кажется таким далеким. Пожалуйста, прокомментируй.

Хорошо, что желание просветления кажется далеким, потому что желание просветления – величайшее препятствие к тому, чтобы его достичь.

Это один из извечных вопросов искательной истины. С одной стороны, мастера постоянно говорят: «Достигни просветления», с другой стороны, они говорят: «Не желай его». И это было великой головоломкой для бедного ученика. Мастер говорит и то, и другое: желай его и не желай его. Желай его, потому что это единственная вещь, которой стоит желать; не желай его, потому что желание становится преградой.

Чтобы не создавать вам головоломок, мой образ действий был другим. Просто быть с вами, говорить и говорить, просто отдавать вам все мое сердце и создать ситуацию, в которой вы можете испытать нечто от вкуса просветления... даже этого небольшого вкуса просветления будет достаточно, чтобы остановить тебя здесь и сейчас, в этом мгновении. Ты забудешь все желания, включая просветление.

Если можно создать ситуацию, в которой ты так блажен, так удовлетворен, что на мгновение у тебя в уме нет желания, ты выучил великий урок - что если это состояние не-желания может продолжаться каждое мгновение, тебе не стоит беспокоиться даже о просветлении: оно придет к тебе. Не ты должен к нему идти. Это не предмет, который где-то сидит, и которого ты должен желать, и искать, и тяжело работать, и идти к нему. Это просто твое собственное состояние, когда нет желания.

Это отсутствие желаний - самое блаженное состояние из всех возможных, и просветление - другое его название. Достаточно узнать его хотя бы на одно мгновение, потому что жизнь никогда не дает тебе два мгновения разом; мгновение всегда одно. И если ты знаешь этот секрет, эту алхимию трансформации этого мгновения, ты знаешь и весь секрет трансформации жизни, потому что следующее мгновение тоже будет таким же. Ты можешь сделать с ним то же самое, что и с предыдущим; ты можешь продолжать жить в безжеланности.

Находясь в моем присутствии... Я использую его как средство, чтобы не создавать у тебя в уме замешательства и смущения. Я могу дать тебе вкус, и тогда этот вкус позаботится о тебе. Во-первых, желание просветления будет казаться таким далеким, и мало-помалу ты совершенно забудешь о нем, потому что ты будешь в нем; оно будет в тебе. И конечно, поначалу это выглядит как прекрасный сон, потому что мы привыкли к реальности и ее уродству. Мы знаем красоту только во снах.

Поэтому, когда происходит нечто подобное, даже когда ты совершенно пробужден, это ощущается как сон. Реальность не может быть такой питательной, такой безмерно прекрасной, такой волшебной: в реальности не может быть такого волшебства. Но я говорю тебе: реальность гораздо волшебнее любого сна. Она красивее любого сна; она поэтичнее величайшей поэзии мира.

Реальность, которую мы знаем, - не истинная реальность, это реальность, видимая сквозь уродливый ум, который проецирует себя на реальность. Мы не видим реальности; мы всегда видим ее окрашенной нашими собственными предрассудками, идеями, всем нашим умом. И даже это мы всегда видим на бегу. Мы никогда не расслабляемся. Мы всегда на бегу, сами не зная, куда направляемся. Будто бы нам чего-то не хватает, и мы пытаемся это где-нибудь отыскать, ищем во всех направлениях. И мы нигде этого не найдем, потому что этот ум всегда будет между тобой и реальным, искажая реальное.

Если ты восприимчив в моем присутствии, если ты любишь, ум на мгновение покидает тебя - он должен тебя покинуть. Происходит нечто более важное, чем твой ум. Именно это значит любовь. Ты можешь даже пожертвовать собой - в доверии ты жертвуешь умом, и в то мгновение, когда ум отложен в сторону, и ты видишь реальность лицом к лицу, она так прекрасна, так невыразимо прекрасна. И конечно, в эти мгновения ты почувствуешь, что даже не хочешь быть просветленным. Если эта реальность может продолжаться и продолжаться всегда, что еще может дать тебе просветление?

И ты прав, потому что это начало просветления. Ты получил только проблеск, но даже этот проблеск заставляет тебя отбросить желание просветления - и отпадение желания делает просветление легким и возможным. Это просто происходит. Однажды внезапно ты просыпаешься утром, и ты не тот же человек, что и раньше, и с изменением тебя изменилось все существование. И тогда дело не в том, что что-то сделать, чтобы его удержать; оно остается с тобой.

Фактически, даже если ты захочешь его отбросить, то не сможешь. Ты не можешь вернуться назад; ты можешь двигаться только вперед. И однажды приходит тот день в твоей жизни, когда просветление становится настолько естественным для тебя - точно как дыхание, как биение сердца, как движение крови по жилам - что ты даже не чувствуешь его. Кровь движется очень быстро, круг за кругом от ног до головы, но мы даже не чувствуем ее; мы родились с нею, мы к ней привыкли.

Когда просветление становится просто естественным явлением, раскрывает двери последняя тайна: человек выходит за пределы просветления. Выход за пределы просветления означает просто стать обычным, стать частью этой безграничной вселенной - без всякой претензии, без всякого превосходства, без всякого эго. Человек просто растворяется в океане реальности, точно как капля росы на утреннем солнце, соскользнувшая с листа лотоса в океан.

Просветление все еще удерживает нечто оставшееся от тебя... очень хрупкая, но все же сохраняется некоторая идея «я». И это просветление дает тебе превосходство, ты чувствуешь превосходство. Поэтому нужен последний шаг, когда даже эта мельчайшая частичка «я» растворяется... теперь нет ни превосходства, ни унижения: тебя нет. Есть существование. Будда называет это нирваной. Он подобрал наилучшее слово.

Любимый Ошо,

Раньше я слушал тебя без понимания и чувствовал полное блаженство - и я слышал, как ты говоришь, что это правильное слушание. В последнее время мной владеет интенсивное желание понять, что ты говоришь. Впервые мне грустно; кажется, я двинулся не в ту сторону. Но мне и хорошо: это щекочет мою голову, и она интенсивна и жива. Могу ли я что-нибудь сделать, кроме как наслаждаться этим?

Не нужно больше ничего делать. Если ты этим наслаждаешься, ты слушаешь меня из сердца. Это переполнение любовью, понимание без слов. Ты не пытался понять; ты никогда не использовал ум. Это хорошо, очень хорошо - именно так должно начаться путешествие.

Когда сердце совершенно наполнено радостью, оно начинает переполняться во всех направлениях; ум не отделен от него. Именно это происходит: внезапно ты начал слушать с попыткой понять, и чувствуешь, что твоя голова испытывает странную щекотку. Это значит - нечто течет из переполненного сердца, потому что эта щекотка невозможна в понимании только слов. И если ты чувствуешь радость, наслаждаешься этим, тогда нет никаких проблем: просто сердце и ум сонастраиваются; их конфликт растворяется, их противостояние исчезает. Вскоре они станут одним целым.

Тогда само слушание, - это, и то, и другое - оно достигает твоего сердца, как вибрация, как дрожь, как понимание; и то, и другое соединено с тобой. Проблема возникает, только когда голова

начинает путешествие. Это скупец. Прежде всего, многих вещей она не может понять, но притворяется, что понимает, и это создает фальшь. Она ничего не может дать сердцу; она даже не осознает сердца. Она не умеет давать, она умеет только брать; она жадна.

Ты удивишься, узнав, что английское слово *greed*, жадность, происходит от санскритского корня. В санскрите стервятник называется *гридха*. Гридха и жадность происходят от одного корня. Ум - это стервятник. Это важно понять, потому что стервятник всегда прилетает на труп, когда кто-то мертв.

Если ты будешь в Бомбее, стоит посмотреть на парсское кладбище. Это одно из самых красивых мест, точно посередине Бомбея. Парсы сохранились только в Бомбее. Изначально они происходили из Персии, и отсюда происходит индийское слово парси, парс. Не желая обращаться в ислам, они бежали и остались в Бомбее. С тех пор все их существование в мире ограничивается пределами Бомбея, потому что вся Персия была обращена в ислам - насильно.

Когда они пришли впервые, место, выбранное ими под кладбище, находилось за пределами Бомбея. Но Бомбей интенсивно рос, и теперь это место в самом центре - густой лес. В парсском кладбище есть нечто странное: очень большой колодец, а на колодце железные прутья. Труп кладут на прутья, чтобы он не упал в колодец. Прилетают стервятники и поедают труп, и только кости падают в колодец. Колодец полон костей - а он очень большой. И ты увидишь, что на всех деревьях сидят стервятники, ожидая чьей-то смерти. Они живут только смертью.

Странно, что ум тоже живет чем-то мертвым, не живым. Когда ум начинает путешествие, он думает, что пытается понять смысл, но на самом же деле убивает смысл. Все, что было живого в этих словах, выпущено; впитывается только мертвое. Именно это я имею в виду, когда называю кого-то интеллектуалом. Это означает, что он собрал множество мертвых костей, но совершенно не испытал вкуса жизни. Он полон словами, но он сам придает им смысл; он не берет смысл у них, и все путешествие движется не в том направлении.

Если человек начинает с ума, он остается привязанным к уму. Он собирает слова, становится эрудированным, интеллектуальным, но это не разум. Его первый шаг - начать с ума - неразумен. Я никогда не встречал разумного интеллектуала. Это кажется абсурдным, потому что обычно мы считаем интеллектуалов разумными людьми, но это неправда. Интеллектуалы живут только мертвыми словами. Разум этого не может. Разум отбрасывает слово - это труп - и берет лишь то, что в нем есть живого.

И хорошо начать путешествие с сердца. Путь разумного человека - это путь сердца, потому что сердце не интересуется словами; его интересует лишь сок, что приходит в консервных банках слов. Оно не собирает консервные банки; оно просто выпивает сок и выбрасывает банки. Ум делает противоположное: он выбрасывает сок и собирает консервные банки. Консервные банки кажутся красивыми, и огромная коллекция банок делает человека интеллектуальным гигантом.

Если ты начинаешь путешествие с головы, ты будешь ходить, ходить и ходить кругами внутри головы. Твоя голова распухнет; ты станешь более эгоистичным.

Хасья спрашивала меня: «Почему мы не приглашаем интеллектуалов, писателей, литераторов, профессоров, чтобы они тебя поняли?» Вот в чем проблема: они не могут понять. Хорошо, если они читают мои книги; может быть, они смогут собрать какие-нибудь слова, какие-то консервные банки, но в моем присутствии они почувствуют себя неловко, потому что все ударение я делаю на соке, не на банках. Я изо всех сил пытаюсь заставить вас отбросить банку и просто взять сок.

Сердце умеет пьянеть, сердце умеет давать, сердце умеет делиться. Ему хочется делиться даже с умом. А когда сердце делится с умом, все совершенно по-другому, потому что у сердца нет консервных банок; оно может делиться только соком. Если ум хочет принимать, ему придется принимать сок. Именно поэтому ты испытываешь щекочущее чувство. Вскоре сердце наполнит и ум таким же соком. Оно наполнит все твоё тело этим щекочущим ощущением. Это танец каждой клетки твоего существа.

То, что происходит, очень хорошо - и это происходит; ты этого не делаешь. Действие всегда подозрительно; происшествие никогда не подозрительно. Поэтому, когда что-то происходит, иди с этим - иди тотально, ничего не оставляя позади, и ты всегда будешь двигаться в более глубокое благословение, в более глубокое блаженство.

Я пришел в восторг, когда однажды ты сказал: «Поначалу я был большинством в единственном лице».

Всегда ли истина торжествует?

Даже сегодня я представляю большинство в единственном лице. Я умру большинством в единственном лице!

Истина - это не нечто такое, что может стать коллективным; она остается индивидуальной. Коллективная масса не без причин так боится человека истины, - потому что истина никогда не может стать коллективной; коллективной бывает только ложь. Даже истины одного человека достаточно, чтобы поджечь весь лес лжи, потому что тысячи заблуждений не могут противостоять одному-единственному утверждению истины.

У заблуждений нет никакой жизни; они мертвы. Это только бремя - они не приносят никакой свободы, они не дают никакой радости; они просто обременяют тебя настолько, что ты теряешь всякую надежду когда-либо стать свободной индивидуальностью и принимаешь порабощение. И именно в этом их функция.

Каждое общество, каждая религия, каждая цивилизация лжет и развращает умы своих детей всевозможной ложью, и естественно, наполненные этой ложью массы становятся очень испуганными. А истина подобна пожару; они не могут смотреть ей в лицо. Истина - это всегда индивидуальное открытие; так было всегда и всегда будет в будущем. Это большинство в единственном лице.

Я называю это «большинством», потому что, хотя это и один человек, он не в меньшинстве. Его истина так сильна, что весь мир может быть на другой стороне... и даже тогда его истина не может быть уничтожена. Человека можно уничтожить - общество пыталось уничтожить многих прекрасных людей, просто чтобы уничтожить их истину. И все же они не поняли того факта, что можно уничтожить человека, но нельзя уничтожить истину.

Истина сохранится. Однажды обнаруженная, она не исчезнет. Можно разрушить того, кто первый ее нашел; кто-то другой станет ее проводником. Истина найдет дорогу в самых дремучих дебрях лжи. Она всегда торжествует. Истине требуется время, но для нее время не имеет значения; она всегда торжествует.

Ложь украшена всевозможной косметикой, но все же это ложь. Ты можешь придать ей вид настоящей вещи, но это только видимость. Стоит лишь немного посмотреть на нее, и ты найдешь, что она ненастоящая, нереальная. И в то мгновение, когда человек понимает нечто как ложное, ложное падает замертво. Оно было мертвым - всегда было мертвым, родилось мертвым, - но ты никогда не смотрел на это.

Любой истине требуется время, чтобы восторжествовать, потому что дебри лжи так густы. Все интересы, круговая порука защищают ложь, и все власти всегда на стороне лжи.

Каждый новорожденный ребенок рождается в мир лжи. Но все же, поскольку истина составляет само существо жизни, ее нельзя победить. Ее победу можно отложить - на годы, даже на века, - но однажды внезапно ты должен осознать, что вел себя и жил неправильно...

Лишь несколько дней назад я слышал - Анандо принесла вырезку из газеты, - что Папа впервые за две тысячи лет, пришел в синагогу и сказал, что неправильно было осуждать все еврейское сообщество за распятие Иисуса Христа; было также абсолютно неправильно осуждать, убивать и уничтожать евреев все эти двадцать веков в отместку за то, что они убили Иисуса Христа.

Несомненно, они за это не ответственны. И никто в будущем не будет считаться, только потому что он еврей, ответственным за распятие Иисуса. Ответственными были эти несколько человек, но не значит, что всех евреев всегда нужно осуждать, убивать, уничтожать. Евреи поверить не могли, что Папа говорит эти слова через две тысячи лет постоянных преследований, убийств, зверств - но истина рано или поздно должна быть признана.

Это просто глупо. За это ответственны несколько человек, но они умерли; им нельзя отомстить. Прожило и умерло много поколений, но по-прежнему считалось, что за это ответственны евреи, и их травили, преследовали, убивали по любому поводу.

Папа принял этот факт, но это еще не победа истины - выиграна только битва, не война. Если бы он понял этот факт, он должен был бы изменить всю библейскую историю. Грех Адама и Евы, их непослушание - их собственная ответственность, но каждый христианин рождается в грехе из-за их греха. Что же теперь делать с Адамом и Евой?

Несомненно, если бы Папа понимал смысл того, что он сказал, он должен был бы набраться храбрости и сказать: «Мы отменяем библейскую историю». Адам и Ева были ответственны. Бог мог бы их наказать - это их дело - но прошло шесть тысяч лет, согласно Библии, и каждый христианин по-прежнему рождается в грехе и должен быть наказан, потому что Адам и Ева совершили грех. Мы в родстве с ними через многие тысячи поколений. Но мы к этому совершенно непричастны; мы этого не делали, и нас никто не спрашивал.

Человек должен осознавать, когда он что-то говорит, все смысловые следствия своих слов. Если Папа говорит, что евреи не ответственны за распятие Иисуса, тогда ни один христианин не рождается в грехе только потому, что Адам и Ева ослушались Бога. Если бы он принял это смысловое следствие, лишь тогда его слова имели бы значение. Иначе все это остается политикой: это не имеет ничего общего с истиной, он просто добивается большей политической поддержки со стороны евреев.

И евреям опасно его поддерживать, потому что, в конце концов, эта поддержка выльется в то, что он проглотит весь еврейский народ. Он начнет говорить: «Мы ничем не отличаемся друг от друга. Иисус был евреем, а мы – последователи Иисуса, вы евреи - мы ничем не отличаемся». И у него есть шестьсот миллионов католиков. Если он не признает, что библейская история неправильна, тогда ему придется взять свои слова назад и признать, что это политическая стратегия.

Этого никогда раньше не случалось, но я слышал анекдот о том, что каждый год Папа и верховный священник евреев встречаются на дороге, на полпути к дому друг друга. Они встречаются на середине дороги, и смотреть их встречу собирается огромная толпа. Встреча протекает очень утонченно. Еврей кланяется Папе и дает ему свиток. Папа читает написанное в свитке, отдает его обратно, кланяется еврею, и встреча оканчивается. Люди всегда недоумевают: «В чем же дело? Что сообщают друг другу эти двое? И что в этом свитке?»

Каждый год один и тот же свиток передается, читается и возвращается обратно, и тысячи людей собираются смотреть в надежде, что узнают его секрет. В конце концов, люди приходят к верховному священнику евреев и спрашивают:

- В чем секрет?

Верховный священник смеется и говорит:

- Никакого секрета нет: это счет за Тайную Вечерю. Он все еще не оплачен, и нам приходится представлять его каждый год. Может быть, какой-нибудь Папа оплатит его, но обычно они просто возвращают его обратно.

Никаких других встреч не было. Этот приход Папы был просто политическим жестом. Если бы была какая-то признанная им истина, он должен был бы признать ее во всех ее смысловых следствиях. Это способ узнать, действительно ли признана истина. Истина должна быть признана со всеми своими смысловыми следствиями; иначе для ее признания есть какая-то другая причина - помимо самого признания истины.

Я сказал, что начал путешествие большинством в единственном лице, и сегодня я должен сказать, что и окончу свое путешествие большинством в единственном лице - по той простой причине, что не могу передать вам истину. Если благодаря каким-либо моим средствам ты откроешь ее, то тоже станешь большинством в единственном лице.

Но сама истина имеет такую силу, что ее достаточно, чтобы дать одному человеку достаточно храбрости, чтобы выстоять против всего мира. Истина дает храбрость, потому что истине присуще внутреннее качество: «В конце концов, я выйду победителем». Может быть, ты не сможешь увидеть меня победителем, но ты находишься в начале чего-то такого, что победит. Радуйся этому.

Любимый Ошо,

Говорят, что когда пингвины, стоя на айсберге, хотят купаться, они начинают тревожно всматриваться в глубь воды, чтобы убедиться, что нет опасности со стороны морских львов. Мало-помалу, столько пингвинов присоединяется и начинает всматриваться в воду, что возникает давка, и в конце концов, одного из пингвинов случайно сталкивают в воду, и если первый пингвин не выныривает, все отскакивают и теряют всякий интерес к купанию. Только если первый пингвин появляется вновь, целый и невредимый, все они радостно ныряют вслед за ним.

Вы не пингвины, и вы ни в каком смысле не такие. Но массы именно такие. В этом разница между массами и искателями. Даже если я утону, вы не оставите меня; особенно в тот момент, когда я тону, вы не сможете меня покинуть: вы все нырнете вслед за мной.

Есть узы, которые никогда не обсуждались, и о которых никакие стороны не подписывали никаких соглашений: ваша жизнь - часть моей жизни, а моя жизнь - часть вашей. Такой же будет и моя смерть. Вы радостно прыгнете вместе со мной, вместо того чтобы спастись и всегда чувствовать себя виноватыми.

Нет, вы не как пингвины. Но массы именно таковы; они наблюдают, и если что-то успешно, они этому следуют. Если кто-то терпит неудачу, они просто смеются и называют его дураком.

Когда братья Райт делали первый самолет, их считали сумасшедшими даже в их собственной семье: «Кто и когда слышал о самолетах? Зачем вы тратите время впустую?» Соседи, родственники и все и вся донимали их требованиями прекратить заниматься ерундой. Никто не хотел слушать того, что они хотели сказать, никто не стремился понять их планов. А они были бедными людьми, у которых не было большой лаборатории для работы. Их отец был торговцем велосипедами.

Днем они не могли работать, только ночью... В их доме был подвал, в котором отец складировал запасные и поломанные части велосипедов. У них был только мусор, и из этого мусора они сделали свой первый самолет. Он был сделан из деталей велосипедов.

Теперь проблемой было, что они не могли летать в подвале. И они вынесли самолет ночью, тайком, и рано утром, когда всходило солнце, вдалеке от деревни испытали его. Они сами не были уверены... потому что раньше никогда ничего подобного не случалось. Но он работал! Всего шестьдесят секунд он оставался в воздухе, но они добились успеха. Секрет был у них в руках. Если это возможно на шестьдесят секунд, возможно и на шестьдесят часов; это не слишком большая проблема - формула остается прежней. Нужно только улучшить механизм.

И они объявили всему городу: «Сегодня вечером мы проведем эксперимент. Приходите все и посмотрите на наше безумие!» Сначала они сделали это одни - только двое братьев: один на земле, другой в самолете. И в этот вечер почти весь город - и не только город, но и приезжие из соседних городов, - собрались посмотреть на их полное посрамление. «Эти идиоты думают, что они взлетят!»

Но они были потрясены, увидев, что те добились успеха: снова самолет поднялся в воздух на шестьдесят секунд, и братья Райт спросили:

- Ну что вы теперь скажете? Кто из нас сумасшедший? И немедленно все заговорили:

- Эти мальчики гениальны! Это наши мальчики, из нашего города, из нашей области.

И семья обрадовалась. Семья устроила вечеринку, потому что «наши мальчики добились успеха».

Братья Райт были очень удивлены. Что случилось? Никто не называет нас сумасшедшими; внезапно мы стали гениями! Люди собираются смотреть со всего мира... великие ученые, великие производители, которые заинтересованы в том, чтобы получить секрет и выпускать самолеты. Маленький городок стал местом паломничества.

Массы функционируют точно как эти пингвины. Если ты в чем-то добиваешься успеха, все становятся на твою сторону. Если ты в чем-то терпишь поражение, все против тебя. Если ты успешен, каждый скажет:

- Мы так и знали, что ты добьешься успеха. Разве я этого не говорил?

А если ты потерпишь поражение, те же самые люди скажут:

- Мы же всегда тебе говорили: не будь дураком, ничего не выйдет.

Массы функционируют точно как пингвины, или наоборот: пингвины функционируют точно как массы. Но не вы. Вы уже пришли сюда, чтобы быть со мной, вопреки всему миру. Вы со мной вопреки всему миру.

Дело не в том, чтобы воображать, что вы сделаете; вы уже сделали это.

Быть со мной значит быть в опасности. И эта опасность будет продолжать возрастать, сначала потому, что люди, которые хотят меня остановить, которые хотят меня искалечить, чтобы я не мог работать, вскоре придут в отчаяние - и они способны на все. У них есть вся возможная власть; одной только истины нет на их стороне. У них есть вся власть, но существование не с ними. Они могут причинить любой вред мне и моим людям, но не могут причинить никакого вреда истине. И

я решительно намерен сделать истину как можно острее, прежде чем мне будет причинен какой-то вред.

Есть многое, что я еще хотел бы сказать, но ситуация не позволяла мне этого. Но мы найдем ситуации, которые позволят мне это сказать; мы приложим все усилия. И я не вижу, почему бы существованию не поддержать нас.

Только посмотри: нас изгнали из Европы - из одного аэропорта в другой, из одной страны в другую. В то мгновение, если ты думал об этом, это было бедствием. Но сейчас вы знаете: существование защищало нас. Хорошо, что они нас не впустили; теперь они сидят под облаком смерти. Если бы они нас приняли, мы подверглись бы той же опасности.

Мы должны послать им благодарственные письма со словами: «Вы поразительны! Как вам удалось узнать, что случится такое бедствие, и позаботиться о том, чтобы эти прекрасные люди не подверглись опасности?»

Глава 3

Очарованные неведомым

Любимый Ошо,

Последнее время я чувствую, что мой ум словно сходит с ума. Он будто бы пытается постичь все, что только возможно, особенно во время лекции, когда я сижу с тобой в молчании. Это ощущается так, словно ему остается все меньше и меньше того, за что он мог бы держаться, о чем он мог бы думать, и он создает самые безумные вещи. Часть ли это твоей работы, или не схожу ли я с ума?

Ты сходишь с ума!

Но это тоже часть моей работы.

Просто не бойся сойти с ума, потому что это безумие случается лишь с редкими индивидуальностями; это не что-то распространенное. Это не ненормальность, это выход за пределы ума; и ум чувствует безмерный страх, потому что выход за пределы ума подразумевает выход из известного в неизвестное. Если ты в маленьком пространстве, которое кажется освещенным, то выйти за его пределы, значит выйти в темноту. А ум обучен всему в жизни. Выйти за пределы и лишиться его лампы кажется опасным.

Это та же самая опасность, которую каждый ощущает, рождаясь. Мать испытывает боль из-за ребенка, из-за того, что ни один ребенок не хочет рождаться. Он живет в уютном доме, самодостаточный, без всяких тревог, без ответственности, в полном блаженстве. Внезапно его выбрасывают из него. Он знает только это маленькое пространство; оно было его миром, и он абсолютно им доволен. Его выбрасывают из него во что-то неизвестное, незнакомое. Это ощущается почти как смерть. Ребенок сопротивляется выходу из чрева; это сопротивление создает боль для матери. Ребенок не расслабляется и не позволяет себе выйти из утробы легко - он борется. Это начало борьбы.

Теперь он будет бороться всю жизнь. И это также начало страха перед неизвестным. В этом есть реальная рациональность, потому что ребенок никогда не попадает в мир лучший, чем тот, которого он лишился в утробе. Он попадает в несчастный мир. Он понятия не имел о страдании. Он никогда не знал никакого напряжения; все было так, как должно было быть. Теперь все так, как быть не должно, и всю жизнь он будет пытаться воссоздать тот комфорт, которого лишился.

Это желание комфорта, роскоши, красивого дома, любящей атмосферы есть не что иное, как просто воссоздание вокруг себя еще одной утробы - утробы, которой ты лишился. Ты делаешь все, чтобы ее воссоздать, но ничто не помогает; ничто не приносит успеха в том, чтобы снова дать тебе утробу. Это дает уму полную гарантию: никогда не позволяй ничего неизвестного; никогда не выходи за пределы границ известного - это опасно. И выйдя за пределы, ты больше не можешь вернуться обратно, потому что ты не смог снова войти в утробу. Это не сознательные идеи, это твое бессознательное чувство.

Поэтому, сидя в молчании, может быть, ты почувствуешь страх, подойдя к линии границы. Может быть, ты зацепишься за что угодно, чтобы не лишиться известного и не потеряться в

безграничном неизвестном. Ты не хочешь совершить ту же ошибку, которую совершил, когда родился. Бессознательное все еще несет в себе этот шрам.

В лучшей системе образования мы будем учить каждого ребенка, что это была не жизнь. Тебе было комфортно, но не было приключения, не было вызова. Все следы страха вхождения в неизвестное должны быть удалены из бессознательного правильным образованием. Тогда подход будет совершенно другой. Каждый раз, приближаясь к неизвестному, ты почувствуешь безмерную радость, волнение, вызов к открытию. Ты не будешь цепляться.

Но не так было до сих пор. Вся система образования мира не касается ваших главных психологических проблем. Она не заботится о том, чтобы дать вам психологическую свободу. Этот вопрос даже не ставится.

Я был на конференциях профессоров, вице-канцлеров, педагогов, на которых они обсуждали, как улучшить систему образования. И я говорил на каждой конференции:

- Все, что вы говорите, - вздор: вы не касаетесь главного вопроса. Кто-то говорит, что студенты не послушны, что студенты не дисциплинированы, что они не проявляют уважения к профессорам, - как заставить их проявлять уважение и быть послушными?

Вас заботит поверхностное, и вы более озабочены собой, своими проблемами, своими тревогами, чем безграничным миром молодого поколения. Вы никогда не говорите об их психологической свободе.

И если вы можете начать такой процесс, - что возможно, - в котором каждый студент станет психологически свободным от страха перед неизвестным... Вместо того чтобы внушать страх, неизвестное очаровывает его, он влюбляется в него, пускается в романтическое приключение в мир за пределами маленького ума. Если вам это удастся, они будут вас уважать. Вы дали им такой подарок, что они не смогут относиться к вам иначе как с уважением. Они будут послушными, потому что будут знать, что вы не эксплуатируете их. Если вы пытаетесь сделать их психологически свободными, как вы можете их эксплуатировать? Они будут вам доверять.

Эти поверхностные проблемы вы продолжаете обсуждать каждый год на каждой конференции... Одни и те же решения каждый год, и все ваши решения создают еще больше проблем, потому что эти решения - третьесортные. И все они одни и те же: быть строже, исключить студентов, которые непослушны, наказать тех, кто создает проблемы. Ваши решения делают людей еще более непослушными, настраивают их против вас.

Ситуация стала такой, что студенты воспринимают себя как класс, противостоящий классу учителей. Они ведут классовую борьбу, точно как бедные и богатые. Они заставляют свои союзы бороться, точно как другие союзы, профсоюзы. Сейчас есть студенческие союзы, вся цель которых состоит в том, чтобы защищать студентов и бороться с учителями, с учреждениями. Вы не решаете проблем, вы их создаете.

Они слушали меня, но я всегда чувствовал, что говорю со стенами, потому что это не проникало за их твердые лбы. Достучаться до них было почти невозможно. Они были так полны знания, что не хотели слушать, особенно того, что было для них новым.

А это такая простая вещь. Травма рождения - одна из самых важных вещей в жизни, потому что это начало, семя всего, что произойдет позднее; мы должны устранить эту травму.

Иначе человечество останется прежним - всегда боящимся неизвестного, испуганным, не храбрым, не ищущим приключений, не ищущим и не находящим новых пространств.

Наш сознательный ум - очень небольшое пространство; под ним - огромный мир, над ним - огромный мир. Оба они должны быть исследованы. Если ты падаешь вниз, то становишься ненормальным, по-настоящему сумасшедшим. Но если ты выходишь за его пределы, твое безумие будет величайшим возможным здоровьем.

Человек, который может достичь высочайшего пика сознания, накапливает новые потенциалы, и самое важное - что теперь он может двигаться вниз. У него достаточно света, чтобы идти в темные места, куда до сих пор он идти не мог. До сих пор сущим безумием было бы упасть ниже ума, потому что ум был небольшим освещенным пространством. Падая оттуда, ты падаешь только в темноту. И темнота становится гуще и гуще, и ты начинаешь терять всякую способность вернуться обратно.

Но если сначала ты достиг высших уровней ума - сверхсознательного, коллективного сверхсознательного, космического сверхсознательного, - тогда у тебя столько света, ты - сам свет. Теперь ты можешь пуститься в путешествие в подземный мир бессознательного, коллективного бессознательного, космического бессознательного. И куда бы ты ни шел, темнота исчезает. Ты

становишься единым целым, спектром семи уровней - целиком полным света. Это я называю просветлением.

Теперь ты не можешь сойти с ума. Теперь в тебе нет страха; даже смерть не страшна. Фактически ты достиг осуществления своего изначального желания: ты снова в утробе существования, снова без забот, без ответственности, без напряжений, в предельном расслаблении - просто доверяя существованию, куда бы оно ни вело. Куда бы оно ни вело, это хорошо.

У тебя нет никаких требований, у тебя нет никаких желаний, у тебя нет никакой цели. Ты отдал все тревоги существованию. Теперь ты достиг предельной утробы. Именно поэтому просветленный человек может жить и умереть в абсолютном расслаблении. Теперь жизнь или смерть не имеют значения; он - часть вечности, часть самого этого вселенского существования.

Поэтому не беспокойся, когда приближаешься, в молчании, к этой линии границы. В молчании это гарантировано; в молчании ты не можешь подойти к той границе, на которой человек падает. В молчании ты приближаешься к той точке, из которой ты можешь только выйти за пределы.

Когда твой ум в великой боли и тревоге, ты приближаешься к границе, с которой можешь упасть. Поэтому это нужно помнить как критерий: чем более ты полон мыслей, тем ты ближе к безумию - всего еще один шаг.

У Халиля Джебрана есть одна история. Один из его друзей сошел с ума. Он был гением, а гении всегда в опасности сойти с ума по той простой причине, что их гений используется только для большей и большей интеллектуализации, и это удерживает их в близости границы. Оттуда стоит сделать лишь шаг, и они лишатся всякого рассудка.

Этот гений оказался в сумасшедшем доме, и Халиль Джебран пришел его навестить. Они были близкими друзьями. Когда он пришел, его друг сидел в саду. Он узнал Халиля Джебрана и предложил ему сесть рядом на скамейку. Прежде чем Халиль Джебран успел его спросить, как он чувствует себя в этом сумасшедшем доме, друг спросил его:

- Расскажи мне что-нибудь о том сумасшедшем доме, который снаружи. Ты пришел прямо из сумасшедшего дома, который называешь миром. Расскажи мне что-нибудь об этом большом сумасшедшем доме; что там происходит?

Халиль Джебран был потрясен. Он сказал:

- Ты думаешь, я пришел из сумасшедшего дома? А где же, по-твоему, ты сам?

- Я - с немногими нормальными людьми, оставившими мир. Мы защищены этой стеной. О нас заботятся врачи и медсестры, потому что нас осталось так мало. Весь мир сошел с ума; мы - единственная надежда. Иначе кто бы о нас заботился? О нас так заботятся - это достаточное доказательство.

- Будет хорошо, - прошептал он на ухо Халилю Джебрану, - если ты тоже притворишься сумасшедшим и попадешь в это место. Это потрясающее место. Каждый занимается своим делом; никто не вмешивается в жизнь никого другого.

Сейчас здесь осталось очень мало народу - всего пятнадцать человек. Они уважают друг друга настолько, что даже не говорят: «Доброе утро» - чтобы не вмешиваться в чужую жизнь. Они не здороваются. Каждый занимается своим собственным делом, делает что хочет. Никто не задает никаких вопросов, подобных: «Зачем ты это делаешь?» Это больше никого не касается. Каждый в полной мере и единолично ответствен за собственную работу.

Когда кто-то говорит, никто не спрашивает: «С кем ты разговариваешь?» Так принято, что никто ни с кем не разговаривает. Даже во внешнем мире каждый разговаривает сам с собой; другой — это только повод. Здесь люди очень честны и искренни. Им не нужно никакого повода. Они говорят в одиночестве и отвечают за обе стороны. Они подлинны. Они просто говорят правду.

Я люблю это место. Приходи поскорее - прежде чем ты сойдешь с ума, как весь этот мир. Там опасно жить.

Халиль Джебран по дороге домой думал:

- Может быть, он прав, потому что этот мир кажется сумасшедшим домом.

Сумасшедший дом выглядел более здравым, более молчаливым. Люди делали всевозможные вещи в одиночестве. Кто-то улыбался, кто-то смеялся, но для улыбки не нужно было никакого повода. Ты хочешь улыбаться - и улыбаешься. Во внешнем мире, чтобы засмеяться, сначала ты должен найти для этого какой-то предлог. Нельзя смеяться без причины; иначе тебя сочтут сумасшедшим.

В своем дневнике он пишет: «В ту ночь я не мог заснуть. Этот сумасшедший друг потревожил меня настолько, что я начал подозревать... кто знает, может быть, он прав, а все мы неправы. И он так уверен».

Сумасшедшие люди всегда очень уверены. Сумасшедшие люди никогда не подозревают, что они сумасшедшие, - это не часть сумасшествия. Только здоровые люди могут начать тревожиться, что, может быть, они ненормальны.

В мире сумасшедшего и нормального человека нет никакой качественной разницы - разница лишь количественна. Сумасшедший, вошедший во тьму бессознательного, лишь на шаг впереди тебя, или на два шага, но никакой другой разницы нет.

Поэтому хорошо, что ты боишься... когда ты полон мыслей, слишком много мыслей, ты очень близок к безумию. Но когда ты молчалив, не нужно бояться. Ты очень близко к настоящему здоровью - лишь еще один шаг, и ты коснешься мира сверхсознательного. И как только ты пережил, испытал лишь немного от сверхсознательного, тогда ты больше не можешь этим удовлетворяться. Это создаст большую и большую жажду большего и большего сознания. Она будет утолена, только когда ты достигнешь космического сознания, за пределами которого ничего нет - и оттуда ты можешь начать путешествие вниз, в несознательное.

Именно в этом заблуждаются западная психология и психоаналитики. Я не могу с ними согласиться. Они говорят людям идти прямо в бессознательное, вынести сновидения из бессознательного. Сами того не зная, они играют с огнем. И это вы можете видеть: на Западе сходит с ума больше людей, чем на Востоке, больше людей живет в тоске и тревоге. Все должно быть наоборот, потому что у Запада есть все, а у Востока - ничего, кроме бедности, голода, болезней, смерти. Но даже среди болезни, смерти, бедности, голода, кажется, больше удовлетворенности, расслабления.

У Запада есть все, но кажется, в нем так много напряжения, что тысячи людей решают умереть по той простой причине, что, по крайней мере, они избавятся от этих напряжений жизни. И самые талантливые люди, гении, более всех уязвимы. Почти каждый гений на Западе время от времени посещает сумасшедший дом. И многие из них прошли психоанализ, просто чтобы оставаться нормальными. Просто остаться нормальным - это превратилось в цель.

Говорить о просветлении - все равно, что говорить о том, чтобы достичь звезд; даже быть нормальным стало трудно. Люди выскальзывают из нормального состояния ума. Они хотят просто остаться нормальными. И психоаналитики, самое большее, могут помочь тебе за годы работы просто быть нормальным, не более того. И это не гарантирует, что ты останешься нормальным; небольшая случайность, и ты можешь соскользнуть обратно.

Даже твой психоаналитик ненормален. Он ходит к другому психоаналитику, чтобы оставаться нормальным. Все психоаналитики постоянно проходят психоанализ у других психоаналитиков, чтобы оставаться нормальными.

Я слышал о человеке, очень богатом человеке, который начал терять рассудок и испугался. Он стал брать сеансы у самого дорогого психоаналитика, но он был достаточно богат, чтобы заплатить любые деньги. Стоимость зависела от длительности сеанса. У этого богатого человека не было никаких проблем... он брал двухчасовые, трехчасовые, четырехчасовые, пяти-, шестичасовые сеансы. Лежа на кушетке психоаналитика, он продолжал без конца говорить вздор.

Психоаналитик испугался. Слушать этого человека шесть часов было опасно, потому что ночью он начал повторять его мысли во сне. Это было ясным знаком, что что-то нужно предпринять: «Это уже слишком. Я не могу сам оставаться нормальным, если этот человек будет продолжать в том же духе. И, кажется, этому нет конца; у него достаточно денег, и для него неважно, сколько времени длится сеанс».

И психоаналитик должен был найти такое решение, чтобы не лишиться пациента, который был настоящим золотым дном, но в то же время и не лишиться собственного рассудка, потому как, что бы тогда он стал делать с этим сокровищем? Тогда ему пришлось бы отдать все эти деньги другим психоаналитикам, чтобы они очистили его собственный ум. И он сказал этому богатому человеку:

- Вы занимаете так много времени, что я не могу заботиться о других пациентах. И вам нужно все это время, поэтому я не могу предложить сократить его. Я нашел другое решение: я поставлю здесь магнитофон, чтобы вы могли говорить, сколько хотите, а потом ночью, когда я освобожусь, я прослушаю эти записи.

- Лучше и не придумашь, - ответил богатый человек. - У меня нет никаких возражений.

На следующий день психоаналитик, входя в свою контору, увидел, что богатый человек выходит из нее. Он спросил:

- Что случилось? Контора только что открылась, а вы обычно уходили вечером.

- Я подумал, что мне тоже нужно заботиться о делах, о предприятиях и фабриках, поэтому ночью, когда у меня было время, я наговорил все на магнитофон, и теперь мой магнитофон рассказывает все это вашему магнитофону. А ночью вы можете послушать. Таким образом мы сохраняем и мое время, и ваше.

Но таким образом человеку нельзя помочь. Магнитофоны, говорящие друг с другом, слушающие друг друга, не помогут. Но время драгоценно. И психоаналитики, хотя это и самая оплачиваемая профессия, находятся в постоянной опасности, потому что они окружены опасными людьми с опасными идеями - они их могут подхватить. Ум подхватывает идеи. Иногда у тебя появляется идея, от которой ты хотел бы избавиться, но не можешь.

У одного человека была идея, что какие-то странные создания ползают у него по телу. Никто их не видел, кроме него, но он все время их с себя сбрасывал, постоянно разговаривал с ними и сбрасывал их с себя. В конце концов, люди от этого устали. Его семья устала:

- Тебе нечего с себя сбрасывать. Мы ничего не видим, никаких существ.

- Вы не понимаете, - говорил он. - Они невидимы; как вы можете их увидеть? К своему несчастью я их вижу. Что я могу сделать?

И он постоянно их сбрасывал, потому что они по нему ползали. Его семья привела его к психоаналитику, и тот сказал:

- Не волнуйтесь. Я излечил многих подобных пациентов.

На седьмой день психоаналитик все еще продолжал настаивать, что эти существа - только воображение пациента. Семь дней он постоянно повторял:

- Это только ваше воображение. Нет никаких существ. Я их не вижу; никто их не видит. Будьте немного бдительнее, и они исчезнут.

- Я попытаюсь, - сказал этот человек, но он продолжал их сбрасывать, сидя рядом с психоаналитиком. Внезапно психоаналитик сказал:

- Идиот. Перестань! Ты сбрасываешь их прямо на меня! Вчера вечером я начал их видеть. Всю ночь я не мог уснуть. Теперь они ползают и по мне. Это твоих рук дело. Пожалуйста, прости меня; тебе придется найти какого-то другого психоаналитика, потому что у меня дети, жена, родители, и я должен о них заботиться. Я не могу заботиться об этих невидимых существах. И у тебя достаточно наглости! Ты сидишь прямо передо мной и сбрасываешь их прямо на меня, - и психоаналитик тоже начал их сбрасывать.

Если ты продолжаешь слушать настойчивого сумасшедшего, - сумасшедшие очень настойчивы и упорны в своих утверждениях, - рано или поздно они создадут эту убежденность и в тебе. Кто знает? - может быть, он прав: невидимые существа действительно существуют. И однажды ночью в темноте ты почувствуешь, что по тебе что-то ползет, и эта идея войдет к тебе в ум... и тогда от нее будет очень трудно избавиться.

Вся трудность психоаналитиков в том, что сначала они стали спускаться вниз. На Востоке мы попытались сделать противоположное: сначала подняться вверх, в высшие уровни, в сияющие уровни. И когда ты совершенно интегрирован, и ничто не может тебя потревожить, - твое молчание крепко, как скала, - тогда ты можешь двигаться в царства под сознательным умом, и с тобой будет свет.

И в каждый зал бессознательного ты принесешь свет. Ты можешь обнаружить там и сокровища, но эти сокровища может обнаружить только человек, достигший высочайшего сознания. Лишь у него есть глаза и разум, чтобы найти сокровища бессознательного.

Тебе не нужно беспокоиться. Если в молчании ты приближаешься к месту, в котором тебе кажется, что ты сходишь с ума, - сойди с ума, со всеми моими благословениями. Просто сойди с ума, потому что никто не может сойти с ума в молчании. Молчание так защищает, что ты можешь только становиться более и более здоровым; ты не можешь сойти с ума. Но когда ты полон мыслей, будь бдителен, осознавай - ты очень близок к сумасшедшему.

Как только ты пересек черту нормальности, кажется, что становится легче соскользнуть в ненормальные, безумные состояния, и ты будешь менее и менее способен к контролю. Достаточно небольшого толчка, и ты можешь соскользнуть в бессознательное, потому что оно всегда у тебя внутри.

В эти мгновения, когда ты до такой степени полон мыслей, медитируй. Попробайся быть наблюдательным, чтобы эти мысли исчезли. И когда ты в молчании, и приходит зов неизвестного, следуй ему. Иди, куда бы он ни вел.

Любимый Ошо,

В чем различия или, может быть, сходства между латиханом и самогипнозом?

Латихан - это хороший метод, но он ближе к динамической медитации, чем к самогипнозу. Его функция в том, чтобы привести тебя в состояние, в котором ты тотально сдаешься существованию и позволяешь двигаться энергии тела, не согласно уму, но согласно вселенскому духу.

Просто встань в пустой комнате, в расслаблении, с закрытыми глазами, и жди. И внезапно ты почувствуешь, что твоя рука движется, голова движется - тогда не останавливай ее, двигайся вместе с ней. Но и не преувеличивай. Если рука движется лишь настолько, не заставляй ее двигаться дальше, потому что тогда ты снова станешь делающим.

Латихан значит - дать себе полную свободу (Let go). Твои телесные энергии сонастраиваются с вселенской энергией, и что-то случается с твоим телом: ты можешь начать танцевать, ты можешь начать вращаться, может быть, начнут двигаться твои руки, может быть, начнут двигаться твои ноги. Может быть, ты начнешь говорить слова, сам не понимая их смысла, и не зная, есть ли вообще какой-нибудь смысл, или они принадлежат какому-то языку, которого ты не знаешь.

Но ты не должен вмешиваться, ни останавливать, ни помогать процессу; в каждом случае ты потревожил бы его. Ты просто должен устраниваться... и это кажется опасным, когда случается в первый раз. Точно так же, как ты боялся безумия, ты испугаешься, потому что ты покажешься себе сумасшедшим. Внезапно ты высовываешь язык без всякой причины, без причины шевелишь головой, прыгаешь, танцуешь, совершаешь странные упражнения, которых никогда не воображал и о которых даже не думал.

Но всего лишь сорок минут латихана дадут тебе поразительно хорошее самочувствие. Ничто другое не даст тебе настолько хорошего самочувствия. И если ты добавишь к латихану еще одно, чего нет в латихане... Именно поэтому мне пришлось создать динамическую медитацию - это латихан плюс нечто другое, потому что в латихане ты совершенно потерял. Я хочу, чтобы ты оставался свидетелем. Не будь делающим. Не подталкивай себя ни к какому действию, ни к чему себя не принуждай, ничего не предотвращай. В латихане не хватает только одного - это индонезийский метод... Не хватает одного, и это свидетель, потому что без свидетеля он может быть опасным.

Латихан оказался опасным для многих людей. Может быть, через сорок минут ты не сможешь остановиться; водоворот энергии может оказаться слишком сильным. Ты можешь испугаться того, что не сможешь остановиться. Если ты продолжаешь больше сорока минут, это может тебя изнурить. А если ты изнурен - это тяжелое физическое упражнение, - вместо того чтобы хорошо себя почувствовать, ты можешь потерять сознание. И придя в себя, ты найдешь, что все твое тело болит, вместо того чтобы почувствовать себя освеженным, ты почувствуешь себя разбитым, тебя будет тошнить; все пищеварение будет расстроено. Это не укрепит, а ослабит тебя. Иногда люди сходили с ума, делая это, - они не могли остановиться.

И опасность в том... поскольку ты не был свидетелем, это иногда может начаться, когда ты к этому не готов, - на улице, в магазине, где угодно. Ты не хозяин метода, потому что ты не свидетельствовал его. Над ним никого не было. Поэтому его может создать любая ситуация - где угодно, в любом месте, - и это покажется очень странным и неудобным. Попробуешь ли ты это предотвратить или начнешь это делать, это будет неловко.

Поэтому я не за то, чтобы практиковать один только латихан. Это хороший метод, но к нему должно быть присоединено свидетельствование, чтобы ты мог остановиться, когда захочешь, чтобы он не мог случиться когда угодно, в любое время, сам по себе. И если есть свидетельствование, тело расслабляет свои напряжения, выбрасывает свои напряжения.

Ты удивишься тому, что наши тела тоже накапливают напряжения: например, ты хотел кого-то ударить, но не ударил. Твое тело готово, мышцы напряжены, потому что тело и мышцы просто слушаются ума. Твой ум хотел ударить этого человека, рука была готова ударить этого человека, но ум всегда расщеплен. Ваши религии говорят: это нехорошо, это насилие; не делай этого.

Одна часть твоего ума говорит: «Это преступление. Ты можешь напрасно попасть в беду». Другая часть ума говорит: «Ты можешь ударить этого человека, но он может оказаться сильнее тебя. Он не будет просто стоять и принимать твои удары, а потом не попросится и не пойдет домой. Он тоже набросится на тебя, и ты будешь напрасно избит; зачем создавать такую ситуацию?»

Но твоя рука готова. Энергия достигла мышц, пальцев, распространилась по руке. Ты остановил ее по какой-то причине: ненасилие, страх, он выше тебя, он твой начальник - по какой-то причине ты остановился. Но что случится с этими напряжениями?

Твоя рука готова; энергия не может вернуться обратно. Нет никакой системы, которая позволила бы энергии, готовой выразиться, вернуться обратно к своему первоначальному источнику. Она останется у тебя в запястье, в пальцах, в руке. Такая энергия накапливается в разных частях тела - поэтому работает латихан. В латихане такая энергия начинает двигаться, и может быть, ты начнешь бить врага, которого нет.

Но свидетель абсолютно необходим, чтобы твое тело избавилось от всех накопленных напряжений, и ты почувствовал свежесть, прекрасное ощущение хорошего самочувствия. Во-вторых, эти сорок минут свидетельствования даже важнее, потому что тебе легче будет увидеть, что ты - не тело; ты его не контролируешь, ты ничего не делаешь, ты ничего не предотвращаешь. Ты можешь увидеть, что оно не имеет ничего общего с тобой, что оно движется само по себе. Тебе может быть легче разотождествиться. В этом превосходство динамической медитации перед латиханом.

Латихан тоже может помочь кому-то, у кого не слишком много напряжений в теле, не слишком много подавлений в уме, но найти таких людей очень трудно. Это старый метод. Сейчас каждый полон напряжений. Было время, еще двадцать лет назад... латихан стал всемирным движением и был привлекателен для каждого, но мало-помалу он исчез. Он и должен был исчезнуть, потому что он создавал больше проблем, чем решал. Он давал людям больше безумия, чем помощи.

Чего-то главного не хватало, и по той простой причине, что с человеком, который представил миру латихан, он случился естественно: просто оставаясь однажды один в лесу, он нашел, что происходят какие-то движения. И просто из интереса, что это за движения и почему они происходят, он позволил им случиться. Но в нем не было больших напряжений. Он был простым человеком, - и в особенности подобные люди всегда просты, - он был лесорубом.

Лесоруб никогда не накапливает в себе никакого насилия. Он совершает столько насилия каждый день, рубя деревья, что нет никакой возможности того, чтобы его руки накапливали энергию, чтобы кого-то ударить. Лесорубы, рыбаки, фермеры - для них латихан может быть совершенно подходящим, потому что их тело уже делает так много. В нем ничего не остается. Тогда десять или пятнадцать минут латихана кончаются, и они чувствуют себя хорошо. И у них такая работа, что даже если это случается на ферме, на озере или в лесу... нет никаких проблем, если это начинает происходить само собой.

Но в мире, если это начинает происходить у тебя в конторе... если внезапно ты запрыгнешь на стол, и начнется латихан, люди вызовут полицию. Из-за латихана ты окажешься в тюрьме и никому не сможешь объяснить, что это нечто духовное. Никто не поймет твоей духовности - это было сущим безумием, ты был способен на все. Ты - опасный человек.

И подавленной энергии так много, потому что в современной цивилизации люди целый день сидят на стуле. Тела не созданы для этого. Человек в своей основе - охотник. Его тело создано для того, чтобы преследовать убегающего оленя. Ты видел бегущего оленя? Они летят, как стрела, и охотники могли их догонять. Тело создано для того, чтобы тяжело работать - восемь часов, двенадцать часов, - и тогда о проблеме напряжений в теле не было и речи. Латихан хорошо подходил бы этим людям. Может быть, несколько минут, и они почувствовали бы себя очень свежими, будто бы приняв душ, - но не современный человек.

Вы столько накапливаете, что могли бы продолжать латихан многие часы... и тебя ничто не контролирует, потому что ты полностью отбросил себя. Ты не должен останавливаться, ты ничего не должен делать, поэтому ты почти придешь в состояние судороги. И ты будешь продолжать часами и, в конце концов, упадешь, может быть, в коме, без сознания. Может быть, ты проснешься сумасшедшим, или с действительно хорошим самочувствием, это зависит от случайности, и я не хочу, чтобы кто-то испытывал судьбу в таких случайностях.

Гораздо лучше поддерживать свидетеля, который всегда может тебя остановить, который позволит тебе всегда владеть собой, с которым ты будешь хозяином, чтобы это не начинало

происходить где угодно. Это принесет больше пользы твоему телу - столько же, что и латихан, - и для тебя самого сорок минут свидетельства будут безмерным благословением.

Латихан вскоре будет забыт, но свидетельство останется с тобой навечно и навсегда. Это - твоя природа.

Любимый Ошо,

Когда ты говорил о последней категории будд, о тех, кто на пути, ты сказал: «Кто примет его как мастера? Кто примет его как будду?» Любимый Ошо, мы.

Это я знаю, даже если бы ты ничего и не говорил. Но я хотел бы, чтобы весь мир признал это, потому что в самом этом признании произойдет трансформация всего человечества.

Вы будете трансформированы, но мир велик. Миллионы людей цепляются за свое невежество, за свои суеверия, глупости, и цепляются так крепко, что, кажется, трудно их от них отсоединить, заставить осознать свою ситуацию: что они - источник собственного несчастья, собственной тьмы - что они создали ад на земле, той самой земле, которая могла бы быть раем. Она все еще может быть раем.

Вы любите меня, и вы можете меня понять, но мир в большом масштабе закрыл для меня двери. Это точно то же, что эти люди делали всю историю. Для каждого, кто был способен принести им перемены, создать в них нечто новое, они закрывали двери. Это стало почти автоматической привычкой.

Поэтому, когда я спросил, кто признает такого человека пробужденным, освобожденным, просветленным и даже вышедшим за пределы всех этих категорий, мой вопрос был адресован этому миру, который закрывал свои двери для всех будд всех веков, во всех странах. Так трудно открыть их двери.

Вы видите, как это происходит. Этого никогда не случалось в таком масштабе, потому что никто никогда не работал с таким размахом. Каждый день мне приносят новости, что еще две или три страны тоже приняли решение отказать мне во въезде в них.

Вчера вечером Хасья плакала, потому что у нас кончаются страны. Я сказал:

- Не волнуйся. Это хороший признак; это признание. Они признали с определенностью одно: что если мы впустим этого человека в страну, вся ее структура развалится.

Но как долго они могут удерживать меня? Я готовлю вас всех. Они могут удержать меня, но не могут удержать вас. Вскоре я начну посылать людей, которые способны делать мою работу. Я найду способы.

Сегодня Вивек заплакала и сказала: «Ты говорить, что существование заботится, но на самом деле оно не заботится». Это нужно понять, потому что этот вопрос может возникнуть в умах многих других. Когда мы думаем такие вещи, у нас всегда есть требование, и если оно удовлетворено, значит, существование заботится. Вивек приводит примеры, в которых существование не позаботилось: «Сократ, Иисус, Аль-Хилладж Мансур... они были распяты и убиты, и существование не позаботилось. Вскоре и ты будешь распят. Как мы можем верить, что существование заботится?»

Эта проблема очень значительна. Я хотел бы сказать вам всем: именно так существование заботится. У Сократа не было требования. И, может быть, для Сократа это было лучшим способом умереть - потому что если бы он умер по-другому, с ним умерло бы и его учение. Его учение гораздо важнее его физического тела. И это физическое тело все равно однажды, умерло бы; оно не сохранилось бы навсегда. Может быть, он умер бы в тот самый день и без всякого отравления. Но отравление прояснило одно всему миру - что его учение сохранится, что его учение было признано опасным для старой сгнившей лжи. И он до сих пор современен.

Множество великих мыслителей случилось после Сократа, но они больше не современны. Существование позаботилось - но позаботилось по-своему, не согласно вашим желаниям, потому что если у вас есть желания, требования, вы не доверяете существованию. Доверие просто означает: что бы ни происходило сейчас и что бы ни произошло потом, это совершенно правильно.

Существование мудрее любой индивидуальности, потому что у индивидуальности есть лишь маленькое сознание. Даже если этот человек просветленный, он остается лишь каплей в безграничном океане существования. И то, что чувствует существование, правильно. Если оно

чувствует, что Аль-Хилладж Мансур должен быть убит, это правильно. Если оно чувствует, что Иисус должен быть распят, это правильно.

Доверие просто означает: что бы ни случилось, ты - за, радостно, не неохотно, не против воли - иначе ты упустишь всю суть, - но в танце, в песне, смеясь, любя.

Что бы ни случилось, это к лучшему.

Существование не может ошибаться.

Если оно не осуществляет наших желаний, это просто означает, что наши желания были неправильными.

Глава 4

Реальность всегда хрупка

Любимый Ошо,

В последнее время я часто испытываю чувство, что земля уходит у меня из-под ног. Мне кажется, что все, что я люблю или любил в прошлом, разрушается.

Недавнее бедствие на советской атомной электростанции болезненно подчеркивает, как хрупко и смертно все, что есть. Мои родители, мой сын, мой брат и сестра, мои друзья и любимые - все в опасности.

Мне так трудно постичь, что нет ничего, кроме этого мгновения. В страхе я спрашиваю себя: «Что же дальше?» Но кто спрашивает кого? Все кажется таким абсурдным и пустым. Иногда я чувствую, что схожу с ума.

Любимый Ошо, часть ли это роста или просто болезнь?

Времена бедствия заставляют тебя осознавать реальность такой, как она есть. Она всегда хрупка; каждый всегда в опасности. В обычные времена ты крепко спишь и поэтому не видишь этого: ты постоянно видишь сны, воображаешь прекрасные вещи, которые скоро наступят, в будущем. Но в мгновения, когда опасность непосредственна, внезапно ты осознаешь, что будущего, завтра, может не быть, и что это - единственное мгновение, которое у тебя есть.

Времена бедствия всегда несут откровение. Они не привносят в мир ничего нового; они просто заставляют вас осознать мир таким, как он есть, - они будят вас. Если ты этого не понимаешь, то сходишь с ума; если ты это понимаешь, то просыпаешься.

Это напоминает мне одну историю. У одного великого воина, одного из лучших фехтовальщиков страны, был очень преданный слуга. Он любил этого слугу и доверял ему. Когда он был далеко, слуга совершил ошибку... что было очень по-человечески. Вернувшись, этот воин пришел в такой гнев, что вызвал слугу на поединок, на дуэль на мечах - потому что не хотел его убивать. Совершенная им ошибка была достаточно велика, хотя он и не понимал этого. Он испортил одну из великих картин, чистя ее.

Воин сказал:

- Я тебя так любил, что не могу убить. Я дам тебе шанс: ты будешь драться со мной. Возьми этот меч и идем на место поединка.

Слуга сказал:

- Ты знаешь, господин, что я даже не умею держать меч. Лучше убей меня сразу; все равно ты меня убьешь - ты известный фехтовальщик. Мне никогда не выйти победителем из этой схватки.

Но хозяин был упрям. Он сказал:

- Тебе придется со мной драться.

Тогда слуга сказал:

- Тогда дай мне хотя бы один час. Мне придется пойти к мастеру, у которого я учился медитации, - просто чтобы отдать дань уважения, последнюю дань, потому что я не думаю, что выживу в схватке с тобой.

Ему было дано это время. Он пришел к мастеру. Мастер рассмеялся. Он сказал:

- Не волнуйся. Для тебя это хорошая возможность, потому что абсолютно определенно, что он, великий воин, убьет тебя. Ты ничего не знаешь о фехтовании, поэтому ты будешь убит. У тебя нет никакого будущего, у тебя нет никакой возможности победы, есть лишь это мгновение. Почему бы тебе не быть тотальным хотя бы однажды в жизни?

Я знаю этого человека, воина: он не оставит тебя в покое, если уже сказал, что это сделает. Но он дал тебе шанс, и я думаю, что это великая возможность.

Слуга не мог понять. Он сказал:

- Какая же это возможность? Он просто убьет меня! Я даже не умею держать меч, а он - один из великих чемпионов. Для него это будет просто игрой.

- В этом вся суть, - сказал мастер. - Он думает, что ты просто слуга; что ты можешь сделать? Он не будет бояться смерти; он не будет думать, что у него нет будущего. У него по-прежнему будет завтра и будущее. Он будет в обычном сонном состоянии.

Ты же - не будешь. У тебя нет никакого завтра, у тебя нет будущего: только это мгновение. Тебе нечего терять. Ты умрешь; так почему бы не быть тотальным и не дать ему хороший бой? И не беспокойся о том, что ты не знаешь фехтования. Используй это мгновение с тотальной интенсивностью.

Тем временем собралась вся округа. Пришел слуга. Конечно, воин оставался на обычном уровне сонности - для него убить этого человека казалось шуткой.

Но для слуги это не было шуткой; это был вопрос жизни и смерти. Он дрался так отчаянно, так тотально, что его хозяин начал отступать. Он никогда не видел... он дрался всю жизнь, но никогда не видел такого борца! Все воины, с которыми он сталкивался, жили в обычной реальности, в таком же сне, что и он; не было никакого страха, что с будущим покончено, или что завтра не наступит.

Но для слуги все подошло к концу, так почему бы не сделать все возможное? Он совершенно не знал этого искусства - но когда приходит конец, какая разница, правильно или неправильно ты атакуешь? И это испугало воина еще больше. Он умел сражаться с людьми, которые знали это искусство, - но этот человек ничего не знал. Он просто наносил удары со всех сторон, не понимая, что делает! Он был тотален и интенсивен, потому что это мгновение было последним, и он не хотел ни за что держаться. Зачем? - потому что в следующее мгновение наступит смерть.

И он был полностью пробужден - все его существо было тотально и интегрировано, - и он победил своего хозяина. Он не убил его, но хозяин упал. И слуга приложил меч к его груди и сказал:

- Что ты теперь хочешь? Я всегда любил тебя, я не могу тебя убить. Но признаешь ли ты поражение?

И впервые в своей жизни этот воин признал поражение.

Тысячи людей были свидетелями этой сцены. Они не могли поверить, что это удалось обычному слуге. И мало того, что он победил... в то же мгновение он бросил меч и сказал своему хозяину:

- Теперь я больше не твой слуга. Я нашел свой путь. Я тебе благодарен и всегда буду благодарен; именно благодаря тебе я проснулся.

Он стал просветленным человеком. В это мгновение он испытал тотальность своего существа, саму вершину своего существа.

Как ты используешь это мгновение, зависит от тебя: ты можешь впасть в панику, сойти с ума, испугаться, упасть и заплакать. Но это не поможет твоей семье, друзьям и любимым. Не поможет это и тебе.

Бедствие в России просто создало ситуацию, в которой те, у кого есть немного разума, начнут посвящать больше и больше времени медитации, потому что завтра действительно не неопределенно. Оно всегда было неопределенным, но теперь - больше чем когда-либо. Это бедствие, может быть, - только начало цепи бедствий, потому что этим атомным заводам не свойственна безопасность. Если что-то выйдет из-под контроля - а мы знаем, что на одном заводе это уже случилось, - никто ничего не может сделать, все просто беспомощны. Эти люди не могут контролировать энергию, которую создают.

То же самое бедствие может случиться в Америке, может случиться в Германии. Рядом с тем заводом, который сгорел, находятся еще два завода такого же возраста; они построены одним и тем же архитектором. Наверное, у них одни и те же недостатки. Очень вероятно, что вскоре взорвется и второй завод, а там недалеко и до третьего. Все эти бедствия могут вызвать панику у людей, работающих на других заводах; они могут потерять так называемый контроль за своим поведением. Они могут начать совершать ошибки, которых не совершали раньше, просто в лихорадочном, нервном состоянии. Дело только за тем, чтобы нажать на неправильную кнопку. Но ты можешь использовать это мгновение как великую возможность.

Ты знаешь старую пословицу: «Никогда не посылай спрашивать, по ком звонит колокол, - он всегда звонит по тебе». Когда кто-то умирает, церковный колокол сообщает об этом всей деревне. Но никогда никого не посылай узнать, по ком звонит колокол; он всегда звонит по тебе. Кто бы ни умер сейчас... каждая смерть - это твоя смерть, потому что каждая смерть - это напоминание, что ты не останешься навсегда. Каждая смерть - это возможность проснуться. Прежде чем придет смерть, используй возможность жизни достичь чего-то такого, что за пределами смерти.

Бесполезно беспокоиться, потому что ты только упустишь это мгновение и никому не поможешь. В опасности не только твои родители, друзья и любимые: в опасности весь мир. Дело только за тем... Кто-то в опасности сегодня, кто-то другой будет в опасности завтра - но опасность есть. Научись секрету, как трансцендировать опасность.

И вот в чем секрет: начни жить более полно, более тотально. Будь бдительнее, чтобы ты мог найти у себя внутри нечто такое, что недостижимо для смерти. Это единственный приют, единственная безопасность, единственная защищенность. И если ты хочешь помочь своим друзьям и семье, позволь им узнать этот секрет.

То, что случилось, случится снова и снова, потому что есть так много атомных станций, даже в неразвитых странах, у которых нет развитых технологий, которые технически до сих пор находятся в эпохе воловьих упряжек, отставая почти на две или три тысячи лет. Они не современны, поэтому эти последние технические достижения им незнакомы. Но они должны их строить, потому что другие строят, из соревнования и страха...

И это случилось в Советском Союзе, технологически современном. Что будет, если это случится в Пакистане или в Индии? У них нет никакого технического здравого смысла. Между ними и атомной технологией такое непреодолимое расстояние. Американские или советские технологи могут прийти, построить завод и передать им, но справиться с заводом будет трудно.

Я знаю, что в Индии есть люди, которые никогда не видели поезда, - и мне кажется, наверное, в Индии больше поездов, чем в какой-либо другой стране. Но о далеких местах они только слышали. Они видели самолеты, потому что они пролетают над ними по небу. Они никогда не видели тысяч технологических средств, которые мы используем, не осознавая того, что они были у человека не всегда. Это очень новые приспособления, но у нас нет связующего звена. У них нет никакого связующего звена с их прошлым, с их умом, с их привычками.

Вся технология в Индии была представлена англичанами в эти последние триста лет; иначе технологии не было бы вообще. В ней не было необходимости.

Я слышал... строили железную дорогу, первую железную дорогу - из Калькутты в Бомбей, чтобы соединить два самых больших города, - и один человек отдыхал под деревом, смотрел, как продолжается работа... индус. К нему подошел британский офицер и сказал:

- Ты можешь хорошо заработать, если присоединишься к работе. Я долго наблюдаю за тобой: ты приходишь, наслаждаешься, наблюдая, что происходит, но просто лежишь в тени под деревом.

- Но что я выиграю, заработав денег? - спросил этот человек.

- Заработав денег, - сказал британский офицер, - ты можешь расслабиться и отдохнуть.

- Странно, - сказал этот человек, - я уже расслабляюсь и отдыхаю. Поэтому, зачем делать себе труд и зарабатывать деньги? Что добавят деньги к моему расслаблению и отдыху?

И ответить на это нечего.

Такой была ситуация в Индии, прежде чем начался Британский Радж.

В семье работали не все; работали лишь немногие, кто хотел, любил работать. Остальные просто наслаждались: играли на флейте, ходили купаться, отдыхали под деревьями, лазали по деревьям, ели фрукты - потому что земля была так плодородна, а население - так малочисленно, что не было необходимости в том, чтобы работали все; это было не нужно. Одного работающего было достаточно на семью из пяти человек; остальные могли просто наслаждаться.

Индийский подход до сих пор остался прежним. Они все еще живут в прошлом... и вы дали им технологии, которые опасны, а в их руках - очень опасны. Это все равно, что дать мощную машину человеку, который только и умеет, что управлять воловьей упряжкой: неизбежно случится какой-то несчастный случай.

Я слышал об одном индийском радже. Он был богат, и поскольку у британских генерал-губернаторов и губернаторов были прекрасные машины, он тоже купил прекрасную машину. Он поехал кататься, но забыл, как тормозить, и в конце концов не нашел ничего лучшего, чем врезаться в дерево, чтобы остановить машину. Как иначе ее остановить? Машина остановилась, и он был очень доволен. Он приехал домой и врезался в дом! Люди собрались и стали спрашивать:

- Что ты делаешь?

- Это прекрасная машина, - отвечал он, - но только ее немного трудно останавливать. Для этого нужно дерево или дом - что-то, чтобы ее остановить; иначе она продолжает ехать. Но ничего страшного... у нас здесь достаточно деревьев и домов.

Бедствия будут. Это только начало. Используй эту возможность, чтобы проснуться, - вот все, что ты можешь сделать. Больше ты ничего не можешь сделать.

И скажи своим друзьям, чтобы и они использовали данную опасность как повод для медитации, потому что бедствие, случившееся на станции в Чернобыле под Киевом, - не что-то такое, что случилось и кончилось. Его последствия будут продолжаться десятилетиями, по крайней мере, тридцать лет. Дело не только в том, что какой-то дом сгорел, и все кончилось...

Вокруг Киева, особенно по всей Украине, где находится Киев... Украина - самая продуктивная часть Советского Союза, производящая зерно и другие продукты продовольствия. Но теперь в течение тридцати лет в Украине ничего нельзя будет выращивать.

Тридцать лет радиация будет влиять на фрукты, овощи, пшеницу, молоко... потому что коровы едят траву. И все живое: трава, пшеница, фрукты - немедленно накапливает радиоактивность; она становится ее частью. И когда ты ешь, она входит в твою систему.

Тысячи женщин беременны. Если в них вошла радиация, их дети родятся искаженными, слепыми, калеками, без мозга - все возможно. Лучше всего было бы, если бы они родились мертвыми; все остальное будет пожизненной трагедией. И это опасно не только для живых, но и для тех, кому еще предстоит родиться. И то же самое верно в отношении животных. Если они беременны, их детеныши будут калеками.

А правительства продолжают лгать. Вы можете увидеть, до какой степени могут лгать политики. Две тысячи человек погибло в чернобыльском бедствии, а Советский Союз объявил, что погибло только два человека. Можете представить себе масштаб?... Две тысячи человек погибло - были свидетели, видевшие своими глазами две тысячи трупов, вынесенных из горящего завода, - а Советский Союз объявляет по радио, что только два человека погибли, и все под контролем. Ничто не было под контролем.

На следующий день это стало очевидно: радиоактивное облако стало двигаться в другие страны, и уровень радиации возрос.

Человек может выдержать только определенный уровень - он возрос в двадцать раз, в сто раз, в двести раз в некоторых местах. В Вене он в двести раз превышал норму, в Лондоне - в сто раз, и во всех этих местах беременные женщины были в опасности - и не только они, но и их будущие дети. И это будет продолжаться: если этим детям будет позволено выжить, они создадут новых детей, и радиация будет постоянно воздействовать на них...

Это не небольшая трагедия; ее масштаб огромен. И многие вещи, сейчас неизвестные, выяснятся, когда пройдет время. Рыба в океане получит радиацию: ты ешь рыбу и получаешь радиацию. Вода станет непригодной для питья, потому что радиоактивный пепел легко оседает в воде. Атомная бомба, взорванная в Хиросиме и Нагасаки во второй мировой войне, была лишь небольшой игрушкой в сравнении с этими атомными реакторами и ядерными ракетами. Но даже сейчас последствия продолжаются, потому что они передаются от поколения к поколению. Вы не можете контролировать рыбу; она перемещается с места на место, и никто не знает, куда она переместится.

Советский Союз объявил, что на Украине не будут собирать урожай тридцать лет, но это значит, что на тридцать лет Советский Союз, одна из величайших стран, будет самой голодной страной. Ей придется зависеть от бедных стран. А для бедных стран, которые производят только продукты питания, все так сложно, что их продукты можно купить в обмен на оружие. Они хотят оружия.

Они готовы отдать свою пшеницу и еду в обмен на оружие, потому что они постоянно боятся, потому что их ближайшие соседи накапливают оружие. Поэтому Советский Союз будет продавать старые вооружения, которые будут бесполезны, если случится новая война, чтобы обеспечить себя продовольствием.

Еще одно такое бедствие... и все зависит от ветра. Вы не можете его контролировать; ветер может отнести облака, дым, радиацию в любом направлении, в любую страну, куда угодно. Поэтому бедствие повлияет не только на место, где оно случилось, и его окрестности. Оно может случиться где угодно, а вы можете находиться за тысячи миль от этого места, но все равно подвергнуться его влиянию, потому что радиацию может перенести ветер. И вы будете более

уязвимы, потому что вы не будете так бдительны и не предпримете никаких мер предосторожности.

Есть одно лекарство – и его используют впервые, - которое, по мнению людей, может предотвратить действие радиации, но его запасы кончились во всех странах. Люди умирают, чтобы добыть это лекарство, особенно в Европе, но его запасов не осталось, потому что никто не думал, что на него возникнет такой спрос. И никакая другая страна не хочет им делиться, потому что – кто знает? – может быть, облако начнет двигаться к ним, и они окажутся в таком же положении.

Опасности большая, но так как жизнь постоянно в хватке смерти, это хорошая возможность для осознанности. Иначе смерть приходит без предупреждения: внезапно она наступает, и у тебя нет ни единого мгновения. И даже в случаях, когда смерть определена: при раке и СПИДе, - врачи, семья, друзья, все пытаются скрыть тот факт, что она так близка... с хорошими намерениями, но хорошие намерения не помогут. Они только вредят человеку.

Человеку нужно позволить осознать:

- Твоя смерть наступит через месяц. У тебя больше нет никакой жизни, поэтому в этот месяц делай, что только возможно, чтобы получить некоторый вкус бессмертия.

Тогда, когда ты умрешь, не будет ни грусти, ни страдания - ты просто переместишься из одного тела в другое, или если ты станешь просветленным... Внезапное осознание смерти может сделать тебя просветленным.

Я расскажу вам историю. Экнатх, очень красивый мастер и поэт, жил в храме Шивы. Он был очень независимой индивидуальностью. А король был атеистом, и он был очень рационален и убедителен. Все его ученые и мудрецы пытались убедить его в том, что Бог существует. Казалось, не было никакого способа... и в конце концов они сказали:

- Пойди к Экнатху. Это единственный человек... может быть, у него получится.

Король отправился к нему инкогнито. Он пришел к нему утром; было девять часов, и Экнатх крепко спал. Король подумал: боже мой! И этот человек будет моим учителем? - потому что теисты и особенно святые просыпались до рассвета, а он крепко спал в девять часов! И мало того, его ноги лежали на Шивалинге, фаллической статуе Шивы. Король подумал про себя: «Даже я не могу коснуться Шивалинги ногами. Хотя рационально я думаю, что Бога нет, глубоко внутри я боюсь: кто знает? - может быть, он и есть. Кажется, этот человек зашел еще дальше, а эти придворные идиоты отправили меня к нему!»

Он стал ждать. Экнатх проснулся. Он спросил:

- Так зачем ты сюда пришел?

- Я пришел понять, есть ли Бог, - сказал король, - потому что по всем моим аргументам выходит, что его не существует. Но мой народ, друзья, семья - все они верят в Бога, и они захотели, чтобы я посетил тебя.

- Просто покажи мне твою руку, - сказал Экнатх.

Король подумал: кажется, этот человек действительно сумасшедший! - потому как, что общего с Богом имеет моя рука?

Экнатх посмотрел на руку и сказал:

- О Боге мы можем поговорить потом... но через семь дней ты умрешь. Я должен сказать тебе это прежде всего, потому что у меня не очень хорошая память, я могу забыть. Твоя линия жизни кончилась - осталось лишь семь дней. Теперь мы можем начать беседу.

Но теперь король не хотел беседовать; он испугался смерти. Он уже спускался по ступеням храма. Экнатх спросил:

- Куда ты?

- Теперь не нужно никаких бесед; у меня нет времени. Только семь дней! Я не могу терять время впустую в беседах.

Всего несколько мгновений назад он выглядел таким сильным, а теперь он дрожал и спускался по ступеням - всего семь дней?

Он добрался до дома и сказал:

- Я не знаю, что это за человек, но он великий хиромант, в этом нет сомнений. Он объявил, что через семь дней я умру. Он показал мне, что моя линия жизни заканчивается - остался лишь небольшой участок.

И зная, что он скоро умрет, он стал готовиться к смерти. Он перестал работать. Он лег в постель и стал слабым и бледным. Собрались все его родственники. Многие королевские семьи

были в родстве, поэтому собрание было большим. Он слабел и слабел с каждым днем: его голос становился тише, глаза гасли. Экнатх сказал:

- На седьмой день, когда солнце сядет, - кончено. Пришла твоя смерть.

И перед закатом вся семья заплакала, родственники заплакали.

Пришел Экнатх. Он спросил:

- В чем дело? Почему такой плач?

- Наш король умирает, - ответили они.

- Я хотел бы его увидеть, - сказал Экнатх. Он пришел к королю, потряс его и сказал:

- Проснись и посмотри на меня. Это была только шутка - я ничего не знаю о хиромантии! Даже та линия, которую я тебе показал, не была линией жизни. Я спросил других хиромантов, и они сказали: «По крайней мере, ты должен знать, где какие линии!» Ты не умрешь. А теперь проснись, посиди со мной, и мы можем побеседовать о том, о чем ты приходил со мной поговорить.

Король сказал:

- Теперь нет необходимости беседовать. Бог не имеет значения. За эти семь дней я понял, что имеет значение, - смерть была так близко, что я не мог продолжать спать, - мне пришлось проснуться. Я не мог тратить время впустую на ненужные мысли. Мне пришлось наблюдать свои мысли, пока они не исчезнут, и они исчезли.

Ты был прав: с заходом солнца - солнце садилось - человек, который пришел задавать тебе вопросы, действительно умер; я совершенно другой человек. Есть Бог или нет... меня это больше не заботит. Теперь в моем существе есть совершенно другое измерение. Я знаю свое бессмертие, я знаю свою божественность; что мне теперь до какого-то Бога? Все существование божественно.

Твоя шутка действительно сработала, но у тебя странные методы работы. Ты мог действительно меня убить. Если бы я не был достаточно бдителен, на закате я бы точно умер. Это было для меня так определено, что просто не могло быть по-другому. Но в метафорическом смысле это правда: старый человек умер, и я - новый человек. И меня совершенно ни в каком смысле не интересует Бог.

Экнатх сказал:

- Это правильно, это правильная религиозность.

И король сказал:

- Теперь я понимаю, почему такой человек, как ты, может спать допоздна, до девяти, положив ноги на голову Шиве. Теперь нет никаких проблем; я могу понять. Если ты чувствуешь собственную божественность, тогда статуя - это только камень. Тогда нет речи о том, чтобы вставать до рассвета. Когда бы ты ни проснулся, тогда и рассвет. Человек становится спонтанным.

Поэтому дело только в том, как это использовать - что бы то ни было. Используй это правильно. Бедствие велико, опасность велика, но велика и возможность.

Любимый Ошо,

Есть ли нечто подобное смеси гипноза и медитации? - потому что в твоём присутствии я чувствую себя, словно зачарованный, и все же осознаю все вокруг себя.

В моем присутствии это может случиться - смесь того и другого... молчание, в котором, кажется, словно тебя нет, и все же ты бдителен в каждой мелочи, что происходит вокруг. Мое присутствие - это совершенно другого рода гипноз, и одновременно - медитация.

Этого никогда раньше не пробовали. Если ты испытываешь только гипноз, то не можешь осознавать других вещей вокруг себя: ты уснешь, глубоко уснешь. Ты будешь слышать голос гипнотизера, но не будешь слышать больше ничего. Если ты медитируешь, ты станешь бдительным и будешь слышать все, что происходит вокруг, в ясной бдительности, но не найдешь этой сглаживающей мягкости, словно ты спишь и все же бодрствуешь. И именно это происходит в моем присутствии - одновременно.

Я не хочу, чтобы вы были под гипнозом; это старый и грубый метод. Я хочу, чтобы вы были в очень мягком гипнозе. Нет никаких попыток, тебя загипнотизировать, но поскольку ты так внимателен, слушая меня, это просто побочное следствие - ты настолько полностью осознан, что получаешь эффекты того и другого, лучшее от того и другого. Гипноз даст тебе гладкость, приятное ощущение расслабления, а бдительность сделает тебя свидетелем всего, что происходит вокруг. И они не будут противоречить друг другу. Мое усилие - создать эту синхронность.

Именно поэтому я не хочу снова создавать коммуну, но только школу, где я смогу разговаривать с группами людей. Тогда все они очень близко, и все они могут войти одновременно и в гипноз, и в медитацию.

Твое понимание правильно: именно это происходит. Это никогда раньше не испытывалось. Люди пробовали медитацию, пробовали гипноз - но всегда по отдельности. Поэтому в медитации есть некоторая сухость, в гипнотизме - бессознательность, но в этом новом сочетании появляются новые качества.

Есть медитация, но она не суха и безжизненна, потому что гипноз позволяет тебе чувствовать расслабление, покой, сон. Есть и гипноз, но в нем нет бессознательности, потому что медитация поддерживает в тебе бдительность. Никто никогда не пробовал этого сочетания по той простой причине, что эти две вещи считались противоречащими друг другу - как можно их сочетать? Но, как вы знаете, я человек противоречий, я не верю ни в какие противоречия; в моем понимании все противоречия могут быть взаимодополняющими. И медитация и гипноз вместе - гораздо более богатый опыт, чем может дать каждый из них по отдельности.

Любимый Ошо,

Если бы кто-нибудь меня спросил: «Кто хозяин этого дома?», я бы ответил: «Мой мастер, конечно. Он живет наверху». Но каким-то образом я чувствую, что если бы тебе задали тот же вопрос, ты бы ответил: «Я здесь только гость. Хозяина нет».

Правда ли это?

Это правда. Я могу быть вашим мастером, только если меня нет. Если я есть, тогда я не могу быть настоящим мастером; тогда я могу быть только эгоистом, эксплуатирующим людей.

Я - только гость. Это значит, что вы не можете принимать меня как должное. Сегодня я здесь, завтра, может быть, меня не будет. Сегодня я доступен, завтра, может быть, я не буду доступен. Сегодня я говорю, завтра - могу перестать говорить. Я непредсказуем. В этом смысле я только гость.

Индийское слово «гость» очень красиво; индийское слово - атитхи. «Титхи» значит «дата», а атитхи - тот, кто приходит, не давая даты, кто входит, не давая даты. Он приходит внезапно и внезапно уходит. Его приход и уход нельзя контролировать. Он приходит и уходит, как порыв ветра: приходит, ты чувствуешь его прохладу, и вот его нет. Ты не можешь его остановить. Если ты закроешь все двери и окна, чтобы он не мог выйти, никакого ветерка не будет; будет только застойный воздух.

Мастер так же свободен, как порыв ветерка.

И мастер отсутствует в том, что касается личности. Он только проводник - флейта, полый бамбук, - позволяющий существованию достичь тебя. Его функция не в том, чтобы что-то делать; его функция в том, чтобы не мешать существованию, достичь тебя. Он - не-делатель: он не может ничего поставить себе в заслугу. Он - только инструмент в руках существования. Какую бы песню, какую бы музыку существование ни захотело на нем сыграть, оно играет. В мастере нет никакой помехи, никакой преграды.

Поэтому ты прав: ты можешь сказать, что твой мастер живет наверху. Мастер всегда живет наверху. Но я не могу сказать, что я мастер; я могу сказать только, что я полый бамбук. Ты можешь сделать из меня флейту; существование может воспользоваться мною, чтобы спеть свою песню. Мое качество лишь в том, что я не встану у него на пути. Я позволю существованию во всей его чистоте коснуться твоего сердца.

Ничто из того, что я скажу или сделаю, не будет моим.

Вы видели мою подпись. Тысячи людей спрашивали меня: «Что значит эта подпись? На каком языке ты расписываешься?» Она ничего не значит! Это никакой не язык. Я отвечал по-разному, но, фактически, я не могу расписываться - меня нет. Поэтому я просто создал символ. Моя подпись ничего не говорит; она только символична. Она показывает что-то, но ничего не говорит, она ничего не значит. Это не мое имя.

Это величайшее благословение для мира - быть в том состоянии, когда ты можешь сказать: «Меня нет, есть только существование».

Глава 5

В то мгновение, когда истина идет на компромисс, она умирает

Любимый Ошо,

В Уругвае пришло все. Небольшая группа друзей, слушающих, как говорит молчание. Любимый Мастер, В чем суть дзэн?

Это один из важнейших вопросов, которые только можно задать. Маленькое слово «дзэн» содержит всю эволюцию религиозного сознания. Оно также символизирует свободу от религиозных организаций, от священничества, от любого рода теологии, от Бога. Это небольшое слово может воспламенить твое существо.

Сначала посмотри на историю этого слова, потому что это поможет тебе понять его суть. Слово дзэн - японское, но не японского происхождения; это японское произношение китайского слова *чань*. И вы должны помнить, что китайский и японский - не алфавитные языки, поэтому произношение различается. Даже в Китае у одного слова ты можешь найти сотни произношений - это огромная страна. И этот язык не алфавитный, а символьный. Именно поэтому так трудно изучить китайский или японский язык.

Чтобы действительно овладеть китайским языком, необходимо, по крайней мере, тридцать лет тяжелой работы. Так как это не алфавитный язык, ты должен запомнить значения, по крайней мере, миллиона слов - это минимум, потому что каждое слово - это отдельный символ. В алфавитных языках все проще. Один и тот же алфавит составляет разные слова, но алфавит остается прежним.

В китайском языке каждое слово независимо. Ты должен запомнить значение символа; язык - символический, образный. Но тогда очень трудно поддерживать одно и то же произношение; невозможно поддерживать одно и то же произношение, потому что у символа нет зафиксированного произношения. Ты найдешь, что в разных частях Китая одно и то же слово произносится по-разному.

Японцы могут читать по-китайски, но у них другое произношение. Китайский и японский языки, различаются только произношением - символы одни и те же. Но произношение настолько разное, что их нужно воспринимать как два разных языка.

Итак, именно символ *чань* японцы ухитряются произносить как дзэн. Но странным образом это слово подошло очень близко к изначальному. Слово *чань* - тоже не китайское. Оно пришло в Китай с буддистскими монахами около двух тысяч лет назад. Буддисты использовали язык пали; их слово было *джхан*. Оно стало китайским *чань*. Палийское слово *джхан* происходит от санскритского *дхиан*, у него долгая история путешествий по разным формам и смыслам.

Именно *дхиан* мы переводим как «медитация», чистая медитация, просто свидетельство. Нет речи, ни о какой религии. Не нужно никакого катехизиса. Тебе просто не нужно никаких предварительных условий. *Дхиан* совершенна в себе самой. Это начало и конец всей эволюции сознания, альфа и омега.

Люди знают, что такое молитва, потому что обычно все религии зависят от молитвы; *дхиан* - это прямая противоположность молитвы. Молитва направлена, адресована Богу, который является только гипотезой. Ты что-то говоришь, повторяешь мантру, что-то поешь, прославляя Бога. И это либо из страха, либо из жадности. Либо ты боишься и поэтому вспоминаешь Бога, либо тебе что-то отчаянно нужно, и ты видишь, что не можешь этого устроить, и поэтому просишь Бога помочь. Но страх и жадность не могут быть религией, и истина не может основываться на гипотетическом веровании. Если ты начнешь с верования, то и закончишь верованием; ты никогда не узнаешь, какова фактическая ситуация.

Дхиан - этому прямая противоположность, никому не адресованная - нет Бога, нет речи о страхе, нет речи о жадности. Это нечто такое, что приводит тебя вовнутрь. Молитва выводит тебя наружу, а все, что уводит тебя наружу, просто мирское - делаешь ли ты это в церкви, мечети или храме, не имеет значения. Если только ты не увлечен вовнутрь, к самому центру твоего существа... ничто другое не религиозно.

Таким образом, религия очень проста: это просто вхождение в свой собственный центр.

Дхиан - это процесс возвращения к себе: оставляя снаружи тело, оставляя снаружи ум, оставляя снаружи все - уничтожение всего методом «я не это», - пока ты не придешь к точке, где уничтожать нечего.

И страннее всего тот опыт, что когда ты уничтожил все, нет больше и тебя как старого человека, которым ты обычно был, старого эго, старого «я». Это было просто сочетанием всего того, что ты уничтожил. Мало-помалу, сам того не зная, ты разрушил свое эго. Теперь есть лишь чистое сознание, лишь свет, вечный свет.

Дхиан была принесена буддистами в Китай, но в Китае случилась великая трансформация, потому что Китай подвергся великому влиянию Лао-Цзы, и всем его учением было «тотально отпустить себя на свободу» («Total let-go»).

Гаутама Будда борется, чтобы войти в собственное существо; в предельной точке он приходит к тому, чтобы полностью отпустить себя, но это - последнее. Устав от всех усилий, борьбы, аскетических практик, в конце концов, он отбрасывает все. И в этом расслаблении случается то, чего он желал годами. Это происходит, когда в нем не остается желания этого. Лао-Цзы начинает с того, чтобы «полностью отпустить себя» - и это была красивая встреча.

Религии встречались и в других местах, но это было уродливо: мусульмане и христиане, мусульмане и индуисты, христиане и индуисты, но все их встречи были конфликтами, борьбой, насилием. Пролиталась кровь - в великих усилиях обратить друг друга!

Единственная религиозная встреча, которой можно восхищаться, случилась в Китае между буддистскими и даосскими монахами. Они не спорили, не сражались, не пытались никого обратить. Фактически, видя друг друга, они тотчас же поняли, что находятся в одном и том же пространстве. Из этого соединения буддизма с даосизмом родилась чань.

Это единственная встреча религий, о которой можно сказать, что она была дружественной, сострадательной, любящей. Не было совершенно никакого конфликта, не было даже спора, сущее понимание. В глубоком молчании те и другие смогли увидеть, что, хотя их пути и были разными, они прибыли к одной и той же вершине. У даосов не было для нее названия; они оставили ее неназванной. Буддисты дали ей имя, дхиан. Но оно было таким новым, что для него пришлось создать новый символ, и этот символ произносился как чань. Он остался кульминацией и синтезом двух величайших и наиболее высокоразвитых религий - но остался ограниченным буддизмом и даосизмом.

Когда он был принесен в Японию японскими искателями, он достиг новых высот; он освободился даже от буддизма и даосизма и превратился в просто дзэн. Он совершенно не нуждался в поддержке никаких буддистских доктрин; не нуждался он и в поддержке даосской философии. Он был так завершен и совершенен сам в себе, что в Японии дхиан, под именем дзэн, пришла к своему чистейшему качеству. Нигде больше в мире этого не случилось.

Сущность в свидетельствовании. Дзэн совершенно лишен всякой доктрины; у него нет учения. Человеку дзэн нечему учить; у него нет ни философии, ни религии. Он может только объяснить тебе путем различных средств молчание. Дзэн развил новые средства, которых не было ни в буддистской дхиан, ни в китайской чань.

Дзэн принял совершенно новое направление, новую свежесть, новое рождение. Даже даосам и буддистам дзэн кажется немного странным. Самые ортодоксальные смеются над ним, называя его абсурдным.

Я видел выдающихся буддистских монахов. Один был Бхиккху Шангхаракшита. Он был англичанин. Наверное, он стал буддистским монахом очень молодым; теперь он очень стар. Он живет в Калимпонге, как раз на границе Индии и Китая. У него есть небольшая коммуна, и он очень уважаем. Он написал прекрасные книги о буддизме, но когда я упомянул дзэн, он рассмеялся.

Я сказал:

- Изучив ваши книги, я так и знал, что вы рассмеетесь, потому что вы все еще привязаны к буддистской доктрине. Вы не можете воспринять, что дзэн существует без всякой философской поддержки. Не нужно никакой философской поддержки; это очень прагматичный и научный метод. Вы просто свидетельствуете тело во время ходьбы, курения, еды, слушания, говорения - что бы вы ни делали, просто будьте наблюдательны.

Есть хасидская история о Баал Шеме, основателе хасидизма. Среди ночи его потревожила какая-то философская проблема. Он вышел из дома. Дорога была пуста, и он стал ходить взад и вперед. Видя, как он ходит туда-сюда, из богатого дома вышел охранник и спросил Баал Шема:

- Что ты делаешь здесь, так поздно ночью, на пустой дороге?

Баал Шем сказал:

- Я хотел задать тебе тот же вопрос. Что ты делаешь здесь, среди ночи, когда дорога пуста?

И этот человек ответил:

- Сторожу.

Баал Шем обнял его и поблагодарил, но сторож спросил:

- Почему?

- Я нашел ключ, который искал. Я беспокоился и не мог решить эту проблему. Слово «сторожить» дало мне ключ. Ты - мой мастер.

Сторож сказал:

- Я не понимаю, о чем ты говоришь.

- Понимаешь ты или нет, неважно, но ты - мой мастер; ты дал мне ключ. Я тоже хочу сторожить. Сторож сказал:

- Если ты хочешь быть сторожем, я могу найти тебе работу.

- Ты не понимаешь, и не нужно об этом беспокоиться. Дело не в том, чтобы найти мне работу. Мое сторожение совершенно другое. Я хочу сторожить свои мысли.

Весь процесс очень прост: наблюдай свое тело, в действии, в бездействии; наблюдай свой ум, с мыслями, без мыслей; наблюдай свое сердце, с эмоциями, настроениями, без эмоций, настроений. И когда все это исчезло в наблюдении, твое наблюдение претерпевает радикальную трансформацию: оно наблюдает само себя, возвращается к самому себе.

Точно как все в мире движется по кругу... - каждая энергия движется по кругу, а наблюдение - это энергия. Если ей ничто не преграждает путь, она неизбежно возвращается к самой себе. Это выражается разными способами. Старик становится ребенком... это сознание, снова возвращающееся к своему источнику. Высвобождается безмерная невинность.

Шангхаракшита обычно приходил ко мне, когда наши пути пересекались; он обязательно оставался со мной хотя бы на день. Он постоянно перемещался по Индии, уча буддизму, пытаюсь обращать людей, но я сказал ему:

- Буддизм ушел далеко вперед от Гаутамы Будды, а ты все еще висишь на нем.

Дзэнская история.

Дзэнский монах сидит в буддистском храме. Ночь холодна - а в Японии статуи делают из дерева, - и вот он берет одну из статуй Будды и разводит костер.

Священник спал, но он услышал потрескивание огня и увидел свет. Он вышел из комнаты. Он не мог поверить своим глазам... Гаутама Будда горит, а этот человек сидит у огня и наслаждается! Он сказал:

- Кажется, ты сумасшедший. Ты сжег одну из моих самых красивых статуй Гаутамы Будды. Ты должен стыдиться себя. Я дал тебе приют в храме, и это награда? - ты сжег Гаутаму Будду!

Монах сказал:

- Обожди!

И он взял палку и стал ворошить пепел, но Будда совершенно сгорел.

- Что же ты ищешь? - спросил священник.

- Я ищу кости, - ответил он. Буквально он сказал: «Я ищу цветы», - потому что на Востоке кости мертвого человека называются «цветами».

- Я ищу цветы.

- Ты, несомненно, сумасшедший, - сказал священник. - Как у деревянной статуи могут быть цветы?

- Это значит, - сказал монах, - что ты согласен со мной. Тогда, пожалуйста, принеси еще одного, потому что у тебя их слишком много, а ночь долгая и очень холодная. Ты понял, что это только дерево - костей нет, а без костей не может быть и Будды. Пойди, принеси еще одного.

Но священник был вне себя от ярости. Он сказал:

- Я не позволю тебе оставаться в этом храме ни мгновения! Убирайся из храма!

И он стал выталкивать монаха, но тот сказал:

- Послушай, ты поклоняешься мертвым Буддам, в то время как живого выставляешь на улицу. Ты расквасишься в этом.

Это мог сделать только дзэнский мастер. Никакой христианский епископ, никакой кардинал, ни даже папа не смог бы сжечь деревянную статую Иисуса Христа. Он знает, что она деревянная, но не может набраться храбрости ее сжечь. Ни один индуист не сделал бы этого. Никто во всем мире.

Дзэн далеко за пределами той точки, в которой его оставил Будда. Если он вернется, он возрадуется, но эти буквоеды не могут понять, что это предельный рост. Сейчас нет ничего большего, чем дзэн. Нет никакой возможности, которую я мог бы себе представить, пойти еще дальше. Он оставил позади все возможное; осталось только существенное - чистое сознание. Теперь он не имеет ничего общего ни с буддизмом, ни с даосизмом. Он твой, если ты делаешь его, кем бы ты ни был: мужчиной, женщиной, черным, белым, это неважно.

То, чему я вас учу, - чистый дзэн, не используя слова дзэн, потому что, хотя он и ушел далеко за пределы, все же за ним сохранились старые ассоциации и сопряженные значения. Его по-прежнему называют дзэн-буддизмом. По-прежнему есть дзэнские храмы, где поклоняются статуе Гаутамы Будды.

Величайшие мастера дзэн совершенно вышли за пределы этих ритуалов, но есть столько категорий. Именно поэтому я не использую слова дзэн; в остальном же я учу в точности чистому сознанию, именно тому, как в него войти, как им быть.

Любимый Ошо,

Одна из самых красивых вещей, что происходят вокруг тебя, - то, как мы действуем в группе. В отличие от многих других групп людей, может быть, когда мы видим, что некоторые из нас приобретают какое-либо красивое качество, изменяются, подходят ближе к тому, о чем ты говоришь, мы радуемся настолько, как если бы это происходило индивидуально с нами, потому что признаем, что происходящее с нами принесет пользу всем нам. Я помню, как ты упомянул явление группового сознания, но лишь мимоходом. Связано ли оно с коллективным бессознательным?

Не расскажешь ли ты еще немного о групповом сознании и о том, как нам лучше всего использовать его здесь, в нашей ситуации с тобой?

Я описал вам, что ниже вашего сознания есть три слоя бессознательного, становящегося по мере отдаления все более и более бессознательным. Самый нижний - космическое бессознательное, твердое, как скала.

Над вашим сознанием есть сверхсознательное, снова в трех слоях, высочайший из которых достигает космического сверхсознания. Именно об этом я говорил как о чистом сознании - дзэн, чань, дхиан.

Явление группового сознания - это реальность. Мир в такой путанице, потому что все находятся в разных фазах. Групповое сознание возможно, только когда вы все в одинаковой фазе. Например, если все вы бессознательны, в ваших существах возникает определенный ритм и соединяет вас. И это иногда вы видите во время восстаний, когда толпы совершенно забывают, что делают.

Я своими глазами видел индуистско-мусульманское столкновение. И я был озадачен, видя, что люди, убивающие друг друга, были хорошими людьми. Многих из них я знал лично. Я никогда не смог бы себе представить, что они могут так легко кого-то убить или так легко сжечь дом, полный живых людей, - даже не раздумывая.

Когда вспыхнули беспорядки, я сидел на втором этаже книжного магазина. Люди убивали друг друга, брали из магазинов что хотели. Не было ни закона, ни порядка. Прямо передо мной был магазин, самый большой магазин в городе, магазин настенных и наручных часов, и люди просто хватали все, что могли достать.

Один старик... Я знал его, и много раз мы что-то обсуждали. Он был мусульманином. Этот магазин принадлежал индуисту. Хотя он и был мусульманином, он кричал:

- Не делайте этого! Это неправильно. И если хотите убивать индуистов, убивайте, но красть, грабить... Ислам этому не учит. - Он взобрался на стул и кричал с него, но кто его слушал?

Но самым поразительным было, что, когда весь магазин был разграблен и остались только самые большие часы, этот старик взял их и пошел домой. Я бросился вниз. Владелец книжного магазина сказал мне:

- Не спускайтесь. Это опасно. Обождите немного, и пусть все уляжется. Пусть приедет полиция или армия.

- Нет, - сказал я, - я должен спросить этого старика, что с ним случилось.

И я поймал его и спросил:

- Ты полчаса кричал: «Не делайте этого!» Что же с тобой случилось так внезапно?

- Не знаю, - сказал он. - Я просто увидел, что все это делают, никто меня не слушает, и подумал, что, может быть, они правы, а я - единственный дурак. И это были последние часы. Если бы я их не взял, это сделал бы кто-то другой, и я тут же схватил их. Они немного тяжелые для такого старика, как я. Это были большие часы.

Но я сказал:

- Но ты говорил об исламе, говорил, что это не религиозно.

- В это мгновение я забыл об этом, - сказал он. - Когда я увидел, что остались только одни часы... Не знаю, что на меня нашло; я забыл всю философию и всю религию. У меня в уме осталось только одно: все что-то взяли; а я просто вел себя, как дурак, крича эти полчаса. Хотя бы за свои крики, по крайней мере, я могу взять это; иначе я буду всю жизнь раскаиваться.

Я видел, как профессора крали, грабили, убивали, сжигали индуистов, мусульман. Позднее я справлялся у них, и они говорили:

- Мы сами в недоумении. Если кто-то скажет нам: «Пойди и сожги храм», сами мы не можем этого сделать. Но если это делает толпа, мы можем участвовать.

- Но в чем разница? - спросил я. Один человек ответил:

- Каким-то странным образом я совершенно не чувствую себя ответственным. Когда это делает вся толпа, я не ответствен, я только часть ума толпы. Толпа это делает, я этого не делаю. И этот дом сгорит, буду я участвовать в этом или нет.

Когда есть похожее состояние ума, сознания, есть нечто невидимое, соединяющее вас и делающее вас коллективным явлением. Если это ниже, чем сознание, тогда вы впадаете в варварство, насилие, зверство. Если это нечто высшее, чем сознание, тогда вы создаете безмерную энергию, и каждый, кто приблизится, будет тотчас же зажжен - столько огня сознания, что даже бессознательному человеку придется стать сознательным, придется стать пробужденным.

На этом основывались тайные школы мистицизма: то, что ты не можешь сделать один, или что может оказаться трудным или тяжелым, легко и более вероятно, когда много людей делают это вместе. Тогда внезапно тебя подхватывает массовая энергия, волна, которую ты можешь оседлать. В одиночку, может быть, ты тысячу раз передумал бы, но когда столько людей движется все выше и радуется, - и ты видишь и чувствуешь их радость, - ты забываешь свои страхи, забываешь свои ограничения; ты начинаешь присоединяться к ним. Школьные методы основываются на этом основополагающем факте - что сознание может действовать как коллектив.

Бессознательное веками действовало как коллектив. Тысячи христиан, отправляющиеся в крестовый поход, чтобы убивать евреев и мусульман, - что это, по-твоему? Никто из них об этом не думает. Тысячи женщин, сожженные заживо как ведьмы, - и никто не протестует. Что могло за этим стоять? - только коллективное бессознательное. Все они испытывают похожие чувства. Они не могут пойти против такого безмерного потока столько людей; отсюда стремление каждой религии иметь как можно больше членов. Тогда они могут создавать коллективные потоки, что они и делали.

Вы удивитесь: в Индии Гаутама Будда обратил почти всю страну в свой образ жизни и мыслей, но сегодня в ней не найти ни одного буддиста. Такое огромное большинство было уничтожено по простым причинам. Индуистский коллективный ум, бессознательное, был готов сжигать людей заживо, мучить их, и буддисты не могли противостоять этому коллективному безумию. Они не смогли создать коллективный сверхсознательный ум, чтобы ему противопоставлять. Они были только последователями.

Во времена Будды они это практиковали. Как только Будды не стало - а он создал огромную энергию сверхсознательного, которая трансформировала всю страну, - как только его не стало, как только не стало его старших учеников... Через пять веков единственными буддистами были буддисты по рождению; больше в них не было ничего от Будды, и нечего было противопоставить индуистскому массовому бессознательному.

Джайнизм пошел на компромисс. Многие джайны были убиты; видя, что они будут уничтожены, как и буддисты, они пошли на компромисс. Вы удивитесь, узнав, что обе эти религии, буддизм и джайнизм, возникли как бунт против индуизма и браминизма - что у брамина нет монополии... что он не становится просветленным, просто родившись в семье браминов. Это нужно заработать, это нужно заслужить. Просто по рождению ты ничем не отличаешься от других людей; ты не можешь претендовать ни на какое превосходство.

Джайнизм и буддизм были бунтарями против браминов, но видя, что буддисты жестоко уничтожены, джайнизм пошел на компромисс. Компромисс состоял в том, что теперь, когда рождается ребенок, зовут индуистского брамина - церемония названия ребенка производится брамином, который читает священные писания, - и на церемониях свадьбы и смерти председательствует брамин.

Все ритуалы, которые брамин выполняет для индуистов, выполняются и для джайнов, и его профессия остается незатронутой. Тогда его не заботит, веришь ты в то или другое, это для него не проблема - главное, чтобы осталась в неприкосновенности его профессия, его священничество. И джайны приняли его священничество - точно то же, что и для индуистов, он делает и для них, - но джайны не смогли вырасти. В то мгновение, когда истина идет на компромисс, она умирает. Тогда она не может иметь никакого влияния; она теряет славу, она теряет величие.

Принцип коллективного ума можно увидеть и в других областях, например, психологи и философы были озадачены тем фактом, что такой человек, как Адольф Гитлер, почти умственно отсталый, без всякой харизматической личности... Если Адольф Гитлер - харизматическая личность, Чарли Чаплин - тоже харизматическая личность! Оба они клоуны. Их лица - не лица людей, способных оказать на вас глубокое влияние, и все, что они говорят, - просто мусор. Но в такой стране как Германия, которая гораздо интеллектуальнее любой другой страны мира, которая породила больше философов, чем любая другая страна мира... как же получилось, что вся страна последовала за этим безумцем?

А этот безумец делал вещи, которые и вообразить невозможно: тысячи евреев были убиты в газовых камерах концентрационных лагерей. За секунды они превращались просто в облако дыма, и тысячи живых существ исчезали в дыму! Миллионы евреев были сожжены заживо в этих газовых камерах.

Очень образованные, квалифицированные люди управляли этими газовыми камерами, никогда не думая о том, что делают. И никто не дал ответа; это все еще под вопросом, и останется под вопросом, если люди не поймут, что ум имеет свойство действовать коллективно - тогда индивидуальности не учитываются. Тогда они не считают себя ответственными. Если вся страна что-то делает... И именно это удалось Адольфу Гитлеру. Все его усилие было в том, чтобы создать большую волну.

Тысячи молодых людей, шагающих за ним, создали влияние и волну бессознательного, которых вы не видите. Люди, наблюдающие парад, просто впадали в определенный бессознательный ритм с этим парадом. Эти парады организовывались во всех больших городах, и люди приходили из деревень, чтобы на них посмотреть.

Какой была психологическая цель этих парадов? Цель была в том, чтобы убедить всю страну в том, что «народ со мной». Тысячи молодых людей с одними и теми же лозунгами, в одной и той же одежде, марширующих под одну и ту же музыку, создали атмосферу, в которой даже такой человек как Мартин Хайдеггер, один из лучших философов века, стал последователем Гитлера.

Это продолжалось многие века. Этим пользовались политики, этим пользовались религиозные лидеры, может быть, сами не зная, как это происходит; может быть, они и не знают. Вы не знаете, как работает электричество; вы умеете его включать и выключать. Вот и все, из чего состоит ваше знание.

Может быть, у них нет никакого понимания коллективного ума, но именно это происходило, и это понимание должно быть достоянием каждого во всем мире. Прежде чем действовать, подумай дважды: делаешь ли ты это по собственной воле или просто следуешь массе, толпе? Следовать массе преступно, потому что масса не сверхсознательна, она только бессознательна.

Мы должны создать небольшие группы, оазисы в пустыне, где некоторые люди могут подняться как коллектив к сверхсознательному. Но есть опасность, что большинство бессознательных людей не смогут вас терпеть. Это становится очевидным.

Америка была против меня, и мало-помалу это стало всемирным явлением. Человек не сможет этого постичь, если не понимает коллективного бессознательного ума. У этих политиков разные идеологии, но они так же бессознательны, что и все остальные, поэтому, немцы они, англичане, швейцарцы, шведы или американцы, это неважно. Сейчас коллективное бессознательное всех политиков мира действует в единстве против одного-единственного человека. И все они верят в ложь друг друга.

Индийское правительство оказывало давление на другие правительства, чтобы мне не позволили... потому что они настолько против меня. И только сегодня я получил вырезки от

Лакшми. Министра внутренних дел спросили в индийском парламенте: «Запретили ли вы последователям Ошо въезд в Индию? Если он переедет сюда, будет ли отказано его последователям в туристическом въезде?» Он отрицал это.

Тот же вопрос ему задавали дважды разные люди. Снова он отрицал это. Он сказал: «Нет, такого условия нет. Каждый сможет приехать и посетить его».

На следующий день кто-то из оппозиционной партии поднял вопрос - он был лидером партии и знал меня, потому что он из Пуны. Он спросил: «Есть ли какой-либо налог, который Ошо не уплатил? Или какие-либо взносы, которых он избежал?»

И министр финансов ответил: «Нет, потому что у него нет никакого дохода. Как он может платить подоходный налог? И он не избегал никаких взносов».

В парламенте до сих пор это говорят, потому что если они скажут что-то другое, им придется это доказать. А перед другими правительствами они ходят по струнке, подстраиваясь под каждого политика.

Кажется, время созрело. Если мы не разорвем порочный круг и не создадим группы людей, у которых будет другого рода коллективная энергия, гораздо более высшая и превосходящая эту, история повторится.

Они убили Аль-Хилладж Мансура, они убили Иисуса, они убили Сократа – и то же самое они сделают со мной. Их не остановит то, что у них ничего против меня нет. Они создадут что-то, они изобретут ложь, но останутся сонастроенными с порочным кругом.

Это правда, что такая вещь существует и постоянно действует. Вы можете увидеть это в моде: внезапно что-то входит в моду, и тысячи молодых людей сонастраиваются с этим. Что-то выходит из моды и просто исчезает. Какая-то музыка становится модной, и каждый ее любит; она выходит из моды, и никто больше даже не думает о ней.

Это просто поток коллективных волн воздействует на умы людей. Что угодно может стать модным, стоит ему только воспламениться от коллективного бессознательного. Тогда, от человека к человеку, это распространится как пожар.

Что касается высших вещей, это трудно, очень трудно, потому что для этого требуется некое усилие, некая дерзость, некая храбрость, некий поиск истины. Лишь немногим разрозненным группам удавалось создать коллективное сверхсознательное. Но теперь немногих групп хватит.

Мир в гораздо большей опасности. Нам нужно больше групп во всем мире, которые были бы настоящей защитой против политических глупостей, политической бессознательности. Это чрезвычайно большая работа, но безмерно очаровывающая, вызывающая для всех тех, у кого есть хребет, разум. Я хочу, чтобы мои люди стали преградой, предотвращающей политическую бессознательность, - это все еще возможно. Мы будем бороться до самого последнего вздоха.

Глава 6

Цветок ученичества

Любимый Ошо,

Нередко, когда я начинаю просыпаться утром, я испытываю сильное чувство, как произвольно то, что вернулась в свою конкретную форму. Я узнаю человека, в которого я снова проникла: я знаю ее манеры, знаю, что она любит и не любит. И кажется, никого больше нет, чтобы быть в ее теле, - все заняты тем, чтобы заботиться о своих собственных, - и я скользю обратно, и начинается день.

Очевидно, есть доля правды в верованиях австралийских аборигенов, что во сне человек покидает тело; сны – согласно им – это на самом деле приключения их бестелесного существа. Мне хотелось бы поддерживать это чувство дистанции на все время. Кажется любопытным, что это происходит либо в абсолютной бдительности, - свидетельствовании, - либо при выходе из глубокой бессознательности.

Чувство дистанции от тела случается в обоих случаях либо в осознанности, бдительности, либо при падении в глубокую бессознательность. Пока ты бессознательна, ты не узнаешь дистанцию, но становясь сознательной, на крохотное мгновение ты сможешь увидеть дистанцию: ты одно, а тело - что то другое. В бдительности это яснее, но явление это одно и то же.

В мифологии многих первобытных племен содержится верование, что в сновидении душа покидает тело и путешествует. Все, что ты видишь во сне, это не сон, а реальность. В первобытных племенах, где распространена эта мифология, никого не будят ото сна, потому что ты, разбудив человека, когда его нет дома - он может быть где-то далеко, путешествуя во сне, - ты можешь его убить. И много раз бывало, что если по какой-то случайности человека внезапно будили, он умирал, но это просто глубокое самообуславливание.

Во сне ты никуда не идешь; иначе это случилось бы во всем мире, не только в определенном племени, где глубоко впечатано это верование. Ты можешь разбудить кого угодно; это не значит, что этот человек умрет. Но в этих определенных племенах - в Индии тоже есть несколько племен, как и в других странах, на Дальнем Востоке, - сон человека очень уважаем, потому что он посещает отдаленные места. Не производят никакого шума, никак его не беспокоят, чтобы человек мог проснуться сам, когда вернется. Если он еще не вернулся, и его разбудили, это порвет нить, которая соединяет его с душой. В этих племенах это происходит.

Это нечто такое, что нужно понять: это порочный круг. Если ты во что-то веришь, это происходит. Тогда ты веришь еще больше, и это происходит еще больше, и так далее, и так далее. Колесо продолжает углубляться в твоём существе.

Эти племена, у которых есть такого рода миф, также думают, что все, что ты делаешь во сне, реально. Например, если ты дал кому-то пощечину во сне, первое, что ты должен сделать утром, это спросить старейшин племени:

- Что мне делать? Во сне я кого-то ударил. И они предпишут извинения:

- Возьми сладости и фрукты, пойдешь к этому человеку и попроси у него прощения.

И благодаря такой простоте им редко снятся сны. Очень редко людям этих племен снятся сны. Их сон - прочная скала молчания.

Это важно в отношении Зигмунда Фрейда и его психоанализа. Эти племена занимались психоанализом веками. Ты ударил кого-то во сне, и днем тебе приходится извиниться, попросить прощения. Это глубокий психоанализ. Ты не просто пересказываешь сон этому психоаналитику, ты действительно проживаешь его - и не только проживаешь, но и очищаешься от него.

Эти племена не собирают мусора. Они засыпают без тревоги, они спят очень глубоко, и редко случается, что кто-то говорит, что ему приснился сон.

Но идея о душе, выходящей из тела, была не только у этих первобытных племен. Многие люди различных культур внезапно чувствовали, что с ними что-то происходит совершенно без причины. Они засыпают и внезапно видят себя поднимающимися из тела, двигающимися, что-то делающими. И утром они находят, что действительно это сделали, что они действительно покидали постель, насколько это касалось тела.

И есть столько мемуаров о внетелесных опытах, и более и более признанным фактом становится то, что человек может выйти из тела. Это опасно, но если это происходит в осознанности, само по себе, это безвредно; фактически, это приносит безграничное удовлетворение, это безмерное высвобождение из тюрьмы. Чувство того, что ты за пределами тела, поможет тебе в болезни, в нездоровье, в смерти. Ничто не сможет погрузить тебя в страдание.

Но иногда это может случиться с некоторыми людьми, когда они просыпаются утром; это зависит от скорости пробуждения. Некоторые люди просыпаются очень медленно - между сном и состоянием бодрствования проходит много времени - и они никогда этого не чувствуют. Их скорость такова, что они просыпаются очень, очень медленно, поэтому к тому времени, как они просыпаются, сон почти ушел. Но некоторые люди просыпаются внезапно, и, наверное, так и с тобой; твоё пробуждение резко. В этом нет ничего плохого, но тогда ты почувствуешь внезапную перемену между двумя состояниями. Во сне ты в одном состоянии, в пробужденности - в другом.

Резкое пробуждение на мгновение даст тебе ощущение, что тело отдельно, и ты входишь в него. Наслаждайся этим мгновением, продли это мгновение, наслаждайся каждой его подробностью. Наблюдай все, что происходит, и это станет для тебя своего рода медитацией. Тебе так же поможет, если ты попытаешься свидетельствовать, когда засыпаешь. Тебе будет легче свидетельствовать.

Такое резкое пробуждение редко. Обычно все происходит медленно. Эти два состояния так смешаны - одно растёт, другое уменьшается, - что ты не можешь увидеть различия. Резкое пробуждение случается, только если в прошлой жизни ты умерла внезапно - это значит, что тебя убили, - и этот опыт оставил глубокий отпечаток. Его можно использовать. Не стоит об этом

беспокоиться: случившееся в прошлых жизнях не имеет значения. Мы должны использовать все как можно лучше. Но резкое пробуждение, в моем опыте, очень редко, потому что очень немногих людей убивают.

Для других людей смерть - медленный процесс; мало-помалу они теряют сознание, впадают в бессознательность, и тогда случается смерть. Но если кого-то убивают, времени для медленного процесса нет. Он пробужден - полностью пробужден - и он покидает тело.

И есть связанные с этим явления. Если человека убивают, он покидает тело внезапно - как когда дом горит, и ты выпрыгиваешь в окно. Через секунды он войдет в другое чрево, но опыт того, как тебя убили, был таким интенсивным, что ты не можешь стереть его за несколько секунд. Этот человек входит в новое чрево точно так, как ты описываешь соскальзывание в новое воплощение. И то же самое происходит каждое утро.

Если ты попробуешь молчаливую осознанность засыпая, то снова почувствуешь тот же опыт. Но скорее всего, сон приходит медленно, и у тебя нет времени, чтобы увидеть дистанцию. Но эта дистанция - реальность, видишь ты ее или нет. Хорошо ее видеть. Хорошо сделать ее больше.

Поэтому, прежде всего ты можешь сделать дистанцию от тела очень твердой реальностью. Затем ты можешь создать дистанцию от ума... что возможно только в медитации. В этом опыте ты не чувствуешь себя отдельной от ума, дистанция только от тела. Это хороший шаг, хорошее начало; одна треть процесса достигнута. С этого хорошо начать; таким же образом смотри на ум как на отдельный объект, и в конце концов, смотри на свои и чувства и сердце как на отдельный объект.

В конце концов, мы должны найти в себе точку, от которой мы никоим образом не можем чувствовать себя отдельными, потому что это и есть мы. Она покрыта слоями, подобными луковице; ты очищаешь один слой за другим, и под ним следующий слой. Ты очищаешься следующий слой - и за ним другой. Продолжай чистить лук. В дзэн говорят: «Продолжай чистить луковицу, пока ничто не останется у тебя в руках». И это ничто - и есть ты.

Этот опыт без сомнений доказывает, что в прошлой жизни, должно быть, тебя убили, или случился какой-то другой несчастный случай - ты упала из поезда или попала под машину, - что-то такое, что резко отделило тебя от тела. И именно поэтому происходит этот опыт. Но используй его; он имеет огромную ценность.

Любимый Ошо,

Мне кажется, что только потому, что ты даешь кому-то саньясу, это необязательно значит, что этот человек - ученик. Должен ли человек заработать ученичество, или оно просто происходит?

Это сложный вопрос. Три вещи. Во-первых, то, что я даю саньясу, не делает человека учеником; это только показывает его намерение стать учеником.

Во-вторых, ты должен делать все, что только можешь, чтобы заработать ученичество - хотя ты и не можешь его заработать, оно происходит. Но оно может произойти, лишь когда ты исчерпал все свои ресурсы, зарабатывая его. Поэтому ты не можешь отбросить первую часть зарабатывания. Если ты отбросишь зарабатывание, происшествие никогда не будет возможным. Чтобы случилось происшествие, твое эго должно быть истощено, настолько утомлено, простертое на земле, чтобы ты был почти лишенным эго - даже на несколько секунд, - и это даст достаточно времени для происшествия.

Цветок ученичества - нечто такое уникальное, такое прекрасное, что те, кто не нашел его, упустили сокровище своей жизни. Это самое драгоценное сокровище, потому что в ученичестве столько случается во многих измерениях.

Ты расслаблен. Впервые ты знаешь, что такое расслабление, потому что теперь это часть происшествия. Это не американский способ расслабления. В Америке есть книга, озаглавленная: «Ты Должен Расслабиться». Это «должен» все разрушает. Это ни у кого не может получиться.

В ученичестве, - поскольку это происшествие, - одновременно в тебе могут начать происходить многие вещи, имеющие сходную природу. Может случиться расслабление. Впервые ты чувствуешь себя так легко, без всяких напряжений. Впервые случается доверие без всякой причины. Глубокое «да» существованию, что бы оно ни принесло... Оно может принести жизнь, больше жизни; оно может принести смерть, но это неважно. Что касается твоего «да», ничто не

имеет значения; твое «да» безусловно. Оно возникает в тебе и наполняет твое сердце. Тогда ты живешь безмятежной, ненапряженной жизнью без всякой цели, без всякого желания чего-либо достичь.

Впервые может случиться любовь, любовь, которая не против ненависти. Эта любовь не может превратиться в ненависть. Она вне двойственности обычных опытов жизни. К тебе приходит сострадание, сострадание даже к тем вещам, которые ты всегда считал мертвыми. Дело не в объекте сострадания, дело в субъекте, полном сострадания. Например, эту лампочку не заботит, падает ли ее свет на мертвые вещи или на живые существа. Ей безразлично, это просто ее природа. И любовь, когда она естественна, никогда не превращается в ненависть. Великое чувство приходит, когда ты нашел ее.

Ученичество - не обычный опыт. Поэтому помни, что ни я не могу сделать тебя саньясином, ни ты не можешь сделать себя саньясином. Я могу только дать тебе направление, поощрение, и тебе придется тяжело работать, чтобы совершенно себя исчерпать, ни за что не держась, прекрасно зная, что это не даст тебе ученичества. Но в каком-то смысле это тебе его даст... потому что, когда ты сделал все, что только мог сделать, на тебя нисходит молчание, усилие отпадает. Ты в состоянии не-действия, и в этом состоянии, в это мгновение, цветение ученичества - внезапно тебя окружает столько цветов, столько аромата, столько света.

Ты почувствуешь благодарность к мастеру. Он не дал этого тебе, но без него не было бы направления. И ты почувствуешь благодарность всем усилиям, которые приложил, потому что без них ты не смог бы прийти к этой внезапной остановке, где и время, и пространство смолкают.

И как только это случилось, как только ты испытал этот вкус, тогда ты знаешь дорогу, точно как знаешь, где твоя комната. Даже в темноте ты можешь до нее добраться, даже с закрытыми глазами ты можешь ее найти. Этот опыт так прекрасен, так целебен, что тебе хочется повторить его снова и снова.

Мало-помалу это станет настолько естественным, что посторонние не смогут этого понять. Один вид мастера запустит в тебе процесс, один вид фотографии мастера на твоей стене может запустить процесс, или просто воспоминание о мастере... Что угодно, связанное с мастером, любое слово... Ты пройдешь через весь процесс; весь процесс случится так быстро, что ты не сможешь даже его заметить. Внезапно ты достигнешь ученичества.

Очень трудно объяснить людям, почему вы носите фотографию на малах. Это так эзотерично, что они не смогут этого понять, но это ключ. Это очень просто. Просто держа малу в руке, ты можешь быть немедленно перенесен в это прекрасное пространство.

Любимый Ошо,

Почему мне так трудно прямо смотреть в глаза другому человеку?

Этот вопрос от Киртан. Может быть много причин. Одной из них может быть, что в прошлых жизнях ты жила в восточном полушарии, где считается приличным, чтобы женщина смотрела вниз, чтобы ни с кем не встречаться глазами. Это считается грубым, немного насильственным. Поэтому на Востоке ни одна женщина не переживает встречи глазами.

Возможно, ты принесла это из прошлых жизней. И мне кажется, это так и есть, потому что ты также носишь в себе чувство собственной недостойности. Это тоже обучение всех восточных женщин: быть женщиной недостойно, потому что из тела женщины просветление невозможно. Сначала она должна родиться мужчиной, и лишь тогда она может над этим работать. И ты была не только на Востоке...

Может быть, ты была монахиней, буддистской монахиней, джайнской монахиней. Им не разрешается смотреть больше чем на четыре фута вперед. Это кажется странным, даже когда ты с ними разговариваешь, потому что они не смотрят на тебя, они смотрят на землю на четыре фута вперед. Они пытаются тебя слушать, они пытаются тебе отвечать, но никогда не смотрят на тебя. И причина, кажется, в том, что монахиня не может ни с кем иметь близких отношений.

Психологи открыли, что если ты смотришь кому-то в глаза две или три секунды, это приемлемо; это просто случайно. Но если ты смотришь дольше, это не случайно; тогда ты пытаешься вмешаться в индивидуальность другого человека. А если другой человек оказывается женщиной, это абсолютно безнравственно. Это восточная традиция: нельзя смотреть в глаза слишком долго.

Ты удивишься, узнав, что в Хиндустане негодяй называется словом лучча, и это даст тебе прозрение в проблему, которую мы обсуждаем. Слово лучча происходит от лочан, а лочан значит «глаза». Лучча - это тот, кто уставился на тебя и перешел границы случайности. Это не цивилизованный человек. Он ведет себя безобразно.

В хинди Хиндустан критик называется словом аалочак. Это слово тоже происходит от «лочан». Критик должен смотреть на вещи, не небрежно, но как можно более глубоко; лишь тогда он может найти, что правильно, а что нет. Критика возможна, только если ты смотришь достаточно глубоко. Слова аалочак и лучча лингвистически значат одно и то же, но у них разное употребление. Оба слова подразумевают «уставиться».

Твоя проблема в том, что ты родилась на Западе с восточным умом, и на Западе новая мода - пристально смотреть прямо в глаза. Это считается честным, искренним, и в этом есть доля правды. Если человек, с которым ты разговариваешь, постоянно смотрит в сторону, никогда не смотрит на тебя прямо, тем самым он показывает... это говорит о том, что, без сомнений, он что-то прячет. Он боится, что его поймут, и не хочет прямо смотреть в глаза, потому что глаза очень красноречивы. Они обнажают все твое существо. Если кто-то умеет читать по глазам, просто посмотрев тебе в глаза, он многое узнает; ему не нужно ни о чем спрашивать.

Индийская медицина, которая называется Аюрведой, доводит это до крайности. Один из великих аюрведических врачей, президент Всеиндийской Аюрведической Ассоциации, сказал мне, что если врач не может, просто посмотрев тебе в глаза, посмотрев на твой язык, почувствовав пульс... если он не может определить болезнь, которой ты страдаешь, он не достоин того, чтобы называться врачом. Он должен перевестись в ветеринарный колледж.

Для аллопатических врачей аюрведические врачи подобны ветеринарам. Животные не могут говорить, и ты должен установить, что у них болит. Человек может говорить, и ты можешь его спросить, но аюрведическая медицина говорит, что хотя человек и может говорить, он не может сказать, в чем на самом деле источник его болезни. Он может говорить о симптомах, - таких как головная боль или что-то еще, - но причины должен установить врач. И у них нет никаких изощренных приемов - пощупать пульс, посмотреть в глаза, посмотреть на язык.

Для них язык дает всю информацию о желудке. Глаза дают им всю информацию о физиологии человека. А пульс дает им всю информацию о теле и его состоянии. И этого достаточно.

Вы удивитесь: если вы пойдете к настоящему аюрведическому врачу, который не запутался в аллопатии, он не будет спрашивать, в чем проблема. Он просто пощупает пульс, посмотрит в глаза, посмотрит на язык - вот и все. И тогда он начнет выписывать лекарства, которые тебе следует принимать.

Я спросил этого человека:

- Просто глядя в глаза, что можно установить об уме? И он ответил:

- Почти все, что нужно для наших целей. У невинного человека, правдивого человека, искреннего человека будет другое качество - мягкость, глубина в глазах. У поверхностного человека не будет такой глубины; в его глазах проявится хитрость.

Поэтому, Киртан, если ты не можешь смотреть людям прямо в глаза, в этом нет необходимости. Ты не врач, и тебе это не нужно. Что нужно - это смотреть вовнутрь себя, не в глаза кому-то другому.

И у тебя есть история прошлых жизней на Востоке, где в женщинах веками воспитывалось изящество. Это часть ее изящества - не смотреть в глаза. На Востоке это делают только проститутки. В восточной женщине есть некое свойство быть скромной, не агрессивной. Смотреть в глаза другим людям - это агрессия, не изящество. В моем собственном опыте изящество, которое Восток развил в женщинах, сделало их более красивыми.

Иногда мне было странно... Когда я видел фотографии известных красавиц, Мисс Вселенная, мне казалось, что что-то не так в самой их основе. На Востоке они не были бы признаны Мисс Вселенная. Все их поведение уродливо: их лица не выражают никакого изящества, в их глазах нет никакого изящества, и они почти голые ходят по сцене перед тысячами людей. Это означает, что они низвели себя до объекта сексуального извращения. Все эти соревнования - не что иное, как мужское порнографическое изобретение.

На Востоке это невозможно. И чем дальше ты идешь в прошлое, тем больше изящества. Сегодня в современных городах Востока ты не найдешь такого изящества, потому что они почти озападнены, они пытаются копировать Запад. Настоящая восточная красота все еще сохраняется

во внутренних частях этих стран, на которые Запад не оказал большого влияния. Их жесты, их движения, их вид - во всем есть некое сверхчеловеческое качество.

Поэтому не волнуйся об этом. Не делай из этого проблемы; используй это. Вместо того чтобы смотреть в глаза кому-то другому, смотри вовнутрь себя. Именно там нужно настоящее прозрение, глубокое прозрение.

Любимый Ошо,

Вчера вечером ты много говорил о неверном истолковании. Но разве не явится, в ответ на каждый мелочный и злобный газетный вздор о тебе, любовь и доверие одного-единственного саньясина гораздо более значительным и гораздо более красноречивым подтверждением того, кто ты есть на самом деле?

Это так. Именно поэтому меня не волнует неверное истолкование. Мне все равно, какое вранье они будут распространять. А массы верят печатному слову; они живут газетами. Их умы полны газетными вырезками – это просто ходящие подшивки газет.

Я никогда не беспокоился и на них не оскорблялся. Фактически они делают именно то, чего от них только и можно ожидать. Настоящее чудо в том, что мои люди – вопреки всему всемирному заговору правительств, политиков, журналистов – все же могут признать меня. Это для меня достаточное вознаграждение.

Этот заговор так же дает мне признание, негативным образом. Они не могут игнорировать меня; это абсолютно определено. Даже страны, в которых я никогда не был – и, может быть, никогда не буду, - не могут меня игнорировать. Это их способ признания. Я благодарен за это.

Но моя радость – в тех немногих людях, которые любят меня и доверяют мне. Даже если весь мир против меня, это неважно. Одно-единственного саньясина будет достаточно; фактически даже этого не нужно. Я один достаточен сам по себе, потому что я абсолютно уверен в истинности того, что я говорю: именно таким путем придет новый человек, именно таким образом человечество может быть спасено. Во мне нет ни тени сомнения.

Неважно, что людям потребуется триста или пятьсот лет, чтобы признать, что они упустили, что они могли бы научиться гораздо большему из прозрения этого человека. Вместо того чтобы учиться у этих прозрений, они тратят мое время впустую, изгоняя меня из одной страны в другую всеми возможными путями, пытаются создать фальшивый образ, чтобы молодежь мира не могла попасть под мое влияние.

Но существование действует очень чудесным образом. В тот день, когда меня арестовали на Крите, все экземпляры единственной моей книги «Скрытая Гармония», переведенной на греческий язык, были распроданы – всего за один день. Не осталось ни одного экземпляра.

Они думают, что причиняют вред, но истина – это нечто такое, чему нельзя причинить вред. Что бы вы ни делали, каким-то образом это оказывается для нее поддержкой.

Любимый Ошо,

Я слышал, ты сказал, что ты – один человек – в одиночку борешься со всем миром, считаешься опасностью для мира, и так далее. Я знаю, что каждый из нас, - каждая индивидуальность, - один. В то же время мне хочется крикнуть себе: «Но, Ошо, все мы, все кто тебя любит, с тобой!» - потому что, влюбленные в тебя, мы – это ты.

Это правда, и именно потому, что вы со мной, так глубоко со мной, что вы со мной одно целое, я могу сказать, что я один борюсь со всем миром. Вы не отделены от меня, вы - часть меня. Поэтому, хотя вы здесь, это не меняет моего одиночества. Вы становитесь его частью, растворяетесь в нем.

Мое усилие здесь - в том, чтобы подчеркнуть тот факт, что так называемая интеллигенция - не настоящая интеллигенция. Ни у кого из нее не хватает храбрости выступить против своих правительств, сказать, что то, что они делают, это абсолютно преступное преследование одной-единственной индивидуальности, которая не причинила им никакого вреда.

Напротив, я чувствую, что чем плотнее становится мировой заговор против меня, тем счастливее кажется так называемая интеллигенция - потому что я представляю опасность и для

них. Они - только знающие. А я крушу знающих людей и говорю им: «Будьте честны и признайте, что вы столь же невежественны, как и все остальные». Вместо того чтобы протестовать, они кажутся довольными.

И так называемые религиозные люди кажутся довольными, вместо того чтобы протестовать, потому что я обращаю их внимание на то, что просто быть членом какой-либо религиозной организации недостаточно для того, чтобы быть религиозным. Религиозность - это нечто совершенно другое, это индивидуальный рост, индивидуальная реализация. Поэтому все они тоже очень довольны происходящим.

Всевозможные фанатики, которые думают, что они и только они обладают истиной - и кроме того, чтобы громко кричать, у них нет никаких аргументов, никакого влияния, - очень довольны.

Когда я преподавал, одна молодая дама, очень красивая, изящная, пришла ко мне домой и дала мне какую-то литературу пропагандирующую христианство. Я просмотрел заглавия и сказал:

- Можете ли вы встать, взять в руку один из этих памфлетов и честно сказать, что написанное в них - ваш собственный опыт?

Она очень рассердилась, и все изящество пропало. Она сказала:

- Я бесплатно раздаю людям эту литературу. Никто никогда не говорил мне таких вещей.

- Все эти люди должны были спросить вас об этом, говоря что, если это мусор, вы не имеете права забрасывать мой дом мусором. И если это не ваш опыт, по какому праву вы распространяете эту литературу? Есть ли у вас какой-то авторитет для этого?

- Я распространяю эту литературу от имени Бога, по праву Иисуса Христа.

- Теперь вы говорите чепуху. Вы не можете доказать Бога. Можете ли вы привести мне здесь и сейчас какой-либо пример в доказательство Бога? И вы не выглядите как последовательница Иисуса. На вас прекрасная одежда, вы водите прекрасную машину. Вы должны были бы носить на плечах большой деревянный крест, вы должны были бы совершать, по крайней мере, некоторые из чудес, которые совершал Иисус. Дать ли мне вам немного воды, чтобы вы превратили ее в вино?

Она была так взбешена, что развернулась и, не говоря ни слова, бросилась к своей машине. И из-за своего гнева она изо всех сил пыталась завести машину, но та не заводилась. Я подошел к ней и сказал:

- Вы можете попросить Бога помочь вам завести машину. По крайней мере, такое небольшое чудо он может совершить - это может любой механик. Или выйдите из машины, встаньте на колени и помолитесь Иисусу Христу, а я заведу вам машину.

Мне пришлось завести ей машину. Она почти дымилась от гнева. Я сказал:

- Я был бы счастлив, если бы время от времени вы возвращались. Мне понравилась вся эта сцена. Вы были такой изящной и любящей. Как говорит Иисус: «Будь любящим и дружелюбным; люби даже своих врагов». Но через минуту вы стали врагом и совершенно забыли о любви, обо всем изяществе - настолько, что нажимали на педаль газа слишком сильно, и бензина хлынуло столько, что машина не завелась. Разве это по-христиански? Должен ли и я стать таким, как вы, читая ваши памфлеты? Пожалуйста, возьмите эти памфлеты назад и дайте их какому-то другому человеку, чтобы он выбросил их в мусорное ведро. Я не могу этого сделать.

Интеллектуалы, религиозные люди, политики, правительства признают... и они так боятся, что ничто не может быть для меня большей наградой. Ни одна индивидуальность сама по себе никогда не приводила мир в такой испуг, не причиняя ему никакого вреда.

Я не террорист. Я не бросаю бомб, не угоняю их самолетов. Чего же им бояться? Может быть, я коснулся самого их корня, который прогнил; я нажал на их воспаленный нерв. Они знают, что не могут дать мне никаких ответов, и каждый раз, когда у них нет ответа, ответом становится дуло оружия. Но они не могут даже убить меня. Они стоят перед настоящей дилеммой - что со мной делать?

Они не могут меня убить по той простой причине, что если они меня убьют, это создаст всемирный взрыв, который сплотит моих людей, которые забудут о своих небольших проблемах. Они будут одним из самых сильных сообществ. И эти интеллектуалы, религиозные деятели, политики не смогут на это ответить - а спрашивать будет весь мир. Те самые люди, которые сейчас против меня, начнут чувствовать сочувствие и спросят, почему это сделали.

Это не какая-то мелочь, если американское правительство должно информировать все свои посольства, что, куда бы я ни приехал, они должны немедленно обращаться к правительству, угрожая, что американская помощь и приток американских денег прекратятся, если этому человеку позволят находиться в стране.

Но для меня это не проблема. Я знаю своих людей, и все это противодействие и яд, распространяемый правительствами, только сделает моих людей ближе ко мне, приведет в более глубокую солидарность. Все, что они хотят, это каким-то образом изолировать меня. И это у них тоже не получается.

Они давили на индийское правительство, чтобы то разрешило мне основать коммуну там, но препятствовало всем моим западным ученикам и западным средствам массовой информации в доступе ко мне. И именно в этой точке я покинул Индию...

Теперь индийское правительство чувствует смущение, потому что в парламенте оно должно отвечать на вопросы и подкреплять свои ответы разумными аргументами, уликами и доказательствами. Прежде всего, почему мои ученики должны быть остановлены? И соответствующий министр сказал: «Нет, мы не будем останавливать учеников Ошо. Они могут приезжать в эту страну, как и все остальные».

Тогда его спросили: «Чувствуете ли вы, что среди учеников Ошо есть агенты ФБР и шпионы других правительств, иностранных правительств?» Им пришлось это отрицать, иначе они должны были бы представить доказательства обратного. Они отрицали, что есть кто-нибудь... ни шпионов, ни ФБР, ничего подобного. И тогда их спросили, есть ли у них против меня какое-либо законное обвинение, и исправно ли я плачу по закону подходящий налог, министру финансов пришлось признать, что у меня нет никакого дохода, а значит, нет и речи о подоходном налоге, и у них против меня нет никаких обоснованных обвинений.

Вы удивитесь: меня обсуждают в парламентах стран, в которых я никогда не был, даже в тех странах, где нет ни одного саньясина, как будто для них я представляю величайшую мировую проблему. Они приближаются к третьей ядерной мировой войне, но их тревожу я!

Важно, что они признали, что если я буду продолжать учить, их гнилые общества начнут разваливаться. И я собираюсь продолжать несмотря ни на что; они не могут мне помешать. Я найду способы. И теперь более чем когда-либо я собираюсь обострить каждый свой аргумент против них и разоблачить каждое правительство, которое пыталось помешать мне, достичь моих собственных людей.

И конечно, мои люди со мной. Как только я сделаю объявление, что теперь мы на тропе войны, и что в каждой стране саньясины должны обращаться в суды и воевать со своими правительствами, мы создадим всемирный хаос. Я только жду правильного мгновения. Как только у нас появится собственная территория, мы начнем борьбу со всяким и каждым правительством, которое повело себя гадко. И мы, без сомнения, победим.

И вы удивитесь тому, что даже адвокаты... Один из ведущих адвокатов Германии попросил меня уполномочить его выступать от моего имени в суде, потому что это абсолютно против конституции, и он знает, что это дело принесет ему международную известность.

Другой адвокат, тоже ведущий, из Испании, только ждет сигнала. Он хочет бороться с правительством. Он говорит: «Нет ничего. Я просмотрел все досье правительства, и против вас ничего нет. Все, что они говорят, это чепуха без всякого доказательства, - что вы уходили от налогов». Теперь сам индийский парламент станет доказательством того, что я не уходил от налогов ни в Индии, ни в Америке, ни в каком-либо другом месте.

Мы будем бороться. Это будет радостью. Всего на несколько дней я удерживаю их. Нам нужно где-то остановиться; иначе это будет трудно - любая страна может испугаться, что эти люди могут выступить против ее политиков, ее правительства. Поэтому, как только мы остановимся, мы будем бороться во всем мире. Это будет веселая карусель.

Глава 7

Между двумя сновидениями

Любимый Ошо,

Меня всегда глубоко впечатляло состояние Бардо, как оно описывается в древних тибетских писаниях. Пожалуйста, скажи что-нибудь об этом.

Метод Бардо прост, но очень важен. Лишь только людям, которые немного медитировали в своей жизни, он может принести какую-то пользу, а Тибет был одной из тех стран, в которых

почти каждый посвящал некоторое время медитации - просто быть одному, в молчании, ничего не делая, просто свидетельствуя. Если такой человек не достигает просветления в этой жизни и вмешивается смерть, используется Бардо.

Такой человек достигает определенного раскрытия дверей. Он не вошел вовнутрь, но, по крайней мере, попытался; он постучался в двери. Он обладает определенной восприимчивостью, и во время смерти он с абсолютной готовностью входит в состояние медитации. Теперь ему нечего бояться. Смерть уже пришла; он может рискнуть всем. А Бардо - это определенный мягкий метод гипноза... точно такой, как используя я. Слушая меня, вы становитесь тихими, молчаливыми.

Бардо - это внушение умирающему человеку: «Будь в молчании. Оставь эту жизнь сознательно. Вместо того чтобы позволить смерти вырвать ее у тебя, расслабь свою хватку; не будь побежденным смертью, не борись. Просто отбрось все привязанности. Этот мир для тебя окончен, эта жизнь для тебя окончена. Нет смысла держаться за нее; держась за нее, ты будешь бороться со смертью. Ты не можешь победить, и очень важная возможность будет упущена.

Просто отпусти все сам. Расслабься, без всякого противодействия прими смерть как кульминацию жизни, как естественное явление. Она ничего не заканчивает. Останься сознательным и наблюдай, что происходит, - как тело становится дальше и дальше от тебя, как ум начинает разваливаться на части, как будто зеркало упало и разбилось вдребезги, как твои эмоции, сантименты, настроения... все, что составляло твою жизнь, начинает исчезать».

Это конец сновидения. Вот фундаментальная суть Бардо: ты жил в сновидении, которое называл жизнью, в сновидении длиной в семьдесят лет. Оно подходит к концу. Ты можешь плакать о сбежавшем молоке и упустить возможность... потому что через несколько секунд ты войдешь в другое чрево, в другое сновидение.

Между этими двумя сновидениями есть лишь несколько секунд, в которые ты можешь прийти в бдительность и проснуться, и если тебе удастся прийти в такую бдительность, ты победил смерть, ты победил сновидения. Ты войдешь в другое чрево сознательно; ты покинешь это тело сознательно и сознательно войдешь в другое.

Ты сможешь вспомнить свою смерть и сновидение, которое прожил, и это предупредит тебя, чтобы ты не вошел снова в ту же колею - и не начал снова гнаться за теми же глупыми желаниями, попадаться в те же ловушки ревности, бороться за те же самые глупости респектабельности. Это поддержит в тебе бдительность и напомним, что все это ты уже делал раньше. Все кончается смертью, и это тоже окончится смертью.

Таким образом, Бардо напоминает тебе, что то, что исчезает, было сновидением. Когда приходит смерть, очень легко увидеть жизнь как сновидение. Чем еще она может быть? Ты будто бы просыпаешься утром.

Всю ночь ты столько жил, видел столько снов, - за ночь ты можешь прожить годы, - но Бардо напоминает тебе, что это было сновидением. Это должен делать очень развитый человек - лама, мастер, - и он настаивает, что пришло время осознать, что это было сновидением: ты не умираешь, всего лишь прерывается сновидение.

И пока ты перемещаешься из одного сна в другой... этот промежуток безмерно важен, потому что в этом промежутке нет никакого сна, лишь простая ясность, абсолютная ясность, осознанность. Второе, о чем нужно напомнить: не упусти этот промежуток.

И третье: не упусти вхождение в утробу. Тогда ты совершил нечто такое, для чего людям требуются многие жизни работы.

Человек просто впадает в глубокое молчание, и нисходит смерть. Он слышит эти слова от кого-то, кого он любил, кому доверял, от кого-то, кого он и представить не может обманщиком - лишь тогда это имеет смысл. Этого не сможет сделать просто кто угодно. Даже если Бардо доступно, и есть все инструкции, это может сделать лишь кто-то, кого ты уважал, чтил, любил, кому доверял.

В это критическое мгновение малейшее сомнение в этом человеке разрушит все - тогда Бардо было тщетно. Но если ты не упустишь и последуешь всем инструкциям, то заложишь основание для новой жизни, которая будет совершенно другой жизнью. Это будет твоя последняя жизнь, потому что каждый, кто умирает сознательно, кто использует этот промежуток, чтобы испытать вкус абсолютной чистоты, входит в утробу бдительным, рождается бдительным. Его просветление гарантировано природой: в нем есть семя, основание.

Поэтому Бардо - это простой процесс, но он может помочь лишь тем, кто уже немного медитировал, кто был с мастером, кто иногда переживал молчание, присутствие и красоту пребывания в этом мгновении. Такие люди приобретают эту способность.

Бардо - это величайший вклад Тибета в мировую сокровищницу. Тибет не внес больше ничего. Это бедная страна на краю мира - на крыше мира - неприступная. Даже сегодня трудно попасть в Тибет.

Тибет разработал медитацию под буддистским влиянием, и в конце концов, стал единственной в мире страной, где каждый медитирует, где медитация - обычное явление. Каждая семья должна дать хотя бы одного из своих членов - того, кто готов, - в монастырь, чтобы медитировать тотально. И из каждой семьи, из каждого поколения в монастырь уходил хотя бы один.

Почти весь Тибет превратился в монастырь. Точно как Россия превратилась в концентрационный лагерь, Тибет превратился в монастырь. В горах, в красивых местах, были тысячи монастырей. Каждая семья отдавала кого-то, кого интересовал этот поиск. Это было единственное место, где людей поощряли к поискам; это стало частью образа жизни всей страны.

И те, кто не был в монастырях, тоже медитировали, когда им это только удавалось, чтобы ко времени смерти, Бардо было возможно для каждого. Доступно было много мастеров, много развитых существ, которые могли повторить эти инструкции, - и у каждого был собственный мастер. Это был совершенно другой мир.

В этом столетии было уничтожено много прекрасных вещей, но Тибет стоит во главе этого списка. Тибет был разрушен коммунистическим вторжением из Китая. Монастыри были превращены в школы, в больницы, а монахов заставили работать в полях. Даже упоминать слово «медитация» стало преступлением. А Тибет никому не причинял вреда: эта страна была такая отрешенная, такая отрезанная от мира.

Но она была уничтожена, и я не думаю, что есть какая-либо возможность восстановить ее красоту, ее великолепие. Это невозможно, потому что теперь дороги соединяют ее с Пакистаном, с Китаем. Теперь ездят автобусы, прилетают и улетают самолеты. Там армия. Тибет стал военной базой Китая. Он утратил свой золотой век.

Вскоре трудно станет найти человека, способного слушать инструкции Бардо, и почти невозможно - того, кто может читать эти инструкции. Они останутся в книгах; сейчас они доступны на всех языках. Это простые инструкции, но их можно улучшить, и у меня есть идеи, как их улучшить, потому что они очень древние и очень грубые. Их можно отполировать. Много можно к ним добавить, придать им больше новых измерений. Но основа в том, что люди должны быть медитативными. Мои люди медитативны, и частью нашей основной работы будет вернуть к жизни Бардо в более рафинированной форме, чтобы мы могли применить его к нашим людям.

Тибет - это больше не прежний Тибет. Но мы можем создать ситуацию, психологию, в которой Бардо - или нечто подобное Бардо, но более развитое, - может помогать людям. Это прекрасный процесс. Точно как Япония принесла дзэн из буддистских источников медитации, из тех же буддистских источников медитации Тибет принес Бардо. Их вклады бессмертны.

Когда ядерное оружие будет забыто, все же эти открытия не утратят своего значения.

Любимый Ошо,

Вчера, когда кто-то спросил меня, почему я с тобой, я осознала, что не могу дать никакого осмысленного ответа. Просто сказать, что я люблю тебя, казалось поверхностным, банальным и совершенно неадекватным для описания вызывающего благоговение опыта бытия с тобой. И я с тобой не по какой-то интеллектуальной причине, и я не слишком эзотерична и даже не очень религиозна. Фактически, ученик я довольно паршивый. Но я нерушимо прилипла к тебе, как самая мелкая железная стружка к самому мощному в мире магниту. Любимый Ошо, не мог бы ты объяснить это явление?

Этот вопрос от Анандо. Трудно объяснить людям, почему вы со мной. Все, что вы можете сказать, покажется неадекватным, неточным, поверхностным, не отдающим полной меры справедливости; а если вы ничего не говорите, это тоже неловко. Нужно что-то говорить.

И это становится еще труднее, если нет никакого рационального объяснения, и вы со мной не ради какой-то философской, рациональной доктрины. Если ты со мной не во имя каких-то религиозных намерений, тогда, естественно, ты почувствуешь, что не можешь ответить на этот вопрос.

Но для меня важно, чтобы ты не могла ответить на вопрос. Если ты можешь ответить на этот вопрос, твоя связь очевидно поверхностна. Ты можешь называть ее любовью, но любят все; люди

влюбляются и «разлюбляются», и это такая обыденная вещь. Она имеет ассоциации, которые делают мир очень земным.

И хорошо, что ты здесь не из-за какого-то конкретного интеллектуального убеждения, потому что я не интеллектуальный человек; что ты здесь не по какой-то религиозной причине, потому что я оставил религию далеко позади. Но ты можешь, не давая никакого определенного ответа, объяснить всю ситуацию так, как она сформулирована в твоём вопросе.

Каждый раз, когда кто-то спрашивает, объясни всю ситуацию: «Вот ситуация. Решайте сами, что это за отношения». Почему это тебя должно смущать? Пусть это смущает человека, задавшего вопрос. Пусть он над ним раздумывает, пусть не спит ночами... как это понимать, что это за отношения. Но говори правду.

Твой вопрос полностью содержит ответ. Просто скажи этому человеку точно то же, что написала в своём вопросе. «Вот ситуация; сам её и объясняй. Я не могу её объяснить; может быть, я слишком вовлечена. Ты снаружи. Возможно, ты сможешь сообразить, что это такое. Если у тебя получится, скажи и мне, потому что мне приходится отвечать и другим».

Чем более таинственно вы связаны со мной, тем труднее будет отвечать. Но никаких ответов не нужно. Просто объясните ситуацию: «Вот ситуация, и я не знаю, какое слово может подойти, чтобы все это описать». Это будет подлинно, искренне. Ты не будешь чувствовать неадекватности, тебе не будет неловко. Фактически, неловко будет другому человеку из-за того, что он задал такой вопрос, что было невежливо задавать такой вопрос, что это было грубо, примитивно. Есть возможность отношений, которых не может описать ни одно слово, - и именно это происходит между вами и мною.

Ты можешь просто сказать: «Я не знаю, как описать всю эту ситуацию». И это поможет и этому человеку - встретить отношения, которые так безграничны, что не могут быть заключены в слова, которые так далеки от обычного языка, что заталкивать их в язык было бы насилием. Может быть, ты можешь помочь ему почувствовать нечто, просто описывая всю эту ситуацию искренне и подлинно.

Твой вопрос - и есть твой ответ.

Любимый Ошо,

Я слышала, ты говорил, что мы боимся подойти к тебе близко, но как нам подойти близко? Я также предполагаю, что когда ты дал мне имя, я была сущим шумом и толпой внутри. Не так давно я начала полностью осознавать, по крайней мере, пять совершенно разных личностей, управляющих мною изнутри, каждая в свое время. Одна из них похожа на доблестную, бунтарскую, сильную, взбешенную, мстительную девственную греческую богиню; другая - очень незащищенная, уязвимая, мягкая, любящая, обиженная маленькая девочка. Есть и другие, но это крайности. Как между них мне узнать настоящую меня, индивидуальность?

Это не только твоя ситуация, это ситуация каждого. И их не пять - ты толпа, множество. Тебе просто нужно присмотреться поближе, поглубже, и ты найдешь у себя внутри много людей. И все они временами притворяются тобой. Когда ты в гневе, тобой владеет определенная личность и притворяется тобой. Когда ты полна любви, тебя захватывает другая личность и притворяется тобой.

Это вызывает замешательство не только у тебя, но и у всякого, кто приходит с тобой в контакт, потому что они ничего не могут понять. Они сами - толпа.

В каждых отношениях женятся двое, но на самом деле женится толпа. В них постоянно будет продолжаться война, потому что редко будет так, что в тебе дежурит любящий человек и в твоём партнере - тоже. В противном случае вы будете упускать: ты любящий, а твой партнер печальный, злой или встревоженный. А когда он в любящем состоянии, ты - в другом. И нет никакой возможности контролировать эти личности; они живут собственной жизнью.

У Гурджиева есть одна история.

У хозяина в горах был дворец и дюжина слуг, и он сказал слугам, что отправляется в паломничество:

- Может быть, оно займет год, может быть, два или три, а может быть, я вернусь, не окончив путешествия. Может быть, я вернусь с полдороги, в любой день. Поэтому будьте готовы каждый день, словно я вернусь именно в этот день. Дом должен быть в том состоянии, которое мне

нравится. Не думайте: «Он вернется только через три года, зачем беспокоиться? Три года мы можем наслаждаться отдыхом». Я могу вернуться в любой момент, а может быть, вернусь через три года или через десять лет. Но, что касается вас, помните, я могу вернуться в любой момент. Это очень вероятно.

Слуги оказались в очень трудном положении. Если бы он сказал им определенную дату, можно было бы просто отдыхать, наслаждаться. Каждый из слуг дежурил час за двадцать четыре часа; кто-то дежурил круглые сутки. Один человек дежурил час, потом другой. Прошли годы. Фактически, они совершенно забыли, что должен был вернуться хозяин, потому что прошло столько времени.

В те времена мир был дик, и паломничество было опасным. Фактически, люди обычно отправлялись в паломничество, только когда приближались мысли о смерти, и опасности больше не было, потому что человек в любом случае собирался умереть. Очень немногие возвращались из паломничества. Слуги стали думать: «Прошло столько лет: наверное, он умер, и мы напрасно беспокоимся». Они обленились, но дежурство продолжалось, потому что глубоко внутри оставалось сомнение:

«Кто знает? А вдруг он вернется?»

Тем временем каждый, кто проходил у ворот, спрашивал:

- Какой прекрасный дворец! Кто хозяин этого дворца? И каждый дежурный слуга отвечал:

- Кто же еще? Я! Я хозяин этого прекрасного дворца. Но люди были немного озадачены, потому что у дворца каждый раз оказывался новый хозяин. Дежурные постоянно сменялись: круглые сутки кто-то дежурил в течение одного часа. Когда ты приходишь в следующий раз, то встречаешь нового человека, и он тоже претендует на то, что он хозяин.

Считая хозяина умершим, каждый из слуг решил, что никакого вреда не будет, если объявить хозяином себя; фактически, они и были хозяевами. У хозяина не было ни сына, ни родственника, никого; он был одиночкой. И слуги стали носить его одежду, пользоваться его вещами; они действительно были убеждены в том, что он умер, а его смерть означает, что хозяева - они.

И тогда однажды хозяин явился, и на эту сцену стоило посмотреть! Люди сбрасывали с себя одежду, бегали голые, пытались найти свою... царил полный хаос.

И хозяин спросил:

- Что случилось?

- Мы хотим, чтобы ты нас простил, - сказали они. - Так как ты не возвращался столько лет, мы подумали, что ты вообще не вернешься. Мы дураки - необразованные, глупые люди. Мы стали пользоваться твоими вещами и претендовать на то, что хозяева - мы. Конечно, каждый был хозяином только на час. Чтобы избежать столкновений и ссор, мы решили, что пока один из нас дежурит и охраняет дом, он и хозяин, но только на час. По истечении этого часа он только слуга; хозяином становится другой человек.

Гурджиев говорил, что эта история символизирует внутренний мир.

Есть множество личностей - не только пять, настоящее множество, - и они продолжают сменять друг друга. Это своего рода Клуб Ротарианцев. В Клубе Ротарианцев, чтобы избежать соревнования, каждый из его членов в свою очередь становится президентом. В следующий год - следующий... Каждый надеется, что приближается его очередь, и никто не расстраивается, когда кто-то другой становится президентом; дело только за одним годом, и президентом станет кто-то другой. Фактически, они все президенты.

У тебя внутри тоже есть определенная очередь, и если ты продолжаешь наблюдать... Не вмешивайся в эти личности, потому что это только создаст еще больший беспорядок, больший хаос. Просто наблюдай, потому что, наблюдая эти личности, ты также осознаешь, что есть еще и наблюдатель, который не личность, перед которым проходят эти личности, возникают и исчезают.

В своем вопросе ты говоришь, что чувствуешь, что в тебе есть пятеро, но кто смотрит на этих пятерых? Наверное, кто-то шестой! Это не личность, потому что одна личность не может наблюдать другую.

Это нечто очень интересное и очень важное: одна личность не может наблюдать другую, потому что у этих личностей нет никакой души. Они подобны твоей одежде. Ты можешь продолжать менять одежду, но одежда не знает, что изменилась, что теперь используется другая. Ты не одежда, поэтому ты можешь переодеваться. Ты не личность, и именно поэтому ты осознала, что в тебе есть эти пять личностей, или двенадцать, или бесконечное количество.

Это также делает совершенно ясным еще одно: есть нечто, что продолжает наблюдать всю эту игру личностей вокруг тебя.

И это и есть ты.

Поэтому наблюдай эти личности, но помни, что твоя реальность - в твоём наблюдении. И если ты можешь оставаться наблюдающей личности, эти личности начнут исчезать; они не могут жить. Чтобы оставаться в живых, им необходимо отождествление. Если ты в гневе, для этого ты должна забыть о наблюдении и отождествиться с гневом; тогда у гнева есть жизнь. Но если ты просто наблюдаешь, тогда у гнева нет жизни; он уже мертв, умирает, исчезает.

Концентрируйся больше и больше в наблюдательности, и все эти личности исчезнут. И когда не останется ни одной личности, тогда твоя реальность - хозяин - вернулся домой. Тогда ты ведешь себя искреннее, подлинно. Тогда, что бы ты ни делала, ты делаешь это тотально, полностью. Ты никогда не раскаиваешься; ты всегда в радостном настроении.

Любимый Ошо,

Ты дал мне саньясу, и это прекрасное измерение жизни, постоянно изливающее свои сострадание и любовь. Я чувствую, что ничего не знаю о медитации и внутреннем путешествии - я безнадежный случай. Пожалуйста, плесни мне в лицо немного холодной воды и разбуди меня от этого сна.

Тебе не нужно мне напоминать, потому что именно это я постоянно делаю - выплескиваю ледяную воду тебе в лицо. Но чтобы ты проснулся, просто ледяной воды недостаточно; ты можешь начать даже наслаждаться ею, перевернуться на другой бок, натянуть на себя одеяло и снова уснуть.

Наша сонность глубока. Она почти как кома, но ее нужно прервать. Тебе не нужно беспокоиться о том, что ты не знаешь, что такое медитация. Просто оставайся доступным. Однажды ты споткнешься об нее даже во сне. Просто продолжай нащупывать, и ты найдешь дверь, - потому что дверь есть, и я прилагаю все усилия, чтобы достичь тебя.

Каким бы глубоким ни был сон, какой бы глубокой ни была кома, в которой ты находишься, я пытаюсь тебя достичь тысячами способов. Лишь проснувшись, ты поймешь, что я делал, чтобы тебя достичь.

Всегда есть какой-то способ, какое-то небольшое окно, потому что ты не можешь жить, закрыв все окна и все двери: ты умрешь. Тогда это будет не сон, не кома, а просто смерть. Тебе нужно немного свежего воздуха, поэтому какое-то окно всегда открыто.

Например, если мы все заснем в этой комнате, и все вы будете крепко спать и храпеть, и я просто крикну: «Маниша!», только Маниша это услышит, никто другой. Странно, потому что звук ударил в уши каждого, но только Маниша просыпается и спрашивает: «Что случилось? Зачем я понадобилась посреди ночи?»

Глубоко в бессознательное проникло имя, потому что с самого раннего детства тебя называли каким-то именем. Или, если ты стал саньясином, это было вторым детством; тебе дали имя, и это имя определенным образом просочилось к тебе в бессознательное. Даже во сне ты знаешь, что это твое имя. Никто другой не проснется, никого другого оно не побеспокоит, кроме человека, которого позвали.

Поэтому не волнуйся о медитации. Сидя здесь со мной, ты получаешь какой-то ее вкус, сам об этом не зная.

Не беспокойся о сознании. Глядя на меня, наблюдая меня, ты чувствуешь нечто от сознания. Какие-то двери расшатываются, открываются. На это требуется некоторое время. Спешить некуда, доступна вечность. Лишь немного терпения, и все, что тебе нужно, случится с тобой.

Любимый Ошо,

Вчера гость, пришедший к нам в дом, заметил, что у всех нас необычайно сияющие глаза. Почему у твоих саньясинов сияющие глаза?

Потому что они мои саньясины, потому что они отражают мои глаза, отражают меня. Биение их сердец отражает биение моего сердца. Когда вы становитесь молчаливыми, когда вы становитесь

более бдительными, в ваших глазах появится другое сияние; обычно глаза у людей сонные, без всякого сияния. У них такие лица, как будто они под воздействием наркотиков или наполовину спят. То, что они говорят, кажется, не исходит ни из какого авторитета. Их жесты мертвы. Вся их жизнь живет частично.

Быть саньясином значит жить жизнь тотально и интенсивно. Эта интенсивность более всего влияет на глаза.

В Индии в джайнизме есть две секты. Разница очень мала, но в каком-то смысле очень значительна. Одна из сект поклоняется статуе Махавиры с закрытыми глазами, другая - статуе с открытыми глазами. Это не настолько большая разница, чтобы из-за нее строить разные храмы и постоянно бороться, спорить, писать комментарии. Но иногда это бывает очень забавно.

Джайнское сообщество очень невелико, и их храмы действительно красивы; может быть, у них самые красивые храмы. Но у одной секты может не быть достаточно денег, чтобы построить храм, поэтому обе секты строят храм вместе. Храм один и тот же, писания одни и те же, статуи одни и те же - единственная проблема с глазами. И они нашли стратегию: половину дня поклоняется одна секта, половину - другая.

Статуи сделаны из мрамора. Нельзя сделать мраморные статуи так, чтобы глаза можно было открывать и закрывать, когда угодно, - по крайней мере, на Востоке это невозможно. На Западе, может быть, мы можем придумать какое-нибудь техническое приспособление, какое-нибудь электрическое приспособление. Ты нажимаешь на кнопку, и глаза открываются; ты нажимаешь на кнопку, и глаза закрываются. Но этому конфликту почти двадцать пять веков, и тогда такой технологии не было. И был найден выход: они сделали отдельно глаза из золота, которые они просто приклеивают поверх закрытых.

Иногда это становится проблемой, потому что есть проблематичные люди: у кого-то, кто поклоняется Махавире с закрытыми глазами, время до двенадцати, но он продолжает поклоняться, молиться, и все ждут. Это заходит слишком далеко. В конце концов, они решают, что время пришло; этот человек задерживается слишком долго и создает слишком много проблем, и они начинают надевать открытые глаза... И он протестует: «Я поклоняюсь Махавире с закрытыми глазами, а вы надеваете глаза, которые открыты. Вы потревожили мое поклонение!»

Иногда дело доходит до суда. Храмы запирают, и годами никто не может поклоняться, потому что суд не может решить, медитировал ли Махавира с открытыми глазами или с закрытыми. Обе стороны представляют в свою поддержку священные писания, и те и другие писания одинаково древни. Кажется, никакого выхода нет.

В одном месте этот конфликт продолжался почти двадцать лет. Я каждый год приезжал на выпуск местного колледжа, чтобы произнести речь для студентов. Обе стороны пришли ко мне и сказали:

- Нужно что-то предпринять. Двадцать лет... и вот Махавира - под замками полиции. Кажется, никакого выхода нет. Что ты скажешь?

- Может быть, оба писания правы, - сказал я. - Что касается медитации, наверное, он медитировал с закрытыми глазами. Но он не медитировал двадцать четыре часа в сутки; он ходил просить подаяния, он разговаривал с учениками. А у человека, который так долго медитировал, наверное, были прекрасные глаза, такие сияющие, просто языки пламени, что на некоторых людей произвели впечатление его открытые глаза. И я не вижу в этом никакого конфликта.

И я предлагаю: вместо одной статуи сделайте две, одну с открытыми глазами, другую с закрытыми. Это такое простое дело, что я не могу понять, почему двадцать лет ничего не может решить ни высший суд, ни вы, идиоты, потому что дело только за тем, чтобы приобрести еще одну статую. Оставьте у этой статуи глаза открытыми. И каждый, кто хочет поклоняться, может поклоняться той или другой статуе. А если кто-то хочет поклоняться им обоим, в этом нет никакого вреда, потому что это один и тот же человек, который сидит с закрытыми и с открытыми глазами.

Но двадцать четыре века они боролись из-за такой мелочи. Наверное, что-то в этом есть - и это что-то заключается в том, что ортодоксы одержимы закрытыми глазами, а неортодоксальные люди, на которых произвели впечатление его глаза, магнетизм его глаз, хотят, чтобы глаза оставались открытыми.

Поэтому, когда кто-то спрашивает, почему у тебя такие же сияющие глаза, просто скажи, что это потому, что ты саньясин. Все у тебя внутри должно стать сияющим. Все у тебя внутри должно стать светом, засиять.

Глава 8

Жажда запредельного

Любимый Ошо,

Я часто слышу, как ты говоришь, что каждый ребенок приходит в этот мир с пустым умом, как tabula rasa.

Как же возможно, что, несмотря на это мы несем с собой воспоминания и обусловленности из прошлых жизней? Пожалуйста, скажи что-нибудь об этом.

Нужно понять одно разграничение, разграничение между мозгом и умом. Мозг - это часть тела. Каждый ребенок рождается с чистым мозгом, но не с чистым умом. Ум - это слой обусловленности, возникающий вокруг сознания. Ты обычно его не помнишь; поэтому продолжительность прерывается.

В каждой жизни, когда человек умирает, умирает и мозг, но ум высвобождается из мозга и становится слоем на сознании. Он нематериален; это просто определенная вибрация. Таким образом, на наших сознаниях лежат тысячи слоев.

Когда я говорю, что ребенок рождается как tabula rasa, я имею в виду мозг. Ум - очень древний, древний как существование. У него нет начала, но есть конец. В тот день, когда ты становишься способным отбросить все эти слои, накопленные за века, ум умирает. У него есть конец. В этом же свете нужно понять, что у просветления есть начало, но нет конца. Тогда ты можешь понять и то, и другое.

У ума нет начала; он всегда был с тобой. Затем, в определенный момент, ты его отбрасываешь.

Конец ума - и есть просветление.

Тогда просветление продолжается. У него есть начало, но нет конца. Вместе они содержат в себе целую вечность, от прошлого до будущего.

Мозг рождается каждый раз, когда тыходишь в тело, и умирает каждый раз, когда ты покидаешь тело. Но его содержимое - то есть ум - не умирает; оно остается с сознанием. Именно поэтому возможно вспомнить прошлые жизни - даже когда вы были животными или камнями. Все эти умы все еще с вами. Но поскольку психология не разграничивает ум и мозг, и наука не признает такого разграничения... в английском языке ум и мозг почти синонимичны. Именно поэтому иногда я забываю, и вместо того чтобы сказать «мозг», употребляю слово «ум».

В тех языках, носители которых совершали великое исследование во внутренней реальности, есть множество слов, описывающих различные явления. В этих языках есть слово, обозначающее мозг, которое никаким образом нельзя перепутать с умом. Английское слово «ум» тоже происходит от санскритского *манас* - оно превратилось в *mind*, - но манас означает каждый слой; бывает животный манас, растительный манас, столько разных стадий эволюции, сколько ты прошел.

В санскрите все в целом не называется манас, все в целом называется *читтам*. Это называется читтам, потому что это не составная часть тела, но составная часть сознания. Сознание в санскрите называется *четана*. Поскольку он цепляется к четане, он называется читтам. Эти языки очень ясно очерчены в выборе слов, в их значениях. Но причина ясна: они работали над этим и выработали эти различия.

Читтам - это все прошлое, все умы, коллективно цепляющиеся к четане, сознанию. Они будут отброшены коллективно, и как только они отпадут, это будет подобно тому, словно ты отбрасываешь одежду, и сознание остается обнаженным. Это обнаженное сознание - предельный опыт существа.

Отброшенные умы остаются в подвале твоего мозга, поэтому даже если просветленный человек хочет через них пройти, он может это сделать, точно так же, как ты можешь спуститься в подвал своего дома и просмотреть весь тот хлам, который ты туда бросал.

Мозг - это самый последний слой, но сам по себе мозг - это не слой, не содержимое. Сам по себе мозг - это только механизм; это биокomпьютер. Когда ты покупаешь компьютер, он пустой; в него ничто не вложено, он новый. Тогда ты начинаешь вкладывать в него программы, какие захочешь, - историю, науку, религию, математику; ты можешь ввести в компьютер что угодно. Он

это накапливает, у него есть система памяти; точно так же система памяти есть и у мозга. И каждый раз, когда тебе нужна информация, ты можешь запросить компьютер, и он выдает информацию.

Есть опасность, что в будущем компьютер разрушит способность человека к запоминанию, потому что он гораздо аккуратнее, и достаточно будет всего лишь небольшого пульта дистанционного управления, который ты всегда можешь держать при себе... Ты можешь либо держать собственный компьютер дома, либо подключаться к коллективному городскому и при помощи своего пульта дистанционного управления узнать что угодно. Ты можешь даже узнать, какого числа женился Сократ! Но он может дать тебе только ту информацию, которая в него заложена. Если ты задашь какой-то вопрос, который не был ранее запрограммирован, компьютер беспомощен; никакого ответа не придет.

В той же ситуации находится мозг. Мозг - это компьютер, точно как система памяти. И все наше образование - это не более чем ввод в компьютер. Он сможет ответить только на те вопросы, которые в него вложили. Если ты не учился физике, и тебе задать какой-то вопрос о ней, ум не сможет ответить, потому что этого нет в твоей памяти. Поэтому то, что ты называешь мышлением, тщетно: ты просто просматриваешь систему памяти, находя какой-то ответ на вопрос, для которого в нем нет ответа. Стоит задать любой новый вопрос, и он останавливается; он беспомощен.

Именно поэтому я настаиваю, что нельзя думать об истине, нельзя думать о просветлении, нельзя думать о любви. Нельзя думать обо всех великих вещах в жизни, потому что их нельзя заранее вложить в компьютер.

У ученого более полный компьютер; его память богаче. У профессора есть больше. Есть люди, которых уважают только за память. Все наше образование - это не что иное, как тренировка памяти, это не образование разума. Разум - это совершенно другое. Наше образование просто говорит тебе, что ты должен запомнить.

В Советском Союзе осознали тот факт, что мозг в точности подобен компьютеру. Зачем тогда его мучить и напрасно донимать? Поэтому на экзаменах студентам разрешают пользоваться библиотекой, или приносить все книги, которые им нужны. Все книги, которые им могут понадобиться, доступны в экзаменационной комнате. Какая необходимость в том, чтобы напрасно запоминать то, что написано в книгах? Но было установлено одно, и это изменило всю ситуацию: люди, которые плохо успевали, стали успевать хорошо. А те, кто хорошо успевал, стали сдавать позиции, уступать - отходить на второе, третье место.

Что произошло? Чтобы найти ответ, нужен разум, а эти книги такие большие, время ограничено - три часа. Ты должен найти ответы на пять вопросов. Ты должен быть очень бдительным и разумным, чтобы найти все относящиеся к делу факты и цифры и дать ответ. Те, у кого всегда была хорошая успеваемость, стали сдавать позиции, потому что у них нет никакого разума, есть только память. А теперь память бесполезна.

Все это так примитивно. Каждого студента можно снабдить небольшим пультом дистанционного управления, чтобы он мог просто проверить, какой необходим ответ. Его разум будет использоваться для того, чтобы правильно использовать пульт - использовать его мудро, ничего не перепутать, разумно понять вопросы, чтобы дать разумный ответ. Но это не вопрос памяти. Понадобится другого рода образование, которое учит разуму.

Хорошо известен тот факт, что люди великого разума не отличаются особенно хорошей памятью. Есть люди великой памяти, но у них нет совершенно никакого разума. Их память почти чудесна, невероятна, но абсолютно механична.

Когда изобрели чернильную ручку, было обнаружено, что у людей стал портиться почерк. Писать простой старомодной ручкой у них получалось лучше, чем перьевой. Чернильная ручка позволяет писать быстро, и ее не нужно снова и снова макать в чернильницу; чернила у нее внутри. Из-за этой скорости и запаса чернил люди стали писать быстро. Грация, с которой они писали медленно, внезапно исчезла.

То же самое произойдет с компьютерами. Они безмерно помогут вам запоминать, но помогут также и в негативном отношении - у вас не будет памяти. Даже имена друзей тебе придется проверять по компьютеру. Даже номер дома, в котором ты живешь, придется проверять по компьютеру, потому что теперь у твоего собственного компьютера нет необходимости работать - у тебя есть механическое приспособление.

Мозг - это не проблема, потому что мозг - это только машина. Проблема в содержимом мозга, то есть уме. Мозг - это только контейнер, и в каждой жизни ты получаешь новый контейнер. Старое содержимое смещается на один слой вниз и становится слоем твоего бессознательного.

Поэтому, когда я говорю, что ты получаешь новое начало, я имею в виду мозг, не ум. Но в английском языке эти слова используются как синонимы. Если ты начнешь двигаться в прошлые жизни, то войдешь в мир ума, который огромен, и каждый его слой открывает одну жизнь. Когда все слои пройдены сознательно, лишь тогда ты приходишь в центр своего сознания.

Индуистский храм называется *мандир*. Гранитная стена символизирует ум, и если тыходишь вовнутрь, в центре находится статуя Бога. Джайнский храм называется *чайтьялая* по той же причине. Если ты можешь тотально пройти сквозь *читы*, слои ума, то достигнешь сознания, находящегося в центре храма.

В Японии есть только один храм, символизирующий точнее, чем любой другой храм, реальность ума и не-ума, ума и сознания. В нем есть только стены. Внутри он пустой; нет ни статуи Будды, ни вообще ничего. Ты простоходишь вовнутрь и сидишь в молчании. Много раз спрашивали, почему это так, но даже священники не могут ответить, потому что они забыли, что он символизирует. Это не имеет ничего общего с храмом, это связано с человеческим умом.

Пятьсот лет после смерти Гаутамы Будды ни в одном его храме не было ни единой статуи. Вместо этого на стенах внутренней стороны храма в мраморе было выгравировано дерево бодхи. А место под деревом, где сидел Будда, где он стал просветленным, было пустым. Это странный символ, но очень значительный: дерево указывало на место, в котором Гаутама Будда стал просветленным, - но когда он стал просветленным, в нем больше не было Гаутамы Будды. Оно опустело, стало ничем, просто чистым молчанием. Эти храмы были прекрасны, но все они исчезли, все они были разрушены.

Я видел в Индии один храм... трудно понять, как его построили. У него нет фундамента. Это огромный храм - круглый храм, очень высокий, может быть, пятьдесят футов - и у него нет фундамента. Можно взять нить, продеть ее под стену и обойти таким образом весь храм. И ты найдешь, что эта стена ни на что не опирается, у нее нет никакой связи с землей!

Я спросил священника:

- В чем смысл этого?

У них есть глупая история... и я сказал:

- Смысл не в этом. Вы говорите что-то такое, что привлекательно только для идиотов - что это храм из рая и две партии богов... - В джайнизме и буддизме Бога нет, но каждый, кто находится в раю, называется богом, поэтому богов множество. - ...Две партии богов боролись за этот храм, и храм выскользнул у них из рук и упал на землю. Вот почему у него нет фундамента.

Я сказал:

- Это такая глупая история. Прежде всего, вы не понимаете, где находится рай, и если бы он был где-то за звездами, этот храм сгорел бы по пути - такая небольшая вещь.

Каждую ночь мы видим тысячи падающих звезд, но ни одна звезда в действительности не падает, потому что эти звезды очень большие - это просто огромные камни, блуждающие в космосе.

Каждый раз, когда возникает звезда или планета... Она жидкая, но она постоянно вращается вокруг своей оси, и поскольку она движется, будучи жидкой, многие ее части улетают прочь...

Луна отделилась от Земли таким же образом; она была частью Земли. И именно из-за Луны у нас такие большие океаны. Эти океаны - это места, в которых жидкость Земли выплеснулась. Тысячи мелких частей выпали в космос и падали, пока не попали в какое-то гравитационное поле.

Когда гравитация притягивает эти небольшие части, такова ее сила и их скорость, что они просто сгорают. Поэтому когда вы видите падающую звезду, это просто горящий камень. Из-за своей скорости он так раскаляется, что в какой-то момент просто вспыхивает пламенем. Чаще всего он догорает прямо в небе. Только очень большие камни способны достичь Земли, например камень Каабы. Мусульмане считают его божественным; в нем нет ничего божественного, это большой камень, который не догорел полностью и достиг Земли. И есть множество других мест, куда упали такие камни. Поэтому я сказал:

- Этот храм исчез бы. Это невозможно, чтобы он упал с неба. И нет никаких богов - что это за боги, если они борются за какой-то тухлый храм? В этом храме нет ничего особенного, кроме того, что у него нет фундамента.

Но насколько я сам понимаю, эти стены символизируют ум, и внутри... внутри нет никакой статуи. Внутренняя пустота символизирует сознание.

И отсутствие фундамента символизирует то, что у ума нет основания; ты можешь его отбросить в то самое мгновение, как решишь это сделать. Он ни на чем не основан. Он просто цепляется вокруг сознания, приклеивается к нему, но у него нет никакого основания.

Великое философское прозрение было переведено на язык архитектуры, а эти идиоты говорят о дерущихся богах и о том, что этот храм выскользнул у них из рук и упал на Землю. Они уничтожили весь смысл. Но люди, создавшие этот храм, наверное, обладали прозрением. Должно быть, потребовались великие усилия, чтобы построить его без всякого фундамента. Это гигантская структура, и она просуществовала почти пятнадцать веков.

Есть мозг, который появляется каждую жизнь, новый, свежий; это часть тела. Есть ум, который существует вечно, как жизнь. Пока ты не становишься просветленным, он продолжает цепляться к тебе. Это просто пыль всех тех жизней, что ты прожил, воспоминания, которые ум высвобождает, когда ты умираешь. И эти воспоминания остаются приклеенными к сознанию. Они становятся толстым слоем.

Медитация - это способ вырыть колодец в этом толстом слое и достичь вод сознания. Поэтому у медитации есть начало, но нет конца.

Любимый Ошо,

Через несколько дней я собираюсь посетить своего восьмидесятилетнего отца, которого я не видел семь лет. Он очень настаивает на том, чтобы со мной увидеться, но в то же время очень несчастен оттого, что я саньясин. Как дать ему чувствовать себя счастливым, не становясь при этом лицемером?

Не ехать... это единственный способ! Прежде всего, ехать в Европу в условиях ядерной радиации опасно; нет смысла. Во-вторых, делать его несчастным, когда он умирает в возрасте восьмидесяти лет, нехорошо. Если ты приедешь как саньясин, он будет несчастнее, чем, если ты вообще не приедешь.

Семь лет ты не ездил. Если ты приедешь как не-саньясин, ты будешь несчастен, потому что почувствуешь себя лицемером, и скорее всего, обнаружится, что ты только притворяешься не-саньясином. Так зачем донимать старика? И неясно, умрет он или нет. Насколько я знаю, чем дольше человек живет, тем меньше вероятность смерти. Ты когда-нибудь слышал, чтобы кто-то умирал в возрасте ста двадцати, ста тридцати лет? Чем дольше человек живет, тем меньше возможность смерти!

Он уже пропустил нужное время, чтобы умереть, - он опоздал. Правильное время - семьдесят лет; он на десять лет опоздал. Поэтому не беспокойся. Пусть только эта история с радиацией окончится, и ты можешь ехать. Смерть никогда не бывает такой определенной. Нет никакой гарантии, что в восемьдесят лет он умрет, просто мы можем испугаться, что он умрет.

Но если ты решишь ехать, оставайся саньясином, чтобы не нужно было быть лицемером. Он может вспылить. Прими это радостно. Сиди в молчании, скажи своему отцу:

- Скажи все, что всегда хотел сказать. Злился или, если хочешь дать мне пощечину, дай - но только не причини себе вреда, ты слишком стар. Я могу сам дать себе пощечину за тебя.

Сделай это шуткой; заставь его смеяться.

Будь с ним, но не очень серьезно, не так, словно он вот-вот умрет, и ты из-за этого приехал. Скажи ему:

- Мой мастер говорит, что ты уже десять лет как опоздал - ты упустил время, а когда человек пропускает свою очередь, она не останавливается ради него. Очередь движется вперед.

Теперь, если кто-то другой задержится, и в очереди появится промежуток, может быть, у твоего отца появится какой-то шанс; иначе умереть никак невозможно. Поэтому не будь грустным и не делай грустным его.

Сначала он будет злиться. Сначала он скажет тебе, что ты все сделал неправильно. Согласись со всем, но скажи ему:

- Я просто твой сын, и я не могу быть лицемером, потому что я знаю, что это заденет твою гордость - что твой сын лицемерит. Поэтому я пришел таким, как я есть. И я готов принять твой гнев или любое наказание, которое ты считаешь для меня уместным.

Учение моего мастера в том, что когда человек умирает, нужно позволить ему покончить со всеми его желаниями, поэтому, если это твое желание, ударь меня. Не умирай с такими глупыми желаниями, потому что они снова приведут тебя в глупую жизнь; у тебя снова будет такой же сын, как я, - может быть, снова я, - который станет саньясином.

Все кончится за полчаса; дольше это продолжаться не может.

Тогда помоги ему медитировать. Скажи ему:

- Это не имеет ничего общего с саньясой. Ты можешь медитировать. Особенно это хорошо, потому что ты стар и упустил свой шанс умереть, на десять лет опоздал. Это поможет тебе стать молчаливым, стать мирным. И если придет смерть, в тебе не будет никакого страха ее.

Помоги ему делать випассану - простейшую вещь. Скажи:

- Просто лежи и наблюдай за дыханием.

Тебе нужно решить. Самое лучшее - не ехать, потому что я не думаю, что он догонит свой поезд так скоро. Но если ты боишься, что он догонит поезд, езжай. Но будь саньясином. И не нужно бояться. Просто скажи:

- Я тот же человек, только немного лучший. Твой сын не сбился с дороги.

Скажи ему, что ты делал, и спроси, что в этом плохого.

И сделай снова возможной близость. Сядь рядом с ним и помоги ему медитировать. Нет никакой проблемы, если ты едешь радостно, и он видит, что ты счастлив, что путь, который ты выбрал, сделал тебя радостным, более независимым, дал тебе определенную цельность - что он не поработил тебя, что он сделал тебя более свободным, чем ты когда-либо был.

Он будет счастлив. Он старый француз, а французы всегда любили свободу. Все, что ты делаешь, французы делали веками, в этом нет никакой проблемы. Ни один француз в действительности не христианин; у них нет для этого времени. Сначала нужно разобраться со всеми подружками. К тому времени, когда тебе восемьдесят, пора идти домой, не в церковь.

Поэтому расскажи ему хорошую новость. И скажи ему:

- Возвращайся поскорее и снова стань французом; это хорошее место. И я последую за тобой, так что нет никаких проблем. Христианство или саньяса, в своей основе я француз. Я на самом деле приехал не ради тебя, а ради своей подружки.

Просто скажи правду!

Любимый Ошо,

Однажды я наблюдал гипнотизера, который под гипнозом вводил людей в воспоминания прошлых жизней. Это было весьма убедительно, потому что гипнотизируемые описывали подробности, окружающее, ситуации и так далее. Почти в каждом случае эти люди втягивались в травматический опыт, который обычно достигал кульминации в их смерти. Кажется, правильно используемый, этот метод мог бы быть ценной техникой. В этом случае, однако, я почувствовал, что гипнотизер был довольно нечувствителен к людям после их опыта. По некотором размышлении я должен также добавить, что это случилось в Калифорнии. Пожалуйста, прокомментируй.

Хорошо, что ты добавил, что это случилось в Калифорнии. В Калифорнии возможно все. И то, что тебе показалось странным, не поразило бы тебя так, если бы ты знал, что техник может использовать что угодно, в особенности гипнотизм.

Этот человек знал только технику; он понятия не имел, что происходило с этими людьми. Он понятия не имел, что должен быть чувствительным к этим доверяющим людям, которые входят в опыт смерти, прошлой жизни. Он был только техником. Он был более заинтересован в том, чтобы использовать гипнотизм как профессию. Может быть, он продал билеты, и его интересовало только, сколько он заработал. Это люди, из-за которых гипнотизм осуждается во всем мире.

Прежде чем Индия разделилась... Для меня в разделении Индии и Пакистана величайшей потерей было то, что многие прекрасные вещи исчезли с индийских улиц. Раньше где угодно на улице в Индии можно было найти магов и гипнотизеров, которые совершали такие чудеса, что невозможно поверить, - но все они были мусульманами.

И это было как бы семейной тайной, и они не выдавали ее больше никому. Они не очень много зарабатывали: если за одно представление из тех мелких монет, что кидала толпа, набиралось пять рупий, этого было достаточно. Но они делали что-то невероятное. Но они сами понятия не имели,

что они делали; они просто знали технику. Они владели техниками и использовали эти техники, которые могут сделать человека воспламененным, освобожденным - для привлечения толпы на улице.

Это было большой потерей, потому что когда Индия разделилась, эти мусульмане перебрались в Пакистан. Не знаю, продолжают ли они по-прежнему делать все эти вещи. Пакистан - маленькая страна, и столько магов со всей Индии... гипнотизеров и всевозможных трюкачей, канатоходцев. Если все они собрались в Пакистане... Пакистан - небольшое место; он не может позволить себе столько представлений. Никто не будет обращать на них внимания. Скорее всего, они выбрали другую профессию.

В Индии это было возможно, потому что это большая страна, и можно до бесконечности перебираться из одного города в другой. Но вопрос в том... Моим опытом тоже снова и снова было, что все они, без единого исключения, были нечувствительными людьми. Их совершенно не заботило, происходит ли в человеке какой-нибудь духовный рост. Их интересовали только деньги.

Таким же образом, человек, которого ты видел в Калифорнии, был просто техником, который знает простой метод гипноза и может этим зарабатывать деньги. Его не волнуют, не интересуют все эти люди и их прошлые жизни; его интересуют только деньги. И, кроме того, он дает одно и то же представление пять раз в день - на этом углу, на том углу, в этом театре, в той аудитории.

Точно так же врачи становятся нечувствительными в больницах. Целыми днями они видят боль, страдание, переломы, операции - все это становится техникой; если они будут слишком чувствительными, они умрут.

В Индии не найдется ни одного джайнского врача. Я искал по всей стране. Куда бы я ни приехал, я спрашивал:

- Есть ли в этом месте хоть один врач, который был бы джайном?

Я не встречал ни одного. И причина в том, что джайн не может заниматься хирургией, потому что в нем воспитывают такую чувствительность к насилию. Он не может убить и муравья; как он может резать человеческое тело? И прежде чем резать человеческое тело, он должен резать лягушек, и так далее. Это невозможно.

Я знал одного молодого человека, который настоял на том, чтобы поступить в медицинский колледж, но когда ему пришлось резать лягушку, он не смог этого сделать. Он упал в судороге, потерял сознание, и ему пришлось покинуть колледж. Ему сказали: «Займись чем-то другим; это не для тебя. Если ты не можешь разрезать лягушку, живую лягушку, как тебе удастся делать хирургические операции?»

Я знаю этого человека. Он сам рассказал мне историю о том, как его выгнали из медицинского колледжа. Он осмелился пойти против своих родителей и друзей, которые говорили:

- Ни один джайн не может заниматься такой работой. Но он хотел принять вызов. Он сказал:

- Что в этом особенного? - просто резать лягушек... Посмотрим, может быть, я привыкну к этому.

Но тебе приходится резать живую лягушку; и если тебя воспитали в огромном преклонении перед жизнью, ты просто замираешь, руки тебя не слушаются.

Врачи становятся очень нечувствительными, и их нельзя винить, им тоже нужно жить. Они становятся как роботы. Они могут разрезать тебе руку и ничего не почувствовать, они могут вынуть тебе глаза и ничего не почувствовать, потому что если они каждый день будут переживать за каждого пациента, то вскоре умрут от сердечного приступа. Им невозможно оставаться чувствительными.

То же самое происходит с людьми, которые используют гипнотизм, месмеризм и тому подобное. Эти вещи очень таинственны, и это вызывает в людях интерес, а все их усилия направлены на то, чтобы вызвать интерес. Они будут продолжать говорить вздор, чтобы заинтересовать тебя, но использовать людей, переживающих травмы, это постыдно; этого нельзя делать.

Гипноз нужно отнять из рук профессионалов, людей, которые используют его ради денег. Он должен стать храмовым методом, чем-то священным. Это и есть нечто священное.

Любимый Ошо,

Правда - слушая тебя, часто я чувствую себя окруженной мягкостью, покоем, молчанием, но внутри этого всего - такая глубокая жажда. Это также иногда случается, когда я ошеломлена

и приведена в восторг закатом солнца, полной луной, красивой музыкальной пьесой. В этом всегда есть жажда, почти как сладкая боль. Ошо, чего именно я жажду?

Что угодно, обладающее красотой, что угодно, напоминающее тебе о запредельном, создаст в тебе жажду, жажду, в которой ты не сможешь понять, чего именно жаждешь. Ты не знаешь имени ее объекта, потому что, фактически, в этой жажде нет никакого объекта.

Слушая прекрасную музыку, видя прекрасный закат солнца, или просто летящую птицу, или красивые розы, или сидя под деревом в молчании, ты можешь почувствовать сладкую боль.

Эта жажда в том, как слиться в одно с этим состоянием чувства. Это не должно быть мимолетным событием, которое приходит и уходит, но чем-то таким, что остается с тобой, что становится тобой, потому что та же самая музыка, которая сладка сегодня, может не быть сладкой завтра, а послезавтра же вызывать скуку.

Таким образом, суть не в музыке. Суть в том, что она в тебе провоцирует жажду быть мирной, быть музыкальной, обладать всей красотой существования и обладать ею навсегда. Это духовная жажда, жажда запредельного, за пределами всех мимолетных опытов; жажда остановить время и быть здесь и сейчас, в этом мгновении, вечно. Это истинная религиозность.

Истинная религиозность не имеет ничего общего с церквями, мечетями, священниками - все это техники, эксплуатирующие вас. Их идеологии и теологии - просто попытки утолить в вас эту жажду. Они не могут ее утолить. Поэтому, хотя люди и христиане, индуисты, мусульмане, но все же в каком-то уголке их сердец сохраняется поиск, нескончаемое паломничество. И если бы они смогли понять, что это истинное направление религии, они отбросили бы христианство, индуизм и ислам и последовали бы этой жажде.

Это жажда сделать свою жизнь более творческой, чтобы она стала музыкой, чтобы сама эта жизнь стала закатом солнца. Это жажда сделать ее настолько медитативной, чтобы сама жизнь стала присутствием неведомого, окружающего тебя, испускающего аромат, который не от этого мира.

Глава 9

Благодарность существованию

Любимый Ошо,

Уверен ли ты, что не родился просветленным? Кажется, ты прожил всю жизнь с такой ясностью, храбростью и преданностью, никогда не идя на компромисс в своей цельности, что кажется, что какое-то качество пробужденности было с тобой все время. Если двадцать лет ты не был просветленным, было ли что-нибудь для тебя страданием?

Для меня страдания не было. Я не знаю вкуса страдания. Я видел, как люди страдают, я могу представить, что, наверное, происходило у них внутри, но в этой жизни я не страдал ни единого мгновения. Ты прав: я родился почти просветленным.

Я не могу сказать «просветленным», но почти... на самой грани, как человек, стоящий на границе: с этой стороны - мир тьмы, бессознательности, страдания, с другой стороны - мир блаженства, света и благословения. Я был ни на той стороне, ни на этой, точно на границе.

В моей прошлой жизни работа осталась лишь немного неоконченной. Именно поэтому я использую слово «почти». Еще один шаг, и я стал бы просветленным. Но даже если ты так близко, это значит, что ты не можешь страдать, не можешь переживать тоску, тебе не могут сниться кошмары. И в твоей жизни обязательно будут качества, которые обычно недоступны в обыкновенном ребенке: храбрость, цельность, абсолютно бескомпромиссный подход, тотальная преданность - никогда не отступать, какими бы ни были последствия, и принимать это радостно, как будто последствия не имеют значения.

Что имеет значение, так это то, как ты встретил ситуацию. Ты был тотален, ты был абсолютно предан, в тебе не было сомнений. Твое доверие было предельным, не относительным, не зависящим ни от каких условий - безусловным. И именно это имеет значение, не то, что происходит как следствие, - это несущественно.

Само по себе действие является собственной наградой, и именно так я жил. И если бы мне был дан еще один шанс, я хотел бы прожить так же снова и снова, ничего не меняя, по той простой причине, что я наслаждался всем, что бы ни происходило - и столько случилось за маленькую жизнь.

Однажды Эмерсона спросили:

- Сколько тебе лет?

И он ответил:

- Триста шестьдесят.

Задавший вопрос не мог поверить своим ушам. Он сказал:

- Это слишком много; наверное, ты шутишь! Просто скажи мне, сколько тебе лет.

И Эмерсон сказал:

- Я и сказал. Но я могу понять, почему ты озадачен. Ты считаешь триста шестьдесят лет по календарю. Я считаю жизнь по-другому. Согласно календарю, мне только шестьдесят лет, но в эти шестьдесят лет я прожил в шесть раз больше, чем смог бы прожить ты за то же время. Принимая во внимание, сколько я прожил, я сказал тебе мой возраст - триста шестьдесят лет жизни, сжатой в срок шестидесяти лет.

Каждое мгновение имело безмерную ценность. Эти мгновения перед просветлением, эти мгновения просветления, и эти мгновения выхода за пределы просветления - всего было так много, что я могу быть только благодарным существованию. Из этой благодарности возникает мое доверие. Оно не имеет ничего общего с существованием и с тем, достойно ли оно доверия; оно вытекает из моего опыта, из моей благодарности, которая создает во мне доверие.

Поэтому, что бы существование ни сделало со мной, это будет абсолютно принято - даже распятие. И со мной не будет, как с Иисусом... он потерял голову, на мгновение лишился своего доверия к Богу.

Неважно, называется это Богом или существованием. «Существование» более естественно, более реально. «Бог» более символичен, более метафоричен - его нельзя доказать. Для существования не нужно доказательств, оно уже есть; мы - его части. Но на мгновение Иисус лишился доверия, а потерять доверие, значит потерять все.

Он закричал в пустое небо:

- Отец, разве ты забыл меня?

Это одно восклицание сомнения, подозрения, недоверия безмерно важно. Оно показывает, что доверие не было тотальным, что было какое-то ожидание, может быть, не сознательное, но все же ожидание того, что случится чудо, и он будет спасен. Ничего не случилось. А он обещал ученикам:

- Вы увидите, что сделает мой отец.

Это ожидание, что какое-то чудо низойдет с неба, что протянется рука и снимет его с креста или изменит всю ситуацию, и он будет больше не нищим и преступником, но коронованным императором, князем тишины...

Ничего не случилось: он умирал, точно как и другой преступник, который никогда не думал о Боге, который никогда не молился, который совершал все возможные грехи. Преступник умирал точно так же, как и Иисус. Казалось, Бог безразличен. Поэтому в этом восклицании гнев, разочарование, чувство поражения - так много в нескольких словах. Эти несколько слов перечеркивают всю его жизнь спасителя, пробужденного человека.

Истина не знает никаких условий; это просто благодарность, признательность. Если после всех этих переживаний, мгновений любви, радости, прекрасных состояний концом становится распятие, если это полностью так, все в полном порядке - наслаждайся им.

Я всегда думал, что если бы Иисус мог поблагодарить Бога, я бы восхищался им совсем по-другому. Если бы он радовался даже в распятии... потому что не в твоих руках располагать, что произойдет; но, что бы ни произошло, в глубоком принятии - наслаждайся. Это доказывает твою цельность, твое доверие. И только в мгновения, когда ты проходишь через огонь... Когда все идет хорошо и гладко, человек может доверять очень легко, но доверять на кресте - это испытание.

Если бы Иисус доверял на кресте, если бы он не поднял голос в вопросе, сомнении, подозрении, он был бы в той же категории, что и Будда. Он упустил. Но человек упускает, только если внутри несет что-то, что в какой-то критической точке выходит наружу.

Твой вопрос относится к делу. Даже мои родители, соседи, учителя чувствовали себя озадаченными по той простой причине, что не могли отнести меня ни к какой категории. Они знали все виды людей, но не могли отнести меня ни к какой категории.

Мой директор в высшей школе был очень строгим человеком, проповедовавшим суровую дисциплину. Как только я перешел из школы в высшую школу, с самого первого дня между нами началась борьба. Обычно в начале дня, перед началом занятий, проводилась коллективная молитва. Я оставался в молчании. Я не участвовал в молитве, которая возносилась в честь индуистского бога Ганешвара, бога-слона с телом человека и головой слона. Он вызвал меня и сказал:

- Мы этого не потерпим.

Я сказал:

- Не нужно ничего терпеть. Делайте, что можете, но помните, что я буду делать то, что считаю правильным. Для меня молитва - это вздор, и особенно молитва такому богу, который просто смехотворен. Я не могу молиться. Я могу молчать.

- Я очень суровый человек, - сказал он.

- Мне все равно, - сказал я. - Вы можете меня убить - вот и все, что вы можете сделать; но я не буду участвовать в этой молитве, живой или мертвый. Я не верю ни в какого бога и особенно в эти вздорные идеи о богах и образах. Я не индуист. Вам придется отвечать перед судом.

- За что? - спросил он.

- За принуждение меня к религии, к которой я не принадлежу. Это против закона. Вы ответите мне перед судом.

И у меня был хороший адвокат, который был отцом одного из моих друзей. Я сказал:

- У меня есть адвокат, и я всегда ему говорил, что когда мне будет необходимо... помните, я приду прямо в суд.

- Ты странный человек, - сказал директор. - Ты подашь на меня в суд?

- Несомненно, потому что вы совершаете преступление. Я не индуист: почему я должен участвовать в индуистской молитве? Это не индуистская школа, это правительственная школа. Правительство не принадлежит ни к какой религии. Приходите со мной в суд, чтобы я мог представить дело своему адвокату, а вы - предстать перед судьей.

- Боже мой, - сказал он, - я никогда не думал, что ты можешь довести это до таких крайностей.

- Я ничего не довожу, - сказал я. - Вы принуждаете меня его доводить; иначе забудьте все о своей суровости. Сегодня первый день, и это хорошее вступление. Я узнал вас, вы узнали меня - теперь каждый раз, когда что-то происходит, помните, что имеете дело не с каким-то Томом, Диком или Гарри.

Я сказал ему:

- Сегодня я могу вас простить, потому что это ваша первая ошибка, но в следующий раз мы будем разговаривать в суде. - И я вышел из его кабинета. Он промолчал.

Тем же вечером он пришел к моему отцу и сказал:

- Что это за мальчик?

Мой отец сказал:

- У нас ничего не получается. Вы всем известный сторонник дисциплины, а он - только маленький мальчик, может быть, у вас получится.

- Он не маленький мальчик, - сказал тот. - Он угрожал мне судом, и он может это сделать! У него уже есть адвокат. Я знаю этого адвоката, и я много раз видел, как он беседует с этим адвокатом, потому что они просто... - Этот адвокат жил в соседнем доме с директором. - Они друзья, хотя между ними и большая разница в возрасте. Они очень близкие друзья; они разговаривают как равные. Так что же я должен делать?

- Никто не знает, - сказал мой отец. - Вы найдете свой способ; мы нашли свой. Никто не становится у него на пути. Все, что он хочет делать, пусть он это делает - это простейший путь. Он никогда никому не вредит. Просто не становитесь у него на пути; иначе все станет слишком большим и выйдет из-под контроля.

На второй день я снова стоял молча. Он был очень зол. Я видел, что он кипел внутри, потому что чувствовал себя очень униженным. Он не вызвал меня в кабинет, но я пришел к нему в кабинет сам. Он сказал:

- Я не вызывал тебя.

- Вам не хватило храбрости меня вызвать, - сказал я, - хотя вы хотели. Я видел это у вас на лице, в ваших глазах: вы кипели от гнева, и я подумал, что мне лучше прийти. Зачем мне ждать, пока вы меня вызовете?

- Кажется, тебе нравится бороться! - сказал он.

- Мне нравится все - в том числе и бороться. Он стоял, поэтому я просто пододвинул его стул и сел на него. Он сказал:

- Что ты делаешь?

- Просто сижу на стуле.

- Это мой стул.

- На этом стуле не написано ничье имя. Стул - это то, на чем сидят, а вы в любом случае стоите. А я маленький мальчик. Я устал. Вы можете постоять. Вы достаточно сильный, - он был крупным человеком, очень высоким и мускулистым, - вы можете постоять. Это кажется более вежливым и правильным, что вы стоите, а я сижу.

- Послушай, - сказал он, - мы должны прийти к какому-то компромиссу, потому что таким образом ты разрушишь всю мою репутацию и имидж школы.

- Но я не верю ни в какие компромиссы. Я не хочу разрушать ваш имидж. Вы можете сохранять свой имидж, - я не разрушитель, - но оставьте меня в покое. Если вы это пообещаете, у вас не будет со мной никаких проблем.

Ему пришлось пообещать:

- Я никогда не встану у тебя на пути, делай все, что хочешь. Он также вел один из моих факультативов. Он был ученым и преподавал химию. Я выходил, когда мне хотелось, не спрашивая его, и входил, когда мне хотелось войти, не спрашивая его. Он сказал мне:

- Это неправильно.

- Я же говорил вам, оставьте меня в покое, - сказал я. - Мы пришли к взаимопониманию. Если я вас спрошу, и вы скажете нет, я не собираюсь слушаться вашего нет, я все равно выйду. Поэтому, чтобы не подвергать вас такому смущению, я просто выхожу, не спрашивая, - просто чтобы сохранить ваш имидж.

Он был в растерянности.

Три года я был под его началом. Даже фотография, которую делают при выпуске из школы... Он был очень озабочен, появлюсь я на этой фотографии или нет, приду я или нет. Я не только пришел, но и привел с собой фотографа.

Он спросил:

- Но зачем ты привел с собой фотографа?

- Это фотограф, бедный фотограф этого города. Вы всегда вызываете фотографов из больших городов; в этом нет необходимости. Этому бедному человеку нужно больше работы, потому что я видел, как он продавал зонтики в сезон дождей, а летом - лед, содовую и холодные напитки. Но когда возникает малейшая возможность, он делает фотографии - на свадьбах или тому подобных случаях. Он бедный человек, и я хочу, чтобы с сегодняшнего дня он был нашим уполномоченным фотографом. Эта школа должна его уважать.

- Ну раз уж ты привел его... - сказал директор.

Бедный фотограф очень боялся, потому что его еще никогда никуда не звали. Я все ему объяснил - как что сделать, как все устроить... и он пришел в лучшем костюме и при всем параде. Директор встал в центре, вокруг учителя и все остальные, и он все сделал, как положено. И тогда он сказал:

- Готовы?

Я его подготовил.

Он говорил:

- Я должен оказаться достойным этого поста, достойным быть уполномоченным фотографом высшей школы. - Это было самое большое учреждение в городе. И вот он спрашивает:

- Готовы?

Затем он щелкает фотоаппаратом и говорит:

- Спасибо! - И все расходятся. И вдруг он говорит:

- Обождите - я забыл вставить пластинку! И во всем виноват ты, - сказал он мне. - Ты никогда не говорил: «Ты должен вставить пластинку». Ты рассказал мне все остальное.

Я сказал:

- Я думал, что как фотограф ты должен знать, что нужно вставлять пластинку; иначе какой же ты фотограф?.. И все эти «Готовы?» и «Спасибо!» пошли насмарку. Но ничего страшного.

Я сказал ему:

- Приготовьтесь снова.

Директор очень разозлился, потому что при этом присутствовали школьный инспектор и школьный бухгалтер, и когда фотограф сказал: «Я забыл вставить пластинку! Что теперь делать?», это вышло так забавно.

Директор вызвал меня. Он сказал:

- Это последний день. Ты уходишь, но не без последнего выступления. Кто тебя просил звать этого фотографа? Что за идиот! Именно поэтому мы многие годы его избегали! И ты сам убедился...

- Но это была такая прекрасная и забавная сцена! - сказал я. - И каждый, кто участвовал в ней сегодня, запомнит ее на всю жизнь. Вы должны заплатить ему немного больше! И помните, что с сегодняшнего дня он уполномоченный фотограф этой школы.

- Ты уходишь из этой школы или нет? Это наше дело... кого мы уполномочиваем, а кого нет.

- Это не ваше дело, - сказал я. - Я сказал классу, который выпускается в следующем году, нужным людям, позаботиться о том, чтобы этого фотографа приглашали каждый год, и если в этом явится необходимость, они могут вызвать меня из колледжа. Он не так далеко отсюда, всего лишь в восьмидесяти милях. И каждый год, в день фотографирования, я буду приезжать и смотреть, на месте ли уполномоченный фотограф.

- Ладно, он будет уполномочен, - сказал он.

- Я хочу подтверждения в письменном виде, потому что совершенно вам не доверяю, - сказал я.

И ему пришлось дать мне заверенное письмо. Я отдал его фотографу. Он сказал:

- Я очень волновался, но ты провел такую большую работу - сделал меня навсегда уполномоченным фотографом. Я могу показывать это и другим заказчикам, - что я не такой идиот, как думают люди. Я уполномоченный фотограф образовательного учреждения этого города.

Он спросил меня:

- Как у меня получилось?

- Великолепно, - сказал я.

- Всего одна ошибка, - сказал он.

- Это не было ошибкой, - сказал я, - это был гвоздь программы, когда ты забыл пластинку. Без этого не было бы никакой радости. Фотографии может снимать кто угодно, но ты - настоящий гений!

- Я думал, что все разозлятся, - сказал он.

- Пока я здесь, никто не разозлится, - сказал я. И он стал уполномоченным фотографом!

Каждый раз, оказываясь в этом городе, я справлялся о нем... Он сказал мне:

- Теперь я встал на ноги. Сменилось много директоров, но я остался уполномоченным фотографом. Но ты был прав: той великой радости, как в первый раз, больше не происходило; я никогда больше не забывал пластинку.

Эти люди имели всю возможную власть, но каким-то образом я никогда не чувствовал, что у них есть какая-то власть. Я чувствовал, что они только притворяются, что у них есть власть; глубоко внутри они трусы, и если правильно ударить, вся их власть исчезнет. И я оставался таким все мое детство - в школе, в колледже, - и это стало повседневным делом. Я наслаждался всеми этими мгновениями.

Иногда я думал, что, может быть, я чем-то отличаюсь от других людей, потому что никто не оказывается в таких переделках, как я. Но все эти переделки давали мне определенную силу и странный опыт, что люди, которые притворяются, что у них есть власть, просто страдают комплексом неполноценности, и ничего больше.

Каждый, кого я тревожил, каждый день беспокоился о том, что я могу что-то сделать - и я никогда ничего не планировал! Все просто случалось.

Одного моего присутствия было достаточно, и что-то включалось.

Я хотел бы, чтобы каждый жил таким же образом. Будут различия в ситуациях, в уникальных индивидуальностях - но я хотел бы, чтобы каждый ребенок жил таким образом, чтобы он мог вспомнить каждое мгновение, которое прожил, как действительно золотое мгновение.

Я не могу вспомнить ничего такого, о чем мог бы сказать, что это должно было случиться - или не должно было случиться - по-другому. Я так наслаждался тем, как все случалось, так радовался, но каждый, кого это касалось, тревожился о том, что это портит ситуацию.

Когда я защищал диссертацию, один из самых известных психоаналитиков и глава отделения психологии университета Варанаси заинтересовался мной. Он был из соседней деревни и часто приходил, потому что ему нужно было пересечь мой город, чтобы попасть в свою деревню. Железнодорожный вокзал был в моем городе, и он приходил, чтобы переночевать и отдохнуть с моей семьей, а затем отправлялся в свою деревню. Возвращаясь, он снова останавливался перед поездом.

Он был очень заинтересован в том, чтобы, получив степень бакалавра, и переехал в Варанаси, то есть индийский Оксфорд, лучший университет. Он сказал мне:

- Ты должен заняться психологией и стать профессором психологии.

- Это долгий проект, - сказал я. - Я не думаю о таких отдаленных вещах, но я приеду.

После защиты я отправился туда, и однажды он так разозлился на меня, что выбросил мои вещи из дома. Я сказал:

- Зачем вы беспокоитесь? Вы можете просто мне сказать, и я заберу свои вещи и уеду.

- Я никогда не думал, что ты так опасен, - сказал он. - Твой отец говорил мне: «Остерегайся этого мальчика, не приглашай его в свой университет или в свое отделение». Но я говорил ему: «Я психолог, я поставлю его на место». Но ты оказался действительно трудным.

Первым же утром... Я прибыл ночью; утром он сидел на террасе, на солнце. Это было зимним утром, и там было теплее. Он сидел с двадцатью или тридцатью своими самыми выдающимися учениками, среди которых было несколько профессоров. Он хотел представить им меня и еще хотел задать несколько вопросов, которые, наверное, снова и снова возникали у него в уме, почему я считаюсь таким опасным и трудным.

И он стал задавать вопросы, простые вопросы, как например:

- Веришь ли ты в Бога?

- Об этом не может быть и речи, - сказал я.

- Почему?

- Потому что нельзя ни верить, ни не верить в то, чего нет - то и другое неправильно. Такой вещи просто не существует; верить в нее настолько же глупо, что и не верить. Об этом не может быть даже вопроса. Слово «Бог» не имеет смысла.

Будучи очень богобоязненным человеком, он пришел в напряжение. И с каждым вопросом... через полчаса он уже выбрасывал мои вещи из дому. Я сказал:

- Не стоит труда... вы старик; я возьму их сам.

- Я не хочу тебя знать; ты не можешь поступить на мое отделение, - сказал он.

- Я никогда и не хотел поступать в ваше отделение. Вы хотели, чтобы я приехал, поэтому, просто чтобы отдать дань уважения вашему приглашению, я приехал. Я не могу жить без своих вещей, поэтому с этими вещами приходится уйти и мне. Но это был такой прекрасный опыт! Великий психоаналитик приходит в такое смятение. Тогда как, вы сами стали задавать вопросы, я же ничего не говорил.

Каждый, кто при этом присутствовал, почувствовал, что это было абсолютно несправедливо: сначала он пригласил меня, потом стал задавать вопросы... и я отвечал, отвечал ясно и абсолютно рационально. И вот он выбрасывает мои вещи...

Его профессора, его студенты, все, кто при этом были, пришли, чтобы выразить мне сочувствие, и сказали:

- Нам жаль. Мы не пришли бы, если бы знали, что он так себя поведет. А мы всегда считали этого старика очень уравновешенным и спокойным.

- Каждый может быть уравновешенным и спокойным, - сказал я, - пока его не раскусишь и не ударишь в правильное место!

И этот психолог разозлился еще больше, потому что все профессора и все его студенты оставили его на террасе и вышли со мной на дорогу. Они вызвали мне такси, и все приехали со мной на вокзал. И позднее один из студентов написал мне, что он был так взбешен, что сказал каждому из них:

- Вы все меня оскорбили, уйдя с этим опасным мальчиком.

Они сказали:

- Нам пришлось уйти; нам хотелось хорошо его проводить. Поведя себя таким образом, вы опозорили все отделение!

После этого случая он стал немного побаиваться останавливаться в моей семье. Но каждый раз, когда приходила от него телеграмма, я приезжал на вокзал его встречать, и он смотрел на меня со страхом и подозрением, что я могу что-то сделать. Я сказал:

- Вам не стоит волноваться. Если вы у меня в гостях, я не выброшу на улицу ваших вещей. Если я и должен что-то выбросить, то лучше выброшу вас, а не бедные вещи, потому что бедные вещи ничего не сделали... Вы сломали мне чемодан. Чемодан совершенно не участвовал в нашей дискуссии. И если мне и придется что-то выбросить, то я выброшу вас - можете не беспокоиться о своих вещах.

Он пришел ко мне домой и сказал моему отцу:

- Он говорил мне по дороге, что выбросит меня, если нужно будет что-нибудь выбросить, а моим вещам ничто не угрожает! Он опасен. Ночью он может что-то сделать.

- Не волнуйтесь, - сказал мой отец, - он вас не выбросит. Он просто объяснил, что вы поступили неправильно. Выбрасывать вещи, значит впадать в ярость, а психоаналитик, известный всей стране... Дело не только в вас лично. Со времени вашей выходки он против психоанализа вообще; со времени вашей выходки он против Зигмунда Фрейда. Он собрал всю литературу по психоанализу и готов оспорить каждое утверждение. И именно вы сделали его врагом психоанализа... не своим врагом, потому что он не обращает внимания на отдельных людей. Вам не стоит беспокоиться, он не будет вас выбрасывать и ничего с вами не сделает.

Он хотел мне сказать... потому что три раза мне приходилось его встречать, и я видел, что он хотел сказать: «Извини», но не мог. Третий раз был последним, потому что я переезжал в другой город читать лекции, и я сказал ему:

- Это последний шанс. Если вы действительно хотите, можете это сказать.

- Что ты имеешь в виду? - сказал он. - Что я хочу сказать?

- Вы знаете, что я знаю, и я знаю, что вы знаете.

- Это правда, - сказал он, - извини. Я пытался это сказать, но у меня почему-то не получалось.

- Именно поэтому я даю вам эту возможность: это последний раз; может быть, мы никогда больше не встретимся. Поэтому скажите это. Если вам есть что сказать, я с готовностью выслушаю; иначе это останется в вас раной. Это не имеет ничего общего со мной. Я просто наслаждался всей этой сценой. Я просто увидел, как фальшиво обилие знаний, и как пусты все ваши великие ученые степени. - У него есть западные степени. - Это было для меня хорошим опытом. Я смог увидеть, что даже человеку, который знает все об уме, не хватает понимания, чтобы быть уравновешенным и спокойным. Этот эпизод мне помог. Я думаю, он имел больше ценности для моего образования, чем два года в университете.

Я узнал о психоаналитиках все, когда увидел, что вы ведете себя так инфантильно. Чтобы это установить, я изучил всю доступную литературу по психоанализу. И я знаю, что причина в том, что все это знание не имеет ничего общего с медитацией. Оно не ваше, вы заимствуете его. Вы создаете великие системы, основанные на анализе снов людей, но это не приносит вам никакой трансформации, никакого нового существа, никакой новой личности. Вы просто старое, тухлое яйцо.

Это было трудно для других, но для меня это всегда был прекрасный опыт. И я не думаю, что то, что произойдет со мной в будущем, изменит мои чувства к существованию.

Доверие - это такое ценное чувство, что ради него человек может пожертвовать тысячей жизней. Даже тогда ничто не может с ним сравниться. Оно приходит постепенно, по мере того, как ты проходишь через жизнь, каждое мгновение, смакуя каждую ситуацию, какой бы она ни была. Это может выглядеть плохо в глазах других. Это неважно. Если ты можешь ею наслаждаться, ей радоваться, все в полном порядке. Весь мир может это осуждать; это абсолютно не имеет значения.

Это правда, должно быть, я родился почти просветленным.

Любимый Ошо,

Слыша, как ты говорил с журналистами вчера вечером, я почувствовал, что ты так напорист, а я так испуган. В этой стране, чувствуя себя чужим, я боюсь даже выйти в магазин,

чтобы что-то купить. Чем лучше я себя чувствую в отношении себя и тебя, тем больше боюсь людей. Можно ли сделать что-нибудь, кроме как наблюдать это?

Наблюдение - самое главное, что нужно сделать; все остальное меньше. И это самое лучшее, что можно сделать.

Что касается меня, то, что я говорю, - нечто спонтанное. Если бы я говорил с тобой, я говорил бы очень мягко. Нет необходимости быть уверенным, потому что ты восприимчив. Чем более ты восприимчив, тем меньше необходимость в том, чтобы я был напористым.

Но когда я говорю с журналистами, спонтанно я становлюсь очень напористым, потому что только тогда они могут слушать; иначе они глухи. Каждый день они пишут статьи, интервью с политиками и всевозможными людьми, которые их боятся - боятся, потому что они могут разрушить их имидж в общественном мнении.

Многие журналисты выражали такую мысль:

- Странно, что мы чувствуем, что полностью контролируем политиков и других людей, беря у них интервью. Но с тобой мы начинаем нервничать. Этого никогда не случается больше ни с кем, почему же мы начинаем нервничать?

Я сказал:

- Единственная причина в том, что я не забочусь о своем имидже. Меня не заботят ваши статьи; мне все равно, что вы напишете. Все, что меня интересует в это мгновение, это чтобы то, что я говорю, дошло до вас. Кроме этого у меня нет никаких забот. Семь лет я не читал ни единой книги, ни одного журнала, ни одной газеты, не слушал радио, не смотрел телевизор - ничего подобного. Все это мусор.

Поэтому когда журналист задает мне вопрос, его нужно разбудить, чтобы он услышал ответ. Он не должен быть в том же состоянии, что и когда он слушает политика, - и это, конечно, делает меня напористым! Ты не можешь достичь людей, если ты мягкий и скромный. Для них это будет выглядеть как слабость, потому что именно такими они привыкли видеть политиков и других, которые очень мягки и всецело готовы сказать все, что хочет услышать журналист. Они говорят с некоторой оглядкой на то, какое воздействие это произведет на их имидж.

У меня нет никакого имиджа. Поэтому когда я говорю с журналистом, я пытаюсь достичь его, не общественного мнения. Это вторично. Если это происходит, хорошо; если этого не происходит, об этом не стоит беспокоиться.

Почему ты боишься людей?

Я никогда нигде не чувствовал себя чужим по той простой причине, что где бы ты ни был, ты и есть незнакомец; какой смысл это чувствовать? Где бы вы ни были, вы не можете быть никем другим; вы и есть незнакомцы. Как только это принято, неважно, где ты незнакомец - в этом месте или в другом. Твое знакомство сохраняется - где-то яснее, где-то туманнее.

Но зачем бояться? Страх возникает, потому что ты хочешь, чтобы люди думали о тебе хорошо. Именно это делает каждого трусом. Именно это делает каждого рабом - что люди должны хорошо думать о тебе. Вот в чем страх: в этом незнакомом месте незнакомые люди могут что-то сделать, могут что-то сказать, могут не подумать о тебе хорошо.

Тебе всегда нужно, чтобы тобой восхищались, потому что ты не принял себя. Поэтому, в качестве заменителя, тебе нужно признание других. Как только ты принимаешь себя, неважно, хорошо или плохо думают о тебе люди; это их проблема. Ты живешь свою жизнь по-своему; что они думают, это их проблема, их забота.

Но поскольку ты не принимаешь себя - с самого детства тебя постоянно бомбили, постоянно в тебя вбивали, что ты не приемлем таким, как ты есть. А когда люди принимают тебя, восхищаются тобой, уважают тебя, это значит, что ты хороший. Но это создает все проблемы для каждого в мире: каждый становится зависимым от мнений других людей, каждым помыкает мнение других.

Видя этот простой факт, я отбросил идею о мнениях других людей, и это дало мне такую свободу, что она абсолютно неопишима. Такое облегчение, что ты можешь быть просто самим собой - не нужно об этом беспокоиться. И этот мир так велик, в нем много людей. Если я должен думать о том, что каждый из них думает обо мне, всю мою жизнь я буду просто собирать мнения других о себе, таскать с собой досье...

Когда я подавал заявление в правительственную службу о поступлении на работу учителя в университете - таков мой путь, и таким мой путь был всегда, - я просто пришел к министру образования и сказал:

- Вот мое заявление и вот мои дипломы. Если вы хотите о чем-то спросить, провести собеседование, я готов.

Он посмотрел на меня - странное поведение! Заявление должно прийти по надлежащим каналам. Он сказал:

- Ваше заявление должно прийти по надлежащим каналам.

- Это прямой канал, - сказал я, - и не может быть канала более надлежащего! Я податель заявления, а вы человек, который должен его принять, - лицом к лицу, от человека к человеку. Я не верю ни в какие другие каналы.

- Для собеседования назначается такая-то дата, - сказал он.

- Вы здесь сидите, я тоже здесь - начинайте интервью! Зачем тратить впустую мое и ваше время? Если у вас нет никаких вопросов, и вы не можете провести собеседование со мной прямо сейчас, я могу провести его с вами.

Он посмотрел в заявление. Он сказал:

- А где характеристика?

- Я никогда не встречал человека, которому мог бы дать характеристику; как я могу просить кого-то другого дать характеристику мне? Скажите мне.

- Странно! - сказал он. - Вы никогда в жизни не встречали человека, который мог бы дать вам характеристику?

- Нет, - сказал я. - Я не могу дать им характеристику. Есть сотни людей, которые хотели бы дать характеристику мне, но меня не интересуют их характеристики; у них нет никакого характера.

- У вас странное мышление, - сказал он, - но я должен действовать согласно правилам и инструкциям: характеристика обязательна. Она должна прилагаться к заявлению; иначе я буду виноват.

- Ладно, дайте мне лист бумаги, и я ее напишу, - сказал я.

- Вы напишете характеристику самому себе? - сказал он.

- Нет, но я напишу заверенную копию характеристики от главы моего отделения, С. К. Саксены.

- Это кажется очень странным, - сказал он. - У вас нет оригинала. Как вы можете написать заверенную копию?

- Я получу оригинал и пришлю вам, чтобы вы увидели, что я вас не обманул.

И я написал заверенную копию характеристики, которой вообще не существовало! И я сделал две копии, одну дал ему и сказал:

- Одну я должен отнести к С. К. Саксене, чтобы получить оригинал.

- Это кажется таким запутанным делом! - сказал он. - Пожалуйста, пришлите мне оригинал, чтобы я мог понять, что хочет сказать Саксена...

- Не беспокойтесь, - сказал я. Я пришел к Саксене. Я сказал ему:

- Напишите оригинал этой характеристики согласно этой заверенной копии.

- От кого вы получили заверенную копию? - спросил он.

- Я сам ее написал, но не написал ничего такого, что вам было бы трудно написать обо мне.

Он просмотрел заверенную копию и сказал:

- Я бы написал вам в тысячу раз лучшую характеристику.

- Я написал минимум, чтобы вы не могли сказать, что я что-то преувеличиваю.

- Но мне жаль, что я должен это подписать... что вы уже все сделали.

И он написал оригинал и сказал:

- Я запомню это на всю жизнь - в первый раз оригинал списывается с заверенной копии!

И я послал оригинал министру.

Через два года, когда он уже не был министром, мы встретились в поезде. Я спросил:

- Вас удовлетворил оригинал?

- Странно, - сказал он, - но, слово за слово: как вам это удалось?

- Саксена очень рассердился на меня. Он дал бы мне прекрасную характеристику, лучшее, что он только мог написать, но не было никакой возможности - я уже отдал заверенную копию, поэтому он просто переписал ее и отправил вам.

Министр сказал:

- С тех пор я часто думал о вас, о том, что без собеседования, без всякой характеристики, без использования надлежащих каналов... как вам удалось получить у меня прием? Я человек не настолько мягкий и легковверный.

...Назначив мне прием, он сказал:

- Вы получите извещение по почте.

Я сказал:

- Нет необходимости; дайте его мне. Я уже здесь. Вы пошлете его почтой по моему адресу - три дня будут потрачены впустую. Дайте мне его прямо сейчас, я здесь присутствую...

- Снова и снова я думал, - сказал он, - что, наверное, я был под гипнозом - или произошло что-то в этом роде, - потому что это совершенно не в моем духе.

И это была правда.

Когда я прибыл в колледж, в который был назначен, и представился директору, он сказал:

- Но это назначение было подписано только вчера! Как же вы так быстро его получили? - потому что по почте оно достигло бы вас только через три дня.

Он заподозрил неладное; он подумал, что это что-то странное: оно было подписано только вчера, а на следующий день я его уже предъявляю - а между столицей и этим колледжем расстояние в тысячу миль.

И он сказал:

- Мне придется позвонить министру; пожалуйста, извините меня.

- Нет никаких проблем, звоните, - сказал я. - И в любом случае, я здесь сижу...

Он позвонил министру, и министр сказал:

- Да, это случилось. Я сам не знаю, как это случилось. Я не должен был этого делать, но он просто сказал это так ясно и с таким авторитетом, что мне пришлось дать ему назначение, несмотря на все правила.

Политики зависят от общественного мнения. У них нет никакой цельности. Ты должен быть напористым, и немедленно они готовы слушать. Если ты не напорист, напористыми будут они.

И я сказал министру образования, когда мы встретились в поезде:

- Не было никакого гипнотизма, ничего подобного. Я просто знаю, что ум политика - это слабый ум; он зависит от общественного мнения. У него нет собственного авторитета, нет никакого принятия себя. Фактически, он постоянно отрицает себя, и если кто-то приходит и просто выбрасывает все эти общественные мнения и смотрит прямо в глаза, внутрь тебя, ты пугаешься, потому что там ты пуст.

Поэтому если ты боишься идти к людям, встречаться с людьми, это значит, что ты чувствуешь себя очень пустым, а этого не должно быть. Ты должен быть переполнен самим собой, не чьим-то мнением или восхищением, но своей собственной жизнью, своей собственной жизненной силой.

И именно это я имею в виду - медитация дает тебе авторитет, власть... не над другим, но просто качество власти и качество авторитета, которого никто не может у тебя отнять. Это - твое.

Общественное мнение можно отнять - сегодня оно с тобой, завтра оно против тебя. Сегодня тобой восхищаются как святым; завтра тебя осуждают как грешника. Лучше быть самому по себе - святой ты или грешник. Где бы ты ни был, просто будь сам по себе, чтобы никто не мог этого отнять.

Лучше быть грешником по собственному праву, чем святым в общественном мнении. Это заимствованно, и ты пуст.

Глава 10

Ты не должен быть никем другим

Любимый Ошо,

Не расскажешь ли ты еще немного о соотношении между сознательным и бессознательным умом? Представляется, что мозг способен накапливать опыты, скажем, в банке данных. Если же эта память оканчивается в бессознательном, что происходит? Верно ли, что сознательный ум подавляет ее и помечает как «цензурированную», или же цензурированием занимается бессознательное? Но разве бессознательное заинтересовано каким-то образом в подавлении? И если нет, верно ли, что сознательное постоянно предоставляет энергию, чтобы удерживать

этот материал под цензурой? Если это верно, есть ли ключ к бессознательному внутри сознательного? Не является ли он необходимостью вхождения в сверхсознательное, прежде чем становится возможным доступ к бессознательному?

Сознательный ум подавляет содержимое памяти в бессознательное. Бессознательный ум никак не заинтересован ни в чем, что касается подавления; фактически, он хочет, чтобы все было выражено, чтобы освободиться от бремени. Вся заинтересованность исходит из сознательного ума, потому что сознательный ум осуществляет контакт с обществом, образованием, религией.

Именно сознательный ум научается тому, что правильно, а что неправильно. Правильное должно быть удерживаемо в сознательном, а неправильное - сброшено в погреб, вниз, в темноту бессознательного. Сознательный ум использует бессознательный только как погреб, и поскольку там темно, сознательный ум имеет тенденцию, как только вещи подавлены в бессознательное, мало-помалу забывать о них. С течением времени сознательный ум может прийти в полную уверенность, что он никогда ничего не подавлял.

У бессознательного ума нет никакой возможности непосредственно высвободить какое-либо из его подавленных воспоминаний. Он закрыт. Единственный способ - это снова вынести их в сознательный ум. Но если сознательный ум остается при том же мнении, что и раньше, - даже посредством психоанализа ты можешь вынести некоторые бессознательные подавления обратно в сознательный ум, - это не окажет большой помощи, потому что ум по-прежнему останется при своих старых идеях о правильном и неправильном.

На мгновение, под влиянием психоаналитика, он может признать неправильное и не подавить его, но это влияние менее глубоко, чем социальная обусловленность. Завтра или послезавтра снова случится подавление. Именно поэтому психоанализ никогда не бывает завершенным. Он не может быть завершенным. Сегодня ты можешь что-то вынести; завтра ум снова начнет действовать по-старому.

Психоанализ не изменяет сознательного ума. А если сознательным ум сохраняет прежнее мнение, не будет иметь значения, извлечено ли его содержимое; оно высвобождено, но каждый день жизнь приносит столь многое, и снова ум действует по-старому: подавляет то, что плохо.

Психоаналитик говорит, что нет ничего плохого в сексе. Под его влиянием и под давлением необходимости излечиться от какого-либо невроза человек готов его высвободить, но это высвобождение не станет в нем достаточно мощной силой, чтобы он не стал снова подавлять сексуальность. Завтра он ее снова подавит, и снова потребуются психоаналитик. И этот процесс нескончаем.

Психоанализ промахивается в том, что не изменяет подходов сознательного ума. Он оставляет сознательный ум таким же, что и прежде, и, фактически, если бы он попытался изменить сознательный ум, то общество не приняло бы психоанализа. Психоанализ столкнулся бы с такими же трудностями, что и я. Он не был бы уважаемой профессией; он был бы осуждаем. И церковь поступала бы с психоаналитиками точно так же, что и с ведьмами: сжигала бы их заживо.

Общество, церковь, государство - все они очень довольны, если ты не изменяешь сознательного ума. Тогда ты можешь продолжать делать что угодно - все это игры, потому что ты не разрушишь старого, прошлого, традиционного... его корни находятся в сознательном уме. Общество образовывает сознательный ум и защищает это образование.

Единственный выход - в том, чтобы проникнуть немного выше сознательного ума, где ничто не обусловлено обществом, куда у него не было доступа... где все абсолютно чисто и невинно. И это естественное явление: сверхсознательное сильнее сознательного; оно невинно, невинно как бессознательное - с одним лишь отличием: бессознательное темно, а сверхсознательное бдительно, наполнено светом. Оно может видеть вещи в своем собственном свете, ему не нужны заимствованные прозрения.

Потому единственная возможность создать новый психоанализ - привнести в него сверхсознательное. Тогда сознательный ум ничего не может сделать. Сверхсознательный ум может освободить сознательный ум из его обусловленностей. Он может позволить бессознательному уму высвободить - через сознательное - все его подавленное содержание.

И чудо в том, что в то мгновение, когда бессознательный ум лишается всех своих подавлений, он перестает быть темным, он больше не бессознателен. Теперь три части твоего ума: бессознательная, сознательная и сверхсознательная - стали одним целым. И доминирующим

фактором останется сверхсознательное. Теперь с этой энергией возможно проникнуть в коллективное бессознательное. Это все равно будет трудно, но возможно.

С этой энергией легче будет сначала войти в коллективное сознательное. Как только коллективное сознательное открывает двери, коллективное бессознательное очень легко. Перед высшим низшее теряет всю власть. Как только входит хозяин, слуга немедленно признает свое место.

А когда коллективное бессознательное соединяется с коллективным сознательным, у тебя появляется действительно великая сила бдительности, осознанности, которой ты никогда не чувствовал раньше. Ты можешь непосредственно приблизиться к космическому бессознательному; это будет трудно, но возможно. Вот мое предложение: зачем понапрасну идти трудным путем? Именно поэтому я говорю, что мой путь к просветлению - путь ленивого человека. Если ты можешь идти легко, без всякого конфликта, не стоит создавать ненужной борьбы.

Поэтому сначала войди в космическое сознательное. Как только ты его достиг, у тебя столько сил, что космическое бессознательное раскроет двери само собой. Сам вес твоего сознания теперь так велик, сама энергия так велика, что космическое бессознательное не может оставаться закрытым. И все эти уровни содержат какого-то рода подавления. Коллективное бессознательное тоже содержит подавления, и они глубже, чем бессознательное. Когда сознательное подавляет, у него есть способность подавлять в бессознательное, но бессознательное очень близко; оно может в любой момент всплыть на поверхность. Именно поэтому оно всплывает во снах. Но бессознательное может подавлять эти вещи в коллективное бессознательное: тогда ты не сможешь этого найти даже во снах. Тогда понадобятся какие-то специальные методы, чтобы наполнить сны коллективным бессознательным. Карл Густав Юнг работал над этими методами, и в правильном направлении.

Обычные сны не помогут, потому что сны - это очень поверхностные подавленные части. Общество действует на многих уровнях, и есть некоторые вещи, которые можно подавить только поверхностно. Например, твой гнев подавлен, но очень поверхностно подавлен - всего лишь на глубину кожи. Оцарапай ее немного, и вот он; во сне нет необходимости.

Общество не может подавить твой гнев глубже, потому что твой гнев иногда ему нужен. В военное время понадобятся твой гнев, твоё насилие. Понадобится гнев и для защиты самого себя против варварского общества. Поэтому общество не может подавлять такие вещи; оно может удерживать их как раз на поверхности, чтобы их можно было снова вызвать к жизни без всяких затруднений.

Но есть некоторые вещи, которые оно подавляет в коллективное бессознательное, например, что ты не должен заниматься любовью со своей матерью. Каждый мальчик хочет это делать, и каждая девочка хочет заниматься любовью с отцом. Общество подавляет это так глубоко и делает великим грехом, что даже думать об этом, даже видеть это во сне...

Обычно сны - подлинные и правдивые, но что касается содержимого коллективного бессознательного, то когда тебе снится сон, он тонким образом меняется. Например, ты хочешь заниматься любовью со своим отцом - даже во сне ты будешь заниматься любовью с дядей, не с отцом. Настолько это тонко... потому что дядя похож на отца.

Иногда бессознательное позволяет коллективному бессознательному... если что-то очень хочет всплыть на поверхность: например, ты не должен заниматься любовью с собственной сестрой. Каждое общество подавляло это тысячи лет; это больше не бессознательное. Поэтому психоанализ не может тебя от этого освободить. Даже если это и проникает в мир снов, то в маске: это будет не твоя сестра, но ее подруга, - кто-то, похожий на нее, но на самом деле не она.

Затем, есть предельные подавления, становящиеся частью космического бессознательного. Например, с самого рождения тебе говорили, что эта жизнь - единственная, которая у тебя есть. Только на Востоке - поскольку люди достигли космического сверхсознательного - нашли в космическом бессознательном подавленные содержания прошлых жизней. Это самое глубокое из подавлений. Даже если иногда оно и всплывает в твоих снах, ты не можешь узнать, что это исходит из прошлой жизни. Это только сон, такой же, что и все остальные сны.

Иногда в некоторых ситуациях бывает и так, что космическое бессознательное тоже пытается связаться с тобой. Оно пытается передать тебе послание о том, что ты живешь в фальшивом мире с фальшивым знанием: реальность в том, что это не единственная жизнь. Это глубочайшая часть твоего ума. Но это очень трудно, потому что это послание должно преодолеть препятствие

коллективного бессознательного и твоего бессознательного, и оно подвергается искажению при столкновении с каждым из препятствий. К тому моменту, как оно достигает стадии сновидения, оно перестанет быть для тебя узнаваемым.

Гаутама Будда рассказывал много историй о своих прошлых жизнях. Махавира делал то же самое. Эти люди были пионерами в раскрытии дверей великого явления, которое отрицалось всем человечеством.

А почему общества так заинтересованы в том, чтобы не было ни прошлых, ни будущих жизней и чтобы вы просто попадали в рай или ад? Почему иудаизм, христианство и ислам так настойчивы? Причина в том, что как только вы узнаете, что доступна вечность в обоих направлениях, их религии должны будут резко измениться. Если ты - вечное существо, что случится с творением? Ты никогда не был создан. Что случится с Богом, создателем? Если творения никогда не было, нет необходимости и в творце. Вот что поставлено на карту. Они боятся, что если они раскроют двери, вся религия в том виде, как она есть, развалится.

Джайнизм и буддизм не могут верить в Бога, и причина именно в этом. Это не логическое опровержение гипотезы Бога, это экзистенциальный опыт: наше вечное существо является доказательством, что мы никогда не были созданы - а если мы никогда не были созданы, никогда не было создано и существование.

Мы были всегда.

Существование было всегда.

Бог становится абсолютно бессмысленным.

Любая идеология, построенная в своей основе на Боге, будет очень бояться того, что говорят буддизм и джайнизм. Они говорят, что каждый из вас - бог по собственному праву. Некоторые боги спят, некоторые пробуждены - на это нет качественного различия. Однажды, в конце концов, все будут пробуждены.

Поэтому не может быть речи о том, чтобы был один бог. Богов столько, сколько есть существ, - количество будет бесконечным, потому что не только у человека, но и у животных, деревьев и даже камней есть существо. И все они постепенно эволюционируют, каждый со своей скоростью.

Никто никогда не делал себе труда заглянуть в психологию джайнизма и буддизма и в то, почему эти две религии отбросили идею Бога. Это не философское опровержение Бога; они никогда этого не делали. Но если вечность доступна в прошлом, твоя жизнь приобретает определенную индивидуальность: ты должен действовать согласно опыту, приобретенному за тысячи жизней. Для тебя нет никакой другой доктрины; ты носишь собственную доктрину у себя внутри. Обе эти религии не догматичны, и какой бы ни была их дисциплина, она основывается на их опыте.

Махавира и Будда постоянно повторяли: «Не двигайтесь в порочном круге. Просто загляните в свои прошлые жизни и посмотрите, не делали ли вы одно и то же всегда, вечность. Есть ли у вас какой-нибудь разум? какой-то рассудок?» Просто напоминание о том, что вы гнались за деньгами тысячи лет, и добивались денег во многих жизнях, и это было разочарованием и больше ничем; что вы гнались за властью и добивались власти много раз, но, достигнув высшей ступени лестницы, видели, что там ничего нет - что вас дурачило общество, что амбиции вздорны.

Ты не должен быть никем другим.

Ты - тот, кто ты есть.

Нет речи о том, чтобы вскарабкаться по лестнице и стать лучше.

Поскольку эти опыты прошлых жизней изменяют весь характер, лучше их подавить. И если есть будущее, вечность, нельзя заставить людей бояться. Все три западные религии основываются на страхе, что если ты упустишь возможность... А возможность очень мала - большинство людей ее упустят: не думаю, что в жизни в семьдесят лет длиной кто-то сможет выполнить все условия достижения рая. Времени недостаточно. Поэтому они опираются на веру, верование, которое не требует времени: ты просто веришь. Ты веришь в Иисуса Христа, и в последний день он найдет своих овец и отведет их в рай. Остальные же навечно упадут в бездонную тьму.

Легко было обращать людей, создавая в них страх. Легко было обращать людей, вызывая в них жадность: если ты веришь, то достигнешь рая со всеми его удовольствиями. Но твоя личность остается прежней - фальшивой. Все эти вещи не приносят тебе никакой трансформации.

На Востоке, когда люди узнали, что доступно вечное время в будущем, конечно, они не могли создать такой же спешки; они очень терпеливы. Оглядываясь назад, они научились не повторять тех же ошибок; смотря вперед, они терпеливы. Не стоит напрягаться и тревожиться.

Именно в этом психология того, что даже беднейший из людей Востока совершенно не напряжен. Может быть, он голоден, может быть, он умирает, но он ни против кого не озлобляется; он не жаждет отомстить обществу, которое довело его до этого состояния. Нет, он ничего не теряет: если он умрет, то умрет. Есть следующая жизнь - путешествие продолжается, только меняются поезда. Смерть - это своего рода смена поездов.

Восточные религии не стремятся никого обращать. Они никого не обращают; они не сворачивают с дороги, чтобы кого-то обратить. Если кому-то хочется... если кто-то пытается понять и хочет войти, даже тогда они не проявляют большого энтузиазма. Они говорят: «Ты это понимаешь; ты можешь это сделать, оставаясь в своей религии». Но если кто-то настаивает, ему разрешают присоединиться.

Однажды архиепископ в Японии навестил Нан-сена, великого мастера. Он взял с собой Библию и прочитал несколько предложений из Нагорной Проповеди. Когда он прочитал совсем немного, Нан-сен сказал:

- Этого достаточно; этот человек на самой грани просветления.

В буддистской терминологии он сказал:

- Он бодхисаттва. Кто бы ни был тот, кто это написал, - неважно, кто он, - он бодхисаттва, и не стоит читать дальше: эти предложения достаточно это доказывают.

Архиепископ недопонял: он подумал, что тот говорит, что Иисус - будда. Он же назвал его бодхисаттвой. Бодхисаттва значит, что человек почти готов, но главного еще не случилось. Он приближается к границе, он чувствует дуновение свежего воздуха; в его словах можно увидеть, что он недалек от цели.

Архиепископ пришел обратиться к Нан-сену, и он сказал:

- Если он тоже будда, почему бы тебе не проповедовать Библию?

Нан-сен сказал:

- Ты неправильно понял меня. Я сказал бодхисаттва, а бодхисаттва значит, что по своей сути он будда, но в реальности - еще нет. И почему я должен проповедовать?.. - спросил он. - Я будда; именно поэтому я вижу, что этот бедняга очень близко... из всех сил старается достичь. Может быть, он достигнет, может быть, нет, потому что люди сбиваются с дороги, когда до цели остается не больше фута, всего один шаг. Люди могут сбиться с дороги: они могут повернуть не в ту сторону, остановиться, подумать, что уже прибыли.

Он сказал:

- Я вижу этого беднягу. Он хорошо старается; не волнуйся, он достигнет. Но почему я должен о нем беспокоиться? Я не бодхисаттва. Я им был, но эти времена миновали.

Архиепископ был очень обижен. Сначала он очень обрадовался тому, что Нан-сен, великий мастер, признает Иисуса буддой, но это было неправильным пониманием. А теперь он говорит: «Бедняга старается, я это вижу; этих нескольких предложений достаточно. Будда не может сказать таких предложений. Это может сказать лишь тот, кто спотыкается на пути, - может быть, он достигнет, может быть, нет... Но он очень близко, нечто отражается, резонирует в его предложениях».

На Востоке есть определенная удовлетворенность, потому что впереди - вечность. «Если я не смогу достичь сейчас, не стоит быть несчастным; доступна жизнь за жизнью». Подавить эти вещи в космическое бессознательное, значит создать определенного рода напряжение, спешку, жадность, страх. Это духовная эксплуатация. Но если ты достигаешь космического сознательного, ты способен достичь и космического бессознательного, и тотчас же все твоё существо внезапно озаряется светом, который неизмерим.

Кабир говорит: «Словно тысячи солнц взошли во мне... Их не перечесть, их свет так ослепителен». И он говорит это в точности правильно. Он не единственный; многие использовали тот же эпитет — «тысяч солнц, внезапно взошедших одновременно». Мы видели утра, но увидеть утро тысячи солнц, восходящих внутри тебя, - это великое таинство.

Любимый Ошо,

Вчера вечером я испробовал предложенную тобой технику вхождения в гипноз. Хотя я и был более расслаблен, чем когда-либо раньше, все же я остался вполне сознательным, и, кажется, я не получил доступа к бессознательному, или к каким-либо бессознательным воспоминаниям. Но действительно было множество образов, прошедших в моем уме, которые я описывал вслух.

Есть ли какой-либо смысл это делать, или же нужно пропустить все образы и ждать, пока не появится навык проникновения в бессознательное?

На самогипноз требуется немного больше времени, но нет необходимости повторять или описывать образы, потому что это будет отвлекать. Пусть они просто скользнут мимо тебя. Просто наблюдай и продолжай больше и больше расслабляться. Придет момент, когда все эти образы уйдут, и на какой-то период времени, который ты определишь заранее, ты не будешь бдительным. В этом промежутке ты вошел в бессознательное. Выйдя из бессознательного, немедленно ты почувствуешь себя освеженным.

Поэтому, во-первых, не повторяй образов, чтобы войти в бессознательное. Когда ты смелеешь входить в бессознательное на некоторое время, ты просто потеряешь всякий отчет о том, где ты был, - ты ничего не можешь об этом рассказать... Это время просто не записано у тебя в памяти, потому что система памяти находится в сознательном уме. У бессознательного нет системы памяти, бессознательное не имеет ни малейшего понятия о календаре, времени, дне недели, дате - ни о чем подобном.

Поэтому сначала позволь этому случиться. И когда ты проснешься, в первое же мгновение, когда ты выходишь из бессознательного, повтори три раза: «В следующий раз, когда я сделаю этот эксперимент, я войду в него быстрее, глубже».

Когда это станет для тебя мелочью, и не будет никаких проблем - ты просто расслабляешься и входишь, - тогда можешь приступить ко второй части. Вот первое, что ты должен повторить, выйдя из бессознательного: «Теперь я буду помнить все то, что видел в бессознательном. Я не буду бессознательным. Я буду с бессознательным, но немного сознания останется со мной, чтобы я видел, что в нем». Это будет второй частью.

Во второй части ты начнешь высвобождать, потому что какая-то часть бессознательного войдет в сознательное. Есть способ высвободить воспоминания, которые подавлены. Тогда, выйдя из бессознательного, ты почувствуешь не только свежесть, но и облегчение, освобождение от бремени. Эти тонкие чувства нужно запоминать. Сначала ты чувствуешь только свежесть, как утром после крепкого сна. Затем ты чувствуешь освобождение от бремени. Что-то давило тебе на грудь; оно было тяжелым, а теперь его больше нет - или его стало меньше. Продолжай таким же образом и продолжай повторять: «Я буду более и более сознательным, чтобы высвобождалось больше и больше бессознательного».

И в третьей стадии ты должен повторять: «Я должен быть совершенно сознательным, чтобы преграда между бессознательным и сознательным была разрушена». Выходя, ты почувствуешь не только свежесть и освобождение от бремени, но и абсолютную свободу - как будто ты был закован в цепи, наручники, и теперь они сброшены.

На самогипноз требуется немного больше времени, но это хорошо. Ты совершенно сам себе хозяин. Но не повторяй образов, потому что, повторяя их, ты не упадешь в бессознательное; просто позволь им пройти. Все твои усилия должны быть направлены на то, как переместиться из сознательного в бессознательное путем расслабления, молчания, свидетельствования. И все нужно делать очень мягко - даже свидетельствование.

Если ты всматриваешься, это не позволит тебе войти в бессознательное. Просто смотри как бы между прочим; будто ты сидишь на обочине дороги, и мимо проходят люди - тебя даже не волнует, кто проходит, мужчина или женщина. Ты их видишь, потому что смотришь в эту сторону, но не всматриваешься.

Ты сделал все правильно - неправильным было только повторение. Этого ты не должен делать. И затем, мало-помалу, продолжай двигаться так, как я описал эти три стадии.

Любимый Ошо,

Я впервые увидел тебя, когда принимал саньясу, и у меня было прекрасное чувство, словно я «как дома», в первый раз в жизни. Все время, пока я далеко от тебя, я чувствую беспокойство, которое заставляет меня перемещаться с места на место, и где бы я ни был, я никогда не чувствую, что все в порядке. В то мгновение, когда я близко к тебе, это чувство возвращается: я снова дома.

Что это за прекрасное чувство? Ты всегда говоришь, что нет никакого дома, пока мы не найдем самих себя. Но что это за чувство дома?

Дома нет, пока мы не найдем самих себя. Но если ты близко к человеку, который нашел дом, и ты открытый человек, доступный, восприимчивый, тогда ты тоже разделишь чувство того, что ты дома. В конце концов, дом твоего мастера - это и твой дом.

Поэтому то, что происходило, - совершенно правильно. Ты уезжаешь; тебе недостает чувства, что ты дома, и ты чувствуешь, что что-то не так. Именно так и должно быть. Но это только начало путешествия.

Ты чувствуешь себя дома, когда ты близко ко мне. Позволь этому чувству вырасти и стать глубже; пусть оно не будет только поверхностным. Пусть оно просочится в само твое существо; тогда, где бы ты ни был, я буду с тобой. Прямо сейчас ты должен быть со мной, чтобы сделать возможным, чтобы я был с тобой, где бы ты ни был. Тогда тебе ничего не будет не хватать; тогда везде будет дом. Все дело в близости, в доверии, в любви... настолько, что это почти слияние, слияние.

В суфийской истории говорится, что Баязид, один из самых важных суфийских мастеров, сказал своим ученикам:

- Вы очень нетерпеливы. Вы не знаете, что случилось со мной, когда я был со своим мастером. Три года он даже не смотрел на меня - как будто меня не было. И был прав. Теперь я знаю, что меня не было. Физически я сидел рядом, но мой ум блуждал по всему миру. И мне было очень обидно. Речи быть не могло о том, чтобы он спросил обо мне; он даже не смотрел на меня. Через три года, однажды утром он посмотрел на меня в первый раз. И я знаю, что в то утро в первый раз я был там.

Прошло еще три года; он ничего мне не говорил. Я надеялся, желал - теперь, когда он посмотрел на меня и признал меня, он что-то мне скажет. Но мало-помалу это желание и надежда исчезли: этот человек кажется странным; он может разговаривать с другими, с незнакомцами, которые приходят. Целый день, а я сижу рядом, целыми днями, с утра до вечера. Еще через три года он посмотрел на меня и улыбнулся.

Теперь я знаю, почему он не смотрел на меня и не улыбался - из-за моего желания. Оно было преградой. Это случилось в то мгновение, когда я отбросил надежду: он странный человек; нет никакого смысла надеяться. Я совершенно забыл желание, надежду; быть там стало просто привычкой, потому что я наслаждался этим. Его присутствия было достаточно.

Прошло еще три года, и впервые он посмотрел на меня и сказал:

- Баязид, как твои дела?

И теперь я знаю, почему он спросил меня, как дела, через двенадцать лет. Люди спрашивают друг друга, как дела, когда встречаются, - но не через двенадцать лет! Но он был прав, потому что только тем вечером он назвал меня по имени, «Баязид», и спросил, как у меня дела, - потому что в первый раз меня не было, был только он.

Эти двенадцать лет были постоянным слиянием, исчезновением. И какой странный человек: пока я был, он никогда не спрашивал, а когда меня не стало, он спрашивает: «Как дела?»

В тот день мой мастер сказал: «Теперь ты готов. Ты можешь идти куда хочешь, ты можешь распространять слово. И поскольку тебя больше нет, я буду с тобой; ты освободил для меня место». С тех пор он говорит через меня. С тех пор он делает вещи через меня. С тех пор у меня нет в мире ни ответственности, ни проблем; он взял все на себя.

То, что с тобой происходит, очень хорошо. Просто растай еще немного, исчезни еще немного. Отсутствуй немного больше, чтобы только я мог присутствовать в тебе. Тогда тебе не будет не хватать меня нигде, и нигде ты не почувствуешь, что ты не дома. Где бы ты ни был, там ты найдешь свой дом.

Любимый Ошо,

Я слышал, ты говорил, что у содержимого бессознательного ума нет возможности высвободиться непосредственно; сначала оно должно попасть в сферу внимания сознательного ума, где оно должно быть принято и выражено. Какой тогда механизм действует во время истерического паралича? Ты рассказывал историю о девушке, которую разбил паралич в результате потрясения смертью мужа. Когда загорелся ее дом, жизнь вернулась в ее конечности, и она смогла выбежать из дома. Предположительно, ее система подверглась такому шоку, что бессознательное просто отбросило нерешенную проблему, которую подавляло.

Но у сознательного ума было недостаточно времени, чтобы это через себя пропустить. Пожалуйста, скажи что-нибудь об этом.

Это было совершенно другое. Муж умер, и шок был так велик, что девушку разбил паралич. Нет никакого вопроса о бессознательном; все было сознательно. Шок был осознанным, и паралич был осознанным. Паралич случился просто потому, что не было смысла жить; идти было некуда. В каком-то смысле сознательный ум почувствовал: «Это смерть». Она так любила этого человека, что не могла без него жить. Это вспыхнуло в ее сознательном уме, хотя она и не умерла, - смерть не так легка. Но она умерла наполовину; она стала парализованной.

Но все было сознательным. Ничто не было подавлено. Это было сознательное понимание, что жизнь теперь бессмысленна, что теперь это тело бессмысленно. Она просто умерла в том, что было в ее силах. Тело продолжало дышать, сердце продолжало биться - но это другое дело. Шок был огромным, но он был сознательным.

Подавление случается, только когда ты чувствуешь, что что-то неправильно; тогда ты сбрасываешь это в бессознательное. Но для нее то, что она чувствовала, было абсолютно правильным. Жить, желание жить было бы неправильным. Поэтому в этом совершенно не было подавления. Именно поэтому ей было легко выбежать, когда дом загорелся. Дело было просто в том, что она забыла о своем параличе. Теперь другой шок - пожар в доме. Он был свежее; она просто забыла старый шок и то, что не может бегать, что она парализована.

Времени не было: тотчас же, как каждый выбегал из дому, выбежала и она. Она осознала это, только когда люди увидели, что она бежит, и сказали:

- Эй, ты же была парализована многие годы!

И она просто тотчас же упала на землю и снова стала парализованной.

Но все это было сознательным - не то чтобы она притворялась, позировала. Первый шок был старше; новый шок был более свежим - и все вокруг бежали. Просто на мгновение она забыла о первом случае, который сделал ее парализованной. Но в то мгновение, как ей напомнили, она тут же упала парализованная. Но ничто не ушло в бессознательное; все оставалось в сознательном.

Психоанализ не может ей помочь - помочь ей может только новая любовь, новый смысл. Лишь новое желание жить, может снова принести жизнь в ее конечности. И это тоже будет сознательным. Все, что ей нужно, это то, ради чего стоит жить что-то такое, что придаст ее жизни смысл, что сможет заменить старую любовь и принести свежий ветер, чтобы ей снова захотелось петь и танцевать. И все будет по-другому.

Не нужно никакого психоанализа. Психоанализ не сможет ничего сделать, потому что в ее снах не найдется никакого ключа; ключ очевиден, ясен. Именно глубина ее любви оставила ее без смысла, и это воздействовало на ее тело, потому что ум имеет громадный контроль над телом.

Ты можешь попробовать: когда-нибудь сомкни пальцы, вот так, и просто повтори: «Даже если я хочу их разомкнуть, то не могу». Несколько минут продолжай повторять: «Даже если я хочу их разомкнуть, то не могу». Через пять минут скажи: «Я не могу разомкнуть пальцы». Сосчитай до семи, а после семи попробуй их разомкнуть, и ты не сможешь. По крайней мере, тридцать три процента людей не могут их разомкнуть. Чем больше они пытаются, тем более находят, что это невозможно: руки сомкнуты намертво.

И все это сознательно, потому что нет вопроса о бессознательном. Ты должен повторить весь процесс; иначе ты не сможешь их разомкнуть. Они связаны намертво. Тебе придется повторить: «Я сосчитаю до семи, и постепенно это получится... Я могу их разомкнуть».

Медленно сосчитай до семи и, не прилагая больших усилий, разомкни их. Если ты приложишь усилие, это создаст проблемы. Просто постепенно разомкни их, и ты удивишься, что может сделать ум. Если это возможно, ты можешь создать и паралич. Это просто тот же самый процесс: «Мои ноги не могут пошевелиться».

Ты можешь сделать с телом что угодно - ум имеет безграничный контроль над телом, - но все это сознательно. Это не имеет ничего общего с бессознательным.

Попробуйте с пальцами, и если у кого-нибудь получится, скажите мне!

Любимый Ошо,

Смотря на человека, я вижу, что такие качества, как доброта, разум, искренность, кротость, сила, скромность, кажется, принадлежат существу, и безотносительно к тому, что делают эти люди, эти качества сохраняются. Когда я делюсь этими вещами с этими людьми, они всегда кажутся изумленными и выглядят так, словно они не сознают, что у них есть эти качества. Кажется, они думают, что знание о них усилит эго. Я всегда думал, что если знать эти качества существа, это растворяет эго.

Это сложная ситуация. Вы оба правы, но в разных смыслах. Если действительно знать эти качества как опыт, это не усиливает эго; эго растворится. Но знать эти качества, не переживая их как опыт, - потому что кто-то предположил, что у тебя есть такие качества... А кто не хочет иметь эти качества? - ты немедленно принимаешь их и хватаешься за них. Это усилит твое эго.

Поэтому это тоже правильно: «Если мы начнем думать, что у нас есть эти качества, то тем самым сделаем свое эго сильнее».

Ты абсолютно прав, но вы используете слово «знать» в разных смыслах. Ты используешь его как опыт, экзистенциальную реализацию; они используют его как знание.

Принять эти качества как знание - самая опасная вещь, потому что тогда ты никогда не откроешь их. Ты никогда не будешь их искать. Ты станешь лицемером.

Поэтому, когда ты видишь эти качества в человеке, не делай его в отношении их знающим, но разожги в нем любопытство, исследование в отношении этих качеств. Помогите ему искать эти качества в самом себе: может быть, они в нем есть. Но помни это «может быть».

Не давай этим людям определенности - каждый хочет определенности, какой-то легкой гарантии, - просто дай им желание исследовать. Просто сделай этих людей достаточно жаждущими и предупреди, что, может быть, источник воды, способный утолить эту жажду, находится у них внутри - посмотрите туда!

Научи их медитировать, чтобы однажды они могли раскрыть эти качества. Когда они узнают, что они в них есть, не будет никакой опасности, что это усилит их эго; у эго бывают такие тонкие способы усиливаться. Оно всегда куда-то смотрит, чтобы найти какую-то пищу, которая дала бы ему питание.

Это безмерно важно для каждого из вас, потому что мало-помалу вы станете восприимчивыми; вы начнете видеть вещи, которых люди не осознают. Они в них есть, но они этого не знают. По мере того как вы становитесь восприимчивыми, ваша ответственность растет. Вы не должны им говорить: «Эти качества в вас есть».

Самое большее, вы должны им сказать: «Может быть, это в вас есть, но вам придется посмотреть, поискать, провести исследование. И кто знает? - может быть, я неправ». никоим образом не усиливайте их эго, ни преднамеренно, ни нечаянно, потому что эго - величайшее рабство, единственный ад, который мне известен.

Любимый Ошо,

Является ли каждая последующая жизнь духовным продвижением по отношению к предыдущей?

Необязательно. Может быть, так, может быть, нет; все зависит от человека. В существовании нет такого закона, что ты всегда движешься выше; ты можешь переместиться ниже, упасть ниже предыдущей стадии. Путь эволюции становится определенным, только когда ты становишься более сознательным, тогда каждая новая жизнь проживается на более высоком уровне.

Но многие ли пытаются стать сознательными? Напротив, большинство людей в мире стараются оставаться как можно бессознательнее, потому что та небольшая сознательность, которая им известна, это не что иное, как тревога, тоска, боль.

Это попытка, это напряжение. И нет определенности в том, что твое решение правильно, есть великий страх, колебание. В небольшом сознании, которое есть у человека, он всегда находится в состоянии или-или - разделенный, расщепленный, разрываемый на части: одна часть тянет в одном направлении, другая - в другом. Он просто несчастен.

Не случайно алкоголь и другие наркотики, которые могут утопить твое сознание в безграничном бессознательном, стары, как человек. Тысячи раз человеку внушали, что он должен бросить эти вещи. Его за это наказывали - он страдал от тюремных заключений, штрафов, - но эти наркотики дают ему нечто более мощное, чем страх ваших наказаний.

Все религии в своей основе против наркотиков, все правительства против наркотиков, все системы образования против наркотиков. Это очень странно: все против наркотиков - почему же тогда наркотики продолжают? И не находится ни одной индивидуальности, которая встала бы и спросила, почему это так.

Наркотики стары, как человек, и усилия их отбросить, тоже стары как человек, и каждая попытка терпела поражение - а эти попытки предпринимались властями против индивидуальностей, у которых не было никакой власти. Но все же они так и не смогли искоренить наркотики из человеческой жизни. И я не думаю, что им когда-нибудь удастся их искоренить, потому что они не принимают в расчет основную причину - почему человек хочет быть бессознательным. Они только борются с симптомами, что просто глупо.

Ни одна из религий, ни одно из правительств не могут привести точной причины, по которой человек хочет стать бессознательным. Фактически они не могли бы ее назвать, даже если бы знали, потому что это было бы осуждением всего их общества. То, каким они создали мир, так уродливо, что люди не хотят быть сознательными. Люди хотят стать бессознательными, люди хотят забыть о нем. Они готовы принять наказание, готовы отправиться в тюрьму, но не готовы бросить наркотики, потому что мир, созданный так называемыми властями и так называемыми религиями, не стоит того, чтобы оставаться в нем сознательным; он просто ужасен.

И пока мы не изменим ситуацию... либо мы сделаем сознательную жизнь человека такой красивой, такой любящей, такой блаженной, чтобы ему не хотелось быть бессознательным - чтобы ему хотелось быть более сознательным, - либо нам придется освободить самого человека от всех тех вещей, которые делают его несчастным. Тогда ему не захочется быть бессознательным. Тогда ему захочется быть более и более сознательным, потому что чем более он сознателен, тем более сочной становится жизнь, тем более жизнь становится приключением, тем более он познает таинства существования.

Он хочет стать более сознательным, и эта жажда большего сознания не прекратится, пока он не достигнет абсолютного сознания - пока он не станет чистым сознанием, и в нем не останется ни малейшего уголка темноты и бессознательности, пока он не наполнится светом, просто светом.

Вся история человека - это история принуждения человека к большей и большей бессознательности, и наркотики - не единственный способ. Есть и другие вещи, делающие человека бессознательным. Поэтому иногда возможно, что человека не интересуют наркотики, но это не значит, что он заинтересован в том, чтобы оставаться сознательным; он нашел какой-то другой наркотик, который не известен как наркотик, - например человек, полный жажды власти. Это тоже наркотик, но он не может себе позволить быть совершенно бессознательным; он должен бороться за власть, он должен оставаться сознательным.

Политика - это наркотик той же категории, что и марихуана, ЛСД, и может быть, более опасный, потому что люди, принимающие марихуану, ЛСД или гашиш, не причинили миру никакого вреда. Они причинили вред самим себе, но больше никому. А политики? Они не делали ничего, кроме вреда. Вся история полна крови. Люди, принимающие марихуану и тому подобное, не создают историю, не создают Чингиз-хана, Тамерлана, Надир-шаха, Александра Великого, Наполеона Бонапарта, Адольфа Гитлера. Они не создают всех этих чудовищ. Их наркотик очень невинен в сравнении с политикой.

Кто-то, может быть, гонится за деньгами... деньги для него становятся почти наркотиком. Я знал одного человека... Я никогда не видел ни одного человека, у которого была бы такая наркотическая зависимость от денег. Если он видел у тебя в руках банкноту в сто рупий, он не мог удержаться, чтобы не прикоснуться к ней. И он касался ее так, словно касался возлюбленной. Он осматривал ее со всех сторон и касался ее. И это была не его банкнота, он должен был ее вернуть.

Он никогда не возвращал денег никому, у кого их одалживал; он просто не мог этого сделать. Я не назову это преступлением; ему было просто невозможно расстаться с деньгами. У него было достаточно денег. У него было семь домов, которые он сдавал в наем, а сам жил в бесплатном приюте, в Дхармашале в караван-сараях, в котором бесплатно можно находиться три дня. Но город был большой, и в нем было много караван-сараях, и три дня он оставался в одном, потом

перебирался в другой. И все его деньги были вложены в разные банки. Он так боялся, что какой-то банк обанкротится, - лучше поместить деньги в разные места.

Я спрашивал его:

- Что ты будешь с ними делать? У тебя ведь нет жены.

Он никогда не женился по той простой причине, что женщины слишком заинтересованы в том, чтобы тратить деньги. Это создало бы проблемы, и он боялся, что это создало бы хаос в его мирной жизни - лучше избегать женщин. У него не было детей.

- Для кого ты собираешь деньги?

- Я люблю деньги, - говорил он.

- Но, - говорил я, - деньги полезны, только когда ты их используешь; ты же их не используешь! Один ли у тебя миллион рупий, два миллиона или пятьдесят миллионов... неважно, есть у тебя что-то на счету или нет, - это все равно. Ты никогда ничего не снимаешь.

- Ты не понимаешь, - говорил он. - Это дает сердцу такое утешение. Просто считать деньги так приятно.

Каждый день вечером он навещал меня. Он никому не нравился, потому что все думали, что он подлый, просто подлый. Но мне было интересно... Я хотел понять, что у него был за ум - такой уникальный человек! И он приносил свой блокнот и показывал мне:

- Сейчас в этом банке столько-то, в этом столько-то, а вот, сколько в целом. Ты видишь? Общая сумма возрастает!

И его глаза заметно вспыхивали. Этот человек находится в абсолютной наркотической зависимости; он больше не сознательен.

У него не было других забот; он был очень целеустремленным человеком. Когда он умер, я присутствовал. Врачи знали, что я был единственным человеком, которого он навещал каждый день, и мне сообщили, что он умирает. Я спросил, в какой он палате. Они сказали:

- Вы же знаете его - он в бесплатной палате! Он не может даже умереть в палате, за которую нужно платить деньги. Что бы ни случилось, он не может снять деньги из банка. И он держит в руках все свои банковские счета.

Это было его жизнью.

Когда я к нему пришел, он был очень счастлив. Прижав все свои банковские счета к сердцу, держа их обеими руками, он умер. Я видел, как умирали многие, но он умер красиво. У него были миллионы рупий и собственность, стоящая миллионы, а он умирал, как нищий, в бесплатной палате. Но он был абсолютно счастлив.

Есть люди, которые могут выработать абсолютное наркотическое пристрастие к деньгам, к власти, но они делают то же самое, - в немного более изощренной форме, - что и простые люди, принимающие марихуану. Ни один принимающий марихуану человек не сможет стать Адольфом Гитлером - невозможно. Он не сочтет это интересным. Ни один опиумщик не сделает себе труда стать премьер-министром; кто тогда будет принимать опиум?

Я рассказывал вам о привыкшем к опиуму парикмахере, друге моего деда. Я говорил ему:

- Тебя все так уважают... - Это была ложь, но он наслаждался ею, поэтому я счел, что это не повредит. Если кто-то наслаждается и чувствует себя счастливым, и это бесплатно... Я сказал:

- Тебя все так уважают, что если ты выступишь свою кандидатуру на выборах, то получишь какой захочешь пост.

- Это я и сам знаю, - говорил он, - но это такое напряжение; нужно почти, что выключивать эти голоса. А когда я принимаю опиум, я император всего мира. Зачем рваться в кабинет министров или становиться премьер-министром? С опиумом я уже им стал.

Эти люди не причиняют никакого вреда, а тех людей, которые причинили вред, мы ни в каком смысле не считаем наркоманами. У них более изощренные наркотики. И борьба состояла в том, что эти изощренные наркоманы донимали простых в течение всей истории. По-прежнему они делают то же самое, и будут продолжать делать то же самое. Но они не могут изменить ситуацию по одной простой причине: почему человек хочет быть бессознательным? Ответа нет.

Бессознательность привлекательна. Она помогает тебе забыть все свои тревоги, всю ответственность. Она помогает расслабиться. Весь мир исчезает, со всем своим ядерным оружием и Рональдами Рейганами. Именно по этой причине люди не пытались стать более сознательными - потому что небольшая сознательность не привила им вкуса стремиться к большему. Это был действительно горький опыт; они его не хотят.

Вот эти два пути: либо мир должен стать таким красивым, чтобы горечь сознательности превратилась в сладость, - чего не будет, это надежда вопреки всякой надежде... Другая возможность - в том, чтобы индивидуальности повышали уровень своего сознания, и по мере того как уровень сознания повышается, горечь исчезала. Они достигают свежей почвы, которую еще не загрязнил мир. Чем глубже они идут в сознание, тем свежее почва, тем свежее вода, исходящая прямо из источников, - и возникает великое желание получить это все. Тогда каждую жизнь они будут повышать уровень своего сознания.

Иначе каждая жизнь остается горьким опытом: ты не достиг ничего достойного, ты просто потерял всю жизнь впустую. В страдании и несчастье ты кое-как прожил - почти таща на плечах собственный труп - и умер.

Такой опыт не придаст высшего качества следующей жизни... может быть, низшее качество, чтобы у тебя было меньше сознательности, и ты меньше страдал. Она может дать тебе такое состояние, что ты почти бессознателен, и ты не страдаешь. Если твое страдание было слишком невыносимым, тогда следующая жизнь тебя защитит, но это будет шаг вниз. Это может значить что угодно.

Например, один индийский святой Сурдас... Его песни прекрасны. Он был великим поэтом, но не его жизнь. Из-за его песен преданности и самопожертвования, безмерного самопожертвования... Он был саньясином и ходил просить милостыню, и одна женщина, молодая женщина спросила его:

- Зачем тебе ходить в другие дома? Я буду готовить каждый день... Я люблю для тебя готовить. Не будешь ли ты так добр ко мне?

Он не мог отказаться, потому что в индуистской религии нет никаких ограничений... Буддистский монах не может каждый день приходить в один и тот же дом, он должен перемещаться. Джайнский монах не может каждый день приходить в один и тот же дом, он должен перемещаться. Но в индуизме ограничения нет, и он стал туда ходить. Она готовила для него вкусную еду, и он принимал ее с благодарностью.

Но однажды он подумал:

- Почему эта женщина так заботится? Каждый день она готовит мне такую вкусную еду. Я должен ее спросить.

И он спросил ее:

- Почему ты так обо мне заботишься?

Я люблю твои глаза, - сказала она, - и хочу их видеть каждый день. Готовить пищу для меня небольшая забота; но если я тебя не вижу, мне целый день чего-то недостает. Это больно.

Сурдас подумал:

- Это привязанность. - Именно таков образ мышления аскета. - Это привязанность... эта женщина привязана; ее привлекают мои глаза; это нехорошо. Эти глаза могут создать привязанность и в умах других людей - и я буду причиной того, что все эти люди сойдутся с дороги.

И он с помощью друга вынул оба глаза и пришел к этой женщине. Он отдал ей глаза и сказал:

- Поскольку ты любишь мои глаза, можешь оставить их у себя. Я никогда больше не вернусь, потому что теперь у тебя есть то, что ты любила и хотела. И кроме того, мне будет трудно снова найти этот дом. Сегодня мне помог друг, но никто не будет мне помогать каждый день. И в этом нет необходимости.

Эта женщина не могла поверить, что он сделал. Все его лицо было залито кровью. Она сказала:

- Но я никогда не говорила, что ты должен выколоть глаза и отдать их мне. Они были прекрасны как часть тебя, а теперь они мертвы.

Индуисты сделали его святым, потому что он совершил такое великое самопожертвование, чтобы помочь людям не быть привязанными. Я с этим не согласен. Я думаю, что это вздор. Завтра кому-то понравится твой нос, и тебе придется отрезать себе нос. А если кому-то понравятся твои уши, ты отрежешь и уши. А если кому-то понравится твоя голова, ты отрежешь себе голову, и все будет кончено!

Я не думаю, что в этом был какой-то смысл. И что в этом плохого? Этой женщине нравятся твои глаза. Она ничего у тебя не просит, и с какой стати, прежде всего, ты думаешь, что эти глаза - твои? Это собственничество; вот настоящая привязанность. Эти глаза принадлежат существованию. И если кто-то наслаждается цветами или звездами, кто-то может наслаждаться и

глазами кого-то другого. Эта женщина никогда ничего не просила. Это было жестокое, насильственное действие.

Я очень сурово осудил Сурдаса. Индуисты очень разозлились, потому что считают его величайшим святым. Я сказал:

- Никакой он не святой, у него просто не все дома. На самом деле он просто жестоко обидел эту женщину. Он был насильствен с самим собой и еще более - с этой женщиной. Эта женщина всю жизнь укоряла себя, зачем она сказала ему, что ей нравятся его глаза. Она никогда не могла этого себе простить.

Есть вероятность того, что эта женщина достигла более высокой ступени эволюции в следующей жизни, а Сурдас оказался ниже - потому что то, что он сделал, было абсолютно бесчеловечно.

Падение может случиться по-разному. Например, Сурдас мог действительно в следующей жизни родиться слепым. Тогда восемьдесят процентов опытов жизни упускается. И не было ни единого слепого, который стал бы просветленным. Ничто им не мешает, но это кажется невозможным.

Именно глаза дают восемьдесят процентов опыта. И этот опыт заставляет тебя осознать, что твоя жизнь не идет по правильным рельсам, что что-то не так, что тебе придется измениться. Слепой человек упускает все эти восемьдесят процентов. Он живет по минимуму, проживая только двадцать процентов опыта; он почти как животное. Поэтому он может родиться человеком, но оказаться на низшей ступени лестницы эволюции.

Многими путями ты можешь оказаться выше или ниже. Глухонемой человек - тоже человек, но никто никогда не слышал... Он живет в совершенном молчании, - он никогда не слышал ни звука, - и должен был бы немедленно стать буддой. Он никогда не слышал ни звука, никогда не произнес ни звука - чего еще желать? Он удовлетворяет всем требованиям - даже более чем можно ожидать. Но ни один глухонемой парень еще никогда не становился просветленным, потому что это нужно понять: если ты глух и нем, ты не знаешь, что такое звук.

Ошибочно считать, что этот человек находится в абсолютном молчании. Это только снаружи. Он ничего не знает о молчании, потому что, чтобы знать молчание, нужно знать звук, и чтобы быть в молчании, нужно уметь разговаривать. Он не умеет разговаривать, он не может слышать: он упускает и звук, и молчание. Он в очень странной ситуации - откуда ему расти? Это очень трудно, почти невозможно.

Поэтому ты необязательно будешь расти, просто рождаясь снова и снова. Ты можешь продолжать двигаться по одному и тому же кругу, никогда не достигая никакой духовной силы, никакого эволюционирующего сознания.

Но если ты попытаешься в этой жизни стать более сознательным, все, чего ты добьешься, останется с тобой и в следующей жизни; это никогда не теряется. Поэтому в следующей жизни ты можешь начать точно с того места, в котором остановился в предыдущей, потому что ты переменял только тело; ты остался прежним. Поэтому если что-то стало в тебе сознательным, это останется сознательным и в следующей жизни. Оно получит новое начало; на тебе ничто не висит, и у тебя больше свободы двигаться в сознание. В каждой жизни у тебя больше шансов, больше возможностей расти. Все это зависит от тебя.

Я не думаю... потому что я никогда не встречал ни единого случая, чтобы человек пал так низко, что переродился в тело животного. Но и джайнизм, и буддизм соглашаются, что это возможно, и я не отрицаю этот факт - может быть, это и возможно, - потому что они работали тысячи лет с миллионами людей. Может быть, они сталкивались с некоторыми случаями, когда человек действительно впадал в такую бессознательность, что рождался животным. Но я никогда с этим не сталкивался, поэтому я не могу сказать.

И я не вижу в этом большой рациональности. Человек может пасть, но при этом остаться человеком; он не может сделать ничего такого, что сделает его животным. Я никогда не сталкивался с индивидуальностью тех, в чьи прошлые жизни я пытался войти... В этом я не согласен с буддизмом и джайнизмом, но я даю им полное право на сомнение. Они могут быть правы, потому что их опыт долог, и у них нет никакой необходимости изобретать, если только они не столкнулись... Может быть, это что-то очень редкое. Может быть, такой человек, как Адольф Гитлер, который убил миллионы людей совершенно без причины, и мог лишиться своей человечности. Это может быть возможным в определенном уникальном случае.

Но у меня есть и другое возражение по другому поводу, и я чувствую, что я прав, а джайнизм и буддизм, две религии, которые работали над прошлыми жизнями, лгут. Невозможно, чтобы они не сталкивались с тем фактом, о котором я собираюсь вам рассказать. Должно быть, они сталкивались с ним, но из-за их доктрин - это противоречило их доктринам, их философской точке зрения, - они просто не упоминали об этом. Они не солгали прямо, но не упоминать об этом - это тоже ложь. И этот факт, который я обнаружил, состоит в том, что если ты рождаешься мужчиной в этой жизни, в прошлой жизни ты был женщиной. А если в этой жизни ты женщина, в прошлой жизни ты была мужчиной.

Ни одна религия этого не упоминает, и это странно. Я нашел, что это происходит без исключения в каждом случае. И я нахожу это психологически адекватным, потому что женщина устает быть женщиной и начинает чувствовать, что у мужчины есть все - свобода, власть, престиж, - а у нее нет ничего. Естественно, когда она умирает, в ней возникает желание родиться в мужском теле.

Мужчина в такой же ситуации. Хотя у него есть власть, хотя у него больше свободы, глубоко внутри он чувствует себя неполноценным перед женщиной, потому что у нее есть власть создавать жизнь, которой нет у него. Она красивее. Она кажется более укорененной, заземленной.

Даже в утробе матери... Опытные матери, которые родили одного или двух детей, прекрасно знают через несколько месяцев, мальчик у них или девочка, потому что девочка в утробе остается тихой, а мальчик начинает лягаться - начинает играть в футбол. Мать может определить, мальчик это или девочка.

В жизни женщина тоже более укорененная, более мирная. Изредка с ней случаются припадки бешенства; у мужчины никогда не случается припадков бешенства, он их накапливает. Лучше выбрасывать их в розницу, чем оптом, потому что оптом это опасно. Это значит совершить самоубийство, или убийство, или сойти с ума. Этот оптовый бизнес в припадках бешенства очень опасен. Но лишь небольшое потрясение, и через несколько минут женщина возвращается в чувство. Она молчит, она почти забыла...

У женщины есть качество ребенка, которое она сохраняет. Мужчина постоянно теряет это качество. Он становится более коварным, потому что более вовлечен в мир, сталкиваясь со всеми возможными людьми. Поэтому он сам становится коварным; иначе ему трудно выжить. Мало-помалу он начинает чувствовать, что женщина наслаждается больше. Даже в сексе он чувствует, что женщина наслаждается больше его. И по мере того как они становятся старше, он начинает чувствовать, что не наслаждается ничем, а женщина так наслаждается, что ему становится завидно.

Поэтому мужчина, который умирает, думает о том, чтобы стать женщиной. Это обычный процесс. Исключения возможны - они есть. Если ты умираешь сознательно, все будет по-другому.

Но и джайнизм, и буддизм умалчивали об этом факте по той простой причине, что они думают, что быть мужчиной - высшее состояние, нежели чем быть женщиной. И в этом вы можете увидеть, что даже люди, которые очень искренни, могут стать нелогичными. Они готовы допустить, чтобы мужчина пал и стал животным, но не готовы допустить, чтобы мужчина пал и стал женщиной! Это ближе; это небольшое падение, может быть, всего один шаг. Если они правы, и женщина ниже, тогда почему не может мужчина стать женщиной? Если они принимают, что он может стать собакой или ослом...

Но для меня молчание в этом вопросе кажется очень нечестным. Прежде всего, они не хотят давать женщине идею о том, что ей очень легко родиться мужчиной. Это так просто стоит лишь пожелать этого, умирая, и она родится мужчиной.

Обе эти религии хотят, чтобы было ясно и понятно, что достижение состояния мужчины требует тяжелого путешествия; это не может случиться просто по желанию. Женщина должна выполнять всевозможные аскетические практики, которые выполняет и мужчина, но он достигает просветления, а женщина - мужского тела. Кажется, расстояние между мужчиной и женщиной точно такое же, что и между женщиной и просветлением! - требуются такие же практики. Это абсолютный вздор.

Во-вторых, мужскому эго претит, что в следующей жизни он может стать женщиной. Он готов стать лошастью, он готов стать слоном, он готов стать кем угодно - но только не женщиной! Потому что со слоном нет никаких проблем, никакой нервотрепки, никаких ссор, ничего подобного; но с женщиной - постоянный конфликт.

Но вот мой опыт - это почти как колесо: мужчина и женщина почти как китайское колесо инь и ян. Один раз ты мужчина, другой раз ты женщина, и это колесо вращается - пока ты не становишься просветленным. Тогда колесо останавливается. Мужчина и женщина - части одного колеса, одного целого, одного круга.

И теперь, благодаря пластической хирургии, мы знаем, что и Махавира, и Будда были неправы. Прав я... потому что никакая пластическая операция не может превратить тебя в осла, но может сделать мужчину женщиной, а женщину - мужчиной. Как бы ни был гениален пластический хирург, он не может переделать тебя в лошадь или в слона. Это кажется абсолютно невозможным; как это у него получится? Он может переделать мужчину в женщину, потому что они так близки, так взаимодополняющи; различия таковы, что их легко трансплантировать.

Опыт пластической хирургии поддерживает мой опыт, и я не вижу... Я никогда этого не встречал, и не могу сказать, может ли человек пасть так низко, чтобы он стал животным или птицей. Я не вижу такой возможности. Он может пасть ниже, но все же останется в человеческом теле.

Таким образом, не принимай как должное, что каждая последующая жизнь автоматически будет выше. Это опасно. Ты должен работать над этим, заработать это. Ты должен это заслужить.

Любимый Ошо,

Столько происходит, когда я просто тихо сижу в твоём присутствии. Иногда я улетаю; иногда я чувствую себя как скала. Иногда мой ум так спокоен, а иногда он сходит с ума. Иногда мое сердце переполняют слезы, а иногда страх. Мое тело либо ощущает совершенное расслабление, либо болит все. Целый мир происходит со мной, когда я просто сижу здесь. У меня такое ощущение, что я смотрю в зеркало без всякого искажения. Не мог бы ты что-нибудь сказать об этом?

Все, что происходит, абсолютно правильно. Ты должен просто наблюдать это; не беспокоить это. Никаким образом не вмешивайся. Не суди, что иногда это хорошо: когда ты чувствуешь расслабление, это превосходно, а когда все болит, это нехорошо.

Нет, не суди, потому что эти состояния взаимодополняющи. Эта боль может быть просто оттого, что тело высвобождает свои напряжения, чтобы лучше расслабиться. И когда оно расслабляется, то приобретает способность высвободить более глубокие напряжения. Поэтому снова наступит стадия, когда все будет болеть, как будто ты чувствуешь страдания всего мира.

Не суди. Все происходит именно так, как и должно быть. Просто и молча наблюдай, как будто это происходит с кем-то другим. Ты только зритель, ты далеко. Мало-помалу вещи изменятся. И вещи, которые прямо сейчас кажутся тебе противоположностями - иногда ум молчалив, иногда полон шума, - дополняют друг друга. Если ты сможешь просто оставаться отстраненным и наблюдать, все эти вещи исчезнут, и появится совершенно новое спокойствие, у которого нет противоположности. А когда в тебе появляется нечто, чему нет противоположности, ты приближаешься к трансценденции. Это признак, символ: когда ты не чувствуешь никаких противоположностей, это означает, что ты приближаешься к дому.

После просветления нет никаких противоположностей; это простой опыт, в котором нет противоположностей. Это нужно воспринимать как сигнал. Но прежде этого то, что происходит, абсолютно правильно. Это катарсис, и каждый катарсис немедленно вознаграждается.

Если тело ощущает усталость, напряжение, а позднее - абсолютное расслабление, тогда эта усталость не противоположна ему; она создала почву. Ум гудел, и внезапно наступило молчание; этот шум не противоположен молчанию; он был просто подготовкой почвы.

И с твоей стороны ничего не требуется. Просто стой в стороне и наблюдай.

Несомненно, мое присутствие - не что иное, как зеркало.

Просто продолжай смотреть в зеркало, и, что бы ни происходило, помни, это происходит с отражением в зеркале, это не твоя реальность. Твоя реальность всегда остается прежней. Ничто никогда не заставляло ничего с ней случиться, и все, что ты видишь или чувствуешь, происходит в своего рода сне. Пусть сон продолжается, но не становись его частью.

Любимый Ошо,

Кажется, безграничное большинство человечества предпочло бы оставаться спящим. Они становятся гневными и враждебными, когда им в лицо выплескивают холодную воду - даже если это делает такой сострадательный человек, как ты. Они скорее предпочли бы, замести истину под ковер и избавиться от тебя и твоих людей навсегда. Почему мастер так беспокоит?

Если бы это было чем-то, что можно назвать беспокойством, ни один мастер никогда бы никого не беспокоил. Что касается мастера, это просто его любовь, его сострадание; он не может быть другим. Неважно, что делает человечество. Самое большее, оно иногда дает повод хорошо посмеяться, вот и все.

Только сегодня я получил несколько газетных вырезок из Голландии. Там произошли демонстрации протеста - и не только саньясины, но и не саньясины, очень известные люди в разных сферах объявили правительству протест: «Не позволять Ошо въезжать в страну - против свободы выражения». Две главных газеты написали передовицы. Обе они были против меня, и они упоминают этот факт: «Мы были против Ошо и всегда старались публиковать материалы против него. Но мы чувствуем, что были неправы. Видя отношение правительства, мы категорически протестуем. Его должны были впустить в страну; это против демократических принципов и человеческих прав».

Были и другие протесты других индивидуальностей, но то, что ответило правительство, просто заставило меня хорошо посмеяться. Их ответ достоин отдельного рассмотрения. Они сказали, что они должны были предотвратить мой въезд в страну, потому что я высказывался против Голландии. На вопрос, что именно я сказал против Голландии, они ответили, что я выступал против католической религии, против Папы, против Матери Терезы и - последнее и самое важное - против гомосексуализма.

Это означает, либо что правительство признает гомосексуализм своим политическим направлением, либо что Голландия - гомосексуальная страна. В этот момент всей Голландии следовало бы протестовать: «Вы нас осуждаете». Может быть, весь этот кабинет министров состоит из гомосексуалистов.

Людям Голландии сейчас же следовало бы выгнать этих гомосексуалистов, которые так бессознательно разоблачили себя... иначе, почему они должны обижаться, если я выступаю против гомосексуализма? И каким образом это связано с Голландией? Они говорят так, словно это синонимы. Они говорят... Я выступал против Голландии в четырех вопросах, и один из них - гомосексуализм. Я хотел бы им напомнить, что и католическая религия тоже против гомосексуализма, что и Библия против гомосексуализма.

А я всего лишь говорил! Христианский Бог разрушил два города - Содом и Гоморру - потому что они стали гомосексуальными и впали в другие сексуальные извращения. Поэтому, если они честные люди, католицизм должен быть изгнан из Голландии, Библия запрещена, а все католические церкви переоборудованы в клубы гомосексуалистов - просто следуя здравому смыслу. И Богу, разрушившему Содом и Гоморру, не должны давать даже туристической визы. Это так очевидно.

Тогда я подумал о Папе, потому что они также подчеркивают, что я выступал против Папы. Папа представляет ту же самую Библию и ту же самую католическую религию. Он возглавляет эту религию... он - представитель Бога, который осуждает гомосексуализм. Если бы они были искренними людьми, его не должны были бы впускать в Голландию. А если Папу впускают, это наводит на подозрения. Определенно известно, что предшественник этого Папы был гомосексуалистом. Я не знаю об этом Папе, но если его впускают в Голландию, это один из признаков, что он тоже гомосексуалист. Меня только беспокоит, кто его бой-френд... наверное, какой-то голландец.

И почему их так волнует Мать Тереза? Кажется, это какой-то тайный орден гомосексуалистов и лесбиянок. Наверное, Папа возглавляет тайный орден гомосексуалистов, а Мать Тереза - орден лесбиянок. Теперь все проясняется: это гомосексуальная страна, ее религия - гомосексуализм, ее политика - гомосексуализм, а ее лидеры - гомосексуалисты и лесбиянки!

Каждый в Голландии, кто не принадлежит к этой гомосексуальной идеологии, должен выступить против правительства; это правительство должно быть свергнуто. Если Голландия не поднимется и не отстранит это правительство от власти, это будет ясным и четким указанием на то, что они заодно с правительством, что они признают себя гомосексуальной страной.

Странно, что никто в Голландии не обратил никакого внимания на это заявление правительства. Я хочу, чтобы каждый голландец и каждая голландка обдумали этот факт. Если они гомосексуальны, у меня нет никаких возражений; они могут сохранить это правительство. Если это не так, необходим референдум, чтобы решить, гомосексуальна ли эта страна. И если в референдуме правительство потерпит поражение и не получит большинства голосов, оно должно немедленно уйти в отставку.

Это больше не вопрос моего въезда в эту страну - мне все равно. Это вопрос их собственного престижа, гордости всей страны: что за идиотов они поставили у власти? Даже если все они гомосексуалисты, им следовало бы об этом помалкивать. Но хорошо, что это вышло наружу. Их настоящая мотивация ясна: уникальным фактором является гомосексуализм. Ни католицизм не их монополия, ни Папа, ни Мать Тереза.

И что плохого в моей критике? Католицизм критиковали сотни лет; иначе не было бы протестантской религии. Запрещают ли протестантам въезд в Голландию? И если католицизм можно критиковать, и ни одному протестанту не запрещают въезда, почему его должны запрещать мне?

Когда Папа был в Индии, я мог бы выступить против него, но я поддержал его и осудил людей, которые были против него и хотели отправить его обратно. Я высказывался за него и хотел, чтобы его выслушали. Если он говорит что-то неправильное, его нужно уважительно попросить публично это обсудить, но так нельзя... швырять камни, создавать беспорядки. Это варварство. Но Папа слишком бесхребетен, чтобы сказать голландцам или итальянцам, что они не должны мне препятствовать; фактически, он сам прилагает все усилия, чтобы мне воспрепятствовать во въезде в любую страну, в которой он имеет какое-то влияние в правительстве.

Это простое явление. Религии всегда обсуждали проблемы; иначе религий не было бы так много. Они критиковали друг друга. Это не значит, что они неуважительны; это просто значит, что они не согласны, а несогласие - это одно из основных прав человека. И если им кажется, что я выступал против Матери Терезы... Я готов с ней побеседовать где угодно в мире на публичном подиуме. Что бы я ни сказал, я постою за это. Она слишком бесхребетна; бесхребетен и Папа.

Что касается гомосексуалистов, им не стоит беспокоиться. Гомосексуалисты могут выступать против меня, когда я приеду в Голландию; я готов с ними поспорить. Я дискутировал с гомосексуалистами... почему об этом должно волноваться правительство?

И в этих четырех пунктах нет ничего против самой Голландии! По сути, в своем заявлении они сказали, что я выступал против Голландии, и поэтому меня не впускают. А когда их спросили, что именно я сказал против Голландии, они привели эти четыре пункта. Я никогда не думал, что эти четыре вещи называются Голландией: что Голландия состоит из Матери Терезы, Папы, католической религии и гомосексуализма.

Я знаю, что этот мир ненормальный, но дело ни в каком не в «беспокойстве». Это - моя любовь к человеческим существам, моя надежда, что однажды где-нибудь кто-нибудь да поймет. Даже если несколько человек поймут истину, этого огня будет достаточно. Это пламя может передаваться из поколения в поколение; оно может продолжать расти. В том - моя радость.

Глава 12

Вся проблема – ум

Любимый Ошо,

Вчера утром ты говорил о восхождении на разные уровни сознания и привнесении света в соответствующие им части бессознательного. Необходимы ли для этого специальные техники, или наблюдение ума, тела и эмоций просто проведет нас по этим разным уровням?

Наблюдения тела, ума и сердца более чем достаточно. Не нужно никаких других специальных техник, хотя техники есть. Но, насколько я их вижу, они не необходимы; напротив, они усложняют все это явление. А духовный рост - не технологическое явление, и поэтому любая техника может стать препятствием. Ты можешь начать цепляться за эту технику. Именно это случилось с миллионами людей.

В поисках духовного роста они сталкивались с учителями, которые давали им какую-то технику. Техника помогает им стать более молчаливыми, спокойными, тихими, почувствовать себя очень хорошо, но тогда абсолютной сутью становится эта техника. Они не могут отбросить эту технику. Если они отбросят технику, все эти опыты начнут исчезать. Даже если эта техника практиковалась годами, всего за три дня все эти опыты исчезнут. Эти техники на самом деле не дают вам духовного роста, но создают галлюцинацию, которая кажется духовной, потому что вы не знаете, что такое духовный рост.

Однажды случилось так, что ко мне привели одного суфийского мастера. Он был мастером тысяч мусульман; он приходил в город один раз в год. Некоторые мусульмане из его группы заинтересовались мною и захотели увидеть встречу. Они восхищались тем, что их мастер видит Бога везде, во всем и всегда остается радостным: «Мы были с ним двадцать лет, и никогда не видели его ни в каком другом состоянии, кроме как в экстазе». Я сказал им:

- Будет хорошо, если он у меня погостит. Оставьте его со мной на три дня. Я позабочусь о вашем мастере.

Это был очень старый, очень хороший человек.

Я спросил его:

- Не использовал ли ты какой-нибудь техники для достижения этого постоянного экстаза, или он пришел сам собой, без всякой техники?

- Я, конечно, использовал определенную технику, - ответил он. - Техника эта состоит в том, чтобы помнить, на что бы ты ни смотрел, что в этом есть Бог. Поначалу это выглядело смехотворным, но мало-помалу ум привык: теперь я вижу Бога везде и во всем.

- Сделай одну вещь... - сказал я. - Сколько ты это практиковал?

- Сорок лет, - наверное, ему было около семидесяти лет.

- Доверяешь ли ты своему опыту экстаза? - спросил я.

- Абсолютно, - сказал он.

Тогда я сказал:

- Сделай одну вещь: на три дня прекрати эту технику... не вспоминай больше, что Бог есть во всем. Три дня смотри на вещи такими, как они есть; не накладывай на них свою идею о Боге. Стол - это стол, стул - это стул, дерево - это дерево, человек - это человек.

- Но какая в этом цель? - спросил он.

- Я скажу тебе через три дня, - ответил я. Но не понадобилось и трех дней; на следующий же день он уже разозлился на меня, разозлился до бешенства:

- Ты разрушил дисциплину, созданную мною за сорок лет. Ты опасный человек. Мне говорили, что ты мастер, но вместо того чтобы мне помочь... Теперь я вижу, что стул - это не более чем стул, а человек - не более чем человек; Бог исчез, и с исчезновением Бога исчез и мой экстаз оттого, чтобы я окружен океаном Бога.

- Это и было конкретной целью, - сказал я. - Я хотел, чтобы ты понял, что эта твоя техника создала галлюцинацию; иначе выработанная за сорок лет дисциплина не смогла бы исчезнуть за один день. Ты должен был продолжать технику, чтобы она продолжала создавать эту иллюзию. Теперь все зависит от тебя: если хочешь прожить остаток жизни в галлюцинационном экстазе, это в твоих силах. Но если ты хочешь проснуться, не нужно никаких техник.

И помни, свидетельствование - это не техника, это твоя природа. Наблюдение - это не техника, потому что ты ничего не навязываешь, и нет никакой возможности создания иллюзии; ты просто наблюдаешь. Даже если сам Бог возникнет перед тобой, ты не должен падать на землю и касаться его ног: ты должен просто наблюдать. Наблюдение - это не техника.

Техника что-то создает; наблюдение просто обнажает то, что есть. Оно ничего не создает; напротив, оно может разрушить многие иллюзии, которые кружились вокруг тебя, потому что ты был недостаточно наблюдателен и никогда не замечал, что это иллюзорные явления.

Иллюзию можно создать так легко, что ум всегда наслаждается техниками. Кто будет использовать технику? Хозяином техники будет ум.

Наблюдение - за пределами ума. Ум не может наблюдать. Это единственная в существовании вещь, которую ум не может делать. Именно поэтому ум не может ее загрязнить, не может заставить ее сбиться с дороги.

Однажды я несколько лет жил с одной из сестер моего отца. Иногда ее навещала одна подруга; они были очень близки. Я обычно читал допоздна, до трех часов ночи, а потом засыпал. И у этой женщины, подруги сестры моего отца, была проблема со сном: она не могла уснуть. И когда весь

дом засыпал, она приходила в мой кабинет поговорить со мной или просто посидеть. По крайней мере, я не собирался спать до трех часов, и именно в это время ей тоже не хотелось спать; она засыпала утром.

Муж сестры моего отца имел обыкновение во сне скрипеть зубами, два или три раза за ночь. У него было что-то не в порядке с желудком, и он скрипел зубами, и звук доносился очень явственно.

Однажды я разговаривал с этой женщиной, и она спросила:

- Ты веришь в привидения?

- Почему ты спрашиваешь?

- Я живу одна, - сказала она. Она была вдовой и была очень богата. - Я живу одна и всегда думаю о том, что я одна. Если существуют привидения, я в опасности; в моей комнате никого больше нет.

Я сказал:

- Привидения не только существуют; они присутствуют в этой комнате, в этом доме.

- Что ты имеешь в виду? - сказала она.

- Я тебе расскажу. Когда построили этот дом, здесь жил владелец прачечной со своей очень красивой женой, у которой был только один глаз. Ее лицо было очень красиво - плохо было только, что не хватало глаза. Во время первой мировой войны владельца прачечной призвали в армию, и там он погиб. Горе его жены было так велико, что она не могла в это поверить. Она отказывалась верить, что он умер; она продолжала ждать его день за днем. И в этом состоянии, продолжая постоянно ждать его, она стала плохо есть и перестала заботиться о теле. Все пытались ее разубедить:

- Он умер, он не может вернуться. Тебе не стоит целыми днями сидеть у дверей.

Но она не могла и помыслить о том, что он может ее покинуть. Их связывал обет, что они проживут вместе и умрут вместе. Они так любили друг друга. В конце концов, она умерла, но из-за этого желания, чтобы муж вернулся и нашел ее, она стала привидением. Она все еще живет здесь.

После ее смерти ее небольшая хижина была разрушена, и было выстроено это здание, но она по-прежнему здесь живет и по-прежнему ждет. Она приходит каждую ночь, и когда она приходит... ты должна понять сигнал: она производит такой звук, словно кто-то скрипит зубами. Не знаю, почему она это делает, - никто не знает, - но это происходит два или три раза за ночь. И если в доме гости, она приходит всегда - думая, надеясь, что, может быть, это ее муж вернулся и гостит в доме.

Она приходит, сдергивает с тебя одеяло и смотрит тебе в лицо. Это очень красивая женщина, но у нее только один глаз.

- Но мне никто об этом не рассказывал, - сказала она.

- Тогда никому не говори, потому что никто не будет приходить в этот дом, и даже продать его будет невозможно. Этот дом хотят продать, поэтому никто из этой семьи не говорит правду. Как только дом будет продан и куплен новый, это будет проблемой кого-то другого; это уже не их дело. Поэтому об этом сохраняется полное молчание. Но тебе я рассказал, потому что ты попросила. У меня ничего нет, я никак не заинтересован в этом доме. Я просто говорю как есть - а так все и есть.

Только если она подойдет к твоей кровати и посмотрит твое лицо, не пугайся, потому что она очень невинная женщина; она никогда никому не причиняла вреда. Она просто смотрит тебе в лицо, и видя, что это не ее муж, снова накрывает тебя одеялом и уходит. И прежде чем она придет, ты услышишь скрип зубов.

- Боже мой! - сказала она. - Это опасный дом - а я столько раз в нем ночевала. Может быть, я спала, когда она приходила. Но теперь я не могу спать.

- Попытайся, - сказал я, - пойди и усни. Около часу ночи она ушла в свою комнату, и в тот момент, когда она вошла и выключила свет, случилось великое совпадение: она услышала скрип зубов и громко завопила. Я бросился в комнату.

Все проснулись:

- Что случилось?

Она лежала на полу; она не могла даже добраться до постели! Она лежала на полу без сознания.

И мне сказали:

- Мы же просили тебя не рассказывать историй, которые не имеют никаких оснований. Теперь твоя обязанность, твой долг - позаботиться о ней. Прежде всего, приведи ее в сознание.

- Я попытаюсь, - сказал я, - но не думаю, что она придет в сознание так легко; на это потребуется время. И даже если она придет в сознание, то тут же снова его лишится.

- Но что ты с ней сделал?

- Завтра утром я расскажу всю историю, когда она придет в себя.

Я сделал что мог. Я побрызгал ей в глаза холодной водой.

Она пришла в сознание и только показала в угол:

- Вон она стоит! - И снова завопила и потеряла сознание.

- Кто стоит в углу? - спросила вся семья.

- Не знаю, - сказал я. - Наверное, кто-то стоит. Я слышал, что здесь есть привидение.

- Мы никогда не слышали ни о каком привидении, - сказали они. - Ты здесь всего два месяца и уже слышал о привидении? Кто тебе сказал?

- Завтра утром... - сказал я. - Сначала нужно привести эту женщину в сознание и уложить спать.

Но это повторялось три или четыре раза: она приходила в себя, только чтобы посмотреть в угол и закричать:

- Вон она стоит... один глаз!

Им пришлось не спать всю ночь - спал только я.

Утром женщина пересказала им историю, рассказанную мной. Они сказали:

- Не слушай его. Он всегда что-то рассказывает людям, и странно, что они верят - даже старики.

Один человек жил по соседству с нами и был постоянным гостем. Он был очень уважаемым - ему было шестьдесят пять лет, он был старше всех в этом доме - и очень любящим человеком. У него был лучший в городе продуктовый магазин. Нигде нельзя было купить еды лучше; у него было лучшее качество. Он был одинок - ни жены, ни детей - и воспринимал свою профессию как служение тысячам людей. Так что это было не только профессией, это было нечто наподобие религиозного долга: продаваться должно было все самое лучшее и с минимальной прибылью.

Я рассказал ему об этой женщине. Он сказал:

- Я не верю в привидения; я - верующий в Бога. Не верю ни в какие привидения.

- Дело не в веровании, - сказал я, - дело в реальности. Можешь просто провести одну ночь в этой комнате.

- Почему я должен спать в этой комнате? - спросил он.

- Все ясно, - сказал я. - Ты, конечно, испугался; иначе, один раз переночевать... Ты же спишь в соседнем доме. Ты один, так что никаких проблем нет; ты можешь переночевать здесь. Я приведу тебе доказательство очевидного.

- Но почему я должен пытаться? - спросил он.

- Ты сказал, что не веришь в привидения, а я сказал, что они есть, и есть женщина, которая приходит, но только к новым гостям, поэтому, если хочешь, можешь попробовать.

И то же самое случилось с этим человеком. Он лег в постель, но не мог уснуть, потому что ожидал, что придет эта женщина - и вдруг услышал скрип зубов. Это было предрешиено; можно было гарантировать, что, по крайней мере, три раза за ночь муж моей сестры заскрипит во сне зубами.

И он заскрипел зубами, и этот человек просто сбросил одеяло, прибежал в мою комнату, разбудил меня и сказал:

- Она пришла!

- Кто? - спросил я.

- Женщина, о которой ты говорил. Я верю в привидения; этого достаточно. Но не надо больше об этом! Я слышал звук и не хочу оказаться в той же ситуации, что и та бедная женщина - потому что по всему городу распространился слух, что та женщина... Она перестала останавливаться в нашем доме, потому что боялась. Три или четыре дня у нее был жар; даже когда она пришла в себя и вернулась домой, ее лихорадило, так глубоко проник страх.

И этот старик сказал:

- Я не хочу оказаться в беде, как она. Просто открой дверь и позволь мне пойти домой!

- Но ты же такой верующий в Бога человек, - сказал я. - Это хороший момент, чтобы испытать твоего Бога.

- Я не буду тебя слушать, - сказал он, - ты опасный парень. Бог? Не знаю, есть ли он вообще или нет, но привидение, несомненно, существует! Я только что слышал... она скрипит зубами!

А он был старым и очень религиозным человеком, который каждый день ходил в храм, читал мантры и тому подобное.

Он сказал:

- Я могу сказать... но только открой дверь и позволь мне пойти домой! Я никогда больше не скажу, что Бог существует; я буду всегда говорить, что существуют привидения. Только позволь мне пойти домой! С меня достаточно доказательств. Еще немного, и... Я старый человек. Может быть, у меня что-то случится с сердцем, или...

Собралась вся семья:

- Что происходит?

- Ничего, - сказал я, - только он опять услышал это привидение, а я как раз говорил ему: «Ты такой любящий Бога человек: привидение ничего не может тебе сделать».

- Ты просто... почему ты говоришь все эти вещи? - спросила моя семья.

- Я ничего не говорю... он сам начал. И все свелось к дилемме: Бог или привидения? И я сказал, что не знаю, существует ли Бог, но знаю, что существуют привидения.

И хотя все в моей семье знали, что это только моя выдумка, они и сами начали в это верить:

- Может быть, в этом что-то есть. Один раз еще ничего... та женщина поддалась его влиянию, потому что слушала его одна поздно ночью. Но этот старик - очень религиозный и уважаемый человек, а ведет себя, как ребенок!

Никто не хотел спать в той комнате, где происходили все эти вещи, - даже люди, жившие в доме. Никто не хотел; они говорили:

- Спи там сам, если тебе хочется.

И я говорил:

- У меня же есть своя комната, и та комната ничем не лучше моей, я не хочу ее менять.

Но если ночью им что-то нужно было взять из той комнаты - она превратилась в склад для хранения вещей, потому что никто не хотел там жить, - мне говорили:

- Иди первый, а мы за тобой.

- Вы не понимаете, - говорил я, - даже если там есть привидение, оно меня не испугается.

Они говорили:

- Ничего не хотим слушать. Если мы видим, что ты туда идешь, то можем быть уверены, что опасности нет, поэтому войди первым; возьми факел и иди.

Когда им что-то нужно было взять из этой комнаты ночью или даже днем, они не входили туда поодиночке. Никто не хотел. Даже дети пробегали через эту комнату, не проходили. Эта комната стала такой знаменитой, что когда они решили продать дом, никто не хотел его покупать, и они сказали:

- Теперь ищи покупателя сам. Ты разрушил ценность этого дома. Это прекрасный дом, а люди называют его домом с привидениями.

- Но вы же знаете, что никакого привидения нет.

- Мы знаем, но знать в таких делах недостаточно; все решает чувство. Страх двоих людей... ни один из них больше не вернулся в этот дом. Мы иногда приглашаем старика, но он говорит: «Никогда больше не вернусь в это дом! Я помню ту ночь, когда он не хотел открывать дверь - потому что ключ был у него, - и чувствую себя повинным в том, что из страха мне пришлось признать, что Бога не существует, а привидения существуют. Теперь я молюсь дважды - утром и вечером - убеждая Бога, что я верю в него: «Ты существуешь. Этих привидений и тому подобного нет».

Ум может спроецировать любой опыт. Эта женщина действительно видела жену владельца прачечной, как я ее описал. Утром она описала ее в точности: красивая женщина с длинными волосами и одним глазом, в красном сари с черным краем. Она сказала:

- Если бы я была художницей, то могла бы ее нарисовать. Я могу закрыть глаза и увидеть ее.

Техники, используемые для духовного роста, ничем от этого не отличаются. Этот суфийский мастер не мог оставаться со мной три дня, но, покидая меня, он, в конце концов, сказал:

- Я благодарен. Я больше не начну то же самое путешествие. Я вижу, что произошло: сначала я стал проецировать. Я знал, что стол - это стол, а стул - стул, но начал проецировать Бога, воображать, что они сияют существованием Бога. И я знал, что это только моя идея. Но... сорок лет! Постепенно это стало реальностью. Но ты показал мне, что эта техника просто создавала галлюцинацию.

Было много людей - много так называемых великих святых, пророков, мессий - которые жили в галлюцинации, которые никогда не знали о простом процессе наблюдения.

Лучше, если ты не будешь вовлекаться ни в какую технику. Наблюдение так чисто; не загрязняй его ничем другим. И оно так полно, так завершено, что не нуждается в поддержке ничего другого. Но ум всегда хочет какую-то технику, потому что ум может контролировать технику. Ум - техник; технология - его стихия. Но наблюдение вне его контроля. Оно за пределами его, над ним, и фактически, для ума это смерть.

Если в тебе растет наблюдение, ум умрет.

И все эти люди, такие как Махариши Махеш Йоги, обучающий трансцендентальной медитации, дают техники, которыми ум совершенно доволен. Ум может их использовать. Но в этом не будет никакого роста. Техника не плоха, но она просто дает тебе иллюзорное чувство хорошего самочувствия - как будто ты эволюционируешь... а ты стоишь там же, где и раньше; нет ни эволюции, ни роста. Все эти люди, эксплуатирующие человечество, давали техники - и это худшая из всех эксплуатации, потому что она останавливает эволюцию.

Я за простой, естественный метод, который у тебя уже есть и который ты иногда используешь.

Когда ты злишься, как ты узнаешь, что зол? Если бы был только гнев, и его никто не наблюдал, ты не смог бы осознавать гнев. Сам по себе гнев не может осознавать.

И ты осознаешь, когда гневен, когда не гневен, когда тебе хорошо, когда нехорошо. Но ты не использовал этого наблюдения последовательно, научно, глубоко, тотально в каждой фазе ума. Для меня это слово содержит саму сущность медитации.

Любимый Ошо,

На вчерашней вечерней лекции ты сказал, что во время смерти у человека есть только две или три секунды, за время которых душа путешествует из одного тела в другое. Мастер, ты сказал, что твоя последняя жизнь была семьсот лет назад. Где же ты был все эти годы?

Здесь, в Уругвае! Где же еще мне быть? Доступно все существование. Когда ты не в теле, ты просто часть существования, без всякого разделения.

Причина, по которой семьсот лет я оставался... Некоторые люди не оказываются в следующей жизни немедленно. Либо этот человек такой подлый, животный и звероподобный, как Адольф Гитлер... Он еще не переродился, потому что ему нужна особенная утроба, которой может не найтись за тысячи лет: ему приходится ждать. Либо, если ты достиг определенного развития сознания, возникает та же проблема: тебе нужна особенная утроба. Пока она не найдется, ты не можешь получить следующее рождение.

Обычно это две или три секунды, потому что для сонного человечества доступны такие же сонные утробы. Каждый день миллионы людей занимаются любовью, и все они дают возможность новым людям войти в утробу. Для масс никаких проблем нет; им не нужно ждать. Это происходит почти мгновенно: они покидают одно тело, и тотчас же где-то готова какая-то утроба. И они оказываются в ближайшей.

Кстати, если ты родился в Германии, это может значить, что ты рождался в Германии многие жизни, по той простой причине, что если ты остаешься просто частью массы, нет никаких причин ходить далеко, в Китай или Японию, чтобы там родиться. Всюду вокруг тебя достаточно утроб, готовых тебя принять.

В своих экспериментах я увидел, что люди обычно продолжают оставаться в одной и той же среде, пока что-то в них не начинает расти, и они не могут найти подходящей утробы в непосредственной близости. Тогда они меняют место. Тогда они перемещаются в другие страны, в другие национальности, в другие народы.

Но в таких крайностях - когда ты либо слишком проклят, либо слишком благословен - тебе придется ждать, потому что лишь для такого, изредка представляется подходящая утроба. У отца должны быть определенные качества, у матери должны быть определенные качества, и определенная душа может войти, только если их качества симметричны с ее собственными. Поэтому вы не только несете кровь и плоть своих родителей, их клетки; есть нечто еще более глубокое. В тебе есть определенные качества, в точности схожие с качествами твоих родителей, но ты не унаследовал их от родителей - они у тебя уже были, и именно поэтому ты получил этих родителей.

Невоплощенный, ты просто часть существования. Трудно объяснить, где ты находишься, потому что «где» указывает на определенное пространство; «когда» указывает на определенное время. Но, покинув тело, ты выходишь за пределы и времени, и пространства, и нельзя сказать, где ты. Ты есть: время для тебя остановилось, пространство для тебя исчезло.

Ты будешь оставаться в этом состоянии, в блаженстве - если именно блаженство мешает тебе найти новую утробу - или в большом страдании, если ты застрял из-за страдания, из-за боли, из-за всего того зла, которое причинил.

Адольф Гитлер убил миллионы людей, по крайней мере, шесть миллионов человек, а затем сам покончил с собой - и все без всякой цели. Все это было абсолютно бесполезно. Чтобы найти родителей сходных качеств, сходных преступных умов, ему придется обождать. Но все это ожидание будет интенсивным страданием.

В моем собственном понимании, именно из-за этих ситуаций возникла идея рая и ада. Нет ни ада, ни рая, есть только люди, которые застревают и не могут найти утробу. Если они в боли, страдании, темноте, - все то мучение, которому они подвергли других людей, начинает сказываться на них. Они живут в полном самоистязании. И именно поэтому была создана идея ада; никакого другого ада нет. Но в ней есть смысл, символический смысл.

Эти семьсот лет были для меня абсолютным блаженством, и я могу сказать, что каждый, кто пережил такого рода блаженство за пределами времени и пространства, естественно, подумает, что оказался в раю. Но никакого рая нет; это существование - все. Либо ты в теле... тогда у тебя есть шанс эволюционировать; без тела ты не можешь эволюционировать. Тело - это своего рода школа. Оно дает тебе ситуации для эволюции. Я знаю, что эти мои семьсот лет были блаженны, но я не мог двигаться вперед; это было застывшее блаженство. В этом состоянии нет возможности расти: ты останешься в той же точке, пока не родишься снова, и лишь тогда можешь начать расти. Чтобы расти, необходимо тело.

Как только ты достигаешь всех возможностей роста, всего спектра, не нужно больше никакой эволюции; ты достиг всего. Тогда ты не будешь больше возвращаться в тело. Нет необходимости снова возвращаться в школу; ты всему научился. Теперь ты можешь оставаться частью существования вечности, в вечном блаженстве.

Тело нужно уважать и любить, потому что это твое средство для роста, продвижения вперед. Без него ты не можешь двигаться. Именно поэтому меня постоянно удивляет, что все религии проповедуют идею, что тело - это нечто антидуховное. Тело это то, что ты от него хочешь: оно может быть против духовности, может быть за духовность. Это средство передвижения: ты можешь направить его куда захочешь; у него самого по себе нет программы. Тело очень невинно и лишено всякой программы.

Фактически, все эти религии, осудившие тело, принесли человечеству вред, потому что осудившие тело люди перестали использовать телесную возможность перехода в более высокие состояния. Напротив, они стали причинять телу вред. Они разрушительны с телом, и оно не помогает. Они разрушают собственное средство продвижения.

Но кажется, тот факт, что достигшие просветления люди больше не входили в тело, дал священникам и ученым-теологам - тем, кто не знает, а думает, что знает, - ложную идею. Они восприняли так, что если после достижения просветления в тело не возвращаются, это значит, что тело не духовно; тело антидуховно. Ты в теле лишь потому, что не просветлен; борись с телом, мучь тело, освободись от тела. Но используемые ими методы не освободят их от тела; они еще сильнее увязнут в теле. Никто не делает себе труда разбираться во всех импликациях явления.

Это правда, просветленный человек никогда больше не входит в тело, но обратное неверно - что не входя в тело, ты будешь просветленным, или что разрушив тело, ты будешь просветленным. Сама идея разрушительности и мучения недуховна, и человек, способный разрушить самого себя, легко может разрушить кого угодно другого. Если он может мучить самого себя, ему очень легко мучить кого-то другого.

Может быть, такие люди, как Адольф Гитлер, были когда-то в прошлом вашими так называемыми святыми. Они до такой степени истязали свои тела, что сейчас это обратная реакция; маятник переместился в другую крайность: теперь они истязают других людей. Иначе нет никаких причин одним людям мучить других. Какое наслаждение они получают, мучая других? Наверное, за этим стоит какая-то причина - они достаточно мучили самих себя. Теперь это становится порочным кругом: ты мучишь себя, затем рождаешься в другое тело и мучишь других; и поскольку ты мучил других, ты снова рождаешься в тело и мучишь себя.

На языке хиндустанити мир называется словом *сансара*. Индия была очень аккуратна в языке: каждое слово имеет собственную философскую подоплеку. Сансара значит колесо, которое продолжает вращаться. Единственный способ прыгнуть с колеса - быть наблюдательным, потому что наблюдение уже находится вне колеса. Если ты привыкаешь к наблюдению, внезапно ты - вне колеса. Но если ты отождествляешься с гневом, ревностью, любовью, ненавистью - с чем угодно - тогда ты пойман в колесе.

И колесо продолжает вращаться, от одной крайности к другой. То, что внизу, окажется наверху, то, что наверху, окажется внизу, - и этому нет конца, пока человек просто не выпрыгнет из него. А единственный способ выпрыгнуть из него - осознавать свой гнев, свою любовь, свою ненависть, свою горе, свою радость. Просто наблюдая, ты уже вне колеса - гусь снаружи.

Любимый Ошо,

Темнота кажется такой глубокой, и мои глаза затуманены, и мой нескончаемо шумный ум - кроме тех мгновений, когда я с тобой, - вертится и вертится вокруг меня. Свет есть, но он кажется слишком далеким во всей этой темноте. Иногда я сомневаюсь, получится ли у меня. Любимый мастер, я не могу найти дверь.

Не волнуйся. Нет нужно находить дверь, потому что ты снаружи всех дверей! Ты никогда не был внутри, ты только веришь, что ты внутри. Экзистенциально ты всегда снаружи. В то самое мгновение, как ты понимаешь, что ты снаружи - и твое нахождение внутри было только идеей, - далекий свет больше не далек; это и есть ты сам. И окружающей тебя темноты больше не найти.

Но самое основное - понять, что ты уже снаружи дверей. Совершенно невозможно, чтобы ты был внутри. Именно это я говорю: наблюдение - это не часть ума и не может быть частью ума.

Ум не может быть свидетелем.

Ум и есть темнота.

Ум составляет всю проблему, а решение стоит прямо за дверью и ждет, когда же ты поймешь, что ты не внутри, а снаружи.

В свидетельствовании содержимого ума приходит момент, когда ты внезапно осознаешь, что все твое существо всегда было снаружи - даже в самые темные ночи ты никогда не был внутри. На тебя нисходит такая великая радость: экзистенциально невозможно, чтобы ты был внутри. Хорошо, что ты не находишь двери; иначе ты войдешь вовнутрь!

Никакой двери нет. Ум остается внутри; ты остаешься снаружи. Ни ум не может выйти, ни ты - войти. Но привязанность к уму возможна без всякой двери. Отождествление с умом возможно без всякой двери.

Ты просто забыл себя.

Ничто не потеряно, ничто не упущено, ничто не должно быть найдено. Просто вспомни. Просто вспомнить... самое простое - всегда труднее всего, это правда, - а это самая простая вещь.

Ни одна из проблем не принадлежит тебе. Что касается тебя, никакая проблема не может в тебя войти, но ты можешь отождествиться с чем-то, что не является тобой.

Я помню одну историю. У одного человека загорелся дом. Дом горел; этот человек положил всю жизнь, чтобы построить этот прекрасный дом. Собрались тысячи людей, но ничего нельзя было сделать. Слишком сильным был пожар. Можно понять этого человека: по его лицу катились слезы. Вся его жизнь сгорала у него на глазах. Вдруг прибежал его сын и сказал:

- Отец, почему ты плачешь? Мы ведь вчера продали этот дом. Мы снаружи... но мы продали этот дом. Пусть теперь кто-то другой плачет и рыдает, но не ты. Мы получили за него достаточно денег.

Этот человек тотчас же утер слезы и стал зрителем, точно как все остальные. Отождествления, невидимого отождествления «это мой дом», больше не было. Не было ни боли, ни страдания, совершенно никаких проблем. И где-то он был даже рад: «Теперь мы построим дом еще лучше». Он чувствовал облегчение; дом горел; он чувствовал облегчение.

Тогда прибежал второй сын. Он сказал:

- Да, правда, мы договорились о продаже, но бумаги не были подписаны, деньги не были перечислены. Так что этот горящий дом - наш, а ты выглядишь так, словно ты просто зритель! - И снова потекли слезы, снова его сердце стало разрываться. Видимо ничто не изменилось: дом горел, как и раньше, этот человек стоял рядом. Но люди, приносящие сообщения, изменили все!

Отождествившись, он сам горит вместе с домом. Разотождествившись, с облегчением он чувствует, что не имеет ничего общего с этим домом; это какой-то чужой дом.

Единственное, что нужно помнить, - это что ты уже снаружи, и по самой природе нет никакой возможности оказаться внутри. Ты можешь верить, ты можешь воображать... и все же будешь снаружи. Сидя на ступеньках собственного дома, ты пытаешься найти дверь, чтобы из него выйти. Ты никогда ее не найдешь, ее нет; доступно все небо. Просто встань и иди в любом направлении; не нужно открывать никакой двери.

Но ты привязан к уму, ты отождествлен с умом, который внутри и у которого нет никакой возможности выйти наружу. Он не может существовать на свету. Вот ситуация: свидетельство всегда снаружи и не может оказаться внутри; оно может существовать только на свету, оно не может существовать в темноте. Ум всегда внутри; он может существовать только в темноте, он не может существовать на свету.

Находясь между этими двумя абсолютно разными вещами, ты отождествлен, привязан, и это создает для тебя проблемы.

Поэтому вспомни: ты снаружи. Если не можешь сделать этого сразу, сделай постепенно, часть за частью. Когда приходит гнев, наблюдай его, и ты увидишь, что гнев внутри, а ты снаружи.

Когда Гурджиеву было только девять лет, у него умер отец. Отец был беден. Умирая, он подозвал Гурджиева поближе и сказал ему:

- Мне нечего оставить тебе в наследство. Я беден, и мой отец тоже был беден, но он дал мне только одно, и это сделало меня богатейшим человеком в мире, хотя снаружи я остался бедным. Я могу передать тебе то же самое.

Это определенный совет. Может быть, ты слишком молод и не сможешь последовать ему прямо сейчас, но запомни его. Когда ты сможешь действовать согласно этому совету, действуй. Совет прост. Я повторю его, и поскольку я умираю, слушай внимательно и повторяй за мной, чтобы я умер удовлетворенным, что передал послание, которое, может быть, веками переходило от отца к сыну.

Послание было просто. Отец сказал:

- Если кто-то оскорбляет тебя, раздражает, провоцирует, просто скажи ему: «Я понял твое послание, но я пообещал отцу, что буду отвечать только через двадцать четыре часа. Я знаю, что ты в гневе, я это понял. Я приду и отвечу тебе через двадцать четыре часа». И так же во всем. Соблюдай промежуток в двадцать четыре часа.

Девятилетний мальчик повторил, что сказал ему отец, и отец умер, но переданное в такой момент послание запечатлелось навсегда. Когда он повторил послание, отец сказал:

- Хорошо. Пусть будут с тобой мои благословения; я могу умереть в мире.

Он закрыл глаза и умер. И Гурджиев, хотя ему было только девять лет, начал это практиковать. Кто-то оскорблял его, и он говорил:

- Я приду через двадцать четыре часа, чтобы тебе ответить, потому что я пообещал это своему умирающему отцу. Прямо сейчас я не могу тебе ответить.

Может быть, кто-то бил его, а он говорил:

- Ты можешь меня бить; прямо сейчас я не могу ответить. Через двадцать четыре часа я приду и отвечу тебе, потому что я дал такое обещание умирающему отцу.

И впоследствии он говорил своим ученикам:

- Это простое послание совершенно меня трансформировало. Этот человек меня бил, но я не собирался реагировать в этот момент, и мне ничего не оставалось, кроме как наблюдать. Мне нечего было делать: сейчас этот человек меня бьет, а я должен быть просто зрителем. Двадцать четыре часа делать было нечего.

И наблюдение этого человека создавало во мне нового рода кристаллизацию. Через двадцать четыре часа я мог видеть яснее. Мои глаза были полны гнева. Если бы я ответил прямо в тот момент, я стал бы бороться с этим человеком, я ударил бы этого человека, и все было бы бессознательной реакцией. Но через двадцать четыре часа я мог думать об этом более спокойно, более тихо. Либо он прав - я сделал что-то неправильное и нуждался в том, заслуживал того, чтобы меня побили, оскорбили, - либо он был абсолютно неправ. Если он был прав, ничего не оставалось, кроме как прийти к нему и поблагодарить. Если же он был абсолютно неправ... тогда не было смысла бороться с человеком, который так глуп и делает совершенно неправильные вещи. Это бессмысленно, это просто пустая трата времени. Он не заслуживает никакого ответа.

И через двадцать четыре часа все становилось на свои места, и возникала ясность. И с этой ясностью и наблюдательностью в мгновении, Гурджиев превратился в одно из самых уникальных существ этого века. И это было фундаментальной основой всей кристаллизации его существа.

Ты всегда снаружи.

Просто наблюдай.

Ум всегда внутри. Не отождествляйся с ним. Неотождествленный, ты будешь становиться более и более ясным, и ум умрет сам собой.

Смерть ума и рождение наблюдения - это начало твоей эволюции. И свет не будет далеким - это и есть свет. Темнота уйдет, потому что ты есть свет, и тебя не может окружать темнота. Именно поэтому я говорю, что наблюдение - это не техника, это твоя природа. Просто вспомни это.

Глава 13

Несчастье: не что иное, как выбор

Любимый Ошо,

Когда я с кем-то встречаюсь в сердце, этот опыт совершенно опьяняет меня. В эти мгновения я испытываю великолепное чувство осуществленности и экстаза. Безмерное количество энергии начинает двигаться в теле, и мне хочется идти вместе с ней тотально, потеряться в ней. Затем - и это происходит всегда - маятник совершает естественный взмах в другую сторону, и я нахожу, что цепляюсь за недавние мгновения любви и становлюсь несчастной. У меня такое ощущение, что этот образец очень стар.

Я была бы благодарна, если бы ты рассказал об осознанности и любви; и о том, как потерять контроль (Let-go), но не потеряться.

Нужно помнить о том, чтобы не выбирать одну часть из взаимодополняющего целого. Ты выбираешь половину круга, и когда появляется вторая половина - что неизбежно, - это создает несчастье. Несчастье - не что иное, как выбор.

Ты выбираешь опыт любви, чувство экстаза, но, выбирая их, окажешься в ловушке естественного процесса. Ты будешь цепляться за эти чувства, а они не постоянны; это часть колеса, которое вращается. Точно как день и ночь - выбрав день, что ты можешь сделать, чтобы избежать ночи? Ночь наступит.

Ночь приходит и не приносит несчастья. Если ты выбираешь день вопреки ночи, это создает несчастье. Каждый выбор обязательно окончится состоянием несчастья.

Отсутствие выбора - это блаженство.

И отсутствие выбора - это и есть прекращение контроля (Let-go). Это значит, что приходит день, приходит ночь, приходит успех, приходит поражение, приходят времена славы, приходят времена осуждения - и поскольку ты ничего не выбрала, все, что бы ни пришло, для тебя правильно. Ты всегда согласна. Мало-помалу ты начинаешь видеть, что в тебе растет дистанция; круг продолжает двигаться, но ты не поймана в нем. Тебе неважно, день это или ночь. Ты центрирована в себе самой. Ты не цепляешься ни за что другое; ты не помещаешь свой центр тяжести ни во что другое.

Наверное, в книгах ты встречала истории для маленьких детей, в которых чудовище вкладывает свою жизнь в кого-то другого, например, в попугая.

Теперь необязательно убивать чудовище; нужно просто убить попугая. И когда ты убиваешь попугая, чудовище претерпевает ужасные мучения. Когда же убит попугай, погибает и чудовище.

В детстве меня всегда интересовали такого рода сказки, и я никогда не мог поверить, что это просто сказка. Я докучал родителям и учителям тем, что в этой сказке должен быть какой-то смысл. Все они говорили, что это только сказка, развлечение для маленьких мальчиков. В ней нет никакого смысла.

Но меня это никогда не убеждало. Я просто думал, что они никогда не размышляли над этим. Я был прав, потому что впоследствии я обнаружил это явление - каждому приходится вложить свою жизнь во что-то другое. Эти сказки - не просто сказки. Они безмерно важны, потому что дело не в каком-то одном человеке; каждому приходится вложить свою жизнь во что-то другое.

Твое цепляние означает, что в это ты вкладываешь свою жизнь. И твоё цепляние не поможет остановить движение колеса существования - оно будет вращаться. Тебе придется упасть в противоположное. Тогда возникает несчастье, тоска, как будто существование предумышленно разрушило твою любовь, твой экстаз, твой радостный опыт.

Существование ничего тебе не сделало. Что бы ни происходило в твоей жизни, за это ответственна ты и только ты. Если бы ты не цеплялась, колесо повернулось бы. Ты наслаждалась бы без цепляния, и наслаждалась бы даже тогда, когда оно ушло.

Это просто немного тонко. Ты наслаждаешься экстатическим мгновением, но как бы оно ни было эксталично, этот экстаз будет утомителен. Нельзя оставаться в экстазе двадцать четыре часа в сутки. Ты будешь совершенно истощена. Даже у любви есть пределы.

Это напоминает мне одну суфийскую историю. Король был влюблен в очень красивую женщину, но эта женщина уже любила слугу короля. И этот слуга был гораздо более подлинной индивидуальностью, чем сам король. Король был лицемером - как всегда бывает. Но для короля было большим оскорблением, что он оказался отвергнутым, а победил слуга, его собственный слуга.

Он спросил своих советников:

- Что тут можно сделать? - потому что я не могу так легко признать себя побежденным слугой.

Советники предложили идею, и он ей последовал. Эту женщину и слугу схватили. Их заставили раздеться, обнять друг друга и в такой позе их приковали к столбу во дворце. Некоторые при дворе не могли в это поверить.

- Что ты делаешь? Ты хотел эту женщину, а теперь сам отдаешь ее слуге?

Но король понял психологическую идею советников. Обнимать возлюбленную в уединении, в одиночестве, это одно, а оставаться в ее объятиях, прикованному к столбу в открытом месте, где ходят сотни людей, - совсем другое.

Вскоре это стало отвратительным. Было жарко, и они вспотели. Двадцать четыре часа они были вместе, и этот опыт стал так ужасен, что когда через двадцать четыре часа их отпустили, оба они бежали из дворца и друг от друга. Они никогда больше не встречались; все было кончено. Вся романтика встречи с возлюбленным, объятий превратилась в кошмар. Привязанные вместе к столбу на двадцать четыре часа... Это стало уродливым опытом.

Король наградил советника и сказал:

- Ты действительно понимаешь человеческий ум. Нечто может быть значительным на мгновение - ты кого-то целуешь, но если ты продолжаешь целовать этого человека час, два часа, три часа, думаешь ли ты, что радость поцелуя этого человека будет увеличиваться со временем? Она будет уменьшаться. С течением времени радость будет уменьшаться, и в какой-то момент это превратится в ужасный опыт. Все, что тебе хочется, это как угодно избавиться от возлюбленной. Может быть, этот ужасный опыт оставит в тебе такой глубокий отпечаток, что если ты снова поцелуешь эту женщину, даже на мгновение, это принесет не радость, а только воспоминание об этом кошмаре.

Если ты наслаждаешься экстазом, не думая, что он должен сохраняться всегда, никаких проблем нет. Когда приходит экстаз, наслаждайся им, а когда он уходит, наслаждайся тем, что он ушел - потому что если он останется навсегда, он больше не будет экстазом. Он станет агонией.

Существование мудрее тебя. Оно отнимает у тебя вещи, прежде чем они утратят для тебя важность. И хорошо, если эти красивые вещи случаются, и между ними есть промежуток, отдых. Человеку нужен отдых и от любви. Человеку нужен отдых и от экстаза. Человек должен отдыхать от всего. Не чувствуй, что этот отдых против твоего экстаза, на самом деле он за него. Он создает фон, чтобы завтра снова ты смогла...

Один из великих поэтов Индии, Рабиндранат Тагор, написал одну книгу. Она называется «Последняя поэма», но это не сборник стихов; это роман. Герой и героиня глубоко любят друг друга, они хотят пожениться, но уникальность этого в том, что героиня соглашается выйти за него замуж только при одном условии: что они не будут жить в одном доме.

Они очень богатые люди, и женщина предлагает:

- Ты можешь построить дом на другом берегу озера. Мы не будем приглашать друг друга в гости; мы будем встречаться случайно. Иногда, может быть, я буду плавать на лодке, иногда, может быть, ты; или, может быть, я буду гулять по берегу, и ты тоже пойдешь гулять; но я хочу, чтобы это было случайно - и иногда, не каждый день. Я хочу жаждать этого, я хочу ждать этого и не хочу все разрушать тем, что этого будет слишком много. Я люблю тебя.

Мужчина не может понять. Он говорит:

- Это вздор. Если ты меня любишь... то, что ты предлагаешь, никогда не предлагал ни один влюбленный. Влюбленные не хотят расставаться ни на мгновение. Что это за любовь? - я буду жить где-то далеко, на другой стороне озера. Я буду за много миль от тебя и даже не смогу тебя пригласить в гости. Мы женаты, но встречаемся как незнакомцы, иногда, случайно, не договорившись заранее.

Женщина сказала:

- Если ты не понимаешь, тогда я не для тебя.

То, что говорила эта женщина, - совершенная правда. Если бы это понимал каждый влюбленный, жизнь была бы очень радостным опытом. Но влюбленные цепляются; они хотят быть вместе двадцать четыре часа в сутки. И они разрушают нечто красивое, потому что не дают друг другу отдыха. Вместо радости это превращается в бремя. Они не позволяют возникнуть промежутку для жажды, для ожидания.

Поэтому все влюбленные, которые женятся, вскоре находят, что единственной ошибкой, которую они совершили, было пожениться. Все браки терпят поражение - без исключения. Единственные успешные влюбленные - это те, которым обстоятельства, общество, родители не позволяют встречаться, жениться и быть вместе. Они - единственные успешные влюбленные. Они любят друг друга до последнего мгновения жизни; их жажда продолжает расти. Они несчастливы, они страдают, потому что не могут быть с человеком, которого любят. Но они не знают реальности и того, как она действует.

Я слышал... два человека хотели совершить самоубийство. Произошло редкое совпадение: эти двое оказались на одной и той же скале, с которой собирались прыгнуть в реку. Они посмотрели друг на друга и сказали:

- Странно. Ты что, тоже пришел сюда покончить с собой?

И оба ответили:

- Да.

И прежде самоубийства произошел небольшой разговор, который все изменил. Самоубийства так и не произошло. Они спросили друг друга:

- Почему ты хочешь покончить с собой?

- Я любил одну женщину, - ответил первый, - и не мог ее получить, потому что она полюбила кого-то другого, и я не могу жить без нее.

Он описал эту женщину, назвал имя этой женщины, и второй человек был потрясен. Он сказал:

- Что ты говоришь! Я тоже хочу покончить с собой из-за этой женщины! Я на ней женился и не могу жить с ней. Судьба сыграла изумительную шутку, приведя нас обоих на эту скалу. Что же нам теперь делать? Самоубийство кажется абсолютно бессмысленным.

Оба они были правы. Один не мог жить без нее. Другой получил ее, и вскоре все пошло прахом.

Мы ответственны за это. Все, что красиво, превращается в уродливое. То, что выглядело так чарующе, оказывается очень горьким.

Вся проблема в том, можешь ли ты жить без выбора. Что бы ни пришло, наслаждайся этим. Когда одно уходит и приходит что-то другое, наслаждайся этим. День прекрасен, но и ночь тоже по-своему прекрасна - почему бы не наслаждаться тем и другим? И ты можешь наслаждаться тем и другим, только если ты не привязана ни к одному из них.

Только невыбирающий человек выжимает весь сок из жизни во всей ее полноте. Он никогда не несчастен. Что бы ни произошло, он находит способ этим наслаждаться. И в этом все искусство жизни - найти способ наслаждаться ею. Но основное условие нужно помнить: будь невыбирающей. А ты можешь быть невыбирающей, только будучи бдительной, осознанной, наблюдающей; иначе ты упадешь в выбор.

Таким образом, у невыбора и осознанности разные значения в словаре, но не в существовании. У них один и тот же смысл. Будь либо невыбирающей, либо осознанной - это одно и то же. Тогда ты можешь наслаждаться всем. Когда приходит успех, ты можешь им наслаждаться, когда приходит поражение, ты можешь им наслаждаться. Когда ты здорова, ты можешь этим наслаждаться; когда ты больна, ты можешь этим наслаждаться - потому что у тебя ни к чему нет привязанности. Ты ни во что не вложила свою жизнь - твоя жизнь находится в свободном движении, движется со временем, движется с колесом существования, нога в ногу, никогда не тащась позади.

Жизнь - это, несомненно, искусство, величайшее искусство. И кратчайшей его формулой - применимой ко всем ситуациям, ко всем проблемам - является невыбирающая осознанность.

Любимый Ошо,

С тех пор как я стал напоминать себе, быть осознанным во снах, всплыло три вещи. Во-первых, кажется, сновидения отступают в глубину моего сна. Во-вторых, когда осознанность приходит в сны, я тотчас же просыпаюсь. Это может произойти несколько раз за ночь, и тогда мне приходится пытаться снова заснуть. В-третьих, кажется, во мне есть часть, которая наслаждается развлечением снами и радостно поощряет все представление, как только меня охватывает сон.

Будешь ли ты так добр, осветить своим факелом этот затененный уголок моего погребца?

Ты обратил внимание на три вещи, но на самом деле происходят четыре вещи, и четвертая - самая важная. Часть, отсутствующая в твоём счете, - это то, что определенная часть тебя осознанна, наблюдает. Эта часть обращает внимание на все эти вещи: что сны уходят глубже в бессознательное; что ты просыпаешься каждый раз, когда осознаешь, что это сон; что есть определенная часть тебя, которая наслаждается снами. Все эти три вещи - правда, но не настолько значительные, как четвертая - та, что обратила внимание на все эти вещи.

Поэтому продолжай то, что ты делаешь, только осознай и четвертую. Уделяй больше внимания, давай больше сока четвертой, потому что это единственная реальная вещь в тебе - наблюдатель.

Все эти три вещи мало-помалу исчезнут. Сначала сны скользнут глубже в бессознательное, - но если ты будешь продолжать, то доберешься до самого дна бессознательного. Тогда они больше не смогут от тебя бежать, им придется встретиться с тобой лицом к лицу.

Если ты продолжаешь это упражнение, то будешь просыпаться каждый раз, потому что ты осознаешь, что это сон. И важно, что по мере того, как твое упражнение становится более уверенным, число пробуждений будет уменьшаться, потому что снов будет меньше и меньше.

В-третьих, с течением времени ты увидишь, что часть, наслаждающаяся снами, это на самом деле неудовлетворенная часть твоей дневной жизни, которую ты не позволял. Есть столько вещей, которыми можно наслаждаться - многие из них кажутся детскими, и ты не наслаждаешься ими: что скажут люди? Каждый в ванной наслаждается некоторыми вещами, которых не делает на людях: строит рожи зеркалу...

Если ты позволишь себе ту часть ума, которая хочет наслаждаться... Это просто означает, что это подавленная часть твоего детства, которую принудили быть серьезной. Ни один ребенок не рождается серьезным. Каждый ребенок полон радости и готов к любому развлечению. Но взрослое общество хочет, чтобы дети как можно скорее выросли - если не в годах, то, по крайней мере, в манерах.

Эта подавленная часть наслаждается твоими снами. Если ты позволишь ее во время бодрствования - наслаждение небольшими вещами, не заботясь о том, что подумает мир... Мнение других ничего не значит. Ты должен прожить жизнь согласно собственным внутренним источникам, не согласно мнению кого-то другого. Если ты позволишь эту часть, она исчезнет из мира снов. Она должна туда войти, потому что у нее нет другого способа быть удовлетворенной.

Уделяй больше внимания наблюдателю, который стоит за всей этой сценой, видя, как все это происходит. Вскоре придет день, когда останется только наблюдатель; и в тот день, когда ты сможешь наблюдать собственный сон... И помни, что наблюдение сна не беспокоит сон. Наблюдение - это не деятельность. Мир придает этому слову неправильный ассоциативный смысл; это не деятельность; это подобно зеркалу. Зеркало отражает вещи, но отражение - это не деятельность. Это просто природа зеркала, и что бы перед ним ни прошло, все отражается.

Точно в такой же ситуации твой свидетель; это просто зеркало. Оно может отражать твое пробуждение, оно может отражать твой сон, и оно никогда ничего не тревожит. Увидеть себя спящим - один из самых прекрасных опытов, и он станет основой для того, чтобы увидеть себя бодрствующим.

В конце концов, это поможет увидеть себя умирающим. Наблюдатель вечен, он бессмертен: он может видеть тебя спящим, он может видеть тебя мертвым.

В Индии Александр Великий стал угрожать мистику. Он вытащил меч из ножен и сказал:

- Если ты не отправишься со мной в Грецию, я отрублю тебе голову! Через секунду твоя голова окажется на земле.

Мистик сказал:

- Не теряй времени, сделай это. Ты увидишь мою голову на земле, я тоже увижу свою голову на земле.

Александр был немного озадачен. Он сказал:

- Что значит - ты увидишь голову на земле? На земле будет твоя голова!

- Да, на земле будет моя голова, но моя реальность больше, чем мое тело. Ты можешь разрубить на куски все мое тело, но точно так же, как ты его видишь, его буду видеть и я. Единственная разница будет в том, что ты не сможешь меня увидеть, а я буду видеть тебя, рубящим на куски мое тело. В этом весь секрет мистицизма.

Поэтому, вместо того чтобы терять время, отруби мне голову! В любом случае, от нее больше нет никакой пользы. Я использовал ее и пришел в состояние, в котором она больше не нужна. И ты можешь отрубить также любую другую часть моего тела. Если тебе нравится рубить, можешь рубить, сколько хочешь - можешь разрубить меня на сто кусков. Но помни, ты не можешь мне угрожать, потому что смерть для меня ничего не значит.

Трудно - трудно даже такому, как Александр, - причинить вред такому человеку. Он убрал меч и сказал:

- Прости меня. Я не знал, каковы восточные мистики. Только мой учитель... - его учителем был Аристотель, - ...попросил меня привезти из Индии саньясина, когда я вернусь обратно. И я не мог оставить без внимания его просьбу. Я встречал многих саньясинов, но они не казались достойными того, чтобы взять их с собой. Ты тот человек, которому обрадовался бы Аристотель, но ты не хочешь ехать. Я готов дать тебе, что ты только пожелаешь. Ты будешь королевским гостем. Ты будешь жить во дворце, и все будет обеспечено для твоего комфорта.

Но мистик сказал:

- Это невозможно. Я никогда не следую ничьим приказам. Ты совершил ошибку с самого начала. Ты приказал мне. Если бы ты меня попросил, может быть, я бы и пошел, но теперь слишком поздно. Ты угрожал мне. Я не могу пойти с человеком, который не видит, с кем разговаривает. Ты просто слепой!

На Востоке никто не угрожает таким людям. Просто скажи твоему учителю, что если он хочет встретить настоящих саньясинов, ему придется приехать сюда. Это единственный путь. Ни один настоящий саньясин не пойдет с тобой по той простой причине, что эти люди живут в свободе; они не могут стать узниками, даже в золотых клетках. Но передай это послание своему учителю. И еще скажи ему, что он не научил тебя ничему значительному; что он только учитель, не мастер.

Издалека, просто глядя на Александра и его поведение, этот мистик сделал очень верное заключение об Аристотеле - он был действительно учителем, не мастером. Он был всего лишь логиком. Он не был человеком, который знает.

Увидев этого мистика, Александр потерял интерес к Аристотелю. Это было неизбежно, потому что он знал, что Аристотель жаден, труслив. Когда он был ребенком, Аристотель приходил учить его, но Александр говорил:

- Стань лошадкой. Я буду на тебе кататься.

И Аристотель становился лошадкой, и Александр на нем катался.

Теперь Александр встретил совершенно другого человека. Его нельзя запугать даже обнаженным мечом. И он бросает тебе вызов отрубить ему голову. И то, что он сказал... «Я тоже увижу». Видение, свидетельство - совершенно отдельно от тела, от ума. Самое важное - продолжай упражнение, чтобы мало-помалу сны исчезли, и твои многократные пробуждения тоже.

Тем временем наслаждайся всем, как бы по-детски это ни выглядело - по крайней мере, здесь, рядом со мной, никто не станет тебя осуждать.

Это будет одной из основ мистической школы - никаких суждений ни о ком. Каждый должен делать, что ему хочется, что он любит, чем он наслаждается. Тогда остается только свидетельство. Это источник, и я хочу, чтобы вы его достигли со всех возможных сторон.

Слушая твои прекрасные ответы на наши вопросы, я все больше и больше чувствую, что мое тело определенным образом сонастраивается с твоей мелодией. Иногда это напоминает мне опыты, переживаемые мною во время третьей стадии медитации Кундалини.

Не будешь ли ты так добр, пролить на это немного понимания?

Это очень хорошо. Слушание меня стало медитацией, по крайней мере, для моих людей. Это не просто лекция, такая, как в университете, или проповедь, которую вы слушаете в церкви. Ее цель - совершенно другая.

Ее цель в том, чтобы создать в вас молчание и ритм, сонастроенный с моим ритмом. И мало-помалу это начнет происходить само собой. Ты ничего не должен делать. Ты просто должен быть доступным, и тогда это будет почти как медитация. Кундалини, Динамическая, Випассана или какая угодно медитация, но это будут самые ее сливки.

Только один человек, Махавира, уникален в этом отношении. Во всей истории он один сказал, что если ученик слушает тотально, ему не нужно делать больше ничего - никакой медитации, никакой дисциплины, никакой йоги, ничего больше. И он сказал, что есть два пути: путь монаха и путь *шраваки*.

Шравака значит «слушатель». И несомненно, согласно ему, путь слушателя гораздо выше. Если ты можешь слушать так тотально, так интенсивно, что это само по себе становится медитацией, тебе не нужно ничего делать. Монах должен делать многое. Но какая странная судьба: даже в джайнизме монах выше шраваки.

Никто не дал себе труда увидеть то явление, что шравака по своей природе выше, шравака превосходит монаха, потому что ему ничего не нужно. Он просто слушал всем сердцем и претерпел трансформацию. Но в мире человек, который занимается аскетическими практиками, постами, самоистязанием... даже в джайнизме он стал выше.

Есть и вторая причина: слушатель исчез вместе с Махавирой. Потом не было больше никого другого, с кем он мог бы достичь, просто слушая. Каждый последователь Махавиры теперь называется шравакой, и у монаха по-прежнему больше престижа, потому что он так тяжело работает. Может быть, монашество джайнов - наиболее аскетичное и самоистязующее из всех. Естественно, монах ставится выше.

И слово шравака совершенно потеряло свой смысл - сначала потому, что некого стало слушать, не было ни одного человека качества Махавиры. И во-вторых, даже если человек слушает этих монахов, ничего не происходит. Поэтому, естественно, монахи выше, а он ниже. Когда я впервые поднял этот вопрос на джайнской конференции, сказав, что шравака выше монаха, это было шоком, потому что двадцать пять веков этого никто не говорил.

Слово «шравака» утратило смысл; оно просто превратилось в название для последователя, верующего. Его значение - слушатель. Шравак значит «слушание», шравака значит «слушатель», «слушающий правильно». Но нужен мастер. Или, если человек достаточно разумен, он может слушать ветер, шумящий в соснах, - и эффект будет такой же. Или звук воды, или шум прибоя, бесконечно набегающих и выплескивающихся на берег океана волн...

Если человек сидит в молчании и слушает их вечный шепот, или сидит на дворе и слушает птиц, или слушает все, что происходит... даже толпу. Если он просто слушает толпу, без всякого суждения, как будто слушает мастера... Вопрос не в том, что именно ты слушаешь, вопрос в том, действительно ли ты слушаешь тотально, всем существом. Тогда это принесет медитативное состояние.

Любимый Ошо,

Может ли быть трансоподобное состояние выше или ниже, чем сознательное?

Трансоподобное состояние всегда ниже сознательного. Оно всегда бессознательно. Это очень значительный вопрос, потому что веками его избегали и не обсуждали.

Были такие люди, как Рамакришна, которые впадали в транс очень легко. В конце концов, Рамакришна стал просветленным, но он стал просветленным, когда встретил мастера, который научил его свидетельствованию. До этого он не был просветленным человеком. Он был очень простым, очень спонтанным, очень любящим человеком и впадал в транс, просто что-то увидев.

Например, он шел по берегу озера. Это было вечером, садилось солнце, на небе было черное облако - вот-вот начнется дождь. И, проходя, он потревожил две дюжины журавлей, которые, наверное, сидели у озера. Из-за появления Рамакришны они внезапно взлетели... две дюжины журавлей, друг за другом, против черных туч, а под ними - прекрасный закат. Внезапно он на том же месте впал в транс. Его пришлось унести домой. Ему потребовалось три часа, чтобы прийти в себя. Одной красоты было достаточно. Это не было сверхсознательным состоянием. Это было великое расслабление, но оно было ниже сознания.

В Индии есть мусульмане... Ты удивишься, потому что Индия не мусульманская страна, но в Индии самая большая во всем мире численность мусульман; ни в одной другой стране нет большего мусульманского населения. Каждый год они отмечают определенный праздник, во время которого, как они верят, святых можно вызвать в людях, находящихся в трансоподобном состоянии. Поэтому в каждом месте, где есть могила святого, многие люди впадают в транс. Ты задаешь вопросы, и они отвечают, и эти ответы дают доступ к духу святого.

Я никогда в это не верил по той простой причине... прежде всего, ничто из того, что я слышал об этом святом, не убеждало меня в том, что это был действительно святой. Простые качества необходимы, чтобы просто быть человеком, и не было даже их. Например, все мусульмане едят мясо. И они становятся святыми, если обратят многих индуистов - даже под угрозой обнаженного меча, даже если им придется для этого убивать людей. У них много жен, и большинство из них - индуистские женщины, насильно приведенные в их дома, - а индуисты живут в совершенно другом мире. Если женщина провела ночь в мусульманском доме, она не может быть принята обратно; она пала. Поэтому ей не остается ничего, кроме как стать мусульманкой или покончить с собой. Двери ее семьи для нее закрыты.

Поэтому, слыша о святом в месте моего рождения, я не ощущал в нем ничего святого. Кроме того, мусульмане, точно как евреи и христиане, верят только в одну жизнь, и я не могу этого принять, потому что в моем собственном опыте жизни непрерывно сменяют друг друга. Ты живешь не одну жизнь; у тебя их много, сотни, тысячи. Когда человек умирает, вне зависимости от того, верит ли он в одну жизнь, ему придется родиться в другую.

Так кто придет через триста лет?

Я был очень молод. Наверное, мне было десять лет, когда я заинтересовался явлением транса, людьми, которые впадали в транс и отвечали на вопросы. Люди поклонялись им, приносили фрукты и сладости, рупии и одежду. Я сидел рядом с иголкой в руках и колол их иголкой, и они постоянно изо всех сил пытались мне помешать - находясь в трансе! Они отвечали на вопрос, и посреди ответа просто... из-за моей иглы!

Это определенный ритуал... Они выносят гроб святого из склепа, и тот, кто глубже всех входит в транс, вешает его себе на пояс - у них есть определенные приемы - и держит его. Есть веревки, четыре веревки; четыре человека держат эти четыре веревки, и он танцует. А я продолжал делать свою работу, потому что там бывает большая толпа. И, конечно, он танцевал еще лучше; он подпрыгивал выше всех. Он злился на меня, но получал еще больше сладостей, рупий и одежды, и еще больше людей ему поклонялось. Фактически, он становился первым человеком, который глубже всех вошел в транс.

И впоследствии он встречал меня и говорил:

- Это больно, но не опасно. Можешь прийти снова...

- Фактически, ты должен со мной поделиться, - говорил я. - Эти вещи ты получил благодаря моей иглке, а не своему трансу. И если ты не поделишься, я могу перейти к кому-то другому. Там танцует пятнадцать человек.

- Нет, нет, - говорил он. - Не уходи. Можешь взять мою долю. Без тебя у меня ничего не получится.

Это стало... другие тоже узнают, так какой смысл? Где бы ни был этот мальчик, дух приходит только туда. И другие спрашивали меня:

- В чем причина того, что дух всегда приходит туда, где находишься ты?

- Я духовный человек, - говорил я. - Если хотите получить вкус этого, я могу встать с вашей стороны. Люди придут. Но не злитесь на меня.

Ни один из них не был в трансе. Я попробовал всех. Ни один из них не был в трансе; все они притворялись. Но тысячи людей верят.

Человек может впасть в транс, но это на самом деле своего рода глубокий гипноз. Это не может принести никакого вреда, но в этом нет и ничего духовного. Это никогда не сверхсознательное состояние.

Я стал так известен среди этих людей, что однажды, прежде чем начался праздник, они стали приходить ко мне:

- Пожалуйста, помоги мне. Не иди к кому-то другому. Я обещаю, мы поделимся поровну. Но ты должен пообещать, что придешь ко мне.

- Не беспокойся, - говорил я. - Я посмотрю, потому что у меня много других клиентов. Кто из них даст мне больше, и кто из них достаточно силен, потому что эта иголка... час или два я должен продолжать делать уколы. Обычный человек может сломаться и просто закричать:

- Я не хочу всего этого. Прекрати! Убери эту иголку.

Некоторые из них приходили и говорили:

- Не можешь ли ты принести иголку поменьше?

- Нет, - говорил я, - это специальная иголка. Без нее я не могу работать.

Мой отец говорил:

- Почему к тебе приходят эти мусульмане? - и прямо перед праздником?

В тот день он наблюдал. Он сказал:

- Я видел, что к тебе подошло почти десять человек, и не вижу в этом никакого смысла.

Почему?

- Ты не знаешь, - сказал я и показал ему иголку.

- Не вижу никакой связи.

- Это их транс.

- Боже мой, так ты занимаешься этим бизнесом!

- Это они занимаются бизнесом. Я только партнер. И моя работа очень проста. Я только должен помочь человеку танцевать лучше других, придавая ему больше энергии этой иголкой.

Естественно, он привлекает больше людей. Другие постепенно останавливаются, видя, что к ним никто не подходит. Он становится центром всего праздника. И если они предлагают мне половину своей доли...

- Ты странный, - сказал он. - Я звал тебя прийти в храм. Ты не хотел идти, а теперь стал ходить в мечеть и заниматься этим бизнесом. И этот бизнес... если кто-то о нем узнает, это создаст в городе беспорядки - ты беспокоишь людей, пребывающих в трансе.

- Не волнуйся, - сказал я. - Никто не сможет этого рассказать, потому что я знаю их всех, и все они зависят от моей иголки. До того как я начал этот бизнес, они прыгали плохо, потому что мертвое тело - это слишком большой груз. Им нужно немного энергии.

Мой отец сказал:

- Я тебя не понимаю. Ты называешь эту иголку энергией?

- Приди и посмотри, - сказал я.

И он пришел. Он увидел меня, и увидел, что, действительно, человек, у которого я стоял, получал больше всех подарков и прыгал высоко, выше всех. Он видел на его лице... каждый раз, когда я использовал иголку, это отражалось на его лице - потому что иголка была большая. Но это был вопрос соревнования. Эти пятнадцать человек... и никто ничего не говорил друг другу, потому что они выдали бы себя - все они были фальшивыми, никто не был истинным.

Во всех мусульманских странах это продолжается каждый год, и миллионы людей оказываются одураченными - нет никакого транса.

Транс возможен, но для этого тебе нужна определенная подготовка в самогипнозе. Или нужно иметь естественную склонность к потере сознания. Может быть, у тебя очень тонкий слой сознания, и все что угодно может подействовать на тебя очень глубоко - как на Рамакришну - и заставить тебя потерять сознание; иначе тебе необходима подготовка. Но такая подготовка приведет тебя в бессознательное - это не духовный рост.

Ты должен быть сознательным, более сознательным. Именно поэтому мой метод состоит в том, чтобы сначала достичь высочайшей точки сознания, затем двигаться обратно. Теперь спустись вниз с тем светом, который у тебя есть, с тем прозрением, которое у тебя есть, в более глубокие, темные части своего существа. Теперь ты идешь со светом, и, где бы ты ни был, там будет и свет.

Сокровища есть в твоём бессознательном, сокровища есть в коллективном бессознательном, сокровища есть в космическом бессознательном, но тебе нужен свет и нужна бдительность. Если

ты сам бессознателен, как ты можешь найти сокровища в трех слоях еще более глубоко бессознательного ума?

Глава 14

Просто празднуя

Любимый Ошо,

Ты говорил нам, что было много просветленных существ, которые никогда не становились мастерами. Кажется, понять это мне легче, чем то, почему кто-то вообще становится мастером. Когда я вижу, как с тобой обращаются, мне странно. Правительства борются с тобой, запрещают тебе въезд, заключают тебя в тюрьму. Подавляющее большинство людей даже не утруждают себя узнать, кто ты такой и о чем ты говоришь. А те немногие, кто любят тебя и слушают тебя, все же медлят выйти из сна.

Любимый Ошо, выбрал ли ты быть мастером и будить нас, или это было решением существования? Кто решает, быть ли мастером просветленному существу?

Просветленный человек за пределами принятия любых решений, поэтому вот первое, что нужно понять: он не решает. Решение - это часть эго. В своей сути это борьба: делать это, не делать то. Эго думает, что оно мудрее существования. Как только эго нет, нет и принятия решений.

Просветленный человек просто живет без всякого решения, без всякой цели, без всякого стремления. Он пришел к точке, в которой любое решение будет против существования. Голько нерешающее расслабление (Let-go) может быть путем экзистенциального человека. Поэтому это не вопрос решения. Тысячи людей стали просветленными, но лишь немногие стали мастерами. И естественно, ум думает: кто решает, что некоторые должны стать мастерами, а другие - просто исчезнуть во вселенной? Никто не решает.

Когда вещи случаются, это совершенно отличается от принятия решений. Были мастера и были просветленные люди, были и другие измерения просветления: были поэты, были художники, были скульпторы, были певцы, танцоры. Различия происходят из-за уникальности индивидуальностей.

Ты приходишь к просветлению без всякого эго, без личности, но с индивидуальностью. Фактически, как только эго и личности больше нет, остается лишь чистая, уникальная индивидуальность. Остается твоя уникальность. И каждый, кто становится просветленным, приносит в просветление свою уникальную индивидуальность.

Если эта уникальная индивидуальность развила способность быть художником, если этот человек нашел свой потенциал в том, чтобы быть художником, тогда он вносит этот вклад в свое просветление. После просветления он пишет картины; конечно, эти картины будут другими. До просветления и после просветления картины будут совершенно разными.

Я много раз рассказывал вам историю о слепых, которые увидели слона. Это одна из древнейших историй. Каждый смотрит на слона с разных сторон, касается слона... кто-то касается ноги, кто-то - уха, и так далее, и так далее. Все они спорят. Когда человек, касающийся ноги слона, объявляет, что слон подобен столбу в храме, он не лжет. Он описывает свой опыт. Но он выглядит абсолютно ложным для каждого, кто видел всего слона.

Нужно понять нечто существенное: когда ты пытаешься сделать часть целым, ты окажешься в той же ситуации слепоты. Слепой просто касается части слона и делает эту часть целым слонем. Естественно, он будет в конфликте.

Человек, касающийся его уха, говорит: «Ты говоришь абсолютный вздор...» В Индии, пока не появилось электричество, богатые люди держали большие веера, и двое слуг рядом постоянно обмахивали их. Этот веер выглядит как ухо слона, и первый человек говорит: «...Это невозможно. Слон подобен вееру! Твое утверждение так далеко от действительности и нелепо, что его не стоит даже принимать во внимание».

Но третий человек касается какой-то другой части тела, и все пятеро погружены в философскую дискуссию. Этой истории пять тысяч лет - она о философах. Она не о слепых и слоне; она о философах. Они тоже слепы, но из того, на что они натыкаются в своей слепоте, они делают целую систему, которая не имеет никакого отношения к настоящему целому. Их

собственный ум кажется им совершенным, и они не могут поверить, как люди могут спорить с такой совершенной системой.

Все эти века философы спорят, и они так и не пришли ни к какому заключению. Они не могут прийти ни к какому заключению, потому что находятся в разных местах, и вся их структура зависит от места. Эти пятеро слепых, так и не пришли ни к какому заключению; они все еще спорят. И они не придут к нему никогда. Поколение за поколением, эти пятеро слепых будут продолжать ходить смотреть на слона и спорить, но никакое заключение не возможно.

Просветленный человек видит целое. Прежде чем стать просветленным, он видел только фрагменты и рисовал эти фрагменты. Теперь он рисует нечто такое, что может стать указанием на целое. Никто так не решил - ни существование, ни этот человек. Просто индивидуальность, развившаяся перед просветлением, становится проводником, которым рисует существование.

Кто-то развил искусство сочинять музыку; его старая музыка ничто в сравнении с тем, что он делает теперь, потому что, то было видение слепого. Теперь он видит всю реальность и видит, что вся реальность может быть каким-то образом отражена в музыке. Слушая его музыку, ты будешь перенесен из своего постоянно думающего ума в состояние не-ума.

Поэт не решает остаться поэтом; не выбирает это для него и существование. Он приходит с такой силой выражения. То же самое верно и о мастере.

Ты можешь это увидеть. Ты можешь пойти в университет и посмотреть: есть столько преподавателей, но некоторые стали преподавателями просто потому, что не нашли никакого другого источника заработка - а преподаватель в университете получает не так много. Они не прирожденные преподаватели. Только обстоятельства заставили их быть преподавателями; иначе они стали бы сборщиками налогов, полицейскими офицерами, пошли бы в армию, во флот, в политику. У них не получилось то, что они хотели, а это было возможно.

Я был в университетах; почти девяносто девять процентов преподавателей стали преподавателями не по своей воле, и для них преподавание - это только бремя. Я видел преподавателей, которые тридцать лет носили с собой бумажки. Тридцать лет ты преподаешь в университете и все еще читаешь по бумажке! Они читали одни и те же бумажки перед студентами. Тридцать лет... никакой радости от преподавания, никакого исследования, никакого интереса за эти тридцать лет не возникло. Это не их дело; они занялись им случайно.

Может быть, только об одном проценте можно сказать, что они прирожденные преподаватели. Они наслаждаются преподаванием, оно приносит им радость. Они пытаются узнать как можно больше о своем предмете. Они открыты для всех вопросов, и если они чего-то не знают, им хватает мужества признаться: «Я не знаю, но узнаю. Ты тоже попытайся узнать». По самому их подходу заметно, что преподавание для них как дыхание; оно спонтанно, и они не читают по бумажке. Это их любовь.

Если этот один процент каким-то образом станет просветленным, эти люди будут мастерами. Никто не будет решать - ни существование, ни сам мастер. У него есть определенная индивидуальность, которую он предлагает существованию. Если в его индивидуальности есть потенциал, сила выражения для того, чтобы быть мастером, существование воспользуется им как мастером.

Вы не знаете тысяч просветленных людей, которые прожили и умерли, потому что у них не было никаких особенных талантов, которые обратили бы на них внимание обычных людей. Может быть, у них было что-то уникальное; например, может быть, у них было безмерное качество молчания, но оно не было очень заметным.

Я знал одного просветленного человека, который был в Бомбее одновременно со мной, и его единственным талантом были статуи из песка. Я никогда не видел таких красивых статуй. Весь день он ваял их на пляже, и тысячи людей смотрели и были поражены. И они видели и раньше статуи Гаутамы Будды, Кришны, Махавиры, но не было никакого сравнения. А он работал не с мрамором, просто с морским песком. Люди кидали денежные купюры; он совершенно о них не беспокоился. Я видел, что эти купюры подбирали другие, но он не беспокоился и о них. Он был так поглощен созданием этих статуй. Но эти статуи недолго жили. Налетала волна океана, и Будды больше не было.

До просветления он зарабатывал тем, что переезжал из города в город и делал статуи из песка. И они были так красивы, что было почти невозможно что-нибудь не дать ему. Он зарабатывал много, достаточно для одного человека.

Теперь он стал просветленным, но у него только один талант: ваять статуи из песка. Конечно, его статуи не изображают просветление - но это единственное подношение, которое он может принести. Существование им воспользуется. Его статуи более медитативны. Просто сидя у его статуи, ты можешь почувствовать, что он придал этой статуе определенную пропорцию, определенную форму, определенное лицо, которое создает что-то у тебя внутри.

Я спросил его:

- Почему ты продолжаешь изображать Гаутаму Будду и Махавиру? Ты можешь зарабатывать больше - потому что в этой стране буддистов и джайнов очень немного. Ты можешь изобразить Раму, ты можешь изобразить Кришну.

Но он сказал:

- Они не послужат цели; они не указывают на луну. Это будут красивые статуи, - я создавал такие статуи раньше, - но теперь я могу делать только те, что содержат учение, хотя оно и невидимо для миллионов людей, почти ни для кого.

Каждый раз, когда я приезжал в Бомбей... Когда я приехал и остался там, он умер, но до этого каждый раз, когда я приезжал в Бомбей, я обязательно навещал его. В то время он работал на пляже Джуху. Там целый день тихо. Люди приходили только к вечеру, и к этому времени статуи были уже готовы. Целый день никакого беспокойства.

Я сказал ему:

- Ты можешь создавать скульптуры. Почему ты не работаешь с мрамором? Тогда они сохранятся навечно.

- Ничто не постоянно, - сказал он. - ...Это цитата из Будды... - а эти статуи представляют Гаутаму Будду лучше любой мраморной скульптуры. У мраморной статуи есть определенное постоянство, а эти статуи мгновенны: достаточно сильного порыва ветра, чтобы их не стало, достаточно волны океана, чтобы их не стало. Прибегает ребенок и спотыкается о статую, и ее больше нет.

Я сказал:

- Но разве тебе не обидно, когда ты работаешь целый день, и статуя почти закончена, вдруг что-то случается и разрушает работу всего дня?

- Нет, - сказал он. - Все в существовании мгновенно; нет речи о разочаровании. Я наслаждался, делая ее, и если океан наслаждался, разрушая ее, тогда наслаждались двое! Я наслаждался, делая ее, волна наслаждалась, разрушая ее. И в существовании количество радости удвоилось - почему я должен разочаровываться? У волны столько же власти над этим песком, что и у меня; может быть, даже больше.

Когда я с ним разговаривал, он сказал:

- Ты немного странный, потому что никто не разговаривает со мной. Люди просто бросают рупии. Они наслаждаются статуями, но никто не наслаждается мной. Но когда ты пришел, я почувствовал такое блаженство оттого, что есть кто-то, кто наслаждается мной, кого заботят не только статуи, но и их внутренний смысл и то, что я их делаю. Я больше ничего не умею делать. Всю жизнь я делал статуи; это единственное искусство, которое я знаю. И теперь я отдался существованию; теперь существование может меня использовать.

Эти люди остаются непризнанными. Буддой может быть танцор, буддой может быть певец, но эти люди не будут признаны по той простой причине, что то, что они делают, не может стать учением. Это не поможет людям действительно выйти из сна. Но они стараются изо всех сил; они делают все, что только могут.

Очень немногие люди становятся мастерами; это те, кто заработал во многих жизнях определенную выразительность, определенное прозрение в слова, язык, звук слов, симметрию и поэзию языка. Это совершенно другое дело. Это не дело лингвистики или грамматики, это скорее вопрос того, чтобы найти в обычном языке необычную музыку, создать качество великой поэзии в обычной прозе. Они умеют играть словами, чтобы можно было помочь вам выйти за пределы слов.

Дело не в том, что они выбрали быть мастерами, и не в том, что существование решило, что они будут мастерами. Это только совпадение: до просветления они были великими учителями, и после просветления стали мастерами. Теперь они могут преобразовать преподавание в мастерство - и, конечно, это самое трудное.

Легок путь тех, кто остается в молчании и мирно исчезает, и никто о нем не знает, но для такого человека, как я, нет легких путей. Мне было нелегко, когда я был учителем, - как может быть легко быть мастером? Это трудно.

И чем глубже твое прозрение, тем больше опасность, потому что тем больше боится враг... под врагом я подразумеваю интересы круговой поруки. Они сделают все, чтобы остановить меня, покалечить, уничтожить. Но это не имеет значения, потому что для меня смерти нет.

Они не могут причинить мне вреда. Они могут думать, что вредят мне; это их иллюзия. Создавая все эти трудности, они подчеркивают каждое мое слово. Их паранойя является достаточным доказательством: у них есть большинство, но нет истины. У меня нет большинства, но есть истина. Истина гораздо более весома, чем любое большинство. Они могут меня убить, но не могут убить истину.

Фактически, убив меня, они сделают истину еще более значительной. Больше и больше людей почувствует к ней сочувствие. Больше и больше людей начнет смотреть... наверное, в этом что-то было. Иначе, почему все власти в мире, которые отличаются друг от друга: коммунистическая Россия, капиталистическая Америка, какое-то социалистическое правительство, разные религии, которые ни в чем друг с другом не согласны, - все они соглашаются, что я опасен?

Кажется, то, что я говорю, обрубают сами их корни. Поэтому меня это не беспокоит. Меня беспокоило бы, если бы они могли меня проигнорировать, но они не могут меня проигнорировать. И самым тем, что они не могут меня проигнорировать, глубоко внутри они признают истину того, что я говорю. И мало-помалу они ей последуют; неважно, будут ли они при этом упоминать мое имя.

Вы уже видите, что это происходит: меры предосторожности, которые мы принимали против СПИДа в Америке... Никто не был достаточно изощрен, достаточно культурен, чтобы это оценить, потому что мы были пионерами. Нигде в мире эти меры предосторожности не принимались. Они разрушили нашу коммуну. И теперь по всей Америке разные штаты принимают законы, в точности похожие на те, что мы пытались установить в своей коммуне.

Нигде мое имя не будет упомянуто, но суть совершенно не в этом. Начали беспокоиться и в других странах, и им придется принять такие же меры. Во Франции в парламенте обсуждаются такие же меры, но когда это делали мы, ни один голос не сказал: «Мы с тобой». И я вам говорю, что весь мир последует этим мерам - им придется. И то же самое произойдет и с другими вещами.

О чем бы я ни говорил: стерилизация, контроль рождаемости» - каждой стране придется это сделать. Им придется это признать. Они будут осуждать меня за это. Их политические и религиозные лидеры будут осуждать меня, но они знают, что это единственный выход: население должно быть сокращено. Неважно, говорят ли они об этом.

Мы начали определенные программы. Если этим программам последовать, этого достаточно. А другие вещи потребуют некоторого времени. То, что я говорю о психоанализе... Психоаналитики во всем мире чувствуют, что чего-то не хватает, но не знают, чего именно. Я единственный человек, который говорит, чего именно не хватает. Рано или поздно им придется это признать; избежать этого невозможно.

У истины свои пути торжества.

Снаружи работа мастера выглядит очень трудной, потому что он борется с океанической темнотой; задача кажется почти невозможной. Но внутри существа мастера нет ничего невозможного. У темноты нет существования. Мы только должны приносить свет новым и новым людям, и темнота исчезнет сама собой. Она не сможет даже сопротивляться.

Одним великим свойством истины является то, что она не нуждается в аргументах.

Ложь нуждается во многих аргументах, чтобы доказать себя, и даже тогда остаются прорехи. И каждый, кто знаком с логикой, сможет найти эту прореху, и все строение развалится.

Поэтому каждый, кто строит здание, систему, религию, теологию - что угодно, основанное на лжи, - обязательно будет в постоянной паранойе, что какая-то истина может разрушить все, что они создавали веками. И естественно, они попытаются защитить себя всеми возможными способами. Но они не понимают внутренней логики существования: чем более ты защищаешься, тем более говоришь, что что-то нуждается в защите; иначе ты будешь разоблачен.

Чем более вы мешаете мне достигать людей, тем больше даете мне власти - сами того не зная. Сами того не зная, вы доказываете свою слабость. Сами того не зная, вы доказываете свою неспособность столкнуться со мной; иначе все было бы просто: если я выступал против Папы,

Папа может меня пригласить. Я хотел приехать в Италию, но он помешал мне приехать в Италию и нажил себе врагов в Италии из-за этого запрета.

Шестьдесят пять видных людей из разных областей жизни, международные фигуры, протестовали в правительстве против того, что мне не позволен въезд; нет никаких причин, по которым меня следовало бы остановить. Все они знают, что именно Папа преграждает мне путь, потому что никто больше в Италии не стал бы мне мешать, и, мешая мне, он не создает друзей; он теряет друзей большой важности. И долго ли он сможет это продолжать?

Если бы он был уверен в своих истинах, то с легкостью пригласил бы меня в Ватикан, где он окружен своим народом, который его поддерживает, а я одинок. Только простая, человеческая дискуссия - и пусть люди решают, живет Папа в Ватикане, или Папа уезжает из Ватикана, и там живу я! Это было бы не слишком трудно, люди могут просто поднять руки.

Мы можем дать ему время упаковать свои вещи и собраться в Польшу! Мы со всем уважением хорошо его проводим.

Но страх велик, и он распространяется, как инфекционная болезнь. Даже в тех странах, названий которых я никогда не слышал, парламенты решают запретить мне въезд. Кто вас спрашивает? Даже если вы примете резолюцию о том, чтобы меня пригласить, я к вам не поеду! Но они боятся. Видя, что такие большие страны, как Америка, Германия, Греция, Испания, Голландия, Италия и Англия так испугались - этот человек, должно быть, опасен, - маленькие страны тоже готовятся воспрепятствовать моему приезду.

Но это было хорошее кругосветное путешествие, гораздо более волнующее, чем путешествие Колумба, потому что на его пути встречались только естественные преграды - ничего существенного. Сейчас всюду вокруг человеческие силы. Он боролся только с океаном; мне же пришлось бороться с человеческими массами. Но нет никаких проблем. Ни на мгновение я не почувствовал никаких затруднений; все именно так, как и должно быть. Природа, существование используют меня. Существование подготавливает также и этих идиотов с другой стороны. Это одно и то же существование.

И они впадают в заблуждение, в которое всегда впадали люди. Бессознательных людей история ничему не учит. Они прекрасно знают, что не смогут мне помешать. Даже убив меня, они не смогут мне помешать, потому что в основании их религии, их идеологии, нет истины. Я должен только показать людям, что у них нет никакого фундамента, и они начнут разваливаться на части без всяких трудностей.

Я видел репортажи со всего мира. Один журналист написал статью, в которой говорит, что это очень странно: мир смотрит в лицо третьей мировой войне, а парламенты обсуждают меня - как будто я опаснее третьей мировой войны! И он прав, но обсуждающие парламенты тоже правы. Они знают, что третью мировую войну можно отложить; меня же отложить нельзя! Третья мировая война может случиться, а может и нет - а я уже случился!

Я получил множество репортажей. Люди, писавшие против меня, приносят извинения, говоря, что ошибались. Действия правительства настолько противоречат свободе слова, что даже те, кто выступал против меня, заявляют протест своим правительствам. «Мы можем соглашаться или нет, но одно определено: этому человеку нужно позволить приехать; вы не можете ему препятствовать. Откуда такой страх? Чего вы так боитесь?» Страх всегда показывает вашу полость, пустоту, лицемерие.

Редко случается, что существует мастер, но он всегда сталкивается с такими же обстоятельствами. Может быть, я столкнулся с ними в большей мере, потому что мир стал маленьким, и я сделал своей ареной весь мир. Но я безмерно этим наслаждаюсь. Это достойное зрелище: перед одним человеком весь мир теряет лицо. Потребуется только немного времени. Мы сможем выстоять перед всеми препятствиями, потому что в своей основе это работа существования.

Мой сон не потревожен ни на мгновение. Вы изгоняли меня из одной страны в другую, а я просто спал! И пока вы работали в одной стране, я всегда надеялся, что вскоре мы переедем - кругосветное путешествие должно быть завершено! Только завершив кругосветное путешествие, мы можем где-то остановиться. Или, если мы найдем место для остановки посередине, мы можем остановиться там - но все же мы должны завершить кругосветное путешествие. Осталось не так много!

И это было по-настоящему радостное путешествие! При виде этого человечества, на которое вообще не стоит смотреть, становится стыдно. Оно должно быть оцивилизовано любой ценой... и

если нужно наше самопожертвование, мы готовы - если это цивилизует его, чтобы никакому другому мастеру в будущем не приходилось сталкиваться с таким глупым поведением. И нам будет радостно - потому что мы навсегда прекратили это нецивилизованное, бесчеловечное и дикарское поведение.

Любимый Ошо,

Вчера ты закончил словами: «Мы будем бороться до последнего вздоха». От этого у меня перехватывает дыхание. Ошо, есть ли у меня храбрость, или это даже не дело храбрости, но все, что нужно, придет из нашей коллективной энергии?

Это не вопрос храбрости. Храбрость нужна была, чтобы быть со мной, но ее вы проявили. Теперь вопрос только в том, чтобы наслаждаться великим представлением - видя за человеческими лицами всевозможных животных, которые ведут себя так глупо, что поверить невозможно!

В Голландии случился такой мощный протест интеллигенции, - почему я запрещен? - и ответ, который она получила, так глуп: что я могу свергнуть правительство, не сходя с места. Они говорят: «Потому что я выступал против Голландии». На вопрос что именно я сказал против Голландии, они говорят, что я выступал против Папы. Я не вижу, почему выступление против Папы должно быть и против Голландии. Папа не является частной собственностью Голландии. Они говорят, что я выступал против Матери Терезы, что я выступал против католической религии и, самое главное, - против гомосексуализма.

Это делает всю Голландию гомосексуальной страной! Если в Голландии есть хоть капля разума, это правительство должно быть немедленно отстранено. Они оскорбили всю Голландию... как будто гомосексуализм - ее религия! Если говорить что-то против гомосексуализма значит выступать против Голландии, значит, Голландия - это оплот гомосексуализма и страна гомосексуалистов. Значит, каждый, кто не гомосексуалист, должен поднять свой голос и потребовать экстренного референдума, чтобы установить, является ли Голландия гомосексуальной страной. И если большинство проголосует против того, что это гомосексуальная страна, это правительство должно немедленно подать в отставку - оно не имеет права находиться у власти.

Кажется, весь кабинет министров состоит из гомосексуалистов. Этим гомосексуалистам нельзя позволять управлять страной. Они сами выдают свои слабости - никто не спрашивал их о гомосексуализме. Но в этом есть определенная логика.

Гомосексуализм зародился в католических монастырях как часть католицизма - конечно, тайная часть. Это внутренняя кухня. Папа возглавляет католическую религию. Поэтому, если гомосексуализм зародился в католических монастырях, большинство монахов - гомосексуалисты, большинство пап - гомосексуалисты, тогда, может быть, есть и какие-то тайные ордена - орден гомосексуалистов, возглавляемый Папой, и орден гомосексуальных лесбиянок под предводительством Матери Терезы! Кажется, они связаны друг с другом.

В их ответе гомосексуализм приводится как последняя причина, но самая важная. И одно определено: в этом кабинете министров... президент или премьер-министр - кто-то из них гомосексуалист. Этим людям нужно лечение. Позволять этим людям оставаться у власти - оскорбление для национальной гордости Голландии. Они должны находиться в психиатрических учреждениях; их нужно вылечить. Пока они не станут гетеросексуальными, они должны быть лишены права голосования, потому что гомосексуализм - это извращение, а никакой извращенный человек не должен иметь права голосовать!

Они должны впустить меня. Я могу приехать в Голландию. У них есть все правительство и вся власть, но только позвольте мне поговорить с людьми в стране, и я свергну это правительство; с этим нет никаких проблем. Весь этот кабинет - президент, премьер-министр - должен пройти медицинское освидетельствование, чтобы установить, кто из них гомосексуалист. Они сами дали ключ к разгадке.

Но нельзя ожидать ничего другого от бессознательных людей, кроме того, что они говорят. Все, что происходит, в полном порядке. Как мастер я, может быть, буду последним, кому придется бороться в этом уродливом мире. И, может быть, первым, кто завоюет новый мир, в котором мастеров слушают.

Если вы чувствуете мастеров, если что-то шевелится у вас в сердце, хорошо; иначе никто никому ничего не навязывает. Почему их нужно распинать, почему их нужно отравлять и убивать? Это просто кажется неадекватным.

Если вы согласны со мной, хорошо; если вы не согласны со мной, все в полном порядке. Я ничего не пытаюсь вам навязывать.

Но эти люди боятся, потому что знают, что у них нет ничего, в чем они могли бы соревноваться со мной. Их римский Папа - недоумок; у самих их епископов, кардиналов и архиепископов начинают появляться странные идеи... Какой-то кардинал говорит, что, чтобы быть христианином, необязательно верить в непорочное зачатие; до сих пор это было обязательно. Другой говорит, чтобы быть христианином необязательно верить в Бога. Третий говорит, что, чтобы быть христианином, необязательно верить в идею создания мира - это только история.

Тогда что же обязательно, чтобы быть христианином? Только этикетка с надписью «христианин»? Консервная банка, в которой ничего нет? Они переживают своего рода землетрясение; они не знают, что делать. Они готовы отбросить что угодно - только бы остаться христианами.

Я рассказывал вам историю о четырех раввинах, которые разговаривали и хвастались, что их синагоги - самые современные, ультрасовременные. Первый сказал:

- В моей синагоге люди могут курить сигареты; разрешается даже марихуана.

- Это ерунда! - сказал второй. - Вы отстали от жизни. В моей синагоге люди могут заниматься любовью, пока я проповедую... полная индивидуальная свобода, никаких ограничений.

Третий сказал:

- Эти вещи ничего не стоят; они происходят почти в каждой синагоге. Моя синагога самая современная, потому что я закрываю ее на еврейские праздники.

Четвертый раввин сказал:

- Я хотел только одно спросить: что такое синагога? Я могу понять все, что происходит в синагоге, но что такое синагога? Никогда раньше о таком не слышал!

Они так боятся, потому что не могут доказать непорочное зачатие. Это выглядит глупо, это против науки, поэтому это можно отбросить. Они не могут доказать воскресение; это кажется противоречащим научной истине: отбросим его. Они не могут научно доказать Бога: отбросим его. Они не могут доказать рай и ад: отбросим их. Нет необходимости. Только будь христианином. Зачем?

Старое увядает само собой. Наша работа очень проста. Она выглядит трудной, потому что старое, прежде чем умереть, даст последний бой. Но вам не стоит беспокоиться. Вам не понадобится никакой храбрости. Всю храбрость, которая у вас была, вы использовали, присоединившись ко мне; теперь никакой храбрости не нужно! Нам удастся без боя уничтожить все эти вздорные идеологии - смехом, танцем, песней.

Поэтому не думай, что когда я сказал: «до последнего вздоха», не думай по-старому... что тебе придется сражаться до последней капли крови - суть не в этом. Никакого сражения не будет. Нет необходимости ни в каком сражении: просто празднуй, мы можем рассеять всю эту темноту. Просто, будучи светом самим себе, мы можем разрушить всю эту темноту. Может быть, она огромна, но всего лишь маленькая свеча уничтожает столько темноты... потому что в темноте нет никакого содержания. Она пуста - как и христианство.

Все, за что стояло христианство, за что оно боролось и убивало миллионы людей, теперь отбрасывают сами его сторонники... и они называют это «освобожденной теологией»! Странные идиоты. Если вы освобождены, зачем продолжать тащить с собой теологию? Тогда просто будьте освобожденными! «Освобожденная теология» звучит как «освобожденная тюрьма»... просто тюрьма, выкрашенная в белый цвет и украшенная флагами. Но она остается той же тюрьмой; только теперь ее называли освобожденной тюрьмой.

Какой смысл имеет теология, если есть освобождение? Освобождение разрушит все, за что стояла теология. Тео - это греческое название Бога, а логия значит «логика». Какая может быть в отношении Бога освобожденная логика? Либо Бог существует, и вы не будете освобожденными - вы будете только рабами Бога - либо его нет, и вы освобождены. Но никакой теологии не нужно - это просто лингвистическая игра...

И именно поэтому они так боятся меня. Они не могут меня обмануть своей лингвистической показухой. Они не могут меня обмануть своей логикой; она фальшива. Она привлекательна только для тех, кто уже в нее верит; ни для кого другого она не привлекательна. Вы это можете увидеть.

Может быть, вы не думали об этом. Индуисты считают индуизм лучшей религией, но никого, кроме самих индуистов он не впечатляет. Странно. Христиане считают себя лучшей религией, но она никого не интересует, кроме самих христиан. И то же самое верно в отношении евреев. И то же самое с джайнами, буддистами - каждый считает, что его логика лучше всех, но она привлекательна лишь для тех, кто уже в нее верит.

Лучшая логика - та, что привлекает к себе тех, кто не верит. Это просто определение лучшей логики: она касается человека, который не верит, но ему приходится верить, потому что твоя логика настолько его превосходит, что он не может с ней справиться. Но если твоя логика убеждает лишь тех, кто уже убежден, ты понапрасну тратишь время.

Все религии считают, что обладают лучшими в мире вещами, но только их собственные верующие это признают. Реальность же в том, что ни у кого из них ничего нет.

И вскоре другие теологи тоже начнут делать то же самое, что и христианские. Им придется; иначе вещи придется доказывать. Лучше отбросить идею воскресения, чем пытаться ее доказать, потому что доказать ее трудно, почти невозможно.

Другой способ ее доказать - это распять Папу и посмотреть, воскреснет ли он, - простой и научный метод. Я лично уверен, что этот поляк не сможет воскреснуть. Но он не захочет даже подойти к кресту, потому что знает, что никто никогда не воскресал. Он заплачет, зарыдает и будет готов на все:

«Не делайте этого со мной! Вы что, не можете найти для этого эксперимента кого-то другого?»

Лучше, думают они, отбросить эту идею; иначе рано или поздно придется представить доказательства. Есть теологи, которые отбрасывают чудеса Иисуса, говоря, что их никогда не было, но все равно: «Мы верим в Иисуса». Но зачем тогда верить именно в Иисуса? - можно верить в кого угодно. До сих пор в этом был единственный смысл - он совершал чудеса. Но привести доказательства трудно, поэтому чудеса должен совершать ты сам.

За две тысячи лет ни один христианин не смог совершить ни одного из чудес Иисуса. По крайней мере, Папа должен то уметь - он ведь представитель. А представлять - значит должен иметь некоторые качества человека, которого представляешь.

Лучше это отбросить. Именно из страха они все это отбрасывают. И все они продолжают называть себя христианами! Это будет последним, что мы поможем им отбросить. Мы должны просто показать им: «Коробка пуста; не носите ее больше. Если на ней написано «христианство», это не значит, что в ней что-то есть. Просто откройте коробку и посмотрите: ни воскресения, ни непорочного зачатия, ни чудес, ни Бога, ни рая, ни ада - одна освобожденная теология. Так просто бросьте эту коробку и идите домой!»

То же самое верно и в отношении других религии. Вам не придется быть храбрыми. Им придется быть храбрыми, чтобы столкнуться с вами. Вы должны быть просто молчаливыми, спокойными, медитативными - и благодаря этому вы сможете быть подлинными и истинными. Вы должны быть частью истины.

Им потребуется храбрость, чтобы столкнуться с вами лицом к лицу. Они дрожат, у них сдают нервы - вам не стоит совершенно ни о чем беспокоиться, - иначе нет никакой необходимости препятствовать моему приезду ни в какую страну.

Это свободный мир. До сих пор говорилось, что коммунистический мир - это не свободный мир. Но что они должны теперь сказать? Свободен ли их мир? ...В котором мне не могут позволить даже переночевать в аэропорту?

Никто не свободен - только всевозможные виды рабства под разными ярлыками. Это делает нашу борьбу очень легкой, потому что мы должны просто обнажить их лицемерие. Они пытаются каким-то образом защищаться, отбрасывая все эти вещи, но отбрасывание всех этих вещей не поможет. Их лицемерие будет разоблачено скорее. Со всеми этими вещами потребовалось бы какое-то время, чтобы о них спорить. Теперь спорить не о чем - просто открой коробку и посмотри: в ней ничего нет.

Я искал во всех священных писаниях мировых религий: в них ничего нет. И в этом наша сила - в них ничего нет, они пусты. Просто будь полным света.

Глава 15

Настоящие богатства

Любимый Ошо,

Когда я расслабляюсь и обращаюсь вовнутрь, приходит мгновение, когда я либо становлюсь остро осознан, будучи в то же время совершенно расслабленным, как будто меня нет, либо засыпаю. Я не знаю, что вызывает первое состояние вместо второго. Не мог бы ты объяснить?

Состояние, в котором ты расслаблен и становишься остро пробужденным, приближает тебя к сверхсознательному. А состояние, в котором ты расслаблен, но падаешь в мирный сон, ведет тебя к бессознательному уму. Несомненно, первое состояние гораздо выше второго, но и второе может быть тебе необходимо; иначе не происходило бы первого.

Помни один принцип: что бы ни происходило, это зачем-то нужно, понимаешь ты это или нет. Они выглядят совершенно разными, - не только разными, но и диаметрально противоположными, - но могут помогать друг другу. Когда ты усталый, расслабление приведет тебя в спокойный и мирный сон, который обновит, оживит тебя, снова принесет энергию. Это здоровье; в этом нет ничего плохого. Это даст тебе хорошее самочувствие, которое может подготовить почву для первого состояния. Ты полностью оживлен, обновлен, полон энергии, ты расслабляешься - но энергии столько, что ты не можешь спать.

Чтобы заснуть, ты должен быть усталым, истощенным, но если энергии так много, сон невозможен - и именно тогда случается первое состояние, острая осознанность.

Они кажутся противоположными, но только интеллектуально - в реальности они поддерживают друг друга. Когда ты остро пробужден, ты потребляешь огромное количество энергии, больше, чем обычно в своем так называемом пробужденном состоянии. Естественно, тебе понадобится более глубокий, спокойный и тихий сон, чем обычно, без всякого шума, чтобы ты мог пополнить энергию, истраченную на то, чтобы быть остро бдительным.

Это точно как две руки; обе они твои. Поэтому, что бы ни случилось, наслаждайся этим. В это мгновение ты нуждаешься именно в этом; не пытайся этого изменить. Именно так начинаются проблемы: ты начинаешь думать, что быть остро осознанным лучше, так почему бы не быть остро осознанным все время? Ты не можешь этого сделать. Тебе понадобятся периоды глубокого отдыха.

Поэтому не вмешивайся. Расслабься. Продолжай упражнение, которое ты делаешь, и что бы ни случилось, наслаждайся этим, потому что, наверное, это именно то, что нужно.

Любимый Ошо,

Я впервые зол на своих родителей. Они простые люди, и я говорю себе, что не их вина, что у них нет понимания Ошо. Но мой гнев находится в таком конфликте с любовью, что это больно. Я так зол, когда это пишу, что не могу даже сформулировать вопрос. Не будешь ли ты так добр, мне помочь?

Каждый ребенок разозлился бы, если бы понял, что с ним сделали бедные родители - неумышленно, бессознательно. Все их усилия были направлены на благо ребенка. У них добрые намерения, но их сознательность равна нулю. А добрые намерения в руках бессознательных людей опасны; они не могут принести ожидаемого результата. Они могут создать прямо противоположный результат.

Каждый родитель пытается привести в мир прекрасного ребенка, но если посмотреть на мир, он кажется сиротским приютом. Никаких родителей вообще нет. Фактически, если бы он и был сиротским приютом, это было бы лучше, потому что, по крайней мере, ты был бы самим собой и тебя не переделывали бы никакие родители.

Поэтому этот гнев естествен, но бесполезен. Если ты в гневе, это не поможет твоим родителям и повредит тебе.

Говорят, что Гаутама Будда сказал очень странные слова. В гневе ты наказываешь себя за проступок кого-то другого. Это кажется очень странным, когда ты впервые слышишь эти слова: в гневе ты наказываешь себя за проступок кого-то другого.

Твои родители что-то сделали двадцать лет назад, тридцать лет назад, а ты злишься сейчас. Твой гнев никому не поможет; он просто создаст в тебе больше ран. И со мной, возле меня... Я пытаюсь объяснить весь механизм того, как воспитываются дети, чтобы у тебя было больше

понимания того, что все случившееся должно было случиться. Твои родители были обусловлены своими родителями. Ты не можешь найти, кто действительно ответствен, чтобы с этого начать. Это передавалось от поколения к поколению.

Твои родители сделали с тобой точно то, что сделали с ними. Они были жертвами. Ты почувствуешь сострадание к ним и радость, потому что не повторишь то же самое в своей жизни. Если ты решишь иметь детей, тебе будет радостно оттого, что ты разрушишь порочный круг, что ты выпрыгнешь из шеренги, восходящей в самое начало и кончающейся тобой, что ты можешь стать тупиком. Ты не сделаешь этого со своими детьми или с детьми кого-то другого.

Ты должен чувствовать, что тебе повезло, что у тебя есть мастер, чтобы объяснить тебе, что происходит между родителями и детьми - сложное воспитание, добрые намерения, плохие результаты, где каждый хочет сделать как лучше, а мир продолжает становиться хуже и хуже.

Твоим родителям не посчастливилось иметь мастера - а ты злишься на них. Ты должен чувствовать доброту, сострадание, любовь. Что бы они ни сделали, они сделали это бессознательно. Они не могли никак по-другому. Они испытали на тебе все, что умели. Они были несчастны и создали в мире еще одно несчастное существо.

У них не было ясности о том, что они несчастны. У тебя достаточно ясности, чтобы понять, почему человек становится несчастным. И как только ты понимаешь, как создается несчастье, ты можешь избежать причинения его кому-то другому.

Но посочувствуй своим родителям. Они тяжело работали; они сделали все, что только могли, не имея понятия о том, как работает психология. Вместо того чтобы учить их быть матерью или отцом, их учили быть христианином, марксистом, портным, водопроводчиком, философом - все эти вещи хороши и необходимы, но самого важного не хватает. Если они собираются производить детей, самым важным учением должно быть - как быть матерью, как быть отцом.

Это принимают как должное: просто родив, ты узнаешь, как быть матерью, как быть отцом. Да, что касается рождения ребенка... это биологическое действие, для него тебе не нужно психологической подготовки. Животные прекрасно с этим справляются, птицы прекрасно с этим справляются, деревья прекрасно с этим справляются. Но родить ребенка биологически - это одно, а быть матерью или отцом - совершенно другое. Это требует огромного образования, потому что ты создаешь человеческое существо.

Животные ничего не создают, они просто клонируются. И теперь наука пришла к той точке, что эти клоны действительно можно производить! Это очень опасная идея. Если мы создадим банки данных - а рано или поздно мы их создадим; как только возникает идея, она воплощается в реальность. Научкой доказано, что это на сто процентов возможно... никаких проблем.

Мы можем иметь в больницах банки мужских сперматозоидов и женских яйцеклеток. И мы можем создать в точности подобные сперматозоиды и яйцеклетки, и двое родившихся детей будут в точности похожи. Один ребенок будет выпущен в мир; другой будет расти в холодильнике, бессознательный, но его части тела будут точно такими же, что и у другого. И если с первым человеком случится несчастный случай, и он потеряет ногу или почку, или ему необходима будет хирургическая операция, нет проблем: его клон ждет в больнице. У клона можно вынуть почку - он растет точно с такой же скоростью, только он бессознателен, - и она будет точно такой же, что и почка, которую он потерял. Ее можно заменить.

Этот клон будет всегда доступен, чтобы заменять любые запчасти - даже мозг. Ты можешь впасть в кому, или у тебя может остановиться сердце... После остановки сердца мозг может жить еще четыре минуты - не больше. Если за эти четыре минуты установить новый мозг, новое сердце, ты вообще не почувствуешь, что что-то изменилось, что с тобой что-то вообще произошло. Может быть, ты заснул, а теперь проснулся. Ты никогда не узнаешь, что твой мозг заменен, что твое сердце заменено.

Идея клонирования кажется великим прорывом медицины, но она также и опасна - опасна в том смысле, что человек становится машиной с заменяемыми запчастями, как и любая другая машина. Когда что-то ломается, эту часть заменяют. И если любую часть можно будет заменять, человек будут падать дальше и дальше от духовного роста, потому что начнет думать о себе как о машине. Именно так думает половина мира, коммунистический мир, что человек - это машина.

Тебе повезло, что ты понимаешь ситуацию, в которой находятся твои родители. Они не сделали с тобой ничего особенного, они сделали бы то же самое с любым ребенком, родившимся у них. Они были на это запрограммированы. Они были беспомощны. А злиться на беспомощных людей просто неправильно. Это несправедливо, некрасиво и к тому же вредно для тебя самого.

Если твои родители не могут меня понять, тебе не стоит об этом беспокоиться. Меня не может понять весь мир. Твои родители - нормальные люди; они просто следуют за толпой, потому что так безопаснее. Ты выпал из толпы. Ты выбрал рискованный и опасный путь. Если они не хотят двигаться в опасный образ жизни, это их выбор; это не должно вызывать в тебе гнева.

Фактически ты можешь им помочь, только став настоящей индивидуальностью, о которой я говорю: более сознательным, более бдительным, более любящим. Видя тебя, они могут измениться. Когда они увидят, что ты так радикально изменился, это только заставит их подумать дважды: может быть, они неправы. Другого пути нет. Ты не можешь их интеллектуально убедить. Интеллектуально они могут спорить, а споры никого не меняют. Единственное, что меняет людей, это харизма, магнетизм, волшебство твоей индивидуальности. Тогда, все, чего ты касаешься, превращается в золото.

Поэтому вместо того, чтобы тратить время и энергию на гнев и борьбу с прошлым, которого больше не существует, вложи всю свою энергию в волшебство своей индивидуальности. И когда твои родители увидят тебя, их не смогут не тронуть качества, которые ты вырастил, качества, которые непроизвольно впечатляют: твоя свежесть, твое понимание, твоя безусловная любовь, твоя доброта, даже в такой ситуации, в которой уместнее был бы гнев.

Только эти вещи могут быть настоящими аргументами. Тебе не нужно говорить ни слова. Твои глаза, твое лицо, твои действия, твое поведение, твой отклик произведут в них перемену. Они начнут задумываться, что с тобой случилось, как это с тобой случилось - потому что каждый хочет иметь эти качества. Это настоящие богатства. Никто не богат настолько, чтобы позволить себе иметь качества, о которых я тебе говорю.

Итак, вложи всю энергию в то, чтобы трансформировать себя. Это тебе поможет, поможет и твоим родителям. Может быть, это запустит цепную реакцию. Может быть, у твоих родителей есть другие дети, есть друзья, и так далее, и так далее.

Это подобно тому, как если ты сидишь на берегу тихого озера и бросаешь в него небольшой камень. Камень такой маленький, что сначала он создает маленькие круги, но круг за кругом... они достигают дальних берегов, до самых пределов озера. И это только маленький камешек.

Мы живем в определенного рода ноосфере, новом психологическом озере, в котором все, что ты делаешь, создает вокруг тебя вибрации. Они касаются людей, достигают неизвестных источников.

Стоит только создать небольшую рябь индивидуальности, и она достигнет многих людей - и конечно, тех, кто ближе всех связан с тобой. Они первыми это увидят и поймут с великим благоговением. Они не поверят своим глазам, потому что все, что они знают о религии, это воскресная церковь, в которой ничего не происходит. Всю жизнь они ходили туда каждое воскресенье, но возвращались домой прежними.

Под именем религии они знают только Библию, Коран или Гиту, но они читают и читают их, и ничего не происходит, потому что они не знают одного - что ты живое существо, а книга мертва. И человек в церкви, произносящий проповедь, просто профессионал. Он подготовил проповедь по книгам и продолжает повторять одни и те же проповеди. Никто его не слушает, никто не улавливает его смысл. Он повторяет ту же проповедь, которую говорил два месяца назад. Никто не слушал тогда, и никто не слушает сейчас. И ты знаешь, что эта проповедь не изменит тебя, потому что эта проповедь не изменила самого проповедника. Наверное, он такой же обыденный, что и ты - может быть, еще более.

Я знал одного джайнского монаха, который был очень простым человеком, почти простаком. Он спросил меня:

- Сколько у тебя лекций?

- Это трудный вопрос, - сказал я. - Пока моя жизнь не закончится, я не узнаю.

Он сказал:

- А у меня только три: одна на десять минут, одна на двадцать минут и одна на тридцать, в зависимости от обстоятельств. Иногда на конференции дается только десять минут. У меня все готово: десятиминутная лекция. Если мне дают двадцать минут, у меня есть и двадцатиминутная. Если дают тридцать минут, есть тридцатиминутная. Более долгого времени быть не может, потому что никому не интересно так долго слушать. Людям нравится краткость.

Я сказал:

- Это великолепно. Ты нашел действительно потрясающую идею.

И он сказал:

- Это работает.

- А люди не знают, - спросил я.

- Мне никто ничего об этом не говорил, а я использовал эти лекции всю жизнь. Куда бы я ни пришел: в храмы, в колледжи, в университеты, где я должен выступать, - я спрашиваю: «На сколько минут? Десять, двадцать, тридцать?» Что бы они ни сказали, лекция готова. И я повторял эту лекцию столько раз, что теперь уже не нервничаю. Я могу повторить всю лекцию без запинки!

Думаешь ли ты, что слушание такого человека тебя трансформирует? - или кого-то другого? Но это делает каждый христианский миссионер.

Одним из самых известных, всемирно знаменитых христианских миссионеров был Стэнли Джонс. Он был моим большим другом, но однажды так рассердился, что вся дружба кончилась. Он был старик, друг Махатмы Ганди, и Махатма Ганди очень уважал его. Он приезжал в город, где я жил, и останавливался в доме одного из моих друзей. У него были напечатанные карточки - десять или двадцать карточек на каждую лекцию - и он раскладывал эти карточки на столе. Он начинал лекцию и продолжал менять карточки.

Он так разозлился на меня, когда я смешал его карточки! Он что-то говорил, а в карточке этого не было. Он просмотрел все карточки, но нужной не нашел. Я вынул эту карточку. И он сказал:

- Сегодня я плохо себя чувствую. Мне нехорошо, и я не буду выступать.

И он спросил хозяина:

- Кто это сделал?

- Твой друг, - ответил хозяин.

Стэнли Джонс очень рассердился. Он сказал:

- Ты мне друг или враг? Ты испортил мне всю лекцию!

- Иногда, - сказал я, - ты должен говорить из сердца, не из этих карточек. Я заглянул к тебе в чемодан; у тебя почти пятьдесят наборов этих карточек, и ты можешь повторять одни и те же речи. Думаешь ли ты, что это кому-то помогает? - эти мертвые карточки, которые ты повторял всю жизнь? И сегодня, только потому, что не хватило одной, и номера были перепутаны, ты потерял лицо, потерял свою цельность. Ты был почти в состоянии безумия. И что, по-твоему, подумали люди, пришедшие тебя слушать?

Он написал много книг. Я просмотрел эти книги: он пишет хорошо, красиво, но все это украдено. Нет ничего его собственного. Нет никакого его собственного опыта. Пока нечто не становится твоим собственным опытом, это ни на кого не произведет впечатления.

Поэтому чувствуй себя блаженным. Здесь у тебя есть шанс быть полностью трансформированным. И помоги своим бедным родителям, потому что у них не было такого шанса; пусть тебе будет их жаль.

Любимый Ошо,

Часто, когда я сижу с тобой, или когда я только что проснулся утром, я в очень молчаливом состоянии. У меня внутри словно мерцает тайная улыбка. И с нею осознание того, что проблем не существует, и это состояние доступно всегда. Я наблюдаю, как ум всплывает на поверхность с мыслями, и на несколько прекрасных мгновений мне очень легко не вовлекаться в него. Но затем, когда лекция кончается, или я начинаю какую-то деятельность, кажется, я совершенно теряю сознательность и не способен остановить инерцию своего ума и своего действия. Остается лишь ноющая память о молчании, и снова ощущение неуравновешенности и того, что чего-то не хватает. Пожалуйста, прокомментируй.

Не стоит беспокоиться - и не будь жадным! С тобой происходит так много. Если, когда ты слушаешь меня, на тебя нисходит молчание, и мысли исчезают, и ты чувствуешь центр, новое состояние, и чувствуешь также, что это состояние доступно всегда... это правда. В то мгновение, когда ты чувствуешь свой центр, частью этого опыта является чувство, что этот центр доступен всегда. Это часть опыта, существенная часть; поэтому она так весома.

Или, когда ты просыпаешься утром, и твой ум молчалив... и теперь, когда ты осознаешь молчание, ты можешь его узнать. Каждый просыпается утром с молчаливым умом, но это продолжается лишь несколько секунд. И даже в эти несколько секунд человек не осознает, что в нем нет мыслей, потому что у него нет этого вкуса, нет никакого предыдущего опыта этого. И вот

эти два или три мгновения проходят - а они самые важные во всем твоём двадцатичетырёхчасовом дне.

Но поскольку ты переживаешь это на утренней лекции и вечерней лекции, дважды - много часов сохраняется это состояние, молчание - у тебя есть определенный опыт. Ты чувствуешь это, когда просыпаешься; вскоре ты почувствуешь молчание засыпая - но это немного труднее. Именно поэтому сначала ты чувствуешь это после пробуждения, потому что пробуждение подразумевает, что ум вычистил много мусора во снах, и ему было позволено отдохнуть. И теперь, когда ты выходишь из отдыха, молчание узнать легко. И этих мгновений станет больше и больше. Затем снова лекция; снова ты... это продолжается без перерыва.

Вскоре это станет и началом ночи. Это происходит и когда ты засыпаешь. Прежде чем ты заснешь, ум останавливается на две или три секунды, чтобы мог утвердиться сон. Если ум продолжается, сон не может утвердиться. Но поскольку ты выходишь из мира ума - целый день ум шумел, - ты можешь этого не узнать. Но вскоре ты это узнаешь.

Твоя проблема в том, что после лекции, когда ты начинаешь работать, внезапно ты падаешь в бессознательность. Это естественно. Поначалу ты не можешь оставаться таким же сознательным, таким же молчаливым. Фактически, из-за того, что ты в молчании два часа утром и два часа вечером, внутри идет четырехчасовая тарабарщина ума, потому что она должна выйти наружу.

Итак, не беспокойся. Это естественно, это восстанавливает равновесие. Прими это. Мало-помалу, когда будет собираться меньше и меньше тарабарщины, даже в работе ты начнешь находить промежутки молчания. И придет время, когда молчание станет опытом всех двадцати четырех часов. Когда ты хочешь для чего-то использовать ум, ты используешь его. Если ты не хочешь его использовать, тогда он остается в молчании. Он не работает автономно, как это бывает обычно.

Но чувствовать молчаливое, прекрасное состояние внутри четыре часа - это больше, чем человек может просить, - и это приходит и в другие мгновения. Просыпаясь, ты находишь его; вскоре ты найдешь его и засыпая. И тогда в другие мгновения, во время работы, это придет без всякого предупреждения. Внезапно ты просыпаешься: есть молчание, и ум бездействует. Не беспокойся. В это время человек тоже начинает побаиваться: если ум остановится полностью, что тогда?

Один из профессоров, с которым мы вместе работали, захотел научиться медитации. Там у меня была небольшая школа медитации. Он принял участие в медитации, но в первый раз, когда он пережил молчание, он просто выскочил из небольшого храма, в котором мы сидели, и убежал! Я не мог понять, что случилось. Мне пришлось его догонять. Он оглядывался на меня, и когда видел, что я следую за ним, бежал быстрее. Я подумал: «В этом что-то есть. Что случилось с этим человеком?»

Я закричал:

- Обожди, Нитьянанда! - его звали Нитьянанда Чаттерджи, - обожди минуту!

Он махнул рукой, - «с меня довольно!» - и сказал:

- Не хочу медитировать. Ты опасный человек! В конце концов, я поймал его, когда он уже заходил в свой дом. Теперь бежать ему было некуда. Я сказал:

- Лучше расскажи мне, что случилось.

- Не знаю, что ты сделал, - сказал он, - но я вошел в такое молчание... а ты меня знаешь, я болтаю, как радио... - К тому же, его звали Чаттерджи. Он был бенгалец...

- Я начинаю говорить утром и продолжаю, пока не засну... почти на середине предложения - я постоянно говорю. Это удерживает меня занятым, ничем не обеспокоенным, без всяких проблем. Я знаю, что проблемы есть, но говоря с кем-то... если никого нет, я говорю один.

А там, сидя с тобой, внезапно я перестал говорить. Я был пуст. И я подумал: «Боже мой, я схожу с ума! Если это будет продолжаться двадцать четыре часа, со мной все кончено. Нитьянанда Чаттерджи, - сказал я, - твоя жизнь кончена. Если ум не вернется снова... прежде чем это молчание зашло слишком далеко, беги отсюда. И зачем эти тридцать, сорок человек сидят с закрытыми глазами? - но это их проблема. Каждый должен заботиться о себе». И я убежал.

- Не беспокойся, - сказал я. - Молчание - это не что-то такое, что разрушает твой ум; оно просто помогает уму отдохнуть. И с тобой это произошло так легко, потому что ты болтун; ум устал. Обычно этого не происходит так легко. Эти другие люди продолжают сидеть. Уму не так легко утихнуть, когда ты в первый раз садишься медитировать.

Всю жизнь ты так напрягаешь свой ум, что люди тебя боятся. Твоя жена боится, твои дети боятся. Профессора в университете боятся. Если ты садишься в общей комнате, общая комната пустеет; все из нее разбегаются. Это из-за чрезмерного использования ума. Это механизм, и ему необходим некоторый отдых.

Ученые говорят, что даже металлы устают; им тоже нужен отдых. Ум - это очень изощренное явление, самое изощренное во всей вселенной, и ты использовал его так много, что, найдя малейший шанс быть молчаливым, он тут же стал молчаливым. Ты должен радоваться.

- Но он начнется снова или нет? - сказал он.

- Начнется, когда захочешь, - сказал я.

- Я так испугался, что если он не начнется снова... «Тогда, Нитьянанда Чаттерджи, твоя жизнь кончена. Ты окажешься в сумасшедшем доме. Зачем, прежде всего, ты спросил этого человека о медитации?»

И я сказал:

- Я тоже спрашивал себя, почему ты захотел медитировать.

- Я просто говорил об этом, точно так же, как говорю обо всем, - и ты в меня вцепился. Ты сказал: «Все в полном порядке. Идем в мою машину». Я никогда не хотел... Я говорю обо всем - знаю я это или нет, неважно. Я могу говорить часами. Только потому, что ты сидел в общей комнате, и больше никого не было, я подумал: «Какую бы выбрать тему?» Увидев тебя, я подумал: «Медитация - это единственная тема, на которую ему будет интересно поговорить», вот я и заговорил о ней. А ты схватил меня и затащил в машину.

И я подумал: «Какой от этого будет вред? Мой дом всего в нескольких минутах ходьбы от твоего, и хорошо доехать до него на машине. А по пути я буду говорить». И так я оказался в ловушке, потому что я не смог повернуть назад. Ты затолкал меня в храм, где сидели эти сорок человек, и мне тоже пришлось сесть. Я хотел бежать с самого начала. Я никогда не хотел медитировать, потому что не хочу вовлекаться ни во что, если не знаю, куда это ведет.

И как только я сел, все стало молчаливым. Я открыл глаза, огляделся вокруг, и все сидели с закрытыми глазами, в молчании. Я подумал: «Вот правильное время для побега». Но ты такой человек, от которого так просто не убежишь. Вся улица видела, что я убегаю, а ты за мной гонишься. И я подумал: «Я не остановлюсь». Я просто очень испугался. Я боюсь молчания. Говорить очень приятно.

Я сказал:

- Тебе повезло, потому что ты так много говорил, что твой ум готов расслабиться. Не упускай эту возможность. И не бойся. Разве ты не видишь меня? - я могу говорить. Ты сможешь говорить, когда захочешь. Прямо сейчас это не в твоей власти; это просто продолжается само собой. Ты - просто граммофон, а молчание сделает тебя хозяином положения.

- Ладно, - сказал он, - если ты обещаешь, я тебе верю и буду приходить каждый день. Но помни, я не хочу лишиться ума. У меня дети, жена, старые родители.

- Не волнуйся, - сказал я. - Ты не лишишься ума. И вы удивитесь: этот человек прогрессировал в медитации лучше всех остальных. Это навело меня на идею о специальной медитации, и я начал новую технику, Джиббериш.

Она не была абсолютно новой, но никто раньше не использовал ее как средство для медитации стольких людей.

В Индии у нас были медитационные лагеря, в которых днем проводилась стадия джиббериша, и каждый говорил все, что хотел, - тысяча человек вместе. Это не было разговором, потому что ты говоришь не с кем-то, а просто так.

Это было редким опытом - потому что я был единственным слушателем того, что говорили все эти люди? Однажды человек напротив меня звонил по телефону, на самом деле говорил по телефону. И я слышал: «Алло, алло». Все смотрели:

«Что ты делаешь?» Он вел международные разговоры, без всякого телефона, без ничего. Он был бизнесменом, и просто привычка... Но для людей этот опыт был огромным расслаблением. После часа говорения ерунды...

Один из моих близких саньясинов... с ним случилось так, что, просто говоря и крича, он подошел и стал толкать машину, в которой я приехал. Она стояла на склоне. Он был человеком очень здравого рассудка, но стал толкать машину и все время говорил очень плохо о Джайантибхаи, которому принадлежала машина, говорил, что столкнет ее в канаву. Они были друзьями - но что-то, наверное, было не окончено у него в уме. Какие-то люди встали и помешали

ему. Из-за того, что ему помешали, он залез на дерево... он не был сумасшедшим! Он стал раскачивать ветви дерева так сильно, что они ломались, и падали на всю группу, сидящую под ним. И все это время он кричал на Джайантибхай.

С трудом его заставили слезть. И никто никогда не думал, что этот человек способен на что-то подобное.

Через час все кончилось, и он пришел в полное молчание - более глубокое, чем у кого-либо другого.

Я спросил его:

- Как ты себя чувствуешь?

- Я в более глубоком расслаблении, чем когда-либо во всей моей жизни, - ответил он. - Хотя я и делал глупые вещи... но ты позволил нам делать все, что нам хочется, и я чувствую большое облегчение. Большой груз с меня сброшен, и я очень люблю Джайантибхай. Весь гнев прошел.

Этот лагерь длился пять или семь дней, и этот человек с телефоном семь дней продолжал говорить «алло» и был очень серьезен. Как только начиналась медитация, он начинал звонить и, без сомнений, что-то слушал, отвечал, принимал решения о бизнесе. «Вложите эти деньги сюда, сделайте то-то и то-то, купите это. Сейчас лучше всего это купить. Цены растут». И так серьезно, что в последний день я спросил его:

- Как ты себя чувствуешь?

- Мне самому интересно... - сказал он, - это странная медитация. Я не сумасшедший, и я знаю, что никакого телефона нет, просто мне приходит такая мысль. И ты сказал: «Ты должен это позволить». А после этого я много часов чувствую себя абсолютно молчаливым, радостным. Великое время...

Наверное, это было его ежедневным делом, и ему его не доставало.

Джиббериш никогда не использовали в группах, но само слово «джиббериш» происходит от имени суфийского мистика Джаббара. Он всегда говорил бессмыслицу. Ты спрашиваешь о луне, а он говорит о солнце; он никогда не отвечал на вопрос, который ему задавали. Он придумывал собственные слова.

И из-за его имени, Джаббар, пришло в существование это слово, джиббериш; это язык Джаббара. Он был одним из просветленных суфийских мастеров. Он использовал джиббериш ради других; иначе он оставался в молчании. Если никто не приходил, он молчал много дней. Если кто-то приходил и что-то говорил ему, этот человек тем самым давал ему повод. Тогда он говорил что угодно - предложения без смысла, слова без смысла. Из того, что он говорил, нельзя было ничего понять.

Ученики много раз спрашивали Джаббара:

- Почему ты говоришь все эти вещи? - обычно ты молчишь. Мало того, что люди смеются над тобой; мы тоже смущаемся, потому что мы твои ученики. Они думают, что мы идиоты: чему можно научиться у такого человека?

Только ученикам он говорил:

- Вы знаете, что эти люди приходят с напрасными вопросами. Они не намереваются понять или измениться, и мой джиббериш прекращает их посещения, и я могу работать с вами в молчании. Хорошо это и для моего ума, потому что большую часть времени я в молчании. Это хорошо, это просто упражнение для ума: если он нужен, я могу его использовать. Поэтому, просто чтобы проверить, по-прежнему ли он работает, я использую весь этот джиббериш.

И я сказал Нитьянанде Чаттерджи:

- Не волнуйся. Ты проделал столько джиббериша, что без сомнений достигнешь глубокого молчания.

И он стал очень молчаливым. Весь университет был потрясен. Никто не мог поверить, что я с ним сделал. Теперь люди к нему подходили и хотели, чтобы он с ними поговорил, но он говорил:

- Нет, хватит. Когда я говорил, вы все убегали. С меня довольно. Теперь оставьте меня в покое.

Ему предложили повышение, но он отказался и вышел на пенсию, чтобы его жене и детям было на что жить, а он мог продолжать свое молчание. Я увидел его снова через десять лет. Он стал совершенно новым человеком, таким свежим и молодым, как если бутон раскрывается и становится розой - с такой же свежестью. И он не говорил; он приходил и сидел часами, и никаких разговоров не было.

Таким образом, что бы ни происходило, позволь этому происходить. Уму привычно определенное количество внутреннего разговора. Поскольку эти четыре часа лекции выпадают,

как только он находит возможность, то немедленно на нее набрасывается, и тогда он не просто ходит, но быстро бежит. Позволь это ему. Это не вредно, и вскоре он привыкнет.

Ум - это только механизм, он может говорить, он может молчать. Единственная проблема в том, что он не должен быть хозяином, он должен быть слугой. В качестве слуги он великолепен; в качестве хозяина он опасен. Его хозяином должен быть ты.

Игра слов: chatter - болтовня; -джи - окончание имени сикха; Бенгал - сикхская провинция. Gibberish, англ. - тарабарщина.

Глава 16

Сокровища и драконы

Любимый Ошо,

Я часто слышу, как ты говоришь, что бессознательное - это погреб нашего ума, куда мы выбрасываем все неприятные и подавленные части опытов, через которые прошли во многих жизнях, потому что наша обусловленность не позволила им быть частью сознательной сферы. Что происходит с прекрасными духовными опытами, которые мы получили в некоторых жизнях? В самогипнозе я смогла вспомнить много таких опытов. Есть ли безмерно полезная сокровищница позитивных опытов, которую мы можем извлечь на поверхность?

Никакой духовный опыт не может быть бессознательным; по самой его природе он должен быть частью сверхсознательного. Точно как в бессознательном собирается все то, что уродливо, кошмарно, все, о чем мы не хотим знать сами и не хотим, чтобы знали другие, таким же образом сверхсознательное тоже накапливает все то, что красиво, прекрасно, духовно.

Когда человек переходит из одной жизни в другую, он не помнит ни бессознательного, ни сверхсознательного. Он приходит только с сознательной частью ума, и путешествие начинается заново - хотя пережитое раньше сохраняется и помогает. Если твое бессознательное слишком обременено, это влияет на сознательное таким образом, что повторяет те самые уродливые опыты, которых ты хотел избежать, но если твое сверхсознательное содержит сокровище прекрасных опытов, это привлечет сознательное, и оно сможет легко двигаться к сверхсознательному.

Поэтому это может случиться в гипнозе: если твое бессознательное имеет меньшую власть, чем сверхсознательное, тогда в гипнозе ты будешь двигаться в сверхсознательное и найдешь эти сокровища. Но они не принадлежат бессознательному. Видя их впервые, ты думаешь, что была в отношении их бессознательна. Это правда: ты была в отношении их бессознательна, но они не являются частью бессознательного ума; они являются частью сверхсознательного, но ты этого не осознавала.

У всех этих шести различных секций ума, - если отложить в сторону сознательный ум, твой ежедневный рабочий ум, - есть собственная система памяти. Все, что ты достигаешь или теряешь в каждой жизни, становится частью какой-то системы памяти. Если оно с темной стороны, оно движется в бессознательное. Если оно так темно, что даже бессознательное чувствует, что это для него слишком тяжело, тогда это проскальзывает глубже, в коллективное бессознательное. Но если коллективное бессознательное тоже чувствует, что это худшее из всего, что только могло случиться, тогда это соскальзывает в космическое бессознательное, которое готово принять все, потому что оно подобно скале; оно не заботится о том, что это такое.

То же самое происходит со светлой стороны, но большинство людей не достигает сверхсознательного. Изредка это бывает, если кто-то работал над развитием своего существа, и не просто старел, но вырос, - тогда некоторые вещи оказываются в сокровищнице сверхсознательного. Но если человек продолжает двигаться в этом направлении, придет время, когда появятся вещи, которые могут быть сохранены только в высшем уровне сознательного. И это будет системой памяти коллективного сверхсознательного.

Но есть некоторые опыты, которые могут накапливаться только в космическом сверхсознательном, и с каждой жизнью путь вверх становится все уже. Из тысячи человек только один может накопить что-то в сверхсознательном; один из миллионов может накопить что-то в

коллективном сверхсознательном; один из миллиардов может накопить что-то в космическом сверхсознательном.

Когда ты рождаешься, ты рождаешься в сознательный ум, который ничего не знает о сокровищах и драконах неосознанно. Но немного работы, и ты это осознаешь. Если это нечто высшего уровня, немедленно твое сознание станет частью сверхсознательного, хотя бы на мгновения, под гипнозом.

Я работал над многими людьми. Очень немногие люди обладают памятью в сверхсознательном, и они удивляются, когда что-то вспоминают, потому что они всегда думали, согласно западной психологии, что все, что подавлено, непрожито, - уродливо и находится в бессознательном. Они очень озадачены, потому что это не может быть подавлено: человек приходит от этого в такой экстаз, что хочет, чтобы весь мир знал, что это правда, это бывает. Не возникает вопроса о подавлении.

Но в перемещении из одной жизни в другую, просто чтобы ты не помнил прошлую жизнь, механизм работает так, что ты не помнишь ничего - ни бессознательного, ни сверхсознательного, ни чего-либо за их пределами. Ты приходишь с чистым сознательным умом, чтобы началось новое воспитание, новое учение, новое обуславливание.

Если бы в памяти оставались все эти семь уровней, ребенку было бы очень трудно - это все равно, что учить ребенка одновременно семи языкам. Он будет в замешательстве, полном замешательстве. Это естественная защита от замешательства и безумия: позволить только одной части двигаться в новую жизнь, свежей, чтобы новая жизнь могла принести тебе свою собственную идеологию, религию.

Я помню одну девочку, которая жила всего в ста милях от Джабалпура, в Катни. Ее родители были в большом недоумении, потому что она помнила, что в прошлой жизни была маленькой дочерью в джабалпурской семье, она помнила, как умерла; наверное, ей было девять или десять лет, когда она умерла, а теперь ей было, может быть, пять лет. Я знал семью в Джабалпуре, о которой она говорила. Я узнал их случайно, потому что у них был гараж рядом с моим домом, и когда у меня что-то ломалось в машине, я приходил туда.

И в ста милях оттуда, в Катни, я постоянно беседовал с небольшой группой искателей. Они привели ко мне эту девочку. Они сказали:

- Она это помнит. Что нам делать? - потому что она была в большом замешательстве. - Она постоянно нас просит отвести ее к родителям, к братьям, а они живут в Джабалпуре. Она помнит, как ее звали.

Когда они мне это рассказали, я сказал:

- Не волнуйтесь. Я их позову, и если она узнает их в толпе, это будет доказательством ее памяти.

Этим вечером я должен был выступать перед большим собранием, около двадцати тысяч человек, и я позвонил этой семье, рассказал всю историю и попросил их прийти в как можно более измененном виде.

- Не одевайтесь так, как вы выглядели, когда ваша сестра умерла.

А у них действительно была сестра, которая умерла, когда ей было около десяти лет.

Пришла вся семья, и я им сказал:

- Встаньте или сядьте в разных местах, и пусть эта девочка вас найдет.

Девочка нашла каждого - всех, кроме маленьких детей, которые родились после нее.

Тех, кого она покинула в прошлой жизни, она тут же узнала.

- Это мой брат.

Она называла его имя, она знала отца, мать, сестру, даже слугу. Слуга ушел от них и служил где-то в другом месте. Они привели его, чтобы посмотреть, узнает ли она слугу. Она тут же узнала его и сказала:

- Он так любил меня.

Ее случай стал очень знаменитым. Ее изучать приходило много психологов, но ее родители разрывались на части, и она сама разрывалась на части. И теперь новая семья - то есть семья из прошлой жизни - тоже разрывалась на части. Они захотели вернуть девочку обратно. Кому должна принадлежать эта девочка? Куда ей идти? Она хотела, чтобы обе семьи жили вместе. Это было невозможно, потому что теперь она родилась в семье браминов, а в прошлый раз относилась к низшему классу. Они не могли жить вместе - просто из-за индуистской кастовой системы.

И, в любом случае, это было неблагоприятно: у одних был бизнес, сервис в Джабалпуре, а у другой семьи - бизнес и вещи в Катни. Неблагоприятно было им жить вместе, но она не могла оставить ни тех, ни других. И я сказал:

- Сделайте одно: пусть иногда она приходит и живет с семьей в Джабалпуре, а иногда с вами, и обе семьи... Это не так далеко - всего два часа по дороге - и не станет трудной проблемой.

Но это оказалось трудным, так как, когда она покидала одну семью, она плакала, потому что не хотела покидать эту семью - и все же хотела быть и в другой. Видя ее страдание, я предложил:

- Позвольте мне ее загипнотизировать. Это какого-то рода уродство. В природе случилась какая-то ошибка; иначе каждый был бы в таком же состоянии.

И это дело всего двух жизней: если же ты будешь помнить четыре, пять, шесть, семь жизней, то придешь в полный хаос.

Ты не будешь знать, что делать. Время не играет никакой роли. Если ты любил женщину в прошлой жизни, то снова найдешь, что любишь ее; но что ты будешь делать с женщиной, которую любишь теперь? Ее ты тоже любишь!

Видя ее агонию, родители согласились. Ей понадобилось семь сеансов глубокого гипноза, чтобы забыть прошлую жизнь, и тогда она снова стала радостной и здоровой.

Естественная система работает так, что ты забываешь прошлое, но ничто не теряется; где-то все сокровища сохраняются. Именно поэтому это можно вспомнить. Ты только забываешь; это не выпадает из твоего существования. Это хранится либо в бессознательном... в основном, в бессознательном, потому что большинство людей не переживают ничего такого, что должно храниться в сверхсознательном. И любой человек, у которого есть сокровище в космическом сверхсознательном, уже готов к просветлению. Если человек поднялся так высоко, накопил такие воспоминания, это значит, что этот человек готов взорваться в предельном праздновании.

И то и другое возможно; тебе просто нужно посмотреть на качество воспоминания. Если оно экстаично, медитативно, радуйся ему: оно соединяет тебя с прошлыми жизнями медитации, в которых ты остановилась из-за смерти. Оттуда ты можешь расти. Внезапно ты нашла сокровище, которое тебя поддерживает. Но если это только что-то из бессознательного, просто стань сознательной, и оно исчезнет.

Любимый Ошо,

Я вижу, что люди постоянно говорят, что хотят истины - ничего, кроме истины, - и свободы; они хотят жить в свободе. Когда же до этого фактически доходит дело, никто не хочет слышать истины или жить в свободе. Все хотят продолжать жить во лжи и владеть тем, что, по их мнению, им принадлежит.

Я вижу это в себе, и по мере того, как я с тобой иду по пути, этого становится меньше и меньше. Почему нам хочется держаться за уродливую ложь жизни до такой степени, что мы жертвуем своей истинностью и природой?

Нужно понять несколько вещей.

Во-первых, ложь очень комфортабельна - особенно если ты не знаешь истины. Кто-то тебе говорит: «Я тебя люблю». Может быть, он лжет, сам не зная, что лжет, потому что он говорил то же самое многим людям. Он мало, что имеет в виду, но для тебя - это трогает твое сердце.

Если теперь узнать истину, она может потревожить. Может быть, он лжет; может быть, он бессознательный привычный лжец. Может быть, истина в том, что он никогда не любил. Кажется, в такой ситуации находится мир: люди никогда не любили, только верили, что любят; иначе они не были бы такими несчастными. Любовь устранила бы все несчастье.

Во-вторых, ложь легка. Тебе не приходится искать, исследовать и отправляться в долгое паломничество. Ты можешь ее изобрести. Ты не можешь изобрести истину, ты можешь ее только открыть. А люди обычно пытаются срезать угол. Зачем идти трудным путем? Ложь кажется способом срезать угол - нельзя найти пути, более короткого. Ты можешь в любой момент выдумать любую ложь.

Но чтобы открыть истину, тебе придется рискнуть жизнью. Тебе придется пойти против всей окружающей тебя структуры лжи. Тебе придется стать одиноким путешественником, не уверенным даже в том, есть ли вообще что-нибудь подобное истине. Для этого требуется огромная храбрость. Для лжи не нужна никакой храбрости; на нее способен любой трус. Все трусы

занимаются ею: фабрикуют, производят красивую ложь, украшают ее, преподносят друг другу. На мгновение кажется, что она приносит счастье, но ложь, в конце концов, это только ложь. Вскоре ты обнаружишь, что это мертвая игрушка. Ты был обманут, вот откуда несчастье.

Но люди не видят основной причины. Они думают: «Меня обманул этот мужчина, меня обманула эта женщина». Дело не в этом мужчине или не в этой женщине, все общество живет таким образом, что ложь стала образом жизни. Чем лучше ты можешь лгать, тем более логичной покажется твоя ложь, и тем более тебя будут уважать.

Ложь приносит уважение, награды, Нобелевские премии.

Истина приносит смерть, распятие.

Так зачем заботиться об истине?

Иисус был бы принят с распростертыми объятиями, если бы был раввином, уважаемым человеком с большим количеством последователей. Не было бы никакой необходимости распинать его. Но поскольку он начал говорить вещи, противоречащие лжи, увековечиваемой веками, он сам напросился на распятие.

Во лжи что-то есть. Именно поэтому люди сознательно продолжают лгать.

Я много раз рассказывал историю.

Один человек сказал императору:

- Ты завоевал весь мир. Это уникально. Ты первый, и Бог так счастлив, что я могу убедить его принести тебе свои одежды. Они будут просто несравнимы ни с чем, что когда-либо только существовало и когда-либо будет существовать.

Одежды Бога? Император не мог поверить. Но он подумал:

- Какой от этого вред?

Он сказал:

- Помни, если ты обманешь меня, то заплатишь за это своей смертью.

Этот человек сказал:

- Это я знаю; об этом тебе не стоит беспокоиться. Но много денег потребуется, чтобы попасть в рай и заплатить взятки всей райской бюрократии, потому что до Бога не так просто добраться.

Король сказал:

- Сколько это будет стоить, неважно, но тебе придется оставаться рядом с этим дворцом, в другом дворце, окруженном армией. Ты не сможешь выйти. Делай что хочешь, но изнутри. Ты будешь всем обеспечен, и все, что ты только не попросишь, будет немедленно тебе дано. Принеси эти одежды.

И через семь дней, как и обещал, этот человек вышел с прекрасной шкатулкой. Собралась вся столица; пришли люди из отдаленных мест. Столица никогда не видела таких толп. Одежды Бога? Кто не захочет их увидеть?

Двор короля был полон. Впервые собрались все; пришла королева, пришли принцессы. Этот человек сказал королю и придворным:

- Я принес эти одежды. И заплаченные за эти одежды два или три миллиона рупий - ничто. Когда вы увидите одежды, вы поймете, что они стоят в тысячи раз больше. Фактически, стоимости их не собрать на всей Земле; это нечто, принадлежащее раю. На Земле таких не найти.

Король был в нетерпении. Он сказал:

- Открой шкатулку!

Этот человек сказал:

- Мне объяснили, как это сделать. Дай мне свою шапку. Сначала я положу в шкатулку шапку, затем выну шапку Бога и надену тебе на голову. Только одно условие должны помнить все: эту шапку увидят только те, кто действительно родился от своего отца. Те, кто родился не от своего отца, не увидят ее.

- Нет никаких проблем, - сказал король. - В нашем дворе каждый родился от своего отца. Не беспокойся, открывай шкатулку.

Он дал ему свою шапку. Этот человек опустил ее в шкатулку и вынул оттуда свою руку - пустую. Никто не мог ничего увидеть; не видел ничего и король. Но теперь все оказались в затруднении: если они скажут правду, то потеряют респектабельность. Король подумал, что мудрее будет принять шапку и сказать:

- Какая она красивая!

Каждый при дворе перевозносил шапку, говоря, что они никогда не видели ничего подобного. И поскольку все говорили, что она уникальна, каждый думал: «Может быть, я единственный...

Говорить правду не имеет смысла - что я ее вообще не вижу! Это опозорит меня; это опозорит моего отца, это опозорит мою мать. Жить будет невозможно, такой это будет позор. Поэтому лучше промолчать. Если ее видит столько людей, наверное, она реальна».

И вот, одна за другой, появлялись новые одежды, и в конце концов, король дошел до нижнего белья. Человек сказал:

- Отдай мне нижнее белье.

И король подумал:

- Это уже слишком! От шапки и до сих пор все было в порядке, но теперь я должен отдать белье... И я прекрасно знаю, что это обманщик. Но он действительно коварен: Я не могу даже сказать: «Я не вижу никакого белья».

Теперь было слишком поздно; до сих пор - плащ, рубашку - он хвалил. Он попался в ловушку собственной лжи. Каждый видел, что король будет голым. И ему пришлось раздеться - неохотно, но другого выхода не было - иначе он опозорил бы всю королевскую семью тем, что он родился... потому что весь двор видит одежду! И ему пришлось принять несуществующее белье.

Этот человек был поразителен! Он сказал:

- Миллионы людей собрались в этой столице. Сам Бог сказал мне: «Когда мои одежды будут доставлены, и король наденет их, он должен проехать по столице в колеснице, чтобы их увидел каждый».

И придворные реагировали с большим энтузиазмом: великолепно было показать, что получил император - подарок Бога!

И каждый видел, что император голый! Этот человек был совершенный мошенник. Он одурачил весь двор, одурачил короля, а теперь дурачит всю столицу, миллионы людей.

Перед колесницей глашатай короля громко кричал:

- Эти одежды может увидеть лишь тот, кто родился от своего отца; иначе вы их не увидите. Они не человеческие; они божественные.

Голый король едет в золотой колеснице, и миллионы аплодируют и кричат от радости:

- Какие прекрасные одежды!

И каждый думает:

- Боже мой, король же абсолютно голый - но миллионы людей видят одежды и противоречить им и говорить, что король голый, абсолютно абсурдно; это значит просто быть осужденным. Может быть, люди тебя убьют, насмерть закидают камнями: «Какой позор!»

Только маленький ребенок, пришедший с отцом и стоящий у него на плечах, прошептал отцу на ухо:

- Папа, но король же совершенно голый!

- Заткнись! - сказал отец. - Когда ты вырастешь, ты тоже увидишь, что он не голый. Ты не видишь - как не видит никто другой - что он голый.

- Но при чем тут то, что я вырасту, к тому, что он голый? - сказал ребенок. - Он ведь действительно голый!

- Молчи, - сказал этот человек, - или я отведу тебя домой и никогда больше с собой не возьму.

- Я могу замолчать, но не вижу никакой одежды, - сказал ребенок.

Этому человеку пришлось бежать, потому что другие могли услышать, что мальчик не видит никакой одежды, и это значило бы, что это не его мальчик, не его сын, что жена обманывает его, что у нее роман с кем-то другим.

Мальчик снова и снова спрашивал:

- Почему ты меня уводишь?

- Для таких вещей человек должен сначала вырасти. Ты слишком маленький; ты не понимаешь.

- Но, - говорил ребенок, - при чем тут понимание? Своими глазами я все вижу, и ты никогда не подозревал, что я вижу неправильно. Король действительно голый!

И отец отвечал:

- Он не голый, его одежда божественна. Но чтобы ее увидеть, нужна зрелость.

У истины свой собственный мир. Он состоит из очень немногих храбрых людей, которые могут выстоять против масс. Это трудно. Это значит рискнуть комфортом, рискнуть респектабельностью, рискнуть жизнью, рискнуть всем. Ты можешь посмотреть на меня... как я всем рискнул, как я все потерял. У меня нет дома, у меня нет собственной земли. Весь мир против меня - потому что я просто продолжал настаивать, что король голый, - а вас, может быть, миллионы, но вы лжецы.

И они не могут мне простить, потому что я разоблачаю их. Они тоже знают, что король голый, и боятся, что могут попасть под мое влияние и согласиться со мной. И это будет опасная жизнь - немедленно против тебя окажется весь мир.

В Испании парламент и в кабинете министров решили, что хотели бы видеть меня в своей стране. Но вот в чем вопрос: кто подпишет разрешение на мое постоянное проживание? И в кабинете министров никто не был готов его подписать. Они говорили:

- Мы совершенно согласны, что его нужно впустить, - мы ничего не имеем против него, что касается нас, - но я не хочу подставлять свою шею, потому что если что-то случится завтра, поймают человека, который поставил свою подпись.

В Греции сын греческого премьер-министра дал мне визу. Он министр кабинета. Хайса лично встретился с ним, поговорил с ним, и он очень интересовался мной. А только вчера он сказал в парламенте:

- Я никогда не встречался с секретарем Ошо. Да, ко мне приходил один медитатор, но я был обманут: мне никогда не говорили, что приезжает Ошо; мне просто сказали: «Приедет несколько наших друзей, и мы хотим, чтобы им дали визы. Я не давал визы Ошо и никогда не видел его секретаря».

Я сказал Хайсе дать опровержение.

- Скажи прессе, что он говорил с вами час, что он был очень заинтересован мной, что он говорил обо мне, что он хотел узнать обо мне больше, что он сказал, что никаких проблем нет, и что он дал визу мне, а не какому-то неизвестному другу.

Это мир, где никто не хочет отстаивать истину. Ложь удобна. Тебя вскармливают ложью; ложь течет в твоей крови; ты к ней подготовлен. К истине ты не подготовлен.

Мне было... Наверное, мне было семь лет, и мой отец хотел избежать какого-то человека, который был по-настоящему занудным. Как только он сел на стул, избавиться от него было трудно. Мой отец увидел, что он пришел. Он сказал мне:

- Я иду в дом. Сядь здесь и скажи этому человеку: «Моего отца нет дома; он ушел».

Я сказал этому человеку в точности как попросил отец: «Мой отец просил вас передать, что его здесь нет. Он ушел».

- Отец тебя просил? Когда же он ушел?

- Он никогда не уходил; он внутри. Он увидел, что вы пришли, но вы такой зануда, что никто не хочет с вами связываться.

Мой отец слушал изнутри. Этот человек очень рассердился, он ушел, и мой отец тоже очень рассердился. Я сказал:

- Странно. Вы оба рассердились, а я просто сказал правду. Ты же сам меня попросил.

- Да, я тебя попросил, но ты ничего не понимаешь. Ты сказал этому человеку, что тебя об этом попросил я! Это разрушает все правдоподобие того, что я ушел. А затем тебе пришлось признать, что я внутри, что я увидел, что он пришел.

- Но ты, несомненно, видел, что он пришел, и ты был внутри.

- Все это правда, - сказал он, - но этот мир не для людей, которые хотят жить согласно истине. И я всегда беспокоюсь о тебе; ты попадешь в беду. Почему ты не можешь быть таким, как все?

Быть таким, как все, значит быть частью всевозможной лжи, которую общество называет этикетом, манерами. Причина, по которой люди говорят об истине, но все же остаются в мире лжи, ясна. В их сердцах есть жажда истины. Им стыдно за себя, потому что они не истинны, поэтому они говорят об истине, но это пустые разговоры. Жить согласно ей слишком опасно; они не могут пойти на такой риск.

И то же самое со свободой. Каждый хочет свободы на словах, но никто не свободен на самом деле и никто не хочет быть на самом деле свободным, потому что свобода приносит ответственность. Она не приходит одна. Быть зависимым просто: никакой ответственности на тебе нет, ответственность лежит на человеке, от которого ты зависишь.

И люди создали шизофренический образ жизни. Они говорят об истине, они говорят о свободе, а сами живут во лжи, живут в рабстве - разных видах рабства, потому что каждое рабство освобождает тебя от очередной ответственности. Человек, который хочет быть в самом деле свободным, должен принять огромную ответственность. Он не может переложить ответственность ни на кого другого. Что бы он ни сделал, кем бы он ни был, он за это ответствен.

И с самого начала тебя не готовят к ответственности. Это стратегия общества. Люди только говорят о свободе; они хотят, чтобы у тебя была свобода, но тебя не готовят к ответственности.

Это настоящий трюк, потому что свобода приходит только с ответственностью. И они воспитали тебя так, что лучше жить жизнью, в которой ответствен кто-то другой, чтобы тебя не поймали; тогда у тебя никогда нет проблем. Ты просто следуешь приказу.

Ты никогда не выходишь из послушания, и это хорошее название для рабства. Ты следуешь приказу старших, и это другое название для рабства. Но это помогает тебе переложить на них всю ответственность. А они продолжают говорить о свободе.

Все это общество лицемерно - во всем и вся. Если ты хочешь быть настоящим, подлинным человеческим существом, тебе придется быть посторонним; ты не можешь быть участником. Тебе придется везде быть иностранцем. Тебе придется быть чужим. Никто не будет тебе доверять, никто не захочет с тобой дружить; ты будешь один в этом большом мире.

Если ты думаешь, что это несколько мрачная перспектива, реальность будет совершенно другой. Если ты живешь этим, это единственный путь света, это единственный способ жить. Что бы ни принесла с собой свобода, это хорошо. Но этот безмерно красивый и хороший опыт не может быть просто концепцией; ты должен прожить его и испробовать его вкус.

Один из друзей моего отца - он был очень хорошим аюрведическим врачом - хотел дать мне определенное древнее лекарство, сделанное из очень редкого корня. Это растение находят только в Гималаях, и даже там - в редких местах. Он называется брахмабодхи. Само название значит, что если ты пройдешь весь ритуал принятия этого лекарства... Это не просто таблетка, которую можно проглотить, это целый ритуал. Соком этого корня тебе на языке рисуют «Ом». Он такой горький, что от него тебя почти что рвет, и ты должен стоять голый в реке или озере, по шею в воде. Тогда пишется слово «Ом», и три санскритских ученых читают вокруг тебя мантры.

Он любил меня и был искренним. Он сказал, что если брахмабодхи применить к любому ребенку, прежде чем ему исполнится двенадцать лет, он осознает Бога в этой жизни. Брахма значит предельное, Бог. И он хотел провести со мной этот ритуал.

Я сказал:

- Меня удивляет, что у тебя три сына, и ты ни с одним из них не провел этого ритуала. Разве ты не хочешь, чтобы они осознали Бога? Я знаю, что у трех ученых, которые будут читать мантры вокруг меня, есть собственные дети. Никто не испытывал этого на них, почему же ты хочешь сделать это со мной?

- Потому что я люблю тебя, и потому что я почувствовал, что ты мог бы осознать Бога, - сказал он.

- Если ты это чувствуешь, тогда я его осознаю и без твоего брахмабодхи, - сказал я. - Если бы брахмабодхи помогало людям осознать Бога, ты дал бы его своим детям. Просто из любопытства я хочу пройти через этот ритуал, но я совсем не уверен, что он имеет какую-то ценность. Если Бога можно осознать таким простым методом, который применяют к тебе другие... Я ничего не должен делать - только стоять в воде, может быть, немного померзнуть, пока вы читаете свои мантры... немного горький вкус, может быть, меня стошнит, но это не очень большие вещи в сравнении с достижением Бога. И я хочу, чтобы это было ясно и понятно: я отношусь к этому скептически, но готов сделать это из любопытства. Я только хочу знать, сколько времени мне потребуется, чтобы осознать Бога?

- Писания об этом ничего не говорят, - сказал он.

- По крайней мере, в этой жизни?

- Да, в той же жизни.

И ритуал был организован, и я прошел через всю эту пытку. Почти час я стоял, дрожа, в воде. И если до этого я думал, что *ним*, одно из индийских деревьев, имеет самый горький вкус, то это брахмабодхи превзошло все. Не думаю, что что-то другое может заставить вас чувствовать себя настолько плохо. Они написали «Ом» у меня на языке; было почти невозможно сдерживаться, потому что весь мой желудок выворачивался наизнанку, и мне хотелось, чтобы меня вырвало, но я не хотел нарушить их ритуала. Это было его частью: тебя не должно стошнить; иначе весь ритуал пропадает, ничего не случится.

Через час я был освобожден от этого ритуала. Я спросил старого врача:

- Ты действительно веришь, что эта чепуха чему-то поможет, что она имеет какое-то отношение к опыту Бога? Тогда почему люди всю жизнь продолжают заниматься этими аскетическими практиками, самоистязаниями, всевозможными дисциплинами? - одного часа этой пытки достаточно!

- Это создает вопрос и в моем уме, - сказал он. - Я поклонялся Богу всю жизнь, и когда я писал «Ом» у тебя на языке, я подумал: «Боже мой! Может быть, он его осознает, а я поклонялся Богу всю жизнь - утром и вечером. Я устал от этого, но продолжаю, потому что не остановлюсь, пока не осознаю».

Я сказал ему:

- Это абсолютно абсурдно. В этом нет никакой логики, и я не вижу в этом ничего, кроме беспричинного мучения маленьких детей.

И я был не единственный, потому что когда они организовали этот ритуал, об этом узнали некоторые богатые люди и привели своих сыновей.

В реке стояло в ряду, по крайней мере, девять мальчиков, так как то, что делается для одного, можно сделать и для девятерых; времени уходит столько же. И я сказал:

- Я знаю этих мальчиков; большинство из них идиоты. Если они могут осознать Бога, тогда я не хочу этого делать, потому что не хочу быть в раю с этими мальчиками. Они такие идиоты, что даже если в школе они окажутся со мной в одном классе, я сменю класс, возьму другой предмет. Я никогда не был с этими людьми. В первый раз - благодаря усилию по осознанию Бога - я стоял рядом с ними.

Впоследствии некоторые из них бросили школу на середине, потому что не смогли сдать экзамен, и я спросил этого врача:

- Что же случилось? Эти люди, которые собираются осознать Бога, не могут сдать небольшой экзамен? Они являют совершенное доказательство того, что твой ритуал - упражнение в бесполезности.

Он сердился, но внимал здравому смыслу. Он говорил:

- В твоих словах что-то есть, но что я могу сделать? Сейчас один из этих мальчиков сидит в тюрьме; он кого-то убил. Трое, которые этого не сделали, имеют небольшой бизнес. Оставшиеся затерялись в большом мире.

Я продолжал снова и снова его спрашивать:

- Как насчет этих девятерых, которые готовы к осознанию Бога? Ты все еще думаешь, что они осознают Бога?

В конце концов, он сказал:

- Ты так настойчив, что я должен тебе сказать: я не верю в этот ритуал; это только написано в священных писаниях. И видя поражение всех этих людей... но никому этого не говори.

- Почему? - спросил я.

- Будь мудрым.

- Что ты называешь быть мудрым?

- Никому этого не говори, потому что каждый верит в писания. Зачем наживать врагов? Держи это при себе, - сказал он.

- Это не правда, это путь лжи.

И я сказал:

- Все эти писания постоянно говорят: «Будь правдивым». Так должен ли я следовать писаниям, или мне следовать массам?

- Ты создаешь для меня дилеммы, - сказал он. - Я старый, усталый человек и не хочу никаких проблем. Теперь это для меня настоящая дилемма. Я не могу сказать тебе, не быть правдивым, и я не могу сказать тебе, быть правдивым. Я не могу сказать тебе, не быть правдивым, потому что это против писаний. Я не могу сказать тебе, быть правдивым, потому что это подвергнет опасности твою жизнь. Я могу просто сказать: «Будь мудрым».

Я сказал:

- Я думал, что мудрость состоит в том, чтобы быть правдивым, но здесь, кажется, быть мудрым значит быть политиком; быть мудрым значит уметь обманывать, быть небрежным в отношении истины и просто думать о своем комфорте и респектабельности.

Если ты только думаешь интеллектуально, то ты найдешь, что действительно мудро оставаться с массами, с правильной политикой. Говори все то, что они хотят слышать, - но тогда ты мертв. Ты можешь быть живым, только если ты один и сам по себе - как бы это ни было рискованно, как бы это ни было опасно.

И это привилегия человека - и единственная привилегия человека - в одиночку выстоять против всего мира, если человек чувствует, что за ним истина. Если он чувствует, что этот путь ведет к свободе, он должен принять любую ответственность. Тогда вся эта ответственность не будет на

тебе бременем; она сделает тебя более зрелой, более центрированной, более укорененной, более красивой индивидуальностью.

Любимый Ошо,

Я попробовала трюк со сцепливанием пальцев рук. Ты просил дать тебе знать, если это сработает: это сработало!

Прекрасно!

Попробуй здесь, перед всеми.

Хорошо, Маниша... очень хорошо!

Глава 17

Существование не торопится

Любимый Ошо,

С тех пор как я здесь, с тобой и слушаю тебя так близко, я вижу, что мое тело и чувства, которые оно у меня вызывает, очень меняются. То, как я хожу, то, как я на себя смотрю, принимая душ, то, как я ощущаю тело, - все кажется настолько другим, что я могу только признать это с изумленным лицом. Следует ли тело за умом, подвергается ли мой ум влиянию сердца?

Человек - это не машина, но организм, и разницу очень существенно понять. В машине есть части, в организме - члены. Части можно разобрать; ничто не умирает. Ты можешь снова собрать части, и машина будет работать. Но в организме, если ты расчленишь его на части, что-то умрет. Ты можешь снова собрать их вместе, но организм больше не будет живым. Организм - это живое единство; все в нем связано со всем остальным.

Что бы с тобой ни происходило, в теле, в уме, в сердце или в осознанности, это изменит весь организм. Ты подвергнешься воздействию как целое. Члены органического единства - не части, сложенные вместе; есть нечто большее.

Машина это просто полная сумма ее частей. Организм - это нечто большее, чем полная сумма его частей - и это «большее» есть твоя душа, которая проникает во все в тебе. И любая перемена, где бы она ни случилась, зазвонит в колокола во всем твоём существе.

Именно поэтому есть разные системы. Например, йога - это одна из самых выдающихся систем для тех, кто работает над самореализацией. Но почти вся ее функция связана с телом, с позами тела. Это великое исследование - люди, которые ее создали, сделали почти невозможную работу. Они нашли, в каких позах твой ум принимает определенный подход, сердце принимает определенный ритм, осознанность становится более или менее острой. Они разработали все позы тела таким образом, что, просто работая над телом, не касаясь больше ничего, они изменяют все твоё существо.

Это долгая, трудная, сложная работа, потому что тело - это абсолютно бессознательная часть твоего существа. Тренировать ее, и в странных позах, которые неестественны, будет трудной работой. Ты удивишься, узнав, что, поскольку система йоги нашла, что жизнь слишком коротка для того, чтобы работать над всеми позами тела, чтобы изменить внутреннее существо, они были первыми в мире, кто задумался над продлением жизни, чтобы можно было выполнить задачу в этой жизни.

Вот в чем трудность с телом: ты можешь работать всю жизнь - шестьдесят лет, семьдесят лет - и прийти в определенное состояние, но это тело умрет. И тогда ты получишь новое тело, и тебе придется начать с самого начала; ты не можешь начать с того места, в котором остановился в прошлой жизни. Это было такой великой трудностью для системы йоги, что они стали искать, как продлить продолжительность жизни тела. Они нашли точные способы, которые теперь подтверждаются другими исследованиями науки.

Наука все еще не вовлечена в исследование того, что нашла йога, но, работая над другими вещами, психологи узнали, что чем меньше ты ешь, тем дольше живешь. Ты будешь худым и

будешь выглядеть не так красиво, но жизнь удлинится. Если ты ешь больше, ты можешь выглядеть лучше, но жизнь будет короче.

Даже сегодня есть люди, которые едят так мало, что нельзя себе представить, как они выживают, но они проживают дольше, чем кто-либо другой, - я знал одного человека, который умер в сто сорок один год. И весь метод был в том, чтобы принимать как можно меньше пищи. Причина не в том, что они хотят долго жить; причина в том, что они разработали систему, которая занимается телом, а тело - это самая бессознательная часть: она меняется не так легко. Требуется долгое время, но она действительно меняется.

Я нашел людей, которые делали почти чудеса просто позами тела, которые, казалось, не имели к этому никакого отношения, потому что сознание - это такая отдаленная вещь. Но, сидя в определенной позе, - ты будешь удивлен - ты можешь наблюдать, как ты меняешься. Каждый знает о позе лотоса, в которой вы видите Будду. Это самая знаменитая поза. Было обнаружено, что гравитация оказывает на тебя наименьший эффект, если ты сидишь в позе лотоса с абсолютно прямым позвоночником и расслабленным телом. А именно гравитация тебя убивает; чем более на тебя воздействует гравитация, тем более она тянет тебя к могиле.

Это стало абсолютно ясно, когда Альберт Эйнштейн объявил, что если мы сможем найти транспортные средства, движущиеся со скоростью света, люди, находящиеся в этих транспортных средствах, не будут стареть - совершенно. Если они покинут Землю и вернуться через пятьдесят лет, все их современники уже умрут. Может быть, останется в живых один или два - на смертном одре - но они вернуться точно в том же состоянии, что и уехали.

Его идея была в том, что если двигаться со скоростью света, старение прекращается. Но это только гипотеза, не было никакого доказывающего ее эксперимента. Трудно найти средство, движущееся со скоростью света, потому что при такой скорости все сгорает. Нет никакого металла, никакого материала, из которого можно было бы сделать такое средство, поэтому это кажется невозможным.

Но Эйнштейн не знал об объяснении йоги. Объяснение йоги состоит в том, что человек может вернуться на Землю в таком же возрасте, потому что находился вне поля гравитации, - именно поэтому он не может стареть. И это кажется более практичным, гораздо более научным - не просто гипотеза. Тысячи йогов жили дольше, чем кто-либо другой. Если просто сидеть в этой позе, гравитация имеет наименьший эффект.

А почему, если есть меньше или поститься, это продлевает жизнь? Система йоги нашла, что когда ты ешь, пища делает две вещи. Во-первых, дает тебе питание. Это мы знаем; именно поэтому мы едим. Во-вторых - и этого мы не знаем - пищеварение утомляет пищеварительную систему; она становится старше. Чем больше она должна переваривать, тем менее ты молод. Твоя жизнь зависит от пищеварительной системы.

Поэтому, если ты ешь меньше, питания будет меньше, ты будешь худым - ты не будешь Мухаммедом Али, не сможешь заниматься боксом - но ты можешь жить долго, потому что пищеварительная система останется молодой, свежей, почти чистой. Столько работы отброшено, что пищеварительная система может работать гораздо дольше. Пищеварительная система работает дольше, и гравитация воздействует на тебя меньше, и это легко может продлить твою жизнь до ста пятидесяти, ста шестидесяти лет. И причиной для долгой жизни была не жажда жизни, но то, что они выбрали очень медленный способ трансформации: тело.

Но через тело люди достигали просветления. Они не делали ничего, кроме того, что меняли позы тела. В определенной позе ум работает определенным образом. В одной позе он прекращает работать, в другой позе ты становишься очень бдительным; и ты знаешь это, но никогда не делал себе труда идти в это глубже.

Когда ты засыпаешь, почему ты лежишь? Это просто перемена позы. Сидя спать трудно, стоя еще труднее, а стоя на голове спать почти невозможно. Если ты встанешь на голову и попытаешься заснуть... Ты можешь все устроить, привязать к чему-нибудь ноги, принять меры, чтобы защитить себя и не упасть на землю, - но даже тогда ты не сможешь заснуть, потому что слишком много крови будет приливать к голове. Для сна необходимо, чтобы кровь не поступала в голову с большой скоростью, в больших количествах. Ее должно поступать меньше - поэтому все пользуются подушками: это поза йоги.

Йога ничего не упустила из виду - например, почему ты пользуешься подушкой? Без подушки спать трудно, потому что приток крови к ногам и голове остается одинаковым. Но на подушке голова автоматически получает меньше крови, и активность головы снижается. Интеллектуалам

нужно две подушки, чтобы большое количество крови было вообще отрезано; иначе они не смогут уснуть.

Ты можешь увидеть это и в обычной жизни: с каждым настроением, эмоцией, мыслью твое тело принимает определенную позу. Если ты просто наблюдателен, то увидишь, что есть связь, и эта связь такова, что ты не можешь ее изменить. Например, если такому человеку, как я, связать руки, он не сможет говорить. Я просто не могу говорить. Я просто буду в растерянности и не буду знать, что делать, потому что мои руки глубоко связаны со всем моим выражением.

И ты, наверное, знаешь, что каждая рука связана с одним из полушарий мозга, левая рука с правым, правая с левым. Это продолжения моего ума. Когда я говорю, я говорю посредством двух медиумов: словами и руками. Каждый жест руки помогает мне дать выражение определенной идее. Если мои руки связаны, сказать что-нибудь мне невозможно. Я пробовал и внезапно говорил, что говорить практически невозможно. Я хочу сказать что-то одно, а говорю что-то другое. Все дело в том, что нарушен ритм моих рук.

Я слышал о двух евреях, которые шли по пляжу очень холодным зимним утром, и один вел великий деловой разговор, предлагая вещи за полцены. Второй сказал:

- Что бы ты ни делал, я не могу ничего сказать.

- Почему ты не можешь ничего сказать? Я предлагаю тебе эти вещи, потому что хочу выйти из бизнеса. Я могу дать тебе даже большую скидку.

- Даже если ты отдашь их мне бесплатно, в данный момент так холодно, что я не могу вынуть руки из карманов, а не вынимая руки из карманов, я не могу ничего сказать.

С самым нижним уровнем - то есть телом - связано все. Йога работала над телом; это долгий тяжелый процесс, и может быть, у него нет будущего, если только наука не присоединится и не поможет ему. Тогда, может быть, в нем произойдет прорыв. Йога - это одна из древнейших наук, разработанных человеком. Ей, по крайней мере, пять тысяч лет. Если наука не поможет ей, окажется, что йога просит слишком многого. Современный человек не может себе позволить так много; нужно найти более короткие пути.

Если ты работаешь над умом... это более короткий путь, чем тело, и работа легче, потому что с умом ничего не нужно делать, только осознанность, только наблюдательность... никакого психоанализа. Это снова только напрасно растягивает процесс.

Йога, по крайней мере, приходит к концу. Психоанализ никогда не приходит к концу, потому что ум продолжает создавать мусор каждый день; он очень производителен. Ты продолжаешь разбираться в своих снах, а он продолжает создавать новые. Он так хитер, что может создать сон, в котором ты спишь и видишь сон, и в этом сне ты заснул и видишь сон. Он может быть очень сложным. Если анализировать этот мусор, это немного поможет, принесет некоторое облегчение, но это нескончаемый процесс.

Те, кто действительно работал над умом, работали с наблюдательностью, свидетельствованием; и по мере того, как ты свидетельствуешь ум, он постепенно начинает становиться более и более молчаливым, прекращает болтать тарабарщину, становится спокойным и тихим. И по мере того как ум становится более спокойным и тихим, тело претерпевает перемены, поразительные перемены, и именно это происходит с тобой. Ты увидишь, что тело ведет себя по-новому; оно никогда раньше так себя не вело. Оно ходит по-другому, изменились его жесты.

Ты прекрасно можешь определить, просто видя, как человек идет, гомосексуален он или гетеросексуален. Что общего имеет походка с сексуальной ориентацией? Но ум гомосексуалиста меняет его походку. Хотя он и не может ходить, как женщина, потому что у него нет матки - без матки он не может ходить, как женщина, - он не может ходить и как мужчина, потому что умственно он выпал из гетеросексуальности. Он ходит определенным образом, ни мужским, ни женским, - и ты видишь это. Он универсален. Где угодно гомосексуалисты ходят одним и тем же образом, и их можно узнать по походке.

Сейчас многие правительства запрещают гомосексуализм, делают его преступлением против закона, и гомосексуалисты думают о том, чтобы уйти в подполье. У них это не получится: их выдаст походка, их тут же поймают. Воры могут уйти в подполье, потому что нет никаких видимых признаков, по которым их можно поймать, но гомосексуалисты не могут изменить походку. Если они изменяют походку, изменится и их гомосексуальность; они взаимосвязаны.

Таким образом, когда твой ум становится тихим и спокойным, тело тоже начинает становиться тихим и спокойным - определенная тишина в теле, определенная оживленность, которой ты никогда не чувствовал раньше. Ты был в теле, но никогда не соприкасался с ним так глубоко,

потому что ум постоянно удерживал тебя занятым. Он был преградой, и твоя осознанность никогда не была связана с телом.

Теперь, когда ум молчалив, осознанность впервые становится бдительной в отношении тела. Поэтому у будды своеобразные жесты; у него другая походка, другой вид. Все другое, потому что ума нет. Теперь тело не следует уму; ум не становится на пути. Теперь оно следует осознанности, глубочайшему качеству существа.

Поэтому, если в теле происходят любые перемены, наблюдай их и радуйся. Будь более бдительным, и их будет больше. Будь более сознательным, и ты увидишь, что даже у тела появляется собственное сознание.

В присутствии мастера ты начинаешь чувствовать, что тебя окружает другая вибрация. Его тело излучает его осознанность. Он может говорить или не говорить, но его присутствие... Те, кто бдителен, немедленно чувствуют связь с телом мастера. Оно вибрирует по-другому.

Сейчас мы знаем, что можно записывать вибрации на граммофонную пластинку. Ничего не написано, только линии; определенные вибрации пойманы в этих линиях. Их нельзя прочитать, но можно прослушать. В кассетных магнитофонах эта технология была еще более усовершенствована: ты можешь уничтожать вибрации, можешь создавать новые.

В древней литературе тантры была очень странная идея, которую в современном мире вновь представило Теософское Движение. Это была идея акашических записей; *акаш* значит небо. Идея тантры была в том, что каждый, кто просветлен, создает вибрации, которые записываются самим небом, потому что эти вибрации - сокровище существования. И тантрические трактаты указывают, что есть методы, при помощи которых можно прослушать эти записи. Но произошло определенное бедствие. Люди разрушили...

Точно так же, как они против меня, они всегда были против всего, что странно, а тантра - это одна из самых странных вещей. И поскольку в основе ее лежала сублимация сексуальной энергии, весь ортодоксальный ум обернулся против нее. Они никогда не беспокоились о том, что в ней было множество идей, которые очень значительны. Фанатикам все равно. Они разрушили их храмы, разрушили их священные писания, разрушили и убили их мастеров.

Они помешали тантре далее исследовать свои различные измерения, и это измерение осталось неоконченным, но я чувствую, что в нем есть доля истины. Если существование хочет, чтобы каждое сознательное существо стало просветленным, то когда оно становится просветленным, его запись, его вибрации, его слова, его молчание должны стать частью сокровищницы.

Идея тантры состоит в том, что эту сокровищницу определенными методами можно открыть, и мы можем узнать точно, существовал ли Кришна, существовал ли Махавира, существовал ли Будда, был ли Иисус действительно просветленным. Эти записи откроют все. Но поскольку эти писания были уничтожены и сожжены, мы не знаем, какие методы они предлагали или какие методы испытывали.

Но мой собственный опыт состоит в том, что когда бы человек ни стал просветленным, определенные вибрации по-прежнему есть. Может быть, прошли тысячи лет, но эти вибрации все еще есть - в деревьях, в земле, в горах. Ты по-прежнему можешь ощущать некое странное присутствие. Человека, может быть, нет, певец, может быть, умер, но его запись по-прежнему есть, и ты можешь снова услышать его голос.

Поэтому наблюдай все, что бы ни происходило с твоим телом. По мере того как ты становишься более и более осознанным, ты почувствуешь себя более любящим к телу, более сострадательным к телу; ты почувствуешь, что возникает более близкая, интимная новая дружба. До сих пор ты просто использовал его. Ты никогда даже не говорил телу спасибо - а оно служило тебе, как только могло. Это хороший опыт. Позволь ему стать более интенсивным, помоги ему. А единственный способ ему помочь - стать более осознанным.

Любимый Ошо,

Из твоих бесед я понимаю, что происходит некоторый эволюционный процесс. Но я также слышал, что ты говоришь, что человечество совершенно не эволюционировало. Где же все те искатели, что умерли просветленными?

Как коллективность человек не эволюционировал. Той небольшой доле человечности, которая случилась с человеком, он обязан этим немногим искателям, которые умерли просветленными. Но

ты должен понять пропорцию. Она подобна ложке сахара, брошенной в океан, чтобы подсластить его; она ненамного изменит океан. Океан так безграничен. Ложка сахара очень хороша для чашки чая, но для океана она не подходит.

Просветленный человек - это чашка чая. Даже его группа - те, кто сонастроился с ним, - все же так мала, что не может произвести больших перемен в коллективной массе, в ее безграничной тьме, бессознательности.

За тысячи лет столько люди стали просветленными, что эту небольшую перемену ты можешь увидеть. Но заслуга этого не принадлежит человечеству - именно поэтому я говорю, что человечество не эволюционировало. Заслуга принадлежит этим немногим просветленным людям. Они просто растворяют свое сознание в этом океане - но не могут сделать его сладким. Это оказывает некоторый эффект, но настолько малый, что им можно пренебречь. Заслуга принадлежит тем немногим людям, которые жили и умерли, чтобы помочь человечеству. И то самое человечество, ради которого они жили, убивает их, распинает их. Оно не может по-другому, таково его темнота.

Некоторые небольшие перемены можно отследить, но они так малы, что почти не заслуживают упоминания. Например, Иисуса могли распять без всякого чувства вины. Фактически, эти люди почувствовали облегчение оттого, что с этим беспокойством покончено. Он становился более и более мучительным для их традиции, для их ортодоксального ума. Им было легко.

Меня они не могут распять так легко - это небольшая перемена. Они могут воспрепятствовать моему въезду в страну, могут помешать мне оставаться в стране, могут арестовать меня и депортировать из страны, они могут разрушить мои коммуны. Они могут, как только возможно, докучать моим людям, но все же не могут меня распять. Небольшая перемена случилась. Они испытывают стыд.

Им бы этого хотелось; все же глубоко внутри им бы этого хотелось. Это было бы проще. Вместо того чтобы обсуждать меня во всех парламентах мира, посылать сообщения от одного правительства к другому... Зачем так все усложнять? Но они чувствуют, что если я буду распят, они не смогут чувствовать себя легко и свободно и вздохнуть с облегчением; фактически, они могут почувствовать себя виноватыми.

Эти перемены в большом масштабе времени помогут человечеству, но заслуга в них принадлежит тем немногим людям, которые пожертвовали всем в своем служении человечеству. И это человечество отплатило им, распиная, отравляя и забрасывая их до смерти камнями.

Примечательно распятие Мансура. Оно было гораздо более варварским, чем распятие Иисуса, потому что ему постепенно отрубили все конечности. Ему отрубили ноги, потом руки, потом выкололи глаза. Его мучили, как никогда не мучили никакого человека, и все же он улыбался.

Кто-то из толпы спросил его:

- Мансур, почему ты улыбаешься?

- Я улыбаюсь, потому что эти люди убивают человека, который пытается дать им больше жизни, больше света. Эти люди странные - они убивают своего друга. А еще я улыбаюсь тому, что они не знают, что, разрушив мое тело, они не могут разрушить меня. Они убивают кого-то другого! Поэтому Мансур смеется.

И пока все это продолжалось - люди бросали камни, тухлые яйца, просто чтобы унижить Мансура - его собственный мастер, Джунаид, был среди толпы. И просто чтобы никто не заметил, что он отличается от толпы, он тоже что-то бросил - цветок.

Он знал Мансура: Мансур был его учеником, и он знал, что Мансур прав. Джунаид говорил ему:

- Ты прав, но не говори этого. Не объявляй: «Я - предельная истина. Нет никакого другого бога; каждый носит бога у себя внутри». Не говори этого! Я это знаю, но я сохранил молчание, потому что мой мастер сказал: «Держи рот на замке; иначе тебя просто убьют. Какой в этом смысл?»

Мансур сказал:

- Я пытался ничего не говорить, но что я могу сделать? Люди задают вопросы, и я забываю, и реальность выходит наружу.

И Джунаид был опечален. Когда он бросал эту прекрасную розу, это служило двум целям. Во-первых, массы подумали бы, что он тоже бросает камни или тухлые яйца. В такой толпе кто может разглядеть, кто что бросает? Во-вторых, Мансур сможет понять, что розу, ударившую его по лицу, не мог бросить никто, кроме его мастера. Поймет только он.

Но в это мгновение улыбка Мансура исчезла, и появились слезы. Снова кто-то спросил:

- Только что ты улыбался, а теперь плачешь. Что случилось?

- Что-то случилось, - сказал он. - Люди, которые бросали камни, тухлые яйца, помидоры, бананы и всевозможные вещи - это было ничего. Они ничего не понимают. Но кто-то бросил цветок. Я знаю, кто это сделал. Его цветок для меня больше чем угодно другого, потому что, хотя он знает истину, он недостаточно храбр, чтобы ее объявить. Эти слезы - о его не храбром, постыдном поведении.

И эти люди немного подняли уровень человеческого сознания - но вся заслуга в этом принадлежит им. Человек не может вести себя так сейчас, сегодня. Вы не можете сделать со мной то же самое, что сделали с Аль-Хилладж Мансуром всего тысячу лет назад. Даже те, кто против меня на людях, не против меня; они против меня, потому что против меня массы.

Теперь снова возникает тот же вопрос: они хотят, чтобы я остался здесь, но проблема в том, кто подпишет бумаги? Президент согласен, чтобы я остался здесь, но не хочет принять ответственность и подписать бумаги. Министр иностранных дел боится, министр внутренних дел боится. Он хочет... это абсолютно правильно, нет никаких проблем: я должен здесь остаться. Но как я могу остаться? Никто не готов принять ответственность. У каждого свои страхи. Если завтра что-то случится, поймут этого человека; тогда вся его политическая карьера будет кончена.

Соединенные Штаты оказывают министру иностранных дел поддержку в том, чтобы его избрали генеральным секретарем ООН. И вот он хочет, чтобы я здесь остался, но не может расписаться, потому что если он распишется, его карьера будет окончена. Тогда он не сможет стать генеральным секретарем ООН.

Эти люди изменились. По крайней мере, что касается их, они готовы принять меня здесь; просто они не хотят целиком принимать ответственность на себя. На это храбрости у них не хватает. Но это тоже шаг вперед. Может быть, кто-нибудь и наберется храбрости рискнуть своими амбициями или политикой. Это действительно рискованно, потому что как только кто-то подпишет эти бумаги, вся сила американского, испанского и немецкого правительства будет приведена в действие, чтобы сбросить этого человека. Этот человек не должен оставаться в министерстве, потому что он не послушался всех этих правительств и пошел против них.

И люди, которые сейчас поддакивают, в такой ситуации скажут:

- Мы тебя предупреждали. Ты не послушался.

Произошли некоторые сдвиги, но не очень большие. И заслуга этого не принадлежит самим массам. Они не совершили никакого прогресса, никакой эволюции. Это только подобное воздействие немногочисленных уникальных индивидуальностей, которые жили как пламя и оставили след в человеческом сознании. Но человеческое сознание так безгранично - океаническое поле, которому тысячи лет требуются на то, чтобы сдвинуться в каком-либо направлении.

Именно поэтому я пытаюсь не работать с большим количеством людей, но сконцентрироваться на небольшой группе с такой интенсивностью, чтобы все они стали просветленными в этой жизни. Может быть, группа из двухсот людей, ставших просветленными в одно и то же время, сможет дать великий толчок человеческой эволюции. Мы можем просто попытаться. И попытаться так радостно, так волнительно.

Я не думаю, что Аль-Хилладж Мансур испытывал гнев. Он мог понять, все эти люди делают именно то, что только и можно от них ожидать. Я не испытываю гнева на все то, что предпринимается против меня; ничего другого нельзя было и ожидать. Но именно так происходит эволюция: очень постепенно. Существование ни в чем не торопится. Доступна вечность.

Мы думаем в терминах времени; у существования нет временного предела. И мы немного тревожимся, почему эволюции не происходит, именно потому, что наша временная шкала очень мала. Видя вечность существования... наше время нельзя приравнять даже к секундам.

Поэтому беспокоиться не о чем. Перемены происходят, и может быть, предстоящие времена будут очень, очень опасны. Может быть, человеку придется измениться вопреки самому себе. Ядерная война несет великую надежду - не в том смысле, что она должна случиться, но в том, что она создает ситуацию, в которой человеку придется измениться. Иначе эта война случится. Может быть, этому большому человечеству необходима такая опасная ситуация, просто чтобы измениться; иначе оно не может измениться. Эта ситуация приближается, и нам повезло, что мы прибыли в это место в правильное время.

Любимый Ошо,

Последнее время, когда я вижу, как тыходишь, приветствуешь нас намасте и смотришь на каждого из нас так любяще и уважительно, я часто думаю, что, наверное, ты думаешь: «О Боже! Маниша все еще здесь! Когда же до нее дойдет?» И я чувствую, какая я густая и тугая, и как стыдно, что мне не удалось исчезнуть даже после всего того, чем ты наводнил меня. И каждый раз я чувствую, что мне хочется принести извинения.

Не стоит приносить мне извинения. Мне нужно, чтобы ты была здесь. Не исчезай слишком скоро; нужно сделать еще много работы! Мне это напоминает об одной истории. В ашраме Рамакришны был один очень простодушный человек. Его звали Калу. У него в комнате было много богов, и почти половину каждого дня он тратил впустую, поклоняясь им.

Вивекананда - который был интеллектуальным гигантом, не духовным человеком, - всегда преследовал бедного Калу:

- Ты глуп! Что ты делаешь? Зачем тратить полдня впустую? В этой комнате не остается места даже для тебя. Она полна богов!

Индуисты делают богов из чего угодно. Подойдет любой круглый камень; они красят его в красный цвет, и он становится богом. И тотчас же начинается поклонение! Это так просто. Индуистский бог - самый простой. Тебе не нужно ни искать красивую статую, ни подвергать себя большим расходам; достаточно красивого камня на берегу реки. Ты приносишь его и красишь в красный цвет, и он становится богом. У богов нет лиц, нет рук, поэтому не нужно никаких статуй. Дело только в твоей вере, и если ты веришь в этот камень, этот камень превращается в бога.

Ашрам Рамакришны был прямо на берегу Ганга. Камней было много... и не только Калу их собирал, другие тоже мучили его, принося ему камни. В конце концов ситуация так обострилась, что ему стало негде спать. Он стал спать на улице, потому что вся комната была полна богов - и о каждом боге нужно было отдельно заботиться; иначе они прогневаются.

Вивекананда подшучивал над Калу, выставяя его дураком. Тот не мог ответить.

Затем однажды, когда Вивекананда собирался в Америку, чтобы посетить всемирную религиозную конференцию, Рамакришна дал Вивекананде определенную технику для медитации. Рамакришна хотел, чтобы он был не просто интеллектуалом - это не то, что может в самом деле представлять его или Индию. Интеллектуал много знает, но все это из книг. И он сказал Вивекананде:

- Начни медитировать хотя бы немного. Даже этого будет достаточно, потому что на этой конференции не будет никого, кто вообще медитирует.

И в тот день Вивекананда начал медитировать. Через два или три часа медитации внезапно к нему пришла идея:

- Должно быть, сейчас как раз то время, когда Калу заканчивает свое поклонение.

И после медитации он почувствовал определенную силу.

- Во мне есть определенная сила. Если я что-то скажу - прямо отсюда - Калу придется этому последовать. И он приказал - молча, просто сидя в комнате:

- Калу, возьми всех своих богов и брось в Ганг. Попрощайся с ними, потому что их работа окончена.

Бедный Калу подумал, что если кто-то это ему говорит, наверное, это какая-то божественная сила; иначе кто бы это сказал? Никого не было. Он как раз заканчивал поклонение и стал собирать богов. Он сложил их всех в большой кусок материи и потащил из комнаты.

Рамакришна сидел снаружи под деревом. Он спросил:

- Калу, что ты делаешь?

- Мне пришло какое-то божественное вдохновение, что я должен утопить этих богов в Ганге.

- Остановись! Это никакое не божественное вдохновение, - сказал Рамакришна. - Просто пойд и приведи мне Вивекананду.

Вивекананду позвали, и Рамакришна сказал:

- Это неправильно. Я сказал тебе медитировать не для того, чтобы ты делал такие вещи.

Поэтому теперь тебе больше не стоит медитировать. Я отнимаю у тебя ключ и оставляю его у себя. Тебе придется делать другие вещи. И когда придет правильное время - в этой жизни или в следующей - ты снова получишь ключ.

Вивекананда так и не стал медитатором. Он умер, когда ему было тридцать три года, и ключ так и не был ему возвращен.

Поэтому, Маниша, не пытайся исчезнуть; иначе ключ будет отнят! И получить его снова будет трудно. Оставайся здесь. Нужно сделать многое.

И вы все подготовитесь к тому дню, когда понадобится исчезновение. И я первый тебе скажу:

- Маниша, а теперь исчезни!

Но до этого никогда больше не думай об этом. Ладно?

Глава 18

Разум - единственное сокровище

Любимый Ошо,

Воспитанный отцом, который был большим перфекционистом, снаружи очень терпимым, но внутри сверхкритичным в отношении всего и вся, сейчас я вижу, что моя обусловленность движет меня в перекрестных направлениях. Мне приходилось получать удары за суждения и предубежденность, и в то же время меня поощряли быть «различающим». Сейчас я чувствую, что нечто в моем разуме заблокировано, разделено, нерешительно и испугано. Даже в саньясе я постоянно получал удары за склонность к суждениям, тогда как чувствовал, что мои утверждения верны и реалистичны.

В чем разница между суждением, различием и истинной ясностью? И как ребенку - или сорокалетнему мужчине - различить разницу?

Не будешь ли ты так добр прокомментировать?

Ум не может быть лишенным суждений. Если ты принуждаешь его быть лишенным суждений, это заблокирует твой разум. Тогда ум не может работать совершенно.

Быть лишенным суждений - не что-то такое, что приходит из области ума. Только человек, вышедший за пределы ума, может быть лишенным суждений; до тех пор все, что кажется тебе верным, реалистичным утверждением, останется только видимостью.

Все, что решает и утверждает ум, загрязнено его обусловленностью, предрассудками - и именно это делает его судящим.

Например, ты видишь вора. То, что он ворует, это факт - нет никаких сомнений - и ты делаешь утверждение, что это вор. И конечно, воровать нехорошо, поэтому, когда ты называешь этого человека вором, твой ум говорит:

- Это верно. Твое утверждение истинно.

Но почему вор должен быть плохим? - и чем? Почему он был принужден воровать? Этот акт воровства - одиночное действие: на основании одиночного действия ты выносишь суждение обо всем человеке. Ты называешь его вором. Он делает и множество других вещей, не только ворует. Он может быть хорошим художником, он может быть хорошим плотником, он может быть хорошим певцом, хорошим танцором - у этого человека может быть тысяча и одно качество. Весь человек такой большой, а факт воровства - одиночное действие.

На основании одиночного действия ты не можешь вынести суждение обо всем человеке. Ты совершенно не знаешь этого человека. И ты даже не знаешь, в каких условиях случилось это действие. Может быть, в этих условиях ты тоже стал бы воровать. Может быть, в этих условиях воровство было не плохо... потому что каждое действие нужно оценивать относительно условий.

Я много раз рассказывал вам историю о том, как Лао-Цзы сделали верховным судьей Китая. Первым его делом было дело вора, который отнял половину сокровищ у самого богатого человека столицы. И он был пойман с поличным, факт его воровства не вызывал сомнений. К тому же он сознался, что действительно украл.

И все же Лао-Цзы вызвал человека, дом которого взломал вор, и сказал ему:

- Для меня вы оба преступники. Зачем, прежде всего, ты накопил столько богатств? Вся столица бедна и голодает. Ты сам не можешь употребить своих богатств и продолжаешь эксплуатировать этих людей и сосать из них кровь.

Этот человек был принужден воровать. Его мать умирает. Он не мог найти врача, который пришел бы к нему бесплатно; он не мог без денег достать лекарства. Он стучался во все двери, пытаясь найти работу, но не нашел. Что же ты ждешь от этого человека? Он готов работать, но работы нет. Он умолял врачей, но никто ничего не хотел слушать. Они говорили:

- Каждый день приходят тысячи людей. Что нам делать?

И где ему было взять эти дорогие лекарства? Это было последним средством.

Этот человек - не вор. Обстоятельства принудили его стать вором. Но ты - прирожденный вор. Твой отец эксплуатировал этих людей, отец твоего отца эксплуатировал этих людей; ты делаешь то же самое. Из-за тебя вся местность бедствует и умирает от голода.

Какой же мне выбрать приговор? Я отправлю вас обоих в тюрьму на шесть месяцев. Я несправедлив к вору, потому что он совершил очень небольшой проступок, тогда как ты прирожденный преступник и целыми днями и множеством способов крал у бедных. А он совершил лишь небольшой проступок.

Богач пришел к императору и сказал:

- Что за человека ты назначил верховным судьей в придворном высшем суде? Он сажает меня в тюрьму на шесть месяцев - вместе с вором! И он говорит, что несправедлив к вору, потому что он совершил только одно воровство, а мы делали его постоянно во многих поколениях; вся наша жизнь состоит из эксплуатации. Помни, если я отправлюсь в тюрьму, завтра наступит твоя очередь, потому что откуда ты собрал все эти деньги, всю эту империю? Согласно этому человеку, ты еще больший вор, чем я. Если хочешь спасти себя, выгони этого человека.

Лао-Цзы был тотчас же отстранен. Он сказал:

- Я же говорил, что не подойду для этой должности, потому что я не действую из ума. Действовать из ума значит быть судящим. Я действую из молчания. Я просто вижу реальность, как она есть - без всякого предрассудка, без всякого мнения, без всякого предварительного заключения.

Один из судов в Америке рассматривал дело против меня, и судья выбирал присяжных. Нужно было одиннадцать присяжных, и ему пришлось провести собеседование с шестидесятью людьми, выдающимися людьми этой области. Он просто спрашивал:

- Можете ли вы быть непредубежденными в отношении этого человека?

И они отвечали, что не могут; у каждого было обо мне мнение. Им было отказано. Не удалось найти одиннадцать присяжных, которые сказали бы под присягой, что не будут предубежденными. В конце концов, судье пришлось взять этот случай в собственные руки. Но где гарантия того, что сам судья не предубежден?

Против меня рассматривается дело в Индии, в Бенгале. Оно так абсурдно, что каждый, кто даже ничего не знает о законе, отменил бы его с первого взгляда. В тот день, когда я вернулся в Индию, на первой пресс-конференции я сказал несколько вещей. И из внутреннего города далекого Бенгала ко мне пришла повестка, что против меня возбуждено дело, потому что я сделал заявления, оскорбившие религиозные чувства какого-то человека.

И в своем заявлении он говорит, что оскорбившее его мое высказывание на пресс-конференции было напечатано в бенгальской газете. Дата, колонка, страница - приводилось все. И судья немедленно написал повестку. В Дели мы просмотрели эту бенгальскую газету, потому что я никогда не говорил того, что оскорбило его чувства. Пресс-конференция произошла прямо по приезду, и речи быть не могло о том, чтобы я сказал что-то такое, что могло издали оскорбить чувства этого бенгальца.

Никакого высказывания не было: мы раздобыли эту бенгальскую газету - и в бенгальской газете не было никакого высказывания! Был репортаж о моем разговоре с прессой, но высказывания, о котором он говорит, не было. Так нужно ли знание закона, чтобы закрыть это дело? Он основывает иск на газетном репортаже, в котором нет того, о чем он говорит!

Это дело должно бы быть закрыто без всяких трудностей:

- Ты сумасшедший! Где это высказывание?

Но, кажется, сам судья участвует в этой игре, потому что у него такой же ум, что и у других. Что касается ума... вы не смогли создать состояние не-ума в ваших судьях. Они либо индуисты, либо мусульмане, либо социалисты, либо коммунисты - как им быть беспристрастными?

Мы подали апелляцию в высший суд Калькутты, и я был действительно удивлен... Это дело так абсурдно. Если этого утверждения нет в газете, о котором он говорит... это просто ложь. Фактически, этого человека следовало бы немедленно арестовать по обвинению в клевете.

Один из моих саньясинов, Татхагата, прибыл в этот суд - он адвокат, адвокат верховного суда - чтобы представлять дело в верховном суде. Он показал газету, сказал:

- Нет совершенно никакого высказывания. Вот репортажи других газет. Ни в какой другой газете тоже ничего нет. А вот бенгальская газета, которую цитирует этот джентльмен. Этих строчек вообще нет. Поэтому просто закройте дело.

Но даже верховный суд сказал:

- Нельзя так просто закрыть дело, если речь идет об оскорблении чьих-то религиозных чувств. Нам придется провести процесс.

Они знали, что проиграют процесс, но даже в верховном суде судьям хотелось мне досаждать, по крайней мере, несколько слушаний. И они не разрешили, чтобы меня представлял адвокат... потому что я там был нужен. Что я мог сказать? - я ничего не говорил. Просто чтобы мне насолить... У этих людей есть мнения; и они защищают свои мнения. Ум не может по-другому.

Когда родители учат детей не судить - а дети прекрасно понимают, что сами родители постоянно судят - с одной стороны, они теряют уважение детей, с другой стороны, дети становятся лицемерами. Родители полны суждений, но они начинают говорить:

- Это не суждение; мы просто констатируем факт.

И они говорят это не только другим; они говорят это и самим себе. Они себя убеждают, что это просто факт. Но проблема в том, что каждый факт может быть просто твоим мнением. Во мнении кого-то другого это может не быть фактом, это может быть вымыслом. Например, Бог - это факт для умов миллионов людей, а я говорю, что это вымысел - величайший вымысел, величайшая ложь.

Ты можешь думать, что нечто хорошо, но ты получил представление о хорошем от других - оно заимствованно. Поэтому ты просто отражаешь ум общества, говоря, что что-то хорошо, что-то плохо, что-то красиво, что-то уродливо. И ты абсолютно уверен, что это факт.

Но я тебе скажу, что эти факты исчезают, если ты просто посмотришь более глубоко, с немного большей осознанностью. Например, ты можешь думать, что какая-то женщина красива; и не только ты, может быть, целый комитет судей выбрал ее Мисс Америка или Мисс Германия, но в каждой стране свое представление о красоте. Поскольку ты живешь в определенной области, где каждый убежден так же, как и ты, ты никогда не подозреваешь, что могут быть другие люди, которые не сочтут ее красивой.

На Востоке ни одну женщину из тех, что выбраны самыми красивыми на Западе, не сочли бы самыми красивыми. Запад подходит к этому очень механически: пропорции тела в дюймах, вес - то, что другие индивидуальности не считают красивым. В каждой секции несколько оценок - красота лица, пропорции тела, вес тела... Но, прежде чем влюбиться в женщину, принимал ли кто-нибудь меры, чтобы ее взвесить или определить, действительно ли она красива?

Я видел фотографии этих женщин и не мог поверить своим глазам, потому что на Востоке такой небольшой вес не будет признан красивым. У Востока другая концепция женщины. Вы можете посмотреть статуи Кхаджурахо. Они дадут вам представление о том, что считает красивым Восток. Женщина должна иметь немного жира, потому что основная функция ее в том, чтобы быть матерью. На Западе она садится на диету, чтобы попасть на конкурс, и вся плоть исчезает с ее тела, и она превращается в скелет.

На Востоке женщина с некоторой склонностью к полноте приемлема, потому что жир - это твой резервуар, еда, а основная функция женщины в том, чтобы быть матерью. А скелетоподобная женщина, каким бы ни было пропорциональным ее тело, не может стать матерью. У нее недостаточно жира, потому что девять месяцев ей будет трудно есть; ей придется жить на собственном жире. Если в ней нет жира, стать матерью для нее невозможно. И ей нужна грудь, чтобы кормить ребенка. Это часть ее красоты в восточной концепции.

Поэтому Восток и Запад никогда не согласятся, что одна и та же женщина - самая красивая. И если ты примешь во внимание другие страны и континенты, такие как Китай, в поле зрения попадут другие вещи. Или в Японии, снова что-то другое - изящество женщины... Женщина, которая шагает почти голая перед тысячами людей, не изящна. Она почти продает свое тело. Все эти конкурсы порнографичны. Эти люди на них пришли, чтобы увидеть разных голых женщин; их не интересует конкурс.

Но в Индии или Японии не может быть такого конкурса. Понадобится совершенно другая точка зрения. Основой будет изящество женщины, что в западной концепции красоты не рассматривается.

Когда люди Запада впервые достигли Китая, они написали в письмах:

- Это не человеческие существа: они не выглядят как человеческие существа, это очень странный тип. Наверное, это какие-то животные, похожие на людей, - потому что они никогда не думали, что возможна борода из шести волос! И такие выдающиеся скулы неприемлемы для человека.

Но китайцы тоже написали о посетивших их людях Запада, и эти записи сохранились. «Они выглядят как обезьяны. Может быть, Чарльз Дарвин был прав, но только об этих западных людях, в том, что они эволюционировали из обезьян. У них такое неуравновешенное поведение; их индивидуальность совершенно лишена изящества».

Те и другие выносят суждения. Те и другие судят; ни те, ни другие не открыты. Ни те, ни другие не смотрят друг на друга без какого-либо мнения, накопленного в детстве, из жизни в определенном обществе с определенного рода людьми.

В Индии есть секция индуистского общества, называемая Марвари. Они живут в Раджастане, но в Раджастане только их дома; их бизнес распространяется по всей Индии. Иногда они приезжают домой; но обычно они работают всюду. Они очень хитрые бизнесмены.

Я близко знал одну семью Марвари. Их дочь выходила замуж, и семья, собиравшаяся принять ее в качестве невестки, наводила о ней справки в городе: что они за люди? И кто-то сказал, что они должны спросить меня, потому что я был очень близок с этими людьми. И они спросили меня. Я был озадачен, потому что мне задали только один вопрос:

- Сколько раз они банкротились?

- Это странный вопрос! - сказал я.

- Ничего странного, - сказали они. - В нашем сообществе таким образом мы считаем богатство человека. Мы банкротимся не потому, что потеряли бизнес или понесли убытки; мы банкротимся, когда достигаем вершины. Каждое банкротство означает миллион рупий. И это самый простой способ подсчитать, сколько в семье денег. Если они банкротились трижды, это хорошо. Если они никогда не банкротились, эта свадьба не может состояться, потому что, если они не банкротились, у них недостаточно денег, чтобы собрать дочери приданое. Мы не можем спрашивать прямо - это считается безобразным - поэтому мы должны навести справки косвенно.

У них очень своеобразный образ мыслей. Я не думаю, что кто-либо другой в мире подумает, что человек, обанкротившийся семь раз, очень богат. И когда они разоряются в одном месте, это место больше не годится в употребление. Они так эксплуатировали людей, а потом разорились! Они притворяются, что у них совсем нет денег.

И они перемещаются с места на место. Их настоящая родина в Раджастане; все их временные места жительства - это места, где они зарабатывают и разоряются. Они переезжают из одного города в другой, подальше от первого, где никто не знает, что они разорились. И они снова начинают бизнес; снова они накапливают много денег и снова разоряются.

И все те деньги, которые накапливаются, оказываются в Раджастане, на их родине. Эти другие места нужны только для эксплуатации. Они продолжают двигаться. Каждый Марвари переезжает раз в пять или семь лет, потому что за эти семь лет он завоевывает доверие людей, накапливает деньги, делает все, что может, и затем объявляет о банкротстве.

Никто другой не скажет, что обанкротиться хорошо, но если ты Марвари, будь банкротом как можно чаще! Тогда твой престиж и респектабельность повышаются. В любом другом месте, если ты разоряешься, твой престиж падает.

В Индии есть племя, в котором, когда дочь выдают за кого-то замуж, - это первобытное племя - спрашивают, сколько преступлений совершил этот мальчик, потому что это считается признаком зрелости. Он побывал в тюрьме, многое узнал о жизни - в любом случае их дочь не будет голодать. Они отдают свою дочь мошеннику!

Когда я узнал об этих людях... Даже убийство ценится, потому что это значит, что они отдают свою дочь человеку, который способен на все, включая убийство. Их дочь будет в безопасности под его защитой, и не будет никаких проблем, потому что он вор, он был в тюрьме - он все знает... как обманывать людей, эксплуатировать, дурачить. Кажется, это его квалификация - но только в этом племени. Вне этого племени все это подвергнется осуждению. Кто выдаст дочь замуж за человека, который совершил убийство, который часто сидел в тюрьме и совершал всевозможные преступления? Это будет дисквалификацией.

Если ты посмотришь на мир, то увидишь различные обусловленности людей, их представления о хорошем и плохом, правильном и неправильном, и впервые ты сможешь увидеть, что твой ум тоже является частью определенной секции человечества. Он не представляет ничего от истины;

он просто представляет эту определенную секцию человечества. И все, что бы ты ни видел из этого ума, будет суждением.

Даже ваши судьи, которые должны быть беспристрастными, не беспристрастны - и не могут быть беспристрастными. Прежде чем человек станет судьей, обязательным условием должно быть то, что он прошел через глубокую медитацию. Он должен отречься от своей религии, он должен отречься от любого рода политической идеологии, он должен отречься от прошлого. Пока он не докажет свою пустоту, пока не докажет, что пришел чистым и ясным, его нельзя назначать судьей. Лишь тогда можно ожидать, что его выводы будут фактическими - потому что он не составляет заранее никаких мнений. Обычно судьи судят прежде, чем слушают. Они уже давно все решили.

И то же самое верно в отношении каждого. И если таковы судьи, которые должны быть абсолютно несудящими и дать равные возможности обеим сторонам во всех аспектах дела, не привнося своего мнения... но это мнение уже привнесено!

Поэтому я могу понять твою проблему, но этот блок можно удалить. Твои родители научили тебя быть несудящим, и ты пытаешься быть несудящим. Но это у тебя не получится, потому что ум может быть только судящим. Поэтому ты изменишь только название - ты скажешь: «Я констатирую факт. Это констатация факта». Но это не может быть констатацией факта.

В уме ничто не бывает твоим собственным, фактическим восприятием. Только в глубокой медитации, когда ты отсоединяешься от ума и можешь отложить ум в сторону, ты можешь констатировать факт, констатировать истину.

И то, что пытались сделать твои родители... Они пытались сделать правильную вещь, но неправильными средствами. И именно это сделали с ними их родители: «Не будьте судящими». Но что еще может делать ум? Ум не может по-другому. Никто не учил тебя быть не-умом, а только из состояния не-ума может прийти нечто, являющееся просто фактом, без вмешательства твоих предрассудков.

Во времена моей высшей школы меня почти каждый день отправляли в кабинет директора, чтобы наказать за тот или другой поступок. В то время я не думал - и сейчас не думаю - что делал что-то неправильное, но директор, учитель - у них были свои мнения.

Например, что может быть плохого в том, что я приехал в школу на лошади? Я не вижу в этом ничего плохого, хотя в этой части страны никто не приезжает в школу на лошади. Езда на лошади создает хаос. Все студенты собирались и говорили:

- Ты нашел что-то новое!

И человек, на лошади которого я приехал, тоже явился, в погоне за мной! У меня не было своей лошади. В этом городе лошадей не было, кроме тех, которые возили повозки, называемые *танго*. Были лошади для танг, и когда поезда на вокзале не было, все лошади ждали у своих домов и ели траву. Мне подходила любая: я просто сел на лошадь и приехал на ней в школу.

Моей проблемой было: «Что в этом плохого?» А их проблемой было, что я без необходимости нарушаю порядок. Все занятия прекратились, все студенты выбежали посмотреть, что я сегодня устроил! Учителя стояли и кричали:

- Не выходите!

Но никто не слушал. А этот человек кричал:

- Лошадь моя! И это странно, потому что сейчас как раз время, когда прибывает поезд, и мне нужно поехать и найти пассажиров... а этот мальчик внезапно вскочил на мою лошадь и приехал сюда!

Так мой директор ознакомился...

Я сказал этому человеку, которому принадлежала лошадь:

- Сколько ты обычно получаешь от пассажиров? Я отдам тебе эти деньги - забудь об этом поезде. Зачем напрасно поднимать шум? Ты зарабатываешь немного: если ты получаешь одну рупию, отвозя четырех пассажиров в город, это больше, чем ты можешь ожидать. Так возьми одну рупию и хорошо проведи время, потому что тебе не придется напрасно терять время на вокзале. И я тебе сказал, что раз я еду на твоей лошади, я дам тебе одну рупию. Не волнуйся, но позволь мне сначала доехать до места.

Я дал этому человеку рупию, и он был очень доволен. Он сказал:

- Если так будет и дальше, ты можешь брать мою лошадь, когда захочешь.

Я сказал директору и учителю:

- Вы же видите: этот человек доволен, лошадь довольна. Никто не потревожен. Если студенты выбежали, это касается вас и ваших студентов. Но в кодексе школы нигде не сказано, что

запрещается приезжать в школу на лошади. Я читал кодекс школы много раз и отметил все места, все пробелы, которые могу использовать.

И они сказали:

- Мы никогда не думали, что кто-то будет использовать кодекс школы против школы. Это правда, нет ни одного правила, которое бы это запрещало.

- Почему же тогда столько гнева на меня?

Каждый день что-то происходило. Директор обычно говорил мне:

- Протяни руки. - И он бил меня по рукам тростью. Он даже перестал спрашивать, что я сделал.

И я сказал ему:

- Так лучше: ни о чем меня не спрашивайте, потому что если даже после всех вопросов вы меня все равно наказываете, какой в этом смысл? Меня сюда приводят, вы меня наказываете, и я ухожу.

Однажды это случилось - очень редкая вещь - что учитель нашел, что капитан класса курит в классе, и это было очень большим преступлением. Он сказал мне:

- Этот капитан каждый день приводил тебя к директору; теперь приведи его ты.

Я сказал:

- Ладно - хотя я и не согласен. Вспомните кодекс школы: ни один пункт не говорит, что студент не имеет права курить в классе. Я отведу его к директору, но объясню ему это. А вы должны помнить, что когда вы сами курили в классе, мы об этом не сказали только потому, что это не запрещено кодексом.

И я отвел капитана. Учитель бежал за мной полдороги и говорил:

- Не упоминай меня, потому что меня назначили недавно и временно; меня могут выгнать.

- Ладно, - сказал я, - я ничего не скажу, но перестаньте курить в классе.

- Обещаю, - сказал он.

Я привел капитана, но директор так привык бить меня, что даже не спросил, кто кого привел. Он просто сказал:

- Протяни руки.

И я протянул руки, и он стал их бить.

- Продолжайте, но вы в этом расклетесь, - сказал я.

- Почему я должен раскаиваться? - спросил он.

- Сегодня все по-другому. Я привел этого мальчика; сегодня преступник не я. Теперь давайте мне трость и ваши руки; иначе вас ждут большие проблемы. Сначала протяните руки, и я ударю вас ровно три раза, как и вы меня.

- Но!.. - сказал он.

- Никаких «но»! - сказал я. - Вы меня ни о чем не спросили. Вы ни о чем меня не спрашивали много дней. Я молчал, но это уже слишком.

Ему пришлось протянуть руки, и я ударил его по рукам три раза и сказал:

- Запомните это.

- Я запомню на всю жизнь, - сказал он, - потому что я директор... а меня бьет ученик. Как мне это забыть! Но пожалуйста, никому этого не рассказывай.

- Я никому не скажу, но я ничего не могу сказать от имени этого мальчика. Он что-то скажет; ему придется что-то сказать.

Директор спросил:

- Что значит придется?

- Я его заставлю. Я сам ничего не скажу.

- Как ты можешь его заставить?

Сначала я его спасу. Он курил в классе; поэтому его сюда прислали. Но нет никакой причины... вы написали кодекс школы: где написано, что студент не имеет права курить в классе? Снаружи или внутри, курение не запрещено. Это нигде не упоминается, потому что никто никогда не думал, что студент станет курить в классе.

- Да, это правда. Нам придется внести исправления.

- Сначала внесите исправления, тогда посмотрим; но прямо сейчас вы не имеете права его наказывать. И поскольку я его спасаю, ему придется распространить новость.

- Кажется, ты очень странный. Ты что, пришел учиться в эту школу просто, чтобы создавать проблемы?

- Я не создаю никаких проблем. Это простая сделка. Я спас его и побил вас. Теперь его долг в том, чтобы распространить эту новость по всей школе. Я буду нем, как рыба.

И даже без моего приказанья этот мальчик это сделал, потому что был очень рад, что я привел его, чтобы его наказали, а вместо этого защитил его.

В тот день я спросил директора:

- Вы курите, и почти каждый учитель в школе курит, кроме одного или двух; почему тогда такое отношение к курению? Если курение плохо, почему бы вам не начать наказывать учителей? - потому что ученики повторяют за учителями.

Родители курят, а детям курить не разрешают; они просто создают лицемеров. Дети курят и прячутся. Это очень неуклюжее общество. Никто точно не знает, что пытается сделать или как это сделать. Они говорят: «Не будь судящим» - но как избежать того, чтобы быть судящим, когда с другой стороны вы всем говорите: «Это хорошо, это плохо, это правильно, это неправильно»?

Все учение вашей морали полно суждений, и само это учение содержит в себе часть: «Не будь судящим». Вы создаете замешательство, и для ребенка единственный путь выжить в этом замешательстве - это стать лицемером. Он будет судить и говорить, что не судит. И он будет верить, что это суждение является действительным фактом. Но реальность такова, что в ней нет действительных фактов: даже у науки есть только относительные факты, никаких действительных фактов. Завтра они могут измениться; их могут изменить дальнейшие исследования.

Всего сто лет назад наука была очень упряма в том, что все, что она говорит, является действительным описанием реальности. Ситуация подошла к точке, в которой нельзя написать о современной науке большую книгу, потому что к тому времени, как книга будет окончена, все написанное в ней устареет. Поэтому сегодня есть только небольшие периодические издания и газеты, которые немедленно печатают, распространяют и читают на конференциях, потому что нельзя быть уверенным в завтрашнем дне. Завтра кто-то другой найдет новые факты, и вся твоя работа развалится.

Все относительно.

Ум не может найти предельного.

Ум не может найти действительного факта, потому что именно им является истина. Он может найти только приблизительные вымыслы, которые так или иначе в данный момент помогают понять реальность и работать с нею.

Поэтому не делай из этого проблемы и не пытайся ее решить на уровне ума. Ум обречен быть судящим. Поэтому не пытайся сделать невозможное. Что можно сделать, так это выскользнуть из ума. Мало-помалу выйди за пределы ума и начни смотреть из свидетельствующего молчания. Может быть, тогда ты увидишь истину.

Есть суфийская история Джунаида. Один из учеников сказал ему:

- Я тебе абсолютно доверяю.

Джунаид сказал:

- Не говори таких вещей, потому что ты все еще в уме, а абсолютное доверие - это не качество ума. Ты пришел сюда ко мне, чтобы достичь состояния, в котором ты можешь абсолютно доверять, но прямо сейчас не говори этого.

Но ученик был упрям. Он сказал:

- Я тебе доверяю. И это доверие нельзя ни поколебать, ни отнять. Я могу отдать жизнь, но не отброшу своего доверия.

- В это я могу поверить, - сказал Джунаид. - Ты можешь отдать жизнь, но что касается доверия, это мы увидим позже.

Через несколько дней этот ученик увидел, что Джунаид сидит с какой-то женщиной на другом берегу озера. Для него это был большой шок, потому что суфийским мистикам не полагается иметь дело с женщинами. И мало того: эта женщина наливала вино в чашу Джунаида. Джунаид взял чашу и выпил вино. А суфии против любых алкогольных напитков!

Это было уже слишком. Этот ученик пришел на другой берег озера и сказал Джунаиду:

- Ты убил мое доверие.

Джунаид сказал:

- Я же говорил тебе раньше, что доверие ума не имеет большой ценности.

Ученик сказал:

- Не пытайся по-прежнему быть мастером. Ты обманывать людей! Ты пьешь вино, ты сидишь с женщиной.

Конечно, на женщине по мусульманскому обычаю было черное покрывало.

Джунаид сказал:

- Попробуй это вино. Это не более чем вода, только подкрашенная, чтобы она выглядела как вино.

Ученик попробовал. Он был озадачен. Он спросил:

- Но почему ты это сделал?

И Джунаид сказал:

- Подними покрывало этой женщины - это моя мать. Он поднял покрывало; это была мать Джунаида. Он упал к ногам Джунаида и сказал:

- Прости меня.

- Не стоит просить прощения, - сказал Джунаид. - Я просто хотел прояснить для тебя, чтобы ты, находясь в уме, не говорил вещей, которые уму не под силу: «абсолютная истина», «абсолютное доверие». Сейчас рядом со мной сидит женщина - если бы ты доверял, то не обратил бы на это никакого внимания. Это не твое дело. Ты не мой мастер. Становясь моим учеником, ты не ставил условия, что я не должен сидеть рядом с женщиной. Ты не ставил условия, что будешь моим учеником, если я не буду пить вино. Почему это должно тебя тревожить?

Бедный ученик просто повторял свою социальную обусловленность. Но одно теперь было ясно: говорить вещи, на которые ум не способен, неправильно.

Таким образом, тебе не стоит беспокоиться о том, что сказал тебе твой отец. Все это в прошлом, только пыль на зеркале. Очисти зеркало и приди в состояние, в котором царит молчание. Тогда все, что ты видишь или говоришь, будет констатацией факта, потому что у тебя не будет никакого мнения. Но носить с собой эти мнения и пытаться быть несудящим значит напрасно бороться с самим собой. И эта борьба блокирует твой разум.

Любая борьба разбивает тебя надвое. Любая борьба внутри тебя опасна для твоего разума. Если ты ни с чем не борешься у себя внутри, если все тихо и спокойно, твой разум разворачивается во всем своем аромате, остроте, красоте. А разум - это наше единственное сокровище. Именно посредством разума мы можем открыть все о тайнах жизни.

Но не создавай конфликта. И не испытывай гнева к своему отцу. То, что сделал он, должно быть, сделали с ним. Родители просто продолжают передавать болезни из поколения в поколение; это бессознательный процесс.

Ты можешь выпрыгнуть из всего этого порочного круга путем простой бдительности: всего того, чему они тебя научили, они не знали сами. Они желали добра, но создали в тебе замешательство.

Любимый Ошо,

Пытаясь сформулировать свой вопрос, я вспоминаю пословицу: «Когда есть любовь, все кажется красивым. А когда любви нет, все кажется уродливым». Не возникают ли все мои вопросы и очевидные проблемы в результате того, что я не сонастроен со своим сердцем?

Вторая часть твоего вопроса правильна. Все вопросы, и не только твои, но и вопросы каждого, возникают потому, что вы не сонастроены с сердцем. Ум - это механизм, производящий вопросы. Он не может найти ответа, но может произвести миллион вопросов.

Ответом является сердце.

Вопросов могут быть миллионы, но ответ один. И если ты сонастроен со своим сердцем, твои вопросы исчезнут. Это вторая часть твоего вопроса.

Но первая часть - совершенно другая. Ты говоришь: «Когда есть любовь, все кажется красивым, а когда любви нет, все кажется уродливым». Это галлюцинация.

Любовь создает своего рода галлюцинацию. Ты счастлив и радостен, ты затуманен радостью и проецируешь на каждого ту же радость, ту же красоту, что испытываешь сам, - но это проекция, не реальность. И когда любовь исчезает из твоего сердца, скисает или становится ненавистью, те же люди начинают выглядеть уродливыми. Это тоже проекция. Ни первое, ни второе не имеет ничего общего с реальностью людей или вещей вокруг тебя.

Если ты действительно хочешь знать истину о людях, тебе придется выйти за пределы всех двойственностей. Любовь и ненависть, день и ночь, жизнь и смерть - все возможные двойственности должны быть отброшены. А это возможно, только если ты становишься свидетелем. Тогда ты - зеркало. Тогда ты просто отражаешь, ничего не утверждая.

Красив ли стоящий перед ним человек, зеркало не говорит; оно просто отражает его. Если этот человек уродлив, зеркало ничего не говорит; оно просто отражает уродливого человека. Свидетельствующее сознание просто отражает. Оно не утверждает, но понимает. Какой смысл кому-то говорить: «Ты Уродлив»? Какой смысл кому-то говорить: «Ты красив»? - потому что, что бы ты ни говорил людям, твое мнение только потревожит их жизнь.

Свидетельствующее сознание - это очень молчаливый наблюдатель. Он знает, но не говорит. Нет необходимости. А это А, Б это Б. Какой смысл это говорить? Зачем создавать беспокойство в умах людей?

Любовь - это не состояние пробуждения. Это своего рода наркотик, гормональный наркотик.

Я слышал об одном главном судье верховного суда в Америке. Когда он ушел из верховного суда на пенсию, у него было только одно желание. Шестьдесят лет назад, когда они с его женой поженились, они провели медовый месяц в Париже. Его звали Парри, и у него было только одно желание: прежде чем он умрет, они снова должны побывать в Париже.

И после выхода на пенсию первым делом он отвез свою старую жену в Париж. Они остановились в той же гостинице, в той же комнате. Они посетили те же места - но чего-то не хватало. В конце концов, Парри сказал своей жене:

- Париж так изменился - нет больше ни того сока, что был раньше, ни той красоты, ни даже такой же красочности. Все кажется таким унылым, плоским. Я думал, что за шестьдесят лет Париж стал еще интереснее. Я приехал сюда не за этим разочарованием.

Его жена сказала:

- Если ты мне позволишь, я хочу сказать, что Париж остался прежним Парижем; изменился Парри. Это мы теперь состарились, это мы потеряли сок. То был наш медовый месяц; теперь не медовый месяц. Мы наполовину в могилах! То, что мы видели шестьдесят лет назад, была неправда: это была проекция пары молодоженов, влюбленных друг в друга. И сейчас это тоже неправда: это иллюзия пожилой пары, у которой в будущем ничего нет, кроме смерти и темноты. Это тоже проекция.

Жена, несомненно, права.

Так и тебе может казаться, что твоя любовь придает вещам красоту, а ненависть - уродство, но и то и другое - проекции. Не полагайся на проекции. Если хочешь знать реальность, просто будь свидетелем. И свидетель никогда не молод, никогда не стар; он вне времени. Поэтому для него нет вопроса о молодости, старости, медовом месяце или могиле. Они не становятся у него на пути.

Что бы ни увидел свидетель, это так и есть.

Он - только зеркало.

Глава 19

Блаженство одиночества

Любимый Ошо,

Кажется, одна из великих тягот, с которыми сталкивается человеческое существо, - оставаться в одиночестве, стоять в одиночестве перед лицом мнений мира, стоять в одиночестве перед лицом лжи мира, быть способным оставаться в одиночестве физически, и, в конце концов, быть в одиночестве даже без нашего ума - последнего прибежища в стремлении к компании.

Мы действительно знаем, что мы одиноки, мы знаем, что в смерти вошьемся в одиночество, мы знаем, что каждый контакт снаружи нас преходящ - только ты отражаешь свет звезд, молчание бесконечности, молчание вечности - и все же под сердцем боль, узел, страх... страшно быть маленьким мальчиком без друзей, страшно потерпеть поражение или быть отвергнутым, и больно притворяться, что мне все равно.

Каждая слеза, когда-либо пролитая мною, исходит из этой боли: чувство потери и страха изоляции или отделенности. Как нам разорвать черноту, окружающую этот страх одиночества, и позволить блаженство одиночества, которое ты излучаешь с каждым своим дыханием?

С темным чувством, что тебе одиноко, нельзя бороться непосредственно. Это нечто существенное, что должен понять каждый; есть некоторые фундаментальные вещи, которые

нельзя изменить. Вот одна из таких фундаментальных вещей: нельзя бороться с темнотой, с одиночеством, со страхом изоляции непосредственно. Причина в том, что всех этих вещей не существует; это просто отсутствие чего-то, точно как темнота - это отсутствие света.

Что ты делаешь, если не хочешь, чтобы комната была темной? Ты ничего не делаешь непосредственно с темнотой - или делаешь? Ты не можешь ее вытолкнуть. Невозможно принять никаких мер, чтобы темнота исчезла. Ты должен что-то сделать со светом. Это меняет всю ситуацию; и именно это я называю одной из основ, фундаментальных основ. Ты даже не касаешься темноты; ты даже не думаешь о ней. Нет смысла; ее не существует, это просто отсутствие.

Итак, внеси свет, и ты не найдешь никакой темноты, потому что она была отсутствием света, просто отсутствием света - не чем-то материальным, с собственным существом, не чем-то существующим. Но просто, поскольку света не было, ты получил ложное ощущение существования темноты.

Ты можешь продолжать сражаться с этой темнотой всю жизнь и не добьешься успеха, но самой маленькой свечи достаточно, чтобы рассеять ее. Тебе придется работать над светом, потому что он позитивен, экзистенциален; он существует сам по себе. И как только появляется свет, все, что было его отсутствием, автоматически исчезает.

Ощущение, что тебе одиноко (Loneliness), подобно темноте. Ты не знаешь своего одиночества (Aloneliness). Ты не пережил своего одиночества и его красоты, его безмерной силы, его мощи. «Ощущение, что тебе одиноко», и «одиночество» в словарях являются синонимами, но существование не следует вашим словарям. И никто до сих пор не попытался создать экзистенциальный словарь, который не противоречил бы существованию.

Ощущение, что тебе одиноко, это отсутствие. Поскольку ты не знаешь одиночества, тебе страшно. Ты чувствуешь себя одиноким, и тебе хочется уцепиться за что-то, кого-то, какие-то отношения, просто чтобы поддерживать иллюзию, что тебе не одиноко. Но ты знаешь, что это так - отсюда боль. С одной стороны, ты цепляешься за что-то, чего нет на самом деле, и что является временной мерой - отношения, дружба.

И пока ты находишься в отношениях, ты можешь создать небольшую иллюзию, чтобы забыть, что тебе одиноко. Но вот в чем проблема: хотя ты и можешь на мгновение забыть, что тебе одиноко, в следующее мгновение внезапно ты осознаешь, что в отношениях или в дружбе нет ничего постоянного. Вчера ты не знал этого мужчину или эту женщину, вы были незнакомцами. Сегодня вы друзья - кто знает о завтра? Завтра вы можете снова стать незнакомцами - отсюда эта боль.

Иллюзия дает определенное утешение, но не может создать реальность, чтобы весь страх исчез. Она подавляет страх, и на поверхности ты чувствуешь себя хорошо - по крайней мере, пытаешься чувствовать себя хорошо. Ты притворяешься перед самим собой, что тебе хорошо: как замечательны эти отношения, как замечателен этот мужчина или эта женщина. Но позади этой иллюзии - иллюзия так тонка, что ты можешь смотреть сквозь нее, - боль в сердце, потому что сердце прекрасно знает, что завтра все может не быть, как прежде... и все не будет, как прежде.

Весь твой жизненный опыт говорит в пользу того, что вещи постоянно меняются. Ничто не остается стабильным; в меняющемся мире ты ни за что не можешь уцепиться. Ты хотел сделать дружбу чем-то постоянным, но твоё желание противоречит закону перемен, и этот закон не станет делать исключений. Он просто продолжает делать все по-своему. Он будет продолжать менять - все.

Может быть, через долгое время ты однажды поймешь, что хорошо, что он тебя не послушался, что существование не побеспокоилось о тебе и просто продолжало делать что хотело... не согласовываясь с твоими желаниями.

Может быть, чтобы понять, тебе потребуется некоторое время. Ты хочешь, чтобы этот друг всегда оставался твоим другом, но завтра он превращается во врага. Или просто - «Убирайся!», и он больше не с тобой. Этот промежуток заполняет кто-то другой, гораздо более развитое существо. Тогда внезапно ты осознаешь, что было хорошо, что ты лишился другого друга; иначе с ним ты до сих пор оставался бы застрявшим. Но все же этот урок никогда не проникает достаточно глубоко, чтобы ты перестал просить постоянства.

Ты начнешь просить постоянства с этим мужчиной, с этой женщиной: вот это не должно измениться. Ты на самом деле не вынес урока, что перемены - это просто ткань жизни. Ты должен

это понять и двигаться с этим. Не создавай иллюзий; это не поможет. Каждый создает различные иллюзии.

Я знал одного человека, который сказал:

- Я доверяю только деньгам. Я не доверяю больше никому. Я сказал:

- Ты делаешь очень значительное заявление.

- Все меняется, - сказал он. - Ни на кого нельзя полагаться. И когда ты становишься старше, с тобой остаются только деньги. Никому до тебя нет дела - даже сыну, даже жене. Если у тебя есть деньги, им не все равно, все они тебя уважают, потому что у тебя есть деньги. Если у тебя денег нет, ты становишься нищим.

Его утверждение, что единственная достойная доверия вещь в мире - это деньги, исходит из долгого жизненного опыта человека, которого вновь и вновь обманывали люди, которым он доверял, - он думал, что его любили, но они были рядом с ним из-за денег.

- Но, - сказал я ему, - в мгновение смерти и денег с тобой не будет. Ты можешь тешиться иллюзией, что с тобой останутся, по крайней мере, деньги, но как только остановится дыхание, денег с тобой больше не будет. Ты что-то заработал, но все это останется с этой стороны; ты не сможешь взять их с собой за пределы смерти. Ты почувствуешь, что тебе глубоко одиноко, и это ты скрывал за фасадом денег.

Есть люди, которые гонятся за властью, но причина та же: когда они у власти, с ними столько людей, миллионы людей находятся в их подчинении. Им не одиноко. Они - великие политики и религиозные деятели. Но власть меняется. Сегодня она у тебя есть, завтра ее нет, и внезапно вся иллюзия исчезает. Тебе одиноко как никому другому, потому что другие привычны к тому, что им одиноко. Ты к этому не привык... ощущение, что тебе одиноко, ранит тебя сильнее.

Общество попыталось принять меры к тому, чтобы ты мог забыть, что тебе одиноко. Браки по договоренности - это просто попытка сделать так, чтобы ты знал, что с тобой твоя жена. Все религии противятся разводу по той простой причине, что если позволить развод, это разрушит основной мотив, ради которого был изобретен брак. Основной мотив был в том, чтобы дать тебе компаньона, компаньона на всю жизнь.

Но даже если жена или муж будет с тобой всю жизнь, это не значит, что любовь останется прежней. Фактически, вместо того чтобы дать тебе компаньона, на тебя накладывают бремя. Тебе было одиноко, ты был уже в беде, а теперь ты должен тащить и другого человека, которому тоже одиноко. В этой жизни нет надежды, потому что, как только исчезает любовь, обоим становится одиноко, и оба должны терпеть друг друга. Теперь нет речи о том, чтобы они очаровывали друг друга; самое большее, они могут терпеливо выносить друг друга. Социальная стратегия брака никак не изменила чувства, что тебе одиноко.

Религии попытались сделать тебя членом организованного тела религии, чтобы ты всегда оставался в толпе. Ты знаешь, что католиков шесть миллионов; тебе не одиноко, с тобой шесть миллионов католиков. Иисус Христос твой спаситель. С тобой Бог. Одиноким, ты можешь ошибаться, - могут возникнуть сомнения, - но шесть миллионов человек не могут ошибаться. Небольшая поддержка... но даже ее нет, потому что миллионы не католики. Есть люди, которые распяли Иисуса. Есть люди, которые не верят в Бога, - и их количество не меньше, чем количество католиков; их больше, чем католиков. И есть другие религии с другими концепциями.

Разумному человеку трудно не сомневаться. Может быть, миллионы людей следуют определенной системе верования, но все же ты не можешь быть уверен, что они с тобой, что тебе не одиноко.

Бог был средством, но все средства оказались несостоятельными. Он был средством... когда ничего больше нет, по крайней мере, с тобой Бог. Он с тобой всегда и везде. В темной ночи души он с тобой - не беспокойся.

Для инфантильного человечества было хорошо обманываться этой концепцией, но ты не можешь обманываться этой концепцией. Этот Бог, который всегда и везде... - ты его не видишь, ты не можешь с ним поговорить, не можешь его коснуться. У тебя нет никакого доказательства его существования - кроме твоего собственного желания, чтобы он был. Но твое желание ничего не доказывает.

Бог - это только желание инфантильного ума. Человек достиг совершеннолетия, и Бог стал бессмысленным. Эта гипотеза сдала позиции.

Я хочу сказать, что все эти усилия, направленные на избегание чувства, что тебе одиноко, оказались несостоятельными и будут несостоятельными, потому что они идут против

фундаментальных основ жизни. Нужно не то, в чем ты можешь забыть, что тебе одиноко. Что нужно, это осознать свое одиночество, которое реально. И так красиво его пережить, прочувствовать, потому что это твоя свобода от толпы, от другого. Это твоя свобода от ощущения, что тебе одиноко.

Само слово «одиноко» немедленно напоминает, что это нечто, подобное ране: нужно что-то, чтобы ее заполнить. Есть пустой промежуток, и это больно: его чем-то необходимо заполнить. Само слово «одиночество» не имеет такого смысла раны, промежутка, который нужно заполнить. Одиночество просто означает завершенность. Ты целый; не нужно никого, чтобы завершить тебя.

Попытайся найти свой глубочайший центр, где ты всегда один, всегда был один. В жизни, в смерти - где бы ты ни был, ты будешь один. Но он так полон - он не пуст, он так полон и так завершен, и так переполнен всеми соками жизни, всеми красотами и благословениями существования, что как только ты испытываешь вкус одиночества, вся боль в сердце исчезает. Вместо нее появится новый ритм безмерной сладости, мира радости, блаженства.

Это не значит, что человек, центрированный в своем одиночестве, законченный сам по себе, не способен к дружбе - фактически, к дружбе способен только он, потому что для него это больше не потребность, это просто щедрость. У него есть так много; он может поделиться.

Дружба может быть двух типов. Один - это дружба, в которой ты нищий - тебе что-то нужно от другого, чтобы перестать чувствовать, что тебе одиноко, - и другой тоже нищий; ему нужно то же самое от тебя. И, естественно, двое нищих не могут помочь друг другу. Вскоре они увидят, что прошение милостыни у нищего только преумножает нужду. Вместо одного нищего теперь двое. А если, к несчастью, у них есть дети, тогда - целая компания нищих, и каждый клянчит, и никому из них нечем поделиться. И каждый чувствует гнев и разочарование, и каждый чувствует, что его обманули, одурачили. А фактически никто никого не дурачит и не обманывает, потому что, что у вас есть?

Другого рода дружба, другого рода любовь обладает совершенно иным качеством. Она исходит не из потребности; она исходит из того, что у тебя есть столько, что ты хочешь поделиться. Нового рода радость приходит в твое существо - радость делиться, которой ты никогда не знал раньше. Ты всегда просил милостыню.

Когда ты делишься, нет речи о том, чтобы цепляться. Ты течешь с существованием, течешь с переменами жизни, потому что неважно, с кем ты делишься. Завтра это может быть тот же самый человек - один и тот же человек всю жизнь - или другие люди. Это не контракт, не брак; просто тебе хочется отдавать от своей наполненности. Кто бы ни оказался рядом с тобой, ты это отдаешь. Отдавать - так радостно.

Просить милостыню - так больно. Даже если, попрошайничая, ты что-то и получаешь, то все равно остаешься несчастным. Это больно. Это ранит твою гордость, это ранит твою целостность. Но, делясь, ты становишься более центрированным, более интегрированным, более гордым, но не более эгоистичным - более гордым тем, что существование к тебе сострадательно. Это не эго; это совершенно другое явление... признание того, что существование позволило тебе добиться того, к чему пытаются прийти миллионы людей - но через неправильные двери. Ты оказался у правильной двери.

Ты горд своим блаженством и всем тем, что дало тебе существование. Страх исчезает, темнота исчезает, боль исчезает, стремление к другому исчезает.

Ты можешь кого-то любить, но если этот человек любит другого, в тебе не будет никакой ревности, потому что ты любил из такой наполненности радостью. Это не было цеплянием. Ты не держал другого человека в тюрьме. Тебя не беспокоило то, что другой может выскользнуть у тебя из рук, начать роман с кем-то другим...

Делясь радостью, ты не создаешь ни для кого тюрьмы. Ты просто отдаешь. Ты даже не ожидаешь благодарности или признательности, потому что отдаешь не затем, чтобы что-то получить, хотя бы и благодарность. Ты отдаешь, потому что ты так наполнен, что вынужден отдавать.

Если кто-то и благодарен, то это ты благодарен человеку, принявшему твою любовь, принявшему твой дар. Он освободил тебя от бремени, позволил тебе излиться на него. И чем более ты делишься, чем больше отдаешь, тем больше у тебя есть. И это не делает тебя нищим, не создает нового страха: «Я могу это потерять». Фактически, чем больше ты теряешь, тем больше свежей воды течет из источников, которых ты не осознавал раньше.

Я не скажу тебе ничего делать с ощущением, что тебе одиноко.

Ищи свое одиночество.

Забудь, что тебе одиноко, забудь темноту, забудь боль. Все это отсутствия одиночества. Опыт одиночества рассеет их тотчас же. И метод прежний: просто наблюдай свой ум и осознавай. Стань более и более сознательным, чтобы, в конце концов, ты осознавал только себя. В этой точке ты осознаешь одиночество.

Ты удивишься: разные религии дали разные названия предельному состоянию реализации. Три религии, рожденные за пределами Индии; не имеют для этого никакого названия, потому что они никогда не заходили далеко в поисках самого себя. Они остались детскими, незрелыми, цепляющимися за Бога, цепляющимися за молитву, цепляющимися за спасителя. Ты можешь увидеть, что я имею в виду: они всегда зависимы - кто-то другой должен их спасти. Они незрелы. Иудаизм, христианство, ислам - они совершенно незрелы, потому что... и может быть, именно в этом причина того, что они повлияли на подавляющее большинство людей мира - потому что большинство людей мира и есть незрелые люди. Между ними есть определенная гармония.

Но три религии Индии дали названия предельному состоянию. И я это вспомнил из-за слова «одиночество». Джайнизм выбрал слово кайвалья, одиночество, предельное состояние существа. Точно так же как буддизм выбрал слово нирвана, «не-я», а индуизм - слово мокша, свобода, джайнизм выбрал «абсолютное одиночество». Все эти три слова красивы. Это три разных аспекта одной и той же реальности. Можешь назвать это освобождением, свободой; можешь назвать это одиночеством; можешь назвать это ничем, отсутствием я - просто разные указания на предельный опыт, для которого никакое название недостаточно емко.

Но всегда смотрите, является ли то, с чем вы сталкиваетесь как с проблемой, негативной или позитивной вещью. Если это негативная вещь, не боритесь с ней; совершенно не беспокойтесь о ней. Просто поищите ее позитивную сторону, и вы окажетесь у правильных дверей.

Большинство людей в мире упускает, потому что они начинают бороться непосредственно у двери негативного. Двери нет; есть только темнота, есть только отсутствие. И чем более они борются, тем более терпят поражение и тем более чувствуют подавленность и пессимизм... и, в конце концов, находят, что в жизни нет смысла, что это просто мучение. Их ошибка в том, что они вошли в неправильную дверь.

Поэтому прежде чем иметь дело с проблемой, просто посмотри на проблему: не отсутствие ли это чего-то? А все ваши проблемы - это отсутствие чего-то. Как только ты найдешь, что именно своим отсутствием создашь проблему, добейся позитивного. И в то мгновение, когда ты нашел позитивное, свет - с темнотой покончено.

Любимый Ошо,

Если мы всегда были и есть вне бутылки, как же нашим умам удалось получить контроль и одурачить нас тем, что мы внутри?

Ум способен на многие вещи, которые кажутся почти невозможными. Например, ты и есть снаружи - ты никогда не был в бутылке - но можешь спроецировать на бутылку свои идеи. Ты можешь найти в бутылке что-то такое, что создаст в тебе привязанность - прекрасный бриллиант... В бутылке есть многое, на что ты можешь пойматься. Ты снаружи бутылки, но ум обладает способностью проходить сквозь стены, потому что это только мысль.

Каждый день ты слушаешь радио, но не спрашиваешь, как эти мысли входят в твой дом с расстояния в тысячи миль. Они преодолевают горы, океаны, облака и попадают - проходя через все твои закрытые окна и двери - вовнутрь твоей комнаты. Нужен только определенный механизм, чтобы их поймать и заставить проявить себя. Радио - это не что иное, как инструмент, который делает их достаточно громкими, чтобы их можно было услышать; хотя даже сейчас они проходят мимо, а ты их не слышишь. Здесь проходят всевозможные волны, на всевозможных языках, со всех радиостанций мира.

Русские говорят что-то свое, американцы говорят что-то свое, и все это происходит вокруг тебя в твоей комнате. Но просто потому, что эти волны такие тонкие, ты не сможешь их услышать, если только не преобразуешь их посредством механизма радио, чтобы они звучали вслух.

Однажды во время второй мировой войны случилось так, что один человек был тяжело ранен пулей в голову. Пулю извлекли, но с его головой произошли какие-то странные перемены. Он начал слышать ближайшую радиостанцию, двадцать четыре часа в сутки - без всякого радио!

Теперь он никак не мог этого прекратить - всевозможные рекламы, новости, и так день за днем. Он рассказал врачам, что это происходит, и они сказали:

- Наверное, ты сумасшедший! Как это может быть? Мы ничего не слышим. Никто ничего не слышит. Ты не можешь улавливать эти звуки, если у тебя нет радиоприемника.

Но этот человек так настаивал, что, в конце концов, им пришлось обратить на это внимание. Они сказали:

- Да, ладно. Тогда расскажи нам, что ты слышишь.

И он повторил. Было время новостей, и он повторил весь выпуск новостей! Они были потрясены, потому что слышали предыдущий выпуск, и он был таким же в точности.

Тогда они проверили снова, посадив кого-то в соседнюю комнату записывать все, что говорилось по радио. Ему сказали:

- Продолжай пересказывать вслух все, что ты слышишь.

Они записали на пленку и все, что сказал он. Он действительно слышал местное радио!

Эта пуля каким-то образом изменила систему его слуха, и ему пришлось сделать операцию. Хотя он и приобрел уникальное качество, невозможно было спать - кто захочет слушать радио двадцать четыре часа в сутки?.. Но это навело ученых на мысль, что возможно, однажды радиоприемники больше не понадобятся, достаточно будет небольшого механизма, присоединенного к уху. И этот небольшой механизм сможет воспринимать все радиостанции мира. Нужно будет только настроить радио на нужную станцию и поймать ее. Не нужно будет большого радиоприемника, достаточно будет маленького.

Или возможно даже установить небольшое радио вовнутрь мозга, с дистанционным управлением, которое можно будет носить в кармане. Ты сможешь нажать на кнопку, и вызвать какую захочешь радиостанцию. Никто не узнает, что ты слушаешь, и ты можешь наслаждаться этим, один, никого не беспокоя; когда захочешь, ты сможешь его выключить. Все эти волны вокруг...

Таким же образом наши умы ловят вещи, находящиеся в бутылке. Таким косвенным способом гусь входит в бутылку, и все время это только отождествление. Ты только отождествился с ней, ты не стал ею. Таким образом, в реальности ты снаружи бутылки, но так отождествился с нею, что чувствуешь, словно ты в бутылке. Эта история очень психологична и очень важна, потому что это история человека.

Кто-то отождествляется со своими деньгами: тогда, хотя на самом деле деньги лежат в сейфе, ум этого человека тоже в сейфе, а так как он отождествлен с умом, в определенном психологическом смысле в сейфе сидит и он сам.

В Индии распространена народная мудрость, что когда ты находишь какое-то сокровище, зарытое глубоко в землю... А в Индии это было единственным способом его безопасного хранения. Когда банков еще не было, люди обычно закапывали сокровища глубоко в землю. Чаше всего это было где-нибудь под кроватью; сверху они спали, а глубоко внизу были закопаны деньги.

Когда ты находишь такое сокровище... каждый день кто-то находит сокровище, потому что индийцы так поступали тысячи лет. Каждый раз, строя новый дом или разбирая старый, ты неизбежно находишь сокровища. Странно, что каждый раз, когда ты находишь сокровище, на нем сидит большая змея. Найденное сокровище, может быть, находится в глиняном горшке, а змея сидит, обвившись вокруг него и положив голову на горлышко. Народная мудрость гласит, что человек, зарывший сокровище... после смерти он становится змеей, чтобы его защитить, потому что это было его последней мыслью, когда он умирал, - что будет с сокровищем, когда он умрет?

Есть некоторая вероятность, что в этом есть доля истины, потому что всегда без исключения есть змея; обычные змеи не имеют ничего общего с сокровищами. Они не едят деньги, их не интересуют деньги. Почему они должны охранять деньги? Есть некоторая вероятность, что в этой народной мудрости есть доля истины - что человек был так привязан к своему сокровищу, что не смог его покинуть. Это было единственным способом - потому что только змеи могут жить под землей, рядом с горшком, в котором спрятано сокровище. И змеи опасны; они могут его защищать. Они могут убить любого, кто покусится на сокровище.

Этот человек, который, может быть, стал змеей, чтобы защитить свои деньги, по-прежнему снаружи бутылки, но его ум проник так глубоко вовнутрь бутылки, и он так отождествлен со своим умом, что о нем можно сказать, что он тоже в бутылке.

Именно поэтому мастер говорит:

- Гусь в бутылке, и ты должен извлечь его наружу, не убив гуся и не разбив бутылки.

А гусь такой большой, что наполняет собой всю бутылку. Мастер не оставляет тебе никакого шанса извлечь гуся из бутылки по той простой причине, что он хочет напомнить, что гусь уже снаружи. Внутри только отождествление с гусем. А когда ты с чем-то отождествляешься, в каком-то смысле ты становишься частью этого.

Я слышал о людях, особенно в Индии... один человек и его жена так отождествились друг с другом так, что почти стали одним целым. Это становится редкостью; в прошлом это происходило чаще. Все же изредка случается так, что жена и муж умирают вместе. Муж умирает. Внезапно у жены останавливается сердце - при виде того, что муж умирает. Ей невозможно представить себе жизнь без мужа. Или умирает муж, потому что он не может помыслить о том, чтобы быть без жены. Они прожили вместе шестьдесят, семьдесят лет... потому что в Индии обычной вещью были детские свадьбы.

Лишь несколько десятилетий назад это было запрещено законом, но все же это происходит. И поскольку это приемлемо для ума каждого - даже полицейского, даже судьи - хотя это и написано в законах, никого не ловят. В каждой деревне каждый год происходят детские свадьбы.

А когда дети - пятилетняя девочка, семилетний мальчик - женятся так рано, они так свежи, так деликатны. Они ничего не понимают в браке, но становятся лучшими друзьями, очень близкими. Они живут вместе, играют вместе, вместе накапливают вещи. Прежде чем, в возрасте около четырнадцати лет они начинают осознавать секс, они уже прожили вместе семь лет, восемь лет. А в детстве происходит глубокая близость, которой никогда больше не повторится, потому что у вас никогда не будет таких чистых, таких деликатных умов.

Затем шестьдесят или семьдесят лет они прожили вместе. И вопрос развода просто не возникает в индийском уме, хотя это и разрешено законом. Это просто не является частью индийского наследия. И изредка некоторые пары так отождествляются друг с другом, что почти входят в жизнь друг друга. Оставаясь снаружи ее, они входят в определенный ритм, и если один умирает, умирает и второй.

Недавно ученые провели исследования, и они были удивлены. Они обнаружили вещи великой важности. Есть два рода близнецов: однойцовые близнецы и двухяйцовые. Женщина редко вынашивает два яйца - только одно яйцо созревает каждый месяц - но изредка женщина вынашивает два; тогда в эти два яйца попадают два сперматозоида. Если эти два яйца были отдельными, близнецы не будут в точности похожи друг на друга, они будут выглядеть по-разному. Можно увидеть разницу, потому что, фактически, они не идентичные близнецы; это два разных человека, которые просто родились в одно и то же время.

Но однойцовые близнецы - это великое явление. Они растут вместе девять месяцев в утробе матери; девять месяцев их сердца бьются вместе. Все вместе; девять месяцев нет совершенно никакого разделения. Такие близнецы абсолютно одинаковы. Очень трудно, даже отцу и матери, отличить их друг от друга.

И странная вещь, о которой я хотел вам рассказать, состоит в том, что хотя теперь они и отдельные, после девяти месяцев такой близости они так глубоко отождествились с умами друг друга, что если заболевает один, заболевает и второй. И было установлено... один может быть в Индии, а другой в Китае - это неважно, расстояния не имеют значения. Если один в Индии заболевает простудой, другой заболевает простудой в Китае - точно в то же время. Они заболеют вместе, и в точности в одно и то же время простуда пройдет.

И эти близнецы, рожденные из одного яйца, всегда умирают с разрывом не более трех лет. Никто не знает точно, почему именно три года, но долее этого они не могут жить отдельно. И они могут жить в разных странах, не зная друг о друге. Здесь суть не в знании, это нечто гораздо более глубокое. Они вошли в существо друг друга, но не видимо. Если умирает один, то другой обречен, умереть самое большее через три года... скорее всего, сразу же.

В Советском Союзе с этими явлениями много экспериментировали, особенно с животными. Маленького крольчонка увозят далеко в море и там мучают. Мать остается на берегу, за тысячи миль, и никак не может знать, что происходит с ее ребенком, но она тотчас же становится грустной, встревоженной, нервной. И если ребенка убивают, она тоже умирает. Они отдельные, но кажется, что-то в них вошло друг в друга, и это отождествленность.

Твой вопрос задают многие люди. Они не могут понять эту историю, потому что это коан, а не история. Они недоумевают, потому что гусь не может войти в бутылку, не может расти в бутылке,

и даже если возможно, чтобы гусь вырос в бутылке, ответ кажется абсолютно бессмысленным. Мастер принимает ответ, что гусь снаружи, что он никогда не был внутри - а вся история была о том, что гуся поместили в бутылку, что он растет в бутылке, становится большим и наполняет всю бутылку.

Фактически, ни в каком другом языке не существует ничего подобного коану. Это не головоломка, это не нечто такое, что можно решить. Головоломки существуют в каждом языке; это совершенно другое. Если бы это была головоломка, был бы и какой-то способ извлечь гуся из бутылки, но это не головоломка.

Ученику абсолютно ясно объясняется, что бутылку нельзя разбить, гуся нельзя убить. Ты не можешь его убить и извлечь по частям - и все же гусь должен быть снаружи. Это медитация, то, на что ученику следует медитировать, и медитировать день за днем. На это требуются многие месяцы.

Хотя он и знает ответ, это не значит, что он может прийти к мастеру и сказать:

- Гусь снаружи.

Если ответ интеллектуальный, он получит хороший удар по голове. Потому что это написано в книгах, ответ написан в книгах; ответ известен каждому. Нет, он должен осознать этот ответ сам. Это значит, что он должен осознать, что его осознанность находится снаружи ума, и что она никогда не входила в ум; дело было только в его отождествлении. Но даже когда он был отождествлен с умом, в реальности осознанность оставалась снаружи его.

Таким образом, мы в мире, и все же это не так. В реальности, это не так. Попробуй это как-то по-другому. Ты несчастен: просто попытайся заглянуть в это. Ты в несчастье, но действительно ли ты в несчастье, или снаружи его? И ты будешь удивлен, найдя, что хотя несчастье и есть, ты снаружи его. Ты в гневе: попытайся увидеть, действительно ли ты в нем, иди же в него, и ты всегда найдешь, что ты снаружи.

И если ты начнешь находить, что ты снаружи всех этих вещей, эти вещи в твоей жизни начнут умирать. Они потеряют над тобой власть. Ты достигнешь большей свободы от всех этих эмоций, сантиментов, мыслей.

Глава 20

Слезы благодарности

Любимый Ошо,

Когда я слышу, как ты говоришь о сверхсознании и прекрасных опытах, ожидающих нас впереди, я часто чувствую себя буквально вознесенным, словно мое тело становится невесомым. Только болящая спина мне напоминает, что я все еще здесь! Этот опыт в твоем присутствии так драгоценен. Но это чувство может превратиться в боль, и боль эта - не физическая. Слезы текут, и я испытываю такую отчаянную жажду, у которой нет определенного направления. Хотя в этом опыте и нет качеств света и невесомости, в отличие от первого, все же он приносит безмерное облегчение.

Что это за опыт, Ошо?

У каждого дня есть своя собственная ночь. Если ты чувствуешь себя вознесенным, и тебе очень приятно, внезапно тело тебе напоминает, что ты никуда не вознесен. Это было только ощущением в моем присутствии, не действительным экзистенциальным опытом. Это обращается в боль; это обращается в великую жажду добиться этого самому по себе и испытывать в каждое мгновение. Слезы наворачиваются тебе на глаза, и хотя ты не переживаешь того же полета, все же ты испытываешь огромное чувство облегчения.

Этот опыт очень ясен. Сначала ты забываешь свою действительность. В тебе спровоцировано нечто, заставляющее тебя забыть о своей действительности, открывается окно в запредельное. Это блаженно, и тебе хочется, чтобы окно оставалось открытым всегда, но оно раскрывается не благодаря твоей собственной медитации. К тебе приходит этот опыт потому, что ты отождествляешься со мной, становишься одним целым с моим присутствием.

Так не может продолжаться долго. Вскоре тело тебе напомнит, боль в спине напомнит, что ты на земле, что окно закрыто. Теперь у тебя болит не только спина, болит все твое существо. Из

великой беспомощности - что ты можешь сделать, чтобы окно всегда оставалось открытым? - возникает боль. Но эта боль также и сладка.

Это не боль раны, это боль видения, которое было и ушло. Она отличается от обычной боли; она не физическая. Это боль, которая возникает из этой жажды, глубоко прочувствованной жажды, быть за пределами тела, быть вознесенным в сверхсознательное. Ты вкусил от этого лишь немного, но этого вкуса достаточно, чтобы пробудить жажду.

Все эти вещи смешиваются, и к тебе приходят слезы. Эти слезы тоже будут смесью чувств: блаженного состояния, на которое ты внезапно натолкнулся, потерянного сокровища, которое было так близко, жажды вернуть его, остатков сладкой памяти, беспомощной неспособности ничего сделать, чтобы снова все это вызвать, - потому что, прежде всего, ты ничего не делал, чтобы это вызвать. Это случилось.

Это случится снова, но в этом происшествии всегда будет, как тень, некая беспомощность. Ты не можешь этого сделать, это случается когда случается. Это не в твоей власти, не в твоих руках. Все эти чувства смешиваются в твоих слезах.

У слез есть основная функция, и она состоит в том, чтобы приносить облегчение. Они вымывают из тебя все замешательство. Таким образом, эти слезы - не от боли, не от удовольствия, но от безмерного опыта, которого ты лишился. Эти слезы помогут тебе избавиться от боли. Они снова освежат тебя. Они снова приведут тебя в то место, где ты был раньше, прежде чем почувствовал сверхсознательное, лишь небольшой луч света, проникший в твое существо.

И это будет случаться снова и снова. Но помни, это может только случиться, поэтому не чувствуй себя беспомощным. Это не имеет ничего общего с тобой. Природа этого опыта такова, что он может только случиться, его нельзя заставить случиться. Тебе следует просто ждать. Тебе следует ждать и оставаться пробужденным, чтобы не пропустить его, когда он придет снова.

Стихотворение Рабиндраната Тагора... Может быть, он единственный поэт этого века, который подходит так близко, очень близко, к просветлению. В его стихотворениях, в его словах есть проблески, которых нельзя сочинить, - и он их и не сочинял. Когда бы он это ни почувствовал... точно, как беременная женщина ощущает присутствие ребенка в утробе, настоящий, подлинный поэт ощущает себя беременным чем-то, что за пределами его. Каждый раз, когда он чувствовал себя беременным стихотворением, он закрывал двери, сообщал людям в доме, что его нельзя беспокоить, что бы ни случилось. Даже если дом сгорит, его нельзя беспокоить. Никто не должен стучаться к нему в двери.

И иногда это занимало два, три дня. Он не ел, он не выходил из комнаты. Как сумасшедший, он писал нечто, что проходило через него, - позднее он сообразит, что это такое, но сначала нужно позволить этому преобразиться в слова языка. И как только все было кончено - ты удивишься - он плакал. Слезы начинали течь у него из глаз; это было облегчение и радость, что он смог принести из неизвестного несколько фрагментов. Но он плакал, и слезы были у него на лице, потому что это кончилось слишком скоро. Быть в этом состоянии - такая красота, такое благословение: он не хотел бы выходить из него никогда. Только таким способом писались его стихи.

Одно из его стихотворений о том, что был один большой храм... такой большой, что в нем служило сто жрецов; в нем были сотни статуй. В Индии есть храмы с сотнями статуй. В Китае есть храм с десятью тысячами статуй Будды! Каждой статуе необходимо поклоняться: поклонение длится целый день. Тысячи жрецов поклоняются десяти тысячам статуй. И это поклонение должно производиться согласно определенным правилам и дисциплине.

В этом храме было сто жрецов; это был самый важный храм в этой области. Верховному жрецу однажды ночью приснилось, что с ним заговорил Бог:

- Завтра я приду в ваш храм. Вы поклонялись веками, поколение за поколением; пришло время для посещения. Так будь готов завтра; я могу прийти в любое время.

Верховный жрец просыпается, но боится сказать другим священникам, потому что они посмеются над ним. Бог никогда не приходил ни в один храм; они никогда не слышали, чтобы он мог прийти. Это только сон.

Но он подумал:

- Будет очень неловко, если он придет и застанет нас врасплох - особенно мне, потому что принял сообщение я.

И он решил, что лучше поставить себя в неловкое положение перед жрецами, чем перед Богом, и он созвал всех жрецов и сказал им:

- Вот что случилось во сне, и я испытываю очень глубокое чувство, что что-то произойдет.

Все они рассмеялись и сказали:

- Ты впадаешь в маразм, старик! Тебя нужно сейчас же освободить от поста верховного жреца. Тебе уже снится, что Бог приходит навестить храм! Ты когда-нибудь слышал о чем-то подобном?..

- Никогда не слышал, - сказал он, - но сон этот был настолько реальным, что я не мог удержаться от того, чтобы не поделиться им с вами. Теперь все в ваших руках. Как верховный жрец я нахожу, что это никак не повредит. Мы можем очистить весь храм; его не чистили годами. Даже если никто не придет, храм будет чистым. Мы можем очистить каждую статую. Везде накопилось столько грязи. И мы можем приготовить хорошую, вкусную еду. Когда он придет, нам будет что ему предложить. Мы обычно готовим ее в подношение статуям, а сегодня мы можем приготовить что-то еще более особенное, самое лучшее, что только сумеем. Мы можем принести цветов, зажечь во всем храме свечи на тот случай, если он придет не днем, а ночью.

И вот с самого утра закипела работа - уборка, приготовление еды, украшение храма цветами. И он выглядел действительно прекрасно. Все они ждали, подбегали к дверям посмотреть, не пришел ли Бог. С этой точки дорога просматривалась на много миль - храм был на вершине холма. Дорога была пуста. Никто не пришел.

В конце концов, к вечеру они очень устали; они не могли совершать поклонение. И все они чувствовали себя виноватыми. К тому же они так старались как можно лучше украсить храм и приготовить особенную еду - и не получили даже уведомления, не отменил ли он свою программу.

И они заснули рано. Им пришлось зажечь свечи; и весь храм выглядел как праздник огней. Возвышающийся на вершине холма, он являл прекрасное зрелище. И все же время от времени кто-то просыпался, подходил к двери и смотрел, не идет ли кто-нибудь. Но наступила полночь, и они сказали:

- Из-за какой-то причуды этого старого маразматика мы потратили целый день впустую и выбились из сил. Теперь не время ходить в гости - уже полночь. Лучше пойдем спать.

И они закрыли двери. До сих пор они держали их открытыми. Они закрыли двери, задвинули засовы, заперли ставни, легли спать и совершенно забыли о Боге.

И тогда он пришел. В этом стихотворении есть такое предложение: «Он всегда приходит, когда ты забываешь. Он всегда приходит, когда ты даже не осознаешь, что он приходит. Он всегда приходит в лишенный желаний ум, в молчаливый ум».

Он приехал в колеснице... Подъезжает золотая колесница и останавливается у ворот. Двери закрыты. Он спускается. Звук колес колесницы в молчании ночи, сон жрецов...

Один говорит:

- Может быть, это едет колесница.

Но другой отвечает:

- Заткнись и спи! Сейчас не время ходить в гости; это не колесница, это облака в небе.

Бог останавливает колесницу. Поднимается по длинному пролету ступеней, ведущих к храму. Стучит в двери. Кто-то говорит:

- Кажется, кто-то стучит.

Но другой сердится и отвечает:

- Идиоты! Дадите вы мне поспать или нет? Никто не стучит; только ветер бьется в двери. Просто спите и забудьте о его приходе.

Двери не открылись. Он разворачивается и уходит. Утром, когда открылись двери, жрецы с изумлением увидели в пыли, собравшейся за день, следы на ступенях, ведущих к храму. И это были не обычные следы.

В индийской мифологии у Бога на пятке отметина в виде вращающегося колеса. Вращающееся колесо символизирует весь мир, и эта отметина была очень явно видна даже в пыли. Он, без сомнения, стучал в двери, и они убедились в его приходе: по следам видно было, что он пришел и ушел, а внизу виднелись колеи от колес возвращающейся колесницы.

Теперь они были потрясены. Никто не мог ничего сказать - как это понять? Верховный жрец сказал:

- Я знал, что если он обещал, - даже во сне, - он это выполнит. Но вы подумали, что я впал в маразм, поэтому я промолчал. Я считал, что каждый, кто просыпался ночью, был прав, но все вы так сердились, что вас будили. Я могу понять и вас: вы устали, и глухая ночь - не время для посещений. Но для нас неисповедимы пути Бога.

Теперь все они плакали. Они упустили нечто действительно случившееся. Этому не было прецедента. Они сказали:

- Мы были дураками. Не так трудно провести ночь без сна, но мы по своей природе очень ленивы. Мы не смогли подождать Бога даже одну ночь. Мы могли бы не спать. И хотя его приходу предшествовали знаки, мы истолковали их неверно: ветер бьет в двери, и облака шумят. Мы не можем себе этого простить.

Это прекрасная аллегория, прекрасное метафорическое выражение. Есть вещи, которые приходят к тебе; ты не можешь прийти к ним. Есть вещи, которые случаются. Все, что нужно с твоей стороны это продолжать бодрствовать, оставаться бдительным, наблюдательным и быть в глубоком доверии; иначе ты уснешь. Если не хватает доверия, ты уснешь.

Именно сомнение приносит сон. Сомнение постоянно говорит:

- Какой смысл? Разве он когда-нибудь приходил? Разве этому был какой-нибудь прецедент? Разве это описывается в каком-нибудь священном писании? Просто спи; ты слишком устал.

Но никто не бывает усталым до такой степени. Что бы люди ни делали целый день, они могли бы ждать, бдительные и бодрствующие, если бы было доверие. Но никто не доверял с самого начала. Они подумали, что верховный жрец выжил из ума. Они согласились очистить храм, потому что это казалось рациональным. Многие годы в нем не убирали. Они согласились принести цветов, зажечь свечи. Они сказали:

- Это не повредит; это будет просто прекрасный праздничный день.

Но все это время они знали, что никто не придет. Это был не просто обычный сон; этот сон поддерживала их логика, их сомнение. Они знали, что никто не придет, - и знали точно.

Эти опыты будут случаться с тобой больше и больше, потому что здесь так мало людей. Я хочу, чтобы в мистической школе было очень немного людей, чтобы они могли быть со мной в непосредственном контакте. Просто помни одно: когда бы это ни случилось, будь благодарен и жди. Если существованию будет угодно, это случится снова; если это тебе не полезно, этого больше не случится. Но, что бы ни случилось, это пойдет тебе на благо.

Это доверие. И в доверии ты найдешь, что вещи происходят больше и больше, и ты растешь выше и выше в сверхсознательные царства существа. Слезы будут не просто освобождать тебя от бремени. Слезы будут приходить из благодарности, глубокой признательности, потому что ты ничего не сделал, а что-то случилось. Ты этого не заслуживаешь, и все же это случилось. Слезы должны быть... и они будут, но они будут сами по себе радостью; они будут от благодарности.

Признательность нельзя выразить словами, в том, что касается существования. Оно не понимает языка, но понимает слезы.

Любимый Ошо,

На днях ты рассказывал, что когда индивидуальность умирает, она почти мгновенно находит новую утробу. Но что происходит, когда люди погибают массово, как, например, во время войны или землетрясения? Как может случиться так, что столько утроб становится доступно в одно и то же время? Кроме того, если случится третья мировая война, или СПИД уничтожит две трети мирового населения, что будет с теми душами, для которых нет доступных утроб?

Это интеллектуальный вопрос - не слишком важный. Но эта земля в данный момент населена пятью миллиардами людей, что составляет два с половиной миллиарда пар. Как велико может быть землетрясение? Как велика может быть даже война? Эти миллиарды людей готовы принять новых детей в свои утробы. Поэтому до сих пор не было никаких проблем. Но если случится что-либо настолько большое, что души не смогут найти утробы, согласно научным подсчетам, во всей вселенной существует, по крайней мере, пять миллионов планет, на которых существует жизнь. Неизвестно, какого рода, какого уровня, но на пяти миллионах планет... и это очень сдержанная оценка.

Если жизнь существует на многих планетах, не будет никакой нехватки в утробах. Если произойдет третья мировая война, и жизнь исчезнет с этой планеты, она тотчас же начнет возникать на других планетах, где жизнь достигла точки человеческого роста. Но ничто не умирает, и никакой закон не меняется, и вселенная достаточно велика - настолько велика, что ученые пока так и не смогли сосчитать все солнечные системы. А в каждой солнечной системе есть дюжины планет.

Никто не смог сосчитать всех звезд. Инструменты становятся более точными, достигают дальше и дальше, и число звезд постоянно увеличивается. И сейчас определенно одно: каким бы

ни было число, оно неправильно, потому что за его пределами всегда остается пространство. Вселенной нет предела. Простор действительно безграничен. Не думаешь ли ты, что в этой безграничной вселенной пяти миллиардам душ будет трудно найти утробы? Всего лишь пяти миллиардам?

И у существования свои методы работы. Не подготовив для вас нового дома, оно не разрушит эту планету. Эта планета может быть разрушена, только если ее больше не стоит сохранять, и вы можете получить новый дом. В меньшем масштабе... когда твое тело стареет и становится бесполезным, постоянным беспокойством, одна болезнь, другая... у существования есть выход: оно просто дает тебе новое тело. И третья мировая война... если она вообще произойдет, дело, может быть, по сути, в том, что эта планета слишком стара, чтобы на ней была возможна какая-либо дальнейшая эволюция.

Мы ничего не можем сказать о существовании. Все остается догадкой, но одно определено: прежде чем оно отнимает один дом, тебя уже ждет другой. И если эта планета умрет - то помните, планеты умирают каждый день, и каждый день рождаются новые... Не только планеты, но и солнца каждый день умирают и рождаются. Эта система постоянно обновляется. Она не терпит ничего старого, прогнившего, больного, мертвого.

Для жизни доступно такое безграничное существование, что беспокоиться не о чем. Может быть, это будет хорошо, но этого никто не знает. Я доверяю, и это будет хорошо. Ничто не может быть плохо. Это может выглядеть плохо - уничтожение всей земли. С этой стороны это будет выглядеть плохо, но с другой стороны, если вы получите лучшую планету... Может быть, вам понадобится лучшая планета для лучшей эволюции.

Может быть, эта планета дает вам недостаточно энергии для высшего роста. Может быть, она достигла предела: она сделала все, что только могла. Вам нужна лучшая школа. Только тогда мир будет уничтожен; иначе он не будет уничтожен. Если здесь еще возможна эволюция, мир сохранится; но кажется, мы застряли. Тысячи лет эволюция оставалась в застрявшем состоянии. Изредка кто-то расцветает; но это исключение, не правило.

Но миллиарды людей просто продолжают вращаться по одному и тому же кругу, не эволюционируя ни на йоту. Может быть, у этой вселенной больше нет энергии, чтобы дать вам и позволить высшую эволюцию.

Никто не работал в этих направлениях. Все приходит к точке, где энергия исчерпана. Меня изумляют ученые, которые работают в этой области. Они должны бы обратить внимание на то, не подошла ли земля к точке, где все исчерпано, и у людей больше нет возможности вырасти больше, чем они уже выросли; поставлена точка. Тогда было бы лучше, если бы люди были перенесены в другие места, где эволюция может быть возможной, и они могут достичь высших уровней существа.

Мы не знаем... среди этих пяти миллионов планет может оказаться несколько таких, где человек достиг сверхсознательного, где сверхсознательное стало обычным явлением. Или, может быть, есть одна планета, где стало обычным коллективное сверхсознательное. И нельзя исключить возможность того, что есть несколько планет, или одна планета, где было достигнуто предельное, где все - просветленные.

Поэтому, если эта земля исчезнет, люди будут перемещаться на другие планеты, согласно уровню своего развития, согласно тому, что им нужно для дальнейшего роста. И все это происходит автономно.

В Индии есть дерево, вокруг семян которого вырастает немного хлопка, хлопчатая вата. Ни одно другое дерево этого не делает. Но это дерево производит совершенно уникальную вещь - немного хлопчатой ваты, самой мягкой хлопчатой ваты. Богатейшие люди Индии пользуются подушками, сделанными только из этой ваты. Ее трудно добыть, потому что, чтобы ее добыть... вокруг семени лишь немного ваты. Чтобы набрать одну подушку, нужно обойти много деревьев. Это самое мягкое из всего, что я только встречал. Мне она не подходит, потому что она нагревает голову, а мне это не нравится. Но ее мягкость несравненна.

И причина, по которой это дерево окружает семя этой хлопчатой ваты, в том, что когда семя падает с дерева, оно не должно падать прямо под него. Это очень большое дерево, с длинными ветвями и густой тенью; под его сенью никогда нет солнечного света. Если эти семена упадут под его ветвями, они умрут. Они никогда не получают солнечного света, они никогда не вырастут. Эта вата помогает отправить их как можно дальше. Они не могут упасть. Их подхватывает ветер, и они улетают далеко; они приземляются где-то за много миль от дерева. Дерево принимает все меры к

тому, чтобы семена не падали прямо к его подножью; это верная смерть. Они должны оказаться как можно дальше. Подходит любое место, кроме тени его ветвей.

Как ему это удастся? У существования автономные методы работы. Если ты смотришь на недолговечное, можно увидеть, как существование заставляет вещи функционировать ради их собственной пользы. Эти семена могут цепляться за дерево, а дерево может цепляться за семена, но существование этого не позволяет. Они удаляются от дерева на многие мили. Они упадут где-то далеко и сами станут деревьями.

То же самое верно, если посмотреть на что угодно в природе. Нечто безбрежное, космическое сознание, окружает все, и все случается внутри этого космического сознания.

Я видел подобное змее существо; это не змея, но выглядит точно как змея. Оно называется *ситакилат*. Это красивое черное существо около двух или трех футов в длину. Ситакилат значит «прядь волос Ситы». Сита - жена Рамы - считается одной из самых красивых женщин в Индии, и это прядь ее волос. Этому существу дали красивое имя.

Очень трудно определить, это змея ситакилат или нет, но это не змея; поэтому он совершенно не опасен. Он водится в определенной траве, которая почти черная, у рек. Цвет помогает ему прятаться от хищников. Это очень невинное существо; оно никому не может причинить вреда. Ситакилат вегетарианец; он просто ест траву. Для его защиты ему придан такой же цвет что и траве, и ни один хищник не может его увидеть и поймать.

Я обычно приносил его в школу, и просто выпустить его в классе было достаточно, чтобы создать хаос! Даже учитель стоял на столе и кричал: «Помогите!» Я был единственным, кто смеялся. И все говорили:

- Ты смеешься - а это ты принес сюда змею. Тебя нужно исключить из школы!

И я говорил:

- Я принес ее только потому, что только вчера вы говорили, что вы очень бесстрашный человек. Теперь вы стоите на столе и дрожите! Только будьте осторожнее. Что если этот стол сломается, и вы упадете? А змея подползает все ближе!

И он прыгал еще выше: «Помогите!»

- Никто не может помочь, - говорил я. - Каждый сам пытается влезть на свою парту. Кроме меня, никто вам не поможет! Что случилось с вашим бесстрашием?

- Сейчас не время для философских дискуссий! - говорил он. - Я должен заботиться о маленьких детях, о старом отце, матери. Только убери эту змею!

- Вы не можете увидеть простую вещь: если я могу ее убрать, это достаточное доказательство того, что она не опасна. Я принес ее в кармане. Если бы она была опасна, в опасности был бы и я... хотя у меня и нет никаких детей, никакой жены и никаких проблем. Если я умру, то умру, и весь мир умрет для меня. Но разве вы не видите простой и разумной вещи? - что, если я могу держать ее в руке... - и я взял ее в руку и поднес ближе.

- Убери ее. Убери ее! - сказал он. - Не подноси ее слишком близко. Только убери ее!

- Что же случилось с вашим бесстрашием? - сказал я.

- Прости, что я упомянул о нем. Я никогда больше не упомяну о нем. Я не бесстрашный человек. Я полон страхов. И никогда больше не пытайся делать со мной такие трюки. Где ты взял эту змею?

- Мне пришлось купить ее у заклинателя змей. - Боже мой! Тогда почему она тебя не кусает и не создает никаких проблем?

- Заклинатель змей извлек небольшие железы с ядом, которые у каждой змеи во рту. Их удалили, поэтому она совершенно безвредна. Можете попробовать.

- Нет! Убери ее отсюда!

- Я держу ее в руке, и вы же сами видите, что она безвредна. Можете просто потрогать ее, - сказал я.

- Я не потрогал бы ее, даже если бы ты дал мне за это весь мир. Я не буду ее трогать. Я не могу проверить, действительно ли удалены ядовитые железы; а тебе нельзя доверять. Просто унеси ее и никогда больше не приноси снова!

И этим ситакилатом было замечательно сводить с ума соседей, подбрасывать его в чью-то лавку и наблюдать всю сцену, наблюдать, что происходит. Покупатели убегают, схватив вещи, за которые не заплатили. И владелец не может потребовать денег, сказать, что счет не оплачен. Он сам стоит на стуле, пытаясь спасти свою жизнь! Ему не до денег...

И, в конце концов, он говорит:

- Это было нехорошо с твоей стороны. Зачем ты его сюда принес?

- Я его не приносил. Он сам захотел прийти! Я держал его в кармане, и я сказал ему: «Где бы тебе ни захотелось выползти, только слегка коснись меня языком, и я тебя выпущу». Я абсолютно невиновен: он коснулся меня здесь, напротив твоей лавки, вот я его и выпустил.

- Ладно, но как насчет моих покупателей? Эти воры все унесли, даже то, что не купили. Эти вещи просто лежали на столе, чтобы они их видели, а они их схватили и убежали, как будто испугались. И я сам так испугался, что не мог думать ни о чем, кроме спасения собственной жизни!

- Это не опасно, - сказал я. - Это очень дружественная змея.

- Может быть, но никогда не приноси ее сюда; даже если она скажет: «Выпусти меня в этой лавке», не выпускай ее в моей лавке.

Напротив него была лавка сладостей. Видя эту сцену, ее хозяин позвал меня и дал мне пакет сладостей. Он сказал:

- Прими это как аванс. Никогда не делай этого в моей лавке. Когда тебе захочется сладкого, приходи, но не приноси с собой эту тварь!

И они пришли к моим родителям:

- Ваш сын что, заклинатель змей? Он сводит людей с ума этой змеей.

И мои родители говорили:

- Что мы можем сделать? Мы не можем следить за ним целый день - куда он ходит, что делает.

Но мой отец сказал:

- Мы его спросим, потому что это слишком опасно.

И он спросил меня:

- В чем дело? Почему ты приносишь в город змей?

- Это не змеи, - сказал я, - это невинные, похожие на змей существа... от змей только форма.

Эти дураки поднимают такой шум... и не видят, что я держу его в кармане. И когда я внезапно его вынимаю, они сходят с ума.

- Они и будут сходить с ума, - сказал он, - потому что как они могут подумать, что это не змея? И, может быть, они никогда не видели ситакилата, потому что он водится только в горных областях, у рек. Он никогда не приходит в город. Никто не приносит его в город. Как тебе пришла такая мысль?

- Меня навело на это его сходство. Если ты не хочешь, чтобы я приносил ситакилатов, я могу начать приносить змей.

Один из людей города был заклинателем змей, и я постоянно ходил за ним и донимал его:

- Расскажи мне, каким трюком можно поймать змею.

- Мы не можем тебе этого рассказать, - говорил он. - Ты из хорошей семьи, это не твоя работа. Мы, бедняки, занимаемся этой работой, и это наша семейная тайна. Я расскажу ее своему сыну.

- Ты и так сможешь рассказать своему сыну, - говорил я. - Я не создам конкуренции. Фактически я буду рекламой для ваших змей. Только позвольте мне узнать, в чем заключается этот трюк.

Он мне отказал. В конце концов, его жена сказала:

- Почему ты ему не расскажешь? Он сживет тебя со свету... Он приходит каждый день, и так как видит, что ты ему не говоришь, теперь он мучает меня.

Покажи ему; иначе я покажу что-то тебе: сегодня еды не будет, и вообще убирайся из этого дома! Бедный мальчик ничего больше не хочет, он просто хочет знать этот трюк. И если ты ему не расскажешь, то расскажу я.

И в конце концов, ему пришлось уступить. Он сказал:

- Если моя жена тебя поддерживает, никакого выхода нет, потому что теперь ты создал для меня еще больше проблем. Каждый день ты будешь ей надоедать, а она будет надоедать мне. Трюк простой, - продолжал он. - Просто возьми змею за заднюю часть и тряхни ее... как будто ты отбрасываешь ее. Но не отбрасывай, продолжай держать. Два или три раза дай ей почувствовать, что ты ее отбрасываешь.

Это разрушает всю ее внутреннюю систему, поэтому она не может развернуться и укунить тебя. Все дело в том, что змея немедленно разворачивается. Если ты ее хватаешь, она немедленно разворачивается и ловит тебя за руку, и тогда очень трудно вырваться. Сначала она обовьется вокруг руки, сожмется плотнее... так плотно, что тебе придется разжать руку. И в то же мгновение - когда она освобождается из твоей хватки - она тебя кусает. Это происходит мгновенно.

Этот укус не опасен. Что опасного, когда тебя кусает змея?.. Эти зубы не опасны, опасен небольшой мешочек в верхней части ее рта. Она кусает, затем переворачивается. Мешочек может вылить свое содержимое, только если змея переворачивается; иначе яд останется в теле змеи. И она переворачивается. Сначала она кусает, чтобы твоя кровь могла принять яд. Затем она выливает яд в кровь, и яд попадает в твое кровообращение.

Поэтому, прежде всего, нужно заставить змею выпрямиться, чтобы она не могла обернуться. Тогда нет никаких проблем, все очень просто. Ты можешь ее уложить на землю, чтобы кто-то подержал ее за спину. Ты можешь открыть ей рот - но убедись, что она не переворачивается. Открой ей рот, возьми ножницы и вырежи кусочек тонкой кожи. Как только этот мешочек вырезан, змея абсолютно безвредна. Но, пожалуйста, не делай этого, потому что это наш бизнес.

- Я это знаю. Я наблюдал ваш бизнес.

Их бизнес состоял в том, что они обходили города и спрашивали, не нужно ли кому-нибудь поймать змею.

- Если у вас в доме есть змея, мы можем ее поймать.

И все так боялись змей, что им платили деньги.

- Попробуйте; посмотрите, не сможете ли вы поймать змею в нашем доме.

А они выпускали в дом собственных змей! Когда они начинали играть на флейтах, специальных флейтах для змей, их змеи приходили обратно. А люди, конечно, думали, что змеи приходят из их собственного дома. Они очень легко хватали их и сажали в небольшие коробки. И они говорили:

- Теперь вам нечего бояться. В любое время, если у вас в доме появятся змеи, зовите нам.

Они сказали:

- Мы бедные люди. Таким образом мы кое-что зарабатываем. В мире столько испуганных людей, что одной идеи, что в доме может быть змея, им достаточно. Но ты не должен начинать делать то же самое.

- Нет, я не заинтересован профессионально, - ответил я. - Я только любитель. Я буду испытывать ваши змеиные трюки на своих учителях и соседях. Фактически я окажу вам профессиональную помощь. Я могу оставить змею в доме соседа, и когда змея войдет в дом, все они выбегут, и тогда я им предложу, что единственным выходом будет обратиться к вам. Только вы можете ее поймать.

- Мы никогда об этом не думали, - сказали они. - Это хорошая мысль.

И я помогал этим бедным людям. Помощь поступала даже от таких людей, как врачи, - потому что каждый так боится смерти.

Один врач очень увлекался политикой. Он пытался выдвинуть свою кандидатуру в президенты - очень высокомерный тип. Я сказал ему:

- Вы не сможете победить, если не отбросите высокомерие.

- Что ты сможешь сделать? - ты ведь даже не можешь голосовать, - сказал он.

- Что-то я все же смогу сделать.

Однажды я оставил змею в его доме. Он и его жена выбежали из дома. Собрались все соседи, и я сказал:

- Посмотрите на этого доктора! - ...У него в кабинете были большие бутылки с мертвыми змеями. Вы найдете их в кабинетах старых врачей - как будто они великие исследователи или что-то в этом роде. Они покупаются на рынке. На полках стоят действительно большие змеи, мертвые, в бутылках... - Он боится маленькой змеи, вошедшей в его дом, а хочет быть президентом этого города!

- Ничего не хочу... - сказал он. - Только уберу эту змею!

- Этого я не могу сделать, - сказал я. - Для этого нужно привести заклинателя змей.

Пришел заклинатель змей. Он поймал змею. Когда змея сворачивается, она поднимает голову, вот так, и качает головой. И это стало символом, которым стали дразнить этого доктора! Теперь пять тысяч студентов... Он сидел, а пять тысяч студентов показывали ему этот символ. Сначала он сохранял спокойствие и держал себя в руках. Но долго ли?.. Вскоре он начал швыряться камнями и злиться. Соседи ему сказали:

- Лучше не поднимай шума; иначе это распространится, как пожар.

И это распространилось, как пожар: даже люди, не бывшие студентами, стали показывать ему этот символ змеи.

Когда школа закрывалась, он закрывал контору, и мы стучались к нему в двери:

- Доктор, открывайте! Кто-то серьезно заболел!

И он открывал двери и видел знак змеи!

Это стало такой проблемой: если кто-то действительно болел, он все равно не открывал дверь. Он говорил:

- Знаю я этих больных. Каждый день кто-то болен... и оказывается, что никто не болен.

Однажды я шел мимо, и у дома стояла его жена. Я спросил:

- Где доктор?

Она сказала:

- Почему ты его преследуешь? Вся его практика рассыпалась в пыль! Даже пациенты показывают ему этот знак.

И пока она показывала мне это, он вышел из дома и сказал:

- Это уже слишком! Ты, моя жена, что ты делаешь с этими людьми? Ты что, тоже присоединилась к этой компании?

Он совершенно забыл о том, чтобы быть президентом, и ему пришлось переехать в другой город, потому что он терял пациентов: все начали думать, что он немного с приветом. Почему он должен так волноваться? Если кто-то это делает, ну и пусть. И все поступали мудро, говоря: «Ну и пусть».

Но как он мог это от меня стерпеть? Его ранило, что он испугался, оказался трусом, потерял голову, и это стало символом. Я предложил ему:

- Это будет хороший символ для предвыборной кампании! Вы без сомнений победите, потому что этот символ известен каждому.

И он сказал:

- Ты был прав. Хотя у тебя и нет права голосовать, ты можешь сорвать мне выборы. Ты их уже сорвал.

Существование таинственно.

Мы не можем предсказывать, потому что не знаем точно, все ли кончено с этой Землей, или в ней остался какой-то потенциал. Третья мировая война будет зависеть не от Советского Союза или Рональда Рейгана; это только марионетки в руках неведомой силы, которую я называю существованием. Но если существование решит, что эта Земля исчерпана, и человек никуда не движется, и эволюции здесь не происходит, пусть лучше эта Земля будет уничтожена - чтобы люди могли переместиться, согласно стадиям своего эволюционного развития на другие планеты.

В любом случае, это время очень драгоценно. Те, кто действительно хочет эволюционировать, не смогут найти более драгоценного времени. Эволюционируйте более и более к высшему сознанию. Если ты сможешь стать пробужденным, тебе не придется рождаться ни в какой утробе. Если не сможешь, и тогда ты будешь на пути к этому, на каком-то высшем уровне. И если ты родишься, то родишься на планете, где высший уровень сознания уже существует и широко распространен.

И кажется, эта Земля находится в безнадежной ситуации. Но все в этом мире начинается и кончается; ничто не остается навечно. Может быть, эта Земля, эта планета пришла к концу. Тогда подойдет любой предлог.

Наука обнаружила в этом существовании черные дыры. Их нельзя увидеть; видеть нечего. Можно увидеть только одно: если какая-то планета приближается к черным дырам, ее просто засасывает, и она исчезает из существования. Это смерть планеты. Из-за этих черных дыр некоторые ученые предположили, что должны быть и некие белые дыры, дающие планетам рождение. Это кажется логичным, потому что в существовании всему есть полярность. Черные дыры почти не вызывают сомнений. Белые дыры - это пока гипотеза. Даже если ядерной войны не случится на Земле, и если человек остановится и не сможет эволюционировать дальше, ее просто засосет в какую-нибудь черную дыру.

Черные дыры - одна из самых таинственных вещей в физике. Мы еще ничего не знаем, и, может быть, никогда не узнаем, потому что не можем в них войти. Если ты вошел, то вошел навсегда. Ты не можешь вернуться.

Эти черные дыры предназначены для того, чтобы развоплощать, - и они делают свою работу. Каждый день какая-то планета, какое-то солнце умирает, и умирает, поглощенное черной дырой. Это как смерть. Смерть - это черная дыра, в которую тебя засасывает. Но ты рождаешься в другом чреве. Может быть, есть и белые дыры; может быть, с другой стороны черной дыры есть и белая. С этой стороны старое разбирается, разрушается, а с другой стороны рождается новая планета, с новым потенциалом, с новыми надеждами, с новыми устремлениями.

Глава 21

Лишь если позволит любовь

*Любимый Ошо,
Каковы твои взгляды на сексуальную этику?*

Мои взгляды на сексуальную этику категорически противны всем взглядам и точкам зрения, существовавшим до сих пор. Все они склонны подавлять секс; они полны осуждения, они создали расщепленность в человеческом уме. Вся шизофрения и вся извращенность человека укоренены в ошибочной сексуальной этике.

Я воспринимаю секс как естественное явление. В нем нет ничего низменного и ничего священного. Это чистейшая естественная жизненная энергия безмерной важности. Если ты не можешь ее сублимировать, она тебя разрушит; и она разрушила человечество.

Это энергия, из которой рождается человек; из нее рождается все. Естественной, нет энергии выше сексуальной, но биологическое воспроизведение - не единственная ее функция. Та же самая энергия может иметь множество творческих измерений. Ту же самую энергию, соединенную с медитативными практиками, можно стимулировать и направить к высочайшему пику сознания, который я называю просветлением.

Моя сексуальная этика - не закон, но любовь.

Для двоих людей сексуальная интимность возможна, только если позволит любовь. Когда любви нет, связующей силой остается только закон, и это сущая проституция. А я против проституции.

Странно, что все религии послужили причиной проституции в мире, но никто не встанет и не скажет, что проституция существует лишь потому, что вы заменили любовь законом.

Закон - это не любовь. Брак действителен, только если есть любовь. В то мгновение, когда любовь исчезает, брак теряет силу. Это означает, что миллионы людей живут не любяще, неэтично, неестественно, - из-за религий, которые насадили произвольные оковы брака и попытались сделать его постоянным.

Жизнь постоянно меняется; ничто не постоянно. Любовь тоже не постоянна. Постоянны лишь пластмассовые цветы, настоящие же не могут быть постоянными. Слишком пристрастившись к постоянству, в конце концов, ты окажешься среди пластмассовых цветов; именно так у людей все оканчивается пластмассовым браком, пластмассовыми отношениями - фальшивыми, лицемерными. И это никому не приносит удовольствия.

В мире широко распространена проституция. Обычно, если ты идешь к проститутке, то покупаешь ее на одну ночь. По крайней мере, это честно. Но когда ты женишься на женщине, обещая ей, что будешь любить ее всегда, даже после смерти, - и медовый месяц еще не кончился, а любовь исчезла - тогда ты живешь в обмане. Теперь ты используешь человеческое существо как вещь, как сексуальный объект. Я осуждаю это.

Для меня любовь должна быть единственным законом, единственным решающим фактором.

И энергия секса не должна оставаться ограниченной только воспроизведением. Просто увидеть тот факт, что животные сексуальны не круглый год, у них свои брачные периоды. В эти несколько месяцев или несколько недель они сексуальны; в остальное же время секс исчезает. Почему у человека есть способность оставаться сексуальным круглый год? За этим должна стоять какая-то цель. Существование никогда не делает ничего бессмысленно.

В моем понимании, воспроизведение можно обеспечить за несколько недель, как это получается у всех животных. Но человеку дано столько сексуальной энергии... это ясное указание, что существование хочет, чтобы ты трансформировал свою энергию в высшие уровни сознания - и она может быть трансформирована. Точно так же как она может дать рождение ребенку, может она дать рождение и тебе. Она может заставить тебя родиться заново, с новым видением, новым блаженством, новым светом и совершенно новым существом. Все, что нужно, это чтобы сексуальная энергия была объединена с медитацией. И в этом состоит вся моя работа.

Вот моя сексуальная этика: сексуальная энергия плюс медитация.

И соединить их проще всего на свете, потому что когда вы занимаетесь любовью, в то мгновение, когда вы приближаетесь к оргазмическому взрыву, мысли исчезают, время останавливается. Внезапно ты вливаешься в другого, ты больше не эго. И все это качества медитации: ни эго, ни времени, ни мышления. Лишь чистая осознанность и слияние с целым.

Там, где кончается сексуальный оргазм, начинается медитация. Соединить их можно очень легко. Легче всего их соединить, они так близки.

Мое собственное видение состоит в том, что люди пришли к открытию медитации через сексуальный оргазм, из-за этих его качеств. Они смогли увидеть, что когда останавливаются мысли, останавливается и время, и эго исчезает, и ты оказываешься в безмерно красивом пространстве. Хотя это и длится лишь секунды, ты получаешь вкус чего-то такого, что не от этого мира, но от запредельного.

Мы не знаем, кто открыл медитацию, может быть, тысячи лет назад. На Востоке у нас есть книги, которым, по меньшей мере, десять тысяч лет, описывающие методы медитации. Но любой метод приносит одни и те же качества.

У меня такое чувство, что без сексуального оргазма никто не смог бы открыть этих трех качеств. Как только эти три качества были открыты, люди разума, должно быть, попытались их испытать, не входя в сексуальный оргазм. Возможно ли достичь такого же сознания? Наверное, кто-то в этом добился успеха, и с тех пор успеха добились миллионы.

Все человечество живет в несчастье по простой причине неправильной сексуальной этики, такой, что учит подавлять секс. А чем более ты подавляешь сексуальность, тем дальше ты от медитации. Чем более ты ее подавляешь, тем ближе ты к безумию, не к медитации.

И сейчас этот факт принят психоанализом, - основателем психоанализа Зигмундом Фрейдом, - что подавленный секс является основной причиной человеческого несчастья, всевозможных извращений, всевозможных душевных болезней. Но религии все же продолжают проповедовать прежнее.

Зигмунда Фрейда следует помнить как одного из мильных камней в истории человека. Но его работа - это только половина. Он просто боролся с подавлением; его работа была негативной. Сама по себе она никуда вас не приведет; это борьба с темнотой.

Моя сексуальная этика - это законченность. Подавление должно быть отброшено. Глубокое принятие, глубокая дружелюбность к своим собственным энергиям, любящая интимность со своими собственными энергиями могут открыть вам все их тайны... И, в соединении с медитацией, оргазм становится дверью в храм божественного.

Для меня, если секс - это творческая сила в мире, он должен подходить ближе всего к центру мира - какое бы название вы ему ни дали. Творческая энергия должна быть ближе всего творению, творческому источнику всего сущего.

Людей нужно учить искусству преобразования сексуальной энергии в духовное просветление.

Любимый Ошо,

Не видишь ли ты какой-нибудь политической причины, по которой тебя так настойчиво преследуют, - кроме того исторического факта, что все люди истины, такие как Иисус, Будда, Сократ, страдали от подобных преследований?

Да, есть и политические причины. Меня преследовали и в Индии. Совершались покушения на мою жизнь, потому что я критиковал философию Махатмы Ганди, а его последователи были в Индии у власти с тех пор, как ее покинула Британская империя.

Приведу один пример. Я был против Махатмы Ганди не по какой-либо личной причине, не из-за его намерений, но из-за его совершенно идиотской философии. Он учил, что все, что было изобретено после прядильного колеса, - работа дьявола. Прядильное колесо должно быть последним достижением технологии, и все случившееся позднее должно быть отброшено. Это же такая чепуха.

Мир голодает, умирает. Сама Индия не может обеспечить себя в достаточном количестве пищей, одеждой, кровом для людей; сейчас население Индии составляет девятьсот миллионов. Половина Индии умрет к концу этого века, просто умрет от голода. И Махатма Ганди будет одним из тех, кому придется принять за это ответственность.

С прядильным колесом, если работать восемь часов в день, можно обеспечить себя достаточным количеством одежды на весь год. Но восемь часов тебе придется работать за прядильным колесом. Кто принесет тебе хлеб? Кто даст тебе дом, чтобы в нем жить? Кто позаботится о твоих детях? Кто позаботится о твоей жене? О старой матери и отце? Что будет с тобой в те времена, когда ты нездоров, когда кто-то другой нездоров, когда нужны лекарства?

Остановиться на прядильном колесе - самая опасная из человеческих идей. Она принесет миру еще больше бедности, больше болезней, создаст больше и больше людей без образования. Возможность цивилизации исчезнет. Мы впадем в состояние варваров, первобытных племен.

Махатма Ганди был против железнодорожных поездов. Он был против телеграфа. Он был против всего, что, как оказалось, принесло человечеству чрезвычайную пользу и было для него благословением. Одно дело быть против ядерной технологии, но быть против всякой технологии как таковой – просто ненормально.

Когда Морарджи Десаи стал премьер-министром Индии, - он стал считать себя преемником Махатмы Ганди, - он попытался причинить мне как можно больше вреда. Когда он был первым министром Гуджарата, он попытался провести в ассамблее резолюцию, запрещающую мне въезд в Гуджарат. Ассамблея просто не могла поверить своим ушам: «О чем ты говоришь? Мы можем с кем-то не соглашаться, мы можем критиковать этого человека, но препятствовать его въезду в этот штат значит просто признать себя трусом; это просто значит, что у тебя нет никаких аргументов». И у него действительно не было никаких аргументов.

В конце концов, он стал премьер-министром Индии. Тогда он стал пытаться преследовать меня, как только мог, преследовать моих людей, потому что я говорил правду, говорил, что страна умирает, - а он учил, что если ты начнешь пить свою мочу, это решит все проблемы.

Без сомнений, он кажется достойным преемником Махатмы Ганди. Пока Махатма Ганди был жив, в его ашраме один из его старших учеников, профессор Бхансали - хорошо образованный человек, вышедший на пенсию профессор университета - жил шесть месяцев, питаясь коровьим пометом и мочой коровы. И Ганди объявил его духовным подвижником! Несомненно, Морарджи Десаи является духовным преемником Ганди.

Морарджи Десаи без всяких оснований создал множество правовых проблем. Он ушел с поста через три года, но проблемы все продолжают. Он отнял налоговые льготы у треста, который работал на меня, не приводя к тому никаких причин. Теперь его не стало, но бюрократия есть бюрократия: проблема продолжается. И поскольку льготный налоговый статус был снят, за все эти годы накопилось полтора миллиона долларов подоходного налога. И теперь налоговая инспекция требует полтора миллиона долларов.

Он воспрепятствовал тому, чтобы мне разрешили купить какую-либо землю, дом, собственность. У меня нет никаких денег, но он также помешал моим друзьям, которые пытались распространять мое слово. Коммуна в Пуне существует двенадцать лет, но вся купленная нами собственность куплена на чужое имя; она по-прежнему записана на прежних владельцев. Мы заплатили деньги, но права собственности не были нам переданы.

Всеми возможными путями... но причина в политике. Все они эксплуатировали имя Махатмы Ганди при выборах, а я был единственным в стране человеком, который говорил: «Пришло время забыть Махатму Ганди. Поблагодарите его в последний раз за его попытки добиться свободы для этой страны, но настало время освободиться и от него. Стране необходим технологический прогресс; иначе будут гибнуть люди».

Махатма Ганди был против контроля рождаемости, а я абсолютно поддерживал контроль рождаемости. Если бы меня послушали... Я выступал за контроль рождаемости тридцать лет. Если бы меня послушали... в то время население составляло четыреста миллионов, но меня не послушали. Теперь оно составляет девятьсот миллионов.

Экономисты, математики - все были удивлены, потому что не ожидали, что население увеличится настолько. Они думали, что к концу века в Индии будет миллиард человек. Теперь им приходится изменить расчеты, и изменить значительно. Теперь они говорят, что к концу века в Индии будет миллиард и восемьсот миллионов населения. Сама земля умирает, так ее эксплуатируют. Никакого научного развития не происходит. А контроль рождаемости проповедовать нельзя; это против религии, против проповедей Махатмы Ганди.

Несомненно, всевозможные политические преследования идут бок о бок с преследованиями, которым подвергалась каждая истина.

В России у меня есть мои люди, но они должны оставаться в подполье; чтобы медитировать, им приходится встречаться в подвалах. Они никому не собираются причинять вреда. Я не террорист, я не насильственный человек; вся моя философия состоит в ненасилии. Они просто сидят в молчании, но коммунистическое правительство Советского Союза не может этого потерпеть: «Что вы делаете?»

КГБ преследует саньясинов; они нашли, по меньшей мере, двести человек. Мучая одного человека, они узнавали имя другого... бесконечный допрос, угрозы. У них отняли книги, у них отняли малы и оранжевую одежду, потому что я против марксистского коммунизма.

Марксистский коммунизм просто равномерно распределяет бедность, а равномерное распределение бедности не является и не может быть целью человеческой эволюции. Каждый должен быть богатым - и это возможно. Не нужно никаких революций: все, что нужно, это глубокое понимание, что *пока не богат каждый, беден и ты*.

Ты можешь быть богатым - но если ты окружен бедными, какой смысл в богатстве? Ты можешь быть здоровым - но если ты окружен больными, мертвыми, трупами, какой тогда в твоей жизни смысл? Можешь ли ты ее праздновать? Можешь ли петь песню? Тебе будет ужасно стыдно.

Таким образом, все, что нужно, это глубокое понимание, что сейчас доступны средства к тому, чтобы увеличить благосостояние и остановить демографический взрыв; может существовать общество, которое богато. Я всецело за богатое общество. Но я против того общества, которое во имя равенства просто распределяет бедность.

Семьдесят лет прошло со времен русской революции, но Россия по-прежнему бедна. Что там изменилось? Изменилось лишь одно: место богатых заняла коммунистическая клика, люди, стоящие у власти. Классы не исчезли: появился новый класс, у которого больше власти, чем когда-либо было у богатых. И страна превратилась в концентрационный лагерь. Под именем красивых слов возникла уродливая действительность. Страна похожа на концентрационный лагерь, и люди бедны. Нет речи, ни о какой справедливости, нет никакой свободы выражения и мышления.

Я осудил это. Естественно, Коммунистическая Партия выпустила против меня книги, и они опубликованы в России.

В Америке у меня была прекрасная коммуна из пяти тысяч человек, живущих радостно без тени классовой борьбы. Не было ни одного нищего. За пять лет не родилось ни одного ребенка. Они тяжело работали, они медитировали, а по ночам танцевали, играли на флейтах, играли на гитарах. Это была мечта, претворенная в реальность.

И мы преобразили целую пустыню, которую купили. Это было не маленькое место; в нем было сто двадцать шесть квадратных миль... огромная пустыня. Мы построили плотины, у нас были свои автобусы, свои машины - все свое. У нас была своя больница, своя школа, свой университет.

И что случилось с Америкой? Почему их так тревожили мы, оазис в пустыне? Ближайший город находился на расстоянии двадцати миль. Мы не интересовались никем другим. Мы наслаждались собой.

Они встревожились, потому что люди стали приходить и смотреть. Слово стало распространяться. Если эти люди могут преобразить пустыню - она лежала мертвой пятьдесят лет, и никто не пытался ее купить, - если они могут создать оазис, производительный, способный обеспечить пять тысяч человек овощами, фруктами, молоком, яйцами, всем необходимым...

И не было необходимости, ни в какой диктатуре пролетариата; это был настоящий коммунизм. И для меня настоящий коммунизм всегда означает, что он соединен с анархизмом; иначе он не настоящий. Если коммунизм и анархизм соединены воедино, это реально. Коммунизм поможет стать богаче; анархизм поможет стать свободнее, добиться большей свободы. В конце концов, не будет нужно никакого правительства. И у нас не было никакого правительства. У каждого была своя ответственность.

Американские политики встревожились, потому что мы создавали прецедент, который мог оказаться опасным: он мог воспламенить умы миллионов людей. Даже в этой богатейшей стране мира, тридцать миллионов человек - нищие, живущие на улице, без дома, без одежды, без еды, без работы. А Америка продолжает выбрасывать миллиарды долларов на глупые проекты.

Только сейчас взорвалось несколько ракет, а каждая ракета означает миллиарды долларов. Они вкладывают все силы в ядерное вооружение. Не могу себе представить, кого они хотят убить, потому что уже сейчас Америка и Советский Союз вместе имеют достаточно ядерной энергии, чтобы убить каждого человека семь раз. Не думаю, что каждый окажется Иисусом Христом и

воскреснет семь раз, чтобы принять новые меры. Истина в том, что даже Иисус Христос не воскресал ни разу; природа не меняет своих законов.

Коммуны испугались, потому что она была именно тем, о чем думали все великие анархисты мира, такие как Князь Кропоткин и другие, - что придет день, когда не нужно будет никакого правительства. И это был коммунизм, потому что не было никаких классов, но это не значит, что все были равны. В этом я снова не согласен с коммунизмом. Людям должны быть даны равные возможности расти, но люди не равны. У них разные таланты; есть гении, есть музыканты, есть ученые. Личность каждого уникальна.

Люди не равны, - сейчас это установленная психологией истина, и все воззвания к равенству людей лишены под собой почвы, - но им должны быть даны равные возможности. Для чего? - равные возможности быть неравными, равные возможности быть уникальными, быть самими собой, быть теми, кем бы они только ни могли быть.

Я пригласил американских политиков: «Прежде чем что-нибудь решить, вы должны прийти и посмотреть». Но у них не хватило храбрости даже прийти и посмотреть, какой прекрасный оазис пришел к жизни. И если мы можем создавать такие оазисы по всему миру, во многих местах, они станут моделью для грядущего общества, для грядущего человечества.

В коммуне не использовались никакие деньги. Даже если у тебя были с собой миллионы долларов... они были бесполезны. Ваши потребности были удовлетворены, но деньги как средство обмена просто больше не использовались внутри коммуны. Можно было пожертвовать их в коммуну, потому что коммуна могла их использовать во внешнем мире; но я осознал, что как только деньги выходят из употребления, внезапно человек, у которого есть миллионы, и человек, у которого ничего нет, становятся равны - в финансовом, экономическом смысле. Неважно, что у них есть, важно, кто они такие.

Разрушив эту коммуну, Америка повела себя совершенно противозаконно. Но ей пришлось ее разрушить, пришлось изгнать меня из Америки, потому что я мог создать такую же коммуну в другом месте. И не удовлетворившись даже изгнанием меня из Америки, они стали принуждать все остальные нации, находящиеся под их давлением, к тому, чтобы не дать мне остановиться нигде. А я не причинил никому никакого вреда. Но политики - посредственные люди. Они не могут себе позволить ничего такого, что выходит за пределы их посредственных умов; это становится для них опасным.

У них ничего против меня нет, но мои идеи кажутся им опаснее их собственного ядерного оружия. В мире, где одна американская бешеная собака бомбит маленькую страну, такую как Ливия, где у другого русского атомного проекта слетает крыша, почти как у человеческих существ... среди всех этих проблем, парламенты мира обсуждают меня: позволить ли мне въезд в их страны? Это смехотворно.

Любимый Ошо,

Что такое просветление? Не божественное ли это откровение?

Это не божественное откровение, это божественное осознание. И разница велика. Божественное откровение подразумевает, что тебе открылось нечто объективное, подобное Богу. Ты видишь какого-то Бога, но ты отделен от него, а он отделен от тебя.

Я не верю в Бога, который отделен от нас, который отделен от существования. Я не верю в Бога, который является творцом; я верю в Бога, который есть творчество. Говоря другими словами, я не верю в Бога как личность, я верю в божественность как качество.

Поэтому я говорю, что это не божественное откровение, но божественное осознание. Ты осознаешь, что ты есть Бог, и в осознании того, что ты есть Бог, осознаешь и то, что все есть Бог, - что существует только Бог и ничего больше. В камнях, в деревьях, в птицах, в людях - знают они или нет - один и тот же принцип, одно и то же качество скрыто в самом центре каждого существа.

В просветлении ты становишься настолько полным света, что видишь свой собственный центр и осознаешь свою божественность.

Это существенно меняет дело, с отдельным Богом человек, лишь марионетка. Он никогда не может быть свободным, он будет всегда оставаться рабом. Как ты можешь быть свободным от создателя? Он тебя создал. И почему он создал тебя в определенный момент? - почему не раньше?

В прошлом осталась вечность - а христианство говорит, что Бог создал мир за четыре тысячи и четыре года до Иисуса Христа. Должно быть, это было 1 января - очевидно. Но что он делал до этого? Просто сидел и ничего не делал целую вечность? И вдруг, ни с того ни с сего, он создает мир. И не слишком продуманный - халтурный.

Я отправлялся в путешествие. Я пришел к портному и сказал:

- Тебе придется сшить мне одежду за семь дней. И на этот раз никаких фокусов: семь дней есть семь дней.

- Как хочешь, - сказал он. - Но помни одно: Бог создал мир за шесть дней, и вот, полюбуйся. Я могу создать тебе одежду за семь дней, но не говори мне: «Что ты наделал!» Это будет халтура! - И он был прав.

За шесть дней... и через шесть дней Бог устал и решил отдохнуть, и так с тех пор и отдыхает. Странная усталость! Это внезапное решение - создать мир - кажется капризом. Нельзя полагаться на такого капризного Бога. Завтра он может решить, что достаточно: надо его разрушить. Что вам делать? С Богом-создателем вы просто в руках кого-то, кто может вас создать или разрушить. Тогда ваши свобода и индивидуальность бессмысленны.

Ницше прав, когда говорит: «Бог умер, и теперь человек свободен». Он соединяет два утверждения вместе; это его прозрение: Бог умер, и теперь человек свободен. Пока Бог жив, человек не может быть свободным.

Я не говорю, что Бог умер, - потому что он никогда не был жив! Бог - это не объект снаружи существования. Он не создатель, он - сама глубочайшая реальность существования. Он вечен; он был всегда здесь-и-сейчас и будет всегда здесь-и-сейчас. Творение не завершилось за шесть дней, но все еще продолжается. Это нескончаемый процесс. Это эволюция.

Но Бога необходимо поместить внутри, не вовне. Бог извне, - и мир становится мертвым, и Бог - его диктатор. Бог внутри, в существовании, вдыхающий жизнь во всю целостность бытия, где все трепещет жизнью, - и Бог больше не представляет опасности.

Итак, я не скажу, что просветление - это божественное откровение, нет. Всем тем, кто говорит, что получили божественное откровение, оно просто приснилось, пригрезилось. Это была иллюзия и ничего больше.

Просветление - это осознание: «Я не просто смертен. Я не просто материален, я божествен. В святая святых меня жив Бог, и все происходящее во мне происходит и в каждом другом». Единственная разница между тем, кого мы называем просветленным, и другими в том, что он знает; он узнал свое внутреннее существо, а другие крепко спят. Но качественной разницы нет. Те, кто спит, могут завтра проснуться.

И важно ли в этой вечности, проснешься ты сегодня или завтра? Это неважно. Ты можешь проснуться рано утром или в полдень - доступна вечность. Ты свободен выбирать, когда тебе проснуться. Ты свободен в выборе, если тебе хочется поспать еще немного... потому что именно Бог наслаждается этим. Не беспокойся. Зачем тревожить Бога, если ему хочется еще немного поспать? И рано или поздно ты проснешься. Долго ли ты можешь спать?

Просветление - это пробуждение от глубокого сна, приход в сознание из состояния бессознательности. Для него не нужно никакого Бога извне.

Бог вовне очень опасен. То, что это подразумевает, уродливо, потому что Бог вовне означает, что ему следует поклоняться, его следует восхвалять, ему следует молиться, ходить в мечеть, ходить в церковь, ходить в синагогу. Бог вовне никогда не позволит тебе войти вовнутрь себя: твои глаза будут сфокусированы на внешнем - а вовне Бога нет. Ты смотришь в пустое небо.

Настоящие соки жизни - у тебя внутри. В это самое мгновение ты можешь обернуться внутрь себя заглянуть в себя. Не нужно никакого поклонения, никакой молитвы. Все, что нужно, это молчаливое путешествие в собственное существо. Я называю его медитацией - молчаливым паломничеством в собственное существо. И в то мгновение, когда ты находишь свой центр, ты нашел и центр всего существования.

Архимед, один из великих ученых, обычно говорил: «Если я смогу найти центр мира, то смогу и произвести революцию во всем». Но этот бедный человек так никогда его и не нашел; он смотрел в неправильном направлении. Если случайно в какой-то жизни я встречу его, то скажу: «Архимед, ты все еще ищешь центр вовне? Этот центр - у тебя внутри. И это правда: если ты можешь найти центр внутри себя, найден и центр всего мира, и ты можешь в нем произвести революцию».

Именно по этой причине правительства всего мира против одной-единственной индивидуальности, у которой нет никакого оружия, никакой власти. Странно! Иногда у меня такое ощущение: эти люди, что, все сошли с ума!

Европейский парламент должен решать, позволить ли моему самолету приземляться в любом аэропорту Европы. Даже приземление моего самолета... вопрос даже не во въезде в их страну, но стоит только самолету приземлиться для заправки, и им уже страшно.

В Лондоне мой пилот сказал мне, что у него время кончилось; он не может лететь дальше. По закону ему нужно двенадцать часов отдыха, и он сказал:

- Тебе придется переночевать в аэропорту.

- Ладно, нет проблем, - сказал я. Но я понятия не имел, что я чем-то похож на ядерную боеголовку! Мне не разрешили находиться в зале ожидания первого класса. Мои друзья подумали, что, может быть, нам создадут проблемы: «Это ваш собственный самолет; почему мы должны допускать вас в зал ожидания первого класса?» И они купили билеты первого класса для всех моих друзей, которые были в самолете.

И действительно, так и вышло. Сначала они сказали:

- Мы не можем вам этого позволить, потому что вы путешествуете не коммерческим самолетом. Где ваши билеты первого класса?

Мы показали билеты первого класса и сказали:

- Завтра утром мы летим коммерческим самолетом.

Этот человек исчез. Через несколько минут он появился снова и сказал:

- Вы не можете войти в зал ожидания для первого класса.

Пока его не было, он оставил папку на столе, и один из моих друзей заглянул в эту папку. Там были все инструкции от правительства: прежде чем я прибыл в аэропорт, правительством было принято решение не допускать меня в зал ожидания первого класса, потому что я опасный человек. Но что может сделать опасный человек среди ночи в зале ожидания первого класса, из которого он не может даже выйти в город?

И я спросил:

- Какая у нас альтернатива?

Он сказал:

- Альтернатива только одна: всю ночь оставаться в тюрьме.

И мне пришлось провести ночь в тюрьме! Может быть, это было - наверное! - нечто беспрецедентное: без всякого преступления, с ожидающим самолетом и билетами в кармане, мне пришлось провести ночь в тюрьме.

Затем в парламенте были заданы вопросы, почему меня не допускают в зал ожидания; единственным ответом было: «Этот человек опасен». И никто не сделал себе труда спросить: «Что же он сделал? Он что, террорист? У него бомбы? Какая возможна опасность?»

Я был арестован в Греции. Я не выходил из дома; пятнадцать дней я находился только в доме. И архиепископ стал поднимать в парламенте большой шум: что если меня не изгонят из страны, он подожжет мой дом. Он собирался взорвать дом динамитом, потому что «...этот человек опасен - он может разрушить нашу мораль, он может разрушить нашу религию, он может разрушить нашу традицию, он может разрушить нашу Церковь. Ему нельзя позволить здесь оставаться».

В двадцатом столетии правительство решает, что человек, просто турист, который собирается провести здесь только две недели... Две недели я не покидал дома, не собирался покидать его и в следующие две недели; я просто отдыхал в доме у друга. Они решили, что я опасен.

И никто даже не думает, что если мораль можно разрушить за пятнадцать дней - мораль, которую вы создавали три тысячи лет - что это за мораль? Она не стоит того, чтобы ее сохранять. Что это за церковь? Две тысячи лет вы ее создавали, а один турист может разрушить ее за две недели. Странно! И просто, сидя дома?!

Но, кажется, эти правительства соединены заговором. Они посылают сообщения другим правительствам, что куда бы я ни приехал, мне нельзя позволить оставаться.

А я не политический человек, я абсолютно аполитичен. Меня совершенно не интересует политика; я предоставляю это посредственным людям. Меня интересует эволюция человеческого сознания. Но, может быть, это для них и опасно. Может быть, опасность, о которой они говорят, состоит в том, что если люди станут более бдительными, более сознательными, они не станут поддерживать этих политиков.

Люди должны оставаться умственно отсталыми, глупцами, идиотами, чтобы Рональд Рейган мог оставаться президентом Америки. Иначе кто выберет президентом Америки третьесортного актера ковбойских фильмов? Разве нельзя найти какого-то разумного человека?

Любимый Ошо,

Не направлено ли частое повторение тобой слова «оргазм» на дальнейшую пропаганду имиджа «секс-гуру»?

Те, кто может меня понять, ясно видят, что я самый антисексуальный человек в существовании, потому вся моя работа состоит в том, чтобы трансформировать сексуальную энергию в духовное сознание.

Папа может быть секс-гуру, шанкарачарья в Индии может быть секс-гуру, потому что это те люди, которые подавляют и учат, что секс должен быть подавлен.

Что бы ни было подавлено, это остается в тебе и принимает извращенные формы. Это может стать гомосексуальностью, это может стать содомией; это может принять форму любого извращения. Чем более вы что-то подавляете, тем более этому придется искать какой-то другой выход.

Гомосексуализм родился в монастырях - это религиозное явление, - потому что религии разделяли монахов и монахинь и были так упрямы в том, что женщины и мужчины не должны касаться друг друга, не должны даже видеть друг друга. Куда пойдет их сексуальная энергия? Никто не заботился об их сексуальной энергии; им просто сказали: «Примите обет безбрачия». Но обет не поможет, потому что ваша биология не слышит этого обета.

В монастырях монахи становились гомосексуалистами, монахини становились лесбиянками. Это очень странное явление... эти люди создали все извращения сексуальности в мире, потому что их настояние на постоянном браке без развода создало проституток. И поскольку секс так подавлялся, их умы наполнились сексуальностью.

Помни, что секс находится не в гениталиях, он у тебя в голове. В голове есть центр, контролирующий гениталии; если секс так подавлен, дело не в гениталиях.

Существовали христианские секты, которые даже отрезали гениталии, просто чтобы их безбрачие было абсолютным. Но это не делает их свободными от секса, потому что настоящий центр секса находится в голове, а секс - это только продолжение.

Именно поэтому ты можешь фантазировать о сексе, и это немедленно оказывает эффект на гениталии; это продолжение твоего ума. И как только ум наполняется сексуальностью, возникает новая вещь, которую создали ваши религии и за которую они ответственны, - порнография.

Человек не видит ясно связи из-за косвенности и большой длины маршрута, ведущего от религий к «Плэйбою», «Пентхаузу» и другим порнографическим журналам и к желтым газетам, которые живут уродством и непристойностями. Но настоящая причина в том, что Папа, шанкарачарья, Аятолла Хомейни... именно эти люди подливают масла в эту порнографическую литературу.

Если меня услышат, и люди примут секс как естественную вещь, и соединят его с медитацией, вся порнографическая литература автоматически исчезнет.

Странно, что эти религиозные лидеры осуждают порнографию, а сами являются ее учредителями. Такова бессознательность ума. Может быть, они этого сами не понимают. Они осуждают гомосексуализм, но не понимают простого факта, что сами его и создали, принуждая людей к безбрачию. Безбрачие противоестественно. Единственный путь к безбрачию - это операция на мозг. Ты не можешь быть безбрачным, пока не удален сексуальный центр мозга.

Дельгадо, один из известных психологов, экспериментировал с сексуальным центром белой мыши. Он раскрыл самцу мыши голову и зафиксировал электрод на его сексуальном центре. Он поместил перед ним пульт дистанционного управления и научил его с ним обращаться. Касаясь пульта, он испытывал потрясающий оргазм, дрожа от радости, но это не имело ничего общего с гениталиями, потому что сексуальный центр находится в голове. Перед ним была еда, было питье - все самое вкусное, что он любил, - но он не беспокоился о том, чтобы есть и пить. Он продолжал нажимать на кнопку, пока не умер. Шестьсот раз он испытал оргазм, а затем умер. Для него это было слишком.

Единственный способ сделать кого-либо безбрачным - это удалить сексуальный центр из головы - что не удалось сделать этим религиям. Но если из головы удален сексуальный центр, с человеком начинают происходить странные вещи.

Например, мы знаем, что ни один импотент никогда не становился просветленным. Ни один импотент никогда не был пророком или мессией. Ни один импотент никогда не был гением, ни в какой области - в науке, музыке, искусстве, танце. За всю историю человека, ни один импотент никогда не был способен внести никакого вклада. Кажется, все творчество состоит в твоей сексуальной энергии. И если у человека нет сексуальной энергии, может быть, он станет абсолютно тупым, бесцветным; его глаза потеряют блеск. Он потеряет интерес ко всему; он не может прожить долго. И нет необходимости... потому что секс это энергия, которую следует использовать для высшего роста.

Я не сексуальный гуру.

Если я вообще какой-то и гуру, то антисексуальный.

Сексуального гуру вы найдете в Ватикане. Его извращение состоит в том, чтобы не касаться женщины, но касаться земли; вот его извращение. Целовать не женщину, а землю! Это извращение. Просто попробуй как-нибудь на улице поцеловать землю, и все узнают: «Этот человек извращен! Что он делает? Целовать землю!» И особенно когда Папа прибыл в Индию... Там целовать землю значит целовать коровий помет - вся земля там это коровий помет. Но это сексуальное извращение, ничего больше.

Предыдущий Папа был несомненным гомосексуалистом. Прежде чем стать Папой, он был кардиналом в Милане. Смялся весь Милан; это было основной темой для разговоров в городе, потому что он всегда везде таскался со своим дружкой. Затем его избрали Папой - это было последней шуткой - и он назначил дружка своим секретарем.

Слово «оргазм» - прекрасное слово. Оно просто означает, что энергии двух людей сливаются, встречаются в радостной целостности. Мужчина и женщина - это половины, половины целого. Поэтому когда целое оказывается вместе, возникает огромная радость. Но из-за этих религий миллионы людей никогда не переживают оргазма.

В Индии я знаю, что, по крайней мере, девяносто восемь процентов женщин никогда не испытывают оргазма. В индийских языках нет слова, означающего оргазм, и по той простой причине, что индийскую женщину учили, что она должна просто лежать молча, когда мужчина занимается любовью. Только проститутки двигаются и наслаждаются; дамы этого не делают. Поэтому дамы должны лежать, как трупы; джентльмен же, лишенный поддержки дамы, кончает в одиночестве. Обе энергии никогда не встречаются в высочайшем пике своего танца, и они не знают, что такое оргазм.

Эякуляция - это не оргазм. Все твое тело должно войти в такой танец, чтобы в тебе танцевал каждый атом - и так же должно быть с женщиной.

Но религии запретили это, говоря, что наслаждение сексом противоречит женственности, что она должна держать глаза закрытыми. Даже открыть глаза - против этикета. И поскольку мужчина не может наслаждаться сексом один... то, что он делает, это просто мастурбация, это не то, что может создать оргазмическое состояние. И он разрушает женщину; и за всю жизнь она никогда не узнает, какие безмерные источники радости были в ее собственном теле.

Мужчина найдет какую-нибудь проститутку, чтобы получить радость. Чтобы жена оставалась дамой, нужна проститутка. Он разрушает двух женщин. Сделать женщину проституткой - это самое уродливое действие, на которое только способен мужчина, - принудить ее продавать свое тело. Но поскольку он должен соблюдать женственность дамы, нужна проститутка. С проституткой можно проделывать более животрепещущие сексуальные упражнения, гимнастику, но и с ней нельзя испытать оргазм, потому что нет любви. Деньги не могут купить любви.

Только любовь и секс во всей своей полноте, которые приняты и которыми блаженно наслаждаются, могут принести оргазм.

Это слово очень красиво, потому что оно подходит ближе всего к медитативному состоянию, которое оргазмично. Оно оргазмично не в сексуальном смысле, но в том смысле, что обладает качествами оргазма. Будда, сидя под своим деревом *бодхи*, находится в оргазмическом единении со всем существованием. Все его существо танцует с ветром, с солнцем, с дождем.

Сексуальный оргазм - это только небольшое окно, которое открывается шире и шире в небеса. Не обязательно продолжать сидеть перед окном. Ты должен поблагодарить сексуальную энергию за то, что она открыла окно, - но выйди наружу, потому что тебя ждут гораздо большие опыты.

Поэтому те, кто называет меня «секс-гуру», просто глупцы. Они не понимают простых вещей. Я повторяю снова: я самый антисексуальный человек в целом мире. Если меня послушают, не будет ни порнографии, ни гомосексуалистов, ни лесбиянок - не будет никакого рода извращений. А ты называешь меня «секс-гуру»?

Любимый Ошо,

В чем разница между твоей философией и философией христианства?

Это странный вопрос - странный, потому что у христианства вообще нет никакой философии, у него есть теология. А между философией и теологией огромная разница.

Теология начинается с верования, с веры. А философия начинается с сомнения, логики, рассуждения. Философия - это мышление; теология - это верование без мышления. Если ты думаешь, ты не можешь быть христианином; ты не можешь быть частью вообще никакой религии. Ни одна религия не допускает мышления, ни у одной религии нет философии: все это теологии.

Поэтому первое: у христианства нет никакой философии. Оно говорит: «Верь», - верь в спасителя, верь в Иисуса Христа, верь в то, что он единокровный сын Божий, верь в Бога, верь в троицу. Но это всегда «верь», а верование делает человека лицемером, потому что глубоко внутри ты знаешь, что верование не может стать истиной. Глубоко внутри ты знаешь, что это только верование; ты не пережил этого. У этого нет никакой основы, это лишено под собой почвы: единственное сомнение, и все здание разбито вдребезги до основания.

Христианин верит, что Иисус родился от девственной матери. Как можно об этом думать? Если ты думаешь, понадобится сомнение. Ты можешь только верить, а в веровании... ты прекрасно знаешь, что это неестественно, что этого не может случиться.

Христианство говорит, что Иисус воскрес после смерти. Тебе приходится в это верить, потому что нет никакого доказательства, никакого свидетельства. В современной литературе о жизни Христа не упоминается даже имени Иисуса. Думаешь ли ты, что такое явление, как человек, который воскресает после распятия, прошло бы незамеченным? Что о человеке, который возвращал мертвых к жизни, нигде не напишут? Что человек, который ходит по воде...

Думаешь ли ты, что этот человек был бы распят? Сами евреи приветствовали бы его как мессию, потому что чего еще желать? - ни один из пророков раньше такого не делал. Но нет даже упоминания о таком человеке, как Иисус Христос. Его последователей было немного. А те, кто был, были необразованными, некультурными, бедными людьми - их можно пересчитать по пальцам, - но ни одного раввина, тогда как Иудея была полна раввинов великой учености.

Если ты думаешь, то не можешь верить во все эти вещи. Если ты думаешь о Боге, то не можешь верить. Поэтому у христианства нет никакой философии. Никакая религия не может себе позволить быть философской; она может оставаться только теологической.

Я сказал, что это странный вопрос, потому что нет никакой философии и у меня, но по другой причине. Нет у меня и никакой теологии.

Я не верю в верование. Я не верю в сомнение. Я верю в поиски, в исследование.

У меня есть образ жизни, но нет философии, и я не могу сказать: «То-то и то-то составляет мой катехизис».

И весь мой образ жизни прост, для него не требуется большого философствования. Он прост: научиться быть молчаливым, научиться наблюдать свои мысли - потому что, по мере того как ты становишься более и более наблюдающим мысли, мысли начинают исчезать. И приходит время, когда ты в состоянии не-ума - предельно бдительный, предельно осознанный, совершенно сознательный, но сознать нечего, осознавать нечего. Ты просто осознан, просто сознателен.

Это самое ценное мгновение в жизни, потому что в жизни и существовании вся энергия движется по кругу. Когда твое сознание не может найти никакого объекта для осознания - а в этом смысл слова «объект»; это значит препятствие, преграда, помеха. Поэтому когда у твоего сознания ни в чем нет никакой помехи, и оно просто движется без ограничения, тогда оно обращается само на себя, потому что вещи в существовании движутся по кругу. Круг - это то, как движется энергия. А когда сознание начинает сознать само себя, именно это я называю просветлением. Это простая вещь.

Философия - это большое слово. Я не люблю больших слов; они всегда фальшивы. Мой подход к жизни очень прост и прям: у меня нет никакой философии, у меня нет никакой теологии, у меня есть только методология. И имя этой методологии - медитация.

Поэтому никого не нужно обращать, так как у меня нет никакой религии. Ко мне могут приходить мусульмане, ко мне могут приходить индуисты, ко мне могут приходить евреи, ко мне могут приходить христиане - они и приходят ко мне - потому что я не требую никакого обращения.

Я учу простому методу, которым они могли бы узнать сам источник жизни - а знание его и есть божественность.

*Любимый Ошо,
Тебя преследуют за твои идеи или действия?*

Мои идеи и есть мои действия; в остальном я очень ленивый человек. Я говорил моим людям, что я проводник - это к просветлению для ленивых. Действие! Само это слово выводит меня из равновесия. Но идей достаточно; они сильнее любого действия. У меня есть только идеи, и меня преследуют за идеи.

Я никогда ничего не делал, хорошего или плохого, за что меня можно было бы осуждать или хвалить. Все, что я сделал в жизни, было направлено на то, чтобы найти истину в том, что касается этого мгновения, и сказать ее с силой, с ударением, с авторитетом моего собственного опыта.

И не думаю, что понадобится какое-либо действие. Эти мысли будут двигаться сами собой, от одного ума к другому, и создадут опасность, которой боятся политики. Эта опасность очень близка, потому что у них нет никаких идей, чтобы со мной спорить, - ни у политиков, ни у религиозных лидеров. В этом их слабость. Препятствование мне во въезде в их страны им не поможет: мои идеи туда все-таки доберутся. Если они могут попасть в Советский Союз, то могут попасть куда угодно без всяких трудностей. Мне могут воспрепятствовать, но моим идеям воспрепятствовать нельзя.

В Америке было одно судебное дело, в котором другая сторона хотела от меня денег, и судья решил, что я сделаю перевод по телефону. А теперь мне отказано во въезде в Америку на пять лет по решению федерального суда. Я сказал своему адвокату там:

- Спроси у судьи, запретили ли меня в Америке частично или полностью - потому что мой голос будет слышен в телефоне и фактически все дело в моем голосе. У меня ничего больше нет. Зачем препятствовать мне? Если по телефону я могу поговорить с американским адвокатом, какой смысл препятствовать мне? - потому что я никогда ничего не делаю, кроме разговоров.

- Это очень важный пункт, - сказал адвокат. Но что еще я буду делать? Что еще я делал пять лет в Америке? Я просто говорю и ухожу в свою комнату.

Нет, у меня нет действий. Я не верю в действия, потому что любое действие становится каким-то образом насильственным. И если они так боятся даже моих идей... если бы были какие-то действия, тогда меня больше не потерпели бы среди живых.

Прямо сейчас меня не могут убить, потому что для этого нет совершенно никакой причины. Они могут попытаться - и именно это они делают - помешать моим идеям, достичь людей. Но это невозможно: у меня свои люди во всем мире. Идеи можно пересылать по-разному. Например, вот один из способов посылки идей - ваша газета пошлет мои идеи тысячам людей, которые, может быть, никогда не слышали обо мне. И, может быть, в некоторых это запустит процесс.

*Любимый Ошо,
Когда я умру, сохранится ли моя индивидуальность?*

Да, твоя индивидуальность сохраняется, но личность умирает - и ты должен понять разницу между ними.

Личность - это нечто, данное обществом, религией, образованием, профессией. У тебя есть определенная личность. Ее не станет, потому что это социальный продукт. Но ты родился с собственной индивидуальностью. В смерти ты возьмешь с собой свою индивидуальность. Все остальное, что ты заработал по пути, будет снова отнято; оно тебе не принадлежит. Твои степени,

твои призы, награды, Нобелевские премии, престиж, репутация - все это будет отброшено. Это я называю личностью.

Но у тебя есть индивидуальность - невинная, точно такая, каким ты родился... совершенно чистая, *tabula rasa*, на которой ничто не написано, никакого имени, безымянная. Ты уйдешь за пределы смерти с этой безымянной, невинной индивидуальностью. Это твоя душа, которая никогда не умирает. Она вечна: она была всегда и будет всегда. Она будет принимать разные формы - это означает множество личностей - до тех пор, пока однажды не насытится личностями и не отбросит их прежде смерти, пока ты сам их не отбросишь.

Именно это я называю отречением, саньясой: ты сам делаешь то, что делает смерть.

Прежде чем случилась смерть, отбрось все свои личности, все свои степени, всю свою респектабельность, свое имя, свою славу, все, и ты станешь невинным ребенком, рожденным заново. Если ты можешь испытать вкус индивидуальности здесь, зачем ждать смерти?

И это один из способов победить смерть, потому что тогда смерти будет нечего у тебя отнять. Ты умрешь сознательно. Причина, по которой смерти приходится делать тебя бессознательным, в том, чтобы что-то у тебя отнять; иначе ты будешь цепляться за эти вещи и не отпустишь их.

Саньяса - это самоубийство, самоубийство личности - и рождение заново, рождение индивидуальности. И невинность, и свежесть, и красота ее - просто за пределами слов. Это просто экстаз, который с каждым днем становится больше и больше. Он не знает пределов.

Глава 22

Наблюдателю не забавно

*Любимый Ошо,
Как человек дзэн пьет чай?*

Для человека дзэн все священо - даже питье чая. Что бы он ни делал, он делает это в священном пространстве.

Есть история о Моисее. Когда он пришел на гору синайскую, чтобы встретить Бога и получить Десять Заповедей, он увидел чудо: зеленый куст, ослепительно зеленый, а внутри - прекрасное пламя, огонь. И он приблизился, и кто-то из глубины куста крикнул:

- Сними обувь. Это священная земля.

Иудейская интерпретация состоит в том, что в этом пламени был сам Бог. Именно поэтому куст не горел: потому что Бог прохладен. И Моисей бессознательно входил на территорию, которая была подобна храму или синагоге: там был живой Бог. Он снял обувь и вошел.

Не думаю, что в этом есть что-то историческое, но одно важно: где бы ни был Бог, эта земля становится священной.

Дзэн подходит к вещам с противоположной крайней точки: где бы ни была священность, там есть и Бог. Где бы ни была божественность, там есть и Бог. Не наоборот - не присутствие Бога делает место священным, но если ты сделаешь священным какое угодно место, там немедленно почувствуется присутствие божественного, божественности. И они попытались привнести священное во все. Ни одна другая религия не заходила так далеко, так высоко, так глубоко. Ни одна другая религия не породила такой идеи.

В дзэн Бога нет. В дзэн есть только ты и твое сознание. Твое сознание - величайшее из случившихся до сих пор цветений существования. Оно может подняться еще выше, и вот способ поднять его еще выше: сделать твою жизнь такой, чтобы она стала священной.

Чашка чая - самая обыкновенная вещь, но в каждом монастыре люди дзэн создали специальный храм для питья чая, окруженный прекрасными деревьями, прудами... небольшой храм. Тыходишь в храм и снимаешь обувь; дзэн верит: «Там, где ты оставляешь обувь, оставь и себя». И тыходишь в храм абсолютно чистый, ничем не загрязненный.

В чайном доме, в чайном храме, никто не разговаривает. Только молчание углубляется. Каждый сидит в дзэнской медитативной позе. Самовар готовит горячую воду для чая, и звук самовара нужно внимательно слушать, как ты слушал бы мастера. Неважно, что ты слушаешь, важно, как ты слушаешь.

Дзэн меняет все и принимает гораздо более важную позицию: вопрос не в том, что ты слушаешь, вопрос в том, как ты слушаешь. Поэтому неважно, говорит ли это мастер, или шумит самовар. И каждый сидит в молчании, пока готовится чай.

Слушая самовар... мало-помалу аромат, благоухание чайных листьев наполняет храм. Ты должен быть доступен ему, словно это божественная милость. Это преобразует все мелочи - небольшие, не стоящие внимания вещи - в нечто очень значительное, осмысленное... придает этому религиозный цвет. И вот к тебе подходит женщина, приготавливающая чай. Ее грация, когда она наливает чай, и молчание, и звук самовара, и благоухание свежего чая создают собственное волшебство.

Никто не разговаривает. Каждый начинает смаковать чай, испытывая его вкус как можно более тотально, как будто весь мир исчез. Есть лишь чай; есть ты - и молчание.

Такое обыденное дело... во всем мире люди пьют чай, кофе и прочее, но никто до сих пор не смог преобразовать характер обыденного в священное.

Когда с чаепитием окончено, все почтительно кланяются женщине. Медленно они выходят из храма, не создавая никакого шума. Фактически люди во всем мире даже не входят в храм в таком молчании; в храме продолжаются всевозможные разговоры и болтовня. Женщины спрашивают друг друга об одежде и украшениях - фактически они туда ходят похвалиться украшениями и одеждой; у них нет другого места, чтобы выставить на показ свои сокровища. Все храмы и церкви - не что иное, как клубы сплетников, где люди болтают о всевозможных обыденных вещах. Они разрушают весь смысл.

А дзэн превратил самое обыкновенное в необычайный опыт. Тебе никогда не забыть чаепития с человеком дзэн. Тебе повезет, если при этом будет присутствовать мастер. Каждый жест полон значения.

Это называется чайной церемонией, не чаепитием. Это не кафе и не буфет, это храм: здесь происходят церемонии. Это только символ. Во всей жизни, круглые сутки, тебе следует помнить, что где бы ты ни был, это священная земля, и, что бы ты ни делал, это божественно.

Но если просто помнить, это не окажет большой помощи. Это должна поддерживать медитация; иначе это останется умственной вещью и не проникнет глубоко. Именно медитация всегда помогает придать глубину. Таким образом, в дзэнском монастыре целые дни, с утра и до вечера, до времени отхода ко сну, - долгая молитва. Они не молятся - нет Бога, чтобы ему молиться, - но остаются молитвенными, благодарными, признательными. И, с медитацией на заднем плане, каждая мелочь начинает обретать новый смысл, о котором ты никогда раньше не думал.

Кто бы подумал, что в чашке чая может быть такой духовный смысл? Но в дзэн он есть. Если ты смотришь поверхностно, это может показаться просто ритуалом. Если ты посторонний, это может выглядеть как ритуал. Нужно быть участником, чтобы понять, что это не ритуал; они действительно живут этим, наслаждаются этим, потому что за этим стоит мир медитации, молчания.

Молчание не только внутри храма; еще более величественное молчание - у них внутри. Это не священность снаружи; еще более величественная священность - у них внутри. Целый день они целы - что бы они ни делали: убирая во дворе монастыря, работая в саду, рубя дрова,нося воду из колодца, готовя пищу. Что бы они ни делали, они делают это так тотально, что если только ты не участник, то сможешь увидеть только их действие. Ты не сможешь увидеть, откуда возникает это действие, - океаническую глубину у них внутри.

Это случилось.

Один император Японии пришел повидать Нан-Ина, известного дзэнского мастера и наистраннейшего из мастеров. Император много слышал о нем. Много раз он приглашал Нан-Ина явиться ко двору, но всегда получал послание: «Жаждающий всегда приходит к колодцу, а не колодец к жаждущему».

В конце концов, император решил прийти сам. Когда он вошел в ворота монастыря... он был на горе, окруженной густыми джунглями, какой-то человек рубил дрова. Это был первый человек, которого он встретил.

Император спросил его:

- Где мастер? Могу ли я его увидеть?

Этот человек остановился и сказал:

- Да, ты можешь его увидеть. Иди прямо и попадешь в место, в котором он живет.

И он снова стал рубить дрова. Он закричал вслед императору:

- Не тревожь это место. Просто сядь и жди. Мастер придет, когда захочет. В этом его мастерство.

Император подумал:

- Странные люди. Всего лишь лесоруб, а так разговаривает с императором, что если бы это случилось при дворе, ему отрубили бы голову! Но здесь лучше промолчать и уйти.

И он вошел в особняк, куда должен был прийти мастер, и сел. Через несколько минут появился мастер. И император был озадачен, потому что он был одет в одеяние мастера, но лицом в точности похож на встреченного им дровосека.

Видя его озадаченное лицо, мастер сказал:

- Не тревожься, мы уже встречались. Я рубил дрова; я сам направил тебя в это место.

- Но почему же ты не сказал, что ты и есть мастер?

- В то время я им не был. Я был просто дровосеком, - и был так тотально увлечен, что это не оставляло абсолютно никакого места, чтобы быть мастером. Именно поэтому я попросил тебя обождать, чтобы я мог закончить с дровами, совершить омовение, облачиться в одеяние мастера, вспомнить, что теперь я мастер, и быть в этом тотальным. Теперь я готов. Для чего ты пришел?

- Я совершенно забыл, для чего пришел! Видя эту ситуацию, - что мастер рубит дрова... - разве у тебя нет учеников? Я слышал, что у тебя сотни учеников.

- Да, так и есть. Они в монастыре, дальше в лесу. Но рубить дрова так радостно, что я предпочел бы рубить дрова, а не быть мастером. Это такое священное, такое блаженное ощущение, - прохладный ветер, горячее солнце, все тело разгорячено, и каждый удар топора делает молчание этого места еще глубже. В следующий раз присоединяйся ко мне! Мы делаем всевозможные необходимые вещи, но одно остается общим, как золотая нить, проходящая сквозь все наши действия, - и это медитация. Медитация делает божественным все. Тогда действия не считаются. Считается твое сознание в мгновение действия.

Это изменяет всю идеологию обычного ума: он судит по действиям, он никогда не заботится о сознании, из которого рождается действие. Действие, исходящее из медитации, становится священным, и то же самое действие без медитации обыденно.

Мы наполнили наши жизни обыденными вещами, обыденными действиями, потому что не знаем простого секрета, который может трансформировать качество всего, что мы делаем. И помни, если ты не знаешь секрета трансформации, среди всех этих обыденных вещей ты тоже обыден. Если только у тебя нет сознания, которое делает тебя святым и священным, которое трансформирует все, что ты делаешь, в ту же категорию, к которой относишься ты...

Чего бы ты ни коснулся, это становится священным.

Что бы ты ни сделал, это становится святым.

Дзэн - это сама квинтэссенция всех религий, без всех их глупых ритуалов, вздорных теологии. Он отбросил все, что только можно было отбросить. Он сохранил лишь то, что представляет собой самую душу религиозности.

Поэтому с дзэнским мастером, даже сидя за чашкой чая, ты найдешь, что участвуешь в религиозном явлении.

Любимый Ошо,

За свою жизнь я пережил много ситуаций, в которых чувствовал себя заключенным в тюрьму, в клетку. Я бежал, как только это мне удавалось, - ребенком недалеко, но после четырнадцати лет - как можно дальше. Даже живя в твоём присутствии, от этой привычки что-то осталось, но она совершенно растворяется, как только я смотрю тебе в глаза, - и тогда это приносит чувство безмерного облегчения. Что происходит, Ошо?

Люди бегут из каких-то мест, от каких-то людей, от каких-то вещей, потому что испытывают непосредственное, интуитивное ощущение, что принадлежат не к этому месту - нужно найти какое-то другое место. Это не те люди, к которым они принадлежат. Наверное, где-то должны быть люди, к которым они принадлежат. Некоторые дети могут остро осознавать это чувство.

А когда ты смотришь мне в глаза, это ощущение исчезает, потому что тебе нужны такого рода глаза; ты искал их, сам того не зная. Твое бегство было поиском.

Слово «бегство» содержит осуждение. Ты искал и, не находя в одном месте, спешил в другое; не найдя в одном человеке ты бросался к другому. И это происходит во всем мире: люди меняют места, меняют возлюбленных, меняют друзей, меняют работы, но каким-то образом кажется, что ничто не подходит. Внутренняя жажда остается прежней. И не только прежней, она продолжает увеличиваться по мере того, как они растут.

Если происходит так, что, глядя мне в глаза, это желание в тебе пропадает, это значит, что ты нашел ключ. Тебе нужно такое присутствие, тебе нужны такие люди, тебе нужны вокруг тебя такие глаза. Тебе самому нужны такие глаза, с такой же глубиной, с такой же ясностью, с таким же прозрением - и ты найдешь, что оказался дома.

Никто не бежит из дома. Каждый бежит ради дома, потому что каждый помещен в какое-то другое место. Никто не заботится о твоих внутренних потребностях. Твои родители, твое общество позаботилось о твоих внешних потребностях... их нельзя осуждать, потому что никто не заботился и об их внутренних потребностях. Внутренне они пусты.

Может быть, они не могут бежать так легко, потому что у них множество оков. Есть жена, есть дети, есть работа.

Именно поэтому из всех поколений именно молодое поколение наиболее восприимчиво к новым идеям, к новым опытам, к поискам дома. И в эти последние тридцать лет это явление стало очень распространенным по той простой причине, что в прошлом молодого поколения никогда не существовало.

Ты удивишься, узнав, что молодое поколение - это очень современное явление. В старых странах, таких как Индия, где восемьдесят процентов людей живет в деревнях и не имеет связи с современным миром, все остается прежним: нет никакого промежутка между поколениями, потому что нет молодого поколения, чтобы создать этот промежуток.

Все происходит таким образом, что к тому времени, как ребенку исполняется шесть лет, он начинает работать вместе с отцом - он может делать небольшие вещи. Если отец фермер, он приносит отцу еду на ферму - небольшая помощь, - он гонит коров с фермы домой, делает все, что ему под силу. Он еще не стал молодым человеком; еще ребенок, он совершил квантовый скачок - принял ответственность. Время юности с шести до двадцати пяти лет для него упущено.

К тому времени, как ему исполняется десять или двенадцать лет, он почти научился торговле, работе. Может быть, его отец был ювелиром, и он изучает секреты этого ремесла.

Может быть, его отец был садовником, и он обучается секретам этого ремесла. Когда приходит время бежать и чувствовать себя свободным, он уже закован в цепи.

Но к двадцати годам он будет женат, у него будут свои дети, своя работа, собственные обязанности - он не может стать хиппи; он не может отправиться в Кабул, в Кулу Манали в Катманду, в Пуну, в Гоа. Он никуда не может бежать. Он не может проделать весь маршрут, предписанный каждому молодому человеку, - у него слишком много обязанностей. Он должен следовать отцу, след в след, потому что это не только его отец, но и учитель. Он учит его профессии.

Именно поэтому в старых культурах, в старых цивилизациях - и они все еще существуют - старшего человека уважают, потому что невозможно, чтобы молодой человек знал больше старого. Единственный способ узнать - это пережить опыт, а опыт приходит с возрастом. Ты уважаешь старшего человека, у которого больше опыта. Старейший становится мудрейшим, потому что он прожил целую жизнь, а жизнь не менялась веками, просто продолжалась по-прежнему. И более мудрый человек может посоветовать вещи, которых молодые люди не могут знать; они должны проявлять уважение.

Именно в современном мире произошла безмерная революция. Она создала новое явление - молодое поколение. Благодаря школам, колледжам, университетам у этих людей нет ответственности. Идея детских браков осуждается, и они не женятся. У них нет детей. У них нет никакой работы. На их родителях лежит вся ответственность за их образование. Поэтому до двадцати пяти лет они живут без всякой ответственности.

И именно в это время ум более всего романтичен, потому что в это время - с четырнадцати до двадцати пяти лет - они более всего сексуальны. Их сексуальная энергия делает их романтичными, сексуальная энергия делает их великими идеалистами. Кто-то становится анархистом, кто-то становится коммунистом, кто-то начинает думать об утопиях - каким должен быть мир. Более того, в возрасте двадцати пяти лет, когда они возвращаются из университета, они не могут принять, что старые люди знают больше их.

Теперь открылось новое измерение знания - и это образование. Старшие люди, может быть, много знают благодаря опыту, но молодые знают в сто раз больше благодаря образованию. Поэтому во всем мире уважение к старым, к старшим, уменьшается. Оно покоилось на определенном основании, и это основание исчезло.

Теперь последнее знание известно молодому человеку. Старый человек является носителем отсталых идей. И идеи меняются так быстро, наука прогрессирует так быстро, что даже профессора начинают чувствовать, что их больше не уважают, потому что то, что они знают, уже почти устарело. Когда они выпускались из университетов, это было правильно; с тех пор прошло двадцать лет. За двадцать лет изменилось столь многое, что разумный студент может их превзойти во всем, он должен лишь пойти в университетскую библиотеку и просмотреть книги, которые публиковались по этому предмету за последние двадцать лет.

Когда я был в университете, я предложил вице-канцлеру, что, по крайней мере, раз в год должен проводиться диспут-соревнование между студентами и профессорами.

- Что ты говоришь? - сказал он.

- Если вы можете устраивать соревнование по теннису между учителями и студентами, волейбольный матч между учителями и студентами, что плохого в моем предложении? Фактически это физические вещи; диспут же - интеллектуальное соревнование - гораздо ближе к их работе в университете. И это поможет всему университету узнать, насколько отсталые у них профессора. Эти профессора требуют к себе уважения. Они знают, что в прежние времена старых людей уважали - даже профессоров, - но причины к тому исчезли. Будет хорошо для них прояснить, что они могут сохранить уважение, только оставаясь впереди студентов.

- Кажется, в твоих словах есть логика, но это опасная затея. Если какой-то студент выиграет кубок, а профессора проиграют, даже существующие остатки уважения исчезнут!

- Они и должны исчезнуть. Им придется учиться. Вам придется создать новые методы, освежающие курсы для преподавателей. Когда у студентов летние каникулы, два месяца профессора должны проходить освежающий курс, чтобы не отстать от студентов. Они должны оставаться впереди. Лишь тогда они будут пользоваться заслуженным уважением; в противном случае никакого уважения быть не может.

Почему эти молодые люди такие бунтари? На самом деле они находятся в поисках своей настоящей тождественности. Никто не сказал им, кто они такие. Они делают всевозможные странные вещи... но все это по пути к нахождению себя. Они насильственны, потому что чувствуют гнев к старшему поколению, к родителям, к учителям, и их гнев превращается в насилие. Вы создали новое поколение, молодое поколение, но не смогли обеспечить их ничем питательным.

Молодое поколение чувствует себя очень пустым, и у него нет ответственности, вот оно и пытается бежать - от одного к другому, пробуя всевозможные вещи: наркотики, йогу, все, что случайно оказывается на пути, в надежде, что «может быть, это для меня». Но нет никакого руководства, и промежуток продолжает увеличиваться. Между родителями и детьми больше нет взаимопонимания, потому что дети думают, что эти старики ничего не знают, а старики думают, что эти дети - просто головная боль.

И промежуток продолжает расти, больше и больше, потому что наука находит способы продления жизни. Если вашу жизнь удлинить, если люди начнут жить сто лет, сто двадцать лет, тогда единственным выходом будет дать молодому поколению еще большее время, чтобы каждый мог стать ученым, чтобы каждый мог получить научную степень и создать больше образования, чтобы наполнить их жизни. Может быть, в возрасте тридцати пяти лет они будут выходить из университета, иначе, что им делать?

Старшие люди опытни в работе, и они делают свою работу. Но человек, который был совершенно лишен ответственности до тридцати пяти лет, сможет создать совершенно новую структуру. Он никого не будет слушать, у него не будет никакой собственной отождествленности.

Эту ситуацию можно изменить в очень красивый мир. Например, я преподавал в университете, но ни один студент никогда не чувствовал между мной и собой ни в каком смысле никакого разрыва поколений. Дело было не только в знаниях...

В первый же день, когда я вошел в свой класс, девушки сидели с одной стороны, а парни с другой, оставив между собой шесть рядов скамеек. Я сказал:

- Я не могу этого потерпеть. Что это за чепуха? Я что, должен разговаривать с этими скамейками? Просто смешайтесь и сядьте передо мной.

- Но, - сказали они, - каждый профессор говорит, что юноши и девушки должны сидеть отдельно.

- Это их проблема, не моя, - сказал я. - Мне не нравится, когда девушки сидят далеко от парней, а парни кидают записки - «я тебя люблю», - а девушки пишут ответы. Мне это не нравится. Просто сядьте рядом, и все, что вам хочется, говорите друг другу на ухо. Нет никаких проблем. Это время для любви, а вы тратите время впустую, бросая бумажки. Когда же вы будете любить?

Я заставил их смешаться. Они смотрели друг на друга с большим подозрением. Они сидели таким образом, чтобы никто никого не касался. Я сказал:

- Так не пойдет. Сидите расслабленно. Касаться парня или девушки - это не грех. Сегодня холодно, и вам будет теплее. Грейтесь!

Они сказали:

- Боже мой! Если узнает проректор, этого профессора выгонят!

Они любили меня все годы, пока я был в университете. И другие профессора спрашивали:

- В чем твой секрет? У тебя только десять студентов, но, по крайней мере, двести человек, не твои студенты, приходят на твои занятия. Они бросают свои классы и приходят тебя слушать. В чем твой секрет?

- Никакого секрета нет, - говорил я. - Я просто не допускаю никакого разрыва между ними и мной. Я всегда впереди их; они не могут быть впереди меня.

Я сказал им:

- Каждый, кто хочет выйти из класса, должен выйти; нет никакой необходимости меня спрашивать, потому что если вы хотите выйти, кто я такой, чтобы вам мешать или позволять? Просто выйди - только никому не мешай. Если хочешь войти посреди лекции, просто войди и где-нибудь тихо сядь. Не нужно спрашивать, потому что побеспокоит именно это. Ваши приходы и уходы совершенно меня не беспокоят.

Но никто не выходил и не входил. Класс был полон до моего прихода, и я им объяснил, что когда я вхожу, никто не должен вставать. Это было обычаем: студенты должны встать, чтобы показать уважение. Я сказал:

- Это абсолютно не нужно. Никакое упражнение по вставанию и приседанию не заставит вас меня уважать. Просто продолжайте сидеть.

Простая вещь, которая требовалась, состояла в том, что между ними и мной не должно было быть никакого разрыва. Я сказал им:

- Запомните, если меня нет, обождите пять минут и тихо разойдитесь. Это значит, что я не приду. И так будет часто, потому что я часто отлучаюсь из города, и мне это не разрешается. Университет не может меня так часто отпускать. Я прочитаю вам курс полностью, поэтому не волнуйтесь об этом. Просто обождите меня пять минут и тихо покиньте класс. А если вы не хотите приходить, я тоже обожду вас пять минут и уйду. Ни я вас не буду спрашивать, почему вы сегодня не захотели прийти, ни вы меня. Это соглашение.

И девять лет я постоянно путешествовал по стране, но предполагалось, что я преподаю в университете. Ни один студент не доложил, что я покидал город, не отпросившись из университета. Они защищали меня, потому что я защищал их. Я никогда не отмечал их посещаемость. Я просто каждый день отмечал, что они присутствуют, и в конце каждого месяца, когда ведомость отправлялась в ректорат, я просто писал, что присутствовали все и всегда.

И почти каждый действительно присутствовал, если только не случалось чего-то чрезвычайного - кто-то болел, с кем-то происходил несчастный случай, но это было другое дело. Между нами была такая гармония, что многие профессора завидовали, потому что пребывали в постоянном состоянии войны со студентами; студенты объявляли забастовки, боролись и голодали, происходили всевозможные вещи, но только не в моем классе. Потому, что если бы они мне сказали: «Мы хотим уйти на забастовку», я бы спросил: «На сколько дней? - чтобы я знал, насколько я могу уехать, потому что, пока вы на забастовке, я свободен».

Новое поколение, в самом деле, в очень трудном положении, оно не может приспособиться к старому. Оно знает гораздо больше старого поколения. Оно знает, что эти старики просто выжили из ума, но не знает, куда отсюда направиться. Что делать, чтобы найти себя? В прошлом ни у кого не было такой проблемы. Сын ювелира становился ювелиром; это было предопределено. Сын плотника становился плотником. С самого молодого возраста он начинал помогать отцу, приносить инструменты, оборудование и мало-помалу становился подмастерьем собственного отца. В конце концов, он занимал отцовское место. Не оставалось времени для разрыва.

И какого разрыва! Разрыв, по меньшей мере, в двадцать лет, в которые ты не знаешь, кто ты такой, куда ты направляешься, что ты делаешь, почему ты это делаешь - все эти вопросы... и люди пытаются бежать. И в каждом месте, которого они достигают, они находят, что это место не для них.

Это естественно. Ты ищешь своей тождественности. Ты ищешь группу людей, которые чувствуют так же, что и ты, чьи сердца бьются так же, что и твое. Тебе недостает руководителя, которого никогда не доставало старому поколению. Их отцы и деды были руководителями. Они нашли их готовыми у себя дома. Не нужно было никуда идти.

Новое поколение не может принять их, потому что знает больше, чем знают они. Оно хочет кого-то, кто знает больше, - и не только знает больше, но и больше сам, - у которого больше существа.

Именно поэтому, глядя мне в глаза, ты чувствуешь, что тебя покидает лихорадочное желание бежать отовсюду.

Нам нужно больше и больше людей, которые могут придать это ощущение сотням молодых, - что они нашли руководство, друга, которому могут доверять, который может стать их надеждой.

И именно в этом мое представление о том, что мы откроем в разных странах. Сначала я должен создать модель мистической школы в одном месте. И мы будем открывать их во всем мире, чтобы молодые люди, у которых нет руководства, не оказывались в руках эксплуататоров, дураков, всевозможных мошенников... это можно прекратить. Эти мистические школы могут восполнить разрыв - разрыв между поколениями. Они могут создать в людях уважение к своим родителям, они могут создать в людях искусство воспитывать и своих детей, когда наступит время. Они могут дать вам опыт собственного существа.

А это - великая необходимость. Если этого не произойдет, люди молодого поколения станут террористами или будут делать всевозможные глупости - такие как дурацкие движения Хари Кришна или Свидетелей Иеговы... но во что-то они поймутся. Если они не смогут найти правильного места, они обязательно во что-то попадутся.

Раньше они были хиппи; теперь это вышло из моды. Теперь они панки, скинхеды, всевозможные виды идиотов! - но на самом деле они в вакууме, и они хотят получить определенную тождественность. Поэтому подойдет любая, и они будут делать всевозможные вещи, которые совершенно напрасны и разрушительны, по той простой причине, что они что-то делают - что-то огромной важности.

Мистические школы мало-помалу могут справиться с этими людьми.

Тысячи хиппи приехали в ашрам в Пуна - и изменились. Они приехали не для того, чтобы измениться, они приехали просто по пути в Гоа. Кто-то им сказал, что прямо посередине находится Пуна - терять нечего, можно заехать на пару дней. Но они так и не покинули Пуны. И никто не говорил им меняться, просто вся атмосфера... они отбросили старые грязные привычки. Они стали выглядеть более похожими на людей, поумнели, и вскоре стало невозможно выявить, кто произошел из толпы хиппи, а кто - из простых обывателей. Не было никакой возможности, все были неотличимы.

Всех этих людей могут поглотить мистические школы. Мы должны создать магниты для каждой школы, а это нетрудная работа.

*Любимый Ошо,
Забавно ли наблюдателю?*

Наблюдатель не может делать ничего, кроме как наблюдать. Если ему забавно, он потерял свое наблюдение. Может быть и забавно, но это будет частью ума. Наблюдатель будет наблюдать и это.

Наблюдатель не может ничего другого, кроме как быть наблюдателем. В то мгновение, когда он делает что-то другое, наблюдатель соскальзывает вниз и снова становится умом.

Наблюдателю не забавно.

В мире нет ничего такого, что позабавило бы наблюдателя. Мир так несчастен, что если бы наблюдатель мог плакать и заливать слезами, это могло бы быть для него более правильным времяпрепровождением, но у него нет глаз, нет слезных желез.

Итак, помни это: даже когда ты чувствуешь блаженство, это не наблюдатель блажен. Наблюдатель по-прежнему наблюдает блаженство. Что бы ни случилось, наблюдатель просто отражает это. Именно поэтому, в конце концов, когда все другое уйдет, останется лишь наблюдатель. Это опыт, который нельзя сравнить ни с какими опытами ума. Блаженство, экстаз, благословение - они ниже его; он всегда позади их. Он - просто наблюдение.

В Индии есть один храм. В этом храме нет ни одной статуи. Только два глаза на скале мрамора. Они символизируют наблюдателя. У этих глаз нет выражения.

Именно поэтому предельный опыт не может быть выражен - потому что это зеркало, которое ничего не отражает.

Поэтому наблюдателю не забавно. Это уму может быть забавно. Наблюдатель же по-прежнему наблюдает это.

Глава 23

Упасть в доверие

Любимый Ошо,

В шестидесятых годах неврологи очень заинтересовались ответвлением мозга, называемым «ретикулярной формацией». Говорят, что именно эта область фильтрует ввод информации в мозг, пока мы спим. Таким образом, мать может спать под какой угодно шум, но тотчас же просыпается, как только плачет ее маленький ребенок, - говорят, что эта функция обеспечивается ретикулярной формацией. Кажется, во время сна некоторый элемент нас остается бодрствующим. Не имеет ли свидетельствование связи с этим явлением? Принадлежит ли свидетельствование части мозга?

Свидетель не является частью мозга, но использует мозг как механизм. Часть мозга продолжает бодрствовать, как будто свидетель выглядывает в окно. Само окно не бодрствует, но именно свидетель за окном удерживает его открытым. Даже ночью часть мозга открыта для использования свидетеля. Если ум совершенно закрыт, свидетелю невозможно выглянуть наружу. Он может осознавать внутреннюю реальность, но не может осознавать внешнюю. Мозг - это механизм, который позволяет тебе осознавать внешнюю реальность.

Но мозг сам по себе не имеет власти свидетельствования, и свидетель обладает совершенно отличной от него реальностью: это не часть мозга. Это хозяин, а мозг только слуга.

Те, кто достаточно долго медитировал, мало-помалу начинают осознавать, даже во сне. Тело спит, но под спящим телом есть осознанность. Она может быть беспокойством для сна - если осознанности слишком много, сон становится трудным, почти невозможным. Чтобы стал возможен сон, осознанность должна быть очень малой, - лишь небольшое окно, чтобы позаботиться об окружающем мире, пока ты спишь. Это только часовой: в случае если что-то произойдет, нечто экстренное, он тебя разбудит.

Но после достижения предельного в медитации и осознанности сон становится лишь только тонким слоем, просто отдыхом, не сном. И этого достаточно.

Это напоминает мне несколько других вещей, которые просветление беспокоит в обычном телесно-умственном механизме, потому что не является его встроенной функцией. Необязательно человек должен стать просветленным таким же образом, как он становится юношей, стариком - это встроенные процессы. Просветление должно быть заработано. Возможность есть, потенциал есть - но ты можешь его упустить или добиться. Поскольку это не встроенный процесс, у тела и ума нет способа подстроиться под это явление.

Веками это было постоянной заботой... Рамакришна умер от рака горла, Рамана Махарши умер от рака. Кришнамурти почти сорок лет страдал наисуровейшей мигренью. Будда часто был болен, и до такой степени, что один из его учеников - император Прасенджита - предложил ему своего личного врача. Всю жизнь врач короля Прасенджиты следовал за Гаутамой Буддой с большим багажом лекарств и книг по медицине, в особенности тех, что могли понадобиться Будде. Махавира постоянно страдал пищеварительными проблемами и в конце концов от них и умер.

Этот вопрос поднимался снова и снова: эти люди просветленные, их тела должны быть более здоровыми. Это кажется очень логичным, но существование не слушает логики. Экзистенциально,

быть просветленным значит выйти за пределы возможностей тела и ума. Ты привносишь в свои тело и мозг нечто такое, для чего они не были приспособлены, к чему они не готовы. И это новое явление... и это новое явление так мощно, что создает множество расстройств. В особенности может быть расстроен сон; скорее всего, так и будет, потому что просветление принесло столько осознанности, что ты не можешь ее исчерпать за день, не можешь исчерпать, что бы ты ни делал.

Точно так же, как обычному человеку трудно бодрствовать, - сон так силен, и гравитация сна топит все его попытки бодрствовать - он пытается на мгновение, но забывает и сон охватывает его. Противоположное верно, когда происходит просветление: осознанности столько, что сну невозможно войти тело. Самое большее, тело может расслабиться - расслабиться более чем когда-либо, отдохнуть глубже, чем когда-либо - но сон исчезает.

Записано, что Будда никогда во сне не менял позы - он спал в одной и той же позе всю ночь. Его ученик, Ананда, был озадачен. Много раз он просыпался посмотреть и не мог поверить, как это удавалось Будде. Во сне ты не можешь сохранять одну и ту же позу. Люди не могут оставаться в одной и той же позе, даже когда бодрствуют; в них столько беспокойства что они должны переворачиваться с одного бока на другой. Но во сне ты бессознателен...

В конце концов, однажды Ананда спросил:

- Как тебе удастся всю ночь оставаться в одной и той же позе?

Будда сказал:

- Ты поймешь в тот день, когда сам станешь просветленным. Я дам тебе ответ, но тебе будет трудно постичь его. Я просто отдыхаю, я не сплю. С того дня, как я стал пробужденным, сон исчез.

Различные вещи могут быть приведены в расстройство в телах разных людей по разным причинам, но идея, что просветление приносит лучшее здоровье, абсолютно неправильна. Оно приносит целостность твоему сознанию, оно приносит безмерную осуществленность. Но точно как птица должна однажды покинуть яйцо и вылупиться... оно было ее защитой, ее жизнью. Без него она не выжила бы. Но птица на него не оглядывается. Она раскрывает крылья и находит, что ей принадлежит все небо.

Тело - это тоже определенного рода яйцо, в котором происходит предельный потенциал просветления - и пока его не случится, ты будешь продолжать получать новые тела - но в то мгновение, когда это происходит, тело становится бесполезным.

Большинство людей, которые становятся просветленными, тотчас же умирают. Они просто больше не могут дышать. Нет причины, по которой они должны дышать. Опыт так велик, что сердце останавливается. Они никогда не видели ничего подобного, это так неизвестно. Это захватывает их дыхание - буквально.

Очень немногие выживают при просветлении, и причина, по которой они выживают, странная: искатели приключений, или наслаждавшиеся риском, которые жили как канатоходцы, чья жизнь колебалась на лезвии бритвы, могут выжить. Потрясение будет, но они часто переживали меньшие потрясения. Они никогда не получали такого потрясения, но небольшие потрясения подготовили их, чтобы принять даже это огромное явление. Они по-прежнему продолжают дышать; их сердца продолжают биться. Но все же тело во многих смыслах страдает, потому что случилось нечто такое, чего тело не может понять.

У тела есть собственная мудрость, у него есть определенного рода понимание. Оно хорошо функционирует в своих рамках. Но просветление - за рамками его компетенции, оно слишком далеко. Оно слишком перегружает мощности тела. Поэтому все, что в теле слабо, сломается - и поскольку это тело последнее, оно никогда больше не понадобится. Оно осуществило свою функцию. Оно совершило чудо. Поэтому если представить себе пропорцию... из ста просветленных людей, по крайней мере, девяносто мгновенно умирает. А из десяти выживших девять сохраняют молчание. Они теряют власть над мозгом.

Этого никто никогда не говорил. Многие вещи никогда не говорились, потому что никто не спрашивал, никто не беспокоился о них, никто не осведомлялся. Поэтому есть тысяча и одна вещь, на которую стоит обратить внимание, но о которых никто никогда не говорил.

Например, почему девять человек из десяти мгновенно умирает? Ни одно писание мира этого не обсуждает. Об обсуждении нет и речи - ни одно писание даже не упоминает об этом, хотя это происходило веками. Может быть, они боялись, что если они это скажут... Люди и так не интересуются просветлением, а если им сказать, что это будет наградой, - ты становишься просветленным, и тебе приходит конец, - это может остановить даже тех немногих, кто мог бы

попытаться. Они скажут: «Какая чепуха! Ты усердно работаешь, чтобы достичь просветления, и что в награду? - тебе крышка! Ты даже не увидишь себя просветленным. Так какой смысл? Это странная игра».

Может быть, именно поэтому об этом никогда не упоминалось. Ни одно священное писание не упоминает, что просветление расстраивает тело и мозг. Но я хочу говорить все в точности, как есть, потому мое понимание свидетельствует, что те, кто не интересуется, и не заинтересуется, а тех, кого это интересует, не остановит никакая истина. Фактически, для них будет даже лучше знать это заранее.

Просветление, несомненно, чрезвычайно беспокоит психо-соматическое здоровье, потому что это нечто такое, к чему тело не способно и не подготовлено. Природа не встроила в тело никакой способности поглотить просветление. Внезапно на тебя падает гора - ты неизбежно будешь раздавлен.

Почему девять человек из десяти сохраняют молчание? Самое большее, об этом говорили: «Потому что истина не может быть высказана». Это правда, но есть и гораздо более важная вещь, о которой не упоминалось. У девяти из десяти человек нарушается функция мозга. Они больше не способны использовать мозг как речевой механизм, и лучше, чувствуют они, сохранить молчание.

Они прекрасно могут видеть, что их мозговой механизм больше не в рабочем состоянии. И естественно... мозг - это очень тонкое явление; почти семь миллионов крошечных нервных окончаний составляют мозг человека в небольшой черепной коробке. Они так малы и деликатны, что их может потревожить небольшое потрясение, может даже уничтожить - а просветление - это огромное потрясение, подобное удару молнии. Пронзая мозг, оно тревожит множество клеток, множество нервных окончаний.

Только один человек из десяти может сохранить свой мозг, и это человек, который использовал мозг так много, что от сущего использования он становился сильнее и сильнее. Если бы он не стал просветленным, он мог бы быть великим философом, великим логиком, великим математиком или великим физиком. У него была мощная встроенная машина, которая могла бы быть Бертраном Расселом или Альбертом Эйнштейном, или Гаутамой Буддой.

Но обычно люди не используют мозг настолько. Для обычной работы этого не нужно. Только пять процентов вашего потенциала - среднее человеческое существо использует лишь пять процентов потенциала мозга. А люди, которых вы называете великими гениями, используют лишь пятнадцать процентов. Но если человек использовал свой мозг хотя бы на треть его возможностей - то есть тридцать три процента - тогда у него достаточно сил, чтобы пережить просветление. И он может не только пережить просветление, но и служить ему.

Из десяти человек, мозг которых выживает, девять никогда не становятся мастерами; только один становится мастером. Девять могут быть, самое большее, учителями. Они могут говорить о своем опыте. Они могут цитировать писания. Они могут стать очень известными учителями. Люди могут по ошибке принять их за мастеров; у них может быть много последователей - но они не мастера, потому что в них не хватает качества мастера. Мастер - это не только учитель, но и магнит. Учить - одно, но учить с магнетической силой, чтобы, просто слушая вы были трансформированы... тогда это мастер. Учитель может дать вам слова, но не может дать жизни. Учитель может дать вам объяснения, но не может дать опыта. Учитель контактирует с вашим умом, но не может достичь сердца.

Почему это происходит только с одним человеком из десяти? Если человек до просветления уже был учителем... если, хотя он и не пережил, его разум был так восприимчив, что он может понять, что произошло с другими, ему не нужно совершать ошибки, чтобы учиться. Он может видеть, как ошибаются другие, и этого достаточно для того, чтобы учился он.

И если он с самого рождения был силен в выражении, наслаждался звуком слов - их музыкой, их поэзией - если он обладал силой выражения, никогда не испытывал никаких трудностей в том, что касается выражения, и его выражение было убедительным... не потому, что его аргумент был убедительнее ваших, но из-за того, как он выражал себя, поэзия его выражения, аргументы его выражения, музыка его выражения были убедительны, и все же он не пережил опыта самого себя...

Если происходит так, что такой человек становится просветленным, он приходит к этому с искусством быть очень сильным в выражении. Его просветление добавит нечто к этой силе выражения. Оно даст ему авторитет; оно придаст ему магнетизма. Оно заставит чувствовать его

присутствие, присутствие, которое ошеломляет, присутствие, в котором тебе легко упасть в любовь, упасть в доверие.

Учителя, которые начинают учить после просветления, остаются любителями. Но этот человек, который уже был учителем, безмерно обогащен просветлением в том, что касается того, чтобы быть мастером.

Говорят, что когда Сарипутта - один из старших учеников Гаутамы Будды и один из немногих, кто стал просветленным при жизни Гаутамы Будды - когда он пришел к Гаутаме Будде, то пришел, чтобы спорить. Он был хорошо известным учителем, и многие считали его мастером. Он пришел с пятью тысячами учеников, чтобы спорить с Буддой об основных принципах.

Будда принял его с великой любовью и сказал своим ученикам и ученикам Сарипутты: «Вот идет великий учитель, и я надеюсь, что однажды он станет мастером». Все были озадачены и недоумевали, что он имеет в виду, - даже Сарипутта.

- Что ты имеешь в виду? - спросил Сарипутта.

- Ты хорошо споришь, - сказал Будда, - ты обладаешь силой выражения, ты влиятелен как интеллект. У тебя есть качества гениального учителя. У тебя в учениках пять тысяч очень разумных людей, но ты сам - еще не мастер. Если бы ты был мастером, я пришел бы к тебе сам, тебе не пришлось бы приходить ко мне. Ты великий философ, но ты ничего не знаешь.

И я верю в твой разум, доверяю, что ты не солжешь: скажи перед этими пятью тысячами человек, что ты мыслитель, но сам ничего не пережил. Если ты скажешь, что пережил опыт, я готов с тобой спорить. Но помни, ложь не поможет. Ты будешь немедленно уличен, потому что опыт включает в себя многие вещи, которых нет в писаниях. Лучше внести в это полную ясность.

Я готов вести с тобой диспут, если ты скажешь, что пережил опыт истины. Если ты скажешь, что не пережил опыта истины, я готов принять тебя в ученики. Я сделаю тебя мастером, это обещание - потому что ты обещаешь стать мастером. Перед тобой выбор: солгать и пойти на диспут со мной, или быть правдивым, стать учеником и учиться у меня, пережить опыт вместе со мной. И однажды, когда ты станешь мастером, если ты захочешь диспута со мной, я буду вне себя от радости.

На мгновение воцарилась безмерная тишина. Но Сарипутта был действительно человеком истины. Он сказал:

- Будда прав. Я никогда не думал, что он спросит об опыте. Я вел дебаты по всей стране, побеждая многих так называемых учителей, делая их своими учениками, - в Индии это было правилом. В диспуте проигравший становится учеником победителя. Многие из этих учеников были сами учителями, но никто никогда не спрашивал меня об опыте. У меня нет никакого опыта, поэтому нет речи о том, чтобы диспут состоялся прямо сейчас. Прямо сейчас я касаюсь ног Гаутамы Будды. И я буду ждать того времени, когда переживу опыт сам, когда сам стану мастером.

Пробыв три года с Буддой, он стал просветленным. Он был, несомненно, человеком с очень большим потенциалом... на самой грани. В тот день, когда он стал просветленным, Будда позвал его и сказал:

- Хочешь ли ты теперь провести диспут?

Сарипутта коснулся ног Будды снова и сказал:

- В тот раз я коснулся твоих ног, потому что у меня не было опыта. Теперь я касаюсь твоих ног, потому что у меня есть опыт; о диспуте не может быть и речи. В тот раз диспут был невозможен; теперь он невозможен снова. Дискутировать не о чем. Я знаю, ты знаешь - и это знание одно и то же. И я твой ученик. Я могу стать мастером для других, но с тобой я навсегда останусь учеником. Ты трансформировал всю мою жизнь; иначе я так и умер бы, просто понапрасну споря, тратя впустую свое и чужое время.

Люди, которые остались в молчании, на самом деле претерпели ущерб. У них нет другого выхода, кроме как оставаться в молчании; механизм был разрушен. У них был опыт, но не было средства выражения.

Это очень редкое явление: сначала стать просветленным, затем выжить в просветлении, затем сохранить мозг, чтобы можно было быть мастером. И все зависит от того, упражнял ли ты свой мозг до просветления до, по крайней мере, одной третьей его потенциала. Меньшее не подойдет.

Поэтому я настаиваю: не верь.

Сомневайся, думай, задавай вопросы.

Обостри свой разум, по меньшей мере, до трети его потенциала. И в то же время медитируй, чтобы в тот день, когда ты станешь просветленным, тебе было что сказать миру. Это твой долг.

Существование ждет миллионы лет, пока кто-нибудь не станет просветленным, и когда кто-нибудь становится просветленным, существование хочет, чтобы он поделился, распространил слово, какой бы ни была цена, и его слово достигло тех, кто крепко спит. Не все они проснутся, но кто-то может услышать зов. Даже если немногие услышат этот зов, это достаточная награда.

Любимый Ошо,

Когда я слышу, что ты говоришь, что хочешь, чтобы сто из нас стали просветленными как можно скорее, я недоумеваю, почему именно сто?

Несколько месяцев назад я видел передачу по телевизору, где показывали открытие, которое сделал один антрополог на каком-то острове. В течение года он наблюдал за обезьянами и установил, что когда одна из них случайно уронила сладкий картофель - который составлял основу их меню - в воду, таким образом отмыв его от земли, в которой обычно этот картофель вымазан, то обнаружила, что он лучше на вкус, и попыталась научить делать то же самое других.

Кое-кто из молодежи последовал этой идее, другие отказались. Но необычайно то, что когда согласилась сотая обезьяна и начала следовать этому правилу ежедневно одновременно все обезьяны на других островах стали делать то же самое. Не можешь ли ты прокомментировать?

Мы живем среди сети невидимых сил, связывающих нас друг с другом. Поэтому, когда что-то происходит с одним человеком, отголосок этого вибрирует во многих. Они могут быть далеко, но если это происходит со многими, вибрация очень сильна. Она может передаваться с одного острова на другой, с одного континента на другой без всяких видимых средств коммуникации.

Однажды Альберта Эйнштейна спросили, думает ли он, что теория относительности была бы открыта, если бы ее не открыл он. Ответ, данный Эйнштейном, потряс человека, задавшего вопрос. Тот сказал:

- Если бы ее не открыл я, через несколько месяцев ее открыл бы кто-то другой. Я просто был достаточно быстр.

И впоследствии было обнаружено, что один немецкий физик уже пришел к этому заключению в своих записях; он только опоздал с публикацией. Эйнштейн первым опубликовал свое исследование; кто-то другой все равно это открыл, только опоздал опубликовать... просто ленивый тип. Один человек в Японии приближался к концу своих исследований, и он понятия не имел... он не знал ни английского, ни немецкого языка и понятия не имел, что происходит в других местах мира. Он знал только японский. Но он почти, что пришел к тому же заключению, лишь еще несколько дней работы...

Кажется, когда что-то происходит, это происходит не с одним человеком, но это определенная волна. Каждый, кто умеет ловить эту волну, кто способен, разумен, тренирован ее ловить, получит ту же идею.

Ни одно открытие как таковое не зависит от индивидуальности. Оно связывается с именем какой-то индивидуальности, потому что она была первой. Поскольку это очень специализированный предмет, не каждый сможет его открыть, но есть много людей, работающих в той же области, в той же специализации. И если определенная волна окружает Землю, ее поймут многие умы.

Вы можете попробовать несколько экспериментов, и это вам поможет понять, почему это так. Снова вспомните тридцать три процента: без всякой видимой причины все, что только произошло в мире в науке, в искусстве, в религии, в любом направлении, в любом измерении, произошло благодаря определенной секции человечества. И она составляет тридцать три процента. И это - самые разумные люди. Это люди, которые легко поддаются гипнозу. Это совершенные медиумы.

У нас примитивная система образования; иначе каждого ребенка следует сначала ввести под гипноз, прежде чем он поступит в школу, и исследовать его потенциал. Принадлежит ли он к этим тридцати трем процентам, или к остальным двум третям человечества? Если он принадлежит к оставшимся двум третям, его нужно отправить в школу для обычных людей, а если он

принадлежит к одной третьей, его нужно определить в более специализированную школу, где гении производятся сотнями.

Прямо сейчас все перемешано, и в этой путанице гений страдает. Если в классе есть гений... учитель должен учить таким образом, чтобы его понимал самый посредственный из студентов. Видите ли вы следствия этого? Следствие состоит в том, что общий знаменатель низшего возобладает над высшим, более разумным человеком с большим потенциалом.

Для гения то, чему учит учитель, бесполезно. Ему нужно что-то лучшее, что-то более глубокое, что-то высшее. Его время тратится впустую на пребывание с посредственными студентами. Это напрасное смешение. В нем нет никакой необходимости; студентов нужно сортировать.

И в этом эксперименте, о котором я собираюсь вам рассказать, большего успеха добьются эти тридцать три процента. Ты можешь сесть в разные комнаты с кем-то, с кем у тебя очень любовные отношения, глубокая дружба, доверие, - нечто от сердца. И оба просидите десять минут в молчании. Затем договоритесь, что один человек должен вынуть карту из колоды и подать сигнал - может быть, постучать в дверь - что «карта вынута; теперь ты вынь первую карту». И другой человек должен найти эту карту среди всех карт. Он должен оставаться в молчании и сонастроенности, открытый для того, что происходит в другой комнате, и вынуть карту.

Таким образом, выньте, одну за другой, десять карт. И вы будете удивлены тем, что если оба человека достаточно разумны, тогда семь карт окажутся одними и теми же. Это минимум; одинаковыми могут оказаться все десять карт.

Но если одинаковы три карты, нужно еще несколько экспериментов, и процент будет расти. А когда вы научитесь делать это с картами, вы сможете делать это и с другими вещами. Вы можете нарисовать картину, и другой человек тоже нарисует картину - никакого видимого общения, но нечто невидимое достигает другого человека. Ты можешь менять партнеров, и ты увидишь, с кем это действует лучше. Это значит, что ваши умы функционируют на одной и той же длине волны.

По моему мнению, прежде чем двое людей решат жить вместе, они должны быть проверены экспертами, чтобы установить, сонастроены ли их умы. Им нужно дать упражнения: «Сначала сонастройте свои умы. Ваши умы должны быть сонастроены, по меньшей мере, на семьдесят процентов, только тогда стоит жить вместе; иначе не создавайте друг для друга ад. Вы любите друг друга - простите друг друга».

Но вы можете попытаться улучшить свою сонастроенность, прежде чем решите жить вместе. На самом деле не стоит идти в суд, потому что, что может сделать судья? Это нечто такое, что должно быть частью университета - в университете должно быть отделение, помогающее людям установить свой процент сонастроенности, помогающее людям улучшить свою сонастроенность. И если они так далеки, что это кажется невозможным, им следует предложить: «Вы создадите друг другу проблемы, и если вы любите друг друга... Не создавайте проблем. Лучше сейчас попрощаться, чем после того, как вы все запутаете и потревожите друг другу жизнь».

Этот небольшой эксперимент можно расширить и охватить им всю землю. Например, вы можете устроить так: сначала попробуйте это в одном доме, где находятся десять человек, и если найдете, что у этих десяти человек есть общая длина волны, эти десять человек помогут рассредоточиться по всему миру. В определенное время они должны начать тот же эксперимент - и результат будет таким же. Процент будет прежним, потому что расстояния не имеют значения; это не физическое явление.

И это явление возможно в особенности с животными, потому что они очень невинны. Гурджиев вспоминает из своего детства... Он жил в мире совершенно другого рода, на Кавказе. Это мир кочевников, состоящий из небольших и в большинстве своем очень древних племен, которые так и не начали оседлой жизни. Они все еще путешествуют - они бродяги, цыгане. Родители Гурджиева рано умерли - когда ему было всего девять лет - и он путешествовал с цыганским племенем, в котором нашел друзей. И люди любили этого мальчика. Он был таким разумным, что научился в этих племенах многим языкам - все они говорили на разных языках. И он научился многим вещам, которые ему оченьгодились в его будущей работе.

Одно он вспоминает: что во всех этих племенах люди обычно гипнотизировали животных. Животных никогда не привязывали, не было необходимости. Животному просто несколько секунд смотрели в глаза, и голова его падала, и оно оставалось в той же позе, как замороженное, сколько было нужно. Оно не двигалось, пока его снова не будил тот же человек, глядя ему в глаза.

И Гурджиев говорил, что это было простейшим способом... их лошади, коровы никогда не терялись, и их никогда не привязывали. Они были всегда на свободе. Маленьких детей просто

гипнотизировали, чтобы они не могли выйти из лагеря. Вокруг них просто чертили круг, и они не могли выйти из этого круга. Что с ними ни делай, они не могут выйти из круга. И это входило в их бессознательное так глубоко, что этот человек, даже став взрослым, юношей или стариком, если вокруг него под определенное пение чертили круг, он застывал; он не мог выбраться из круга.

Гурджиев не мог в это поверить - как такое может быть? Этот человек совершенно свободен; линия, прочерченная вокруг него, не может ему помешать, но на самом деле мешает. Он переговорил с несколькими людьми, чтобы попытаться заставить их выйти из круга: они старались изо всех сил, но им словно преграждала путь невидимая стена, и они не могли выбраться.

И все эти племена использовали гипноз в разных учениях. Например, если они хотели, чтобы определенный мальчик стал великим борцом - он учился бороться, но это было вторичным. Важнейшей частью был гипноз. Его вводили под гипноз и говорили: «Ты великий борец», и это постоянно повторяли. И Гурджиев говорит: «Я видел своими глазами, что этот человек менялся. Менялись его мышцы, менялось его тело; его манера борьбы становилась очень мастерской».

Каждый год у этих племен была ярмарка, где провозглашались чемпионы в различных искусствах; одним из них была борьба. И этих борцов тренировали гипнозом, что было простейшим путем. То же самое можно сделать с любым учением, но гипноз осуждается.

Например, я сказал вам, что два человека могут попробовать эксперимент с картами. Лучше всего, если они будут под гипнозом, сонастроены под гипнозом; тогда результатом будет гораздо более высокий процент - девять или десять карт из десяти.

Мы будем использовать гипноз во многих вещах - и в том числе в медитации. Если ты сталкиваешься с трудностями в медитации, сначала пройди гипноз, чтобы тебе глубоко в бессознательное проникло, что медитация - это простая вещь, и ты вполне к ней способен. Гипноз может создать в тебе убежденность. И тогда ты просто садишься иходишь в медитацию без всяких трудностей, потому что все твое сознание будет ее поддерживать; не будет никакого противостояния, никакого противоборства.

В Австралии есть племена, которые используют очень странный способ посылки писем - даже сегодня. Вождь племени подходит к определенному дереву - в каждом племени есть определенное дерево, находящееся под гипнозом. Деревья можно гипнотизировать; это очень чувствительные существа. Он подходит к дереву и просит это дерево связаться с другим деревом из другого племени, может быть, в пятидесяти милях от него: «У меня есть послание для определенного человека там. Позови вождя и скажи ему».

Вождь другого племени получает сообщение и доставляет его нужному человеку. Он впадает в гипнотический транс. Что-то происходит с другой стороны - вождь другого племени впадает в гипнотический транс рядом с этим деревом, и человек, которому передается сообщение, присутствует, и вождь начинает повторять сообщение. Таким образом они посылают письма, послания, и они абсолютно аккуратны. «Твоя мать заболела, возвращайся домой» - простые телеграммы, но странный метод. Их обычно передавали деревья.

Именно из-за Месмера гипнотизм стал известен на Западе как «месмеризм» - это то же самое, что и гипнотизм, но поскольку Месмер был первым, кто его использовал, это явление получило его имя. У него в саду было прекрасное дерево, которое он «месмеризировал», околдовал - это было не так давно; это не очень древние события. Он внушил дереву идею, что оно может излечить любую болезнь. Это было его работой каждое утро: первым делом он гипнотизировал это дерево и говорил ему: «К тебе будут приходить люди, и ты способен излечить их всех».

И люди начинали приходить. Им нужно было только подержаться за ветвь дерева, и многие впадали в транс, и их состояние было почти гипнотическим. Многие были исцелены. Лишь те, кто не входил в транс, не поддавались излечению. Это были упрямые, жесткие люди, эгоистические люди - люди, которые думали, что их нельзя загипнотизировать. Реальность же состоит в том, что они глупы, а глупцов загипнотизировать нельзя. Идиоты вообще не поддаются гипнозу; нет никакой возможности, потому что у идиота не хватает разума даже чтобы снять слова внушения, которые произносит гипнотизер. Деревья гораздо лучше идиотов - они не идиоты. Птицы лучше, животные гораздо лучше.

Но те, кто впадал в транс, дрожали, танцевали или пели, и их руки оставались на ветви дерева, почти как будто они были к нему приклеены, и их болезни исчезали.

Медицинское сословие было очень против Месмера - очевидно, потому что он отнимал у них большую часть бизнеса и лечил людей бесплатно. И его привлекли к суду. Но это не такие вещи,

которые можно доказать. Что он мог доказать? - что такое месмеризм и как работает это дерево? Он ничего не мог доказать и проиграл дело, потому что ему нужно было доказать, как люди исцелялись, в медицинских терминах; он был объявлен шарлатаном.

Но странным было то, что он никому не причинил вреда. Может быть, он и был шарлатаном, конечно. Но если сотням людей он принес исцеление, какой от этого вред? Может быть, он был ненаучен, но людей, которых он исцелял, не интересовала наука, их интересовало исцеление.

И фактически эти пациенты были людьми, которых лечили врачи традиционными средствами и без успеха; отчаявшись, они приходили к Месмеру; отчаявшись, потому что это было неловко, - в обществе ходить к Месмеру считалось неприличным. И если он лечил этих неизлечимых пациентов, в этом не было никакого вреда. И он с них ничего не брал; он был просто студентом, который пытался оживить науку, совершенно лишившуюся корней на Западе.

Когда наша школа будет основана, я хочу, чтобы деревья были введены под гипноз и лечили людей. Деревья можно гипнотизировать и для других целей - чтобы помогать людям, воодушевлять людей. Если люди учатся музыке, они могут помочь им учиться быстрее, чтобы они могли продвигаться быстрее в своем предмете. Если они учатся математике и чувствуют, что застряли... или чувствуют, что не могут изучить какой-то предмет. Гипноз может устранить это препятствие без всяких трудностей.

Это очень странный мир. Здесь никто не делает себе труда увидеть полезные качества явления. Каждого заботит только его собственная профессия, интересы круговой поруки.

Как раз на днях Анандо дала мне репортаж о том, что в Европе католическая церковь ополчилась против движения Хари Кришна и Свидетелей Иеговы. И причина в том, что из-за этих людей они теряют восемнадцать процентов своего бизнеса. Это бизнес. Восемнадцать процентов бизнеса католической церкви отнято этими людьми, и они выходят на тропу войны. Они не могут потерпеть таких конкурентов - они должны быть раздавлены.

Я не говорю, что они правы; они так же глупы, что и католическая церковь. Но все они занимаются одним и тем же бизнесом. Какое право имеет католическая церковь мешать другим, заниматься тем же бизнесом?

Это делает абсолютно ясным, что для этих людей религия - это не что иное как бизнес; они не хотят никакой конкуренции, они хотят монополии. Именно эти люди уничтожали, сжигали заживо женщин - тысячи женщин - в средние века, осудив их за ведьмовство. А эти женщины на самом деле использовали гипнотические и другие древние методы. Несомненно, они были более способны помогать людям, чем церковь.

Эти женщины представляли опасность для существования церкви, и церковь создала вымысел, что они в сговоре с дьяволом, что они состоят в сексуальных отношениях с дьяволом. И этих женщин так мучили, что им приходилось сознаваться, что они состояли в сексуальных отношениях с дьяволом, потому что, пока они не сознавались, продолжалась пытка. Не было другого выхода - они вынуждены были это признать.

И как только они это признавали, сознавались, церковь могла их наказывать. Наказанием было сожжение заживо - и сожгли не одну, тысячи женщин - во имя религии! Но это на самом деле вопрос бизнеса.

Почему женщины оказались в этой категории? - потому что женщины легче поддаются гипнозу, и они естественно развивались в этом направлении. И они помогали людям, они никого не разрушали. Они не создавали никакой религии, никакой организации. И вместе с ними было разрушено все, что создавалось веками. Мы не знаем, что еще знали эти бедные женщины о тайнах человеческого ума и его работы.

Все религии мира против меня по той же причине - это совершенно не религиозный вопрос. Они - не религиозные люди, они - только бизнесмены с определенными религиозными названиями; прикрываясь именем определенной религии, они делают хороший бизнес. Естественно, я для них опасен - для них всех, - потому что отнимаю у них молодых людей, самых разумных людей, их сливки. Если это пламя распространится, их будущее погрузится в темноту.

Но это печальная история: во имя религии, во имя науки были разрушены многие красивые вещи. Их необходимо вернуть к жизни. Они никому не принесли вреда и могут оказаться великой помощью и благословением.

Глава 24

Медитация: революция в религии

Любимый Ошо,

Когда я впервые услышала, как ты говоришь: «Сидя в молчании, ничего не делая, приходит весна, и трава растет сама собой», мой западный ум подумал, что это метафора, и стал искать смысл. Затем я подумала, что ты буквально подразумеваешь «сидеть в молчании» - и почувствовала, что это невозможно. Теперь же, сидя в молчании в твоём присутствии, я нахожу «ничего-не-делание» суцим гедонизмом - и трава растет сама собой. Любимый мастер, я поражена, и моя благодарность несказанна.

Восток и Запад разошлись так далеко друг от друга, что всегда возникает непонимание: ни Восток не понимает Запада, ни Запад Востока. Но по большому счету от этого проигрывает Запад.

Десять тысяч лет Восток выбирал путь, который не был путем ума - который не был интеллектуальным, который не был рациональным, который не был логическим, который не был научным. А Запад избрал прямо противоположное.

Запад по-прежнему далек от достижения предельных высот рационального полета. И, может быть, так никогда и не сможет достичь конца, потому что его исследование направлено на объекты снаружи тебя. Вселенная безгранична, и чем глубже идет наука, тем более находит, что ничего не знает. Ее знание только помогает ей узнать, что столь многое еще не познано, и кажется, конца не видно.

С другой стороны, Восток достиг своей цели: он добился предельного сознания. В некотором смысле он достиг совершенства. Это создает новые трудности непонимания, потому что Восток говорит с высот этого осознания, а Запад умеет понимать лишь относительные истины, которые меняются каждый день.

Они также выбрали разные способы говорить. Восток говорит в поэтических метафорах, Запад говорит в терминах математики. Восток говорит интуитивно, Запад - всего лишь интеллектуально.

Это одна из величайших проблем для разрешения - как встретиться Востоку и Западу. Их встреча абсолютно необходима, иначе все, что бы ни было достигнуто Западом и Востоком, - все это исчезнет в ядерном дыму.

Я могу понять вопрос Кавиши. Когда она впервые услышала знаменитое *хайку*, - «сидя в молчании, ничего не делая, и приходит весна, и трава растет сама собой», - естественно было ей принять его за поэзию, метафорическое выражение. Ум, образованный на западный лад, и не может думать по-другому. Невозможно подумать, что это описание реальности.

В этом нет никакой метафоры. Это не поэзия. Хайку - это не поэзия. Его форма поэтична, но содержится в нем реальность. Поэтична только упаковка, содержимое же - абсолютная реальность.

Но это трудно по той простой причине... прежде всего, сидеть в молчании претит западному уму. Запад создал поговорку: «Пустой ум - мастерская дьявола». Сидя в молчании, ты будешь пустым. А ты с самого детства слышал, что пустой ум - это мастерская дьявола. Восток знает нечто совершенно другое. Это мастерская - но не дьявола, а божественного.

Первое предложение создает огромные затруднения. Каждого на Западе учили думать, а думанье окупается в жизни - сидение же в молчании не окупается. Это не квалификация; может быть, это можно назвать дисквалификацией. Если ты просишь принять тебя на работу и говоришь работодателю, что квалифицирован сидеть в молчании и ничего не делать, и приходит весна, и трава растет сама собой, он просто выгонит тебя из конторы: «Сиди в своем молчании где-нибудь подальше отсюда, потому что мы не хотим, чтобы здесь росла трава!» В их глазах ты почти сумасшедший.

Запад никогда не развивал ничего подобного в медитации - в этом смысле он беден, очень беден. Даже так называемые пророки, спасители и мессии так никогда и не смогли выйти за пределы молитвы, молитва - это последнее, потому что Бог является предельной целью.

Медитация - это революция в религии.

Она просто отбрасывает Бога, даже не споря о нем. Он не заслуживает даже спора, потому что это гипотеза - недоказанная, не пережитая; она не стоит того, чтобы ее рассматривать.

У меня был друг, профессор Уилсон, который преподавал в теологическом колледже в Джабалпуре. Он не мог понять, что может быть религия, в которой нет Бога, в которой нет молитвы. Запад в последние пять или шесть веков никогда не помышлял о том, что возможна религия без Бога, без молитвы. Фактически, она возможна только без них. Это отвлечения, препятствия на пути религиозной революции. Это ее враги.

Дьявол не сделал миру ничего плохого - его не существует. Бога тоже не существует, но он причинил огромный вред. Бог заставлял человека оставаться сфокусированным на чем-то внешнем, а пока ты сфокусирован на чем-то внешнем, ты остаешься в уме. Медитацию нельзя навязать снаружи; только ум обладает способностью фокусироваться на внешнем. Ум нельзя принудить сосредоточиться на внутреннем, это умеет только медитация. Таким образом, ум и медитация - это диаметрально противоположные пути.

Не без причины люди медитации называли свой путь путем не-ума. Но если ум отброшен, боги, всевозможные теологии, дьяволы, рай, ад и их подробности, идеи о грехе и добродетели - все это отброшено, потому что все это части ума. И Запад остался одержимым умом - как будто ты только ум и ничего больше, и твое существование состоит из телоума (Bodymind), вот и все.

Воспитанная на западный лад, Кавиша подумала, что, наверное, это какая-то метафора, или, может быть, в этом есть какой-то смысл. «Смысл» - умственное слово: если в этом есть какой-то смысл, думай об этом смысле, найди, в чем смысл.

Ты не сможешь найти в этом никакого смысла. Он приходит из внутреннего источника твоего существа, где у самого смысла нет смысла, где вещи просто есть - в великом великолепии, в великой красоте, но без смысла. Смысл - это логическая концепция, а логика - это продукт ума. Существование о ней ничего не знает.

Поэтому сначала она подумала, что это может быть метафора. Очевидно, это придет в западный ум. Но метафора тоже должна иметь какой-то смысл. Она должна на что-то указывать; метафора должна быть для чего-то: представитель, указатель. Но какой в этом смысл? Если подходить с точки зрения поиска смысла, это хайку бессмысленно. Это опыт. И оно действительно описывает то, что происходит с сознанием, - всего лишь в нескольких словах.

И в этом красота хайку. Оно использует минимальное количество слов. От него нельзя отнять ни слова, все уже отнято, осталось только самое существенное.

Сидя в молчании - вот два слова. Это начинается с сидения, это начинается с тела. Если тело может сидеть в молчании, в расслаблении, это безмерно помогает уму стать молчаливым. Если тело беспокойно, напряжено, тогда не может быть молчаливым и ум. И это хайку начинает с самого основания: «сидя» - просто значит в расслаблении, в отдыхе, непринужденно, как дома, без напряжений.

Вы видите миллионы статуй Будды по всей Азии - а сам Будда сказал перед смертью: «Не делайте моих статуй». Почти триста лет ученики, поколение за поколением, противостояли искушению. Но когда физическое присутствие Будды стало далеким, - четыреста лет, пятьсот лет, - появилось искушение создать хотя бы мраморную статую, сидящую в той же позе, что и Будда... Неважно, представляют ли они фотографическое сходство, это не имеет отношения к делу. Важно то, что это поможет придать тебе вдохновения, понимания, как сидеть.

И для этого мраморная статуя подходит даже лучше, чем настоящий Будда, потому что в мраморе он совершенно расслаблен - никаких напряжений, никакого движения. Статуе придали такие пропорции, такую красоту, такое эстетическое чувство, что если ты сядешь у статуи Будды, тебе захочется сесть таким же образом. И чудо, которое ты почувствуешь, сев таким же образом, явится в том, что ум начнет успокаиваться... как будто наступил вечер, и птицы возвращаются домой, на деревья. Вскоре настанет ночь, и птицы успокоились в гнездах, уснули.

И если вам достаточно повезло, чтобы оказаться в присутствии живого пробужденного существа, его полное отдыха тело создаст синхронизацию в ваших телах, потому что это такая же материя. Все тела созданы из одной и той же материи, и она функционирует на одной и той же длине волны.

Если сидеть правильно, молчание нисходит на тебя, как будто наступает вечер, и становится темно.

Сиди в молчании... Второе - это ум. Тело должно быть ненапряженным, и ум должен быть без всякой мысли.

Сидя в молчании, ничего не делая... Это очень важно понять. Даже идея, что ты «делаешь медитацию», будет беспокойством потому что «делание» означает, что ум активен. Ум может оставаться пассивным, только когда ты в состоянии не-делания, ничего-не-делания...

Это небольшое хайку содержит всю философию восточного подхода. Это даже не медитация; ты ничего не делаешь, ты просто наслаждаешься отдыхом. Ты наслаждаешься покоем, который приходит сам собой, не по твоему действию. Ты просто ждешь, ничего не делая... ждешь, чтобы вещи случились. Нет никакой спешки, нет никакой тревоги.

Приходит весна... Помни, у существования нет обязательства, соответствовать твоим желаниям; отсюда это предложение: приходит весна... Ты можешь быть в другом времени года, и трава, может быть, не растет. Не жалуйся, что «я сидел в молчании, но трава не росла». Ты не был сонастроен с существованием.

Ты должен следовать существованию. Весна приходит - тебе придется дожидаться прихода весны, ты не можешь ее привести, не можешь ее выработать; это не в твоих руках. Весна приходит - она приходит - и трава растет сама собой. И внезапно все становится зеленым, внезапно всюду растет трава. Никто ничего не делает, и весна пришла, и ее прихода достаточно, чтобы стала расти трава.

Ты сидишь в молчании, ничего не делая, просто ожидая, пока не придет весна. Точно как приходит весна снаружи, приходит весна и внутри. Есть внутренние времена года. Таким образом, не тревожься - весна обязательно придет.

И в то время, когда было написано это хайку, весна приходила точно в один и тот же день года; веками это продолжалось по-прежнему. Когда я был ребенком, в Индии каждое время года начиналось точно в один и тот же день. Не было речи о том, в какой день начнутся дожди, в какой день кончатся. Но из-за атомных взрывов... они потревожили всю экологию. Теперь ничто не определено: иногда дожди приходят, иногда их вообще нет; иногда их слишком много, иногда они начинаются слишком рано. Старого ритма, старого равновесия больше нет.

Но, к счастью, атомные взрывы не могут беспокоить твой внутренний мир. Они не могут его достичь. Так, весна приходит тотчас же, как только ты готов. Есть египетская пословица: «Когда ученик готов, появляется мастер». Мастер должен появиться, когда ученик готов. Ученику не стоит беспокоиться о мастере, он должен только быть готов. Его готовности достаточно, чтобы вызвать мастера.

И это абсолютная правда: мастер появляется, когда ученик готов. Сидя в молчании, ничего не делая, ты приходишь в готовность. Никакого желания, никакой тревоги о том, придет ли весна - она всегда приходит, и никогда не было по-другому. В то мгновение, когда ты готов, она тут как тут.

А когда весна приходит в твой внутренний мир, словно раскрываются тысячи цветов, и весь воздух меняется: он свеж и полон благоухания, и начинают петь птицы. Внутренний мир становится сам себе музыкой, сам себе ароматом - и трава растет сама собой.

Под «травой» подразумевается твоя жизнь, твоя жизненная сила. Зелень - это символ жизни. В связи с весной все становится зеленым. И как только ты переживаешь это явление, ты познал величайший из всех секретов - что есть вещи, которых нельзя сделать, но которым можно лишь позволить случиться.

Это возможно, Кавиша: сиди в молчании, ничего не делай, и в любое мгновение может прийти весна, и впервые ты поймешь важность этого хайку, потому что нечто в тебе начнет расти, такое живое - сущая жизнь. Это ты, это твое существо. Но нет способа понять это интеллектуально.

На Востоке тысячи лет ученики сидели рядом с мастером, просто ничего не делая. Западному уму это кажется странным: какой смысл там сидеть? Если ты приходишь на суфийское собрание, мастер сидит посередине, а вокруг в молчании сидят ученики - ничего не происходит, мастер даже ничего не говорит. Проходят часы...

Но нечто передается - все они чувствуют осуществленность. Выходя, они сияют. Мастер ничего не сделал; не сделали ничего и они. Они просто пришли в гармонию, потому что никто ничего не делал, все были в молчании.

Возможно, что теперь ты понимаешь это хайку. Сидя здесь каждый день, просто слушая меня, на тебя нисходит молчание, и внезапно - весна, и растет трава.

Восток должен быть понят в его собственном смысле. Если кто-то пытается интерпретировать его интеллектуально, то тем самым упускает всю суть с самого начала.

Любимый Ошо,

Для меня твои лекции ощущаются как внутренняя генеральная уборка. Какие бы горы боли, гнева или других негативных чувств я не приносил в себе, входя в лекцию, все это исчезает, когда я с нее выхожу, и я чувствую легкость и свежесть. Иногда мне недолго приходится ждать, чтобы создать новые чувства, но я знаю, что это продлится не более чем до конца лекции. Когда я вдалеке от тебя, хотя я и медитирую каждый день, нужно гораздо больше времени, чтобы эти вещи исчезали. Не мог бы ты прокомментировать?

Это то же самое... Вдали от меня ты пытаешься медитировать, и этот делающий создает беспокойство. Со мной... Я даже не говорю тебе медитировать. Я просто говорю с тобой, и это создает определенную атмосферу, в которой медитация с тобой случается.

И пока ты здесь, заметь разницу между «деланием» и «случением». Позволь этому случиться, и когда ты один. Если ты привык к моему голосу, может быть, тебе стоит включить магнитофон: забудь о медитации; просто слушай, и медитация придет. И мало-помалу это наступление медитации отсоединится от слушания меня.

Ты можешь сидеть у моря и слушать, как волны разбиваются о берег, - волны набегают так радостно, так танцующе, и они делали это тысячелетиями, но так и не устали. Просто слушай их. Или, сидя под деревом, слушай птиц, или ветер, дующий в кронах деревьев.

Мало-помалу избавься и от слушания. Просто сиди в молчании - потому что слушание было только средством. Это было только средством к тому, чтобы помочь тебе избежать делания. Но средство - это только начало; вскоре тебе придется отбросить это средство, и это будет случаться с тобой, где бы ты ни был, и это будет очищать тебя таким же образом, что и здесь.

И помни одну вещь: если это тебя очищает, это не значит, что ты должен быть небрежным и снова собирать мусор, потому что знаешь, что он будет очищен медитацией. Ты применяешь медитацию к очень небольшой работе. Она для этого не предназначена.

Я слышал - это случилось в Бирме после второй мировой войны - небольшой самолет остался в лесу. Японцы сдавались, но несколько упрямых самураев хотели продолжать сражаться, и они бежали в самолете. Они бросили самолет в лесу и спрятались где-то в чаще.

Но там жило племя, очень древнее племя. Они видели самолеты в небе, но не могли связать между собой эти две вещи: то, что они нашли, и то, что называли «великой птицей». Они попытались сообразить: «Что это такое? У него есть колеса, и это определенно; наверное, это какой-то вид транспорта».

Они использовали его как телегу, запрягая в него двух лошадей. И это так хорошо работало, что они очень обрадовались: «Потрясающе!» Тогда кто-то побывал в городе, вернулся и сказал:

- Вы не понимаете; это не телега, это автомобиль. Просто... Не понимаю, зачем нужны эти крылья, но дайте мне попробовать...

Он попробовал, и самолет завелся.

Они стали использовать его как машину, и этот человек предложил:

- Нам понадобится горючее. Пусть кто-нибудь сходит в город и принесет горючего. Не нужно никаких лошадей, никаких волов, нужно только заправить его горючим и использовать как автомобиль.

И они были очень довольны.

Тогда в этих местах оказался человек из армии, и он сказал:

- Что вы делаете! Вы используете этот небольшой самолет как машину? Он может летать.

Они не могли в это поверить. Они спросили:

- Это великая птица?

- Да, - сказал он; он был пилотом, и он показал им, что на нем можно летать.

Медитацию можно использовать, как воловью упряжку, - и именно так ты ее используешь, просто вычищая накапливаемый тобой мусор. Но ты накапливаешь мусор каждый день, и каждый день приходится его вычищать. Медитация - это великая птица, а ты используешь ее не по назначению, хотя она умеет делать и эту работу.

Поэтому, когда она избавляет тебя от бремени, будь внимателен и не собирай его снова. Какая необходимость в том, чтобы обременять себя? - всего лишь неосознанность. И все, что ты собираешь, - мусор. Ты это знаешь - именно поэтому, когда в медитации он вычищен, ты чувствуешь себя свежим. Зачем разрушать свою свежесть? Не собирай этого. А путь к этому -

быть более бдительным, более медитативным, даже когда ты делаешь другие вещи. Это великая защита, и она не позволит накопиться никакому мусору. И мало-помалу ты станешь собирать меньше и меньше, и однажды найдешь, что между двумя медитациями ты ничего не собрал.

Теперь воловья упряжка стала автомобилем - и между ними сейчас огромное расстояние. Теперь тебе не нужны лошади, чтобы она двигалась, и она движется гораздо быстрее. Теперь ты набираешь скорость; иначе ты можешь делать одно и то же каждый день, но умрешь прежним человеком.

И когда вычищать нечего, тогда эта медитация, твоя энергия, начинает подниматься вверх, потому что для нее не осталось работы на земле. Ты можешь взлететь. Ты можешь стать птицей во внутреннем небе. Тогда медитация будет не только освежать, это будет рост. Ты будешь расти, становиться более зрелым, более центрированным, становиться более индивидуальностью. И чем выше ты будешь подниматься, тем более и более увидишь, какие вещи случаются с тобой, - приходит весна, и всюду растет трава. Вся жизнь целиком становится такой зеленой, такой сочной.

Ты нашел путь - теперь продолжай. Так много еще предстоит открыть. Это твоя собственная территория, которую ты забыл, твоя собственная империя, которую ты забыл. Помни это. Эта способность помнить тоже придет сама собой.

Поэтому происходящее хорошо, но недостаточно хорошо. Возможно гораздо большее. Не довольствуйся небольшими вещами.

Пока ты не придешь к точке, в которой ты почувствуешь полную осуществленность, не останавливайся. Это кульминация эволюции - где каждый становится богом.

Любимый Ошо,

Я не могу представить жизнь без тебя. В то же время я не могу поверить, что я действительно здесь с тобой - я, не годящаяся совершенно ни на что. После десяти лет моих спотыканий ты по-прежнему изливаешь на меня свою любовь. Перед лицом таких безмерных сокровищ я продолжаю делать глупые вещи.

Любимый мастер, я постоянно кусаю тебя за палец. Каждый раз, когда я это осознаю, я чувствую, что ранила тебя: я беспомощный ученик. Есть ли что-нибудь, какой-нибудь образец, который я повторяла раз за разом в прошлом?

Нет, это не имеет ничего общего с прошлым. Ты стала искателем впервые. Так радуйся же этой растущей в тебе бдительности: ты можешь видеть, что спотыкаешься, ты можешь видеть свои глупости.

Простое видение - способ от них избавиться. Видь ясно, но не пытайся от них избавиться. Люди, пытающиеся от чего-то избавиться... это просто значит, что их видение недостаточно сильно, и они пытаются это скомпенсировать, что-то делая.

Если видение достаточно интенсивно, тотально, это - огонь.

Итак, первое: не беспокойся о прошлых жизнях. Это свежее приключение, и ты не повторяешь никакого образца. Тогда тебе было бы очень трудно из него выбраться, потому что тогда ты повторяла бы этот образец столько раз, что он почти стал твоей второй натурой. Если ты свежий, новый искатель, все очень легко, потому что у тебя нет никакого образца, чтобы его повторять.

Просто будь бдительна и видь вещи, как они есть. Если это ошибка, видеть ее как ошибку достаточно: ты не совершишь ее снова. Тебе не нужно даже решать: «Я не совершу ее снова». Просто видя ее... Как только ты видишь, что два плюс два четыре, а не пять, ты не принимаешь решения: «Я никогда больше не совершу ту же ошибку, никогда не решу, что два плюс два будет пять». Нет необходимости - ты увидела недостаток, и он исчез.

Видь, где ты спотыкаешься. Может быть, на пути есть какой-то камень - используй его как ступень. Человек должен использовать для роста все - ошибки, спотыкания, камни, недостатки, все это учение, ты должна просто быть бдительной.

И ты не «недостойна». Никто не недостоин. Существование не допускает никаких недостойных людей. Даже если мы можем подумать, что кто-то недостоин, наверное, в нем есть какое-то достоинство, потому что существование все еще питает его, помогает ему, надеется, что он изменится. Никто не недостоин.

И тебе не нужно быть мне благодарной и признательной. Я твой мастер. Если ты достигнешь, я достигну; если ты потерпишь поражение, потерплю поражение и я. Это наш контракт. В твоей славе - моя слава; в твоём пробуждении я стану пробужденным снова.

С пробуждением каждого ученика я буду становиться пробужденным снова и снова.

Поэтому не беспокойся ни о чем другом. Влей всю энергию в работу над сознанием... и у тебя есть эта способность. Этот вопрос от Гиты. Чтобы вспомнить ее имя, я должен повторять про себя: «Харе Кришна, Харе Кришна!»

У тебя есть эта способность, и ты имеешь безмерную ценность. Поэтому отбрось идею о том, что ты недостойна, потому что этим идеям общество учило каждого: «Ты недостойн, ты ничего не можешь в жизни. Ты должен доказать, на что ты способен».

Для меня ситуация выглядит совершенно по-другому. Каждый рождается достойным. Недостойным его делает лишь то, что мы толкаем его в неправильных направлениях. Недостойность - это нечто нам навязанное; достоинство же - наше прирожденное право.

Я же никому ничего не навязываю. Я просто снова привожу вас домой, к самим себе.

Глава 25 Украсть истину

Любимый Ошо,

Когда ты отвечал на вопрос, «забавно ли наблюдателю?», я нашел, что скользнул в пространство свидетеля, когда смотрел тебе в глаза, и встреча случилась. Это была такая ясная, прохладная встреча, и по сравнению с этим я почувствовал, какими липкими, неуклюжими и ограниченными были любые эмоции, которые я к тебе испытывал и в которых думал, что встретил тебя.

Однажды, во времена Пуны, ты, сказал, что должен разбить наши сердца. Я думал тогда, что мы с тобой можем встретиться, только если наши сердца тотально и неоспоримо отданы тебе; мы можем встретиться, только если чувствуем глубочайшую возможную любовь.

Но в этом недавнем опыте любовь - и даже доверие - совершенно не казались мостом. Все же они играют жизненно важную роль в отношениях мастера и ученика. Не расскажешь ли ты нам об этом?

Любовь и доверие играют важную роль в отношениях ученика и мастера. Но это только ступень. Человек должен выйти за ее пределы.

Любовь красива, но недостаточна.

Доверие лучше, более заземлено, более прочно.

Любовь эмоциональна: доверие же интуитивно.

Эмоции продолжают меняться в каждое мгновение - это поток, на них нельзя полагаться, - но доверие может стать великим основанием. Любовь помогает тебе достичь места, в котором возможно доверие. Без любви доверие невозможно. Любовь почти как мост, который может развалиться в любое мгновение, но все же остается мостом. Если ты его используешь, он приведет тебя к доверию; без него ты не сможешь непосредственно достичь доверия. Поэтому любовь необходима, но самой по себе ее недостаточно. Ее применение в том, чтобы быть средством, целью же является доверие.

Точно как любовь функционирует как средство к доверию, доверие тоже функционирует как средство к чему-то запредельному - для чего ни в одном языке не существует слова. Это опыт. И это, должно быть, ты испытал на мгновение, глядя мне в глаза. Это не дело любви, это не дело доверия, но нечто совершенно неизвестное уму. Любовь и доверие помогают тебе этого достичь. Но помни, это только средства к цели, для которой не существует названия. Внезапно, когда доверие тотально, ты можешь получить его проблеск. Оно тебя сметает. В этом ты просто исчезаешь.

Для любви нужны двое. Для доверия тоже нужны двое. В любви между влюбленными большее расстояние, потому что это нечто биологическое; это не привилегия человеческих существ. Привилегией является доверие. Расстояние становится меньшим. Между мастером и учеником

расстояние очень мало, но расстояние есть расстояние, малое или большое. Оно разделяет; сохраняется двойственность.

Безымянное явление, к которому ведет тотальное доверие, - не отношения. Это единство (At-one-ment). Двое исчезают. Кто ученик, а кто мастер, трудно определить. Они стали одним кругом, одним полюсом. И это всегда приходит без предварительной информации, просто внезапно, как порыв ветра. Но как только ты это испытал, любовь и доверие кажутся очень бедными, ты познал богатство. Это могло случиться лишь на несколько секунд, но это неважно.

Есть старая история. Один король очень любил своего телохранителя. Этот телохранитель был таким красивым человеком, и так любил короля и доверял ему, что в любой момент готов был отдать за него жизнь, если бы было нужно. Он был готов оказать королю любую услугу. Они были неразлучны - на охоте или на войне, или просто на прогулке в садах. Телохранитель был всегда при короле, и между ними возникла своего рода дружба.

Однажды король сказал:

- О чем ты думаешь? - ты когда-нибудь мечтаешь быть королем?

И бедный телохранитель сказал:

- Я так беден, я не могу себе позволить такие дорогие мечты. Я мечтаю о небольших вещах, но не могу мечтать о том, чтобы быть королем.

- Тогда, - сказал король, - я хотел бы передать тебе на двадцать четыре часа свой сан. На двадцать четыре часа ты король, а я твой телохранитель.

Телохранитель попытался переубедить короля:

- Не делай этого. Не делай этого со мной. Я не могу об этом помыслить. Я не могу этого принять - ты, и мой телохранитель.

Но король настаивал, и это произошло. Телохранитель на двадцать четыре часа стал королем, а король - телохранителем. И эта история очень значительна, потому что первым, что приказал телохранитель, было распять короля!

Король не мог поверить, никто не мог поверить. Он был таким достойным доверия человеком, что же с ним случилось? Но приказ короля есть приказ, и настоящий король был распят. И теперь не было речи о двадцати четырех часах, он остался королем навсегда.

Это суфийская история. Суфии говорят, что и любовь, и доверие могут предать - им нужна только возможность. Даже доверие может предать, нужна лишь возможность. Есть лишь одно, что не может предать, и это безымянное запредельное - где больше нет двух, где пережит своего рода один дух в двух телах, одна душа в двух телах. Поначалу это будет лишь на несколько мгновений, потому что этот опыт так странен, так чужеземен, что потребуется некоторое время, чтобы получить его снова. Постепенно он будет расти. Приходит мгновение, когда он становится просто твоим образом жизни.

Я видел, как любовь предавала. Это очень просто. Трудно найти любовь, которая не предает. Трудно найти доверие, которое бы предало, но это возможно. Лишь возможность... Например, я любил столько людей, я отдал им все свое сердце, и без всяких условий. Но теперь, когда против меня обернулся весь мир - что должно было произойти рано или поздно, - даже те, кто считал себя достигшими доверия, предают. А когда предает доверие, это так уродливо.

Любовь можно простить, потому что она - биологическая. Она обречена измениться. Доверие - не биологическое, это высшее явление. Но даже те люди, которые верили, что доверяли мне - и они не дурачили самих себя, они действительно верили, что питают ко мне доверие - они просто не находили возможности предать. Теперь они нашли возможность, теперь у них есть такая возможность.

Быть близким мне, доверять мне, раньше окупалось; теперь доверять мне стало опасно. Теперь это не окупается.

Ананда Тиртха написал мне письмо. «Мы открыли медитационную академию». Там был Девагит - он усердно работал, чтобы найти место, организовать деньги. Девагит оказал огромную помощь в открытии академии, и он настаивал, чтобы она носила мое имя. Но ни один терапевт не хотел, чтобы обо мне даже упоминалось. И Тиртха написал объяснение: «Мы не называли академию твоим именем, нигде не упоминали твоего имени по той простой причине, что твое имя стало опасным. Люди боятся участвовать в терапевтической группе, если это твоя терапия. Правительства не позволят...»

Теперь это не окупается... все они отбросили имена, начинающиеся со «Свами» и «Ма»; они оставили только «Тиртха», «Рад-жен». Это тоже хитрость. Почему не взять снова свое старое имя?

- потому что у старого имени нет престижа, а они хотят ехать на обеих лошадях. Они хотят своими именами эксплуатировать саньясинов, а не-саньясинов эксплуатировать, отбросив мое имя и всякую связь со мной и совершенно удалив это из своих групп.

Они пришли ко мне неудачниками. Терапии умирали в Америке и Европе, потому что люди находили, что это только игра. Я сделал их всемирно известными терапевтами, изменил структуру их терапий, соединил их с медитацией, и они стали ведущими терапевтами мира. Они пришли ко мне неудачниками, банкротами. Но они все это забыли. Теперь они думают, что я представляю опасность. Быть со мной больше не окупается; лучше быть самим по себе.

Но они не могут покинуть и саньясинов, потому что если ты совершенно сам по себе, ни один саньясин не будет о тебе беспокоиться. Поэтому в рекламе они используют красную одежду; на фотографиях они в малах. Но в реальности они не носят красной одежды, не носят мал. Что это за хитрости?.. Кажется, не только политики... может быть, в каждом человеческом существе есть некий политик.

Девагит сказал мне, что ему почти пришлось физически драться, чтобы, по крайней мере, поместить в брошюру мою фотографию, потому что все они помещают свои фотографии. С огромным трудом они согласились и поместили очень старую фотографию, чтобы никто меня не узнал. И они не поместили под фотографией моего имени. Под их фотографиями стоят имена, но под моей имени нет. Наверное, эту фотографию сделал какой-то любитель; никто не может определить, кого она изображает.

Только вчера все три политические партии Уругвая анонимно решили, что хотят, чтобы я остался здесь, хотят приветствовать моих людей. Президент, министр иностранных дел, министр внутренних дел - они согласились, что не имеют против меня совершенно ничего. Все, что им присылали из разных стран: из Англии, из Испании, из Америки, из Индии, из Греции, из Италии, из Германии, - ни единого слова против меня; все было против людей, которые могут приехать, если я здесь останусь.

Это странное утверждение! Оно против моих последователей, потому что у кого-то нашли наркотики... Но это такая простая логика: человек, у которого нашли наркотики, был также христианином или евреем, и он был христианином, евреем или индуистом всю жизнь, веками, поколение за поколением. Саньясином он был только год, а меня осуждают! Христианство не осуждают, Иисуса не осуждают, папу не осуждают... даже не упоминают о них.

Фактически, все преступники мира принадлежат к какой-то религии. Все убийцы, все насильники принадлежат к какой-то религии. Если бы все определялось таким образом, осудить следовало бы все религии. У них не было бы никакой респектабельности, им не позволяли бы строить храмы, церкви и синагоги, им не позволяли бы распространять свои религии, потому что их религии опасны. Они создают убийц, насильников, грабителей.

Это странное утверждение. Когда кто-то что-то делает, это его индивидуальная ответственность. А у меня нет даже религии. Я не несу ответственности ни за кого другого. Они видели, что во всех сообщениях, полученных ими от разных правительств, говорится, что мне нельзя разрешать остаться; в то же время им было ясно, что против меня ничего нет. Если кто-то другой что-то сделал, он должен быть наказан, не меня нужно наказывать и преследовать.

Они согласились, анонимно - а здесь очень трудная ситуация. Это коалиционное правительство, не однопартийное; правительство составляют три партии. Прийти к анонимному решению - очень трудное дело, но они пришли к анонимному решению. И министр иностранных дел сообщил прессе: «Пребывание здесь Ошо приветствуется, и он может проводить здесь свою работу».

Но они не знали, как обстоят дела, и в каком мире мы живем. Американский посол, должно быть, немедленно информировал Рональда Рейгана, а Рональд Рейган позвонил президенту. «Если вы позволите Ошо остаться в Уругвае, все кредиты, которые мы собирались вам предоставить, - а это значит миллионы долларов, - будут приостановлены. Во-вторых, все кредиты, предоставленные в прошлом, - либо будут увеличены проценты, либо вы должны будете немедленно их выплатить: вам решать».

И эта бедная страна, небольшая страна... а вы называете Америку демократической страной свободы. Президент этой страны, правительство этой страны занимаются просто шантажом. Это шантаж! Им нечего против меня сказать. На вопрос: «Почему вы не хотите, чтобы он был в Уругвае?», ответом было: «Это не имеет отношения к делу. Мы просто не хотим, чтобы он был в Уругвае, иначе вы поняли, что мы сделаем». И эти бедные люди ясно видят, что это шантаж, но ничего не могут сделать.

Но если бы только политики занимались шантажом, это одно - но это сделает и любой другой, как только представится возможность. Шива написал против меня книгу, полную лжи. Я сказал английским саньясином подать на него иск в суд, потому что то, что он говорит, сушая чепуха. И вы можете видеть его хитрость. В Пуне каждый вечер у меня было собрание людей, которые принимали саньясу. Это было открытое собрание - присутствовало шестьдесят, семьдесят, иногда сто человек. Двенадцать человек или, может быть, больше, принимали посвящение. Десять саньясинов танцевали, были медиумами, создающими живую энергетическую вибрацию.

И Шива написал в своей книге, что каждую ночь мне нужно десять женщин, никак не упоминая того факта, что эти десять женщин - медиумы, что они танцуют в открытом месте, на виду у ста человек, а еще двенадцать человек принимают посвящение. Он об этом не упоминает; он просто говорит, что каждый вечер мне нужно десять женщин.

Видите ли вы? - может ли человек поступить уродливее? А раньше он доверял мне настолько, что говорил, что отдал бы за меня жизнь - и вот что он отдает! В книге содержатся тысячи вещей, которые абсолютно неправильны, сфабрикованы, измышлены его собственным умом.

Любовь красива, пока она есть, но вскоре она становится горькой.

Доверие красиво, пока оно есть. Но если приходит испытание, и возникает возможность, что если ты будешь продолжать доверять, то подвергнешь себя опасности, это больше не окупается. В такое время доверие может превратиться в свою противоположность, оно может стать мстостью. Это становится аргументом для убеждения самого себя: «Я не предаю: фактически, я был неправ, доверяя этому человеку; это неправильный человек». Теперь он должен доказать самому себе и другим, что это был неправильный человек: «Я не предал, я просто обнаружил, что человек был неправильный».

Это нужно просто для того, чтобы не чувствовать себя виноватым. Это попытка обелить себя, умыть руки, полные крови. Но никакая ложь, никакие заявления никак не меняют факта твоего предательства - и предавая меня, ты не можешь мне повредить. Никто не может мне повредить. Ты просто вредишь самому себе. Тем самым ты разрушаешь свою способность доверять, а если мост доверия разрушен, ты никогда не сможешь выйти за его пределы.

И это странно: такие люди, как Шива, которые прожили со мной шесть, семь лет, - если они не могли обнаружить всех тех фактов, которые «обнаруживают» теперь, когда они не со мной, это только доказывает одно: они умственно отсталые. Семь лет нужно, чтобы это открыть? - вещи, о которых ты говоришь, можно было открыть на пять лет раньше. И в то время ты не мог их разоблачить?... это было правильное время.

Это психологическая вещь, которую нужно понять. Будут написаны многие другие книги, будут написаны многие другие статьи, и их напишут саньясины - только потому, что они доверяли, а теперь предают. Должна быть какая-то причина тому, что они меня покидают. Без причины они будут чувствовать себя виноватыми, и если причины нет, они должны ее изобрести. Они должны создать ложь.

Любовь не очень надежна, но полезна. Используй ее и двигайся в доверие. Но доверие тоже не стопроцентно.

Двигайся за его пределы. Тогда ты не сможешь упасть; тогда не будет обратного пути.

Тогда это нечто, сопричастное с вечностью.

Любимый Ошо,

Вчера вечером я читал в постели «мусорную» книгу, и внезапно пришла мысль, как вспышка света: «Но мастер не может дать тебе истину, ты должен ее украсть. И он ее не только не потеряет, он будет наслаждаться ее кражей еще больше твоего». И тут же я подумал, что, может быть, в этом смысл главной сутры Ишавасья Упанишады - что целое приходит из целого, и все же целое остается целым. И на несколько мгновений я почувствовал глубокое молчание.

Ошо, пожалуйста, скажи еще что-нибудь об этой сутре.

Сутра Ишавасья Упанишады - одно из наиважнейших из когда-либо сделанных утверждений: «целое приходит из целого, и все целое остается целым. Целое теряет себя в целом и все же целое остается прежним целым».

Это, в самом деле, качество целостности. Его не может быть больше, его не может быть меньше. Ты можешь что-то из него извлечь, ты можешь что-то к нему добавить: оно остается прежним. Это неизменная, вечная истина. Все остальное меняется, и все остальное - если ты что-то из него извлечешь - что-то потеряет; если ты что-то в него вложишь, оно что-то получит.

Если связать эту сутру с мастером и учеником, это становится еще яснее. Тысячи учеников могут взять истину у мастера, но его целостность останется прежней; он не станет нищим, если все вы возьмете его сокровище.

В обыденном мире обычные правила экономики другие.

Нищий сказал богатому человеку:

- Пожалуйста, дай мне что-нибудь. Я три дня не ел. Богатый человек вынул купюру в сто рупий и отдал бедному. Тот не мог поверить своим глазам. Прежде всего, он солгал. Он всегда всем говорил, что три дня не ел, но никто никогда не давал ему купюру в сто рупий. И он остановился в колебании. Богатый человек сказал:

- Ты не удовлетворен? Ты хочешь больше?

- Нет, дело не в этом, - ответил нищий.

- В чем же тогда дело? Ты не кажешься удовлетворенным.

- Нет, дело в том, что вскоре ты окажешься в моем положении. Однажды я тоже был богат и раздавал нищим купюры в сто рупий, и, в конце концов, оказался в такой ситуации, что мне приходится лгать и целыми днями просить милостыню, чтобы мне едва хватало на еду и одежду. Мне тебя очень жаль, потому что тебя надолго не хватит, если ты собираешься поступать таким образом - раздавать купюры в сто рупий таким нищим, как я. Тогда вскоре тебе придется составить мне компанию!

Он говорил правду. Это обычная экономика. Сколько бы у тебя ни было денег, если ты продолжаешь их раздавать, вскоре ты станешь бедным, вскоре ты окажешься нищим. Но богатство твоей внутренней жизни - совершенно другое явление: обычные законы экономики к нему не применимы. Чем больше ты отдаешь, тем больше у тебя есть. В этой связи значительна Ишавасья Упанишада.

Даже если мастер отдает тебе все сердце, все же целое остается целым. Даже если ученик в благодарности отдает все свое сердце мастеру, ни мастер ничего не получает, ни ученик ничего не теряет; целостность остается за пределами приобретений и убытков. И ты спрашиваешь о том, чтобы украсть у мастера истину...

Именно это обычно говорил ученикам Гурджиев: «Пока вы не готовы ее украсть, вы никогда ее не получите».

И это правда: когда ты крадешь истину, мастер счастливее тебя; фактически он прилагает все возможные усилия к тому, чтобы ты мог ее украсть. Ее нельзя дать. Посмотри на это под другим углом: истину нельзя дать, но можно взять. Я не могу ее тебе сказать, но ты можешь услышать. Я не могу ее тебе показать, но ты можешь увидеть. В этом смысл «кражи». Это не то, что подразумеваешь под кражей ты.

Гурджиев хочет сказать именно то, что мастер доступен.

Ты должен быть достаточно храбрым, чтобы взять. Он оставляет все двери открытыми. Ты должен быть достаточно храбрым, чтобы войти и взять сокровище. А мастер наблюдает и наслаждается. Если ты не войдешь в дом, это создаст ситуацию для него грустную - потому что, что еще он может сделать? Двери открыты, ты был приглашен тысячи раз. Сокровища не заперты, но ты не можешь собрать достаточно храбрости, чтобы войти в дом мастера и взять их. Нет никакой речи о воровстве.

Истина не принадлежит никому. Она настолько же твоя, что и любого другого. Мастер не владеет ею; это осознание, не право собственности. Но он не может тебя принудить ее взять, потому что это потеряет всякий смысл.

Есть три вещи, получить которые ты можешь только по своей инициативе. В самой твоей инициативе содержится способность их получить. Мастер может создать в тебе эту инициативу, поощрить тебя, но не может тебе этого дать, потому что даже если он тебе это даст, ты его потеряешь, ты где-нибудь это оставишь.

Есть старая история. Бедный человек со своим ослом возвращается с рынка. Он гончар, а в Индии только гончары используют ослов, чтобы перевозить горшки из одного места в другое. Он продал все горшки, но на дороге нашел огромный алмаз, неограненный, неотшлифованный. Он

ничего не знал об алмазах, он подумал, что он пригодится для игр его детям. «Он выглядит красиво, сверкает. Или, может быть, будет красиво, если я повешу его на шею ослу».

И ему удалось повесить его ослу на шею. Мимо на прекрасном коне проезжал ювелир. Внезапно он остановился. Он не мог поверить своим глазам... он никогда не видел такого большого алмаза. К тому же на ослиной шее! Он спросил бедного человека:

- Что ты возьмешь за этот камень? Естественно, он понял, что этот человек не знает, что это алмаз.

- Что ты возьмешь за этот камень?

Бедный человек стал лихорадочно думать. В конце концов, он сказал:

- Хватит и одной рупии, но я думаю, что он понравится моим детям или моему ослу.

- Целую рупию за камешек? Ты что, сумасшедший?

В нем проснулась жадность:

- Этот человек ничего не знает. За одну рупию он продает алмаз ценой в миллион рупий! С ним можно поторговаться.

И он сказал:

- Нет, я дам тебе только четыре анны, - и он стал медленно удаляться, сидя на лошади.

Случайно другой ювелир оказался рядом, и он был гораздо богаче; он ехал в колеснице. Он тоже остановился и спросил:

- Сколько стоит этот алмаз?

И этот человек сказал:

- Только что он стоил рупию, но теперь стоит две. Кажется, на этот товар слишком много покупателей; цена должна быть поднята!

Ювелир дал ему две рупии, взял алмаз и уехал. Первый всадник вернулся, подумав: «Как глупо было торговаться из-за одной рупии. Надо просто дать ему рупию и взять алмаз». И он сказал ему:

- Не волнуйся, я дам тебе рупию.

- Но алмаз продан, - сказал гончар.

- Алмаз? - спросил ювелир.

- Я бедный человек, но тоже кое-что понимаю - кому нужен простой камешек? Я получил двойную цену: две рупии наличными.

- Ты сумасшедший, - сказал ювелир. - Я мог бы дать тебе десять рупий!

- Но ты пришел слишком поздно. Никогда не будь слишком жадным. Я готов был отдать его тебе за рупию. А когда подъехал другой человек на колеснице, я уже знал, что наверное, он стоит тысячи рупий, но что мне делать с тысячами рупий? Двух рупий достаточно. Я бедный гончар: две рупии дадут моему бизнесу хороший толчок. Мне больше ничего не нужно.

Ювелир очень разозлился.

- Глупец, - сказал он. - Идиот! Ты продал алмаз, стоящий миллион рупий, за две!

- Не сердись, - сказал гончар. - Фактически, идиот ты, потому что ты знал, что это алмаз, но не захотел купить его за рупию. Я бедный человек. Я понятия не имел, что это такое; я никогда не видел алмазов. Я запросил с тебя самую высокую цену, которую только мог придумать; я никогда не видел больше одной рупии. Так кого ты называешь идиотом? Иди домой и сколько угодно плачь о сбежавшем молоке. Что же касается меня, двух рупий достаточно - алмаз или не алмаз. Для меня слишком много и двух рупий.

Люди живут жадно. Их жадность направлена на мирские вещи, и когда Гурджиев говорил ученикам: «Вам придется украсть истину», они думали, что он говорит, что они должны стать ворами. Гурджиев остался непонятым. Гурджиев на самом деле говорил, что мастер не может ее тебе дать, потому что ты не поймешь, что это алмаз. Ты подумаешь, что это просто камень, - если только не приложишь усилия, чтобы ее украсть. В самой попытке кражи ты достигнешь осознания того, что нашел нечто ценное.

Ты знаешь известную пословицу: «Украденный поцелуй сладок». Почему должен быть сладким украденный поцелуй? - потому что при краже ты прикладываешь усилие. Само усилие делает его ценным. Чем тяжелее усилие, тем важнее вещь, которую ты хочешь получить.

Гурджиев прав: ты должен суметь украсть истину. И никто не будет от этого счастливее, чем твой мастер, потому что он ничего не теряет, а ты обретаешь целый мир.

Я отвечаю не на ваши вопросы; я отвечаю на ваши сердца

Любимый Ошо,

Во время лекций, которые ты давал в Пуне, ты часто говорил о том, чтобы сдаться. Пока ты был в молчании, Шила злоупотребляла смыслом «сдачи», чтобы сделать людей послушными, и тогда при одном звуке слов «просто сдайся» я чувствовал, что закрываюсь. Теперь, будучи здесь с тобой, слово «сдаться» не только достигает моего ума и существа, но и мне комфортен его истинный смысл. Не будешь ли ты так добр, рассказать о том, чтобы сдаться?

Дело не только в слове «сдаться»... есть множество слов. Когда ты их слышишь, у них один смысл, когда переживаешь их опыт - совершенно другой. Проблема в том, как дать тебе воспринять опытно пережитый смысл слова. Это может быть отдача себя, это может быть любовь, это может быть доверие.

Ты слышал, как я говорил о доверии. Тогда, конечно, казалось, что слово «сдаться» подразумевает подчинение, что слово «сдаться» подразумевает своего рода духовное рабство, что слово «сдаться» означает, что ты ничего не решаешь даже в собственной жизни; ею распоряжается кто-то другой. Тогда «сдаться» значит просто следовать, верить, никогда не сомневаться, никогда не задаваться вопросами. Это больно. Все эти значения болезненно ранят. Они ранят твою индивидуальность, они ранят твоё самоуважение, они ранят твою свободу. Именно поэтому в коммуне было возможно, что, пока я был в молчании, словом «сдаться» можно было злоупотребить.

Но когда ты близко ко мне - а я совершенно не говорю о том, чтобы сдаться, - из-за самой этой твоей близости мое присутствие и твоё присутствие впадают в синхронизацию...

Здесь есть две лампочки, отдельные, индивидуальные - но их свет встречается всюду в комнате, их свет наполняет комнату как одно целое.

Присутствие, в чем-то, подобно этому. Оно не материально; если бы оно было материально, был бы конфликт. Свет одной и другой лампочки не проводит посередине разделительной черты: «Вот моя территория, и не смей в нее вторгаться». У них нет своей территории. Ты можешь зажечь вместе сотни источников света, и не будет никакого конфликта, никакой ссоры, потому что свет - это качество. Поэтому нет никакого конфликта.

Все материальное занимает определенное пространство, тогда ничто другое не может занять то же самое пространство. Если здесь это кресло, ни одно другое кресло не может стоять на том же месте. Но в отношении света все по-другому - пространство одно и то же. Сотни свечей могут занимать одно и то же пространство - не свечи, но свет; не тело, но твоё присутствие.

Я не говорю о том, чтобы сдаться, но ты переживаешь это. Это больше не разрушительно для твоего самоуважения, это больше не разрушительно для твоей индивидуальности. Это не имеет ничего общего с послушанием; это не имеет ничего общего, ни с каким подчинением.

Слово «сдаться» происходит из лексикона, связанного с войной.

Когда две страны сражаются, проигравшей стране, в конце концов, приходится сдаться, капитулировать. Это некрасивое слово. Его ассоциации уродливы. Один становится победителем, другой повержен и уничтожен.

Александр Великий завоевал пограничные земли Индии. Человек, сразившийся с ним, был человеком великого прозрения и великой власти - но не физической власти. У Александра была более многочисленная армия, более развитые техники разрушения.

Порас - так звали человека, правившего пограничной землей Индии, - был по-настоящему храбр. Само его имя «Порас» значит храбрый, подлинный человек. И Александр впервые испугался; хотя у него и была большая армия, но у него не было духовного качества, которое было в Порасе, такой медитативности, такого присутствия.

Александр слышал много историй о Порасе: никто никогда не мог завоевать его землю, хотя на нее нападали более многочисленные армии. В этом человеке что-то было, и само его присутствие делало армию в десять раз больше. Его люди чувствовали, что их победа несомненна, потому что ими предводительствует Порас, а Порас не знает поражений.

Александр впервые внутренне задрожал, впервые повел себя как политик - уродливо. До этой точки он был просто великим воином, но услышав о Порасе, он подумал: «Он - гораздо более

великий воин, не только физически, но и духовно; одной армии недостаточно». И Александр разыграл хитрую стратегию.

В Индии в месяц Шраван во время сезона дождей есть один день, день братьев и сестер. Сестра повязывает брату на запястье нить. Она называется ракшабандхан, соглашение: «Ты будешь меня защищать». И брат обещает, что будет защищать сестру, даже если ему придется отдать свою жизнь.

И Александр в тот день послал свою жену во дворец Пораса. Конечно, она была принята с великим почетом. Все удивились ее приходу, потому что на другом берегу реки Синдху Александр выжидал правильного момента, чтобы напасть. Его жена пришла одна. Она сказала:

- Я хочу видеть Пораса.

У Пораса не было сестры. Она пришла к Порасу и сказала:

- У тебя нет сестры, у меня нет брата. Я хочу стать твоей сестрой, - и она повязала традиционную нить.

Она повязала нить на запястье Пораса, и Порас коснулся ног этой женщины со словами:

- Тебе не стоит ничего бояться. Пока я жив, я буду тебя защищать. Если ты хочешь меня о чем-то попросить, это будет для меня честью.

И она сказала:

- В этой войне, которая вот-вот начнется, пожалуйста, не убивай моего мужа, он твой зять. Тем самым ты уничтожишь моего возлюбленного. Помни эту нить. Ты обещал защищать меня.

Порас увидел стратегию, но он был человеком слова. Он сказал:

- Не беспокойся.

И ей была дана охрана, чтобы она могла безопасно добраться до лагеря на другом берегу.

И по этой причине Порас был побежден. Исторические книги, написанные Западом, не упоминают об этом факте; это было победой не для Александра, это было победой для Пораса.

Пришло время, когда Порас схватился с Александром, и Александр упал с коня. Порас был на слоне - индийские армии сражались на слонах - и уже собирался убить Александра, но вдруг увидел нить на руке. Копье, нацеленное, чтобы убить, через мгновение отклонилось, и Порас сказал Александру:

- Я не могу тебя убить. Я обещал твоей жене, что не причиню вреда никому, если это причинит вред ей, и что я буду ее защищать.

Именно по этой причине Порас проиграл войну. Но Александр все же не мог понять, потому что не мог понять путей Востока, не мог понять, что восточные люди привыкли мыслить в совершенно других терминах. Это была настоящая духовная победа, великая победа Пораса.

Порас был приведен в цепях, в оковах, ко двору Александра, но он пришел, как лев, - в клетке, конечно.

И вот слова, которые я хочу, чтобы вы поняли. Александр сказал ему... Помните, этот человек Порас, несомненно, - редкий человек: его копье почти достигло сердца Александра; еще секунда, и тот был бы мертв, но он отвел его из-за обещания, данного незнакомой женщине.

Александр спросил Пораса:

- Какого обращения с собой ты ожидаешь?

Порас рассмеялся и сказал:

- Я хочу, чтобы со мной обращались, как император обращается с императором.

В зале воцарилась тишина. При дворе Александра никогда такого не слышали - чтобы поработанный король рассмеялся и сказал:

- Нет никаких вопросов. Тебе следует научиться манерам. С императором следует обращаться как с императором.

На мгновение Александр был в нерешительности, но в нем возобладала его лучшая часть. Он вспомнил, видя нить на руке Пораса... Она была по-прежнему на его руке; ее не снимают, пока она не спадет сама.

Он сказал людям:

- Освободите его. Отдайте ему обратно его царство. Мы не можем идти дальше в Индию. Это опасно. Если на самой границе произошел такой случай, мы не знаем, что случится во внутренних ее частях. Мы возвращаемся. Достаточно того, что мы уже завоевали.

Выражение «сдаться» происходит от поражения в битве. В нем остается нечто от насилия. Это отвратительно. Но нет другого слова, чтобы выразить то, что ты сейчас переживаешь, - особенно в английском языке.

Этот опыт безмерно важен. Никто тебя не покоряет, никто не наносит тебе поражения. Ты ни к кому не приходишь в подчинение. Ничто не утрачено. Твое самоуважение не затронуту. Фактически все увеличивается, усиливается. С этим ты - еще лучше, чем был раньше. Это тонкая встреча и слияние нематериальных присутствий.

То, что ты сейчас ощущаешь, - в действительности и есть смысл того, что я называл словом «сдаться». Я пытался тебе объяснить при помощи этого слова этот опыт, и теперь ты знаешь, что это слово не адекватно - не только не адекватно, но и в чем-то уродливо.

И то же самое происходит на многих уровнях. Ты узнаешь любовь, которая не будет любовью, о которой ты слышал раньше, которую испытывал раньше. Ее нельзя высказать, но ты ее почувствуешь. Она почти осязаема - не слово, но несказанная реальность. То же самое произойдет с доверием.

И за пределами и любви, и доверия есть нечто, для чего нет названия. Это можно пережить только в интимном чувстве единства, в молчании, без всякого усилия и без всяких условий. Не ты это делаешь - если это делаешь ты, то упустишь. Это нечто такое, что случается. Ты - просто наблюдатель. Все, что случается и при чем ты только наблюдатель, является частью духовного роста.

Но, переводя эти опыты в слова, мы должны спуститься с дальних звезд на грязную землю, и по пути многое теряется. И к тому времени как ты достигаешь мира языка, если тебе известен опыт, ты удивишься тому, что в этом слове нет и отдаленного эха реальности.

Но это является проблемой любого языка мира, потому что язык был разработан человеком для обыденных целей, для повседневных целей. Он был разработан не пробужденными людьми, а пробужденные люди не разрабатывают его по той простой причине, что им не нужно разговаривать друг с другом. Их молчание являет собой достаточную песню, их присутствие являет собой достаточное послание. Достаточно просто смотреть друг другу в глаза, достаточно просто держать друг друга за руки.

Поэтому никогда не будет языка пробужденных людей. Им он не нужен. А у тех, кому он нужен, нет этого опыта. И если ты используешь их слова, естественно, эти слова перегружены ошибочными ассоциациями. И хорошо, что ты почувствовал суть «сдачи», хотя мы и не говорили об этом. Я даже не упоминал этого слова.

И именно таким образом вы придете к опытному переживанию многих вещей, о которых я не упоминаю. Я хочу, чтобы вы действительно проживали это, прочувствовали это, были этим. Я хочу, чтобы вы мне напоминали: «Может быть, именно об этом ты говорил раньше, но мы никогда этого не понимали».

Любимый Ошо,

Иногда я чувствую себя очень сильным и сияющим. Что бы ни происходило вокруг меня, это не оказывает по-настоящему на меня воздействия. Я ощущаю красивую дистанцию от событий. Но в другие времена я чувствую себя так, словно с меня содрана кожа, и все проникает в меня глубоко; показавшееся недружелюбным слово или жест могут обидеть меня на много часов. Мне хочется забиться куда-нибудь в уголок, и я чувствую себя очень слабым.

Я также пережил тот опыт, что любящая атмосфера вокруг меня, когда я в таком состоянии, может вызвать во мне глубокую радость, но часто я не хочу выходить из угла. Я прекрасно знаю, что регрессирую в этих состояниях, но часто это просто интеллектуальное видение, не оказывающее реальной помощи в том, чтобы отбросить это болезненное состояние (Dis-ease: игра слов Ошо; традиционный смысл: физическая болезнь, недомогание; разбитое на слоги, слово получает смысл отсутствия легкости, неловкости, напряженного состояния. - Прим. перев.). Мне не нравится эта инфантильность, но, по-видимому, мне придется с ней столкнуться лицом к лицу, чтобы совершить этот шаг.

Не будешь ли ты так добр помочь?

Этот вопрос очень важен, и у него много сопряженных значений. Во-первых, когда ты чувствуешь себя хорошо, когда ты сияешь, ничто тебя не затрагивает, ничто не оказывает на тебя воздействия. Это означает, что ничто на самом деле никогда не оказывает на тебя воздействия. Тебе только не хватает этого сияния, тебе не хватает этой осознанности, этой отстраненности. Вместо того чтобы делаться слишком одержимым негативной вещью, регрессией в детство,

стремлением забиться в уголок и нежеланием из него выходить - и затем раздумьями, как посмотреть этому в лицо, как это отбросить, - не концентрируйся на этом.

Если ты знаешь мгновения, в которые тебя ничто не трогает, сосредоточься на позитивном, распространи это сияние эту отстраненность, эту осознанность, чтобы они окутывали тебя больше и больше. Остальное исчезнет само собой. Тебе не стоит даже беспокоиться об этом.

Это нечто фундаментальное в духовном росте: если тебя что-то заботит, тогда очень небольшая вещь начинает казаться очень большой. У тебя есть небольшая рана, и ты начинаешь играть с этой раной, и ты не позволяешь ей исцелиться, а хочешь, чтобы рана исцелилась. Но если снова и снова касаться раны и оставаться сфокусированным на этой ране, это не поможет ей исцелиться. Забудь о ней все. У тела есть собственная мудрость, оно исцелит ее. Не вмешивайся в пути тела.

У ума есть свой собственный путь. Эта регрессия в детство является проблемой ума, а переживаемое тобой сияние - опыт существа. Помни высшее. Более и более наполнись высшим, чтобы низшее исчезло само собой. Вместо того чтобы тревожиться о низшем... В некоторых уголках высшее не появится, и ты почувствуешь, что низшее становится сильнее и сильнее.

Сама идея, что ты хочешь это отбросить, опасна, потому что когда ты хочешь что-то отбросить, это означает, что ты к этому очень привязан. Если кто-то каждое утро выходит на улицу, собрав весь мусор в доме, и кричит соседу: «Я хочу его выбросить. Я так хочу его выбросить...» И этот человек крепко прижимает к себе мусор, в то время как кричит: «Я хочу его выбросить. Я так хочу его выбросить». Никто тебе не мешает. Никого это не заботит. Это просто мусор. Не стоит поднимать вокруг этого такой шум, просто возьми его и выброси.

Но ты можешь просто взять его и выбросить, только если ты в высшем состоянии. Это единственный способ увидеть, что это мусор. Если ты в самой этой стадии, ты не можешь его выбросить. Ты можешь думать.

И помни, думать: «Я хочу это отбросить», - на самом деле способ это защитить. Или думать: «Я не хочу этого». Чем более лихорадочно ты кричишь, что хочешь его отбросить, тем более это показывает, что ты глубоко в этом укоренен.

Нет вопроса о том, чтобы что-то отбрасывать.

Вот мое понимание: вместо того чтобы что-то отбрасывать, почему бы не отойти от этого в сторону?

Это две разные вещи.

Ты стоишь на ступени лестницы. Ты хочешь ее отбросить, в то время как стоишь на ней. Отбросив ее, ты упадешь. Единственный способ ее отбросить - это подняться дальше на высшую ступеньку, чтобы низшая потеряла эффективность. Чем дальше ты уходишь от низшего, тем более исчезает тьма.

Поэтому всегда помни: никогда не концентрируйся на негативном.

Но все религии учили людей негативным вещам. Они ответственны за несчастье человечества и остановку его эволюции.

У Махатмы Ганди было пять основных принципов, которые принимались за основу всеми религиями Индии. Но самое важное, что можно заметить, смотря на эти принципы, это то, что все они негативны.

Вот лишь три из них:

Ахимса, ненасилие - это «не» показывает негативный подход. Фактически они должны были бы позаботиться о насилии, потому что в нем настоящая проблема. Когда они говорят об ахимсе, ненасилии, тем самым они говорят: «Мы не хотим насилия, никакого насилия: ненасилие».

Астейя, не неправда; они не могут сказать просто: правда. Они должны искать окольным путем: «не неправда», чтобы сделать это негативным. Но ударение оказывается на неправде. Вместо того чтобы обнаружить истинное, должно быть отброшено неистинное. Неистинное исчезнет.

Асвад - принятие пищи, не испытывая вкуса, - «а» в санскрите означает «не», «нет»; это негативно. Ахимса, астейя, асвад: все должно быть негативным.

Все религии Индии приняли эти принципы, и никто во всей истории не обратил внимания на простой факт: зачем делать их все негативными, если доступно позитивное? Это не просто случайность.

Именно так функционирует наш ум. Достаточно какой-то мелочи, чтобы он сделал ее большой, сконцентрировался на ней, захотел ее отбросить, начал с ней бороться, и в этой борьбе она

становится больше и больше. Чем более ты с ней борешься, чем больше даешь ей энергии, тем больше энергии она получает, и тем чаще ты оказываешься побежденным.

И таким образом создается странный порочный круг. Ты борешься и терпишь поражение: каждый раз, когда ты терпишь поражение, уменьшается твоя храбрость, чтобы бороться дальше. Ты знаешь, что это не простая работа, ты боролся раньше; поражение впечатывается в твой ум - что бы ты ни делал, ты потерпишь в этом поражение. Ты можешь попытаться еще раз, но все равно потерпишь поражение. Никто не может бороться ни с каким негативным состоянием.

Поэтому не думай в терминах отбрасывания этой регрессии в детство. Ты уже знаешь, что есть мгновения, когда ты не регрессируешь, почему бы не сконцентрироваться на этом состоянии и не распространить его по всему себе. Сконцентрируйся на позитивном, и регрессия исчезнет, потому что это только воспоминание. Ты больше не ребенок. Ничего серьезного, лишь надпись на воде.

Этого ребенка ты оставил далеко позади. Это только память. Не делай ее слишком осязаемой, борясь с нею. Лучшее, что ты можешь делать, это ее игнорировать. Не давай ей никакого сока. Даже если изредка это и происходит, игнорируй это; просто проясни для себя, что это просто воспоминание и ничего больше. Ты не можешь регрессировать, это только воспоминание из детства. Ты не можешь стать ребенком, но эта память есть.

В детстве каждый ребенок переживает мгновения беспомощности. Он маленький, зависимый, все вокруг большие и сильные, и он находит маленький уголок в доме и прячется в нем, плачет в нем. Эта память по-прежнему есть, но это лишь только память. Она может быть стерта, и простой способ ее стереть... Твои мгновения сияния - это реальность, не память, они происходят сейчас. Они имеют силу. Распространи эти мгновения более.

Просто рассмотри эти мгновения: что их вызывает, что их приносит. Им помогает прогулка по пляжу, им помогает сидение у пруда, им помогает сидение в молчании под деревом, им помогает игра на гитаре. Что бы им ни помогало, найди эти элементы, выясни их и позволь им стать сильнее и сильнее. А у памяти нет никакой силы, силы ей придаешь ты. Она исчезнет.

Я не хотел бы, чтобы ты это отбрасывал. Я хотел бы, чтобы это исчезло само собой. Тогда оно не оставит за собой ни царапины. Если ты это отбросишь... прежде всего, никому еще никогда не удавалось что-либо отбросить.

Я категорически заявляю: никому за всю историю человека не удалось ничего отбросить. Те, кто попытался, потерпели поражение. И если каким-то образом им удалось отбросить что-то одно, им пришлось заменить это чем-то сходным. Кто-то бросает курение и начинает жевать резинку. Ничто не отброшено. Люди отбрасывали - по крайней мере, верили, что что-то отбросили, от всего отреклись - но в определенной ситуации то, что они считали отброшенным, всплывает снова.

Раматиртха, очень знаменитый индуистский саньясин, путешествовал по всему миру и везде был очень уважаем. Он был хорошим оратором и красивым человеком. Но получать уважение во всем мире... потому что перед христианами он восславлял Христа, перед евреями - Моисея, перед мусульманами - Мухаммеда, и говорил о Коране. Естественно, он был уважаем. Он думал, что уважаем он, но в этом-то он и ошибался. Если бы он критиковал Мухаммеда, те же самые почитающие его мусульмане убили бы его; тогда он узнал бы, что именно они уважали. Эти мусульмане наслаждались тем, что индуистский саньясин воздает славу Корану, их святой книге, их пророку, их Богу. Естественно, они станут уважать такого человека. Это взаимное явление.

Раматиртха приехал в Индию из кругосветного тура, и глубоко внутри он ожидал, что если ему оказали такое уважение в других странах, в Индии оно будет еще больше. Он хотел начать свое движение с Варанаси, центра индуистской религии.

И когда он поднялся, чтобы говорить, один ученый брамин встал и сказал:

- Прежде чем ты начнешь говорить, я хотел бы задать несколько вопросов. Во-первых, знаешь ли ты санскрит?

Раматиртха вырос в пограничных провинциях Индии, которые теперь находятся в Пакистане и в которых говорят на персидском языке и урду.

Он сказал:

- Нет, санскрита я не знаю, но я читал все санскритские писания в переводе на английский, персидский или урду.

Этот ученый брамин рассмеялся и сказал:

- Сначала изучи санскрит, потому что его невозможно переводить. Это божественный язык, и его нельзя перевести на языки обыденные. Сначала изучи санскрит, потом приходи сюда. Во-вторых, кто дал тебе саньясу?

Раматиртха ни у кого не принимал саньясы. Когда он был профессором Лахорского университета, Вивекананда совершил турне по всей Индии. Вивекананда выступил в Лахорском университете, где Раматиртха был профессором математики, и произвел на него такое впечатление, что тот просто бросил работу и переменял одежду. Раматиртха понятия не имел, что саньясу нужно принимать. Он просто стал саньясином в оранжевой одежде и отправился на Запад, откуда вернулся Вивекананда. Там уже были люди, заинтересованные Вивеканандой, и они немедленно собрались вокруг Раматиртхи.

И Раматиртха сказал:

- Я ни у кого не принимал саньясы.

И люди, собравшиеся вокруг, рассмеялись.

Они сказали:

- Посмотрите на этого идиота. Он не знает санскрита, он никогда не был посвящен. Ты должен стыдиться себя. А ты еще стал мировым посланником индуизма!

Раматиртха много раз оказывался в таких ситуациях за пределами Индии, но они никогда его не трогали. Ничто никогда не становилось для него раной. Люди оскорбляли его, люди противостояли ему, фанатичные христиане выкрикивали против него лозунги, но его ничто не трогало. В этот день что-то случилось. Он пришел в такую агонию, что, придя домой, выбросил свою оранжевую одежду, переделался в обычную и попросил брамина научить его санскриту.

Если бы он действительно был реализовавшимся человеком, он сказал бы им:

- Ничто не божественно в том, что касается языков. Ни один язык не божествен, хотя все языки претендуют на божественность.

Язык не имеет ничего общего с опытом. Думаете ли вы, что просто знание санскрита делает вас реализовавшими себя? Тогда все эти пандиты - реализовавшие себя люди. Тогда Будда и Махавира - не реализовавшие себя люди, потому что у них не было знания санскрита.

И кто, по-вашему, дал посвящение Будде? Посвящение или нет, саньяса - это твое собственное решение. Ты можешь получить ее от кого-то другого, а можешь принять ее сам.

Но он не умел говорить простых вещей. Ему стало стыдно перед простыми знатоками санскрита, которые ничего не знали ни о реализации себя, ни о саньясе. Он переехал оттуда в Гималаи, и это потрясение было так велико, что, в конце концов, он совершил самоубийство - прыгнул с горы в Ганг.

Он пришел с великими ожиданиями, что ему окажут уважение, что он будет восславлен как величайший индуист века, - но случилось прямо противоположное.

Последователи Раматиртхи говорят, что он принял самадхи в Ганге. Это было не самадхи; самадхи возможно, только когда ты просветлен и чувствуешь, что тело больше не нужно, что оно выполнило свою работу и должно отдохнуть. Это решение осуществленности, не исходящее ни из разочарования, ни из отчаяния, ни из чувства поражения. Но в это время Раматиртха не был блажен. Все его блаженство исчезло. Он чувствовал большую горечь, большой гнев и из стыда совершил самоубийство.

И по-прежнему есть небольшая группа, которая продолжает следовать книгам Раматиртхи. Я видел эти книги, в них ничего нет. Он был просто хорошим оратором. Ни одно его утверждение не дает ни малейшего указания на то, что он был просветленным.

И то, что произошло в конце, проясняет, что его жизнь была просто... он был хорошим профессором, обладал силой выражения - умел говорить. Видя, что Вивекананду принимают как великого человека, он стал амбициозным. Это было амбицией.

Люди говорят, что он отрекся от своей семьи. Я не скажу этого, потому что когда его жена пришла повидать его в Гималаях, он сказал своему компаньону Пуурану Сингху:

- Закрой дверь. Я не хочу видеть эту женщину.

Даже Пууран Сингх не мог поверить своим ушам. В своем дневнике он написал: «Я сказал ему, если ты отрекся от своей жены, как же ты тогда ее узнаешь? Если ты отрекся, нет речи об узнавании, все женщины одинаковы. Ты виделся со всеми возможными женщинами, а с этой, пришедшей издалека, не можешь увидеться?

Она продала все свои украшения - ты совсем не оставил ей денег, - чтобы добраться до тебя, просто коснуться твоих ног, а ты ведешь себя так грубо. Поэтому если ты мне говоришь, что хочешь, чтобы я закрыл дверь, тогда я тебя покидаю. С меня довольно! Того, что ты сделал в Варанаси и делаешь теперь, для меня достаточно, чтобы понять, что ты только позировал, играл. Иначе позволь этой женщине войти».

И немедленно после этого Раматиртха прыгнул в Ганг.

Если ты отрекся от женщины как от своей жены, тогда она снова становится обычной женщиной, такой же, как и все остальные, и для тебя не существует никакого разграничения. Если существует разграничение, это означает, что отречение было ложным.

И вот мое понимание: каждое отречение ложно, пока вещи не отпадают сами собой, - будут ли это деньги, или воспоминания детства, или какая-то умственная проблема. Не пытайся их отбросить. Отбрасывая их, ты придаешь им важности. Их следует игнорировать.

Вложи всю свою энергию в то, что в тебе есть взрослого, что растет больше и больше. Когда не останется энергии для того, чтобы эти детские воспоминания оживали, они исчезнут. Не нужно никаких прямых действий.

Позволь мне повторить снова: никакого прямого действия против негативной вещи, иначе ты всегда будешь оставаться пойманным в ее сеть. Сфокусируйся на позитивном, на утвердительном. Если это позитивно, утвердительно, это принесет тебе свободу, свободу от этих проблем.

Любимый Ошо,

Если сердце не умеет задавать вопросов, тогда не ум ли мой кровоточит как сердце, когда я спрашиваю тебя об определенных вещах?

Сердце не может задавать вопросов, но может спровоцировать ум задать вопросы о себе. У самого сердца нет языка, но есть собственный способ провоцировать ум задавать свои вопросы. Конечно, в этой передаче от сердца к уму вопрос меняет форму, он больше не точно такой же. Иногда он может даже стать противоположным.

Именно поэтому сердце может плакать и рыдать. Оно чувствует беспомощность. Оно не умеет спрашивать. Ему приходится использовать ум, но ум умеет спрашивать только таким способом, который принадлежит уму, а не сердцу.

Это все равно, что дать поэзию математику и предложить ему перевести поэзию в математику. Если математик разумен, он откажется: «Это чепуха. Этого нельзя сделать. Как можно перевести поэзию в математику?» Но если это какой-то эксцентричный математик, он может взяться за эту работу. Это будет работа мясника.

Ты удивишься: в санскрите написаны книги стихов о медицине, о грамматике. Какое отношение имеет грамматика к поэзии? Что общего имеет с поэзией медицина?

Меня это озадачивало с самого детства. В моем небольшом городке было несколько аюрведических докторов, и они писали на именных табличках свои имена, предваряемые словом *кавираддж*. Кавирадж значит поэт, король поэтов. Для меня было непостижимо, что доктор... почему? - и все они... Возможно, что доктор может быть одновременно и поэтом. Но нет, это было ученой степенью. После получения всех степеней, эта была последней. Точно так же, как современные врачи пишут перед именем - «доктор», они писали - «кавираддж», а кавирадж значит «король поэтов».

Даже в детстве меня это волновало. Я сказал своему отцу:

- Все в порядке, но если я заболею, пожалуйста, избегай этих кавираджей - потому что, что общего у медицины с кавираджем?

Один из его друзей сам был известным врачом. Я обычно ходил к нему. И я его спросил:

- Прочитай мне стихи, которые ты написал. Я хотел бы их услышать.

- Какие стихи? - спросил он. - Это только традиция. В прошлом книги по медицине писались в стихах, и это стало устойчивым сочетанием. Только поэты писали книги по медицине. И конечно, они были королями поэтов, потому что обычный поэт не может написать книгу по медицине. Что романтического в медицине, описывающей всевозможные травы, корни и микстуры? Что романтического можно из этого извлечь? Но лингвистически это можно устроить: вместо того чтобы писать в прозе, возможно написать это в стихах.

И он сказал мне:

- Это просто дань традиции. Не думай, что все эти люди поэты. Мы ничего не знаем о поэзии, но с далеких дней прошлого самые древние книги были написаны в поэтической форме, не в прозе. И те, кто писал эти книги, действительно стали королями поэтов. А теперь это стало почетной степенью. Тому, кто написал тезис по этим древним книгам, присваивается степень «кавираддж». Но это глупо.

Сердце будет плакать и рыдать, потому что у него есть только смутное стремление задать вопрос. Оно не может самому себе объяснить, в чем состоит этот вопрос. Может быть, это не вопрос. Может быть, оно просто хочет выразить себя, свою благодарность, свою любовь, свое доверие, переживаемые им чувства в моем присутствии. В процессе передачи это в ум, ум делает из этого вопрос. Ум - это фабрика по производству вопросов: вложи в него что угодно, и на выходе получишь вопрос.

Я слышал об одном бедном человеке, который никогда не приезжал в большой город. Он был стар. Он никогда не видел большого города, никогда не видел лифта. Он увидел, как в лифт заходит старая женщина, очень старая, и двери лифта закрываются. Он стоял и смотрел, что происходит, недоумевая, куда пропала эта старая женщина. Лифт двинулся вверх. Он сказал:

- Господи, что случилось с этой старой женщиной? Ей некому помочь, что же будет, когда она приземлится?

Через несколько минут лифт возвратился, и из него вышла красивая молодая девушка. Он сказал:

- Теперь я понимаю. Но я идиот. Я оставил жену дома! Так эта машина... в нее вкладывают старую женщину, а через пять минут она превращается в молодую девушку, которая из него выходит. Моей старухе это бы очень понравилось.

- В следующий раз, - сказал он, - когда я сюда приеду, я возьму ее с собой.

Он не подумал о себе, потому что стоял перед лифтом, на котором было написано: «Только для женщин». Он подумал, что, может быть, эта машина действует только на женщин, не на мужчин. Но в этом нет никакого вреда; по крайней мере, моя жена может стать молодой, и, может быть, найдется где-то и какая-то машина, которая и мужчин делает молодыми.

Ум постоянно создает вопросы. Он получает определенную вибрацию из сердца и немедленно переводит ее в вопрос. И сердце плачет, потому что это совсем не то, что оно хотело.

Но тебе не стоит беспокоиться. Я отвечаю не на ваши вопросы, я отвечаю на ваши сердца. Поэтому я пытаюсь установить, какое вредное искажение причинил ум этому вопросу, и извлечь существенную его часть, которую, может быть, хотело выразить сердце.

Поэтому не плачь и не рыдай. Этот вопрос от Четаны - она непревзойденный эксперт по плачу и рыданиям. Просто подожди моего ответа; не начинай плакать и рыдать с самого вопроса. Ум не умеет ничего другого.

Surrender значит также «капитуляция»

То есть, здесь, «психологически возвращаюсь в детство»

Глава 27

Нечто, не знающее пути назад

Любимый Ошо,

Что ты делал в те годы, сразу после просветления?

Это трудный вопрос. Сначала за этим опытом последовало великое, почти неразрушимое молчание, как будто ум перестал функционировать. С этим ничего нельзя сделать - кроме как наблюдать. Это было трудно для моей семьи, друзей. Очевидно, они подумали, что я сошел с ума.

Моя семья всегда беспокоилась обо мне, волновалась, что я не следую проторенному пути и занимаюсь опасными экспериментами; опасность сойти с ума, было легко себе представить.

А когда я перестал разговаривать, - было бы лучше сказать, что говорение прекратилось само, я в этом не участвовал, - люди задавали вопросы, а я даже не мог дать ответов на самые простые вещи.

Почти два года внутри меня была огромная радость. Снаружи это стало затруднением. Люди, которые думали, что пытаются мне помочь, на самом деле ужасно докучали. Меня нужно было оставить наедине с собой. Но они беспокоились, что я могу погрузиться в это безумие еще глубже.

Они также могли почувствовать, что я не несчастен, что я безмерно счастлив. Но сумасшедшие люди обычно и бывают счастливыми, они редко несчастны. И это не противоречило их идее безумия; напротив, это поддерживало их в идее, что со мной что-то нужно сделать.

Они приводили ко мне людей, которых считали мудрыми, но меня действительно поражало то, что люди эти были лишены даже здравого смысла. Они были полны мусора из священных писаний.

Только один человек, не слышавший мудрецом, встретился со мной в те времена - и он был единственным здравым человеком за эти два года моего молчания. Он был странным нищим - странным, потому что его многие уважали, хотя он был и нищий. Его единственной собственностью была просто небольшая кружка. Благодаря этой кружке (Магга) его называли Магга-баба. Люди бросали в его кружку деньги, еду или что-нибудь еще. И он не мешал другим людям, когда те хотели взять из его кружки деньги или другие вещи, брошенные туда первыми. Он с такой же готовностью относился и к тем, кто хотел взять из нее деньги...

Один из моих дядь подумал, что, может быть, этот человек может чем-то помочь. Он молчал, только иногда говорил тарабарщину. Нельзя было понять, что он говорит. Никто не мог сообразить, какой это был язык; это был вообще не язык. Он был как маленькие дети, когда они впервые разговаривают, - они продолжают говорить, что-то повторять.

Но у этого человека было абсолютно магнетическое качество. Во время дождей он обычно вечером лежал под навесом напротив своей лавки. Я видел его несколько раз, и он улыбался каждый раз, когда я его видел, - это было неподалеку от того места, где жил я. Его улыбка была улыбкой великого понимания.

И когда мой дядя подумал, что хорошо будет привести Магга-бабу, чтобы «посмотреть, что он с ним сделает», привели Магга-бабу. Его привод был тоже особенным событием; его нельзя было пригласить, потому что он ни с кем не имел общего языка. Он не говорил «да» или «нет». Нужно было просто подвести к нему рикшу и усадить его внутрь. Он не отказывался. По крайней мере, трижды его похищали, потому что его последователи в деревнях просто приезжали и забирали его. Его сажали в рикшу - и он был готов, он ни в малейшей мере не сопротивлялся. Он наслаждался поездкой и ехал, куда его везли. Но тогда его не хватало тысячам последователей здесь.

И вот мой дядя с несколькими друзьями посадили Магга-бабу в рикшу и привезли домой. Он подошел ко мне и сказал мне на ухо: «Так все и есть. И не волнуйся об этих людях, все они сумасшедшие». Может быть, впервые он с кем-то заговорил без всякой тарабарщины.

Все собрались вокруг. Им было трудно сообразить, что происходит, потому что Магга-баба не говорил им, что он мне прошептал, а я не собирался об этом рассказывать. Но одно они почувствовали, что Магга-баба очень доволен мной. Он обнял меня и ушел.

Это помогло семье и друзьям: «Может быть, в этом что-то и есть, а мы не понимаем» - но другие решили, что мы оба сумасшедшие. «Он старый сумасшедший, это всем известно; теперь он получил и другого».

Но все же великим утешением было, что нашелся один человек, который смог меня понять. И благодаря его пониманию я мало-помалу начал говорить - потому что, может быть, найдутся еще некоторые люди, которым можно помочь. Может быть, они на самой грани. Но как только я начал говорить... Это пришло так же, как и пришло молчание, словно целый океан молчания... когда я начал говорить, то же самое произошло с говорением. Внезапно ум заработал, и я стал постоянно говорить.

Люди стали приходить ко мне, спрашивать моего совета. Люди стали приходить ко мне на лекции в своей конгрегации, на какой-то конференции, в каком-то другом городе. Иногда я читал лекции пять раз в день, почти целый день, на разных конференциях и встречах, в колледжах, университетах. И мое молчание оставалось в неприкосновенности.

Многие годы я путешествовал один по Индии, говоря со всеми возможными людьми. И мало-помалу стали возникать трудности. Политики начали пугаться. Они не могут стерпеть никого, кто имеет власть над миллионами людей. Политикам было трудно собрать и горстку людей, которые бы их слушали, а я говорил перед сотней или двумя сотнями тысяч человек. Это стало для них огромной проблемой: если этот человек станет политиком, он может оказаться очень опасным.

Они начали беспокоить мои собрания. Они стали создавать хаос на собраниях, блокировать дороги, чтобы я не мог вовремя прибыть на место, даже пытались помешать мне выйти на вокзале. Они собирали своих людей и не позволяли мне выйти из поезда на платформу. Это была конечная станция, - поезд дальше не ехал, - но они настаивали, что меня нужно отправить обратно, что я не могу остановиться в их городе.

Когда это стало почти невозможно, я бросил путешествия. У меня уже было достаточно людей, и я начал новую фазу: медитационные лагеря на горных станциях или далеко в Кашмире для тех, кто хотел быть со мной двадцать один день или семь дней - небольшие лагеря, большие лагеря.

Некоторое время все шло хорошо, потому что я не входил в города, но политики не могут сидеть и молчать. Они жили в таком страхе, быть изгнанными со своих постов у власти, что стали создавать трудности для проведения медитационных лагерей. Мы резервировали гостиницы, но когда мы приезжали, правительство отменяло эти резервации.

Теперь управляющие гостиниц говорили: «Мы ничего не можем сделать, это идет сверху; правительство хочет провести здесь какую-то специальную семидневную конференцию, поэтому мы не можем дать вам мест».

И никакой конференции не было. Гостиница оставалась пустой, только чтобы мы не могли провести лагерь. Когда даже проводить лагерь стало невозможно, я перебрался в Пуну - просто чтобы остаться здесь. «Теперь все, кто хочет, могут приезжать сюда» - потому что мои перемещения были сделаны почти невозможными.

В Пуну приехали тысячи людей, и не только из Индии - потому что теперь я оставался на одном месте, - но со всего мира. Это стало для них еще более проблематичным. Я даже не выходил из дома. За эти семь лет в Пуне я вышел из дома лишь дважды: один раз повидать моего отца, когда он умирал, и другой раз, когда умирал Вималкирти. В остальное время я оставался только дома, потому что теперь они так отчаялись, что захотели меня убить. Теперь дело было уже не в том, чтобы остановить меня, теперь люди сами приходили ко мне. Я никуда не ходил, и они не могли мне помешать.

И перед десятками тысячами саньясинов они попытались меня убить, бросив нож. Это было нечто беспрецедентное, потому что попытки кого-то убить не совершаются публично - при десяти тысячах свидетелей. Был нож... и двадцать высокопоставленных чинов полиции, потому что утром они получили анонимный звонок: «Сегодня утром на лекции кто-то попытается убить Ошо».

Они бросились в ашрам, проинформировали нас и оставались рядом. Перед этими двадцатью полицейскими и десятками тысячами человек кто-то бросил нож. Он промахнулся. Но суд... Это было уголовным делом; мы не возбуждали дела; не было необходимости. Присутствовала полиция - и не один полицейский, целых двадцать. Десять тысяч свидетелей были готовы дать показания в суде, был нож, и человек был пойман с поличным - но суд освободил его: «Попытки убийства не было».

Наверное, судья испытывал чувство вины. Он сказал врачу, который приходил слушать меня... они были друзьями. Через врача он передал мне сообщение: «Попроси у Ошо прощения за меня. Давление из центрального правительства было слишком сильным. Я бедный человек, я не могу противостоять такому давлению. Меня только что назначили, и мне пригрозили, что мое назначение будет аннулировано, и я буду переведен в какую-то отдаленную область и никогда больше в жизни не смогу получить назначения. Я знал... потому что все было ясно. Не было совершенно никаких сомнений. Это было уголовным делом. Двадцать полицейских офицеров не будут лгать без причины. Но мне пришлось его освободить; иначе, вы знаете этих людей, - они могут даже убить меня».

И этот человек был освобожден. И по мере того как я двигался дальше, опасности становились с каждым днем больше и больше. Сначала одно правительство, одна страна, потом другое правительство, а теперь - весь мир.

Это был странный опыт - как нецивилизованно человечество и как далеко оно от возможности когда-нибудь стать культурным - потому что каждый, кто пытается поднять уровень сознания человечества, оказывается его врагом. Каждый друг для этих людей становится врагом, а все враги, удерживающие их в рабстве, считаются защитниками; это - святые, это - их вожди.

Может быть, ни одному человеку не доводилось пройти через то, через что прошел я, потому что все до меня были ограничены одной небольшой местностью.

Иисус был распят в небольшом, отдаленном уголке мира, в Иудее, небольшой колонии Римской Империи.

Сократ был убит в Афинах, в городе-государстве - даже не стране. Он никогда не покидал Афин.

И эти люди никогда не входили в контакт со всем человечеством таким образом, как пришел с ним в контакт я, и они никогда не видели этих уродливых лиц - потому что все те люди, которые у

власти, обладают большой силой выражения и очень искусны в том, чтобы скрывать свою реальность. Они совершенные лицемеры.

Опыт всей моей жизни будет полезным каждому, кто хочет пробуждать людей. Меня не могут распять, потому что я не совершил никакого преступления; не боролся я ни против никакой религии, и ни против какой страны. Моя борьба была вселенской. Она не против какой-либо в частности религии или политической идеологии. Это борьба с варварством в каждом человеческом существе.

Поэтому им несколько сложно решить, как именно меня уничтожить. Они не смогут этого сделать. Фактически все их усилия будут более и более их разоблачать.

И их усилия были полезны в другом смысле: они помогли мне увидеть среди моих собственных людей, кто из них действительно со мной, а кто нет; кто только притворяется, что со мной, а кто действительно со мной всем сердцем... и если я буду распят, тысячи людей будут распяты одновременно. И это было, в каком-то смысле, хорошо. Каждое нападение на меня помогало мне избавиться от тех, кто фальшив.

Я счастлив, что нашел тысячи людей, резонирующих со мной, чьи любовь и доверие ко мне безусловны. Их жизни претерпевают трансформацию. Даже если меня отнять у моих людей, их трансформация не прекратится. Это - нечто, не знающее пути назад. Как только она начинается, она продолжает в тебе расти; она подобна семени, и твое сердце становится почвой.

И я счастлив, что тысячи людей оказались достаточно храбрыми, чтобы открыться ко мне, невзирая на все возможное сопротивление, ложь и происки. Когда весь мир против тебя, ты можешь получить лишь немногих избранных. Тогда посредственные не могут к тебе приблизиться; они не могут набраться храбрости.

И это было во всех отношениях великим опытом. Я снова ушел в молчание, просто чтобы увидеть, сможете ли вы понять меня и в молчании, сможете ли вы быть со мной и в молчании. И большинство из вас действительно были со мной, тотально, счастливо, радостно. Неважно было, молчал я или говорил. Это не вопрос ума; это стало вопросом сердца.

Мне пришлось выйти из молчания, потому что некоторые люди стали злоупотреблять, эксплуатировать моих людей для собственных целей, ради собственной власти.

Эта коммуна была великим экспериментом, но из-за нескольких предателей правительство сумело ее уничтожить, иначе даже самое сильное правительство мира не смогло бы ее уничтожить. Всегда именно предатели внутри вас позволяют политическим силам уничтожать. Что касается меня, хорошо было и это.

Все, случившееся со мной, было хорошо. Может быть, из-за того, как я смотрю на вещи, я и не могу их видеть по-другому.

Теперь мы можем создать небольшие школы во всем мире, в качестве конечной фазы моей работы. Я просто ищу места, где мы могли бы остановиться, чтобы некоторые люди могли приехать и увидеться со мной - чтобы все, что осталось досказать, можно было досказать, прежде чем я снова уйду в молчание. Слишком многое еще должно быть сказано.

Может быть, интересы круговой поруки боятся, что если я приближусь к тому, чтобы высказать эти вещи, то могу оказаться опаснее для их существования, чем ядерное оружие.

Один из голландских издателей, опубликовавший дюжину моих книг на голландском языке, несколько месяцев назад написал мне письмо: «Сейчас вы говорите опасные вещи. Мы не можем подвергнуть такому риску наше издательство. Мы деловые люди. То, что вы говорили раньше, мы могли себе позволить, теперь это за пределами наших возможностей. Поэтому я не буду больше публиковать никаких ваших книг и не хочу иметь с вами абсолютно ничего общего. Не собираюсь я и переиздавать ранее опубликованные книги. Если саньясины захотят, они могут взять эти книги по цене стоимости, иначе я буду просто хранить их на складе и не выпущу в продажу. Я просто хочу отсоединить себя от вашего имени».

То, что он говорит, значительно. Все эти правительства чувствуют то же самое. Все эти религии чувствуют то же самое. Им хочется остановить меня, потому что я приближаюсь к тому, чтобы высказать вещи, которые они скрывали от человечества.

Для этого мне не нужны тысячи людей. Мне просто нужна небольшая группа таких, как вы, с кем я могу быть полностьюсонастроенным и свободным говорить все, что хочу. Я сдерживал многие вещи; теперь я не хочу ничего сдерживать, и для этого нет никаких причин - потому что они уже сделали против меня все, что только могли. Поэтому я просто хочу остановиться в

небольшом месте с небольшой группой, чтобы люди могли приходить и сидеть в молчании. Нет необходимости поднимать никакого шума.

И все, что нужно, это просто опубликовать все, что бы я ни сказал, на всех возможных языках. Это будет вашей главной работой, потому что теперь вы не найдете издательств, которые бы это публиковали. Теперь нам придется это издавать своими силами: нам придется переводить самим, публиковать самим, самим заниматься организацией маркетинга. И эта великая ответственность ложится на вас.

Слово должно достичь. Люди могут понять сегодня, завтра или послезавтра - неважно - но однажды они поймут.

Одно я могу сказать: что бы я ни говорил, это станет философией будущего, религией будущего для всего человечества, и вы благословлены участвовать в его творении.

Любимый Ошо,

Иногда твои слова достигают меня как тяжелая пила, если их слушает ум, но если немного подождать - позволив этой пиле пройти сквозь тело - и наблюдать, что происходит, я осознаю глубокое молчание и доверие.

Любимый мастер, бутылка разбита, и гуся в ней нет. Что со мной?

Не стоит заботиться ни о бутылке, ни о гусе. Пусть бутылка будет разбита, пусть гусь летит куда хочет. Единственная забота должна быть о том, что с тобой.

Ты видишь, что бутылка разбита, ты видишь, что гуся в ней нет; тогда попытайся установить, кто этот видящий, который все это видит. Это ты.

Тогда забудь о бутылке и забудь о гусе, и помни свое сознание, свою осознанность. Это единственное, что только есть значительного в существовании - единственное сокровище, единственное богатство, единственная роскошь.

Любимый Ошо,

Часто ты говоришь о себе как о части компании Будды, Махавиры и Сократа.

Я вижу сходство между великими просветленными мастерами, которые тебе предшествовали и тобой, как сходство между семенами и цветком. Но здесь аналогия оказывается недостаточной, потому что ты кажешься гораздо большим, чем то, что они содержали как семена.

Ты не только являешься осуществлением наследия сознания; ты содержишь и свое собственное семя, и может быть, являешься началом целой ветви в измерении сознания. Я ощущаю в тебе не только силу выражения, эклектику, начитанность, чувство юмора, любовь и мудрость, как ни в каком другом из когда-либо живших людей, но и гораздо большее, что находится за пределами моего восприятия.

Этих просветленных мастеров с нами нет, чтобы сказать тебе, кто ты такой; и кажется несомненным, что нет ни одного современника, который испытывал бы такое желание. Лишь ты сам уполномочен говорить о себе.

Ошо, не опишешь ли ты для нас, - для тех, кто с тобой, и для тех, кто придет следом, - кто или что проявляется в существе, которое мы знаем как «Ошо»?

Это правда, я содержу все наследие всех пробужденных прошлого, но это не все. Я также содержу нечто большее для будущего.

Можно сказать, что я - конец старого наследия и одновременно начало нового вида пробужденного человека. Другими словами, я могу без всякого труда содержать в себе Гаутаму Будду, но Гаутама Будда не может содержать меня - по той простой причине, что Гаутама Будда не может содержать Зорбу. И усилием всей моей жизни было создание синтеза между Зорбой и Буддой; во мне этот синтез случился, и в вас этот синтез случается. И это станет будущим нового человека.

Именно из-за этого я сначала славил Гаутаму Будду, Кришну, Христа и сотни других просветленных мастеров. Но этого недостаточно, потому что все они были против Зорбы, а я хочу создать в сознании пробужденного человека пространство для Зорбы. Поэтому я также и

критиковал этих людей, которых славил. Люди считают это противоречивым; это не так. Я славил их такими, какими они были; я критиковал их, потому что они были лишь половиной. И половина, которой в них недостает, безмерно важна, потому что без нее они бескровны, подобны скелетам.

Зорба может придать сока и укрепить корни Гаутамы Будды. Он останется под землей. Может быть, обычные люди никогда его не увидят; в этом его величие - что он не заботится о том, чтобы быть увиденным, что он не заботится о том, чтобы ему поклонялись и чтобы его славил. Для него достаточно того, что цветы, которые славят, содержат его сок, что без него они не смогут жить, что их жизнь - это продолжение его жизни. Они - его руки, простертые к небу, они - сама его суть, цветущая на ветру, танцующая под дождем.

Люди, может быть, никогда не узнают об этих корнях, но если само дерево начнет осуждать корни, и люди начнут следовать ему, обрубая корни, они убьют нечто наиболее ценное в человеке.

Все будды прошлого были живы наполовину. И все же они красивы. Я хотел бы, чтобы они были полностью живы; тогда их красота была бы безмерной.

Это твое чувство - правильно. Я могу глубоко встретиться от сердца к сердцу со всеми пробужденными людьми мира, но для них это окажется трудным. Для них трудным окажется диалог со мной по той простой причине, что то, что они обрубили, я пропагандирую, проповедую выращивать.

Они смогут увидеть, что что-то упустили. И есть возможность того, что они осудят меня за то, что я делаю нечто такое, чего никогда раньше не делал ни один будда; или, может быть, они восхитятся этой попыткой, - тем, что я дерзнул сделать то, на что не осмелились они.

В Индии это было ежедневным опытом. В храме Амритсара сикхи поклонялись мне, почти как будто я был их мастером. У них есть десять мастеров. Фактически человек, представивший меня на их конференции, буквально сказал, что меня следует принять как одиннадцатого. Но теперь они не позволят мне войти в храм.

В то время я многое сдерживал. Я говорил о небольшой книге, «Джапули», и сикхи были очень довольны, потому что ни один не-сикх никогда о ней не заботился. И они никогда не думали о смысле, который я придал этой небольшой брошюре. Но когда я сказал через два года, на собрании в их Золотом Храме, что «считаю просветленным только Нанак; остальные девять мастеров были обычными учителями», они были готовы меня убить. Я сказал:

- Вы можете меня убить, но тогда вы убьете своего одиннадцатого мастера!

Я знаю, что настоящим пробужденным хватит храбрости увидеть, что я дерзнул на то, на что не осмелились они. Кто-то должен это сделать, сделать осознанность всевключающей, не частичной, но тотальной - чтобы этот целый человек мог расти как органическое единство, не калеча никакую свою часть. Но это, несомненно, опасная затея. Это окажется противным всем их учениям, потому что все они пытались искоренить те или другие вещи. Они давали человеку определенный идеал.

А мои усилия направлены к тому, чтобы показать, что заставлять человека соответствовать идеалу, значит принуждать его быть фальшивым. Человек должен расти без всякого идеала, без всякой дисциплины. Его единственной религией должна быть осознанность, и куда бы ни привела его эта осознанность, туда он и должен идти без страха, каковы бы ни были последствия. Именно таким образом я прожил, и у меня нет ни малейших сожалений.

Может быть, эти люди и не смогли бы понять, но я могу понять даже их непонимание. Я все же буду восхвалять их за те прекрасные вещи, что они принесли в мир, - но не могу лгать будущему человечеству о том, что они сделали, чтобы вас искалечить. Я хочу роста целого человека в духовное существо.

Модификация мотороллера, используемая в Индии в качестве такси.

Hill stations, англ. - резиденции, созданные британскими колонизаторами в Индии для отдыха от жары во время жаркого сезона.

Глава 28

Идти некуда

Я получил письмо от одной из твоих саньясинок в Европе. Она говорит, что идти некуда, кроме как к тебе, чтобы быть с тобой. Тем временем она наслаждается одиночеством и небольшими вещами и благодарна, что, по крайней мере, мы все под одним небом.

Не будешь ли ты так добр, сказать что-нибудь твоим саньясином, которые молчаливо ждут?

Это великое время, потому что это время испытания - испытания вашего доверия, вашей любви. Молчаливо ждать - это именно то, чему я учил всю жизнь. Когда ты желаешь, ты агрессивен - желая что-то поймать. В обычном мире методом является желание, потому что столько людей соревнуется, борется за одну и ту же вещь. Более того, наружный мир - это мир количества. Он не исчерпаем; все наружное исчерпаемо. Ты не можешь ждать, потому что пока ты ждешь, эту вещь могут схватить другие.

Внутренний мир - совершенно другой. Там желание представляет собой беспокойство, препятствие, потому что во внутреннем мире ты один - нет речи о соревновании. Никто другой не попытается опередить тебя, никто сзади не наступит тебе на пятки.

И внутренний мир так деликатен, что если ты агрессивен, ты его разрушишь. Это все равно, что быть агрессивным с цветком розы. Ты можешь его получить, но он не будет тем же цветком розы, который ты видел танцующим на ветру, под дождем, на солнце. Это будет нечто мертвое... только труп, память, ничего больше. Внутренняя реальность еще более деликатна. Самого желания достаточно, чтобы помешать тебе, туда попасть; поэтому необходим совершенно другой подход и это молчаливое ожидание.

Гость приходит.

Только хозяин должен быть терпеливым.

И в субъективной области сознания хватать нечего. Это не количество, это качество. Если ты молчаливо ждешь - безо всякого желания, безо всякого требования, - приходит мгновение, когда твое молчание настолько тотально, твое ожидание так незагрязнено, что двери открываются. Ты оказываешься в своем королевстве, в своем глубочайшем алтаре. В этом состояло и состоит мое учение.

И это хорошая возможность дать шанс на молчаливое ожидание. Пока вы были здесь со мной, вы были так наполнены мной, моим присутствием, моими словами, что никогда не думали о том, чтобы ждать: я доступен. Теперь я не могу быть доступным снаружи, но только внутри. И это великая встреча, полная осуществленность, абсолютная радость. Не делайте этого отчаянием, не впадайте в тоску. Не чувствуйте, что вы далеко от меня.

Вы далеко, только когда вы не в молчании. Вы далеко, только когда нет ожидания, иначе вы очень близко. Где бы вы ни были, молчание соединит вас со мной, и ваше ожидание подготовит почву для встречи, которая будет не физической, не частичной, не временной.

Пользуйтесь этой возможностью. И всегда помните: что бы ни произошло, это можно использовать как возможность. В мире нет ситуации, которую нельзя было бы использовать как возможность.

Если тебе трудно оттого, что ты далеко, это естественная реакция, но будь очень бдительным, чтобы использовать эту возможность. Не растрачивай ее на грусть, иначе отчаяние станет почти что раком души.

Я был с вами достаточно долго, пришло время увидеть, можете ли вы быть со мной даже в мое отсутствие. Если вы можете быть со мной в мое отсутствие, с тем же празднованием, - как бы трудно это ни было поначалу, - вы найдете великую осуществленность. И это отсутствие больше не будет отсутствием, вы будете наполнены моим присутствием, где бы вы ни были. Это дело определенного ритма, иначе двое людей могут сидеть рядом, касаясь тел друг друга, но оставаться далеко друг от друга, как дальние звезды. Ты можешь быть в толпе, и все же быть один.

Поэтому вопрос не в физической близости, вопрос в понимании, что происходит в присутствии мастера. Твое сердце начинает биться в такт сердцу мастера. Твое существо начинает приобретать ту же песню молчания, что всегда была у существа мастера. Это составные части, подводящие тебя ближе к нему. Если тебе удаются эти две вещи... ты можешь быть на другой планете, но это не будет иметь значения. Это не имеет ничего общего с расстоянием.

Вы были со мной так долго, что прекрасно знаете, что происходит с вами в моем присутствии. Просто дай этому шанс: закрой глаза, сиди в молчании, ожидая, чтобы произошло то же самое. И ты будешь удивлен тем, что нет необходимости в моем физическом присутствии. Твое сердце будет биться в том же ритме - он тебе знаком. В твоём молчаливом бытии будет та же глубина - ты

в этом достаточно опытен. И тогда нет никакого расстояния. Тогда тебе не одиноко. Ты один - но в этом одиночестве есть красота, свобода, глубокая цельность и уравновешенность.

Таким образом, где бы вы ни были, политики мира сделают вам доступ ко мне более и более трудным. Это будет нелегко. Я приложу все усилия, чтобы оставаться для вас доступным, но эти политики не осознают, что даже если они могут воспрепятствовать моему физическому присутствию, они не могут помешать этим людям, переживать мое присутствие. Это за пределами их власти.

В Китае Лао-Цзы - великий мастер - вот уже двадцать пять веков, как умер, но небольшой поток его последователей сохранился. Они не обращаются к Лао-Цзы в прошедшем времени, но всегда в настоящем времени. Для них Лао-Цзы не может быть прошлым, потому что они по-прежнему чувствуют тот же ритм, то же молчание, ту же красоту, тот же покой. Что еще нужно?

Рамакришна умер. В Индии, когда умирает муж, жена должна сломать свои браслеты, снять украшения, наголо обрить голову и носить только белые сари - начинается пожизненный траур, пожизненное отчаяние, пожизненное одиночество. Но когда умер Рамакришна, - это было всего лишь в прошлом веке, - его жена, Шарда, отказалась следовать этой тысячелетней традиции.

Она сказала:

- Рамакришна не может умереть - по крайней мере, для меня. Может быть, он умер для вас, но для меня это невозможно, потому что для меня его физическое тело давно утратило важность. Его присутствие, и опыт, и аромат стали реальностью - и они все еще со мной. И пока они меня не покинут, я не собираюсь ломать браслеты, остригать волосы или делать что-нибудь подобное, потому что для меня он по-прежнему жив.

Люди подумали, что она сошла с ума:

- Потрясение было слишком сильным: ни единой слезы. Даже когда тело Рамакришны несли к месту сожжения, она не вышла из дома. Она готовила Рамакришне еду. Этот человек умер - его тело несли в крематорий - а она готовила еду, потому что подошло время обеда.

И кто-то сказал ей:

- Шарда, ты сумасшедшая! Его тело уносят.

Она рассмеялась и сказала:

- Уносят его тело, но не присутствие, оно стало частью моего существа. Я не сумасшедшая. Фактически своей смертью он дал мне возможность узнать, действительно ли его учение достигло моего сердца.

Она прожила после этого много лет, и каждый день все происходило, как обычно: дважды в день она готовила еду, и - как индуистская жена сидит рядом с мужем, пока он ест, и обмахивает его веером - она обмахивала веером пустое сиденье. Рамакришны в нем не было - по крайней мере, для тех, кто может видеть только физическое. И она болтала и судачила о том, что происходит по соседству. Она рассказывала ему все новости точно так же, как это делала обычно. Вечером - снова еда. А ночью она стелила ему постель, заботилась, чтобы под сетку не влетел ни один комар, касалась его ног - гасила свет и ложилась спать.

А утром таким же образом она его будила, приходила и говорила:

- Парамахансадева, вставай, время пришло.

Мало-помалу люди, принадлежащие более сердцу, чем уму, стали чувствовать, что Шарда не проявляет никаких симптомов безумия. Напротив... но из-за Рамакришны они никогда не думали о ней; она всегда оставалась на заднем плане.

Но теперь Рамакришны не стало, а она была его старейшим компаньоном. Они стали спрашивать у нее совета, и ее советы по каждому вопросу были так совершенны, что невозможно было и вообразить, что она была сумасшедшей.

Но что касается Рамакришны, она продолжала чувствовать его присутствие до последнего вздоха. Прежде чем умереть... это был единственный раз, когда она заплакала. Кто-то спросил:

- Ты не плакала, когда умер Рамакришна. Почему же теперь ты плачешь?

Она сказала:

- Я плачу, потому что теперь будет некому о нем позаботиться, некому приготовить еду. Никто не знает, что он любит, чего не любит. Кто постелет ему постель? Здесь так много комаров, что если сетку повесить неправильно, небольшого зазора достаточно, чтобы влетел комар, и старик будет страдать всю ночь - а я умираю. Меня здесь не будет. Все вы думаете, что он умер, поэтому я не могу на вас положиться.

Это подход молчаливого, ждущего сердца. Даже смерть не может иметь никакого значения, не может создать никакого расстояния.

Поэтому саньясинам во всем мире, которые далеко от меня, не нужно грустить обо мне. Все зависит от них - им нужно только изменить подход.

И это хорошая возможность изменить подход. Пока я все еще здесь, если они смогут начать чувствовать мое присутствие во всем мире, тогда ни одна страна не может запретить моему присутствию нахождение на своей территории. Ни одна страна, ни одна сила не может помешать мне войти в ваши сердца.

Их власть очень ограничена. Она может быть очень большой, но очень ограниченной: она материальна. А твои возможности гораздо больше, безмерно велики: они духовны. Все, что нужно, это осознавать это и использовать. Однажды испытал вкус этой красоты, ты будешь благодарен всем этим политикам, которые так отчаянно пытались создать стены между мною и моими людьми.

Я стал для них кошмарным сном - а я не причинил никому никакого вреда. Но, может быть, их подозрения обоснованы. Они подозревают, что я обладаю достаточным потенциалом, чтобы привлечь всю молодежь мира - чтобы изменить ее подход к жизни, ее отношение к жизни, что совершенно отсечет интересы их круговой поруки. Это они понимают - отсюда все их домогательства.

Но вам не стоит волноваться об их домогательствах. Они знают только один способ связаться с человеком; вы знаете нечто большее - способ глубокий, невидимый. Скорее всего, изредка вы сможете приезжать, чтобы увидеться со мной, быть со мной. Но даже если это станет трудным - они изо всех сил попытаются сделать это трудным - это не имеет значения.

Я доступен, где бы ты ни был.

Я с тобой, где бы ты ни был.

Просто оставайся уязвимым, открытым, восприимчивым.

Любимый Ошо,

Нет ли и в моем шкафу скелетов?

Это Клифф. У тебя же нет даже шкафа - забудь о скелетах! Ты бедный человек, ты не можешь позволить себе шкаф. Это роскошь для богатых - иметь шкафы и в них скелеты.

Ты - простой и невинный. Тебе их и не нужно; даже если и нужно, ты не можешь себе этого позволить. Тебе повезло.

Любимый Ошо,

Один из наших охранников, находящийся здесь с нами, сказал мне: «Вы чудесная группа людей». И он был так удивлен тем, что мы никогда не ссоримся друг с другом.

Эта гармония здесь - действительно чудо, и все же она так естественна. Любимый Ошо, не будешь ли ты так добр, сказать что-нибудь об этом волшебстве? И есть ли какие-нибудь способы, которыми твои ученики могут помочь друг другу двигаться в приключение сознания?

Люди ссорятся не без причины. Каждая ссора глубоко внутри - это столкновение амбиций, борьба за то, чтобы добиться того, чего пытается добиться другой.

Амбиции являются причинами всех ссор, всех войн.

У моих людей нет амбиций. Они не борются за то, чтобы куда-то подняться по лестнице амбиций. Они ни в чем не конкурируют друг с другом. Это группа совершенно другого рода, где люди вместе не для борьбы между собой и не для борьбы с какой-то другой группой.

В Индии это случилось... когда Индия стала свободной, я был очень молод, но часто разговаривал со своим отцом о всевозможных вещах. Вся моя семья была вовлечена в борьбу за свободу; все они побывали в тюрьме, все они пострадали. Мои дяди так и не смогли окончить образование, потому что в середине учебного года их поймали и посадили в тюрьму. Через три года они были освобождены, но тогда было уже слишком поздно, чтобы продолжать.

Я сказал отцу:

- Мне кажется заблуждением, что если мусульмане и индуисты получают отдельные страны, и эта страна будет разделена... предлагается принцип, что тогда не будет никакой борьбы, иначе они постоянно борются и убивают друг друга.

И он сказал:

- Принцип кажется здравым. Если у них отдельные страны, какая необходимость сражаться?

- Необходимость сражаться будет гораздо глубже. Если индуистов и мусульман разделить, вы увидите, что мусульмане будут бороться между собой.

Проблем было три... У мусульман есть две секты, шииты и сунниты, и они противоборствуют друг другу столь же смертельно, что и в любой другой религии. Они убивают друг друга.

Четырнадцать веков они убивали друг друга из-за небольшой детали - назначил ли Мухаммед сына или зятя своим преемником? Одна из сторон верит, что был назначен зять. Об этом нет никаких записей. Другая сторона считает, что преемником был назначен сын, но нет никаких записей и у них. У меня такое ощущение, что Мухаммед умер, не сделав никого своим преемником. А этих двоих, сына и зятя, охватили амбиции достичь такой же власти, и мусульмане разделились надвое. И они с тех пор так и сражаются за то, кто был его настоящим преемником.

Но в чем же дело? Вы что, сумасшедшие? Вы верите в одну и ту же философию, правильна она или нет; вы верите в одну и ту же мораль. И теперь это уже неважно. Сын давно умер; зять тоже умер.

Но эти две фракции продолжали все более отдаляться друг от друга, потому что зять назначил своего преемника, а сын - своего. И теперь есть две линии преемственности, параллельные друг другу.

Мусульмане не боролись в Индии до разделения, потому что они все вместе должны были бороться с индуистами. Я сказал отцу:

- Как только они окажутся предоставленными самим себе, первым, что произойдет, будут шиитско-суннитские столкновения. И вторым будет... они предлагают странные и глупые вещи: половина Пакистана будет с одной стороны, восточная часть, а вторая половина с другой, на западе - потому что в этих областях живет больше всего мусульман.

И Пакистан будет разделен расстоянием в тысячу миль на два отдельных фрагмента. Восточный фрагмент говорит на бенгали; они мусульмане, но говорят на бенгали. Западная секция говорит на урду, пенджаби, синдхи. И вскоре возникнет конфликт на почве языка, и бенгальцы отделятся, потому что окажутся в меньшинстве. Они никогда не смогут стать настоящими правителями Пакистана. Править всегда будут пенджабцы - а бенгальцы не могут этого стерпеть.

В такой ситуации окажется Пакистан, и в Индии эта ситуация будет во много раз умножена. Индуисты не боролись между собой, потому что должны были бороться с мусульманами. Как только не станет мусульман, Гуджарат начнет бороться с Махараштрой, - и они действительно стали бороться. Они убивают друг друга из-за мелочей.

Город Бомбей на самом деле построен гуджаратцами, говорящими на гуджарати парсами. Это самые богатые люди... вся индустрия и все остальное. А труд совершили махараштрийцы. И большинство населения составляют махараштрийцы; они говорят на маратхи и не понимают гуджарати. И в Бомбее происходят постоянные вооруженные столкновения между людьми, говорящими на маратхи и гуджарати. Они боролись за то, должен ли Бомбей оставаться в Махараштре или отойти к Гуджарату, потому что эти провинции собирались разделиться.

И повсюду происходила постоянная борьба, потому что как только главная борьба была отброшена, куда девать агрессивные инстинкты? Если вы хотите единства, вам нужен кто-то, с кем можно бороться, - чтобы оставаться сплоченными, необходим общий враг. Если общего врага нет, вы начнете ссориться между собой - о мелочах, о бессмысленных вещах.

Теперь они борются в Индии. Пенджаб хочет отделиться, стать независимой страной. Бенгал стал независимым от Пакистана. Тысячи людей были убиты, но, в конце концов, эта нация стала независимой.

Южная Индия хочет отделиться от северной, потому что северная Индия говорит на хинди, а южная не имеет с хинди ничего общего; у них есть свои языки. Вы удивитесь, узнав, что хинди ближе к английскому, шведскому, швейцарскому, итальянскому, немецкому - ко всем европейским языкам, - потому что это родственные языки. Все они родились из одного источника, санскрита. В немецком языке, по крайней мере, тридцать процентов слов происходят из санскрита. В одном небольшом европейском языке, литовском, семьдесят процентов слов санскритские - что

превосходит даже хинди; он ближе всего к санскриту. Но в Южной Индии языки не имеют ничего общего с санскритом; у них совершенно другие истоки.

И теперь они борются за то, чтобы не позволить хинди быть государственным языком, потому что это не их язык. Они хотят, чтобы государственным языком оставался английский, которым владеет только два процента людей.

Это смехотворная ситуация! Язык, которым владеет два процента населения, становится государственным, а язык, которым владеет больше половины Индии, нельзя принять, потому что вторая половина против нее.

В Южной Индии происходили вооруженные столкновения между говорящими и не говорящими на хинди. Были сожжены поезда. На юге нельзя повесить в своей лавке объявление на хинди. Лавку сожгут вместе с доской объявлений. Нельзя говорить на хинди, даже если другой человек его понимает. Он не подаст никакого вида, что понимает, он будет говорить на своем языке.

Борьба - это животный инстинкт. Люди просто находят поводы, чтобы ссориться. Но что-то всегда остается целью.

Все языки - а в Индии тридцать языков - хотят быть национальными языками. Это невозможно. Прошло сорок лет, но они так и не пришли ни к какому заключению. Они к нему никогда не придут, потому что, какой бы язык они ни выбрали, двадцать девять языков окажутся против; большинство всегда будет против избранного языка. Избранный язык может получить большинство, но двадцать девять языков тут же сплотятся - как только один язык выбран, они готовы с ним бороться.

Английский они готовы принять, потому что это не родной язык. Он такой же иностранный для одного языка, что и для другого. Но иностранный язык, который за триста лет британского правления в Индии не смог распространиться более чем среди двух процентов... невозможно, чтобы он был национальным языком. Девяносто восемь процентов человек не понимают ни слова по-английски. Все эти тридцать языковых групп выбросили английский из своих школьных программ. Значит, в будущем поколении не будет даже этих двух процентов, процент будет становиться меньше и меньше. Эти два процента составляют люди старой британской выучки.

Но если каким-то чудом и удастся сделать какой-то язык национальным, будут другие проблемы. Как только решается одна проблема, люди создают другую.

Я никогда не мог вообразить, что когда-нибудь начнут друг с другом бороться сикхи и индуисты. Это очень странная ситуация: в одной семье отец может быть сикхом, а сын - индуистом. Быть сикхом не значило принадлежать к отдельной религии; это было просто отдельным подходом. Муж может быть сикхом, жена - индуисткой; жена может исповедовать сикхизм, муж - индуизм. Никто никогда не думал, что такая смесь может начать бороться, а теперь они борются, и люди гибнут тысячами.

Сикхи хотят не иметь совершенно никакого отношения к индуистам - а все они индуисты. Любой индуист может стать сикхом в результате пятиминутной церемонии, и любой сикх может стать индуистом, просто обрив голову, - ничто другое не мешает ему стать индуистом.

Они поклоняются одному и тому же Нанаку, читают ту же книгу Нанака, ходят в ту же самую гурудвару - свой храм. Ходят индуисты, ходят сикхи. Единственная разница в том, что те и другие верят в первого мастера, Нанака, а сикхи верят еще и в девять следующих. Индуисты не верят в девять остальных. Это единственная разница, другой разницы нет. Нанак заложил всю основу, так что неважно, веришь ли ты в девять остальных. Система верования остается прежней.

Но в человеке есть какое-то животное, которое хочет сражаться по всякому поводу.

И это, несомненно, возможно... каждый, кто не знает моих людей, будет изумлен тем, что эти люди не ссорятся. Мы ни с кем не ссоримся снаружи, мы не ссоримся между собой. Для этого нет причины, потому что весь наш мир состоит из внутреннего сознания, и не возникает речи ни о каком соревновании. Ты одинок. Ты можешь расти, насколько захочешь; другой может расти, насколько захочет. Нет никакого конфликта интересов.

И поскольку каждый саньясин связан со мной... это не религия, в которой вы связаны определенной системой верования. Тогда могут возникнуть проблемы - достаточно другой интерпретации, небольшой проблемы, и фракция отделяется и становится антагонистической.

У нас нет никакой системы верований. Поэтому если ты веришь в святого духа, это никого не волнует, - это твоя радость. Только помни: скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты! Но это никого не беспокоит.

Каждый старается расти индивидуально. Нет никакой организации, поэтому нет никакой организационной круговой поруки.

Вы связаны со мной индивидуально. Вы связаны друг с другом просто потому, что все вы связаны со мной. И поскольку вы сонастроены со мной, внезапно вы находите, что каждый, кто сонастроен со мной, сонастроен и с вами, - потому что он тоже пытается быть сонастроенным со мной. Вы пытаетесь создать гармоничное целое, не прилагая к его созданию никаких непосредственных усилий. Это просто побочное следствие.

Поэтому каждый посторонний будет удивлен - наблюдая за вами несколько дней - тем, что никто не ссорится. У нас нет энергии, чтобы ссориться. У нас столько ценных сокровищ, и мы вкладываем всю свою энергию в их поиски. Кто заботится о таких мелочах?

В ашраме Махатмы Ганди был запрещен чай. Нельзя было пить чай. Нельзя было курить, играть в карты, нельзя было то-то и то-то - мелочи. И он принуждал людей делать эти вещи.

Поэтому если кому-то хотелось утром выпить чашку чая, он вынужден был прятаться - закрыть дверь и приготовить чай. Другие наблюдали и пытались узнать, почему это он утром закрывает дверь, зачем это он держит у себя в комнате плитку? А когда он выйдет, кто-то может порыться в его комнате и найти чайную заварку. И вот он разоблачен, и его приводят к Махатме Ганди как преступника - он прячет чайную заварку. Каждое утро он закрывал дверь, и никто не знает, что он делал с этим чаем. Что можно делать с чаем? Самое большее, пить чай! Что еще с ним делать?

И мало-помалу возникали фракции - это делали и другие люди - и те, кто был за чай, образовывали партию: «Поодиночке мы не можем существовать, мы должны бороться». Те, кто курил, тоже образовывали партию.

И что делал Ганди? Он был мазохистом. Он не наказывал этих людей, он начинал поститься до смерти. Почему? - потому что эти люди пьют чай!

Но почему ты постишься до смерти? Вот какая у него была логика: «Наверное, что-то незакончено в том, что я мастер, иначе как может быть так, что мои ученики не слушаются меня? Поэтому, чтобы очистить себя, я буду поститься до смерти, пока не стану совершенно очищенным. Я не прекращу этого поста».

И естественно, эти бедняги, пившие чай и курившие сигареты, думали: «Теперь его смерть будет на нашей совести», и они приходили и говорили:

- Мы склоняемся перед тобой и обещаем, что никогда даже не посмотрим на чай, мы никогда не притронемся к сигаретам - не говоря о том, чтобы пить и курить - но, пожалуйста, прекрати этот пост.

И он изводил весь ашрам три или четыре дня. Со всей Индии приходили телеграммы: «Как глупо, что ученики делают такие вещи, они должны извиниться». А они и извинялись целыми днями. С утра до вечера они сидели и говорили:

- Прости нас! Это было в последний раз - никогда больше я не увижу чая! Но только прекрати этот пост.

И в конце концов, через три или четыре дня, он прекращал пост. Но он измучил их, он заставил всю страну их осуждать.

Любовь была запрещена. Его собственный секретарь, очень талантливый человек... Многие писали о Ганди, но лучшими были две книги, написанные Пьярелалом. Это большие тома; может быть, в каждом из них двенадцать сотен страниц. Пьярелал влюбился.

Любовь - это не такая вещь, которую можно предотвратить. Человек узнает, только когда это случилось. Любовь не посылает впереди себя посыльного: «Берегись! Я иду! Если ты последователь Ганди, беги!» Она приходит так медленно, что ты никогда не знаешь, когда влюбишься. Однажды внезапно ты осознаешь: «Боже мой, я влюбился». И это - величайшее преступление.

Пьярелал был его секретарем... но он был с большим позором выпровожен из ашрама, и его осудила вся Индия - ни за что, только потому, что он влюбился в молодую женщину. Оба были молоды, и ничего плохого в этом не было.

Тогда его собственный сын, Девадас, влюбился, и для Ганди это было еще большей проблемой. Несомненно, он был нечист, его собственный сын влюбляется! Девадас влюбился в дочь другого великого индийского лидера, Раджагопалачари. И дочь забеременела, поэтому выгнать их было нельзя; они должны были пожениться, но принадлежали к разным кастам. И Ганди, который всю жизнь говорил, что касты должны исчезнуть, что каст быть не должно - теперь его тревожило, что его сын женится на ком-то из другой касты.

Раджагопалачари был ровесником Махатмы Ганди, и он стал первым генерал-губернатором Индии после ухода Маунтбаттена. Но Ганди был таким коварным политиком.

Раджагопалачари не был последователем Ганди - хотя и принадлежал к партии Ганди, - но был его ровесником и занимал собственную позицию. В Южной Индии он имел полную власть, и Ганди не мог устанавливать для него правил. Раджагопалачари приезжал навестить дочь, и он пил чай и курил в ашраме - и тогда Ганди не начинал поста.

Кто-то спросил:

- Почему же ты теперь не постишься до смерти?

- Он не мой ученик, - отвечал тот. - Меня он не беспокоит. А когда он уедет, мы почистим комнату, - а очистка комнаты подразумевала побелку стен, замену коровьего навоза на полу. Коровий навоз - наичистейшая вещь; он счищает любой грех! А какой грех? - питье чая и курение сигары.

Но Ганди не мог помешать Раджагопалачари, потому что теперь он был его родственником, имел такое же положение и политически тоже обладал большой властью. Но он отомстил этому человеку, сделав его генерал-губернатором.

Все подумали, что Ганди проявляет пристрастие, делая своего собственного родственника, шурина, генерал-губернатором, когда есть более важные, разумные люди, более преданные свободе страны. Они подумали, что Ганди пристрастен, но политика - это такое дело, в котором никогда не знаешь всей истории, пока она не подойдет к концу.

Ганди сделал Раджагопалачари генерал-губернатором преднамеренно, чтобы тот не смог стать премьер-министром, что дало бы ему реальную власть. Это был просто переходный период в пятнадцать дней. Что он мог сделать за пятнадцать дней? Это был переходный период. Британия уходила, Маунтбаттен должен был кому-то передать свои обязанности, и Партия Конгресса еще не решила, кто будет премьер-министром, кто будет заместителем премьер-министра.

Пост генерал-губернатора был обречен! - потому что генерал-губернатор представлял британское правительство. Маунтбаттен торопился, и Ганди устроил так, чтобы Раджагопалачари... Раджагопалачари был счастлив быть первым - и последним - генерал-губернатором Британской империи, но был одурачен, потому что не смог стать премьер-министром. Ганди хотел отстранить его.

Теперь он стал генерал-губернатором и принес присягу премьер-министру, другим людям кабинета. Он был отстранен от власти - с ним было все кончено! Как только он принес присягу этим людям, президенту Индии и всем остальным, через пятнадцать дней он вернулся в Южную Индию.

Но политики могут падать ниже своего достоинства. Видя, что его обманули, так подло обманули - иначе он стал бы президентом или премьер-министром... Просто быть первым и последним генерал-губернатором пятнадцать дней - ничего не значит. Он был готов стать главным министром южной провинции Мадрас. Он стал главным министром Мадраса, и согласился на это после того, как был генерал-губернатором всей Индии. Такой была его жажда власти. Теперь, когда возможности быть президентом или премьер-министром не было - а он был очень стар, - он был готов быть главным министром небольшой провинции.

В ашраме Ганди постоянно продолжалась междоусобная борьба. Я знаю это хорошо, потому что я очень близко знал одного из сыновей Ганди, Рамдаса. И время от времени, когда я проезжал мимо ашрама, я встречался с ним, или когда я был рядом, он приходил и встречался со мной. Ганди тогда уже умер.

Рамдас говорил, что мало радости было жить в ашраме, потому что Ганди был слишком строг в мелочах. Он хотел контролировать всех, как только возможно. Он говорил о свободе, а создавал в собственном ашраме рабство.

Но это было путем всех религий, всех религиозных святых. Они создают рабство для себя, и тогда они получают право создавать рабство для своих учеников - и в таких мелочах, что этим людям можно только изумиться. Заботил ли их действительно человеческий рост, рост сознания, или то, сколько у тебя перемен одежды? Если больше трех, это грешно. В какое время ты засыпаешь? Если ты не ложишься спать до девяти, это грешно. Что ты ешь? Всеми возможными путями...

И тогда, естественно, развиваются клики. Люди находят выходы из положения. Некоторые люди любят играть в карты. В этом нет никакого вреда. Они не делают ставок, не ставят денег -

просто играют в карты. Но они должны прятаться, чтобы играть в карты, и если их поймают, их осудит вся страна.

Ганди устроил все таким образом, что содеянное не оставалось в пределах ашрама, но было осуждаемо всей страной.

Я совершенно другой человек. Я хочу, чтобы вы были абсолютно свободны. Я хочу, чтобы вы делали все согласно собственной совести, собственному сознанию.

Ничто не должно оставаться скрытым. Ты можешь обнажить себя без ощущения, что тебя за это осудят, - потому что осуждение означает, что люди будут оставаться закрытыми, не раскроются.

Это совершенно новый эксперимент во всей истории человека, где свобода действительно значит свободу - свободу быть собой, - потому что я не вижу, как, если только ты не остаешься собой, ты можешь мне доверять. Если я мешаю тебе быть собой, то создаю между нами стену. Я хочу, чтобы ты был самым собой, делал то, к чему у тебя лежит сознание. Кроме твоего сознания, никто не волен этого решать.

Я никогда не мыслил в терминах наказания; самой этой идеи не существует в моем словаре. Я всегда думал, как мне вас наградить за то, что вы такие молчаливые, такие бдительные. И мне нечем вас наградить, кроме своих благословений. С моими благословениями - под целым небом, где бы вы ни были - просто чувствуйте, что вы близки ко мне. Войдите в то же состояние, что и когда вы рядом со мной.

Это дело навыка. Это не что-то такое, что можно привить. Просто наблюдайте внимательно, что происходит, когда вы рядом со мной. Затем испытайте это в разных ситуациях, и это начнет происходить и вдали от меня.

И таким образом - это единственно возможный теперь способ, потому что все эти уродливые политические силы хотят изолировать меня от моих людей... и все эти великие силы оказались трусливыми, преступными. И поэтому остался единственно возможный путь: когда возможно, когда это получается, будьте со мной; я с вами всегда. Просто позвольте. Просто оставьте для меня немного пространства в сердце.

И человек никогда не знает, когда приходят скрытые благословения. Многие саньясины были бесполезны. Некоторые были вредны. Я не такой человек, который кому-то говорит нет. Мне это больно, каким бы неправильным ни был человек. Я никогда никого не отвергал и никогда никого не отвергну. Что бы он ни сделал - даже против меня, - я не вспомню об этом.

Но это было хорошей возможностью увидеть настоящие лица за масками. Те, кто был вреден, обнажены; те, кто был бесполезен, потеряны. Лишь немногие избранные - ради кого я живу, ради кого я умру - останутся со мной.

Глава 29

Новые небеса, чтобы летать

Любимый Ошо,

В наших последних опытах самое замечательное и ироничное то, что так называемые христианские страны видятся в свете истории об Иосифе и Марии, которая вот-вот родит Иисуса и для которой «не находится комнаты на постоялом дворе». Эта история используется как основа фундаментального христианского принципа «благотворительности» и «любви к ближнему».

По мере того, как, одна за другой, христианские страны хлопают дверьми перед лицом индивидуальности, готовой родить нового человека, может быть, в нашем путешествии мы видим последнюю предсмертную судорогу претензии христианства на то, чтобы быть чем-то большим, чем дешевая политическая идеология контроля?

Христианство и другие религии пребывают на смертном одре. Они отчаянно пытаются выжить, но их выживание практически невозможно; и невозможность происходит оттого, что они не религии, а притворщики.

Истинная религия может быть только одна.

Это так просто понять. Можешь ли ты помыслить о христианской науке, индуистской науке, мусульманской науке? Это был бы просто идиотизм. Наука есть наука. Это исследование объективной реальности без всякого предрассудка. Как оно может быть христианским, как оно может быть индуистским?

Религия - это исследование субъективного мира без всякого предрассудка. Как оно может быть христианским, еврейским или буддистским?

Истина одна, и религий не может быть много. Умирает именно их «многовость» (Manyness), и из этой смерти возникнет простая религиозность, лишенная всяких прилагательных. Разве ты не можешь кого-то считать человеком религии, точно так же как кого-то считаешь человеком науки? Если мы можем представить человека, который правдив, искренен, подлинен, ненасильствен, сострадателен - это религиозный человек.

Религия - это не нечто такое, во что следует верить, но нечто такое, чем следует жить, что следует испытать как опыт... не верование в уме, но аромат всего твоего существа. Что бы ты ни делал, в этом будет религиозное качество, точно так же как научный ум все делает по-научному, иногда даже доходя до абсурда.

Я слышал о Геродоте, греческом математике, который первым открыл закон средних чисел; и поскольку он был первым в истории первооткрывателем, он был так этим наполнен, что стал смотреть на все с точки зрения закона средних чисел.

Однажды он пошел на пикник с тремя или четырьмя детьми и женой, и они должны были пересечь небольшой поток. Его жена сказала:

- Позаботься о детях.

- Не волнуйся, - сказал он. - Разве ты забыла, что ты жена Геродота? Сначала я вычислю среднюю глубину потока, потом средний рост детей; и если средний рост больше, чем средняя глубина, никаких проблем нет.

Жена ничего не понимала в средних числах, но очень беспокоилась, что произойдет какой-то несчастный случай: «Что за чепухой он занимается?»

Он замерил своими инструментами несколько мест: он определил глубину воды, затем рост детей. Где-то было мелко, где-то очень глубоко; но что касается средних чисел... Среднее неистинно, потому что принимаемое в расчет среднее значение мелководья не сделает глубокий участок менее глубоким.

Один ребенок был высоким, другой - младенец, но среднее арифметическое... Геродот сказал:

- Нет совершенно никаких проблем, мы можем пересечь поток. Наши дети справятся: их рост превышает глубину воды. Бедная жена не согласилась, но не могла спорить с Геродотом. Но она была очень бдительна, чтобы какой-то ребенок не утонул, и оставалась рядом с детьми; Геродот шел впереди. И вот один ребенок стал тонуть. Жена спасла ребенка и сказала Геродоту:

- Этот ребенок чуть не утонул!

- Тогда в моих расчетах, наверное, была какая-то ошибка, - сказал он. И вместо того чтобы помочь этому ребенку и другим детям, он вернулся на берег, где рассчитал на песке среднюю глубину и рост детей.

- Нет никакой ошибки. Как же так?

- Не сходи с ума! По крайней мере, не порти нам пикник. Один раз за много месяцев ты выбрался отдохнуть с семьей, и все же наука продолжает тебя беспокоить.

Кое-как они пересекли поток, и он постоянно тревожился - не о детях - о расчетах, которые оказались правильными; почему же этот мальчик стал тонуть? Кажется, он разозлился на мальчика:

- Как ты посмел начать тонуть, нарушив законы математики?

- Мальчик ничего не знает о математике, он такой маленький, - сказала жена.

Это доходит до абсурда, но научный ум остается научным, даже когда в этом нет необходимости. Но он никогда не становится христианским, индуистским или мусульманским.

Религиозный человек будет религиозным в своих действиях, отношениях, в своих мыслях и чувствах. Ему не нужна церковь, или синагога, или храм. Все, что ему нужно, это ясность видения, молчание сердца, опыт собственного существа - потому что опыт собственного существа заставит его осознать, что весь этот мир божествен, что все сущее находится в разных стадиях эволюции, но в нем есть потенциал жизни и потенциал сознания. Даже в каменной статуе Будды есть потенциал расцвести в настоящего Будду, потому что все существование наполнено божественным сознанием.

Религиозный человек тоже может доходить до абсурдных крайностей, точно как Геродот, - но это исключения. Это эксцентричные люди. Они не составляют правила; фактически они доказывают правило.

В Индии был один мусульманский святой, Сармад, и у него была в груди какая-то рана. Он не принимал никаких лекарств, и рана росла - не только росла, в ней завелись черви. Они становились больше, они ели ему грудь. Мусульмане - а он был мусульманин - пять раз в день склоняются перед Богом. И иногда, когда эти черви выпадали из его раны на землю, он клал их обратно в рану. Вот это доходит до крайности. Религиозность не значит, что нельзя принимать лекарства, потому что они убьют микробов, а это будет насилием.

Научный и религиозный умы нужно предупредить, чтобы они не доходили до абсурдных крайностей. Но нет необходимости в том, чтобы кто-то научный или религиозный принадлежал к какой-либо организации, был против всех других организаций и верил, что «только у нас есть истина; никто другой никогда не находил реальности; это наша монополия».

Такого рода подход и отношение отмирают. Это хорошая новость, потому что эта смерть принесет новое рождение сознания, которое будет просто религиозным.

Я не могу понять, зачем нужно столько религий. На земле триста религий, тогда как нет трех сотен истин. И все они борются веками, убивая друг друга во имя истины - разрушая друг друга, убивая, сжигая людей живыми во имя любви, во имя сострадания, во имя ненасилия. Красивые названия и уродливая реальность - вот история ваших религий.

История, которую ты упоминаешь, красива. Эта история заслуживает рассмотрения, потому что у нее много следствий.

Во-первых, Иисус родился у бедных родителей - в семье плотника. Это показывает, что религия не имеет ничего общего с накоплением знаний. Иосиф, отец Иисуса, был абсолютно необразован, его мать была необразованна. Они были некультурными, простыми «деревенщинами». Они не были раввинами - полными знаний и мудрости в старых, традиционных путях, - они были совершенно простыми людьми. Если бы Иисус у них не родился, вы никогда не услышали бы их имен.

Для меня это означает, что истина рождается из простоты, не из знания, не из великих степеней, респектабельности, славы, власти. Истина очень скромна, так скромна, что когда Иосиф и его жена Мария пришли на ежегодный праздник в столичный город Иерусалим... они были так бедны, что не смогли даже найти, где остановиться. Все двери были закрыты.

Они попытались убедить людей. Иосиф сказал, что его жена беременна, и у нее в любой момент может родиться ребенок, а он совершенно беспомощен: «Будьте добры, будьте милосердны - подойдет любой угол». Но это странный мир: люди говорят о прекрасных вещах, но нет ни милосердия, ни сострадания, ни любви. Беременная женщина, одна, ночью, на дороге...

Дело было не в том, что во всей столице не нашлось бы места. Да, правда, места не было в сердцах людей столицы. Дело было не в месте в доме, дело было в небольшом пространстве в сердце.

Есть старая поговорка: «У императора может быть величайший в мире дворец, но в нем нет места. А у бедного может быть небольшая хижина, но в ней место есть». И эту поговорку породила одна история.

Бедный человек живет в небольшом однокомнатном доме со своей женой. Идет сильный дождь, и ночь становится темнее, и кто-то стучится в дверь. Этот человек говорит жене:

- Ты ближе к двери, пожалуйста, открой - у нас гость.

Жена не хочет. Она говорит:

- Места недостаточно. Здесь с трудом помещаемся мы вдвоем. Где же будет спать третий, этот незнакомец?

- Не называй его незнакомцем, - говорит муж. - Постучав в нашу дверь, он стал гостем. Открой дверь, и я покажу, как мы сможем это уладить. Если двое могут хорошо спать, трое могут сидеть, но гостю нельзя отказать в такую ночь.

Дверь открывается. Человек входит. Они сидят и разговаривают - потому что спать нет места - и снова, еще один стук. Хозяин дома говорит человеку, сидящему у дверей:

- Открой дверь. Пришел еще один гость. Эта ночь действительно ужасна.

Даже этот человек, который только что вошел сам, сердится на хозяина. Он говорит:

- Что ты говоришь? Здесь едва хватает места. Куда ты собираешься поместить этого человека?

- Если бы я послушался этого аргумента раньше, - говорит хозяин, - ты сам не был бы внутри. И ты только гость, поэтому не пытайся со мной спорить, просто открой дверь. Пришел еще один гость. Мы сидим и отдыхаем, если придет четвертый человек, мы сядем немного плотнее, немного теснее. Это будет очень хорошо. Становится холодно, и быть рядом, сидеть тесно теплее. И кто знает, какие прекрасные истории принесет этот новый гость? Всю ночь нам придется сидеть.

В конце концов, дверь открывается, и входит еще один человек; теперь им сидеть очень тесно. И тогда к двери внезапно подходит ослик и бьет в нее ногами. Все они озадачены:

- Кто там?

Хозяин говорит:

- Наверное, еще один гость. Откройте дверь.

Теперь у двери сидит последний пришелец. Он говорит:

- Это просто глупо! Нам так тесно - еще один сюда не поместится.

- Я здесь хозяин. Ни один гость не может уйти ни с чем из этого маленького дома. Мы сидим. Если кто-то войдет, мы будем стоять, тогда будет место.

Все они думают, что этот человек сумасшедший. Они открывают дверь, и входит ослик. Гости хотят его выгнать, но хозяин говорит:

- Нет. Дело не в том, человек это или осел. Идет ужасный дождь, ночь очень темная; бедняга - куда он пойдет? Он встанет как раз между нами, а мы поболтаем. Какой он причинит вред? Вы забыли старую поговорку: «Во дворце императора, хотя он и очень большой, нет места, потому что его сердце очень мало. А хижина бедного человека очень мала, но в ней есть огромное пространство, потому что огромно его сердце».

В ту ночь, когда Иосиф возил Марию на своем осле от одного дома к другому и везде получал отказ... это показывает наше варварство, это показывает нашу бесчеловечность. Может быть, все эти люди были очень религиозными людьми - безупречно ходящими в синагогу, читающими Тору, полными мудрости. Но что касается их действий, они не проявляют никакой мудрости, не показывают никакого понимания.

В конце концов, он находит бедного человека, который говорит:

- У меня места немного, только конюшня для лошадей. Если хочешь, можешь переночевать в конюшне.

Что-то лучше, чем ничего. Это было почти ничего, но все же лучше, чем остаться на улице... Унизительно было рожать ребенка в конюшне среди ослов и лошадей, но другого выхода не было: Иисус родился в конюшне.

Человеку не нужен дворец, чтобы стать религиозным. Неважно, где ты; важно то, кто ты.

И ты говоришь, что то же самое происходит со мной - что я стучал во все двери, не только в одном городе, но и во всем мире. Я никому не причинил вреда, но все двери закрыты. Мои идеи кажутся этим людям опасными. А мои идеи могут быть опасными только для тех, кто посредствен, у кого нет никакого разума. Если бы у них был разум, мои идеи дали бы им новые измерения, чтобы думать, новые небеса, чтобы летать; новые цветы расцвели бы в их существе. Но для посредственного ума они опасны. Они опасны просто потому, что он не может их понять.

Более того, никто не хочет, чтобы у кого-то другого было больше разума, чем у него самого. Никто не хочет, чтобы у кого-то было большее прозрение, чем у них самих. Политики против меня, религиозные лидеры против меня. Это великий опыт - видеть, как беден мир в том, что касается разума.

Если я неправ, докажите мою неправоту. Это доставит мне радость.

Если я прав, имейте мужество это признать; это поможет эволюции человека. Но они не готовы даже слушать.

Это напоминает мне о моем деде. Из всей семьи он был более всех мне другом. Он не был интеллектуалом, он был крестьянином. Я приходил с ним на ферму, и он вставлял в уши затычки. Я обнаружил это только позднее - в тот день одна из его затычек выпала. Я сказал:

- Что случилось?

- Ты говоришь странные вещи, о которых я ничего не знаю, и я не хочу показаться невежественным. А говорить что-то тебе опасно, потому что ты немедленно начинаешь спорить. И я нашел эту стратегию. Ты продолжаешь говорить, но никто не слушает. Я просто продолжаю принимать все, что ты говоришь, как будто слушаю.

- Но, - сказал я, - ты мог бы мне сказать, что не хочешь слушать. Зачем мне тратить впустую дыхание? И ты без необходимости пошел на обман.

- Теперь ты так говоришь, но если бы я сказал: «Ничего не говори», ты стал бы спорить. И я знаю, что у меня нет никакого аргумента, который бы тебя победил. Я стар, и я наслаждаюсь твоими аргументами, но многих из этих вещей я не понимаю.

И он действительно наслаждался ими. Он брал меня с собой... если какой-нибудь святой посещал город, он брал меня с собой, он специально приводил меня и говорил:

- Пойдем; ты поставишь этого человека на место!

- Ты же не хочешь меня слушать.

- Не хочу, потому что не хочу с тобой спорить и быть побежденным, - я же твой дед! Но я так наслаждаюсь тем, как мой маленький мальчик ставит на место этого святого... выдает ему такие ослепительные аргументы и заставляет так конфузиться перед всей толпой. Я испытываю гордость!

Все страны, закрывающие передо мной двери... за ними стоят великие державы, величайшие силы, когда-либо существовавшие в мире: Америка и Советский Союз. Обе они против меня. И это очень странно, потому что они враги - по крайней мере, одна из них должна была бы быть за меня. Но обе они против меня по той простой причине, что я люблю называть лопату лопатой, а они опираются на ложь - ложь, которая утверждалась веками и почти стала истиной.

Иисусу не позволили даже родиться... Эти люди не сознавали, кого они отвергают, - и им это простительно. Они отвергали бедного плотника, осла и молодую жену на осле - беременную. Кому нужны напрасные проблемы? Они не сознавали, что вот-вот родится такой человек, как Иисус, и все, что они делали, было сделано из невежества.

Но передо мной двери закрываются не из невежества; они закрываются при полном знании того, что если меня принять, я трансформирую молодое поколение. Я дам молодым людям новые мечты и новые надежды, которые могут оказаться опасными для старых интересов круговой поруки - политиков, священников и других. Это делается с полным знанием, и это стало всемирным заговором - что беспрецедентно.

Никогда прежде весь мир не соглашался анонимно объединиться против одной-единственной индивидуальности, у которой нет никакой власти, кроме ее видения, ее глаз, ее осознания. Но об этом не стоит грустить. На самом деле, это достойно празднования, потому что они признали свое поражение.

Они признали себя низшими. Они приняли это - каждая страна сообщает другой, что «этот человек опасен», тогда как я не причинил вреда и муравью! О каких опасностях они говорят? И они не лгут, они совершенно правы. Опасность в том, что я могу обрубить их корни, которые прогнили. Они носят с собой трупы; они наполнили зловонием весь мир. Они готовят ядерное оружие, просто чтобы совершить глобальное самоубийство.

Я только хочу их разбудить:

- То, что вы делаете во сне, опасно.

Мы живем в особенное время: либо человек умрет, либо родится новый человек.

Люди, закрывающие двери для меня, за старого человека - а старый человек вот-вот умрет. Он жил достаточно долго. Он вел посмертное существование; он уже умер и продолжает двигаться только по старой инерции.

Я стою за нового человека с совершенно другим характером, с другими качествами. Они боятся, что на молодежь - на молодых людей, желающих пуститься на поиски приключений, жаждущих открытий, стремящихся путешествовать в новые пространства своего существа - я могу произвести впечатление. Выражаясь их языком, я могу их «развратить». Этот же язык они использовали против Сократа в Греции - его существование стало представлять опасность, потому что он «развращал» молодых и их умы.

Я был арестован в той же стране. Я не думал, что через две тысячи лет меня могут осудить за то же преступление - что я не смогу оставаться в Греции ни минуты, потому что мое присутствие развращает молодое поколение. Сократ тоже не развращал молодое поколение. Нет ни единого его слова, которое доказывало бы его развращающее влияние. Да, это было опасно для старшего поколения, потому что он говорил вещи, которые старшее поколение было не способно понять и которые представляли для него угрозу.

Что бы я ни говорил людям, это очень просто... просто попытка их разбудить, чтобы они могли увидеть собственными глазами, что старое либо умирает, либо уже умерло, и теперь пришло время привнести новую концепцию человека.

Старая концепция была очень подавляющей. Старая концепция основывалась на страхе. Старая концепция была полна жадности, амбиций, желания.

Именно поэтому мы прожили все эти века, переходя из одной войны в другую.

За три тысячи лет земля сражалась в пяти тысячах войн. Каждый, кто посмотрит с другой планеты, подумает, что эта планета, Земля, обезумела! За три тысячи лет пять тысяч войн? А в промежутках между ними, когда у вас есть время, вы готовитесь к новой... как будто вся функция жизни в том, чтобы готовиться к войне, а потом сражаться в ней, умирать и убивать; и затем снова готовиться. И теперь они подошли к самой кульминации, к последним приготовлениям.

Кто-то спросил Альберта Эйнштейна:

- Не можете ли вы что-нибудь сказать о третьей мировой войне?

- Нет, - сказал он, - но я могу что-то сказать о четвертой. Задавший вопрос был озадачен. Он сказал:

- Вы ничего не можете сказать о третьей, но готовы что-то сказать о четвертой? Что это значит? Вы шутите?

Альберт Эйнштейн сказал:

- Нет. Что касается четвертой, одно я могу сказать с абсолютной определенностью: ее никогда не случится. Но о третьей я ничего не могу сказать. Четвертой не будет - третьей будет достаточно, чтобы прикончить все живые организмы на Земле. Готовиться к четвертой будет некому.

Я несу в себе видение нового человека, который не будет принужден быть никем другим, кроме самого себя, которому будут даны не идеалы для подражания, но свобода, в которой он сможет реализовать свой собственный потенциал. Ему не будут даны новые амбиции. Ему не будет дано образование, которое создает амбиции, - это чистый яд. Ему будет дано что-то другое - способность радоваться, петь, танцевать, сделать свою жизнь блаженством... не в соревновании с кем-то другим, но в собственном росте.

Ему не будет дана никакая надежда на рай, чтобы он жертвовал своей жизнью ради этого рая - которого никто никогда не видел и который представляет собой просто вымысел, чтобы дурачить людей и заставлять их жертвовать жизнями во имя наций, во имя религий... и его не заставят бояться ада, потому что нигде нет никакого ада.

Освобожденная от ада и рая, освобожденная от страха и жадности, эта его маленькая жизнь может быть превращена в рай. Сама эта земля может стать лotosовым раем. И ты можешь наслаждаться каждым мгновением жизни до такой степени, что в самом этом наслаждении осознаешь божественное.

Видите ли вы разницу? Старого человека учили, что блаженство достигается в мучениях: «Мучь себя, свое тело». Я не вижу никакой связи, почему мучения должны вести к божественному? Мучения приведут к еще большим мучениям. Они приведут к дьяволу, но не могут вести к божественному. Лишь радость, блаженность, молчание, покой и гармония могут вас привести к опыту божественного. И для этого не нужно никакого заклания.

Все старые общества основывались на приносящих себя на заклание индивидуальностях; индивидуальности существовали ради общества.

Новый человек опрокинет все столы. Общество ради индивидуальности, не наоборот. Индивидуальность являет собой высочайшее качество в жизни, а общество нужно, лишь чтобы послужить тому, чтобы индивидуальность реализовала себя. Нельзя требовать от индивидуальности, чтобы она жертвовала собой, потому что это нужно для ее религии, потому что это нужно для ее нации, потому что это нужно для коммунизма, потому что это нужно для фашизма. Принесите в жертву все это ради спасения индивидуальности. Все это только слова, а индивидуальность являет собой реальность, живую реальность, единственное доказательство божественности в существовании.

Двери закрыты, но я буду находить пути. Может быть, останется открытым окно. Может быть, кто-то окажется достаточно храбрым, чтобы меня впустить. В этом большом мире должен быть кто-то. Если Иисус родился в конюшне... Даже если для меня откроет двери конюшня, это подойдет. Я могу вложить динамит в свои слова... из конюшни во все общество.

И сделаю я это или нет, это все равно произойдет. Эволюцию нельзя остановить. Может быть, ее можно немного отложить, отсрочить, но нельзя остановить. Только слепцы не могут прочесть надпись на стене - эволюцию нельзя остановить.

Поэтому неважно, кто явится проводником, но истина должна победить, и новому человеку нужно позволить возникнуть - это единственная надежда, и не только для этой Земли, но и для всей вселенной.

Любимый Ошо,

Если идея просветления - это последняя шутка, которую разыгрывает сам с собой ум, кто же смеется последним?

Никто не смеется последним. За пределами ума нет ни смеха, ни слез, это вечное молчание. Все, что ты переживаешь и выражаешь, является частью ума, и просветление - последнее. После этого, ты - часть всей вселенной. И не думаю, что ты когда-нибудь слышал о том, чтобы смеялся океан, или смеялись облака, или смеялись цветы. Во всей вселенной нет смеха.

- Странно, - подумаешь ты. - Если в ней столько блаженства, почему же нет смеха?

Тебе придется понять всю психологию смеха.

Во-первых, ты должен понять, что, кроме человека, ни одно животное не смеется. Если ты встретишь смеющуюся корову или смеющегося буйвола, ты сойдешь с ума. Даже если правительство Уругвая попросит тебя остаться, ты убежишь не оглядываясь - если здесь смеются коровы и буйволы, все кончено! Ты думаешь, что либо весь мир обезумел, либо ты сам. Смеется только человек.

Не может смеяться ни то, что ниже ума... потому что оно не видит нелепости вещей. Чтобы смеяться, тебе необходимо видеть нелепость вещей. В буйволе недостаточно разума, чтобы увидеть нелепость, абсурдность, ни то, что выше ума, потому что над умом все принимаемо; нет ничего нелепого. Лишь в небольшом пространстве ума ты способен видеть нелепость, и ты можешь смеяться... и ты можешь смеяться лишь потому, что можешь и плакать, рыдать, лить слезы. Смех - это просто противоположная полярность слез.

Жизнь так несчастна, что ты не упускаешь ни малейшей возможности для смеха - потому что жизнь пуста, в ней ничего нет. Поэтому небольшие возможности, в которых на самом деле мало что есть... Кто-то поскользывается на банановой корке. Почему ты начинаешь смеяться? - потому что ни банан ничего не сделал, ни этот человек, который поскользнулся. Это абсолютно естественно, каждый поскользнулся бы на банановой корке.

Но эти небольшие возможности... ты не можешь их упустить, тебе приходится смеяться. Жизнь так несчастна, что эти небольшие вспышки смеха делают ее выносимой, они помогают. В жизни есть не только несчастье, есть и смех - хотя это и небольшая вещь, не очень большой важности.

За пределами ума несчастья нет, поэтому нет и необходимости смеяться. Поэтому, как только ты покидаешь пределы ума, никто не смеется последним. Ты за пределами ума; у ума нет никакой жизни, он не может смеяться. И ты не можешь смеяться, потому что нет несчастья: ты - часть всей этой вселенной, которая абсолютно молчалива.

Тысячи людей могут продолжать поскользываться на банановых корках: это существование не обратит на это никакого внимания. Ни одно дерево не рассмеется. В то мгновение, когда ты - тоже часть этой вселенной, нет никого, и некому смеяться, некому плакать; нет никого как отдельной сущности. Поэтому ты можешь смеяться, сколько хочешь, прежде чем стать просветленным.

Отсмейся прежде! Не жди, думая, что сможешь посмеяться потом. Пусть смеха будет, как только возможно больше - но только прежде. Не откладывай его, думая, что будет доступна вечность: «Давай-ка сначала станем просветленными, а уж тогда мы сможем посидеть и посмеяться. Что еще останется делать?»

Но тогда смеяться не будет смысла, вся ситуация смеха исчезнет.

Ум создавал несчастье, и чтобы уравновесить его, ум подбирает вещи, над которыми можно посмеяться, - чтобы сделать тебя счастливым, чтобы поддержать определенное равновесие между несчастьем и смехом - потому что если жизнь станет стопроцентным несчастьем, ты не сможешь ее терпеть, ты просто выпрыгнешь из нее. Но это не стопроцентное несчастье: есть мгновения, когда тебе очень хорошо, мгновения, когда ты улыбаешься, мгновения счастья, мгновения чистосердечного смеха. Это те вещи, которые удерживают тебя в уме и делают тебя способным страдать от несчастья. Это трюк ума.

Чем более ты несчастен, тем больше найдешь поводов посмеяться. Не случайно евреи создали лучшие шутки в мире - потому что они больше всех страдали. С того злополучного мгновения,

когда Моисей увел их из Египта, и до сих пор они страдали и страдали - в разных странах, среди разных рас, в разных ситуациях. Они столько страдали, им пришлось что-то изобрести, чтобы забыть свое страдание хотя бы на мгновение. Они создали лучшие из шуток.

Я был поражен тем фактом, что в Индии у нас нет никаких шуток. Все шутки, используемые людьми Индии, заимствованы; ни одна из них не имеет индийских истоков, все они происходят из других стран. Ни единой шутки я не смог найти, которая была бы подлинно индийской - потому что у Индии очень мирное, тихое прошлое.

Лишь в последние несколько сотен лет появились завоеватели, но это не возымело большого значения благодаря удовлетворенности продолжительностью в десять тысяч лет, которые Индия прожила мирно и естественно, гармонично, без всяких революций и восстаний, в абсолютном приятии всего, что есть. Индия была большой страной, а приходящие завоеватели были немногочисленны. Даже завоеватели были принимаемы, иначе они не смогли бы ее завоевать. Но никому не было до них дела, каждый был удовлетворен самим собой.

Даже сегодня, когда половина страны голодает, если вы пойдете к голодающим людям, то не услышите никаких жалоб. Они это принимают: «Может быть, это наше предназначение». Эти десять тысяч лет оставили за собой такую удовлетворенность, что она все еще не спешит исчезнуть.

Странно, что все индийские истории, драмы, созданные в прошлом, это только комедии, не трагедии. Ни единой трагедии не было написано за десять тысяч лет. Работали великие мастера романа и драмы, поэты; создана была великая литература, но все это комедия. Каждая история кончается чем-то красивым, чем-то хорошим, ни одна история не кончается трагично. Естественно, эти люди понятия не имели о страдании.

Но евреи безмерно пострадали; кажется, страданиям нет конца, страдания нескончаемы. Сейчас это создание Израиля стало новой стратегией христианских наций, направленной на создание бесконечного источника страданий для евреев. А евреи не смогли понять, почему христианские нации были так заинтересованы в том, чтобы после второй мировой войны отдать им Иерусалим - потому что это святая земля и для христиан; они могли бы сделать его и своей святой землей. Почему они должны были вернуть его евреям, которые не были у власти в эти века? Это была мусульманская страна в мусульманском окружении.

Отдать Иерусалим евреям было худшим и самым подлым из действий христианских наций. Это означает, что они поставили евреев в такое положение, что их будут постоянно мучить. Мусульмане не могут их стерпеть, они будут их мучить, они будут сражаться - а они обладают огромным перевесом в силе. И евреи всегда будут оставаться нищими перед христианскими нациями. И христианам, и мусульманам это в радость - заставить евреев нищенствовать в вооружениях, во всех их нуждах. И их нужды будут постоянными, потому что мусульмане не оставят Израиль мирно. Они будут сражаться.

Теперь Израиль подобен ране, и все евреи мира вливают свои деньги, свое благосостояние в то, чтобы позволить Израилю как-то выжить. Во-первых, он не выживет. Во-вторых, чтобы он выжил, потребуются, чтобы все евреи мира вложили в него все, что у них есть. Таким образом, они будут терять деньги, терять производительность. Они будут посылать своих молодых людей на войну, чтобы быть убитыми, похищенными.

Это великая стратегия христианских наций. Никто этого не говорил вслух. Я это говорю - и впервые вслух произносится, что это заговор. Все было в полном порядке. Какая была необходимость создавать страну? Евреи были совершенно счастливы в Америке и других странах. Какая была необходимость в том, чтобы вы создавали собственную страну? - и страну, которая будет испытывать постоянные трудности, которая высосет из евреев все силы и оставит их с нищенской сумой перед христианскими нациями.

С одной стороны, их будут уничтожать мусульмане, вторгаясь в их страну. С другой стороны, евреи будут вливать в это все, что они только производят, что будет напрасной растратой, и всегда будут вынуждены просить милостыню у христиан. Если вы на это посмотрите, то сможете увидеть, что политики подлы, совершенно подлы.

В Индии евреев немного, очень мало. Один еврей стал саньясином - индийский еврей; среди моих саньясинов евреев сорок процентов. Один индийский еврей стал саньясином. Я спросил его: - Ты все еще думаешь, что вы - избранный Богом народ, через четыре тысячи лет этих мучений? Он сказал:

- Я думаю, что мы избранный Богом народ, но мы больше не хотим им быть. Пусть им будет кто-то другой. С нас достаточно! Мы несли это бремя четыре тысячи лет. Теперь мы не хотим быть избранным Богом народом - пусть кто-то другой примет эту ответственность.

Он был прав. Он был стар, и его идея была правильной - об избранном Богом народе, и четыре тысячи лет постоянных страданий и зверских расправ, газовых камер... Один Адольф Гитлер убил шесть миллионов евреев. Это великий дар - быть избранным Богом народом!

Я говорю своим саньясином: «Просто будьте обычными людьми. Никогда не будьте особенными. Просто будьте совершенно обычными и простыми». История евреев дает ясную картину, что в то мгновение, когда вы начинаете считать себя избранными людьми, возникают трудности. Каждый оборачивается против вас, потому что избранными считают себя все.

Адольф Гитлер не убивал бы шести миллионов евреев... Ему пришлось это сделать, и по той простой причине, что евреи были единственными конкурирующими претендентами. Только одна нация могла остаться в живых - либо нордические немцы, либо евреи. И если бы одна из них выжила, это стало бы доказательством того, что Бог спас свой избранный народ.

Но это несчастье, хотя и было безмерным, дало миру прекраснейшие шутки, и евреи смогли вытерпеть всевозможные страдания благодаря шуткам, благодаря анекдотам и благодаря тому, что не придавали слишком большого значения тому, что происходит всюду вокруг.

В то мгновение, когда ты пересекаешь границу ума, нет речи о смехе... лишь вечное молчание.

То есть «называть вещи своими именами».

Глава 30

Название - любовь, но игра – политика

Любимый Ошо,

Не будешь ли ты снова так добр и не расскажешь ли о любви, как ты ее видишь? В Катманду я был так тронут, когда ты говорил о выходе за пределы полярности любви-ненависти. Я чувствую такую благодарность к тебе, потому что ты сказал мне, что отдача любви будет моей медитацией.

Ни один человек - не остров. Это нужно помнить как одну из фундаментальных истин жизни. Я это подчеркиваю, потому что мы имеем тенденцию это забывать. Все мы - части одной жизненной силы, части одного океанического существования. В основе возникновения возможности любви лежит то, что все мы едины глубоко в своих корнях.

Дом тебе может нравиться, но ты не можешь его любить. Тебе может нравиться что угодно, но «любовь» - неподходящее слово, чтобы им называть, когда тебе что-то нравится. Любовь - только для тех, кто находится на одной ступени эволюции.

Второе, что нужно помнить: эволюция действует в полярностях. Точно как ты не можешь ходить на одной ноге, и тебе для ходьбы необходимы две ноги... существованию нужны полярные противоположности - мужчина и женщина, жизнь и смерть, любовь и ненависть - чтобы создать движение, иначе будет только молчание.

Противоположности с одной стороны привлекают тебя, с другой - заставляют чувствовать тебя зависимым. А никто не хочет быть зависимым, поэтому происходит постоянная борьба между влюбленными: они пытаются главенствовать друг над другом. Название этому - любовь, но игра - политика.

Усилия мужчины направлены на то, чтобы главенствовать над женщиной, принизить ее до низшего положения, не позволять ей расти, чтобы она всегда оставалась умственно отсталой. То, что мужчина делал с женщиной тысячи лет, просто чудовищно: никакого образования - она не может читать священные писания. Она не может считать себя равной мужчине. И она была обусловлена так глубоко, что даже если ты и скажешь ей, что она тебе равна, она не поверит. Это стало почти ее умом - ее умом стала обусловленность, что она меньше во всем: в физической силе, в интеллектуальных качествах... Мужчина создал общество, в котором ему пришлось стать ее защитником, а женщине - защищаемой.

Индуистские священные писания говорят, что в детстве девочку должен защищать отец; в юности женщину должен защищать муж; в старости мать должен защищать сын. Но ее всегда нужно защищать, и защищать должен мужчина. Он сделал ее слабой, необразованной, некультурной, он преградил ей движение в обществе. И самое худшее, что он с ней сделал: отнял у нее свободу, финансовую независимость, которая обрубаёт самые корни возможности ее свободы. Она должна быть зависимой, она не способна зарабатывать себе на жизнь.

Веками в этом была определенная логика, потому что женщина должна была стать матерью. И из десяти детей девять умирало, и женщина была беременна почти всю жизнь до самой менопаузы. Как она может работать? Как она может зарабатывать? Она вынашивает ребенка, заботится о маленьких детях, присматривает за ними, ведет домашнее хозяйство. Говоря кратко, мужчина сделал женщину рабыней - и очень дешево, не покупая ее. Вы можете увидеть иронию...

В Индии... я думаю, что также и в других странах, другими путями, происходит то же самое. В Индии, когда рождается мальчик, его приветствуют оркестром, танцами, пением, и весь город знает, что родился мальчик. Но когда рождается девочка, никакого празднования нет. Весь город может определить по этой тишине, что родилась девочка.

В чем проблема для родителей? Им должно быть все равно, дочь у них или сын. Но проблема в том, что сын будет зарабатывать, поможет им в старости, получит наследство семьи. Девочка, напротив, сулит финансовые убытки. Ты ее кормишь, одеваешь - а когда ты выдаешь ее замуж, ты должен дать ей приданое. Странно - она становится рабыней, а родители должны заплатить: «Пожалуйста, прими мою дочь в рабство». Приданое является платой. Обычно рабов покупают, и тогда покупатель должен заплатить. В случае с женщинами, вместо этого платить должны родители женщины - отдать дочь и заплатить достаточно денег.

Женщина не хочет - никто не хочет - быть зависимой. Никто не хочет быть рабом. Никто не хочет быть ниже, потому что никто не ниже. Люди разные; вопрос о том, чтобы быть выше или ниже, просто абсурден. И она начинает бессознательно мстить. Она не может любить мужчину, который владеет ею как собственностью, который не признает ее человеческим существом, равным ему самому.

Один из индуистских святых - я не называю его святым, но индуисты поклоняются ему, читают его книги более, чем какого-либо другого святого, - Тулсидас. Он осуждает женщину в самых уродливых выражениях. Он говорит, что если ты хочешь контролировать женщину, ты должен иногда бить ее, подойдет любой повод. Заставь ее бояться. Ей нельзя предоставлять никакого равенства, никакой дружбы. И это называлось - столетиями - «любовью».

Женщина кипит - конечно, бессознательно - и взрывается в мелочах. Она делает все, что только может. Она не может побить мужа, потому что ей говорили: «Твой муж - это твой бог. Ты не можешь его бить, ты должна ему поклоняться». И она бьет себя. Не имея выбора, в гневе она бьет сама себя.

Когда я начал критиковать Махатму Ганди, я сказал, что он применяет не что иное, как столетнюю женственную стратегию. Ты не можешь бороться с иностранными правителями, у тебя нет оружия, нет достаточной силы, и нет даже желания. Все это ненасилие, пассивное сопротивление, - не что иное, как то, что всегда делала женщина. Но никто не признавал за ней заслуги в создании философии ненасилия! Она никого не бьет, когда злится, она истязает себя. И мужчина, который низвел женщину до такого состояния, тоже не может ее любить.

Любовь может существовать только в равенстве, в дружбе.

Свобода женщины от рабства мужчины будет также и свободой, которую предстоит пережить мужчине. Поэтому я говорю, что движение освобождения женщин - это движение не только освобождения женщин, но и освобождения мужчин: освобождены будут оба. Рабство сковывает их обоих, и продолжается постоянная борьба. Женщина нашла свои стратегии донимать мужа, пилить его, постоянно унижать; у мужчины есть своя стратегия. И между этими двумя противоборствующими лагерями мы надеялись, что случится любовь. Прошли столетия - любви не случилось, а если она и случалась, то лишь изредка.

Вот ситуация обычной любви, которая являет собой только название, не реальность.

Если ты спросишь о моем видении любви... это больше не вопрос диалектики, противоположностей. Мужчина и женщина действительно разные, разные и комплементарные друг другу. Сам по себе мужчина - это половина, как и женщина. Лишь вместе, в глубоком чувстве единства, впервые они чувствуют тотальность, совершенство. Но чтобы достичь этого совершенства, ты должен выйти за пределы двойственности любви-ненависти.

И ты способен выйти за пределы этой двойственности. Прямо сейчас в твоей жизни они идут рука об руку: ты любишь того же человека, что и ненавидишь. Утром ты чувствуешь ненависть, вечером - любовь, и это вызывает большое замешательство. Ты даже не понимаешь, любишь или ненавидишь этого человека, потому что не можешь делать то и другое в одно и то же время.

Но именно так функционирует ум: в противоречиях. Эволюция тоже функционирует в противостояниях - и эти противостояния в существовании не противоречивы, они комплементарны. Но в уме противоречия есть противоречия. Ум не может постичь ничего такого, что не противоречиво и за чем не стоит скрытая, его собственная противоположность.

И нам говорили, нас учили, программировали таким образом, что даже такая вещь, как любовь, должна быть умственной. Она основывается в сердце, но все наше общество пыталось обойти сердце стороной, потому что сердце не логично, не рационально. А наши умы были тренированы образованием, что все нелогичное неправильно, все иррациональное неправильно, правильно только логичное. В нашей образовательной программе нет места для сердца, есть только ум. Сердце было отстранено из нашего существования, принуждено умолкнуть. Ему никогда не предоставлялось шанса, расти и претворить в действительность свой потенциал. И ум главенствует во всем.

Ум хорош в том, что касается денег; ум хорош в том, что касается войны; ум хорош в том, что касается амбиций, - но ум абсолютно бесполезен в том, что касается любви. Деньги, война, желания, амбиции - нельзя относить любовь к той же категории.

Любовь имеет отдельный исток в твоём существе, в котором нет никаких противоречий.

Подлинное образование не будет учить вас уму, потому что ум дает хорошую способность к выживанию, но не может дать хорошей жизни. Сердце не может дать хорошей способности к выживанию, но может дать хорошую жизнь. И нет никаких причин между ними выбирать. Используй ум, для чего он предназначен, а сердце - для чего предназначено оно. Сердце - это трансценденция двойственности. Сердце не знает ревности, - ревность это продукт ума. Сердце так полно любви, что может любить без страха быть истощенным. Мы можем наполнить любовью весь мир, но мы почти искалечены. Сердце было просто обойдено при нашем росте, оно не играет никакой роли.

Эта система образования так уродлива... но это можно понять. Религии, политики, бизнесмены, солдаты - все захотели, чтобы был развит ум. А сердце может быть беспокойством - оно и есть беспокойство. Если ты солдат, и у тебя есть сердце, ты не сможешь убить врага, потому что в то мгновение, когда ты поднимаешь оружие, чтобы кого-то убить, твое сердце скажет: «Точно так же, как тебя ждет дома жена, - твои дети, твои старые мать и отец, - наверное, жена ждет и этого беднягу. Его дети, его старые мать и отец ждут, когда он вернется домой. Он тебе ничего не сделал, а ты собираешься его убить. За что? - чтобы получить награду в военной академии? Чтобы получить повышение?»

Сердце будет беспокойством. Лучше заставить солдат забыть о сердце, чтобы они могли просто убивать, как роботы, без всяких чувств.

Люди, находящиеся в погоне за деньгами, не хотят сердца, потому что сердце будет беспокойством: оно не сможет эксплуатировать людей.

Мой отец был мелким бизнесменом... он был очень простой человек. Как только какой-то покупатель имел дело с ним... в лавке был мой дед, мои дяди, но каждый, кто когда-либо имел дело с моим отцом, спрашивал его. Мой дед говорил:

- Но здесь же мы. Что вы хотели? Он только что ушел обедать.

Они говорили:

- Мы вернемся позже. Мы хотим иметь дело только с ним. Потому что он им говорил, какой была себестоимость изделия.

- А вот моя прибыль, - говорил он. - Если вы считаете что прибыль слишком большая, можете мне сказать. Если мне удастся ее сократить, я это сделаю. Я беру минимальную прибыль, можете обойти рынок и посмотреть.

Они говорили:

- Ты единственный человек, который объявляет о себестоимости товаров. Ты также говоришь нам о величине своей прибыли, и она так мала, что мы даже не можем попросить тебя, ее снизить. В конце концов, ты тоже должен жить. Но никто больше этого не делает, даже твои братья, твой отец - никто не говорит о себестоимости. Они просто говорят: «Вот розничная цена», и мы совершенно не знаем, какую они берут прибыль.

Вся моя семья была против моего отца. Все говорили:

- Это не способ заниматься бизнесом. Ты мог бы зарабатывать гораздо больше денег - но сначала ты говоришь человеку себестоимость! А он не спрашивает себестоимость, он спрашивает цену.

Мой отец говорил:

- Для меня невозможно обманывать человека, эксплуатировать его. И что мы будем делать с этими деньгами? У нас есть все, что нам нужно. Больше денег принесет только больше проблем.

Но никто с ним не соглашался, и если приходил новый покупатель, мой дед говорил отцу:

- Иди в дом. Не разрушай этого покупателя - позволь мне с ним поторговаться.

И мой дед запрашивал двойную цену. Если что-то стоило десять рупий, он просил двадцать, затем торговался, и где-то на пятнадцати они соглашались. Оба были довольны: он доволен, потому что получил пять рупий, а покупатель - потому что сторговал пять рупий у него.

Я обычно сидел, когда был свободен, снаружи у магазина. И когда этот человек уходил, очень довольный, что хорошо поторговался, я говорил:

- Ты дурак! Эта вещь, которую ты купил, стоит всего десять рупий. Если бы ты купил ее у моего отца, то получил бы ее за двенадцать рупий, потому что он не попросил бы за нее больше этого. Ты потерял три рупии, а выглядишь довольным.

- Меня обманули! - говорил он.

- Ты торговался, ты испробовал, что только мог. Ты наслаждался этим и вышел из лавки с улыбкой на лице.

- Ты разрушил мне всю радость, - говорил этот человек. - Кто ты такой?

- Я никто, я только сижу и говорю новым покупателям, чтобы они спрашивали моего отца. Не имей дела ни с кем другим, иначе это ударит тебе по карману.

Мой дед очень сердился на меня и говорил:

- Кто ты такой? Ты что, агент отца?

- Я ничей не агент, - отвечал я. - Я просто вижу, что происходит, и что не должно происходить. Ты заставил отца уйти в дом, но забыл, что я остался сидеть снаружи.

Сердце испортит все, чего хочет общество: эксплуатацию, манипуляции, главенствование, послушание, зависимость, жертвы - этот список может занять много километров. Если сердцу позволить расти рука об руку с умом, ум не сможет совершать жестокости, убийства. Но даже религиозные лидеры не готовы к сердцу. Они говорят о любви, но все это разговоры, пустые разговоры. Они разрушили сам источник, из которого возникает любовь, а теперь говорят о любви и читают проповеди о любви.

В моем городке есть небольшая церковь, но там мало христиан. Я часто ходил в эту церковь, и священник очень удивлялся, потому что я был единственным нехристианином, который когда-либо в нее входил. Мы стали друзьями.

Я сказал ему:

- Ты столько говоришь о любви, но я вижу, что ты бьешь свою жену, я вижу, что ты постоянно ссоришься с соседями. Я даже видел, как ты ударил собаку, которая ничего тебе не сделала. Она шла своей дорогой, просто прошла мимо - не знаю, что на тебя нашло, и почему ты ее ударил. Странное христианство!

- Ты не знаешь эту собаку!

- Я знаю собаку, потому что тоже здесь живу. Она никогда никого не била. И если она тебя укусит, то будет совершенно права, потому что ты ударил ее без всякой причины.

- Ты не понимаешь. Эти бродячие собаки, - ...в Индии вы найдете их всюду, они ничьи, - ...если их не ударить или не лягнуть, они этим воспользуются. Они будут бежать следом, вилять хвостом, убеждать тебя. Прежде чем ты сам об этом узнаешь, они придут в твой дом, и естественно, они думают, что ты дашь им что-то поесть...

Они почти умирают с голоду, потому что в Индии их нельзя убивать. Муниципальный комитет, корпорации, не могут просто дать им яд и убить их. Если они ничьи, нельзя оставлять их на улице, но в Индии никого нельзя убивать. И он рационализирует свой удар.

Я сказал:

- Не думаю, что твоя рационализация правильная. На самом деле ты хотел ударить. Ты на что-то злился; бедная собака незаслуженно стала для этого объектом. Она ничего не сделала.

- Откуда ты это знаешь? - спросил он.

- Это просто. Собака шла своей дорогой - я наблюдал. Она ничего тебе не сделала, она даже не посмотрела на тебя. Это была индуистская собака, а ты христианский священник - она даже на тебя не гавкнула. Не было возможности никакого диалога. Ты ударил ее, а она голодает. Наверное, какой-то части тебя хотелось ударить, все равно кого. Тебе хотелось совершить насилие.

- Может быть, ты и прав, - сказал он. - Я был рассержен на моего мальчика, но не мог его ударить, потому что если его ударить, он на несколько дней исчезает из дома. Тогда у всех нас будут проблемы. Мы должны сообщить в полицию, и теперь даже полицейские злятся и говорят: «Во всем городе только ваш сын все время пропадает. Это не настолько большое место, и никто никого не похищает, да и ради чего похищать вашего сына? - вы бедный священник. Наверное, вы плохо с ним обращаетесь».

- Это правда, - сказал он. - Я хотел его ударить, потому что он разбил какую-то статую Иисуса Христа.

- Ты должен подумать о своем Иисусе Христе, - сказал я. - Я тебя слушал. Он говорит: «Люби своих врагов». Я думаю, он забыл сказать: «Если кто-то разобьет мою статую, люби его». Статуя разбилась, ничего страшного - у тебя не могло быть очень ценной статуи.

Человек злится на многие вещи. В жизни он постоянно в борьбе. Он не всегда добивается успеха, каждый не может добиться успеха - и он зол. Он приходит и выплескивает гнев на свою жену, на своих детей, а это люди, которых, он считает, что любит.

Даже религиозные лидеры не хотят, чтобы твое сердце было открыто к реальности, потому что это повлечет за собой великую трансформацию твоих действий, твоих мыслей, а они этого не хотят. Они хотят, чтобы ты был прикован к традиции, к старому. Что правильно и что неправильно, неважно; это респектабельно, потому что старо.

Сердце ничего не знает о прошлом, ничего не знает о будущем, оно знает только настоящее. У сердца нет концепции времени. Оно видит вещи ясно, и любовь - его естественное качество - не нужно никакого обучения. И в состав этой любви не входит ненависть.

Я говорил о любви, которая выходит за пределы любви и ненависти. Любовь, исходящая из ума, это всегда любовь-ненависть. Это не два слова, это одно слово - любвененависть - даже без разделения дефисом. А любовь, приходящая из твоего сердца, которая за пределами всех двойственностей...

Каждый ищет такой любви. Но каждый ищет умом, и отсюда несчастье. Каждый влюбленный переживает поражение, обман, предательство. Но никто не виноват; реальность в том, что ты используешь неправильный инструмент. Это как если бы кто-то пользовался глазами, чтобы слушать музыку, и приходил в ярость оттого, что музыки не слышно. Но глаза не предназначены для слушания, как и уши не предназначены для видения.

Ум - это очень деловой, расчетливый механизм, он не имеет ничего общего с любовью. Любовь создаст хаос и потревожит в нем все.

Сердце не имеет ничего общего с бизнесом - у него всегда праздник. Оно может любить, и любить, никогда не превращая любовь в ненависть, в нем нет ядов ненависти.

Каждый ее ищет, но неправильным инструментом, отсюда поражение в мире. И мало-помалу, видя, что любовь лишь приносит несчастье, люди стали закрытыми: «Любовь - это чепуха». Они отгородились от любви прочными преградами. Они упустят все радости жизни, они упустят все, что только есть ценного.

Просто перемени инструмент.

Есть одна песня у урду... есть песни, которые можно сыграть не на всяком инструменте. Для определенного рода музыки нужен определенный инструмент. Любовь - это музыка, и у тебя есть инструмент. Но поскольку сердце голодает, твоя жизнь остается несчастьем. И ты делаешь ее еще более несчастной, потому что продолжаешь совершать одну и ту же ошибку - на неправильном инструменте пытаешься сыграть музыку, для которого она не предназначена.

Любимый Ошо,

«Буддам шаранам гаччами» («Касаюсь ног Будды, пробужденного»): в Индии не нашлось места для «Буддам».

«Сангхам таранам гаччами» («Касаюсь ног сангхи, коммуны Будды») в Америке «Сангхам» была разрушена.

«Дхаммам таранам гаччами» («Касаюсь ног дхаммы, божественного»)...

Эта сутра очень важна. Буддам таранам гаччами было всегда, необъявлено. Это происходило, и не было необходимости об этом говорить.

Чтобы быть с мастером, нет другого пути, кроме как буддам шаранам гаччами: касаясь ног пробужденного. Только в такой кротости ты становишься частью опыта мастера и его жизни. Сангхам шаранам гаччами не было разрушено в коммуне в Америке. Коммуна была разрушена, но эту сутру разрушить невозможно.

Если ты любишь мастера, тебе не избежать любить и тех, кто любит твоего мастера. Как ты можешь этого избежать? Ты выбрал мастера, кто-то еще выбрал мастера; внезапно вы осознаете, что оба находитесь на одном пути, что вы соединены через одного и того же мастера, в одной и той же энергии. Коммуна может быть разрушена, физический компонент, но не его духовное содержание.

И те, кто думает, что в Америке коммуна была разрушена, только дурачат себя: коммуна распространилась по всему миру. Теперь мы можем объявить весь мир своей коммуной. Только из щедрости мы позволяем другим людям здесь жить, в надежде, что рано или поздно они станут частью коммуны! Они представляют собой наши ресурсы, потому что откуда еще взяться новым саньясином? Наши саньясины обладают таким великим пониманием, что они не создают детей; у них нет времени. Сидя в молчании, ничего не делая... дети не рождаются сами собой! Что-то нужно делать, а наших саньясинов не интересует никакое делание. Поэтому никаких детей - растет только трава.

А нам понадобятся новые саньясины. Есть столько людей, которым неизвестен секрет сидения в молчании, ничего не делая, ожидая прихода весны и наслаждаясь растущей травой. Они никогда не сидят в молчании, они всегда делают одно или другое - они производят детей для наших саньясинов, и мы позволяем им остаться на Земле. В остальном мы охватили всю эту планету.

И ничто не разрушено, невозможно, чтобы была разрушена эта концепция. Даже если есть несколько человек, это превращается в сангхам, это становится собранием собратьев по путешествию. Ваша любовь к одному и тому же мастеру создает своего рода единство. Вы не связаны друг с другом прямо, но через меня вы сродни друг другу. Непосредственно вы иногда можете оказаться в конфликте, но через меня вы не можете прийти к конфликту; я буду нейтрализовывать ваш конфликт.

Дхаммам таранам гаччами - это последняя часть сутры. Это наш поиск, это наше исследование. Дхаммам означает истина, предельная истина. Первые два шага нужны для того, чтобы помочь вам совершить третий.

Есть группа суфиев, которые просто называют себя Искателями. Есть другая группа суфиев, которые просто называют себя Строителями. У них красивые имена; нельзя себе представить, что они имеют какое-то отношение к религии. Но Строители строят доступ к высочайшей звезде; Искатели ищут... и они выбрали такие имена, чтобы религиозные авторитеты не оскорбились.

Если ты отправишься на Средний Восток и кому-то скажешь: «Я хочу найти такую-то суфийскую школу», люди просто пожмут плечами, потому что никто не будет знать, что ты имеешь в виду. Войти в суфийскую школу трудно, если только случайно не встретить человека, который с ней связан и который приведет тебя к мастеру.

Но ты будешь озадачен, потому что суфийские мастера, чтобы избежать напрасных преследований, напрасных беспокойств, живут очень обычно. Кто-то - ткач, кто-то - гончар, кто-то торгует благовониями, кто-то делает еще что-то - и нельзя подумать, что этот человек - суфийский мастер. А ночью, в доме кого-то из друзей, ты увидишь, что тот же человек сидит среди учеников. И ты не можешь поверить, потому что этот человек, хотя он и один и тот же, излучает нечто такое, чего не было, когда ты видел его за продажей благовоний или работой гончара или ткача. У суфиев есть методы, позволяющие помешать людям увидеть, что они мастера, чтобы их работа могла продолжаться подпольно.

Работа остается прежней, кто бы ее ни делал. Это и есть дхаммам таранам гаччами - жажда знать истину, быть истиной.

Человек на самом деле не человек, если этой жажды нет в его существе.

Я не могу оставить свой сад неоконченным

Любимый Ошо,

Когда мне становится трудно, я ищу убежища в здесь и сейчас. В мгновении все тихо, и это для меня единственный способ стоять на лезвии бритвы. И все же приходит сомнение, не бегу ли я от того, что происходит: может быть, я просто надеваю шоры? Любимый, пожалуйста, помоги мне понять, что правда.

Никогда не слушайся ума. Ум - это величайший обманщик. Если ты чувствуешь себя молчаливой и тихой в настоящем мгновении, этот опыт так ценен, что ум не имеет права об этом судить. Ум гораздо ниже этого.

Ум всегда принадлежит прошлому или состоит в будущем. Либо воспоминание, либо воображение, он ничего не знает о настоящем. А все, что есть, - это настоящее.

Ум - это нищий. Он продолжает надеяться, что завтра все будет лучше, что наступит золотой век... или же, золотой век миновал, и теперь в будущем нет ничего, кроме темноты. Это две возможности, которые может принять ум. Что бы он ни говорил о настоящем, это ложь, потому что у него нет этого опыта; он никогда не приходит в настоящее мгновение. По самой своей природе он либо в прошлом, либо в будущем.

Поскольку у ума нет никакого опыта, и не может быть никакого опыта настоящего, - не слушай его, когда он приходит с каким-либо суждением о настоящем мгновении. Молчание принадлежит настоящему. Радость принадлежит настоящему. Экстаз принадлежит настоящему.

Ум умеет только одно: создавать сомнение. Он не может сказать прямо: «Переживаемое тобой неправильно», потому что это настолько за пределами его, но он может сказать: «Ты бежишь от реальности, которая в прошлом, или от реальности, которая наступит в будущем». Он осуждает тебя за бегство, говоря: «Ты боишься жизни. Жизнь достаточно велика, настоящее так мало. Жизнь безгранична. Не беги от жизни, просто чтобы на мгновение насладиться молчанием, радостью и покоем». И на поверхности это кажется логичным.

Но жизнь состоит только из мгновений; нет ни прошлой жизни, ни будущей жизни. Где бы ни была жизнь, она всегда в настоящем.

И это дихотомия: жизнь здесь и сейчас, а ум никогда не здесь и не сейчас. Это одно из самых важных открытий Востока: ум совершенно бессилён в том, что касается твоей субъективности, что касается твоего существа.

Ум совершенно правилен в применении к объектам, но в то мгновение, когда он подходит к жизни, он начинает сомневаться даже в самом существовании жизни. Он начинает создавать философии о том, что жизнь - это только побочный продукт.

Материализм - это старая философия, одна из самых старых и мертвых. От чарвак, живших в Индии пять тысяч лет назад, и до Карла Маркса на разных языках постоянно говорилось одно и то же: что жизнь - это побочный продукт, что у нее нет собственного существования. Человек - это только машина, чистая материя. Просто определенная комбинация создает иллюзию жизни и сознания - это ложные сущности.

Материализм представляется мне самой антипрогрессивной идеологией в мире, потому что за пять тысяч лет он не произвел ни одного нового аргумента - та же самая прежняя колея. Но ум очень доволен ею, потому что нет необходимости заботиться о медитации, которая создает в уме глубокий страх, потому что в отношении ума она равносильна совершению самоубийства. Тогда нет необходимости быть в настоящем. Но тогда ты все упустишь, все сокровище, которым существование готово тебя одарить.

Каждый раз, когда ты испытываешь нечто за пределами ума, ум создаст сомнения, будет с этим спорить, заставит тебя чувствовать смущение. Это его старые техники. Он не может произвести ничего такого качества, как производит настоящее мгновение. Фактически ум - совершенно не творческий. Все творчество в любом измерении жизни приходит из не-ума - величайшие картины, величайшая музыка, величайшая поэзия - все, что только есть прекрасного, все, что отличает человека от животных, приходит из этого маленького мгновения.

Если ты преднамеренно в негоходишь, оно может привести тебя к просветлению. Если это случается нечаянно, случайно, все же это ведет к безмерному молчанию, расслаблению, покою, разуму. Если это только случайность... ты достигла храма, но не совершила лишь один последний

шаг. Именно там, по-моему, находятся все творческие художники, танцоры, музыканты, ученые... лишь один шаг.

Мистик входит в само ядро настоящего мгновения и находит золотой ключ; вся его жизнь становится божественной радостью. Что бы ни случилось, это не повлияет на его радость.

Но пока ты не вошла в алтарь, даже в самое последнее мгновение ум все же попытается оттащить тебя обратно: «Куда ты идешь? Это сущее безумие! Ты бежишь от жизни».

Ум никогда не давал тебе никакой жизни. Он никогда не давал тебе никакого вкуса, чтобы ты могла почувствовать, что такое жизнь. Он никогда не открывал тебе никаких тайнств. Но он постоянно тянет тебя обратно, потому что как только ты войдешь в алтарь, он останется снаружи, там, где ты оставляешь обувь. Он не может войти в алтарь. Это не в его силах, не в его потенциале.

Поэтому будь наблюдательной. Когда ум говорит тебе, что ты бежишь от жизни, скажи уму: «А где эта жизнь? О какой жизни ты говоришь? Я бегу в жизнь, не от жизни». Будь очень бдительной в отношении ума, потому что это твой внутренний враг, и если ты не бдительна, этот враг может саботировать всякую возможность роста. Лишь немного бдительности, и ум не сможет причинить никакого вреда.

Любимый Ошо,

Сегодня я чувствую, что получил небольшую передышку после пребывания в стиральной машине в последние два дня. Это такой невероятно сладкий и очищающий опыт - позволить смыть себя водовороту, создаваемому тобой или вокруг тебя... Настолько, что человек просто тихо изумлен, появившись с другой стороны.

Не думаю, что это вопрос, это просто Ах-ххххх!

Ага! Это не вопрос, иначе мне пришлось бы на него отвечать, Прекрасно! Спасибо!

Любимый Ошо,

Когда я услышал, как ты говоришь, что смех - это небольшое высвобождение из нашего страдания, мой ум не мог этого переварить. Когда мы все рассмеялись, это ощущалось так, будто бы комнату наполнила какая-то истерия, и я спрашиваю себя: «Что случилось?»

Ты же видишь, что случилось! Это может выглядеть как истерия. Например, когда ты что-то понимаешь, и смех происходит как облегчение страдания, высвобождается огромная энергия. Каждое понимание высвобождает накопленную в тебе энергию.

Например, ты не смеялся целый день - лишь иногда. Ты не остаешься любящим целый день - лишь иногда. Что происходит с энергией в этих больших промежутках? Она накапливается, и если ты приходишь к пониманию определенного явления, случается великое высвобождение, и это высвобождение так сильно, что оно ощущается как истерическое. Но оно не истерическое; на самом деле это получение облегчения от энергии, которая могла в любое мгновение стать истерической.

Ты можешь найти в сумасшедших домах людей, которые часами смеются, смеются так, что на глаза наворачиваются слезы. Они сумасшедшие, потому что не смогли высвободить свои энергии здоровым, пропорциональным образом.

Эти энергии, накапливающиеся в тебе, представляют потенциальную опасность - и все твоё общество за подавление. Все должно соответствовать манерам и этикету, ты никогда не можешь посмеяться от души. Общество не позволяет тебе зайти так далеко.

Кажется, из поколения в поколение в обществе переходит страх, что позволить человеку выражать все свои энергии опасно, потому что есть гнев, есть насилие, есть ревность, есть суицидальный инстинкт и многое другое. Если все это позволить, каждый сойдет с ума - человек не сможет этого контролировать. Поэтому наше общество основано на контроле и подавлении. Но оно не создало красивого человека. Может быть, оно избежало безумия, но это негативное явление - оно не создало и здоровья.

Мой подход прост: энергии должны быть не подавлены, но выражены, и ты должен находить способы выражать их так, чтобы эти способы были творческими.

В Индии я часто посещал тюрьмы и разговаривал с заключенными, и самым странным, что я понял, было то, что эти заключенные невиннее обычных людей снаружи. Сначала я был очень озадачен, потому что это были преступники: кто-то был убийцей, кто-то был насильником. Они совершили всевозможные преступления против закона, против общества, против общественного порядка, но они выглядели такими невинными, и в них было определенное спокойствие. На их лицах не видно было насилия, убийства, изнасилования - никаких следов. Вне тюрьмы можно стоять на дороге и видеть на лицах людей всевозможные преступления, которые они подавляют.

Все было ясно: эти люди не подавляли. Они просто делали все, что бы ни пришло им на ум; просто брали и делали. Они не заботились о законе и обществе, и естественно, общество не может терпеть этих людей. Они должны быть преступниками, они должны быть наказаны. Это возмездие.

Я спрашивал всех надзирателей тюрем, которые посещал... потому что губернатор моего штата был очень невинный человек, почти как ребенок. Он не был политиком. Он пришел к власти... поскольку британское правительство ушло, не только политики могли прийти к власти. Первое поколение политиков было почти аполитичным, потому что Индия не была свободной почти две тысячи лет, и никакой политики не было. Все эти люди были выбраны за их качества - особенно губернаторы, потому что их не избирали. Их назначал президент.

Сам президент был очень простым человеком. Его очень привлекал мой образ мыслей, и он часто говорил мне:

- Сделай одно: когда я умру, скажи Богу, что я был не таким плохим человеком.

- Но, - говорил я, - Бога нет, а если и есть, у меня нет с ним прямой коммуникации!

- Ничего не буду слушать, ты не можешь меня обмануть. Ты должен мне пообещать, что когда я умру, ты скажешь Богу: «Этот человек был не так плох».

- Странная идея! - говорил я. - У меня нет никакого Бога, и не думаю, что тебе понадобятся мои рекомендации. Ты и есть хороший человек, а рекомендации нужны только плохим людям.

Но он был очень невинным, и он говорил мне:

- Если ты сможешь пойти в тюрьмы и помочь этим людям...

У меня было время, и я стал ходить в тюрьмы. Я спрашивал надзирателей:

- Сходил ли когда-нибудь с ума кто-то из преступников, совершивших убийство, изнасилование или другое серьезное преступление?

И ответ всегда был «нет».

- Вы никогда об этом не думали? - спрашивал я. - Что снаружи люди сходят с ума? Вот люди, которые должны были бы сходить с ума, если ваши теологии и религии и так называемые философии правильны, потому что они сделали все, что вы только считаете неправильным. Но они так невинны, просты.

- Мы никогда об этом не думали, - говорили они. Кажется, никого не заботит основная человеческая эволюция. Эти преступники так невинны, потому что они ничего не подавляли; в этом их невинность. И поскольку они ничего не подавили, безумие невозможно.

Я не говорю, что каждый должен начать совершать преступления, чтобы избежать безумия и стать невинным. Я только хочу сказать, что это может дать указание на то, что энергии не нужно накапливать. Их нужно использовать. И если мы живем в правильном обществе, они будут использоваться творчески. То же самое насилие, которое убивает человека, может извлекать прекрасную статую Гаутамы Будды, потому что, что касается руки, она одинаково высвобождает энергию, рубишь ли ты кому-то голову или режешь камень или дерево. Для руки и энергии это неважно - энергия высвобождается.

Я знал в Индии многих охотников - случайно, потому что я путешествовал по всей Индии и часто был гостем во дворце махараджи. Все эти махараджи - в Индии их были сотни - и их сыновья и братья были охотниками. У них были собственные леса, зарезервированные для охоты. Но я находил их очень человечными. Охота отнимала у них всю насильственность. На их лицах не было никакого напряжения.

Но охотиться на животных - это тоже насилие. Мы можем найти способы использования энергии, которые никому не будут причинять вреда; напротив, будет создано что-то прекрасное.

В одной из наших терапевтических групп у одного человека была сломана рука, и это вызвало взрыв публикаций против меня - хотя я в этом никак не участвовал, я не присутствовал на этой терапии. Но никто не спросил самого этого человека.

Я позвал его и спросил:

- Какое у тебя чувство? Как ты себя чувствуешь? - перелом был уже вылечен, гипс снят.

- Я поражен, - сказал он. - Я всегда чувствовал, что мог бы кого-то убить. Со времени этого перелома руки это чувство исчезло. Не знаю, что случилось и как это случилось, но с тех пор я чувствую себя очень мягким, обычно я был очень агрессивен.

Может быть, эта его рука накапливала насилие, и он его подавлял. Этот перелом высвободил энергию.

Газеты всего мира стали меня осуждать, говоря, что в моих терапиях используется насилие. Но я был поражен: ни единому журналисту не достало здравого смысла взять интервью у этого человека и осведомиться о его опыте. Его опыт был совершенно иным. Он чувствовал, что ему повезло, что это случилось, потому что груз, который он носил с самого детства, просто исчез.

Итак, первое: мы должны понять каждую энергию - ее механику, ее работу - и дать ей выражение.

У меня была медитация специально для смеха, и многие люди приходили ко мне и говорили, что это было нечто такое, чего они никогда не испытывали, нечто почти психоделическое. А в этом не было ничего особенного: просто группа сидела, а потом начинала смеяться. Один начинал, и естественно, другие подхватывали; другие смеялись просто потому, что «этот идиот смеется без причины». Тогда другие начинали смеяться над ними, и вскоре это становилось явлением коллективного бессознательного: каждый смеялся, как никогда не смеялся раньше, но как всегда хотел.

Это выглядело истеричным, потому что они хотели прекратить, но не могли. Они открыли дверь, которую не могли больше закрыть, - и это заставило их смеяться еще больше. «Странно! Ничего не происходит, смеяться не над чем, а я смеюсь, как сумасшедший». И это заставляло их смеяться еще больше! И это передавалось, это было заразительно. Через час смеха все они расслаблялись, потому что уставали, но великий покой... Они высвободили энергию, которую общество не позволяет выражать, если только нет приличествующего повода.

Тебе придется пойти в кино, тебе придется читать книгу, тебе придется начать болтать о чепухе, просто чтобы высвободить эту энергию. Но почему не взять и просто не высвободить ее? Сядь в угол и начни. Ты подумаешь, что это трудно; это не трудно, это очень легко. Как только ты начинаешь, это продолжает нарастать само собой.

Я разработал множество медитаций, просто чтобы помочь вам освободиться от бремени. И каждый, кто приходил как посторонний, думал: «Эти люди сумасшедшие! Почему они смеются?» - как будто энергии нужно какое-то «почему». Она должна быть выражена. Все энергии должны быть выражены. Те энергии, которые могут быть творческими, сделайте творческими; те, которые нельзя сделать творческими, сделайте безвредными. И вы будете удивлены: высвобождая свои энергии, вы освобождаетесь от бремени и чувствуете себя более здоровыми. Возможность когда-либо впасть в безумие становится меньше.

Второе: ты найдешь, что в тебе возникают свежие энергии. Мы постоянно создаем в себе, едой, дыханием, упражнениями, солнцем, луной, звездами... отовсюду в нас вливается энергия. А ты носишь массу застойной энергии, и поэтому в тебе нет места для новой энергии. Всегда хорошо получить новую и свежую энергию, потому что она сделает тебя моложе, свежее, острее, разумнее и невиннее.

Эта медитация выглядела истерической - но таковой не была. Она высвобождала истерию; обычно вы ее удерживаете внутри. И хорошо, если ты чувствуешь внутри что-нибудь подобное, просто сесть у себя в комнате и посмеяться. Это твоя комната, и никого это не касается, чтобы вмешиваться, если только кто-то не хочет присоединиться к тебе - пусть присоединяется. И ты удивишься тому, что мало-помалу присоединятся другие, и ты найдешь, что пришли все. Сначала, может быть, они придут посмотреть, что происходит, а затем, видя это, они будут спровоцированы и станут участниками.

В Японии был один просветленный человек по имени Хотэй, единственным учением которого был смех. Он смеялся, и его ученики смеялись. Его ученики смеялись, потому что «это абсолютно абсурдно! Будда никогда еще не смеялся! Все будды были очень серьезными; этот Хотэй просто выпадает из категории будд». Но его смех был заразителен, и другие, которые судили его, тоже начинали смеяться, и это распространялось как пожар среди его учеников, и часами они наслаждались... пока все не падали на пол и не засыпали. Они столько смеялись, что были как лежащие маленькие дети.

Хотэя очень осуждали так называемые религиозные люди, но таким людям, как Хотэй, все равно. Они говорят: «Какая мне разница? Это мое учение, это мой стиль. И если ты можешь просмеяться весь путь к просветлению, зачем выбирать другой путь?»

Многие из его учеников стали просветленными, просто смеясь. Они стали такими невинными, такими необремененными; мало-помалу они поняли, что делает этот человек, и они были благодарны. Может быть, излагая учение, он помог бы меньше, но он нашел нечто экзистенциальное. Он перемещался с места на место с группой учеников, и где бы он ни был, люди смеялись - даже люди города смеялись, слыша поднимаемый людьми Хотэя шум. Они просто смеялись: «Мы никогда не слышали, что религия имеет что-то общее со смехом!» Но при виде будды, при виде самого Хотэя и его учеников им приходилось признать: «Каким бы ни был их путь - немного хаотичным, странным, - Хотэй изменяет жизни людей; он делает их более здоровыми».

Любимый Ошо,

Что-то, что ты сказал, прозвенело во мне, как гонг. Ты сказал - или я услышал - что просветление - это последний опыт ума. Не будешь ли ты так добр, рассказать подробнее?

Это кажется очень противоречивым по отношению к другим моим утверждениям. Я снова и снова говорил, что просветление - за пределами ума. И, естественно, когда ты услышал, что я говорю, что просветление - это последний опыт ума, противоречие абсолютно ясно. Но ты должен понять нечто очень тонкое: для опыта как такового нужен ум. В чем состоит этот опыт, неважно, но опыт подразумевает двойственность: переживающий опыт и переживаемое.

Таким образом, то, что я сказал раньше, нужно было для того, чтобы помочь тебе отбросить ум. Мои слова - это средства, не утверждения. То, что я сказал вчера, было действительным фактом. Это последний опыт ума - потому что для опыта нужен ум.

Если нет ума, нет и опыта. Ты есть, но ты не можешь говорить ни о каком опыте блаженства, экстаза, божественности, нирваны. Ты не можешь говорить.

И проблема для меня в том, что если я не дам тебе всех этих указаний, зачем тебе вообще беспокоиться о том, чтобы быть просветленным? Если с уходом ума уходит и просветление, и воцаряется вечное молчание... - и об этом ты также не можешь сказать, что это твой опыт. Тебя больше нет. Старого мира субъекта и объекта, меня и тебя, больше не существует.

Вы должны также попытаться понять трудность мастера, точно так же как мастер пытается понять ваши трудности. Его трудности гораздо больше.

Я должен дать тебе мотивацию, поощрение. Идея того, чтобы быть блаженным, чтобы быть просветленным, идея достижения истины как-то цепляет умы людей, и они начинают двигаться в этом направлении. В конце концов, они находят, что все эти вещи случаются - но они все же будут от ума. Не останавливайся на этом. Но это можно сказать лишь тем, кто путешествовал по пути. Есть нечто большее, чем опыт, потому что это за пределами ума.

Гаутама Будда использовал два слова. Просветление он называет словом *нирвана*. Но он знает, что есть еще один шаг, и он называет его *махапаринирваной*.

Слово нирвана само по себе означает достижение молчания настолько глубокого, что не существует никакого «я» - потому что это тоже беспокойство. Ничего не существует. Ты в состоянии отсутствия «я» (Selflessness), но все же это опыт, и ты, может быть, не видишь «я», но «я» переживает это как состояние отсутствия «я».

Трудно перевести этот опыт в язык, но есть и нечто большее, и это абсолютно трудно: он называет это махапаринирваной. И он этого не определяет; он не говорит, что это значит. Ты должен это пережить - он предоставляет это тебе. До нирваны он готов был объяснять, потому что ум, очень тонким образом, все же существует в опыте отсутствия «я», молчания, блаженства. Но когда ума не стало совершенно... И он создал слово, в котором есть и нирвана: *маха* значит большее, высшее, более величественное, чем нирвана, а *пари* значит «трансцендентальное». Поэтому если это перевести, это будет значить: отсутствие «я», которое больше того отсутствия «я», которое ты пережил в нирване, потому что теперь нет переживающего опыт.

Ты не можешь назвать это опытом, поэтому он называет это паринирваной. Она трансцендирует все, что только можно постичь, потому что все, что ты можешь постичь,

постигается умом. Мы должны использовать ум до определенной стадии, но мы не можем сказать, что умом достигаем предельного.

Таким образом, нирвана - это последний мыльный камень, на котором кончается дорога. За его пределами человек должен просто идти и видеть. Просто чтобы указать на это, он называет это махапаринирваной, великим трансцендентальным отсутствием «я».

Проблема в том, что мне в жизни приходится говорить со всеми возможными людьми, и я должен говорить так, чтобы они могли понять, иначе это бессмысленно. Мало-помалу я собрал моих людей и стал говорить безотносительно к тому, понимают они или нет, потому что я знаю, что они любят меня: они попытаются понять.

Многие из них не могут подняться до того уровня, где они готовы понять, вопреки самим себе, нечто, что выше их головы. Но теперь я собираюсь говорить только с теми людьми, о которых могу совершенно забыть, когда говорю. Я могу им доверять в том, что им удастся уловить, по крайней мере, определенный смысл и вкус.

И вы будете находить больше и больше противоречий, потому что теперь я не буду говорить с вами, я буду говорить просто, как есть, что бы то ни было - можете вы это понять или нет. Если вы не понимаете, можете продолжать задавать вопросы, но прежде чем покинуть мир, я должен завершить то, что начал. Я не могу оставить свой сад неоконченным.

Глава 32

Мое видение принадлежит целому

Любимый Ошо,

Япония вот-вот обгонит Соединенные Штаты в валовом доходе. Это уже экономическая сверхдержава, главенствующая в важнейших областях мировой торговли и недавно начавшая главенствовать на финансовых рынках. Фактически, единственный материал, которого недостает Японии и ее двадцатимиллионному населению, это земля. Ее территория немногим больше, чем индийский штат Раджастан. В довершение всего, Японию окружают несколько других азиатских стран, чей экономический прогресс наступает Западу на пятки.

Впервые за несколько веков геополитический центр мира перемещается из христианских стран Атлантики к буддистским странам Азии - к земле дзэн. Имеет ли эта перемена какую-либо важность для твоей работы?

История мира развивалась как маятник. Никогда не было так, чтобы одновременно весь мир прогрессировал во всех измерениях жизни. Во времена Гаутамы Будды Восток был на вершине славы, богатства, мудрости, а Запад оставался варварским. Там не было ни прогресса, ни эволюции. После Будды Восток пошел на спад, а Запад начал прогрессировать. В начале этого века Запад достиг вершины, и начал прогрессировать Восток. Только в начале этого века Запад был на вершине, а Восток был частью мира, пораженной бедностью; необразованной, некультурной, отсталой.

Возможно, что Восток поднимется снова, а Запад переживет упадок. Но это не мое видение, это просто историческая механика маятника. Мое видение принадлежит целому - ни Востоку, ни Западу, - потому что любой рост части обязательно создаст чудовищную ситуацию. Например, одна половина твоего тела растет, а другая остается отсталой - это не будет очень удобной, спокойной, способствующей расслаблению ситуацией. И это можно изменить: вторая половина должна начать расти, а первая - пережить упадок.

Механику экономической власти, богатства нужно понять. Где бы какая-то страна ни стала богатой, происходит несколько очень значительных вещей. Во-первых, она теряет интерес к богатству - очевидно. Так и должно быть. Весь интерес ума - в стремлении в «завтра». Что бы у тебя ни было, тенденция ума - забывать об этом. Ты видишь лишь те вещи, которых у тебя нет; ты не видишь вещей, которые у тебя есть. Так, бедная страна думает о богатствах, а богатая страна начинает забывать о богатствах. И это кажется верным и психологически - если у тебя это есть, какая необходимость об этом думать?

Итак, первое: каждый раз, когда какая-либо область мира добивается экономического первенства, она начинает терять интерес к той самой власти, за которую боролась веками. И

второе: в то мгновение, когда какая-то область человечества становится очень богатой, главенствующей над другими областями мира, она начинает чувствовать себя очень пустой, потому что теперь старого стремления больше нет, а человек не может жить без стремления. Человек не может жить без надежды. Человек не может жить без «завтра».

Я не принимаю в расчет пробужденных людей; я говорю об обычном человеке. Чтобы жить, требуется желание, стремление, будущее. Его глаза должны быть сфокусированы на отдаленной звезде. Но когда ты стоишь на ней, всюду вокруг темно. Ты достиг ее. Величайшее поражение в мире - это одержать победу, потому что в то же мгновение ты понимаешь, что гнался за тенью. Одержав победу, ты ничего не добился.

Таким образом, в то мгновение, когда одна область мира, - ...так было до сих пор, - восточное полушарие или западное, какое бы из них ни добилось богатства, оно подходит к точке тупика на дороге и начинает думать о вещах, о которых никогда не мечтало.

Богатства, благосостояние, власть обманули... они выглядели такими красивыми издалека, но как только ты приблизился, ты нашел, что они не красивы. Этот оазис был только иллюзией. У него не было существования. Это было галлюцинацией, созданной твоей жадой, твоим стремлением, твоим желанием.

Тогда ум разворачивается на сто восемьдесят градусов. Он наполняется отвращением к тем самым вещам, ради которых до сих пор жил. Он начинает думать о том, чтобы отречься от мира, отречься от богатств, жить простой жизнью - жизнью молчания, жизнью медитации - и забыть все об этой чепухе.

Это случилось на Востоке во времена Будды. Восток был известен, как золотая птица, - и он ею и был, иначе невозможно было бы, чтобы тысячи саньясинов разных конфессий жили просто на подавание. Если страна бедна, кто даст этим людям еду, одежду, кров? А их были тысячи. Один Будда двигался с десятью тысячами саньясинов. Махавира двигался с десятью тысячами саньясинов. В одном небольшом штате Бихар было восемь учителей, и у них всех были тысячи последователей. Все они происходили из королевских семей - полные отвращения, разочарованные, освобожденные от иллюзий.

Естественно, они были до такой степени против богатства, против комфорта, против роскоши, что совершенно забыли о том, чтобы быть объективными; это субъективные причины. Ты надеялся на многое, а не нашел ничего. Это не значит, что комфорт бесполезен. Это просто значит, что ты просил слишком многого - и предоставить это, было не во власти комфорта. Ты просил слишком многого - и дать тебе это, было не во власти денег. Ты думал, что когда получишь деньги, сможешь расслабиться и будешь наслаждаться. Но все устроено так, что, зарабатывая деньги, ты зарабатывал также и напряжения, и они шли рука об руку.

По мере того как ты продвигался к цели своего желания, ты становился более и более напряженным, более и более насильственным. Любой ценой цель должна быть достигнута. Даже если средства нехороши, неважно; цель должна быть достигнута. Ты сделал все правильное и неправильное, чтобы достичь цели, надеясь, что после сможешь отдохнуть в молчании, в покое и добьешься медитативной жизни. Но ты неверно рассчитал.

Ты не понимаешь арифметики жизни. Шестидесять лет человек гоняется за желаниями, мечтами о богатстве, и тогда внезапно в возрасте шестидесяти лет он этого добивается, но ум уже усвоил привычку. Шестидесять лет - это долгое время. Может быть, ты добился богатства, но ум продолжает играть в старую игру, повторять старую рутину, старые мечты. И ты не знаешь, как от них избавиться, - эти умственные агонии были созданы твоим желанием благосостояния, желанием красивой женщины, желанием красивого дома - и тебе становится горько. Это реакционный подход: ты реагируешь. Ты думаешь, что именно из-за этих вещей ты запутался в напряженной жизни и не можешь из нее выбраться.

Твой ум говорит: «Отрекись от всего этого». Это тот же самый ум, что говорил тебе: «Достигни, добейся большего». Теперь достижение случилось, и ум дает тебе новую подсказку: «Брось все это. Отрекись от мира, отречься от его богатства, отречься от его комфорта; стань отрекшимся». Таким был старый смысл саньасы.

И когда короли и их сыновья спускались с тронов и становились нищими - думая, что если этого нет на одном конце, в богатстве, то, наверное, должно быть на другом, в бедности - бедность стала чем-то духовным. Именно так Восток стал приходить в упадок, потому что когда бедность делается духовной, никто не заботится о том, чтобы увеличить благосостояние, улучшить технологии. Люди стали становиться беднее и беднее. Высшим шагом было стать нищим, и такой

нищий был не обыкновенным нищим: он отрекся от трона, он стал нищим по собственному выбору. Он стал нищим не от нужды. Это произошло не из-за обстоятельств, это было его реакцией.

Я называю все религии мира реакционными; они просто движутся из одной полярности в другую. Таким образом, в Индии во времена Гаутамы Будды... то есть двадцать пять веков назад, Восток был богат, а Запад беден.

Восток был центром культуры. Ты удивишься, узнав, что печатный станок был изобретен в Китае четыре тысячи лет назад. Денежные банкноты используются в Китае четыре тысячи лет. Марко Поло вернулся с денежными банкнотами и другими вещами, чтобы показать их римскому папе и королям Европы, и сказал им:

- Мы далеко отстаем; китайцы считают западных людей варварами.

И знаешь, что сделал римский папа? Он взял банкноту и сжег ее, и он сказал:

- Ты говоришь, это деньги? - Он вынул серебряную монету, бросил ее на пол, чтобы она зазвенела, и сказал: - Вот это деньги. Так кто из нас варвар?

Марко Поло сказал:

- Ты не понимаешь их логики. Сколько золотых или серебряных монет ты можешь с собой носить? Обращение золотых и серебряных монет возможно, только если страна бедна. Но если люди носят миллионы долларов, они не могут пользоваться золотыми монетами.

Четыре тысячи лет назад Китай, изобретающий денежные банкноты... наверное, это была богатая, очень богатая страна, потому что бедные страны даже никогда не думали об этом. Бедный человек думает, что монета должна быть золотой, потому что он не понимает всего смысла денег. Смысл денег - в их обменной ценности. Какое имеет значение, золото это или бумага? Если это служит целям обмена вещей, это деньги.

И те банкноты, которые сохранились за четыре тысячи лет, точно такие же, что и ваши: лучшая бумага, лучшая печать, гарантийное заверение императора. Это казначейские билеты - если хочешь, ты можешь прийти в сокровищницу и обменять их на золотые монеты. Поэтому тебе не стоит беспокоиться, что тебя надуют, - вместо настоящего золота тебе просто дают бумажные банкноты. Была сокровищница, и она должна была содержать точно такую же сумму золота и серебра, сколько было выпущено денег. И каждый в любое время мог взять золото или серебро - по своему выбору. Тогда люди были удовлетворены: «Нет никаких проблем, это казначейские билеты».

Римский папа повел себя как дурак, сжигая банкноту. Это было его аргументом. Он подумал, что это абсолютное доказательство, что это - не деньги. Настоящие деньги - это золотые или серебряные монеты.

Марко Поло попытался сказать:

- Сначала я тоже был изумлен - бумажные деньги? Но когда я понял их идею, я был снова изумлен. Эти люди действительно продвинулись гораздо дальше. Никому не нужно носить с собой груз золота - это опасно - а если ты носишь в кармане небольшую банкноту, никто ничего не узнает.

Весь двор только посмеялся над Марко Поло. Они подумали:

- Он дурак. Он думает, что они перегнали нас в культуре.

Он сказал:

- Я абсолютно уверен, что так и есть, - и он показал напечатанную книгу, которой было три тысячи лет. На Западе книгопечатание случилось лишь триста лет назад. А печатать по-китайски очень трудно, потому что это не алфавитный язык. Печать на любом другом языке - это очень простое явление. И все же три тысячи лет назад у них уже были печатные станки.

В индийских писаниях есть описания, подробные описания самолетов и даже описание чего-то, напоминающего атомную бомбу. Может быть, атомные бомбы использовались пять тысяч лет назад в войне Махабхараты, великой индийской войне. После этого в Индии не было войн. Этот опыт был так ужасен, что Индия стала антивоенной, антинасиельственной. Не могло случиться просто ни с того ни с сего, чтобы Индия развила философию ненасилия. Вещи взаимосвязаны. Не может быть так, что ты просто начинаешь развивать философию... если только у нее нет каких-то корней.

Индия так пострадала в великой индийской войне, что необходимо было выработать такую философию и такой образ жизни, который совершенно исключал бы войну, который совершенно исключал бы даже насилие.

Гаутама Будда и Махавира, которые были великим учителями ненасилия, оба были принцами воинственных домов, где их учили быть воинами, но видя, что случилось с великими воинами в прошлом, они обратились к противоположной крайности.

Ум человека никогда не останавливается посередине - либо до предела на восток, либо до предела на запад - посередине смерть, потому что если маятник останавливается посередине, останавливаются и часы. Маятник продолжает двигаться из одной крайности в другую - таким образом работают часы. Это дает механизму инерцию.

Во всем мире никто не доводил философии ненасилия до такой крайности. Для меня это является доказательством, что эти люди, наверное, пережили такое же доведенное до предела насилие, иначе их философия была бы невозможна.

Махавира спит ночью только на одном боку, он не переворачивается. И он спит на полу, на голом каменном полу. Он не использует ничего комфортного, он даже не позволяет себе ночью изменить позу. Его идея в том, что могут приползти какие-нибудь муравьи, какие-нибудь насекомые, и если он пошевелится, то убьет их. Поэтому лучше оставаться на том же месте, которое он расчистил, тогда он знает, что никто не погибнет.

Джайнские монахи носят с собой небольшой веник, странного вида веник. Он сделан из мягкой шерсти, и каждый раз, когда они на что-то садятся... У них больше ничего нет, кроме этого веника; для них это самое важное. На что бы они ни сели, сначала они чистят это место мягким веником, который не может убить насекомых - и лишь тогда они садятся. Ночью они расчищают место для сна этим мягким веником, и только тогда ложатся спать.

Такие крайности... Ночью они не едят. Электричества не было, и в темноте в пищу могло упасть любое насекомое, и непроизвольно ты мог убить или съесть это насекомое. Ночью они не пьют - даже в самое жаркое лето. Это крайности. Махавира не моется, не чистит зубы по той простой причине, что моясь... в воде есть очень маленькие живые клетки, и они будут убиты. И слюна, и зубы - в них есть маленькие, крошечные клетки, и они будут убиты.

Такое экстремистское ненасилие возможно, только если человек пережил нечто подобное Хиросиме и Нагасаки. Есть подробные описания случившегося в великую индийскую войну - сколько миллионов человек погибло, какое использовалось оружие - отличаются только имена, но можно себе вообразить, какое оружие было бы параллельно тому, что есть у нас сегодня.

Во времена Гаутамы Будды Восток достиг самой вершины и начался упадок - потому что после вершины, куда ты пойдешь дальше? Ты не можешь остановиться. Жизнь не знает остановок, кроме смерти, поэтому, достигнув вершины, естественно, ты начнешь спуск. И ты одежаешь это в философию. Ты говоришь: «Поскольку эти богатства мне ничего не дали - все они пусты, все это приманки, которые отвлекают людей от их настоящих поисков, - выбросим их, отречемся от них». Эти люди стали нищими.

А когда гении страны становятся нищими, посредственные люди могут только поклоняться им. Богатство, технология - все создается этими немногими гениями. Все общество обогащается - это другое дело, - но не все общество участвует в создании, в изобретении. И если гений пришел к тому, что это бесполезно... Весь Восток наполнился идеей антикомфорта, антижизни - так и должно быть, потому что все желания должны быть отброшены; только тогда ты найдешь покой.

Естественным результатом были бедность и голод. И восточному уму удалось объяснить эту бедность, этот голод: это испытания, чтобы проверить, насколько глубоко твое отречение.

Люди Востока перестали обучать воинов. Они перестали производить все виды оружия. Было наложено ограничение, что в следующие две тысячи лет... Небольшие племена приходили и вторгались в Индию; не было никакого сопротивления. Они приходили, грабили и снова уходили - и это продолжалось две тысячи лет. И Индия не сопротивлялась; естественно, она становилась беднее, беднее и беднее. Тем временем Запад двигался в противоположном направлении, он был беден...

Ты можешь увидеть этот факт - никто не обращает внимания на простые вещи, - что в Индии все основатели религий были королями: Рама, Кришна, Махавира, Будда. Все они были либо королями, либо должны были стать королями после смерти своих отцов. На Западе ни одна из религий - трех религий - не была основана королем. Их основывали бедные люди, а когда бедный человек основывает религию, она не может быть той же религией, что и религия богатого. Христос был бедным человеком - необразованным. Его ни в каком смысле нельзя сравнить с Гаутамой Буддой. Мухаммед необразован. Его ни в каком смысле нельзя сравнить с Буддой. Не король и Моисей.

Весь Запад был беден. Но когда Восток стал ненасильственным, вторгнуться на Восток стало легко и не представляло никаких трудностей. Он почти приглашал к вторжению, потому что отбросил все возможные средства защиты. Все восточные страны рано или поздно попали под власть западных стран, их империй. И Запад эксплуатировал Восток до последней капли крови. На этой эксплуатации ему удалось создать собственное благосостояние, свои производительные фабрики.

В Дакке, которая сейчас является столицей Бангладеш, было развито старинное искусство. Мастера создавали тончайшие материалы для изготовления одежды, в которых жарким летом можно было чувствовать себя обнаженным - так они были тонки. Все это делалось вручную. Когда Британия начала производить одежду в Ланкашире, человек не мог состязаться с машиной. И эта глава истории уродлива: тысячам людей Британия отрубила руки. Художники, которые умели производить более тонкие материалы, чем их фабрики в Англии... им должны были отрубить руки, чтобы на рынке не было конкуренции.

Запад начал переживать подъем, и новые факторы присоединились к восхождению Запада. Одним из них была наука.

Христианство, или, если пойти глубже, иудаизм, ответственно за многие вещи. Именно иудаизм дал миру идею пророков. На Востоке не было идеи пророков, мессий и спасителей. Именно из-за этой идеи... но помните, такого рода идея может существовать только в бедном обществе. В Индии сейчас достаточно христиан; по численности христиан она на третьем месте в мире. На первом месте по численности индуисты, на втором мусульмане, на третьем христиане - но все они беднейшие из бедных.

Богатому человеку не нужен спаситель или пророк.

В Индии эта идея никогда не появлялась. В Индии была совершенно другая идея, - и это инкарнация Бога. И вы удивитесь... слово «Бог» в Индии звучит как *ишвар* - слово ишвар происходит от санскритского корня *айшварья*, а айшварья значит «роскошь» - наироскошнейший. Бог должен быть наироскошнейшим, наивысшим из всей возможной роскоши. Все принадлежит ему, и его имя «ишвар» - наироскошнейший. Он приходит изредка. Он не посылает посланцев. Он не посылает пророков и спасителей - он спускается сам. Это богатый мир, и он в этом мире - богатейший из всех. Есть определенное сходство, на Востоке человек и Бог рознятся только в степени. И он приходит сам. Бог может быть больше - человек не может быть таким большим, - но он не может притвориться спасителем.

На Западе иудаизм дал идею спасителя, посланника, пророка. Это нужно понять, в самых его корнях. Это означает, что общество так бедно, что не может даже представить, что возможно воплощение Бога. Общество так бедно, что постичь воплощение Бога невозможно. Общество так бедно, что, самое большее, к нему можно отправить посланца; ему нужен спаситель, пророк. Но все это нужно лишь для того, чтобы дать утешение бедному человеку.

Иисус никогда не смог бы стать тем, кем он стал на Западе, если бы он родился на Востоке. Все аватары происходили из королевских семей; так и должно было быть. Это было богатое общество. Кто послушал бы сына плотника? Люди бы просто посмеялись. «Не сошел ли Бог с ума? Есть великие короли, великие ученые, великие мудрецы - а он выбрал в единокровные сыновья сына плотника!» Сама идея была бы невозможна, но на Западе это было возможно.

Запад был в те времена беден, очень беден. Ему нужно было утешение, и Западу легче было принять бедного человека, потому что он принадлежал к нему. Христианство стало величайшей религией в мире, потому что Иисус был бедным человеком. Если бы он не был бедным человеком, христианство не стало бы величайшей религией... это невозможно.

Христианство распространило евангелия о блаженстве тех, кто беден, тех, кто лишен, тех, кто кроток, тех, кто согбен. И в этом была привлекательность, потому что именно такой была большая часть общества.

После Иисуса Христа самым важным человеком был Карл Маркс, который тоже был евреем, как и Иисус. Он доводит ту же идею, сам того не зная, до ее логического конца. Он не может принять Бога по той простой причине, что если бы был Бог, мир не должен бы быть таким бедным, люди не должны бы быть эксплуатируемыми. «Что делает этот Бог? Он должен прекратить это». Он отвергает Бога, потому что мир так беден, что не может позволить себе Бога.

Индия была так богата в старые времена, что могла позволить себе тридцать три миллиона богов - таким было население Индии. Зачем скупиться? По богу каждому человеку! Но Маркс не смог принять и одного Бога, потому что само его существование противоречит бедности и

эксплуатации в мире. Если Бог ничего не может сделать для бедных, его все равно, что нет; неважно, есть ли он вообще.

Маркс пошел еще дальше, говоря, что небольшая группа людей не должна оставаться богатой, их богатства должны быть распределены между бедными. И он прекрасно знал - каждый может это понять - что можно распределить богатства немногих богатых между бедными, но это не сделает - не таким образом - богатым все общество. Но он просто злился. Его отец был раввином. Они жили в бедности, и он видел, что даже его отец, который был простым и скромным человеком, служащим Богу, вынужден был страдать от бедности. Богатство не должно быть позволено немногим людям, даже если это значит равно распределить бедность.

И вы будете изумлены - это поразительные факты, - что точно так же как христианство стало величайшей религией, коммунизм стал величайшей политической идеологией. Точно так же как христианство охватило почти половину человечества, оставшаяся половина стала коммунистической. То и другое - ответвления иудаизма.

Из-за этой невероятной бедности Запад становился более и более насильственным в завоевании народов, которые наслаждались богатством. Все западные страны: Англия, Испания, Португалия, Франция - распространили свои империи по всему миру и высасывали, что только могли, и все деньги собирались в западных столицах.

В это время появился новый фактор, который всегда приходит с богатством - и это была наука. Когда есть богатство, физические потребности удовлетворены, тогда ум начинает задаваться вопросами об объектах, об объективном мире. И триста лет назад, когда родилась наука, она преумножила богатства Запада.

Нужно заметить, что церковь всегда была против науки и на каждом шагу пыталась мешать ее росту. В этом есть некоторое значение, и значение это в том, что если наука и технология растут, бедность исчезает - а эта церковь зависит от бедности. Фактически, «блаженна церковь, если весь мир беден», потому что богатый человек, богатое общество оказываются за пределами власти церкви.

Только бедный человек хочет спасающего Бога. Здесь он беден; он хочет, по крайней мере, иметь гарантию, что в последующей жизни он будет допущен в рай. И настоящее утешение дает то, что только бедный войдет в рай. Богатствами ты можешь наслаждаться здесь, но те же самые богатства приведут тебя в вечную тьму ада.

Церковь в своей основе против науки, но наука - это исследование истины. Это было трудно, но несмотря на церковь, преграждающую каждый дюйм пути, наука возобладала, и теперь Запад в состоянии думать о медитации, думать о мире души, думать о вечной жизни. Он может обратить глаза от объекта к субъекту - и это будет началом упадка богатства, власти. И это в определенном смысле началось. Именно поэтому вы видите, что Япония и другие маленькие азиатские страны завоевывают огромную власть, богатство, технологическое первенство, и валовой доход Японии превысил валовой доход Соединенных Штатов.

Это очень символический факт. Он может иметь далеко идущие следствия. И то, что происходит в Японии, распространится и на другие страны Дальнего Востока. Теперь весь Восток устал от бедности, устал от религии. Он хочет науки, он хочет технологии. С Востока талантливые студенты приезжают в университеты Запада, чтобы изучать медицину, инженерное дело, электронику и всевозможные технические предметы.

Поразительным опытом было то, что хорошо известные западные врачи, инженеры, электронщики и другие технические эксперты стали приезжать в Индию ради медитации. Естественно, в Индии у них друзья, коллеги, с которыми они учились в Оксфорде, Кембридже или Гарварде, и их индийские коллеги просто изумлены, потому что они сами никогда не думали о медитации. Они отговаривают этих людей:

- О чем вы беспокоитесь? Вы добились успеха в своей профессии; вы должны вложить все силы в свою профессию, вместо того чтобы бродить в поисках души. Никто ее никогда не видел, никто ничего о ней не знает... есть она или нет. Не тратьте время впустую.

Эти люди говорили мне:

- Это странно... мы приехали издалека, чтобы понять медитацию, но наши друзья здесь всегда интенсивно разубеждают нас.

Запад, по мере того как он становится более и более медитативным, - если все будет продолжаться по-старому, так, как я предполагаю, - обеднеет; это естественное следствие, если он пойдет по старому пути, по пути, которым прошел Восток. Если он последует старому пути...

тогда отрекись от мира, прими обет безбрачия, уйди в монастырь, стань нищим. Все эти вещи не имеют ничего общего с твоим духовным ростом, это просто механический сдвиг.

В Индии один из врачей, которые заботились обо мне, пока не появился Деварадж, никогда не оставался со мной более двух или трех минут. И Вивек обычно удивлялась... потому что он приходил, но так спешил - и всегда нервничал и потел в комнате, охлажденной кондиционером. Выглядело так, словно я был врачом, а он пациентом! И он задавал несколько вопросов и говорил: «Выйдите, а я дам рецепт Вивек», - и сразу же выбегал из комнаты.

Он никогда не приходил ни на одну из моих лекций, он никогда не приходил ни на одно празднование, хотя обещал много раз, говоря, что хочет прийти его жена, и, может быть, в следующий раз он придет на день празднования. Но он никогда не появлялся. И Вивек спрашивала меня:

- В чем дело? Почему он так нервничает?

- Ты не понимаешь, - говорил я. - Это очень преуспевающий врач, первый в городе, и он боится, что каким-то образом попадет под мое влияние, под гипноз или что-то в этом роде. Он не хочет вовлекаться ни во что, кроме как в качестве моего врача, и даже это лишь потому, что если он будет моим личным врачом, это прибавит ему престижа.

Но он почти убегал - он не мог даже идти, он почти выбегал и выпрыгивал из комнаты - и Вивек приходилось следовать за ним в другую комнату, и там он выписывал рецепт или давал ей инструкции.

Но страх был из-за того, что опасно... Один из его друзей, Аджит Сарасвати, был моим саньясином. Они были коллегами и вместе учились, - оба учились на Западе. Затем Аджит стал специализироваться в гинекологии, и, в конце концов, стал саньясином. Он обычно говорил этому врачу:

- Тебе нечего бояться - никого не делают саньясином насильно. Ты можешь, по крайней мере, прийти и послушать, что там происходит, или посмотреть, что происходит во время медитации.

Но он говорил Аджиту Сарасвати:

- Я просто боюсь. Я достиг вершины в своей профессии. Я хорошо зарабатываю. Мои дети получают образование, и я не хочу, чтобы это было разрушено. Все идет так хорошо, что я не хочу получить ничего такого, что бы меня отвлекло, а Ошо действительно опасен: он может меня отвлечь. Он может втянуть меня в медитацию и в саньясу.

В Индии он никогда не приводил ко мне свою жену. Она хотела со мной увидеться. Он привез ее ко мне в Америку - только на один день, - потому что здесь не было такого страха. Никто в городе не узнал, что его жена тоже ходила к этому опасному человеку. Он приехал в Америку, но и здесь он был прежним. Самое большее, на полторы минуты... и он был удовлетворен тем, что со мной увиделась его жена. Но я остановил машину во время утреннего проезда, и ему пришлось приблизиться, и я видел его страх. Он представил свою жену, и я сказал:

- Будет лучше всего... вы приехали издалека. Просто приехать на один день неправильно; побудьте здесь несколько дней.

Он сказал:

- Я приеду в следующий раз, в этот раз я слишком занят другими вещами. Я обязательно приеду. Однажды я приеду.

Но он говорил это так, словно это было что-то опасное, что однажды ему придется приехать!

В Индии люди заинтересованы в богатстве, технологии, в том, чтобы было больше фабрик, но я не вижу людей, которых интересует медитация или духовный рост. Двадцать пять столетий бедности стерли всякое представление о духовном росте. Они хотят быть богатыми, они хотят быть ведущей страной мира. И происходящее является просто обратным движением маятника.

Редьярд Киплинг, один из известнейших британских поэтов, сказал: «Восток есть Восток, а Запад есть Запад...» Теперь нет необходимости этого говорить. Но он жил в Индии - он был придворным поэтом Британской Империи - и он подчеркивал: «Восток есть Восток, Запад есть Запад, и они никогда не встретятся». Его строки стали знаменитыми, но я хочу сказать, что, хотя так и было в прошлом, так не должно быть в будущем.

Ты спрашиваешь о моей работе и этой меняющейся ситуации. Нет, я не буду доволен, если Запад станет бедным, а Восток богатым. Не имеет никакого значения, богат Запад и беден Восток или богат Восток и беден Запад: человек остается половинчатым.

Я хочу, чтобы богатым был весь мир.

Я хочу раз и навсегда избавиться от идеи Запада и Востока.

В моем видении весь мир - одно.

Мы должны остановить этот маятник. А единственный способ остановить маятник - распространить медитацию на Запад, но не забывать Восток; распространить медитацию и на Востоке, потому что это может быть единственным соединяющим фактором: духовный рост. Иначе они будут продолжать двигаться, как ночь и день, целую вечность.

Как я это вижу, половина мира в каком-то смысле представляет половину человека. Если последовать старому пути, будут продолжаться прежний разрыв и прежние перемены. Но я говорю о Зорбе-Будде. Я говорю о таком мире, о таком человеке, который медитативен, но и не против богатства, который за духовный рост, но и не считает духовностью бедность. Бедность - это просто бедность. И если вы можете обладать одновременно обоими мирами, почему не обладать одновременно обоими мирами? Зачем выбирать?

Я прожил в комфорте - я никогда в жизни ничего не делал, - но это не потревожило моей медитации. Таким образом, если я это говорю, то говорю по праву: вы можете жить и в комфорте, и в медитации.

Медитация - это внутренний комфорт, а комфорт - это внешняя медитация. Пусть они станут одним целым. Человек, полностью состоявшийся снаружи и полностью состоявшийся внутри, будет тотальным человеком, и ничто меньшее, чем тотальный человек, не окажет большой помощи в эволюции человечества.

Любимый Ошо,

Как просветленное существо, ты способен свидетельствовать любую эмоцию. И все же, когда ты смеешься, для глаза наблюдателя ты кажешься более тотальным, чем когда-либо бываем мы. Ты, кажется, так ошеломлен смехом, что он буквально смывает твои слова. Потому ли это, что ты просто непревзойденный актер?

Дело не в том, чтобы быть непревзойденным актером; я всегда и во всем тотален. Что бы я ни делал, это тотально, но для вас многие вещи могут не казаться тотальными, потому что у вас нет в них никакого опыта.

Но смех в определенном роде уникален; когда ты смеешься, ты тоже в этом тотален. Смех, который не тотален, будет фальшью, притворством, только представлением. Поэтому, когда ты смеешься, ты тоже смеешься тотально. Это единственное действие, которое ты выполняешь тотально, - и ты знаешь, что смех тотален. Если ты видишь, как я смеюсь, естественно заключение, что это тотальное действие, потому что оно соответствует твоему опыту.

Нельзя смеяться частично. Попробуй, и у тебя ничего не получится. Ты можешь смеяться только тотально. Это уникальное качество в смехе. Именно поэтому я сделал его медитацией - из-за этого его уникального качества: в смехе ты тотален, даже если никто тебе не говорит: «Будь тотальным».

Ты можешь плакать, не будучи тотальным. Слезы могут навернуться тебе на глаза, даже если ты не тотален, но полный смех... на мгновение ты забываешь быть частичным. Смех охватывает тебя полностью, тебя всего. Ты не только смеешься, ты становишься смехом.

Благодаря этому небольшому опыту, если я смеюсь, естественно заключить, что это действие тотально. Каждое действие тотально - но это не твой опыт, поэтому ты можешь только предполагать, что это может быть тотальным, ты не можешь быть абсолютно уверенным в его тотальности.

Смех, несомненно, - очень особенный. Все твое тело смеется. Каждый атом, каждая клетка твоего тела смеется, участвует в смехе.

Я всегда был против серьезности. Я никогда не сравнивал смех с серьезностью, но ты можешь увидеть, почему я против серьезности. Серьезность никогда не может быть тотальной. Она всегда частична, - это сама другая крайность смеха. Она продолжает становиться уже, уже и уже. Чем более ты серьезен, тем более узким становишься. Чем более ты подходишь к смеху, тем ты шире и тем более ты открыт, тем более уязвим, тем более тотален.

В смехе есть нечто религиозное.

Серьезность больна и не религиозна.

Поэтому помни, что каждый раз, когда ты чувствуешь что-то во мне, попытайся установить... Наверное, должна быть какая-то параллель в твоём собственном опыте, именно поэтому ты приходишь к определенному заключению.

Если бы люди могли смеяться каждый день, по крайней мере, один час и без причины, им не нужно было бы никакой другой медитации. Этого было бы достаточно, потому что пока ты смеешься, ты не можешь думать. Пока ты смеешься, ты не можешь быть в прошлом, не можешь быть в будущем: ты вынужден быть в настоящем. Смех способен открыть двери к предельному.

Глава 33

Опаснее ядерного оружия

Любимый Ошо,

Сообщают, что американский посол сказал одному главе иностранного государства, имея в виду тебя: «Он чрезвычайно разумен, анархист и очень опасен, потому что может менять умы людей. Он разрушит все ваше общество».

Что мы можем противопоставить попыткам Америки и ее союзников помешать твоим попыткам разбудить людей?

Американский посол совершенно прав, но он не сознает, что опасность разума невозможно предотвратить. Все остальные опасности очень малы. Они видимы, и они могут казаться большими, но та опасность, о которой говорит он, связана с двумя вещами: во-первых, я чрезвычайно разумен, во-вторых, я анархист. Сочетание обеих этих вещей опаснее ядерного оружия.

Вам не стоит беспокоиться о том, как помешать Америке, разрушить мои усилия. Разрушить мои усилия - за пределами их власти. Чем больше они будут пытаться, тем больше силы это придаст моей идеологии. Так было всю историю человека. Никакая истина никогда не оказывалась побежденной. Это может потребовать времени, но ее победа абсолютно предрешена. Фактически они уже начали признавать свое поражение, если американский посол говорит главе иностранного государства, что я чрезвычайно разумен, анархист и могу легко менять человеческие умы.

В этом утверждении посла американские политики объявили о своем поражении. Теперь вопрос только в том, чтобы это осознать. Их отчаянные попытки уничтожить меня, мою работу, моих людей очень символичны. Если бы они не были так смертельно испуганы, то не прилагали бы таких усилий - их страх показывает их поражение.

Одно ясно: они не способны предложить никакой альтернативы моему образу видения вещей. Это утверждение делает абсолютно ясным, что они совершенно беспомощны. Оно не исходит из силы, оно исходит из определенного инстинктивного чувства. Глубоко внутри они признали свое поражение.

Странно, что на их стороне всевозможные интеллектуалы, но никому из этих интеллектуалов не хватает храбрости выдвинуть против меня какие-либо аргументы. Эти отчаянные усилия просто показывают, что они знают, что пусты, и их разоблачение неминуемо. И с каждым днем они приходят в большее и большее отчаяние.

Разум может быть побежден, потому что это часть ума, но этот посол не знает, что то, что он называет разумом, на самом деле нечто большее: это осознанность, которая включает в себя разум, но далеко превосходит разум и стоит гораздо выше разума. С разумом можно спорить, но если есть осознанность, с разумом спорить невозможно. Это не просто интеллект, это видение истины. Дело не во мне самом, дело в том, чтобы победить истину, - что не в природе вещей.

А он пытается испугать главу иностранного правительства, добавив слово «анархист». Анархист - значит тот, кто не верит ни в какое правительство, тот, кто не верит ни в какую дисциплину, тот, кто верит только в индивидуальность и ее свободу действовать, думать, выражать, творить. Для анархиста общество - это только средство на службе индивидуальности - не наоборот.

Применяя ко мне слово «анархист», он просто пытается нагнать больше страху... И затем он говорит, что у меня способность изменять умы людей. В этом небольшом утверждении он полностью разъяснил, чем Америка так испугана: моей способностью изменять умы людей. Это

включает в себя то, что я могу изменить умы людей в анархические, и это показывает, что они принимают, что я обладаю определенным разумом, которому им трудно противостоять.

Но что касается меня, я не заинтересован в том, чтобы изменять ум человека, я заинтересован в том, чтобы разрушить ум человека. Изменение не поможет, так как это только реформация, а не революция. Это добавит какие-то штрихи здесь и там, но основное качество ума останется прежним.

Я за не-ум. Американский посол и американский президент должны это понять - может быть, они никогда не слышали слова «не-ум».

Мое усилие в том, чтобы вывести людей за пределы ума.

Во-вторых, я не «чрезвычайно разумен» в том смысле, в каком они это видят. Меня не заботит интеллект. Что бы я ни говорил, это не интеллектуальный подход, но экзистенциальный. Именно поэтому они теряют голову. Если бы это был только разум, у них не было бы никаких трудностей. Они нашли бы против этого тысячу и один аргумент.

Но это нечто такое, с чем они абсолютно незнакомы. Это медитативность, о которой они не имеют ни малейшего понятия. Неведомое создает в них страх. Самое большее, они могут решить, что это чрезвычайный разум, но это далеко от разума. Сам по себе разум не может достичь мира медитации.

И они также неправы, называя меня анархистом, потому что анархисты, такие как Князь Кропоткин и другие, - красивые люди, но их философия наивна. Они хотят, чтобы не было ни правительства, ни полиции, ни закона. Они слишком наивны, слишком просты, слишком невинны, слишком подобны детям. Они не понимают человека, и того, что он полон животных инстинктов, варварства, жестокости, стремления убивать и насилловать.

Если весь порядок и дисциплину удалить, общество придет в хаос. Прямо сейчас это хаос, но этот хаос находится в определенном порядке. Есть определенная система, определенный метод, но с князем Кропоткиным и его коллегами этот хаос взорвется в состояние, которого человек никогда не видел.

Я - анархист совершенно другого рода. Я не говорю, что не должно быть правительства. Я всегда работаю над корнями и никогда не подстригаю ветвей. Я не говорю, что не должно быть дисциплины, я не говорю, что не должно быть суда и закона - это был бы просто идиотизм.

Я говорю, что индивидуальность должна отбросить личность, быть подлинной, быть честной; что индивидуальность должна отбросить амбиции, желания и начать радоваться тому, что доступно. Человек всегда преследует Луну; ему доступна Земля, но он не может здесь танцевать, он хочет танцевать на Луне.

Мое усилие в том, чтобы сделать человека безмерно блаженным, мирным, молчаливым, медитативным, чтобы отпала необходимость в правительстве, чтобы отпала необходимость в политиках, и чтобы рано или поздно суды закрылись, потому что в них никто не обращается, или чтобы они были переделаны в медитационные центры, а тюрьмы стали бесполезными. Я учу человека быть выражающим. В тюрьмах находятся люди, которых учили быть подавляющими и которые не смогли что-то подавить и пошли против общества, и которым теперь общество мстит.

Я учу вас быть выражающими и принимать свою натуру с гордостью - это ваше природное наследие. Если жить естественно и ничего не навязывать, такие вещи, как изнасилование, исчезнут. Если жить молчаливо и медитативно, насилие невозможно. Сострадание будет просто естественным явлением.

Правительства, политики, парламенты, ассамблеи должны стать бесполезными. Если я где-нибудь встречу с князем Кропоткиным, я думаю, он поймет, о чем я говорю. Анархизм нельзя навязать сверху, он может только вырасти в каждой индивидуальности, снизу. И если индивидуальность становится более сильной и интегрированной, все эти вещи обречены на исчезновение.

Это все равно, что быть против лекарств и бороться за то, чтобы уничтожить все лекарства. Это неплохая идея. В действительно здоровом обществе не должно быть лекарств, но Кропоткин начинает не с того конца. Сначала общество должно быть здоровым, чтобы лекарства стали бесполезны, врачи стали бесполезны, и здоровье стало такой естественной вещью, что болезнь превратилась бы в воспоминание о том, что случилось в прошлом, частью истории. Тогда автоматически лекарства исчезнут. Медицинские колледжи закроются, специально закрывать их не придется.

Я гораздо опаснее анархиста князя Кропоткина. Я не говорю об этом, я это готовлю. Князь Кропоткин только говорил об этом. Но князь Кропоткин не мог этого создать, потому что понятия не имел о том, что индивидуальность должна быть совершенно изменена. Лишь тогда возможно общество, которое не нуждается ни в каком порядке: каждый так ответствен, что на улице не нужно полицейских; не нужно и Бога на небесах, чтобы кого-то наказывать.

Станным образом политик и священник исчезнут одновременно. Их связывает определенное соглашение. Суды и храмы исчезнут одновременно, потому что суд живет преступлениями, а храм - грехом, и вы должны понимать, в чем между ними разница. Преступление - это разоблаченный грех.

Грех - это преступление, которое удалось, - ты одурачил всю систему, и никто не смог тебя поймать.

И таким образом, для преступника есть суд, полиция, закон; для грешника есть священник, епископ, римский папа, Бог. Им нужен ад в качестве собственной тюрьмы и рай в качестве поощрения. Но они существуют вместе, и вместе же исчезнут.

Американский посол должен понять, что я гораздо опаснее, чем он думает. И, что касается твоего вопроса, они ничему не могут воспрепятствовать. Это не нечто такое, что я говорю, это нечто, являющееся потребностью времени.

Для меня пришло время.

Может быть, я один, но времена за меня.

У них могут быть все силы, но времена не за них. Они роют себе могилы; они устарели. Все их идеологии, их философии, их теологии отстали от времени.

Я бросаю перчатку.

Я готов оспаривать каждый из постулатов, на котором зиждется их общество; это - лицемерие и ничего больше.

Они могут меня убить - это возможно. Это нетрудно, это очень просто. Но, убив меня, они признают тем самым свое окончательное поражение. Они меня убьют, но позднее поймут, что вместе с моей смертью совершили самоубийство. Именно поэтому они пытаются помешать мне достичь моих людей другими способами; потому что убийство было испробовано в прошлом и не сработало.

Послание Аль-Хилладж Мансура стало выгравированным в небе. Было много суфиев, но никого не помнят так, как помнят Мансура.

Об Иисусе Христе никто даже не услышал бы, если бы с ним были немного более терпеливы и проигнорировали его. Но с ним обошлись так нетерпеливо, его убили - а ему было только тридцать три года. Он учил всего три года. И он не говорил ничего опасного, он просто повторял старые писания.

Он добавил лишь несколько вещей, которые можно было легко проигнорировать - что он единокровный сын божий... Ну и что! Пожалуйста, ну и пусть. Не думаю, что это кого-то ранит. Если ему это нравится, если он этим наслаждается, никому не причиняя вреда, так и оставьте его в покое. Если он считает себя последним мессией, тем самым, которого вы ждали, вы могли бы наслаждаться этим. Вы могли бы осмотреть этого мессию со всех сторон, наблюдать за ним: «Потрясающе! Выглядит точно как последний мессия». Вы могли бы над ним подшучивать, ничего более не требовалось. В серьезности совершенно не было необходимости, потому что он не говорил ничего опасного для общества, для интересов круговой поруки.

Просто проигнорировав некоторые вещи, которые были просто инфантильными, его можно было бы легко привлечь на службу старому обществу - и никто даже не слышал бы его имени. И никогда не случилось бы этого бедствия - христианства.

Но распятие его все изменило. Распятие его объявило, что вся еврейская традиция испугалась этого одного человека. Его убийство в определенном смысле наложило печать бедности на всю философию еврейской традиции. Они не могли ничего возразить невежественному, необразованному человеку, будучи великими раввинами, интеллектуалами.

Это распятие кажется абсолютно бессмысленным. Может быть, они думали побыстрее избавиться от него, но это быстрое избавление породило христианство, которое продолжает расти до сих пор. Сейчас численность католиков превысила отметку семиста миллионов.

Я всегда называл христианство «крещианством», потому что его действительным источником является крест, а не Христос. И совсем не странно, что крест стал символом христианства.

Эти люди, которые хотят помешать моим идеям, достичь моих людей, не могут сделать то же самое, что сделали с Сократом, Христом или Мансуром. Они очень боятся, потому что это станет последним смертельным поражением всего их прошлого. А Иисус говорил только о нескольких вещах. Я говорю обо всем, что только касается человека под этим небом; в мельчайших деталях я даю вам всю карту, при помощи которой человека можно сделать сверхчеловеком.

Убивать меня опасно, и они пытаются найти другой выход: не позволить мне нигде остаться, чтобы люди не могли прийти со мной в контакт. Мне не могут отказать во въезде в Индию, это мое право от рождения. И в Индии им придется действовать по-другому: они помешают людям из-за пределов Индии добраться до меня. Это было их условием.

Именно поэтому я покинул Индию. Я приехал в Индию; я думал там остаться, но у них было два условия. Первое - не впускать иностранных саньясинов. Второе - не впускать иностранные средства массовой информации. Все это директивы Америки, направленные на то, чтобы меня изолировать. Тогда никого не будут винить в моей смерти - а эта изоляция будет так же эффективна, что и смерть.

Я покинул Индию, думая, что какая-нибудь страна окажется достаточно храброй, но кажется, нет ни одной достаточно храброй страны. Фактически в мире не так много стран... это мой опыт кругосветного путешествия. Есть только две страны - Америка и Советский Союз - и марионетки, у которых нет никакой собственной независимости.

Советский Союз - не для меня. Мне не разрешат въезда даже на три недели в качестве туриста. Там уже, без всякого контакта со мной, преследуют моих саньясинов.

В Советском Союзе сотни саньясинов, и они передают мое послание из уст в уста. Они переписывают книги от руки или перепечатывают и раздают, читая в подвалах. Мои книги отнимает КГБ. До сих пор найти удалось только двадцать саньясинов, но им постоянно докучают, пытаюсь выяснить, кто еще в это вовлечен. В советской прессе печатаются статьи против меня. Они ничего обо мне не знают, но мои саньясины даже переводят мои книги на русский язык.

Где бы ни была истина, ей нельзя воспрепятствовать.

Поэтому я не могу думать о Советском Союзе. Я испробовал так называемые свободные страны, и нашел, что все они являются частью Америки; они не свободны. Из Америки приходит приказ, и они должны немедленно ему следовать.

В старые времена существовала политическая зависимость, страны были зависимы политически. Были империи. Все эти империи исчезли - но важно понять, что они на самом деле не исчезли, они лишь изменили свой цвет. Теперь они больше не политические, они экономические.

Где бы мы ни были, американское послание немедленно достигает правительства - еще до того, как я туда доберусь: что если мне предоставят право постоянного проживания в этой стране, их займы на будущее, составляющие миллиарды долларов в год, будут немедленно отозваны. А у них миллиарды долларов долгов, которые были предоставлены в прошлом и которые они никогда не смогут отдать. У них нет ресурсов, чтобы их отдать. «Поэтому либо вы потеряете эти займы, либо мы поднимем годовой процент. Что касается будущего, ваши займы приостановлены».

Теперь империи стали экономическими. Потребуется некоторое время, чтобы люди поняли, что ничего не изменилось. По-прежнему есть империи, но теперь они экономические, а не политические. Изменилась только их структура. И это опаснее, потому что это невидимо. Вы не можете этого увидеть. Вы видите, что Англия совершенно свободна, вы видите, что Испания совершенно свободна, вы видите, что Германия совершенно свободна. Они не свободны.

В Англии мне отказали даже в том, чтобы провести одну ночь в аэропорту, - а я имел на это право. У меня был самолет, у меня были билеты на коммерческий рейс, поэтому они не могли привести никаких доводов, не могли сказать, что я не лечу первым классом... У нас у всех были билеты на рейс первого класса, был готов самолет, а утром мы должны были улететь.

Мы могли бы улететь в то же мгновение, но у пилотов кончилось время, они не могли лететь дальше. По закону обязательно необходимо двенадцать часов отдыха. Но власти аэропорта предупредили, что я опасный человек, и чтобы мне не позволили находиться в зале ожидания первого класса. Даже я сам не могу вообразить, какую опасность я мог представлять, находясь в транзитном зале ожидания, с тем, чтобы просто спать. Было уже одиннадцать часов ночи, а утром мы уезжали. Из зала ожидания все равно никак нельзя было выйти в город или попасть в страну.

И та же самая Англия позволила Рональду Рейгану использовать свою территорию как базу для бомбежки Ливии. А Ливия была абсолютно ни в чем не виновата. Бомбы были сброшены ночью на мирную территорию. Но Ливия - маленькая страна... Вот что такое экономическая империя.

Обе эти вещи были сделаны по американским инструкциям. Я опасен, даже остановившись переночевать в аэропорту, а использовать английскую землю как базу для преступной бомбежки Ливии - это не опасно.

Их усилия в Индии были направлены на то, чтобы изолировать меня; все остальные страны приложили усилия к тому, чтобы мне нигде не было предоставлено разрешение на постоянное проживание. Но это не значит, что они могут воспрепятствовать тому, что я делаю, говорю и собираюсь говорить. Я найду путь.

Дело не во мне самом, дело в том, что истина находит себе дорогу. Если в ней есть какая-то польза, если она нужна человечеству, все эти послы и все эти президенты совершенно несущественны.

Истина достигнет молодых людей. Молодые люди изменятся, и перемена эта будет больше, чем они могут себе представить. Это не изменение их ума, это выведение их за пределы ума.

И без сомнений однажды мир будет анархическим - не по-кропоткински, но по-моему. Я работаю с индивидуальностями, а когда индивидуальности готовы, всевозможные контролирующие силы падут сами собой.

Я только что сказал Джайешу, что если трудно найти землю, пусть не беспокоится, в нашем распоряжении океан. Мы можем купить океанский лайнер, на котором может жить две тысячи человек, и двигаться по всему миру, останавливаясь в разных местах на несколько недель или несколько месяцев, и люди смогут приходить на этот лайнер. Мы можем проводить на нем медитации, мы можем проводить лекции. Это будет, фактически, гораздо лучше. У меня всегда была эта идея - мне придется только немного приспособиться к океану и морской болезни. Но эта политика так больна, что я предпочитаю морскую болезнь тому, что царит на всей земле.

Мы найдем свой путь. Мы полны решимости найти путь.

Любимый Ошо,

Недавно я слышал, как ты много говорил о том, что доверие к мастеру и существованию имеет высшее качество, чем любовь, которая может предать. Пытаясь разжевать слово «доверие», я испытываю растерянность. В прошлом доверие было более или менее связано с отдельными происшествиями. Это случалось со мной во время некоторых лекций, потому что я ничего не делал, или потому что, ничего не делая, я чувствовал, что исчезаю. Для этого у меня не было слова; я не могу назвать это любовью или доверием. Это было скорее как сплавнение. С тобой я впервые в жизни испытываю мгновения бесстрашного расслабления в себе, не пытаюсь отчаянно найти, за что хватиться. Пожалуйста, помоги мне идти в это глубже и глубже.

Любовь прекрасна, но переменчива. Она прекрасна, но на нее нельзя полагаться; сегодня она есть, завтра ее не стало. Она сочнее, чем доверие, естественнее, чем доверие, но доверие обладает высшим качеством.

В словарях доверие определено почти ошибочно: там оно подразумевает доверие к кому-то, кто заслуживает доверия. Это более объективно - поскольку человек заслуживает доверия, ты ему доверяешь. Это не твое качество; именно на качество другого человека опирается твое доверие. И поскольку заслуживающие доверия люди находятся редко, миллионы людей вообще забыли, что такое доверие. Для него нет ни малейшего шанса. Нужен достойный доверия человек, а достойных доверия людей нигде нет.

Никто никому не доверяет, поэтому доверие стало сухим словом, не пережитым опытом, - просто словом без сока, без вкуса.

Когда я употребляю слово «доверие», это совершенно другое. Я не имею в виду, что ты доверяешь кому-то, кто заслуживает доверия, это не доверие. Этот человек заслуживает доверия, это не твоя заслуга. Когда я говорю: «Доверяй», я подразумеваю, доверяй вне зависимости от человека - заслуживает он доверия или нет. Фактически, если он не заслуживает доверия, тогда и доверяй, лишь тогда ты впервые найдешь нечто, возникающее в твоём сознании. И тогда доверие станет очень светлым явлением, стоящим гораздо выше любви, потому что для него не нужно ничего от другого.

В мои университетские времена я оказался в одной комнате с kleптоманом. Он не был вор, он был kleптоман - он наслаждался воровством. Он крал не ценные вещи: он мог украсть что угодно - например, один туфель, совершенно бесполезный. Что с ним делать? Но красть ему было так радостно... А я должен был жить с ним в одной комнате!

И каждый раз, хватившись чего-то, я должен был заглянуть к нему в чемоданы или в шкаф. Я находил свои вещи и многие другие, которые мне были не нужны, - и я оставлял их там, потому что там они были в безопасности. Какой смысл брать их обратно и доставлять этому парню беспокойство? Он снова их возьмет, зачем беспокоиться понапрасну... Поэтому я брал только то, в чем в данное мгновение нуждался, пользовался этой вещью и снова клал ее в его шкаф.

Даже моя одежда... Он мог надеть мой плащ и выйти, пока я был в ванной. Я возвращался, а плаща нет, а было очень холодно. Я осматривал его вещи, находил и надевал его плащ - и тогда мы встречались в университете, и он говорил мне:

- Ты надел мой плащ.

- Да, потому что не нашел своего, - говорил я. Я не смотрел на его плащ, надетый на нем и принадлежащий мне. Я говорил: - Я не нашел свой плащ. Кто-то, наверное, его украл.

- Наверное, - говорил он, - сейчас никому нельзя доверять.

Он был невинным человеком, потому что не видел, что я вижу, что он в моем плаще, и все же я ничего не говорю. Я вешал его плащ обратно в его шкаф, но он не вешал мой плащ в мой шкаф. Он тоже оказывался в его шкафу. Но не было никаких проблем. Когда мне нужен был плащ, я находил в шкафу, по крайней мере, один из них.

Иногда это было сложно. Даже простыни исчезали, подушки исчезали - и ночью приходилось искать, куда девались подушки. Но я взял за правило, что если исчезают мои подушки, я беру подушки у него - потому что кто еще мог взять мои подушки? Он их куда-то спрятал.

В конце концов, однажды он мне сказал:

- Ты странный.

- Это правда, - сказал я. - Я немного странный, немного сумасшедший.

- Я всегда думал, что ты немного сумасшедший, потому что ты единственный человек, который не возражает. Я постоянно краду у тебя вещи - и я видел, что ты берешь их обратно, а потом снова кладешь в мой шкаф. И ты никогда не протестуешь.

- Я тебе доверяю. Ты мой друг. Наверное, ты заботаешься о моих вещах - видя, что они лежат, как попало, ты аккуратно сложил их на свою полку. Что же в этом плохого? - когда они мне нужны, они всегда на месте.

- Но все считают меня вором, - сказал он.

- Я так не считаю. Ты просто веришь в коммунизм.

- Да, это правда. Я не верю, что кому-то что-то действительно принадлежит. Кто первый возьмет, того и вещь. Но мне никогда не приходила в голову идея, что я сторонник коммунизма. Боже мой! Если мой отец узнает, что я коммунист, он выгонит меня из дому.

- Тогда истина в том, что ты kleптоман. Ты не коммунист, ты просто наслаждаешься тем, что ворует вещи. В этом нет никакого вреда. Но однажды ты можешь попасть в беду, потому что я вижу, что вещи в твоём шкафу накапливаются. Пространство заполняется, и эти вещи не мои, значит, ты ворует и у кого-то еще.

- Что касается воровства, - сказал он, - куда бы я ни пришел, меня всегда волнует, как что-то взять, - что угодно, чернильную ручку, чайную чашку. Только брать большие вещи мне немного не по себе, потому что однажды я выносил кресло моего преподавателя, и меня поймали.

Я знал этот случай, когда его поймали с креслом преподавателя. Мне пришлось его спасти. Я сказал:

- Я помню. Не напоминай мне, потому что мне пришлось тебя спасти.

- Как?

- Я сказал учителю: «Это кресло разболталось, и он нес его в мастерскую, чтобы починить».

- Боже мой, - сказал он, - так вот почему он ничего не сказал. Когда я вернулся, он поблагодарил меня. Несколько студентов поймали меня и сказали: «Вернись и отдай кресло обратно». И я пришел и принес обратно кресло, и преподаватель сказал: «Большое спасибо. Ты очень внимателен». Я никогда не мог понять, за что он меня благодарил, потому что на самом деле я нес это кресло в нашу комнату.

- Разве ты не видишь, что эта комната очень маленькая? - сказал я. - Ты уже принес столько вещей, столько полезных вещей.

Туфли, сандалии, чашки, чайники, все, что только оказывалось у него в руках... а когда никто не смотрел, он бросался вон.

Я привел его к университетскому психоаналитику. Он спросил:

- Зачем ты меня туда ведешь?

- Разве ты не знаешь? - сказал я. - У него много хороших вещей.

- Тогда ладно. Я готов. Сколько это займет? Должен ли я ходить каждый день?

- Два раза в неделю.

- Это нехорошо. Нельзя ходить чаще? У него есть хорошие вещи?

- Не волнуйся. У него есть хорошие вещи. А пока он занят психоанализом - я уже объяснил ему, что ты kleптоман и ничего не можешь с этим поделать, - все в твоём распоряжении.

И он начал приносить вещи от психоаналитика. Однажды он принес кушетку психоаналитика! И я сказал:

- Это уже слишком! Где ты собираешься ее хранить?

- Мы что-нибудь придумаем, - сказал он, - ведь это такая хорошая кушетка, такая удобная. Я могу лечь, а ты будешь меня анализировать. Или ты можешь лечь, а я буду анализировать тебя.

- Но, - спросил я, - где же психоаналитик?

- Ему пришлось внезапно уйти домой. Ему позвонили, что заболела его жена, и я подумал, что это мой шанс. Небольшие вещи я уже перевез, оставалась только эта кушетка. Теперь его комната пуста. Я пойду еще раз и все осмотрю, пока он не вернулся.

Психоаналитик пришел ко мне в комнату. Он сказал:

- Где этот мальчик? Я все терпел, но это уже слишком! Он унес мою кушетку, а без нее я не могу даже работать.

- Не беспокойтесь, кушетка здесь, - сказал я.

- Я не хочу анализировать этого мальчика, - сказал он. - Это выше моих сил. Я его анализирую, а он засовывает руку мне в карман - прямо передо мной! И я знаю, что это очень невинно, - если оставить на виду просто оторванную пуговицу, он и ее утащит. Она для него бесполезна. Не поможешь ли ты мне найти мои вещи, которые он сюда принес?

- Не волнуйтесь, - сказал я. - Как я и обещал, я собирал ваши вещи.

Я отдал ему все его вещи и даже кушетку. Когда вернулся мальчик, он сказал:

- Что случилось? Комната кажется очень пустой.

- Раз ты вернулся, ей недолго оставаться пустой, - сказал я. - Продолжай. Пришел психоаналитик, и я отдал ему все его вещи.

- Это очень плохо, - сказал он. - Мне это совсем не нравится. Кушетка стоила мне больших трудов, я нес ее на плечах.

Весь университет это видел, и все знали, что он ворует эту кушетку. От кресла к кушетке - он действительно прогрессировал. Нам пришлось прекратить его психоаналитические занятия.

Я сказал:

- Просто делай, что тебе хочется, в пределах этой комнаты. Все мои вещи доступны, потому что они остаются в этой комнате - просто переходя из одного шкафа в другой.

Все мои полки были пусты. Однажды мой отец пришел меня навестить и увидел, что у меня нет никакой одежды, мои полки были пусты. Он спросил:

- Что случилось? Где твоя одежда?

- Не волнуйся, - ответил я. Я показал ему другую линию полок. Они были переполнены.

- В чем же дело? - спросил он. - Не могу поверить, что ты позволяешь этому идиоту воровать у тебя вещи.

- Но он не причиняет никакого вреда. Он просто наслаждается, и это так невинно... но я ему доверяю.

- Что ты подразумеваешь под доверием? Разве это доверие?

- Да, это доверие, потому что каждый раз, когда я спрашиваю: «Шриконт, не дашь ли ты мне на пять минут мою чернильную ручку?», он тут же дает мне не одну из шести чернильных ручек. Он говорит: «Выбирай любую. Если хочешь, можешь взять все шесть».

Он очень любящий человек. Иногда, когда мне нужны деньги, я говорю: «Шриконт, в киоске появилась новая книга, и мне нужно тридцать рупий, чтобы ее купить».

И он говорит: «Не волнуйся», - и дает мне тридцать рупий.

Я спрашиваю: «Где ты их взял?»

«Не беспокойся, - говорит он, - это не твоя забота. Если этот человек меня поймает, это моя ответственность, ты не имеешь к этому никакого отношения. Я просто одолжил их тебе. Купи книгу, а когда у тебя появятся деньги, отдашь. Я всегда собираю вещи, которые ворую... - а он был великим собирателем вещей, - ...и когда кто-то меня ловит, я просто возвращаю ему эту вещь и говорю: «Я достаточно наслаждался, можешь взять ее обратно»».

Жить с ним было поначалу немного трудно. Мое молоко оказывалось выпитым, завтрак - съеденным.

- Что случилось с моим завтраком, Шрикант? - говорил я.

- На завтраке не было написано ничего имени, - отвечал он. - Он появился, а я был голоден.

- Но, - говорил я, - ты же уже завтракал.

- Это правда. Я уже завтракал, но все же был голоден. Если хочешь, я принесу тебе другой, или два, или три - сколько хочешь - потому что разносчики носят завтраки в другие комнаты гостиницы. - И он приносил еще один завтрак, сказав разносчику: «Ты совсем забыл про нашу комнату».

Он был очень добрым и любящим, но в этом смысле... Была эта kleптомания, но это никогда не заставляло меня ему не доверять. Он никогда не лгал. Если он что-то украл, то так и говорил, что украл; если он не крал, то так и говорил. Это был в этом смысле очень честный человек. Эта kleптомания была болезнью, умственной болезнью.

Доверяя какому-то человеку вне зависимости от него, ты почувствуешь совершенно другого рода энергию, нежели чем описывается в ваших словарях и обычно подразумевается под этим словом в мире; это объективно, это достоинство другого человека.

Когда я употребляю слово «доверие», это субъективно. Что бы с тобой ни сделали, это неважно: ты не теряешь доверия к присущей индивидуальности ценности, к ее целостности. Действия этого человека несущественны. У его действий может быть тысяча и одна причина, но ты не принимаешь во внимание его действий. Ты думаешь об индивидуальности, не о ее действиях.

И тогда это доверие, которое является полностью выросшей любовью, где больше нет возможности ненависти, где есть только сострадание.

Но за пределами любви и доверия тоже есть состояние, которое не объективно и не субъективно, которое просто есть. Иногда, сидя здесь, ты можешь упасть в это состояние - и это нечто такое, что никак нельзя назвать.

В существовании есть многие вещи, которые никак нельзя назвать, и это настоящие вещи. То, что можно назвать, - низшего качества, низшего уровня, чем это безымянное молчаливое пространство. Оно содержит любовь, оно содержит доверие - и что-то еще. И это «что-то еще» так безгранично... но это может только прийти, ты не можешь это притянуть.

Итак, если иногда это происходит, наслаждайся этим. Все, что ты можешь сделать, чтобы это пришло снова, это наслаждаться им, смаковать его. Твое наслаждение, смакование становится приглашением, чтобы это пришло снова. Мало-помалу растет дружба с этим молчанием. Становится возможным, чтобы ты просто закрыл глаза, и, без всякого действия с твоей стороны, на тебя низошло молчание. Даже не желая его... Это будет происходить больше и больше, если ты всегда будешь помнить, что должен не желать его, но только приглашать, - между желанием и приглашением огромная разница.

Желание агрессивно. А это такое тонкое явление, что быть с ним агрессивным нельзя, иначе ты его разрушишь.

Приглашение - совершенно другое. Приглашая, ты говоришь: я доступен, мои двери открыты, и когда тебе вздумается, ты найдешь меня пробужденным, бдительным и готовым. Не то чтобы ты должен был говорить эти слова... достаточно приглашающего чувства, и это пространство будет продолжать расти, становиться больше и больше. Поначалу оно будет приходить, когда ты сидишь здесь со мной; затем мало-помалу оно начнет приходить и в других местах. Вскоре оно не будет связано совершенно ни с каким местом.

Просто сиди в молчании и вспомни приглашающее настроение, и оно низойдет на тебя, как облако света, и ты будешь осыпан цветами. Лишь на Востоке есть деревья с такими цветами. Одно дерево, которое часто сажают у храмов, называется *мадхукамини*. Мадхукамини значит «сладкая ночь». Оно цветет только ночью, и цветет белыми цветами - очень маленькие цветы, но их тысячи. Все дерево полно цветов. Цветов так много, что не видно даже листьев, и запах... запах этих цветов распространяется всюду. Им наполняется вся округа.

А утром, прежде чем взойдет солнце, эти цветы осыпаются. Это зрелище стоит увидеть: как дождь, эти цветы падают и падают, покрывая землю толстым ковром, - потому что это дерево сбрасывает все цветы за одну ночь. Затем, через пятнадцать дней, оно цветет снова.

Переживая опыты безымянных состояний, ты почувствуешь себя осыпаемым цветами. И в этом состоянии есть определенный аромат, определенный свет, определенная радость. Но никогда не желай его; это станет преградой. Желая его, ты упустишь его. Если ты его пригласишь, оно придет снова и снова; однажды оно станет частью тебя. Ему предстоит стать частью тебя.

Глава 34

Слово нельзя распять

Любимый Ошо,

Недавно ты говорил о лежащей на нас великой ответственности вынести твои слова в мир. Не скажешь ли ты еще немного?

Самая важная потребность человечества сегодня - осознание того, что прошлое его предало. Нет смысла продолжать прошлое, это будет самоубийством.

Абсолютно и срочно необходимо новое человечество. Новое человечество не будет обществом в старом смысле, в котором индивидуальности были лишь его частями. Новое человечество будет встречей индивидуальностей, где индивидуальности будут хозяевами, а общество будет им служить. В нем будет много разных аспектов. В нем не будет столько религий, в нем будет только религиозное сознание. В нем не будет деспотичного Бога в качестве творца, потому что это подразумевает рабство человека. В нем будет божественность как качество предельного достижения, качество просветления. Бог будет распространяться на все и вся - на каждый предмет, на каждое существо.

Индивидуальность - впервые - не будет запрограммирована, ей будут помогать быть самой собой. Ей не будут давать никаких идеалов, никакой дисциплины, никакого определенного образца. Ей придадут лишь безмерную любовь к свободе, чтобы она могла пожертвовать всем, даже собственной жизнью, но не могла пожертвовать свободой. Новая индивидуальность не будет подавляющей, она будет естественной, без чего-либо навязанного, выражающей все, что бы у нее ни было. Точно как растения выражают себя в разных цветах, в разных ароматах, каждая индивидуальность будет делать то же самое.

У новой индивидуальности не будет ложной идеи о том, что все человеческие существа равны. Они не равны. Они уникальны, что гораздо более высшая концепция, чем равенство. Хотя новые индивидуальности и не будут равными, у них будут равные возможности развивать свой потенциал, каким бы он ни был.

Не будет никакого брака, любовь будет единственным законом. Дети будут частью коммуны, и только коммуна будет решать, кто способен быть матерью и кто способен быть отцом. Это не может быть произвольным и случайным. И все это будет соответствовать потребностям Земли.

У нового человечества будет такая экология, в которой природу следует не покорить, но прожить и полюбить. Мы ее части - как мы можем ее покорить? В нем не будет никаких рас, никаких разграничений между расами, цветами, кастами. В нем не будет никаких наций, никаких государств. В нем будет только функциональное всемирное правительство, и это всемирное правительство будет избираться не голосованием посредственных избирателей - потому что они обязательно выберут людей своей же категории.

В нем будет совершенно другой образец. Точно так же, как мы не позволяем голосовать никому моложе двадцати одного года - человек должен быть взрослым - точно таким же образом, если человек не образован, и у него нет, по крайней мере, степени бакалавра, ему не будет разрешено голосовать. И люди будут голосовать не за какую-либо партию - потому что не будет вообще никаких партий - люди будут голосовать непосредственно за индивидуальность.

Министр образования, министр иностранных дел, министр внутренних дел, президент - эти люди в предвыборной компании будут опираться на свои индивидуальные достоинства. И точно так же, как ни один голосующий не может иметь менее чем степень бакалавра, никто не может выдвинуть себя на какой-либо пост, не защитив докторскую диссертацию в этом определенном

предмете. И все те, кто выдвигает свою кандидатуру на определенный пост, будут экспертами в этом предмете, и выбор будет принадлежать образованным, разумным.

И правительство не будет правительством в старом смысле. У него не будет никакой власти, оно будет только функциональным. Оно будет слугой общества в настоящем смысле, не только на словах.

В жизни есть много измерений, и политика до сих пор хозяйничала в них всех. Просмотрев газету, кто-то с другой планеты не сможет вообразить, что за люди живут на этой Земле - одни только политики?.. убийцы?.. самоубийцы?.. насильники?.. преступники?.. - потому что ваши газеты полны этими людьми, и во главе всего и вся стоит политик.

Каждое творческое измерение жизни будет вынесено на свет, а уродливые ее аспекты не будут считаться достойными рекламы. Если кто-то кого-то убил, это должно быть вынесено на свет - не чтобы объявить его преступником, но чтобы показать, как в самой психологии этого человека, в воспитании этого человека что-то пошло не так, и почему ему пришлось совершить убийство. На его месте, в таком же контексте любой сделал бы то же самое. Таким образом, вы не осуждаете этого человека, вы осуждаете его воспитание, контекст, образование; это абсолютно научно.

Почему человек становится насильником? - потому что контекст, в котором он вырос, создал в нем энергию, толкающую его к изнасилованию... он пытался быть баптистом, а в конце концов стал насильником!*

Негативная часть должна быть вынесена на обозрение, но индивидуальность никогда не должна осуждаться, потому что никакое действие никогда не равнозначно всей индивидуальности. Это действие представляет собой небольшую часть ее жизни.

Газеты должны быть полны творчества, позитивности. Девяносто процентов газеты должно быть посвящено музыкантам, поэтам, скульпторам, танцорам, актерам, философам и только десять процентов - политикам и негативным элементам. Эти негативные элементы следует анализировать так, чтобы индивидуальность не подвергалась осуждению. И политикам следует давать место только для информации, не более того. Если они делают что-то хорошее, об этом следует сказать, если они делают что-то нехорошее, об этом следует сказать - но они не должны быть центром всей нашей жизни.

Новому человечеству придется изменить всю структуру образования. Оно не будет амбициозным, оно не будет создавать в каждом отчаянного желания добиться власти. Напротив, оно будет создавать творцов. Оно будет создавать людей, которые умеют радоваться. Его основной функцией будет учить людей искусству жить, любить, смеяться, способности петь, танцевать, рисовать.

Будут люди, которых будут обучать технологии, науке, но даже тех, кого учат технологии и науке, нельзя оставлять слепыми к прекрасной стороне жизни. Они не должны становиться роботами - потому что ты становишься тем, что делаешь. Если ты постоянно исследуешь объекты, то вскоре забываешь, что сам являешься субъектом; ты превращаешься в объект.

И каждая индивидуальность, которая поступает в школу, колледж, университет, должна пройти сеансы гипноза, в которых она будет поощрена медитировать - чтобы медитация входила в человека изнутри, а не была навязана снаружи. Медитировать необязательно, но это становится обязательным, потому что приходит изнутри.

И в этом красота гипноза - он может посадить семя в самом твоём сердце, а когда что-то приходит оттуда, ты никогда не будешь чувствовать, что тебе что-то навязывают. Такие вещи, как медитация, нельзя навязать, это вызовет обиду и протест. Но гипноз - это великое искусство: он может помочь человеку отбросить все обиды, всю возможную ревность, ненависть, соревнование. Он может очистить внутренний алтарь человека до такой степени, что каждый будет взрослеть, а не только стареть.

Поэтому, когда я говорю, что вы должны распространить слово, я подразумеваю, что новый человек - это абсолютная необходимость. Старое мертво или умирает... не может прожить долго. Если мы не сможем произвести новое человеческое существо, человечество исчезнет с Земли - и это будет уродливо.

Я сказал вам распространять слово, потому что мне чинятся все возможные препятствия в том, чтобы достичь моих людей. Но я достигну моих людей. Политики посредственны, они не могут мне помешать. Они могут замедлить процесс, но не могут меня остановить, если только какой-нибудь идиот не свихнется окончательно и не убьет меня.

В этом случае у вас будет слово. И если меня здесь не станет, ваша ответственность будет огромной. Пока я здесь, ваша ответственность равна нулю, я могу без всяких трудностей сделать все сам. Но если меня здесь нет, ваши ответственности чрезвычайно возрастут. Тогда каждый из вас должен будет представлять меня, и тогда посмотрим, смогут ли они распять всех.

Но слово должно выйти в мир, потому что слово нельзя распять. Можно найти пути и средства к тому, чтобы слово достигло всех уголков земного шара, каждого человеческого существа, которое способно понять.

Любимый Ошо,

Когда на днях я услышал, как ты говоришь о ссорах между разными фракциями в Индии, на мгновение я почувствовал сущее благоговение перед масштабами задачи, стоящей перед нами. Кажется, все, с чем отождествляют себя человеческие существа, определяется соперничеством с другими, как будто они существуют только благодаря энергии соперничества. И в корне каждого соперничества, кажется, лежит система верования, или соответствующая ей система сомнения, которую они надеются подавить путем победы над соперником.

От величайшей нации до мельчайшего человеческого существа, это кажется всеобщим заболеванием, которое вот-вот приведет к летальному исходу. Не эта ли психология системы верования представляет собой самое суровое из человеческих расстройств?

Это так. Стены, разделяющие человечество, сделаны из систем верования, а все верования ложны. Человек приносится в жертву на алтарь ложных верований. Эти верования бывают политическими, социальными, религиозными, но одно лежит в основе их всех: они подавляют твоё исследование истины. Они заталкивают любое сомнение в пропагандируемых обществом концепциях в твоё бессознательное. И это не позволяет никому их оспорить.

Любая система верования, если она боится вопросов, исследования, сомнения, просто тем самым доказывает, что не имеет никакой основы в реальности - и все они боятся, смертельно боятся. Никто не должен касаться основных вопросов. Ты можешь спрашивать о деталях, но не должен задавать вопросов об их основе основ, потому что у них нет никаких доказательств в подтверждение их. Это вымыслы.

Очень странно видеть, как люди сражаются за вымыслы, разные вымыслы индуистские вымыслы, христианские вымыслы, мусульманские вымыслы - все они принадлежат одной и той же категории. Где бы ни была индивидуальность, с ней делают одно и то же: разрушают её целостность, разрушают её разум.

Все их усилия направлены на то, чтобы удерживать вас в как можно более неразумном состоянии, и чтобы те, кто находится у власти, никогда не подвергались сомнению. Их намерения никогда не подвергаются сомнению, их приказы никогда не подвергаются сомнению, иначе невозможно, чтобы миллионы людей были готовы умирать ради глупостей. Католики борются с протестантами - в чем разница между ними? Разница так мала, что ею можно пренебречь - а человеческая жизнь так ценна. Но эта ничтожная разница важнее: ради нее могут гибнуть тысячи.

Каждая религия борется с другой религией, прекрасно зная, что обе они опираются на зыбучие пески. Обе они притворяются, что их основания очень глубоки, очень древни, и время не может их изменить: они нерушимы. Множество религий исчезло с Земли, и на их месте появилось множество новых, и все же старый ум продолжает думать, что религии - это нечто вечное.

Политические идеологии продолжают меняться, как мода; религиозным идеологиям на это требуется немного больше времени, но они тоже меняются. Им приходится меняться, потому что человеческое исследование в областях науки приносит новые и новые факты. Эти факты неоспоримы.

Сначала религии пытались их отрицать, но не добились успеха, теперь они пытаются впитать их в себя. Они готовы даже выбросить из Библии все, что противоречит науке, и заменить научными фактами. Но они продолжают цепляться за Библию и пытаются украсить ее новыми фактами, чтобы она оставалась привлекательной; эта привлекательность представляет собой сущую опасность, опасность для человеческих существ и их жизни.

Нужен человек, который воспитан без всякой религиозной системы верования, без всякой политической идеологии. Его образование только обостряет его разум, чтобы однажды он мог

найти свою собственную истину. И помни: если истина не твоя собственная, это вообще не истина.

Чтобы быть истиной, она должна быть твоей собственной, твоим собственным опытом; ты не можешь ее заимствовать. А все эти системы верования заимствовались веками. В них есть уродливые вещи, которые когда-то были приемлемы, потому что ум человека не был так бдителен, но сейчас их принять нельзя.

Например, в Индии вы, наверное, видели, что каждый входит в храм с красной пастой, ставит красную отметку на лбу статуи и раскалывает кокос у ее ног. Реальность в том, что когда-то красный цвет был цветом крови, а кокос - головой врага. Кокос имеет определенное сходство с головой: у него есть два глаза, борода, усы, череп. Фактически, в языке хиндустани череп называется копри, а кокос и копра - почти одинаковые слова.

Однажды в жертву действительно приносилась голова верующего в какую-то другую систему и его кровь. Все приносилось в жертву. В древнем индуистском писании упоминается ашвамедх йагпа, принесение в жертву лошади. И хотя вокруг коров и поднимают столько шума, в Ригведе упоминается гомедх йагпа, что значит принесение в жертву коровы. И самое изумительное - нармедх йагпа, принесение в жертву человека. Сейчас все эти взгляды даже для верующих заходят слишком далеко, и только статуи человека, коровы, лошади символически приносятся в жертву.

Но человек продолжает цепляться. Он никогда не видит суть. Кому вы приносите жертву? Нигде никого нет; никакого ответа не приходит с неба, оно абсолютно молчаливо. Ему нет никакого дела ни до ваших жертвоприношений, ни до постоянной борьбы одной вашей религии с другой. Но те, кто облечен властью в какой-то системе верования, не могут с ней расстаться.

Только на днях Анандо принесла мне информацию, что католическая церковь в Европе лихорадочно старается уничтожить все культы, которые начинают составлять конкуренцию, - такие как Свидетели Иеговы, Муниты, Харе Кришна и другие небольшие культы. Причина в том, что они отсекают восемнадцать процентов ее бизнеса.

Это уже практический разговор - нет речи ни о Боге, ни о философии. Вот это реальность: они отсекают восемнадцать процентов бизнеса. И католическая церковь их осуждает, говоря, что они посылают молодых женщин заманивать новичков в эти культы. Вот это осуждение. А я прекрасно знаю... потому что в Индии ко мне самому приходили красивые католические женщины со своими памфлетами и приглашали меня в свою церковь.

И я говорил:

- Можете забрать с собой этот мусор. Я могу прийти в вашу церковь, но подготовьте заранее полицейское оцепление - потому что я не собираюсь просто слушать! Я собираюсь устроить дискуссию с вашим священником - потому что если эти памфлеты представляют литературу вашей пропаганды, это дает достаточное представление о том, какими будут ваши проповеди.

Они приходили в гнев, и я говорил:

- Это не идет красивой женщине, а вас послали именно из-за вашей красоты. Вы пришли не к тому человеку. Но многие будут привлечены, и они придут к вам в церковь.

Сами католики это делают. А теперь они осуждают свои собственные культы - все это христианские культы - и Муниты, и Свидетели Иеговы - это христианские культы.

И сейчас католическая церковь выступила с резким осуждением: что эти культы распространяют проституцию, и путем проституции эти культы нарушают их собственный бизнес. Но они сами всегда делали это до сих пор. В этом осуждении они сами себя разоблачили.

Самое уродливое в старом обществе - то, что оно живет ложными верованиями, оно живет страхом, оно живет жадностью. А человеку не стоит ничего бояться. Человек может радоваться небольшим вещам; он просто должен уметь радоваться. Тогда в обычном небольшом доме можно жить так, как император живет во дворце. Тогда обычную еду можно есть с такой радостью, что никакому королю не удастся с тобой сравниться - у него нет аппетита.

Это странный мир: у бедного человека есть аппетит, а у богатого - еда. Когда он был беден, у него тоже был аппетит, но просто чтобы получить больше и больше, чтобы удовлетворить все возможные аппетиты... К тому времени, как он достигает этой точки, где он может сказать: «Теперь я могу начать наслаждаться», все его аппетиты пропадают. Фактически он потерял всю свою жизнь, добиваясь вещей, которыми не может воспользоваться. Есть люди, которые голодны, и есть люди, которые переедают и умирают от переедания.

Старое общество просто глупо. Нам нужна радикальная перемена, и нужна скоро, прежде чем старое общество взорвется в ядерной войне.

Любимый Ошо,

Сократ сказал: «Все, что я знаю, это что я ничего не знаю». Ты говоришь: «Познать себя значит познать все». Я хочу знать, что общего имеет просветление с познанием чего-либо?

Во-первых, просветление не имеет ничего общего с познанием чего-либо. Это чистое познание; у этого познания нет объекта. Это чистая любовь; нет объекта, являющегося твоим возлюбленным. Это чистая радость.

Помни, просветление - это свобода от двойственности - от другого, каким бы ни был контекст. Это ясность - ты не пытаешься ничего познать, ты просто очищаешь очки. Ты пытаешься сделать свои глаза совершенными. Ты можешь узнать многие вещи по пути, но это никогда не цель.

Сократ говорит: «Я знаю только одно: что я ничего не знаю», но он знает, по меньшей мере, одно: что он ничего не знает. Его познание ясно, абсолютно ясно. Нет никакого объекта, но есть ясность.

Я говорю: «Познать себя значит познать все». Это ничем не отличается от того, что говорит Сократ, это только другой способ сказать то же самое. Познать себя просто значит стать частью чистого состояния познания, просто быть осознающим и сознательным. В самом этом сознании ты становишься частью целого. Ты знаешь вещи не снаружи, ты знаешь их изнутри. Ты больше не сторонний наблюдатель, ты становишься внутренним соучастником существования.

И радость чистого познания в точности подобна радости прекрасного духа, без всякой причины, кроме самой его свежести, самой его чистоты. Чистое познание - это постоянное излияние сознания у тебя внутри, которое удерживает тебя свежим, молодым, живым, бдительным - что еще ты можешь желать? Это самое последнее, что только может себе представить человек. Это предельное молчание. Именно поэтому Сократ говорит: «Я ничего не знаю».

Но я знаю только одно: он осознает эту свою ясность, осознает эту свою осознанность. Энергия осознания других вещей снова обратилась на саму себя. Теперь она познает самое себя. Я называю это просветлением.

Познать весь мир - ничто в сравнении с познаванием собственного внутреннего таинства жизни.

Любимый Ошо,

Все мои фибры распахнуты так интенсивно, чтобы впустить тебя вовнутрь: это мгновение так драгоценно. И все же я знаю, что просто расслабиться - единственный способ тотально быть с тобой. Это напоминает мне одну суфийскую историю о просветленном лучнике: тотальная сосредоточенность, расслабление, дзень!.. Ошо, не будешь ли ты так добр, что-нибудь сказать об этом?

Во-первых, эта история не суфийская, а дзэнская. И я хотел бы рассказать всю историю - может быть, ты найдешь ответ на свой вопрос. И это не история, но реальный исторический случай.

Один немецкий профессор философии, Херригель, заинтересовался дзэн, просто читая в библиотеках. И он был так очарован, что взял трехлетний отпуск в университете и отправился в Японию, чтобы найти мастера. У него было много знакомых среди профессоров университетов, и на его вопрос все они рассказывали ему об одном человеке, очень знаменитом мастере стрельбы из лука.

- Сейчас нет ни одного человека такого же качества. Если этот человек сможет принять тебя в ученики, это будет великим благословением.

Он отправился к нему. Скромно он сказал, что приехал из Германии и хочет быть его учеником.

- И я приехал, чтобы изучить дзэн.

Мастер рассмеялся. Он сказал:

- Мы ничего не знаем о дзэн. Я стрелок из лука. Я могу научить тебя стрельбе из лука, и если тебе повезет, по пути случится и дзэн. Это случится, если ты будешь в точности следовать тому, что я говорю.

И он говорил:

- Глядя на цель, растягивая тетиву лука, позволь стреле вылететь самой по себе: ты сам расслаблен.

Это было абсолютно абсурдно. Как может стрела вылететь сама собой, если человек абсолютно расслаблен? Человек должен приложить большое усилие, должен сконцентрироваться, а этот человек ничего не говорит о концентрации; он говорит о расслаблении. Херригель был очень хорошим охотником, и для него не было никаких проблем: он владел стопроцентным попаданием в цель.

Но мастер всегда говорил:

- Нет, в главном ты промахнулся. Ты не слушаешь меня. Ты слишком озабочен тем, чтобы попасть в цель, ты слишком напряжен, ты боишься промахнуться мимо цели. Эта цель - не настоящая цель, это только средство. Растяни тетиву, расслабься, и пусть стрела вылетит сама собой.

Три года постоянного разочарования... Это начиналось каждый день, и каждый день мастер говорил:

- Кажется, это невозможно... ты не можешь добиться успеха. Что касается стрельбы из лука, ты хороший стрелок - ты можешь состязаться с любым стрелком - но ты приехал, чтобы узнать дзэн. И я сказал тебе, что ничего не знаю о дзэн, потому что не хочу, чтобы ты был озабочен дзэн, потому что даже эта озабоченность им, может создать напряжение.

Теперь я хочу тебе сказать: если тебе удастся позволить стреле вылететь самой, оставаясь расслабленным и незатронутым, может быть, вместе с этим ты получишь и вкус дзэн.

Через три года постоянных неудач Херригель пришел к мастеру и сказал:

- Завтра мне пора уезжать. Ты был добр и сострадателен, но я не могу этого сделать; то и другое вместе кажется мне нелогичным. И вот завтра в такое-то время я уезжаю. Если ты дашь мне время, я приду просто повидаться с тобой в последний раз.

И он пришел в последний раз. Мастер учил другого ученика, а Херригель сидел на берегу и просто смотрел, потому что теперь он покончил с учением. Он решил:

- Это не для меня.

Он не мог даже понять язык того, как это может быть возможно.

Мастер учил другого ученика, и чтобы показать ему, как это правильно сделать, взял в руки лук, натянул тетиву. И Херригель увидел глазами, полными изумления, что мастер абсолютно расслаблен, и стрела ударила в цель. И он смог увидеть, что стрела вылетела сама собой. Она не получила напряжения со стороны мастера; мастер стоял, совершенно расслабленный. Он даже не заботился о том, попала ли стрела в цель.

Херригель сказал:

- Боже мой! Три года он показывал мне это: как мне удавалось этого не видеть? Так очевидно, что у него это получается. Логично это или нет, у него это получается!

Спонтанно он вскочил, подошел к мастеру, взял из его рук лук и стрелы. Он не собирался пробовать снова, но просто в порыве вдохновения... Он увидел впервые, потому что впервые был непривязанным, впервые был незатронутым - он уезжал, он все закончил. Его глаза были ясны, в них не было желания.

Он взял лук и стрелы, натянул тетиву, расслабился и позволил луку распрямиться самому. Стрела ударила в цель. Мастер сказал:

- Ты это сделал! Я знал, что однажды ты сможешь, но никогда не думал, что это случится в последний день. Сегодня ты пришел не затем, чтобы это сделать. Именно это я тебе говорил - что это действие, совершенно отличное от обычного действия. Это действие в бездействии, действие в неделании.

Херригель сказал:

- Теперь нет никаких проблем: я это понял. Я испытал вкус того, зачем приехал. Я испытал вкус этого мгновения расслабления. Так вот что такое дзэн.

Если ты пытаешься, ты пытаешься вопреки своей собственной жажде. Не пытайся. Здесь нет ни стрел, ни лука, ни цели. Здесь ты ничего не должен делать. Здесь ты можешь расслабиться. И, самое большее, ты можешь промахнуться и упустить несколько моих слов - что не стоит никакого беспокойства.

Если ты расслаблен, то не можешь промахнуться. Дело только в тревоге, что, расслабившись, ты упустишь... а ты ничего не хочешь упустить. Это создает напряжение. Я не хочу, чтобы ты был внимательным в отношении меня, в отношении того, что я говорю. Я хочу, чтобы ты был

предельно расслаблен. Даже если ты упустишь то, что я говорю, ты получишь то, о чем я говорю - ты получишь вкус дзэн.

Любимый Ошо,

В Соединенных Штатах был проведен один опрос. Одним из вопросов было: «Если бы вы могли на двадцать четыре часа воспользоваться мозгом кого-то другого, чей мозг вы бы выбрали?» Ответы просто повергли меня в шокаут. Альберт Эйнштейн был первым, за ним - Джон Ф. Кеннеди, а за ним - поверишь ли? - Рональд Рейган. Иисус Христос и высшие существа оказались далеко внизу этого списка. Ошо, что случилось с человеком?

Лицемерие не может стать твоей реальностью. Как бы ты ни пытался, оно остается лицемерием. Америка - это христианская страна, и ты можешь увидеть это лицемерие - Иисус Христос и даже Бог не заняли первого места в списке. Они далеко внизу. Даже Рональд Рейган опережает Иисуса Христа, опережает Бога.

Это бессознательное разоблачение лицемерия: эта страна не христианская, в ней нет ни одного христианина. Как они могут забыть Христа? Думают ли они, что Рональд Рейган обладает лучшим умом, чем Иисус Христос? Но оставим Христа в покое... даже сам Бог не превосходит разумом Рональда Рейгана!

Значит, Америка должна начать поклоняться Рональду Рейгану, и в ее школах должны начать учить, что Рональд Рейган сотворил мир, что он - творец. Это показывает реальность; это ее бессознательное разоблачение.

Альберт Эйнштейн обладал великим умом, но он сам потерял к нему интерес. Эти люди не знают, что в следующей жизни он хотел стать водопроводчиком, потому что увидел, что великий ум бесполезен. Он не дает тебе никакой истины о тебе самом, напротив, он продолжает давать тебе ложь о тебе самом. Он очень эффективен во лжи. Да, в отношении объектов мира его постижение велико, но какой в нем смысл? Ты знаешь весь мир, но не знаешь самого себя. Зная весь мир, ты вынужден спрашивать других о себе, о том, кто ты такой.

Эйнштейну это надоело, и он был очень искренним человеком, поэтому он сказал:

- Я не хочу быть физиком, ученым - ничего подобного. Я хочу быть кем-то простым, водопроводчиком, чтобы у меня было достаточно времени, чтобы расслабиться и узнать о себе самом. Самое драгоценное я упустил. И этот самый ум стал причиной Хиросимы и Нагасаки.

Он никогда не мог себе этого простить. Если бы не он, не было бы никаких Хиросимы и Нагасаки. Именно он написал письмо Рузвельту: «Я могу подготовить атомную бомбу, которая превзойдет все старые методы войны, и победа будет абсолютно определенной».

Как только он создал атомные бомбы, и они оказались в руках политиков, он стал сомневаться в правильности этого решения. Он стал писать письма: «Пожалуйста, не используйте их. Они уничтожат миллионы людей, которые никому не причинили вреда, - и я буду за это ответственным».

Но никто его уже не слушал, на его письма даже не ответили. Его первое письмо было получено с великой радостью, и его с великой радостью встретили в Соединенных Штатах. Но другие его письма были просто выброшены - они никого больше не волновали. Теперь в их власти оказались бомбы.

Если бы люди что-то понимали, они не попросили бы ум Альберта Эйнштейна. Перед смертью он подарил свой мозг лучшим хирургам, потому что хотел знать:

- Что неправильно в моем мозге, почему я упустил познание самого себя? - ведь я знал все о самых дальних галактиках. Наверное, в нем что-то не так.

Люди, участвовавшие в этом опросе, только слышали имя Альберта Эйнштейна. Они не знают его агонии. Они не знают, что он постоянно чувствовал себя ответственным за Хиросиму и Нагасаки и так и не смог себе этого простить.

А о Джоне Кеннеди... он был хорошим человеком, но не великим умом. Он не оставил ничего, что предполагало бы великий ум. Настоящим их выбором кажется Рональд Рейган - потому что двух других уже нет в живых - и я бы себе представить не смог, что кто-то считает, что у Рональда Рейгана вообще есть какой-то ум!

Это напоминает мне одну историю. Политику сделали операцию на мозг. Это была большая операция: весь его мозг пришлось извлечь, и это заняло несколько часов, поэтому его череп

пришлось зашить. Хирурги заделали ему череп, оставили его под наркозом и ушли работать над его мозгом в другую комнату. В это время кто-то вбежал в комнату, потряс политика и спросил:

- Как ты можешь лежать и спать? Тебя выбрали президентом страны!

- Боже мой, а я здесь сплю! - сказал этот человек. Он просто выбежал вместе со всеми, и его увидел один из хирургов.

- Куда ты? Тебе же еще не вернули на место мозг! - закричал один из хирургов.

- Теперь он мне не понадобится, - ответил этот человек. - Я стал президентом страны. Когда он мне понадобится, я вернусь. Но пока нет смысла. Сохраните его для меня.

Рональд Рейган? - но американская политика... И Рональд Рейган сделал ее очень сплоченным лагерем; до него она не была такой сплоченной. До него мир не был так очевидно разделен. Теперь мы убедились на собственном опыте: хотя все страны от Европы или Австралии до Дальнего Востока и претендуют на независимость, это только притворство. Сейчас есть только две страны: Советский Союз и Америка.

Рональд Рейган оказался самым провоенным человеком и сделал весь мир резко разделенным на два лагеря. Он просто выжидал правильного момента, чтобы начать войну. Он надеялся, что Советский Союз вмешается в Ливии, но я думаю, Советский Союз сейчас более заботит все человечество, чем коммунизм.

Это простой факт: если исчезнет все человечество, не будет никакого коммунизма. Сохранить коммунизм без человечества невозможно. Поэтому для Советского Союза коммунизм больше не самое первостепенное; первостепенно человечество. Поэтому именно Советский Союз успокоил Ливию, чтобы это не вылилось в третью мировую войну. Но Америка просто ищет малейшего предложения, чтобы можно было создать третью мировую войну.

И если этот человек занял третье место в этом опросе, это просто показывает, что большинство американцев вообще не думает. Их даже не заботит, что они ставят Иисуса Христа на четвертое место, а Бога на пятое. Они не думают о том, что оскорбляют свою религию, они не думают о том, что предают христианство.

Но таков посредственный ум. Он наслаждается насилием, он наслаждается войной. Он не заинтересован в том, чтобы радоваться, петь, танцевать, любить. Он не заинтересован в том, чтобы просто быть молчаливым, мирным, цветущим. Всю историю он был за войну - вот почему он выбрал Рональда Рейгана.

И, может быть, Альберт Эйнштейн был избран не благодаря своему великому уму, но за то, что он создал атомные бомбы и положил начало новому миру, новой фазе войны, которая теперь кульминировала в гонке ядерных вооружений. И, может быть, Джон Кеннеди - по той же причине...

В Индии очень редко запрещают книги, особенно такие, как книги Бертрانا Рассела. Одна из них была запрещена, но кто-то из моих друзей купил ее в Англии и привез мне. Причина запрета была в ситуации Кубы: Америка угрожала Кубе - она хотела полностью разрушить Кубу, - а Куба попросила помощи у России. На корабле были посланы ядерные боеголовки, и Джон Кеннеди сказал:

- Если этот корабль не остановится и не вернется в Россию, я начну бомбить Кубу.

Хрущев был третьесортным политиком, но он оказался гораздо человечнее: видя эту ситуацию, он отозвал корабль.

Вся Америка наслаждалась этим как победой. Но Бертран Рассел написал книгу, в которой говорит, что это была победа Хрущева и Советского Союза: они подумали о человечестве, они избежали войны ценой того, что их назвали трусами. А у них было достаточно сил, чтобы сражаться, не было никаких причин поворачивать вспять. Но предвидя напрасную гибель тысяч людей... это не осталось бы ограниченным Кубой, это распространилось бы на весь мир.

И такой человек, как Бертран Рассел, человек великого гения, написал книгу в пользу Хрущева. Он был против коммунизма, но он говорит: «Это не имеет отношения к сути. В этой ситуации Хрущев оказался гораздо гуманнее Джона Кеннеди. Джон Кеннеди повел себя как разжигатель войны».

И в той же книге он осудил Пандита Джавахарлала Неру - именно поэтому книга была запрещена, - потому что Джавахарлал постоянно говорил о мире, а его армия бомбила Пакистан! И он не согласился на референдум в Кашмире, чтобы решить, кому он отойдет: Пакистану или Индии. Пакистан был полностью за референдум.

Кашмирцы, без сомнений, хотели войти в Пакистан, потому что девяносто процентов населения Кашмира составляли мусульмане и только десять процентов - индуисты. А Джавахарлал не соглашался на референдум - что было бы демократическим методом решения этой проблемы. Эта проблема осталась нерешенной до сих пор. Сорок лет проблема продолжалась. Обе армии, пакистанская и индийская, стоят на границе, и наблюдатели ООН имеют там постоянный пост. Сорок лет... вы можете там оставаться четыре тысячи лет, и никаких перемен не произойдет, потому что Индия не готова провести референдум - что недемократично. И если Пакистан нападет, Индия готова напасть в ответ.

Джавахарлал говорил о мире и ненасилии, и вот что делают его армии. Он говорил о демократии, а в Кашмире он не смог последовать собственному принципу демократии. Из-за этого отрывка, книга была запрещена, но благодаря самому этому запрету в Индии она продавалась лучше, чем в каком-либо другом месте. Она проникала в Индию благодаря всевозможным контрабандистам и продавалась дороже, почти в два раза дороже.

Поэтому, может быть, американцы, проголосовавшие за Альберта Эйнштейна, сделали это из-за Хиросимы и Нагасаки; за Джона Кеннеди - потому что, тупой и упрямый, он был готов начать бомбить Кубу, не чувствуя никакой ответственности за то, что все человечество окажется втянутым в третью мировую войну; и за Рональда Рейгана - потому что он втянет весь мир в третью мировую войну. Это сделает его величайшим в истории героем - хотя некому будет написать эту историю, и некому будет помнить этого великого героя!

А бедный Иисус Христос... он хорош для воскресной религии. И Бог... хотя эти люди и верят в Бога, они знают, что никакого Бога нет. И даже если Бог есть, не думаю, что люди считают, что у него есть какой-то мозг. При виде того, в каком плачевном состоянии пребывает мир, становится ясно, что никакого мозга у него нет; может быть, он сам - умственно отсталый.

Этот опрос очень значителен. Он показывает человеческий ум - его насилие, его животность, его варварство. Хорошо, что он раскрывает его лицемерие.

Глава 35

Терять нечего

Любимый Ошо,

Что случилось с Гурджиевым в том несчастном случае, когда он попал в автомобильную катастрофу?

Система Гурджиева - немного странная, и она без сомнения отличается от всех других, старых подходов. Вся его работа была сконцентрирована на создании абсолютного ощущения разграничения между телом и сознанием - не в качестве философской идеи, но в качестве действительного опыта.

Это происходит с каждым в смерти, но большинство людей умирает бессознательно. Сознание полностью отделяется от тела и продолжает паломничество, которое вечно. Путешествие тела очень мало, но все это происходит бессознательно. Это естественная стратегия.

Хирург не может удалить небольшую часть твоего тела, если ты сознателен. Он должен сделать тебя бессознательным, и тогда может удалить все, что нужно. Он может тебя убить, ты никогда этого не узнаешь. Но если ты сознателен, тогда боль того, что глубоко укорененная тождественность подвергается разрушению, так ужасна, так невыносима, что ты не позволишь ему этого сделать. Это случилось лишь однажды, в Индии, в начале этого столетия.

Махараджа Варанаси должен был перенести операцию по удалению аппендикса. Лучшие хирурги всего мира заботились о нем. Но возникла великая проблема: он не хотел принимать ничего, отчего потерял бы сознание. Работа всей его жизни была точно как работа Гурджиева: он пытался быть сознательным и быть отдельным от тела. И он сказал:

- Можете удалить аппендикс. Я не потревожу вас.

Но хирурги не могут поверить пациенту. Это такая операция... удалить аппендикс, пока он в сознании! Он может спрыгнуть со стола, может что-то сделать; он может разрушить не только всю операцию, но и собственную жизнь.

Но проблема была и с другой стороны. Если операцию отложить, была опасность того, что аппендикс лопнет, а это верная смерть. И поскольку он был не обычный человек, его не могли заставить. Он был готов умереть, но не был готов подвергнуться какой-либо анестезии, которая сделала бы его бессознательным.

В конце концов, хирурги решили:

- Если рискнуть, это не принесет вреда, пусть остается в сознании. В любом случае он умрет. Если мы его не прооперируем, он умрет. Но есть возможность того, что, может быть, он и прав. Может быть, он достиг качества такой целостности, что его сознание отдельно от тела, и его можно спасти. Поэтому стоит рискнуть. Он упрямый человек, он не послушается; он никогда никого не слушал.

Решение нужно было принять за несколько минут; иначе все было бы кончено. И в конце концов, его решили прооперировать.

Он остался сознательным. Операция была проведена, аппендикс удален, а он оставался таким, словно ничего не случилось. Это было беспрецедентное явление во всей истории медицины. Это было чудо.

Работа Гурджиева состояла в отделении сознания от тела и в том, чтобы сделать сознание такой мощной силой, чтобы тело не могло тянуть его за собой, чтобы тело стало только слугой, а не хозяином. Он проводил множество экспериментов.

Например, он пил алкоголь. Нельзя себе представить, чтобы такое количество алкоголя... но он оставался в полном сознании. Никакое количество алкоголя не могло сделать его бессознательным. Он и его ученики - они начинали пить вместе, но через несколько минут все лежали на земле - он продолжал пить.

Он пытался разными способами почувствовать, в чем он все еще привязан к телу. Он постился, не ел много дней – и в этом не было ничего религиозного, это было чистым научным экспериментом. Он ел слишком много, чтобы все тело говорило: «Остановись!», но он продолжал есть, просто чтобы дать телу полностью понять, что он не находится под его контролем: он будет делать то, что он хочет, и не собирается слушаться тела.

Эта автомобильная катастрофа была кульминацией его экспериментов. Неправильно сказать, что это был несчастный случай; это было не так. Он это сделал - намеренно, умышленно, сознательно. Для всех остальных это выглядело как несчастный случай.

Он всегда ездил очень быстро. Все те, кто находился в машине, просто дрожали: в любое мгновение машина могла во что-то врезаться. Но в тот день он был один в машине и умышленно разогнал ее до большой скорости и врезался в большое дерево. У него было множество переломов - машина была совершенно разбита. Врачи сказали, что было совершенно невероятно, как ему удалось из нее выбраться. Он выбрался из нее со всеми этими переломами, весь в крови, и дошел до ашрама - который был почти в полутора милях оттуда - и сказал:

- Позовите каких-нибудь врачей, чтобы проверить, что случилось с телом.

Врачи не могли поверить своим глазам, когда увидели машину. Никто не мог при этом остаться в живых, катастрофа была полной. И со столькими переломами он не потерял сознание; потеряв столько крови, он остался в сознании. Ему удалось пройти полторы мили... что было абсолютным чудом. Он не должен был быть в состоянии этого сделать!

Это не было несчастным случаем, он сделал это специально, и через три недели он был в полном порядке. Он хотел узнать смерть до смерти. Это было целью этого несчастного случая. Он хотел убедиться, что даже если тело претерпевает такие мучения, это никак не повлияет на его сознание. И он был безмерно счастлив, что добился успеха, что он достиг того, что в его терминологии называлось «кристаллизацией». Теперь смерть ничего не значит, и он может умереть сознательно, наблюдая, что происходит.

Избранный им путь был долгим и тяжелым. Он был человеком странного типа: для него он не был ни долгим, ни тяжелым, для него он был совершенно естественным и нормальным.

Этот несчастный случай с машиной нужно помнить как добровольное вхождение в смерть. Он почти умер, но благодаря этому кристаллизованному сознанию ему удалось не умереть. Он отказался умереть. Это красивый эксперимент, хотя и несколько нечеловеческий.

То, что он пытался сделать, можно сделать очень легко, просто осознавая свою ежедневную деятельность: хождение, сидение, еду, сон. Это будет не так драматично, но будет проще, человечнее, здоровее.

Но Гурджиев не был нормальным человеческим существом. Его нужно принимать как исключение, не правило. Никто не должен пытаться следовать ему, потому что он попадет в беду. Такого рода человеку нельзя следовать, такого рода человеком нужно родиться. Из жизни таких людей ты многое можешь понять, но ты никогда не должен пытаться им подражать.

И это правда не только в отношении Гурджиева. В истории Востока были другие люди, которые умерли неизвестными... Некоторые из них известны, но даже нормальное восточное человечество попыталось их забыть, потому что их эксперименты казались выходящими за все возможные рамки.

В Индии есть восемьдесят четыре сиддхи. Во всей истории Индии было восемьдесят четыре человека, которые могли бы разговаривать с Гурджиевым на одном языке, которые пробовали всевозможные эксперименты. Может быть, в некоторых экспериментах Гурджиев не смог бы состязаться с этими людьми.

Я был в одном из монастырей сиддх. Их монастыри ушли в подполье. Их эксперименты до такой степени настроили против них массы, что их литературу сжигали, убивали их мастеров, пытались стереть... говоря, что они не являются частью наследия Востока.

В Ладакхе в Гималаях есть небольшой монастырь в глубине гор. Никому не говорят, что он принадлежит сиддхам. В Индии есть несколько других. Но если только тебе не доверяют, тебе ничего не скажут об этих монастырях. Все они связаны друг с другом.

В этом монастыре я увидел один эксперимент, который поможет объяснить эксперимент Гурджиева. Люди начинают пить яд в небольших дозах, мало-помалу увеличивая количество с каждым днем. Этот яд так опасен, что одной-единственной дозы достаточно, чтобы прикончить человека. Но они приходят к точке, где могут принять любое количество этого яда, и он совершенно не влияет на их сознание. Они остаются абсолютно нормальными. Они проглотили столько яда, что если они тебя укусят, ты умрешь; они наполнены ядом.

И в этих монастырях держат больших кобр, яд которых наиболее опасен. Из ста змей только три действительно ядовиты; девяносто семь процентов - просто лицемеры, у них нет настоящего яда. Но они могут заставить тебя потерять голову, если ты их увидишь, потому что они выглядят как настоящие змеи. Они и есть змеи, не хватает только одного - яда.

Кобра лучше всех в том, что касается яда. И эти сиддхи, как их называют, приходят в состояние, когда принимать яд снаружи, обычный яд, просто бессмысленно. Они заставляют кобру кусать их за язык, и кобра переворачивается на спину и выливает им в рот весь свой яд. И вы удивитесь - умирает кобра! - потому что этот человек так полон яда. У кобры есть лишь немного яда в небольшом мешочке во рту. Именно поэтому китайцы едят змей просто как овощи. Просто отрежь ей голову, и она становится овощем!

Есть известная история о мастере, который сидел со своими учениками и мастером, пришедшим в гости. И так как кобра - это деликатесное блюдо, была приготовлена кобра. Но мастер был внезапно потрясен, увидев на тарелке другого мастера голову кобры. И он отнял у него тарелку и позвал повара, который тоже был монахом, но оказался не только монахом, но и мастером.

Этот мастер очень рассердился, но прежде чем он смог выразить свой гнев, повар сказал:

- В чем дело?

- Посмотри, в чем дело. Ты приготовил даже голову кобры!

- Не волнуйся.

Он взял эту голову, проглотил ее на глазах у всех и сказал:

- Теперь ты можешь есть. Не волнуйся; я позаботился об этой голове.

Воцарилось полное молчание и шок. Но, может быть, он был связан с определенной тайной школой сиддх в Китае, поэтому опасности не было. Он не умер.

Эти эксперименты, без сомнений, выходят за всякие здравые рамки, но они доказывают, что человек способен стать настолько сознательным, что ничто никогда не может снова сделать его бессознательным. Он достиг предельного в сознании. Именно в этом смысл гурджиевского эксперимента. Не называй его несчастным случаем.

Любимый Ошо,

Я - энергия, которая становится мыслями и эмоциями. Я - выражение этих мыслей и эмоций. Я - свидетель этих мыслей и эмоций. Что из этой святой троицы ближе всего к уникальному существу, которым я являюсь?

Последняя категория, энергия как осознанность, ближе всего к центру существования. Тогда мышление отходит немного в сторону, выражение отходит немного в сторону. Обращаясь от выражения к мышлению, а от мышления к не-мышлению и просто чистой осознанности, ты ближе всего к себе и к самому существованию.

В эмоциях, мыслях, выражении - та же самая энергия, но движущаяся к периферии, к окружности, не к центру. Чем ближе ты к периферии, тем дальше от самого себя.

Падай назад шаг за шагом. Это путешествие к источнику, а источник - все, что тебе нужно пережить... потому что это не только твой источник, это источник звезд, и Луны, и Солнца. Это источник всего.

Ты можешь двигаться к периферии. Именно это делают люди. Это та же самая энергия, отлично только направление - энергия, движущаяся наружу, уходящая дальше от твоей сущности. Энергия одна и та же. Помни: я не говорю, что это другая энергия, но она уходит дальше от твоей сущности. Ты узнаешь многие вещи, но никогда не узнаешь самого себя.

Когда ты приближаешься к себе, это та же самая энергия. А познать себя - должно быть первостепенной целью каждого разумного человека в мире, иначе ты знаешь весь мир, в то время как остаешься невежественным в отношении самого себя. Все твое знание тщетно. Ты можешь ничего не знать, но если ты знаешь самого себя, ты будешь полон мира, любви, молчания и великого экстаза.

Этот выбор - за тобой.

Любимый Ошо,

На днях ты сказал игнорировать содержимое негативного ума и не давать ему энергии. Мне кажется трудным оставаться на лезвии бритвы игнорирования, не падая и не подавляя, и таким образом не загоняя эти вещи обратно в бессознательное. Не будешь ли ты так добр, рассказать мне, как различать между ними двумя?

Ты уже знаешь это. Твой вопрос содержит это различие. Ты прекрасно знаешь, когда игнорируешь, а когда подавляешь.

Игнорировать - это значит просто не обращать внимания. Что-то есть, ну и пусть будет. Ты никоим образом не затронут, тебя не волнует, должно это сохраниться или исчезнуть. Ты не выносишь никакого суждения. Ты просто принял, что это есть, и не твоя забота, должно ли это быть, или не должно.

В подавлении ты принимаешь активную роль. Ты борешься с этой энергией, ты заталкиваешь ее в бессознательное. Ты пытаешься сделать так, чтобы ее нигде не было видно. Ты хочешь знать, что этого больше нет.

Например, есть гнев. Просто сиди в молчании и наблюдай, что есть гнев. Пусть остается. Сколько он сможет оставаться? Думаешь ли ты, что это нечто бессмертное, вечное? Точно так же, как он пришел, он уйдет. Просто жди. Ты ничего с ним не делаешь, ни за, ни против. Если ты делаешь что-то в его пользу, ты его выражаешь, а когда ты его выражаешь, то оказываешься в беде, потому что другой человек может не быть медитирующим - скорее всего, он им не будет. Он тожеотреагирует, и с еще большей яростью. Теперь ты попал в порочный круг.

Ты гневен, ты сделал гневным другого, и вы продолжаете делать друг друга все более гневными. Рано или поздно твой гнев станет почти неразрушимой скалой ненависти, насилия, и, двигаясь в этом порочном круге, ты теряешь сознательность. Ты можешь сделать что-то такое, в чем позже раскаяешься. Ты можешь убить, ты можешь ранить или, по крайней мере, попытаться. И когда этот эпизод окончен, ты можешь изумиться: «Я никогда не думал, что могу кого-то убить!» Но ты создал энергию, а энергия может сделать что угодно. Энергия нейтральна: она может создавать, она может разрушать; она может осветить твой дом, она может сжечь твой дом.

Игнорирование означает, что ты ничего в отношении этого не предпринимаешь. Есть гнев. Просто заметь это, - что есть гнев, - точно так же, как видишь дерево, находящееся снаружи. Имеешь ли ты с ним что-то общее? По небу движется облако, имеешь ли ты с ним что-то общее?

Гнев - это тоже облако, движущееся на экране твоего ума. Поэтому наблюдай, позволь ему двигаться.

И это не вопрос пребывания на лезвии бритвы. Не делай из маленьких вещей большие. Это очень маленькая вещь, и ее можно сделать очень легко, тебе просто нужно принять, что это есть. Не пытайся этого удалить, не пытайся принять в отношении этого какие-то меры, не чувствуй стыда из-за того, что испытываешь гнев. Даже если тебе стыдно, ты начал действовать. Разве ты не можешь оставаться неделающим?

Есть грусть, есть гнев; просто наблюдай. И будь готов к сюрпризу: если ты сможешь наблюдать, и твое наблюдение ничем не загрязнено, чисто - ты действительно ничего не делаешь, но просто смотришь - гнев постепенно пройдет. Грусть исчезнет, и ты останешься с таким чистым сознанием.

Ты не был так чист до этого, потому что не было возможности гнева. Теперь, когда возможность стала действительностью, она исчезла вместе с гневом. Ты гораздо чище. Ты не был таким молчаливым, таким мирным, теперь ты таким стал. Грусть потребляла определенную энергию. Она не позволила бы тебе пережить такое глубокое ощущение счастья, она омрачала бы твое сознание.

И все эти негативные эмоции поглощают твою энергию. Они все еще продолжают, потому что ты их подавил, и они остаются подавленными, чтобы ты не мог выпустить их наружу. Ты закрыл двери и загнал их в подвал; они не могут бежать. Даже если они и хотят бежать, ты их не выпускаешь. Они будут тревожить всю твою жизнь. Ночью они будут становиться кошмарными, уродливыми снами. Днем они будут влиять на твои действия.

И всегда есть возможность того, что какая-то эмоция станет слишком большой, чтобы ее можно было контролировать. Ты подавлял, подавлял и подавлял, и облако становилось все больше. И приходит момент, когда ты больше не можешь контролировать. Тогда что-то происходит, что в глазах мира делаешь ты, но только те, кто знает, смогут увидеть, что ты этого не делаешь: ты находишься под воздействием очень большой силы импульса. Ты ведешь себя, как робот, ты беспомощен.

Ты убиваешь, ты насилуешь, ты делаешь что-то уродливое, но фактически ты не делаешь этого. Ты собрал весь этот материал, который приобрел такую власть, что теперь он может принудить тебя что-то сделать - вопреки тебе самому, что-то, претящее тебе самому. Ты знаешь: «Я не должен этого делать. Почему я это делаю?», но все же ты сделаешь это.

Многие убийцы во многих судах говорили совершенно честно, что не убивали. Но суд не мог этому поверить, закон не мог этому поверить. Я могу этому поверить - потому что все суды и законы примитивны. Они не достигли зрелости. Они еще не основываются на психологии. Они являются просто мстостью общества - облеченной в прекрасные слова, но на самом деле это не что иное, как то же самое, что сделал этот человек... он убил, теперь общество хочет убить его.

Он был один. Но у общества есть закон, суд, полиция, тюрьма. И оно пройдет через долгий ритуал, чтобы доказать самому себе: «Мы не убиваем этого человека, мы просто пытаемся предотвратить преступление». Но это не факт. Если ты хочешь предотвратить преступление, твой закон должен более основываться на психологии, психоанализе, медитации. Тогда ты сможешь увидеть, что ни один человек никогда не делает ничего плохого, просто неправильно устроено все общество.

Общество неправильно, потому что оно учит людей подавлять, а когда они подавляют, приходит момент, когда подавленное начинает их переполнять, и они просто беспомощны.

Они - жертвы. Все ваши преступники - жертвы, а все ваши судьи, все ваши политики и священники - преступники. Но это продолжалось веками и поэтому стало общепринятым.

Ничего не делай, просто игнорируй... и это нетрудно, это очень простое явление. Например, вон то растение. Разве ты не можешь его игнорировать? Разве ты имеешь с ним что-то общее? Не стоит ничего с этим делать.

Просто посмотри на содержание своего ума с расстояния, лишь небольшого расстояния, чтобы ты мог увидеть: «Вот это гнев, вот это грусть, вот это тоска, вот это тревога, вот это беспокойство», и так далее, и так далее. Пусть они остаются, как есть. «Мне нет до этого никакого дела. Я не собираюсь ничего в отношении их предпринимать». И они начнут исчезать.

И если ты сможешь научиться простому, - позволить этим вещам исчезать из сознания, - то приобретешь такую ясность сознания... твое видение будет таким пронизательным, твое прозрение будет таким глубоким, что это не только изменит твою индивидуальность, это позволит

выйти на поверхность подавленному содержимому бессознательного. Видя, что ты научился не подавлять, вещи начнут выходить наружу. Они хотят выйти в мир.

Никто не хочет жить в подвале, в темноте. Видя, что ты позволяешь вещам выходить наружу, они не станут ждать, когда ты ночью заснешь, они начнут выходить на поверхность. Ты увидишь, что они выходят на поверхность из подвала твоего существа и движутся прочь из твоего сознания. Постепенно твое сознание станет пустым.

И это чудо, волшебство: если бессознательное пусто, стена между сознательным и бессознательным разваливается. Все становится сознательным. Сначала у тебя сознательна была только одна десятая часть ума, теперь же сознательными стали все десять частей. Ты в десять раз более сознателен. И этот процесс может пойти еще глубже, он может высвободить коллективное бессознательное. Ключ остается прежним. Он может высвободить космическое бессознательное.

И если ты можешь вычистить все бессознательные части, находящиеся под твоим сознанием, то получишь такую прекрасную осознанность, что войти в сверхсознательное будет так же легко, как птице подняться в воздух.

Это - твое открытое небо. Только потому, что ты был так нагружен... такая тяжесть, что ты не мог летать. Теперь тяжести нет. Ты так легок, что гравитация теряет власть над твоим умом; ты можешь лететь в сверхсознательное, в коллективное сверхсознательное, в космическое сверхсознательное.

Божественность - в пределах твоей досягаемости. Ты должен только высвободить дьяволов, которых держал в своем сознании, загоняя их в бессознательное. Выпусти этих дьяволов, и божественность окажется в пределах досягаемости. И обе эти вещи могут произойти одновременно: когда низшая часть очищена, для тебя становится доступным высший мир. И помни, снова я говорю - это простой процесс.

Любимый Ошо,

Я прочитал статью в одном журнале из Соединенных Штатов, в которой говорилось, что ученик гуру Шри Чинмой прополз на четвереньках двенадцать миль по хайвэю, чтобы почтить четырнадцатилетие своего пребывания с гуру. Этот человек говорит, что Шри Чинмой учит своих людей, что ради духовного роста они должны совершать великие физические подвижничества. Шри Чинмой жил в Соединенных Штатах много лет.

Ошо, кажется, правительство Соединенных Штатов скорее готово принимать таких дураков, как Шри Чинмой, которые учат людей ползать по хайвэю на четвереньках, чем позволить тебе помочь нам найти, кто мы такие. Кажется, предварительным требованием к жизни на этой Земле является умственная отсталость. Пожалуйста, прокомментируй.

Я знаю Шри Чинмоя и его учения, и знаю его так называемого мастера, Шивананду. Он написал сотни книг. Он писал по книге в день, и в каждой из его книг ты найдешь забавную фотографию: он стоит у груды книг выше его роста - чтобы показать, что он написал так много книг. И все это мусор. Его так называемый мастер, Шивананда, тоже делал то же самое.

И эта глупость физических мучений - такая древняя, что ее автоматически принимают за духовность. А то, чему учу вас я, так ново, так свежо, что политики, религиозные лидеры просто не могут поверить... Люди так долго занимались идиотскими вещами.

Этот человек прополз на четвереньках всего двенадцать миль; в Индии есть люди, которые проползают тысячи миль. Чем дальше ты продвигаешься, тем ближе ты к Богу. Они отправляются на четвереньках в святые паломничества. И помимо того, что они приближаются к Богу, люди приносят им еду, сладости и подарки, потому что теперь они стали духовными.

Пятьсот миль человек целыми днями ползет на четвереньках. Ночью он останавливается, утром начинает снова. Ему потребуется много месяцев, чтобы добраться до места, до которого он добрался бы за час. Но он станет святым. Когда он вернется, его не будут считать обычным человеком, ему будут поклоняться.

В Варанаси ты найдешь многих людей, которые лежат на кровати из гвоздей на берегу Ганга. Их духовность состоит в том, что они могут лежать на кровати из гвоздей. И им поклоняются - у них тысячи последователей - и никто не задается вопросом: «Что общего имеет духовность с лежанием на гвоздях?»

Это не большое дело. Ты это можешь - потому что на спине не вся кожа чувствительна к боли. Ты можешь попросить кого-нибудь взять иголку и уколоть тебя в нескольких местах. Просто попроси кого-нибудь колоть тебя в спину, а сам говори, где тебе больно, а где нет. И ты будешь удивлен: есть сотни точек, в которых ты не почувствуешь укола; там нет чувствительных нервных окончаний. Таким образом, эти кровати из гвоздей сделаны определенным образом, чтобы соответствовать этому человеку.

Это древнее искусство, им владеют лишь очень немногие люди. Сначала они устанавливают полную карту твоей спины - где ты чувствуешь боль, где не чувствуешь. Место, где тебе больно, оставляется пустым, а там, где тебе не больно, вбивается гвоздь. Поэтому они не чувствуют никакой боли и никаких мучений. Но они становятся святыми.

Люди делают всевозможные вещи, не имеющие ни малейшей связи с внутренним ростом, но все общества их поддерживают, потому что они не опасны. Фактически они оказывают большую поддержку умирающему обществу, умирающей традиции: они поддерживают жизнь в старых идеях. И массы подвержены их влиянию. Таким образом, массы остаются отсталыми на много веков; и именно этого хотят те, кто у власти, - чтобы массы не были разумными. Они не должны быть способными мыслить, они должны оставаться умственно отсталыми. Все эти люди полезны, и поскольку они полезны, политики воздают им почести, общество воздает им почести.

Шри Чинмою дали специальный зал в здании ООН, чтобы он учил своих учеников, особенно иностранных дипломатов и послов, которые приезжают на встречи ООН и становятся его учениками. А он учит таким глупостям: «Ползи на четвереньках много миль, и чем дальше, тем лучше».

Америка очень довольна Шри Чинмоем, потому что он не выступает против того, на чем основываются американское общество, религия или государство. Фактически он отвлекает внимание людей от настоящих проблем жизни.

Карл Маркс в этом был прав - религии до сих пор были не чем иным, как опиумом для народа. Всем обществам хочется застраховаться от того, чтобы кто-нибудь не заглянул им в корни, потому что они прогнили; чтобы кто-нибудь не заглянул к ним в шкафы, потому что в каждом шкафу - множество скелетов. Поэтому нужны люди, которые помогли бы массам отвлечься от реальности. И самый лучший способ - удерживать их в умственно отсталом состоянии; самый лучший способ - удерживать их обусловленными старым, древним.

Такие люди, как Шри Чинмой, - агенты старого. Это охранники кладбищ, защитники всех возможных подделок. И люди начинают испытывать интерес, когда лидеры общества, великие дипломаты, послы, президенты, премьер-министры начинают приходить и слушать их - тех, кому нечему научить. Но они ходят лишь для того, чтобы произвести впечатление на массы, чтобы массы продолжали приходить. Все усилия направлены на то, чтобы тем или иным образом не позволить людям узнать, в каком гнилом обществе они живут.

Они не могут стерпеть меня, потому что я против умственной отсталости, против всего гнилого, против всех видов глупости. Если только я не могу вам научно доказать связь каких-то двух вещей, я не буду им учить.

Как могут ползания на четвереньках сделать тебя духовным? Фактически они сделают тебя глупее. Если у тебя и был раньше какой-то разум, ты можешь и его лишиться. И как только ты войдешь во вкус... двенадцатимильный марш на четвереньках привлечет к тебе такое внимание прессы, и столько людей начнут считать тебя духовным, что можешь пройти и боль. У тебя прекрасная профессия! Ты ни на кого не работаешь, и все же, ничего не делая, ты продолжаешь становиться все более и более духовным. Вскоре этот человек начинает учить других.

Я слышал, что жена одного человека - как и всегда - была очень опасна. Однажды он пришел домой. Он был подкаблучником - как все нормальные люди; я никогда не видел никаких других мужей. Он приходил точно в то время, когда говорила ему жена, но в тот день его друзья выпивали, и он выпил вместе с ними. А когда ты пьян, ты забываешь о том, что находишься под каблуком у жены: он стал львом! И он пришел домой среди ночи, громко постучал в дверь и сказал:

- Открывай!

Жена не могла верить своим глазам. Это был не ее муж. Он обычно приходил, как крыса, - а сейчас рычит, как лев в ночи! Но она была не такой женщиной, чтобы признать поражение. Она взяла нож, открыла дверь и отрезала этому человеку нос. Когда его нос был отрезан, это привело его в чувство, весь алкоголь улетучился - перед ним жена, носа нет - он протрезвел.

- Что же ты наделала? - сказал он.

- Ты спрашиваешь меня, что я наделала! Я могла бы тебя убить! Это еще ничего. В следующий раз, когда ты что-то натворишь... Ты рычал, как лев!

Теперь это стало проблемой: что ему делать без носа? Всю ночь этот человек раздумывал, что он будет говорить, и прежде чем жена проснулась, он убежал из дома. Он отправился в другой город, сел под деревом с закрытыми глазами, очень тихо, в позе лотоса.

Собралось несколько человек. Они сказали:

- Кажется, это новый святой. Что случилось с носом этого бедняги?

Кто-то сказал:

- Мы должны его спросить.

Собралось больше людей, и они спросили:

- Что случилось с твоим носом?

- Это моя личная тайна, - ответил он. - В этом весь секрет моей духовности. Я не могу говорить об этом с любопытными толпами. Настоящие искренние искатели пусть приходят ко мне ночью.

Один искренний искатель явился ночью. Он сказал:

- Я готов. Что бы ни нужно было сделать, я готов. Я искренний искатель.

- Тогда приготовься, - сказал этот человек и отрезал ему нос.

- Что ты делаешь? - крикнул тот. - Ты отрезал мне нос! Я же сюда пришел, чтобы найти истину!

Первый человек сказал:

- Обожди. Это способ найти истину. Ты ее нашел.

- Я ничего не нашел!

- Если ты это скажешь, - что ты ничего не нашел, - люди назовут тебя идиотом: ты потерял нос и ничего не нашел! Посиди молча и тихо подумай, скажи людям, что ты нашел истину. Для тебя это единственный способ сохранить лицо; выбор за тобой. Я тоже не нашел истины, но что еще мне остается делать?

Второй человек обдумал это и сказал:

- Это кажется логичным: что еще остается делать?

- Так иди и распространяй послание, - сказал первый. И этот человек пришел в город и сказал:

- У этого человека есть великий секрет!

- Но, - спросили люди, - что случилось с твоим носом?

- Это и есть секрет. Те, кто действительно искренен в своем поиске, не должны упустить этого случая, потому что в наш бедный город никогда еще не приходил такой человек. За несколько секунд я нашел истину!

Пришло еще несколько искателей. Каждый вечер приходили искатели, и мало-помалу почти половина города осталась без носов, и каждый говорил о красотах истины и экстазе истины.

В конце концов, этим заинтересовался король. Он сказал:

- Столько людей нашло истину, а я - их король: неправильным кажется, чтобы я оставался невежественным.

Его первый министр попытался ему сказать:

- Не ходи к этому человеку.

Но он ничего не хотел слушать. Он сказал:

- Нос или нет, истина должна быть достигнута. И кто знает о завтра? Если завтра я умру, ты меня сожжешь - все мое тело, включая нос. И просто отрезав нос... он что-то делает, и человек осознает истину.

Первому министру пришлось очень трудно, но он был очень проницательным и искушенным человеком. Он сказал:

- Обожди. Дай мне два или три дня, и если я не смогу установить, что на самом деле происходит, можешь идти, но дай мне три дня.

И ночью он пришел с некоторым полицейским, и они поймали этого человека. Этот человек сказал:

- Что вы делаете? Я духовный человек, глава тех, кто нашел истину!

Но они не слушали. Они привели его в дом первого министра, побили его и сказали:

- Говори правду! Иначе... наш первый министр опасен, он просто выколлет тебе глаза.

Он подумал:

- Боже мой! Я потерял нос, но кое-как мне удалось выжить, и все стало улаживаться. Теперь же, если не станет и глаз, будет очень трудно убеждать людей, что чтобы найти истину, нужно

лишиться носа и обоих глаз. Не думаю, что у меня это получится; людей трудно убедить даже в отношении носа. Но если он такой опасный человек, лучше сказать правду.

И он сказал правду:

- Реальность состоит в том, что моя жена отрезала мне нос, и теперь у меня нет другого выхода.

Первый министр сказал:

- В этом нет ничего страшного. Теперь пойдй к королю и расскажи ему всю историю.

Король не мог поверить своим ушам. Первый министр сказал:

- Если бы ты тоже пришел к нему, то тоже нашел бы истину. Как только твой нос отрезан, у тебя нет другого выхода, кроме как найти истину! Этого человека нужно посадить в тюрьму, а все нашедшие истину должны предстать перед судом и получить плетей, чтобы заставить их сказать правду о том, что они нашли. Никто ничего не нашел.

Они спросили людей:

- Тогда почему вы говорили, что нашли истину?

- А что еще оставалось делать? - говорили люди. - Когда носа уже нет, говорить людям: носа нет, мы были дураками, истина не найдена?.. над нами просто посмеялись бы. В этом нет никакого смысла. А сейчас нам поклоняются - поклоняются даже наши жены!

Человечество жило со всеми возможными глупыми идеями, и общество никогда не протестовало против этих людей. С другой стороны, каждый раз, когда появляется кто-то, кто действительно дает ясное видение, круговая порука пугается. Этот человек представляет опасность для их существования, для их власти: с этим человеком должно быть покончено.

Поэтому всевозможные фальшивые идиоты хорошо проводят время, но они хорошо проводили время веками. Короли, императоры поклонялись им за качества, которые не имеют ничего общего с духовностью.

Но такой человек, как я, опасен, потому что я не говорю никакой чепухи. Я не могу стерпеть никакой чепухи. Я просто выношу наружу скелеты, которые они прячут. Я пытаюсь помочь молодежи мира осознать обман, в который заманило ее старшее поколение, к которому принудило ее старшее поколение - обуславливая молодых людей, формируя их умы таким образом, чтобы они не могли сами обнаружить, что то, чему они поклоняются, бессмысленно; что их религии - не что иное, как всевозможные суеверия; что их боги фальшивы, что их молитвы - просто ложь. Но сказать - это значит рискнуть жизнью.

Я готов рискнуть жизнью, потому что все, что я должен был получить от жизни, я уже получил. Мне нечего терять. Но я полон решимости, разоблачить все лицемерие, господствующее в мире.

Глава 36

Тигр - такой же гость

Любимый Ошо,

Однажды ты сказал, что мы должны проявить храбрость, чтобы быть с тобой, - но я это так не ощущаю. У меня такое ощущение, что это - наилегчайшее и единственное, что можно сделать. Меня скорее пугает, когда я думаю о жизни в этом мире вдали от тебя. Кажется, это все равно, что выйти из жизни в смерть. Не будешь ли ты так добр, объяснить это для меня?

Во-первых, чтобы быть со мной, без сомнения, нужна храбрость. Но как только ты со мной, все страхи, созданные умом, начинают исчезать, их место занимают новая храбрость, новая искренность. Мало-помалу я становлюсь твоим миром. Тогда огромная храбрость нужна, чтобы меня покинуть.

Сначала храбрость нужна была, чтобы из темноты выйти на свет, теперь нужна храбрость, чтобы из света войти в темноту.

Первая храбрость - любить, жить, быть. Вторая храбрость - совершить самоубийство; второе, без сомнений, труднее... и идиотичнее. Просто проявляя храбрость, человек не становится разумным. Идиоты очень храбры во многих ситуациях: там, где разумный человек остановится, они продолжают идти вперед. Чтобы увидеть опасность, требуется разум.

Ты сейчас в такой ситуации. Ты совершенно забыл первую храбрость. И это естественно, потому что, кому захочется, выйдя из темноты на свет, вспоминать темные ночи и кошмарные

сны? Постепенно ты совершенно забываешь о них. И поскольку я настаиваю на том, чтобы ты был в настоящем, прошлое забывается.

Теперь, если ты думаешь о том, чтобы быть далеко от меня, это будет действительно не только храбростью, но и идиотизмом. Всегда иди выше - от темноты к свету, от света к большему свету. Тогда храбрость и разум идут вместе. Но каждый раз, когда ты начинаешь соскальзывать назад, разум покидает храбрость. Только глупцы смогут снова упасть в темноту.

Поэтому ты прав, это труднее. Это и должно быть еще труднее. Фактически, если ты разумен, должно быть абсолютно невозможно, вернуться вспять. Этого не позволяет время. Этого не позволяет жизнь.

Существование не знает никаких возвращений. Все существование устремлено к тому, чтобы продвигаться вперед, к большему процветанию, к большему богатству, к большей ясности, к большему пониманию, к большей любви. Все это, соединенное вместе, я называю именем «божественность».

Любимый Ошо,

Означает ли «становление сознательным», что то, что было бессознательным, должно быть поднято до уровня сознательного ума, и только пройдя через это состояние ума, это может подняться до сверхсознания? Должен ли каждый пройти через ум, или возможно стать сознательным из другого места, перепрыгнув стадию ума?

Те, кто верит только в ум... например, психоаналитики, которые замещают священников на Западе и которые создают заменитель религии, такой же ложный, как и заменяемая ими религия - для них нет ничего высшего, чем ум. Есть ступени ниже ума; поэтому все должно пройти через сознательный ум, чтобы высвободиться, чтобы бессознательное освободилось от бремени. Но это очень долгий процесс, потому что бессознательное заключает в себе весь мусор этой жизни, которому нет пределов.

Каждую секунду своей жизни, спишь ты или бодрствуешь, ты собираешь мусор. Количество его так велико, что за всю оставшуюся жизнь ты не сможешь от него освободиться. Более того, пока ты освобождаешься от старого мусора, каждый день ты собираешь новый. И это не все.

Глубже этого находится твое коллективное бессознательное, которое еще даже не затронуто. И чтобы выбросить все его содержимое, вынося его в сознательный ум, и высвободить его, потребуется много жизней.

А под ним находится космическое бессознательное. Может быть, тебе потребуется вечность, чтобы сделать психоанализ полным и окончательным, чтобы все три слоя, находящиеся под сознанием, были совершенно опустошены, и у тебя не оставалось никакого бремени, никакого напряжения. И в то мгновение, когда они пусты, они начинают становиться сознательными. Именно этот мусор создает темноту.

Психоанализ никогда не добьется успеха. Ситуация такова, что его поражение абсолютно - категорически неизбежно.

Изумительно, что на Востоке десять тысяч лет люди работали над умом, как никто другой, - психоанализу нет еще и ста лет - и так и не пришли ни к чему, параллельному психоанализу. Люди Востока работали совершенно по-другому. Они никогда не заботились о бессознательных слоях, потому что обращать внимание на бессознательные слои, значит идти в дремучий лес, которому нет конца. Ты не найдешь дороги обратно.

Восток попробовал противоположное: иди вверх, забудь о своих подвалах. Есть три этажа над твоим сознанием. Используй сознание, чтобы войти в сверхсознание. Используй сверхсознание, чтобы войти в коллективное сверхсознание, а его - чтобы войти в космическое сверхсознание. И волшебство в том, что в то мгновение, когда тыходишь во все эти три уровня сознания, у тебя появляется столько света. Словами Кабира, это «подобно внезапному восходу тысяч солнц». Так велик их свет, что все содержимое бессознательного сгорает, и вся темнота бессознательных слоев рассеивается.

Если хочешь пойти длинным путем, углубись в бессознательное. Этот путь долог, и цель никогда не будет достигнута. Никто никогда ее не достигал; прецедента нет. Но, что касается второго пути, если ты движешься в более и более сознательные области своего существа, что очень просто... именно этому у тебя учу.

Медитация приведет тебя в более сознательные области. И в то мгновение, когда доступно все сознание, само его присутствие просто рассеивает темноту, которую ты накопил за тысячи жизней. В одно-единственное мгновение вспышки молнии все то, что было собрано, будет сожжено, и бессознательная темнота исчезнет.

Я учу тебя медитации, не психоанализу. Психоанализ - это только способ дурачить самого себя, обманывать самого себя, просто убедиться, что ты что-то делаешь - платишь за психоанализ, переживаешь сны, тебя анализирует эксперт; но ты отправился по маршруту, который нигде не кончается. Он продолжается и продолжается бесконечно. Именно поэтому психоанализ так и не смог произвести ни единого просветленного человеческого существа. Медитация произвела тысячи просветленных человеческих существ.

Это простой факт: когда в комнате темно, не борись с темнотой, просто принести немного света - достаточно свечи, чтобы темноты не стало. Она никогда не существовала. Если ты начинаешь бороться и мериться силами с темнотой, ты можешь получить много переломов, но не можешь надеяться, когда-нибудь одержать над ней победу.

Самый простой и самый разумный путь - найти дорогу в сверхсознание, и это даст тебе ключ к открытию высших дверей. И не волнуйся: когда ты приходишь к самой вершине сознания, оно делает все, что ты захочешь, всегда. Оно просто трансформирует твоё темное существо в чистый свет.

Любимый Ошо,

Ежедневно в последние десять дней я пытался себя гипнотизировать. Мне удавалось очень глубоко расслабиться, но это и все, что произошло. Я не осознаю никакого сопротивления тому, чтобы позволить себе упасть в бессознательное. Напротив, это ощущается как целая новая тропа, которую я бы с радостью исследовал, но по какой-то причине гипноза не происходит. Следует ли ожидать, что на это потребуется немного больше времени, и должен ли я упорно продолжать?

Дело не в упорстве, дело не в том, чтобы прошло немного больше времени. Проблемы не представляет собой и то, что ты не напряжен. Проблема в том, что сама идея самогипноза создает тонкое напряжение, которого ты не осознаешь.

Просто обдумай саму идею, что ты пытаешься загипнотизировать себя. Кто пытается? - поскольку ты пытаешься гипнотизировать себя, сами усилия становятся преградой. И, естественно, не произойдет это и без усилий, и вот ты оказываешься перед дилеммой: если ты не пытаешься, ничего не происходит; если ты пытаешься, сами твои попытки удерживают тебя бдительным, и эта бдительность не позволяет случиться гипнозу. Гипноз не нуждается, ни в каких усилиях с твоей стороны.

Таким образом, самогипноз - это другой метод. Вот в чем состоит этот метод: сначала тебя должен привести под гипноз кто-то, кому ты можешь доверять. Если ты не доверяешь, то будешь сопротивляться гипнозу. Во-вторых, человек, которого ты выбираешь для гипноза, не должен быть твоим другом, возлюбленным, с которым ты очень близок, потому что тогда ты не будешь принимать его серьезно. Ты будешь хихикать и смеяться, и это разрушит все мероприятие. Ты должен выбрать человека, которого ты уважаешь, которому ты доверяешь. Ты чувствуешь в этом человеке определенную целостность... тогда позволь ему привести тебя под гипноз.

Расслабление происходит, значит, нет никаких трудностей. Со своей стороны ты расслабляешься. Лишь небольшая часть не может расслабиться, потому что ты пытаешься гипнотизировать сам себя. Эта часть тоже расслабится, потому что это делает кто-то другой. Или, если ты боишься, когда тебя гипнотизируют другие... Века осуждения гипноза заставили людей бояться, что если тебя кто-то загипнотизирует, ты окажешься под его властью, и тогда он сможет заставить тебя делать что угодно, и тебе придется это делать. В этом случае ты можешь использовать магнитофон.

Никто не испытывает неуважения к магнитофону. Никто не испытывает недоверия к магнитофону, никто не состоит с магнитофоном в близких отношениях, никто не влюблен в магнитофон. Магнитофон удовлетворяет всем необходимым условиям. И этот магнитофон - твой. Закрой дверь и запиши на магнитофон все гипнотические внушения. Затем расслабься и позволь магнитофону провести гипноз.

Итак, магнитофон или человек - как для тебя лучше? Я предложил бы человека, потому что человек позаботится. Магнитофон беден: он будет повторять все, что бы ты ему ни сказал. Он не умеет ничего другого. Это пандит, раввин. Выбери кого-нибудь здесь - Кавиша тебе поможет.

И пусть тебя введет под гипноз другой человек, просто давая тебе предложения - что если ты медленно сосчитаешь до семи... В любое время, когда ты хочешь войти под гипноз, ты просто расслабляешься и считаешь от одного до семи, и ты под гипнозом. С твоей стороны не происходит никаких усилий к гипнозу; ты не должен ничего делать, ты должен просто считать - и это тоже приходит из твоего бессознательного, не из сознательного. Сознание совершенно расслаблено.

Это предложение должно даваться в течение, по меньшей мере, семи сеансов. Бери десятиминутный сеанс каждый день в течение семи дней, но в эти десять минут снова и снова - только одно предложение - что каждый раз, когда ты хочешь войти под гипноз, просто очень медленно сосчитай до семи - но не внезапно.

Сначала расслабься, сфокусируй на чем-то глаза. Подойдет лампочка. Не моргай глазами, и когда ты почувствуешь расслабление, веки станут тяжелыми, тебя станет клонить ко сну, начни считать от одного до семи, очень медленно, очень сонно, не очень громко, шепотом, про себя. И на числе семь ты окажешься в состоянии глубокого гипноза, и этот гипноз продлится десять минут.

Эти предложения нужно давать в течение трех-семи сеансов. Не пытайся это делать после первого сеанса. Не пытайся, потому что, если ты потерпишь поражение, это даст тебе гипнотическую установку, что ты не добьешься успеха. Поэтому семь дней не пытайся - просто позволь делать это другому человеку. Попытайся на восьмой день. На восьмой день другой человек может просто сесть рядом с тобой, просто чтобы дать тебе чувство того, что он обо всем позаботится, и затем постепенно этот человек должен уйти на второй план. Ты становишься вполне способным приводить себя под гипноз сам.

Трудность самогипноза в том, что ты вовлечен сам; человеку приходится гипнотизировать самого себя. Это все равно, что тащить себя вверх, взявшись за собственные ноги, и пытаться достичь неба. Ты не достигнешь неба, ты только упадешь на землю. Ты можешь подпрыгнуть, но дело не в подпрыгивании; ты хотел летать.

Самогипнозу присуща эта трудность; гетерогипноз всегда прост, очень прост. Но впервые добившись успеха в самогипнозе, ты почувствуешь огромную радость. Ты смог сделать нечто противоречивое. Чтобы избежать противоречия, потребовался другой человек.

Любимый Ошо,

Почему великие мастера тантры называют свое учение «передачей шепотом»?

Система тантры - одна из самых важных вещей, которые когда-либо случались в истории человека. Все остальное вторично, потому что тантра - это усилие трансформировать живую энергию в ее предельную форму, в форму просветления. Но поскольку живая энергия сексуальна, тантра подверглась осуждению - осуждению со стороны подавляющего секс общества, подавляющих секс религий. Осуждение было так сильно, что тантрики пострадали более других систем мышления, философов, искателей.

Один индийский король, Викрамадитья, убил десять тысяч пар. Это была особая секта тантриков, действительно дерзких людей. Мужчина и женщина жили в одном платье, обнаженные. Внутри они были обнаженными - покрытыми только одной общей одеждой. Они носили синее платье, символизирующее, что «из-за этого глупого общества мы должны что-то носить, иначе наше единственное платье - голубое небо» - отсюда голубой цвет. Из-за этого голубого цвета их стали называть *нила тантриками*. Нила значит голубой цвет.

Эти пары перемещались по стране и учили, но то, чему они учили, было слишком выходящим за всякие рамки, чтобы это мог понять посредственный ум. Викрамадитья приказал, что ни одной пары нила не должно остаться в живых. Десять тысяч пар - это значит двадцать тысяч человек - были просто зверски убиты. Они были истреблены во всей Индии, где бы они ни находились. Ни одного не осталось в живых.

Другие секты тантриков вынуждены были прятаться в лесах, чтобы проводить свои медитации по трансформации энергии. Общая масса общества была абсолютно против этих людей. Их священные писания сжигали. Самые ценные из священных писаний мира были сожжены. Уцелели

и остались не сожженными только немногие редкие копии. Естественно, они стали называть свое учение «учением шепотом».

Иисус говорит своим ученикам: «Идите и кричите с каждой крыши, что здесь сын божий. Распространяйте послание». Почему же тантрики говорят, что их учение - учение шепотом? Они много страдали; Иисус ничего об этом не знает. Тысячи их мастеров были убиты, но само учение было так сильно и так практично, так научно, что продолжало привлекать разумных людей. Но им пришлось решить, что их учение должно быть лишь шепотом: «Не говори вслух, иначе ты будешь убит». И ради чего? Это совершенно другая ситуация.

Если ты убиваешь такого человека, как Сократ, его смерть станет осуждением всему обществу на многие века. Пока живет человечество, греки не смогут стереть с себя осуждение, написанное на их лицах, - что они отравили свое лучшее, высочайшее цветение.

Но в Индии ситуация была совсем другой. Был не один Сократ, были многие. В каждой школе был свой собственный Сократ, один или много. У сиддхов было восемьдесят четыре мастера. Даже запомнить их имена трудно. Я много раз пытался запомнить их имена, но восемьдесят четыре имени запомнить трудно. Самое большее, я могу вспомнить нескольких наиболее выдающихся, тех, кто оставил священные писания: Сиддхапад, Конапад... и я говорил о сутрах Сарипада - то есть Сарахи, которого любовно называли Сарахапа.

У джайнов есть двадцать четыре тиртханкары, и все это мастера калибра и качества Сократа. У индуистов есть собственные мастера, и индуистских сект множество. Индия была полна просветленных людей, потому что весь гений Индии двигался в одном направлении, и этим направлением было просветление. Все остальное страдало, но просветление стало единственным вызовом для каждого, кто был гениален.

Тантриков убивали, сжигали заживо, но никто не обращал на это внимания по той простой причине, что людей было так много. Сократ был один. Никогда больше грекам не удастся произвести еще одного Сократа. Иисус был один. Ни евреи, ни христиане так и не смогли произвести другого Иисуса.

Ситуация в Индии была совершенно другой. Естественно, тантрики решили передавать свое учение шепотом. «Не кричи. Тебя убьют, и это не послужит никакой цели в том, что касается распространения учения».

И они были правы. В этой ситуации в Индии это было лучшим, что они могли сделать, чтобы позволить своему учению остаться в живых, - передавать его шепотом от мастера к ученику. Они перестали даже его записывать, потому что это было опасно. Поэтому, только разговаривая с учеником тайно, наедине, мастер давал ему послание: «Вся наша философия - это философия шепота, поэтому никогда не иди в массы. Не пытайся их изменить. Достаточно того, что изменишься ты сам. Более чем достаточно, если ты изменишь еще несколько человек. Но если только ты не осознаешь, что эти люди тебе друзья, что они любят тебя, что они не предадут тебя, ничего не говори». И они стали жить инкогнито.

Все еще есть тантрики, но ты не можешь навести справки: «Я хочу встретиться с мастером тантры». Никто не сможет тебе помочь. Тебе придется найти самому, разыскивая в областях, где их вероятнее всего встретить, - в Бенгале, в Бихаре. Эти две провинции были их родиной. Тебе придется двигаться, встречаться с множеством людей. Может быть, ты сможешь найти какой-то нарек. Кто-то может тебе прошептать: «Я отведу тебя к мастеру».

То же самое случилось после того, как был убит Аль-Хилладж Мансур. Суфии ушли в подполье, особенно суфии из той же школы, что и Аль-Хилладж. Сейчас, если ты хочешь найти суфийского мастера, это нелегко. Ты должен искать его много месяцев, не зная, есть вообще кто-то, подобный суфийскому мастеру. Но продолжай заходить в рестораны, говорить, что ты приехал, чтобы найти суфийского мастера. В лавках, на рынках - везде, где ты только кого-то встречаешь, - продолжай посылать свои стрелы во тьму.

Кто-то, может быть, скажет:

- Тебя это действительно интересует? Я могу отвести тебя к моему мастеру. Давай встретимся вечером в определенном месте.

Может уйти два или три года, чтобы найти такого человека. И он отведет тебя к мастеру ночью. Они встречаются тайно.

Там сидит мастер. Они носят только белые шерстяные одежды; именно поэтому их называют суфиями: *суф* значит «шерсть». И мастер сидит в белой шерстяной одежде, а вокруг него - двадцать или тридцать учеников в одинаковой одежде, и тебя представляют мастеру.

Он спрашивает:

- Сколько времени ты спрашивал обо мне? - потому что это не первый человек, который мне о тебе сказал. Мне сообщали многие другие. Но нужно терпение. Я ждал, чтобы посмотреть, достаточно ли у тебя терпения, и только сегодня я позволил этому человеку... Я сказал ему: «Он ждал три года, двигаясь без всякого направления, спрашивая о суфийском мастере. Приведи его ко мне!»

Организованные религии убивали настоящих религиозных людей, и организованные религии использовались для того, чтобы эксплуатировать массы. Они притворяются настоящими религиозными людьми. Реальность состоит в том, что настоящие были убиты этими самими людьми. Это - преступники.

Когда Викрамадитья убил двадцать тысяч человек... Они никому не причинили вреда - какое тебе дело до того, что им нравится быть обнаженными под одним платьем? Каждый обнажен под платьем. И если они выбирают жить вместе под одним платьем... Это было методом тантры: если женщина и мужчина просто остаются в одной одежде, их энергии постоянно создают органическое целое, и это органическое целое можно использовать для высшего развития.

Они никому не причиняли вреда - это было просто то же самое преступление: разращение молодежи. Видя их в таком положении, молодой человек начнет делать то же самое, и это разрушит все достоинство общества, всю респектабельность общества. Я не вижу, как это может разрушить мораль общества. Но вы не позволяете людям быть самими собой, поэтому каждый, кто пытается быть индивидуальностью, должен быть разрушен. Из-за этого тантрики стали работать тихо, шепотом.

Любимый Ошо,

В существовании только представители животного царства способны употреблять в пищу самих себя. Капуста не может съесть на завтрак морковку, но человек известен даже тем, что когда-то ел на обед другого человека. Человек дзен растворился в безграничном существовании, и он выбирает, не есть мясо. Пожалуйста, объясни.

Во-первых, ты не знаешь, что даже животные не едят животных своего вида. Лев не станет есть другого льва, змея не укусит другую змею. Да, животные могут есть животных другого вида. Овощи обычно не могут этого делать, но есть деревья, редкие деревья в Африке, - они все еще существуют, - которые едят животных, птиц и даже людей. Они используют свои большие листья и прекрасный аромат, чтобы привлекать птиц. Привлеченная ароматом, птица подлетает к дереву, думая, что это обычное дерево, а когда она садится на дерево, лист закрывается и высасывает из птицы кровь.

Некоторые деревья способны ловить животных ветвями и есть их, а некоторые деревья могут даже двигаться. Они перемещаются с одного места на другое. Им нужна очень мягкая земля, в которой они могут пользоваться корнями, как ногами. И они подходят к спящему человеку или спящему животному и съедают его.

Человек ел все, что только возможно. Он - великий пожиратель. Вещи, которых даже представить себе нельзя в качестве еды, ест тот или другой человек в том или другом месте. Есть каннибалы, которые едят людей. В начале этого века в Африке было три тысячи каннибалов, племя каннибалов; теперь их осталось только триста. Никто больше туда не ходит. Очень трудно стало найти нового человека, поэтому они едят друг друга... стариков, детей. И мало-помалу, вместо того чтобы три тысячи превратились в тридцать тысяч, их население снизилось до трехсот. Они исчезают.

Но они такие же человеческие существа, как и мы. И те, кто попробовал человеческое мясо, говорят, что это самое вкусное блюдо в мире. Вы на самом деле упускаете самое вкусное блюдо в мире! Но вы едите животных, которые так же живы, как и человек.

Человеку свойственны некая животность, насилие, которое он приносит с собой от рождения. Даже маленькие дети находят каких-то муравьев или тараканов и убивают без всякой причины; это приносит им радость. И то же самое... Есть столько охотников, которые охотятся на оленей, львов и тигров, и они называют это «игрой». Но это странно: когда лев съедает охотника, это не называется игрой. Это абсолютно нелогично. В игре всегда есть две стороны. Если ты убиваешь льва, это «игра», но если лев убивает тебя, это «трагедия». Странно! Лев убивает тебя своими

силами; ты же убиваешь его издалека, из ружья, из лука, с применением всевозможных средств. Ты - трус.

Я жил во дворце махараджи в Бхавнагаре, и весь этот дворец был полон львиных, оленьих, тигриных голов, развешанных по стенам. Это был такой большой дворец... тысячи животных. И он с большой гордостью показывал людям... рассказывая, кто убил какое животное, - вот это убил его отец, вот это - его дед, вот это убил он сам, вот это убил его брат, его сын. Таким же образом он показывал все эти вещи и мне, когда я приехал в первый раз.

Я сказал:

- Неужели в вашей семье никогда не рождалось ни одного человеческого существа?

- Что ты имеешь в виду? - сказал он.

- Все, что вы делали, это убивали животных. С какой целью? У вас достаточно еды, вам не нужно их убивать.

- Это игра, - сказал он.

- Но у игры есть какие-то правила. Обе стороны должны быть обеспечены соответствующими инструментами. Обе стороны должны встретиться друг с другом при полном свете. Если ты прячешься за деревом с автоматом и убиваешь невинного оленя, неужели ты думаешь, что играешь в игру? И какая роль в этой игре отводится оленю? Согласен ли он играть в эту игру? И это очень несправедливо: почему ты сидишь на верхушке дерева?

Ты просто трус, даже со своим автоматом. И это не игра, это просто свойственное тебе насилие, которое ищет какого-то способа разрушения. И если у тебя есть хоть искра человечности, убери всю эту чепуху из этого дворца! Это показывает твое настоящее лицо. Это не головы животных, это твои головы.

Он не мог понять. Он сказал:

- Никто не говорил мне таких вещей. Премьер-министр здесь бывает, президент здесь бывает, и они восхищаются этим. «Как велика твоя семья, в которой каждый охотник!»

- Я не могу тебе лгать, - сказал я. - Вот то, что я вижу.

Ты спрашиваешь, почему человек дзэн прекращает есть мясо. Для этого не нужно быть человеком дзэн, не нужно никакого просветления, нужно лишь немного чувствительности, уважения к жизни. Точно так же, как хочешь жить ты, хотят жить и все остальные, и этот мир - не твоя монополия.

Ты здесь гость, и тигр - точно такой же гость, что и ты. Если ты убиваешь тигра, это просто доказывает твою тупость. Меня беспокоит не тигр, потому что тигр в любом случае однажды умрет - и неважно, случится это в понедельник или во вторник; это всего лишь семь дней недели. Меня беспокоит ты, потому что если ты убиваешь человека, животное или любое другое живое существо, это более и более превращает твое сердце в камень. А если твое сердце становится камнем, скалой, духовный рост становится невозможным. Эта скала не позволит тебе достичь своего внутреннего существа. Она преградит тебе путь - и прежде чем ты создал ее сам, ее не было.

Для меня основной вопрос в том, что все, что останавливает твою эволюцию в сознании, есть зло - и грех, - а все, что помогает тебе двигаться к большему сознанию, есть добродетель. Это единственное определение, которое я могу тебе дать. И тогда ты можешь легко его применять. Будь более эстетичным, более чувствительным, более уважительным к жизни - потому что ты ее часть. Кого бы ты ни убивал, ты убиваешь самого себя. Твоя разрушительность сродни самоубийству.

Естественно, когда человек становится просветленным, есть мясо становится невозможно. На Востоке это было основным критерием. Именно поэтому буддисты, джайны, брамины не признают просветленным Иисуса или Мухаммеда - по той простой причине, что они продолжают есть живых существ. Они оуплены. Их сердца не полны любви и сострадания. Они недостаточно чувствительны, что абсолютно необходимо человеку, который просветлен. Он может быть только вегетарианцем, он не может быть не вегетарианцем.

Это не вопрос религии, это просто вопрос разума. Поэтому не откладывай - думая, что перестанешь есть мясо, когда станешь просветленным или человеком дзэн. Нет необходимости так долго откладывать. Тебе нужно только быть немного чувствительнее. Ты не станешь просветленным, перестав есть мясо, но это поможет. Это сделает тебя мягче, это сделает тебя более любящим, это сделает тебя более сострадательным. Это сделает тебя более, частью живой

атмосферы, которая тебя окружает. Мы ее части. И если ты что-то можешь сделать сейчас, зачем откладывать?

Жизнь человека, который стал просветленным, несомненно, претерпит большие перемены. Но даже не становясь просветленным, ты можешь произвести великие перемены в жизни - из сущего понимания. И эти перемены помогут тебе стать просветленным. Это работает в обоих направлениях: ты становишься просветленным, и в твоей жизни происходят перемены; ты меняешь бессознательные образцы жизни, и это помогает тебе стать просветленным.

Глава 37

Молчаливое равновесие

Любимый Ошо,

С тех пор как я стал саньясином, я думал, что мне нужно в меньшей степени использовать ум и быть ближе к сердцу. В то же время я слышал, что ты говоришь, что мы должны тренировать наши умы, чтобы удерживать разум живым и помогать ему, становиться острее и острее. Не будешь ли ты так добр, объяснить это?

Жизнь не так проста, как ты думаешь, она очень запутанна. Это правда, если ты хочешь быть связанным со мной, ты будешь более и более в сердце, не в уме, потому что у ума нет подходящих качеств для внутреннего роста. У него есть величайшая мощь для внешних исследований, для объективного, для научной работы. Но для религиозного роста он абсолютно бесполезен.

И если ты слушаешь меня из ума, тогда то, что я тебе говорю, окажется потерянным в пустыне. Мои слова никогда не достигнут твоего сердца. Именно поэтому я всегда настаивал: отложи ум в сторону и будь со мной со всем своим сердцем, с любовью, с доверием.

Но это только часть истории. Когда я говорю, что хотел бы сделать твой ум, как только возможно более острым, это совершенно другое измерение, потому что если только твой ум не достаточно остр, ты будешь поработен обществом. Ты уже поработен обществом, потому что твой ум с ним не боролся; он был ему послушен.

Оба эти утверждения относятся к разным контекстам, поэтому не смешивай их. Когда я говорю быть со мной сердцем, отложить ум в сторону, - это одно, один контекст, контекст ученичества. И если ты можешь действительно сделать это тотально, то сможешь достичь высочайших вершин, вершин преданного.

Есть три стадии. Студент слушает только из ума; он собирает знания, но не становится познающим. Ученик пытается отложить ум в сторону и слушать из сердца. Он совершает усилие. Ум будет снова и снова вмешиваться; усилие не будет тотальным, но все же если что-то достигает сердца, хотя бы несколько семян, вскоре это изменит весь цвет твоего существа. Недалеко время года, когда сердце начнет расцветать. В этой точке ты достигаешь границы становления преданным.

Теперь ты способен отложить ум полностью и тотально в сторону, без всякого его вмешательства... как будто ты вообще не ум. Ты - только сердце и сердце. Каждый твой фибр начинает пульсировать любовью, открытостью, уязвимостью. Преданный и мастер начинают сливаться друг с другом.

Ученик изредка получает проблеск, но преданный становится тотально единым с мастером. Ученик может упасть, снова оказаться втянутым в ум. Преданный разрушил мост, ведущий к уму. Он не может вернуться обратно, с прошлым покончено. Он стал неотъемлемой частью энергии мастера.

Это один контекст. Ты путаешь его с другим контекстом. Что касается общества, внешнего мира, религий, правительств, ты должен быть очень остро разумным, иначе они поработят тебя. Они будут тебя эксплуатировать. Они делали это веками. Они не позволили миллионам людей выйти за пределы тринадцатилетнего возраста в том, что касается ума. Человеку может быть семьдесят лет, но ум его остается умом тринадцатилетнего ребенка. Именно это я подразумеваю под умственной отсталостью.

Общество не хочет, чтобы ты выросл, оно хочет, чтобы ты просто старел. Оно хочет, чтобы ты функционировал как машина, робот - абсолютно послушный, без всяких возражений, без

всяких вопросов. Ему нужно, чтобы ты был эффективным. Для общества ты не индивидуальность, которую следует уважать, но только механизм, который следует использовать, и нет другого оскорбления, нет другого унижения уродливее, чем использовать людей как машины, как вещи.

Против общества используй ум. Ум - это совершенное приспособление, чтобы сделать тебя независимым, чтобы удерживать тебя бдительным. Это хороший борец, но это не влюбленный. Поэтому когда есть необходимость бороться, когда есть необходимость встать на защиту своей свободы, используй ум; сердце никак не поможет. Сердце не знает способов бороться.

Но этот контекст совершенно другой, и я называю сознательным человека, который способен использовать эти возможности в правильном контексте и который их не путает. Глаза для видения - ты не можешь ими слышать. А уши для слушания - ты не можешь ими видеть. Используй их, когда есть необходимость, и не позволяй им становиться друг у друга на пути.

Ум - это прекрасный инструмент. Он должен быть обострен, но помни его ограничения. Он должен оставаться слугой сердца. В то мгновение, когда он становится хозяином, сердце просто умирает. В рабстве сердце не может жить.

Поэтому нет никакого противоречия в том, что я сказал, - просто два разных контекста. А твое сознание отлично от них обоих, поэтому сознательный человек может использовать сердце, когда нужно, использовать ум, когда нужно, может заставить обоих умолкнуть, когда он хочет быть абсолютно в состоянии нирваны, где не нужно ни ума, ни сердца. Когда он хочет просто быть самим собой, не нужно ни того, ни другого.

Если ты хозяин своих инструментов, нет никаких проблем. Если у тебя есть флейта, и я прошу тебя: «Не перестанешь ли ты играть на несколько минут - я хочу поговорить с тобой», а ты говоришь: «Я не могу этого сделать, флейта не хочет перестать», что о тебе подумают? Ты ненормальный. Флейта не хочет перестать? Значит, не ты играешь на флейте, это флейта играет на тебе. Когда ты хочешь остановить ум, просто скажи: «Остановись», - и он должен остановиться. Если он движется хотя бы немного, это значит, что что-то нужно срочно предпринять. Это опасно: слуга пытается быть хозяином. Слуга должен быть слугой, а хозяин должен быть хозяином. А за пределами их обоих - твое существо, которое ни хозяин, ни слуга... которое просто есть. Эта «есть-ность» (Is-ness) является целью всех медитаций.

Любимый Ошо,

В эту прошлую неделю я прочитала три тома «Дисциплины трансценденции» - твоих лекций о сутрах Будды. Я осознала в себе странный синтез - что я «романтичный ученый». Завтра полнолуние Будды. Ты - господин полной луны - для меня очень романтичен. Является ли это также и научным?

Кавиша, это работа всей моей жизни - приблизить обыденное к священному, приблизить науку к поэзии, приблизить обыкновенное к романтичному. Разделение между ними - это разделение в каждом человеке, и тогда возникает конфликт: вместо того чтобы быть в гармонии, наука борется с вашей религией, математика борется с вашей поэзией.

Жена Альберта Эйнштейна была поэтом. Они действительно выбрали ночь полнолуния для своего медового месяца - это было ее идеей. Эйнштейн неохотно согласился, но не мог понять, что общего имеет полнолуние (Full moon) с медовым месяцем (Honeymoon), кроме слова «луна» (Moon).

Более того, когда она показала ему стихотворение, специально написанное в честь их медового месяца, где она описывает возлюбленного как Луну, Эйнштейн рассмеялся и сказал:

- Прекрати эту чепуху. И лучше прекратить во время этого медового месяца. Никогда больше не делай со мной ничего подобного, потому что Луна так велика: ты не можешь сравнивать меня с Луной. И в Луне нет ничего красивого.

Если ты стоишь на Луне, Земля покажется освещенной, а Луна будет в точности похожа на Землю - без всякого света. Это только иллюзия: какие-то отраженные лучи создают красоту Луны, у нее нет никакого собственного света. Свет Луны заимствован, он просто отражается. Он отражается и от Земли; чтобы это увидеть, тебе просто нужно быть достаточно далеко.

Астронавты не могли поверить своим глазам, глядя на красоту Земли с Луны. Луна была ничем не замечательна. Там не растет даже трава, нет никакой воды, никаких прекрасных гор, никаких деревьев, никаких птиц, никакой жизни - просто голая земля, совершенно бесплодная. Но если

оттуда смотреть на Землю, Земля выглядит такой великолепной, такой красивой, и, естественно, она гораздо больше. Луна - это маленькая часть этой Земли. Она во много раз больше Луны, и, естественно, ее свет ярче. Они не могли поверить, что Земля может быть такой красивой.

Альберт Эйнштейн сказал своей жене:

- Все это поэтическая чушь.

Она была потрясена, но поняла: он математик, физик, и бесполезно говорить с ним о путях сердца. Он понимает только один язык - язык ума. Он понимает только один способ смотреть на вещи - способ логики, не любви. Но ее сердце было разбито тем, что она должна будет жить с этим человеком всю жизнь, и не сможет разделить свое творение с человеком, которого любит, потому что он просто посмеется и заставит ее чувствовать себя глупой.

Естественно, если ты привносишь математику, физику и химию, тем самым ты разрушаешь поэзию. Поэзия не имеет ничего общего со всеми этими вещами.

Мои усилия направлены на то, чтобы человек был способен быть великим математиком, в то же время не теряя способности быть поэтом. Это два отдельных центра в его существе, и нет никакой необходимости создавать между ними конфликт.

Когда ты работаешь над какой-либо математической проблемой, работай над ней умом. Но когда ты с возлюбленным, отложи ум в сторону, иначе ты не можешь быть с возлюбленным. Этот синтез состоит не в том, чтобы подняться над ними обоими, чтобы ты могла пользоваться любым из них в соответствующей ситуации, не встречая препятствия со стороны другого.

Твой синтез будет твоим сознанием, которое за пределами и ума, и сердца. А когда человек чувствует себя синтезированным, когда это разделение исчезает, возникает огромная радость, потому что впервые он чувствует свою целостность и священность.

Любимый Ошо,

За многие годы я слышал от разных саньясинов, что они пережили сатори. Что такое в точности сатори, и как оно приходит?

Сатори - это проблеск предельного... как будто ты видишь гималайские вершины. Но ты далеко, ты не на вершинах, ты не стал этими вершинами. Это прекрасный опыт, очень чарующий, волнующий, бросающий вызов. Может быть, он сможет привести тебя к самадхи. Сатори - это проблеск самадхи.

Самадхи - это осуществление сатори. То, что было проблеском, теперь стало для тебя вечной реальностью. Сатори подобно раскрытию окна - входит немного ветра, немного света. Ты можешь увидеть участок неба, но он обрамлен оконной рамой. Твое окно становится обрамлением неба, которое ничем не обрамлено. Но если ты всегда жил в комнате и никогда из нее не выходил, естественным заключением будет, что небо обрамлено окном.

Только в этом десятилетии некоторые из современных художников стали писать картины без рам. Это было шоком для всех любителей искусства, которые не могли этого постичь: какой смысл в картине без рамы? Но эти современные художники говорят:

- В существовании ничто не обрамлено, поэтому если создать красивый естественный пейзаж в раме, это будет ложью. Обрамление создает ложь - оно прибавлено тобой. Его нет снаружи, поэтому мы отбросили рамы.

Сатори - это лишь проблеск, виднеющееся в окне прекрасное небо, полное звезд. Если это сможет пригласить тебя выйти наружу и увидеть ничем не обрамленный простор всего неба, полного миллионов звезд, - это самадхи.

Слово самадхи красиво. *Сам* значит равновесие; *адхи*, другая часть самадхи, значит, что все напряжения, вся суматоха, все беспокойства исчезли. Есть только молчаливое равновесие... как будто время остановилось, все движение замерло. Даже почувствовать это на одно мгновение достаточно: ты не можешь больше этого потерять.

Сатори может быть потеряно, потому что это был только проблеск. Самадхи потерять нельзя, потому что это осознание. Сатори случается на подступах к самадхи, но оно может стать либо помощью, либо преградой - помощью, если ты понимаешь, что это только начало чего-то более великого, преградой, если ты думаешь, что подошел к концу.

В медитации ты сначала придешь к сатори - там и сям несколько проблесков света, блаженства, экстаза. Они придут и уйдут. Но помни, как бы они ни были красивы, поскольку они приходят и уходят, ты еще не пришел домой - куда ты приходишь, чтобы не уходить больше никогда.

Любимый Ошо,

Я прочитал статью о саньясинах в Германии. Некоторые вещи поразили меня. В статье говорилось, что для многих саньясинов саньяса, кажется, превратилась в просто модное движение. Меры предосторожности против СПИДа, которые ты рекомендовал, многие саньясины больше не применяют, и на вопрос почему, они отвечают, что эти меры были одним из путешествий власти Шилы. Некоторые саньясины сняли свои малы и красную одежду, и они предлагают другим саньясинам «продолжать их носить, если это для них все еще что-то значит». Некоторые саньясины, кажется, используют твои слова, чтобы рационализировать свое эгоистическое поведение.

Мне кажется, что не только твои терапевты, но также и многие другие саньясины идут по так называемому «пути свободы», о котором ты говорил в связи с некоторыми саньясинскими терапевтами. Ошо, что происходит с саньясинами?

В этом вопросе много вопросов. Во-первых, меры предосторожности против СПИДа не имели ничего общего ни с чьими путешествиями власти. Фактически меры предосторожности, принимаемые в нашей коммуне, сейчас признаются многими правительствами мира - точно те же меры предосторожности. Даже Америка во многих штатах принимает те же меры предосторожности... конечно, не упоминая моего имени. Никто нигде не отдает дань вежливости. Мы были первыми, кто предпринял эти меры предосторожности, и они будут использоваться во всем мире, потому что СПИД продолжает распространяться.

На днях Анандо сообщила мне, что нашли новый вирус. Старый вирус СПИДа сохранился, но родился еще и новый вирус, который, кажется, гораздо опаснее, потому что его нельзя засесть в крови. Первый можно найти; второй усовершенствовал себя - его нельзя найти, поэтому ты подумаешь, что его нет. Он убьет тебя и других, с кем ты контактируешь.

Но поскольку я рассеял организованную форму религии, которая имела место, потому что я был в молчании, теперь каждая индивидуальность ответственна за себя. Нет никакой организованной, централизованной системы, которая заботилась бы о вас. И это в действительности и есть то, что значит свобода: свобода значит ответственность. Но только для идиотов свобода значит распущенность.

Мои усилия направлены на то, чтобы дать вам больше ответственности, больше свободы. Я разрешил саньясинам... Я предоставил на их усмотрение, носить ли малу и красное. Те, кто действительно понял, ничего не изменили; те, кто неохотно носил малу, кто принуждал себя носить красное, отбросили это. Это не потеря. Я освобожден от великого бремени идиотов, которые пришли в движение саньясы, сами не понимая, зачем они это делают. И, наверное, они говорят другим тоже отбросить малы, отбросить красное, «потому что так сказал Ошо».

Я не сказал их отбросить, я просто дал вам выбор. Теперь вам выбирать, носить их или отбрасывать. Но почему они говорят что-то другим? Наверное, они испытывают чувство вины за то, что они их отбросили, а другие нет; может быть, они делают что-то неправильное. Если другие тоже отбросят, это позволит им почувствовать определенное облегчение: они не единственные, кто отбросил. И самое странное в том, что я им сказал: «Можете отбросить малу и красную одежду, вы останетесь по-прежнему саньясинами».

Но очень трудно предсказать, что сделает глупый ум и как он поймет. Они не просто отбросили красную одежду, они говорят, что отбросили и саньясу, «потому что так сказал Ошо». Что я на самом деле сказал, это то, что буду принимать саньясинов даже без красной одежды и малы. Но они думают, что они больше не саньясины, и пытаются сделать так, чтобы другие сделали то же самое - и делают это вопросом свободы.

Другие должны им отвечать:

- Это наша свобода, носить красное или нет, и нам это решать. Ты решил не носить - это твое дело. Кто ты такой, чтобы что-то нам предлагать или навязывать какие-то идеи? Это против свободы - пытаться кого-то обратить.

Все миссионеры против свободы.

Но что касается меня, я счастлив, что большой груз снят с моих плеч, потому что я чувствую себя ответственными за вас, я хочу, чтобы вы росли. Я не хочу, чтобы ваша жизнь была потрачена впустую. Если вы не можете расти, даже когда я здесь, когда же вы сможете вырасти?

Поэтому что бы ни происходило, это очень хорошо. Останутся только те, кто достоин остаться. Те, кто уйдет, напрасно тратили мое и свое время, они должны были уйти давно. Теперь саньяса будет совершенно другим движением: она будет для более подлинных искателей. Она будет не просто для каждого, кто хочет сменить общество, потому что это общество ему надоело. Он хочет найти альтернативное общество, и он присоединяется к саньясинской коммуне в качестве альтернативного общества - но в нем нет ни стремления, ни жажды истины.

Только потому, что в этом обществе люди носят красное - а он не хочет выглядеть неловко, странно, чужеродно - он начинает носить красное, становится саньясином. Но его реальность в том, что он просто бежит из большого мира, где все ему совершенно надоело, и ему некуда больше было пойти. Эта коммуна стала приютом для всех возможных людей.

Теперь саньяса будет школой, мистической школой. К ней будут присоединяться лишь те, кто хочет вырасти и измениться. И есть миллионы людей, которые хотят больше сознания в своих существах, которые чувствуют себя сонными и бессознательными. Поэтому не беспокойся о том, что некоторые старые саньясины исчезнут; придут новые, со свежей кровью.

И теперь это будет совершенно другим явлением. Я постепенно изменю цвет во всем мире, и это будет значить не просто жить вместе, но вместе расти.

Любимый Ошо,

В то время как саньясины очищают себя от обусловленности общества, возможно ли, что они могут принять как очередной вид обусловленности некоторые стороны твоего учения - такие как необходимость быть тотальным, сомневаться, если только мы не знаем нечто по собственному опыту, не быть ревнивыми, и так далее? Не будешь ли ты так добр, объяснить, в чем твой способ работы с нами отличается от простой перемены одного набора ценностей - а значит и обусловленностей - на другой?

Прежде всего, то, чему я учу, не является новыми ценностями, новым набором ценностей взамен старых.

Например, есть люди, которые верят в Бога, - это один набор. Есть люди, которые не верят в Бога, - это другой набор. Я говорю людям, что дело не в веровании. Перемена одной обусловленности на другую изменяет обусловленность, но ты остаешься обусловленным. Я же говорю тебе оставаться без всякой системы верования и самому исследовать реальность - и что бы ты ни нашел, это твоя истина.

Нет необходимости в нее верить, потому что как только ты что-то узнаешь, о вере не может быть никакой речи. Ты веришь только в те вещи, которых не знаешь. Если ты их знаешь, ты знаешь: верование неуместно.

Таким образом, я не даю тебе никакого другого набора верований, другой системы ценностей, я даю тебе определенную технику, чтобы ты мог разрушить всю свою обусловленность. Сама по себе эта техника не является обусловленностью. Она не может быть обусловленностью, потому что от тебя не требуется, чтобы ты в нее верил; от тебя требуется, чтобы ты переживал опыт, и пока твой опыт что-то не поддерживает, нет никакой необходимости верить в его достоверность.

Суть не в том, что ты должен верить в то, чтобы жить тотально, потому что я это говорю. Я говорю, что я живу тотально, и нахожу это единственным способом жить. Ты можешь тоже попытаться. Я не говорю тебе верить в то, что нужно жить тотально; нет необходимости ни в каком веровании. Либо живи тотально, либо не живи. Но если ты решишь попробовать, начнешь исследование с чистым умом, без всякого верования, просто чтобы посмотреть, что это такое, и если случится так, что это окажется радостью, счастьем, празднованием, ты свободен выбрать, продолжать это или нет.

Все обусловленности основаны на веровании.

А все мои усилия в том, чтобы единственным критерием стал опыт, не верование.

Все верования - ложь.

Даже моя истина - не твоя истина.

Твоей истиной может быть только твоя истина.

Поэтому не может быть речи, ни о какой обусловленности. Но тот, кто задал этот вопрос, просто мыслит интеллектуально, не пробует. И логически он может убедить себя: это новый набор ценностей, это снова обусловленность. Так что ты собираешься делать? - что бы ты ни сделал, это будет новым набором ценностей; если ты ничего не делаешь, новым набором ценностей будет и это, поэтому ты не можешь выбраться из обусловленности.

В твоём вопросе больше утверждения, чем вопроса. Ты говоришь, что нет способа выбраться из обусловленности, так зачем об этом беспокоиться? Оставайся в старом, потому что новое тоже будет обусловленностью. Старое, по крайней мере, хорошо известно, хорошо проторенный путь - наследие наших отцов, древние истины. В это верили миллионы - зачем это менять? Ты просто пытаешься найти убежище в логическом жаргоне.

Посмотри снова на свой вопрос, и ты сможешь увидеть, что медитация - это не обусловливание. Это разобусловливание, потому что она не даст тебе никакого мышления, никаких мыслей, никакой идеологии. Она просто вычищает все и оставляет тебя совершенно пустым. Как она может быть обусловливанием?

Осознанность не может быть обусловливанием. Она - твоя собственная. Ты принес её с собой с рождением. Никто не может тебе её дать; тебе просто нужно выбросить весь мусор, который к ней прилип.

Мое усилие в том, чтобы дать тебе твою собственную индивидуальность. Я не хочу, чтобы к тебе что-то было прибавлено. Ты родился совершенным, общество сделало тебя несовершенным. Я просто хочу, чтобы ты осознавал свое совершенство, свою красоту, свою радость, все те благословения, которые возможны для тебя и которым мешает общество, обуславливая твой ум.

Я не даю тебе никакой обусловленности. Если бы возможно было сделать людей осознанными обусловливанием, все было бы очень просто. Если бы возможно было сделать людей блаженными простым обусловливанием, все было бы так просто. Тебя заставили верить в сущую ложь - в Бога, пророков, спасителей, инкарнации, - но никто не смог обусловить тебя быть блаженным, спонтанным, тотальным, потому что это качества, которые в тебе уже есть, их нужно только заново открыть.

Обусловленные вещи - это качества, которых в тебе нет, но которые обществу удастся тебе навязать, постоянно повторяя, наполняя твой ум мыслями, и в которые мало-помалу ты начинаешь верить, потому что люди боятся пустоты, а эти мысли дают тебе чувство наполненности.

Но чудо в том, что если ты достаточно храбр, чтобы быть пустым, ты будешь наполнен своими естественными качествами, которые безмерно красивы, и предельным свойством которых является вечность. Однажды найденные, они никогда не будут потеряны.

Любимый Ошо,

На днях ты говорил о неспособности князя Кропоткина понять, что настоящий рост может случиться только снизу вверх и не может быть навязан сверху. Кажется, это случай поражения, свойственный каждой идеологии. Идеи формулируются в план, который навязывается существованию. Это немного похоже на то, чтобы прийти в сад, найти стебель цветка, лежащий на земле, прилепить к нему красивые лепестки, воткнуть в землю, вертикально и выглядеть удивленным и страдать от разбитого сердца, когда он падает на землю, несмотря на их крики: «Как это прекрасно!»

Не будешь ли ты так добр прокомментировать.

Это правда, все идеологии, потерпевшие поражение, имели один и тот же недостаток: они пытались изменить общество, меняя его структуру - правительство, религию, экономическую структуру общества. Все они рассматривают общество как единицу, которую нужно изменить, но никто не заботился о том, что общества не существует. Существуют только индивидуальности.

Общество подобно джунглям. Издали ты видишь джунгли, приблизившись же к ним, ты начинаешь находить индивидуальные деревья. Ты можешь пройти многие мили в поисках джунглей, но их нигде не найти, ты всегда сталкиваешься только с индивидуальным деревом. Джунгли - лишь иллюзия: столько деревьев, видимых издали, выглядят так, словно представляют собой одно целое.

Общества не существует. А все эти идеологии пытаются изменить общество. То, чего не существует, невозможно изменить - вот в чем их неудача. Это очень простой факт: если хочешь

изменить общество, измени индивидуальность. Думаешь ли ты, что если все индивидуальности изменены, останется изменить еще и общество? Если все индивидуальности изменены, ты не найдешь никакого общества, чтобы его изменить. С изменением индивидуальностей общество изменится автоматически. Оно было только названием.

Князь Кропоткин был красивым человеком, очень невинным, и его идея совершенна, но предлагаемая им техника претворения этой идеи в реальность нежизнеспособна. Она инфантильна. Она никогда не сможет привести к успеху.

То же самое произошло с Карлом Марксом. Он подумал, что сначала бедные должны получить всю власть и создать диктатуру пролетариата, и тогда они заставят богатых разделить богатство поровну, а как только богатство будет разделено, и не останется никаких классов, функция диктатуры будет завершена. Очень логично. Но это одно из бедствий: логика - творение рук человека, и существование не имеет никакого обязательства ей следовать.

В Советском Союзе это происходит уже семьдесят лет: богатые давно исчезли. Теперь нет класса буржуазии, богатых; все одинаково бедны. Пришло время, давно пришло время диктатуре исчезнуть. Но Маркс никогда не думал, что людям, которые окажутся у власти, не захочется потерять власть. Почему люди, у которых есть деньги, не хотят ими делиться? - потому что деньги дают власть. Это та же самая простая вещь.

Почему же люди, находящиеся у власти в Советском Союзе, должны начать стремиться к тому, чтобы их власть исчезла, и они стали обычными гражданами? Им хочется цепляться за власть, и теперь в России, кажется, нет никакой возможности революций.

Даже если сам Карл Маркс захочет приехать в Россию, ему не дадут визы, потому что он опасный человек. Он будет говорить о том, чтобы распустить диктатуру пролетариата - она больше не нужна.

Никогда еще во всей истории не причиняли вреда, сравнимого с диктатурой пролетариата. Один Сталин убил миллионы человек, чтобы распределить богатство. Ни у одного богатого человека никогда не было такой власти, как у него. Впервые правительство, облеченное такой властью, пришло в существование во имя бесклассового общества, во имя рассеивания всей власти. И то, что они делают с людьми, просто невообразимо.

Один человек получил Нобелевскую премию в области химии, и Советский Союз не хотел, чтобы он ее принял, но он сказал: «Это не имеет ничего общего с правительством; это моя личная заслуга, я внес вклад в химию и получаю всемирное признание». За то, что он принял Нобелевскую премию, его тут же арестовали и посадили в тюрьму.

Три недели ему не давали спать. Ему постоянно делали уколы, чтобы он не мог спать. И мало-помалу через десять дней он стал терять интерес к своей семье. Через пятнадцать дней он стал терять интерес к химии, а через три недели он потерял интерес ко всему, даже к самому себе. Пытка была такой, что даже смерть казалась ему легче. Продержав его три недели таким образом, заставляя оставаться в живых, его привели в суд.

Просто посмотрите на эту стратегию: чтобы соблюсти формально закон, его привели в суд. Судья задавал ему вопросы, и он не отвечал. Он забыл даже язык. Он только оглядывался по сторонам - а он был гением! Весь его мозг разрушили. Судья сказал:

- Этот человек сумасшедший! Его нужно отправить в приют для умалишенных.

И с тех пор о нем никто не слышал. Наверное, он до сих пор находится в каком-то сумасшедшем доме. И это случилось с тремя Нобелевскими лауреатами. Это происходило с миллионами других людей. Мир никогда об этом не узнает, потому что радио принадлежит государству, телевидение принадлежит государству. Все средства массовой информации принадлежат государству, поэтому наружу выходит только то, что хочет правительство, иначе никто ничего не знает.

Людей просто будят ночью и говорят: «Вас вызывают в отделение коммунистической партии», - и они исчезают. Их дети и жены не видят их годами. Никто не слышит, что с ними происходит, и нельзя даже навести справки, потому что «это не ваше дело». Правительство точно знает, что оно делает. И это не только в Советском Союзе; это происходит везде.

Мое кругосветное путешествие было великим опытом. Здесь, в этой маленькой стране, которая притворяется демократической, три дня назад утром решили, что мне можно здесь остаться, и моим людям помогут сюда приехать, и мне предоставят все условия. Наверняка американский посол тут же связался с Рональдом Рейганом. Уругваю пригрозили, что если мне позволят здесь остаться, ему будет предложено немедленно выплатить все прошлые долги - а это миллиарды

долларов. Ни одна бедная страна не может их выплатить. Они не могут даже платить проценты. «А если вы их не выплатите, проценты будут повышены» - первое. И второе: «В будущем мы планировали предоставить вам миллионы долларов займов. Они будут отменены».

Немедленно, в одночасье, все изменилось. Президент сказал:

- Мы не можем позволить ему здесь оставаться. Рональду Рейгану, наверное, сообщили: «Правительство передумало и хочет выслать его из страны». Вчера они были вознаграждены. Им предоставили сто пятьдесят миллионов долларов немедленного займа и дали другую награду - двести миллионов долларов из их прошлых займов сброшено со счетов; они их больше не должны.

Немедленный приз в триста пятьдесят миллионов долларов!

Фактически, я думал послать к ним Анандо со словами: «А мои комиссионные? Вы получаете триста пятьдесят миллионов долларов. Справедливости ради вы должны выплатить мне комиссионные». И если это сделает каждая страна, я буду очень счастлив: я буду переезжать из страны в страну и получать комиссионные.

Но все это «демократия». Нет никакой разницы - отличаются только методы. В том, что касается цивилизации, не произошло никакого значительного прогресса.

Я часто вспоминаю о замечании Герберта Уэллса. Кто-то его спросил:

- Что вы думаете о цивилизации?

- Я думаю, это хорошая мысль, - сказал он, - но кому-то придется воплотить ее на практике. Этого еще нигде не случилось.

Созвучие слов wholeness и holiness.

Глава 38

Смерть происходит во мнении о тебе других

Любимый Ошо,

Пятнадцать лет назад я был политическим активистом и пытался изменить общество, распространяя идеи. Поражение и разочарование привели меня к тебе. Теперь, когда твои люди не могут тебя достичь, может ли распространение твоих идей и публикация твоих книг дать рождение новому человеку? Или есть что-то еще, что мы можем сделать?

Этот вопрос от Авеша. То, что ты делал до того, как пришел ко мне, и то, что я предлагаю делать сейчас, - не одно и то же. Ты работал под игом какой-то ложной предпосылки - что общество можно изменить, и индивидуальность изменится автоматически.

Ты потерпел поражение не потому, что распространял идеи, но потому, что идеи эти основывались на ложной посылке, что есть одушевленное общество, которое можно изменить. «Общество» - это только собирательное название. С ним ничего нельзя сделать. Все, что необходимо сделать, сделать можно только с индивидуальностью. Она представляет собой живую, понимающую часть существования.

Итак, первое: когда я говорю: «Пусть будет распространено Слово», я говорю об индивидуальностях, не об обществе.

И второе: ничто не имеет больше власти, чем слово. Оно так мощно, что библейская традиция начинается с него. «В начале было слово. Слово было с Богом. Слово было Богом».

Я не согласен с этим утверждением. «В начале было слово», но я, безусловно, согласен, что кто бы ни был тот, кто написал это библейское изречение, он безмерно осознавал власть слова. Он ставит его даже над Богом - потому что, в конце концов, весь «Бог» - только слово, и пустое слово, без всякого содержания. По крайней мере, у него было прозрение, что слово обладает такой властью, что должно стоять у истоков существования.

Я не могу согласиться с этим утверждением, потому что слово нуждается в ком-то, кто бы его понимал, кто придал бы ему смысл; иначе это только звук. Что такое слова? - звуки, которым мы придаем определенные значения. Значения произвольны, поэтому само слово может значить одно в одном языке, другое в другом, третье в третьем. В слове нет собственного смысла, слово

предполагает наличие смысла. Поэтому утверждение: «В начале было слово», хотя это и значительное утверждение, признающее власть слова, фактически не соответствует истине.

Индуистские писания - не одно, но сто восемь Упанишад - начинаются со звука, не со слова. Они начинаются с «ом» - и это не слово, потому что «ом» ничего не значит, не имеет никакого смысла. Это более глубокое прозрение. «В начале» может быть только звук, не слово. Звук может стать словом, когда есть кто-то, чтобы придать ему смысл.

Но есть буддистские писания, которые проникают в самый корень. Они говорят: «В начале было молчание».

Молчание, звук, слово - все это взаимосвязано. Молчание безгранично, как океан. Это потенциальный звук; он еще не проявил себя. Оно подобно музыке, спящей в струнах гитары, - понадобятся чьи-то пальцы, чтобы разбудить музыку. Молчание - это спящий звук. В начале может быть только молчание.

Прозрение углубляется от слова к звуку, и от звука к молчанию, но я не согласен ни с одним из этих утверждений, потому что никогда не было никакого начала. Сама идея начала ложна.

Если бы я должен был что-то написать, я написал бы: «В конце было слово, перед ним звук, перед ним молчание - если вообще есть какой-то конец». Конечно, никакого начала не было... не может быть никакого конца. Но для индивидуальных мыслителей, индивидуальных просветленных существ есть начало и конец в том, что касается других. Для самого просветленного человека есть лишь начало и нет никакого конца. И в этом начале - молчание.

Может быть, Упанишад подверглись влиянию просветленного опыта. Есть начало, когда исчезает твой ум, оставляя место вечному молчанию, но нет конца для твоего собственного «я» (Self). Конечно, с точки зрения других, ты умираешь, - но со своей собственной стороны ты жив. Смерть происходит во мнении о тебе других. Для них в конце будет слово - потому что послание мастера должно заключаться в слове или словах.

Поэтому не думай, что слова не имеют власти. Обычные, повседневные слова не имеют власти; они имеют только полезность. Но когда говорит просветленный человек, слово не имеет полезности; оно имеет лишь безграничную власть трансформировать твое сердце.

Поэтому когда я говорю: «Распространите слово», я подразумеваю: что бы я вам ни говорил, распространяйте это, как только возможно. Используйте все средства массовой информации, используйте все, что позволяет технология, чтобы слово достигло самых дальних уголков земного шара. И помните: оно гораздо мощнее любого ядерного оружия, потому что ядерное оружие может принести только смерть - это его власть. Но слово, исходящее из просветленного сознания, может принести тебе новую жизнь; оно может дать тебе второе рождение, воскресение - это его власть.

Разрушить что-то может любой идиот.

Для творения требуется разум.

Я оставлю вам слова безмерного потенциала. Если вы можете просто продолжать их шептать, вы удивитесь тому, что они могут изменить все человеческое сердце.

Если слово приходит из пробужденного сознания, оно проникает внутрь тебя и становится звуком - потому что смысл относится к уму. Глубже ума - не-смысл, просто звук. Но есть и глубина, в которой звук исчезает в молчании. Истинное слово, подлинное слово всегда создает в тебе молчание. Это критерий его власти - оно не пусто; оно содержит звук, звук содержит молчание, а молчание является самой природой существования.

Ты задаешь вопрос: «Будет ли достаточно просто распространять слово?»

А что ты предлагаешь - сделать бомбы? стать террористами? убивать людей? Что еще ты хочешь делать? Нет, больше ничего не нужно. Пробужденные люди за многие века не нашли ничего более мощного, чем слово. Дело только в том, чтобы распространить его, и распространить не как попугай, не как граммофонная запись, но распространять его как представитель. Что бы ты ни говорил, ты должен таким и быть; лишь тогда твои слова могут иметь власть.

Поэтому не волнуйся. Сколько императоров существовало за двадцать пять веков во всем мире? Но ничье имя даже не приближается к имени Гаутамы Будды. Одно лишь его имя стоит как Эверест - и рядом с ним все выглядит карликовым. А в чем была власть этого человека? Он ничего не применял, кроме единственного метода: трансформировать свое молчание в звук, в слова.

Именно это происходит внутри пробужденного человека. Он есть молчание: он заставляет молчание претворить свой потенциал в реальность; оно становится звуком. Он придает ему смысл - потому что только смысл может стать мостом.

Ты слушаешь слова. В тебе тоже происходит тот же самый процесс. Ты понимаешь смысл умом, но позволяешь звуку проникнуть глубже. Смысл остается в уме. Звук достигает сердца. И если ты позволишь звуку тоже исчезнуть, то достигнешь своего существа, которое есть молчание. То, что происходит в случае мастера, должно произойти в обратном порядке. Это кодовый язык - ты должен его расшифровать.

И дело не только в том, чтобы просто повторять то, что я говорю, дело в том, чтобы прожить это. Твоя жизнь должна быть доказательством этого; тогда ничего больше не нужно.

Вся человеческая эволюция случилась благодаря слову. Каждый мастер оставляет миру одушевленные слова, которые в правильных руках могут продолжать нести в себе неизмеримую энергию трансформации.

Мы здесь не для того, чтобы кого-то убить или что-то разрушить. Мы здесь для того, чтобы что-то создать, и самым существенным, самым центральным является сознание человека. Да, когда создано сознание, многое исчезнет само собой; тебе не придется этого разрушать.

В этом красота всей этой работы: ничто не разрушено, но тысячи вещей исчезают, и в конце концов, остается лишь одно - опыт вечного. В этом исчезаешь даже ты. Но даже назвать это «опытом» неправильно, это просто есть. То, чему я учу, - экзистенциальная революция.

Любимый Ошо,

Я наблюдал, как кошка играет с мышью, прежде чем ее убить. Как будто это игра. Кошка, кажется, испытывает столько удовольствия, мучая бедную мышь. Я часто чувствую, что вовлекаюсь, становясь на сторону бедной мыши.

Жестокость - это что, свойство существования, часть биологии?

Жестокость - это непонимание. Она возникает в нас из-за страха смерти. Мы не хотим умирать, поэтому прежде чем нас убьет кто-то другой, ты хочешь убить его, потому что лучший способ защиты - это нападение. Я цитирую Макиавелли, чья праправнучка стала саньясинкой. Макиавелли оказал огромное влияние на западный политический ум.

Такого же рода человек пять тысяч лет назад родился на Востоке; его звали Чанакья. Он оказал такое же влияние на восточный политический ум.

Ты удивишься, узнав, что даже после освобождения Индии и всех разговоров о ненасилии и великой власти ненасилия, которая принесла Индии свободу... пока Ганди был еще жив, дипломатический район Дели называли «Чанакьяпури» в честь этого человека, жившего пять тысяч лет назад, Чанакья. Чанакьяпури значит «Город Чанакьи». И он говорил именно то, что двести или триста лет назад сказал Макиавелли: «Лучшая защита - нападение».

Ты не знаешь, кто на тебя нападет. В животном царстве, в человеческом мире продолжается великое соревнование. И люди просто продолжают нападать, не заботясь о том, на кого они нападают, и о том, действительно ли кто-то хотел на них напасть. Нет способа это узнать - лучше не оставлять места случайностям.

И когда ты на кого-то нападаешь, мало-помалу твое сердце становится тверже и тверже, и ты начинаешь наслаждаться нападением. Это явление можно увидеть у животных, потому что это то же самое соревнование - за пищу, за власть...

Самые последние открытия показывают, что почти у всех животных есть определенная иерархия. Если ты видишь на дереве двадцать обезьян, самую высокую ветку занимает президент. Это обезьяна, облеченная наибольшей властью, она победила всех остальных. И конечно, поскольку она самая сильная, вокруг нее лучшие женщины. Никто не может касаться этих женщин. У бедных обезьян на нижних ветвях нет никаких женщин, потому что численность обоих полов одинакова.

Под президентом сидит премьер-министр, у него есть своя группа женщин. Затем следует кабинет министров. Спустившись в нижнюю часть дерева, ты найдешь обычных обезьян - бизнесменов, солдат. А в самом низу окажутся самые бедные обезьяны - нищие, попрошайки, преступники. У них ничего нет.

И часто возникает хаос. Если старая обезьяна умирает, снова возникает великий конфликт: кто займет ее место? Или даже если старая обезьяна еще жива, но стала слишком дряхлой, молодые обезьяны не могут этого стерпеть, они ее изгоняют. Какая-то молодая обезьяна становится главой

этой группы и захватывает женщин старой обезьяны, которая теперь оказывается на самой нижней ветке.

Точно как Ричард Никсон - никому нет до тебя дела, никого ты не волнуешь: ты потерпел поражение. Или Джимми Картер, который снова начинает свой бизнес по продаже арахиса, ничуть не стыдясь того, как глубоко падение от президентского кресла до арахиса. Что еще ему остается? И обо всех этих людях никто ничего не услышит, пока они не умрут. Тогда в газетах появится небольшое сообщение, что бывший президент великой Америки умер.

Жестокость - это не что иное, как дух соревнования, стремление быть первым. Если это подразумевает насилие, значит, насилие, - но он должен быть первым. Это есть в животных, это есть в человеке. Но зачем так спешить быть первым?

Экзистенциальная причина заключается в смерти. Жизнь неопределенна: сегодня ты жив, завтра, может быть, тебя не будет в живых. Стольким нужно насладиться, а время так коротко. Времени так мало, а столько нужно прожить, столько полюбить, стольким насладиться, что это создает определенную лихорадочную спешку: ты должен всего достичь первым, чтобы ничего не упустить. А если кто-то другой достиг этого раньше, тогда, если нужно его убить, убей.

Жестокость исчезает лишь тогда, - и именно так я нашел ключ к разгадке того, почему вообще существует жестокость, - когда ты знаешь, что смерти нет. Когда ты переживаешь опыт чего-то бессмертного в себе, вся жестокость исчезает. Тогда это неважно. Тебе не нужно бежать, ты можешь просто выйти на утреннюю прогулку. И если кто-то тебя толкает, ты можешь позволить ему пройти вперед, потому что этот бедняга не знает, что мир бесконечен, что жизнь бесконечна. Нет никакой возможности что-то упустить - если не сегодня, значит, завтра. Но если ты понимаешь, то не можешь ничего упустить.

Фактически, борясь и проявляя друг к другу жестокость, насилие, вы можете упустить многое, потому что весь этот процесс ожесточит вас, сделает ваше сердце подобным камню. А превратившись в камень, сердце упустит все, что только есть великого, красивого, блаженного.

Но животным это трудно объяснить. Настоящая проблема в том, что даже человеческим существам трудно объяснить, что в соревновании, в насильственных амбициях, в достижении первенства вы создаете ненормальный мир, в котором никто ничем не наслаждается, и каждый остается бедным.

Единственный способ дать людям это понять - это дать им почувствовать свое бессмертное «я», и немедленно вся жестокость исчезнет. Именно краткость жизни создает эту проблему. Если тебя с обеих сторон окружает бесконечность - прошлое и будущее - нет необходимости торопиться, нет необходимости даже соревноваться.

Но очень немногие люди будут медитировать, и очень немногие люди узнают бессмертное «я»; тогда, естественно, они станут жестокими и насильственными. Это никакое не свойство, не что-то, данное вам от природы. Это побочное следствие, непонимание, и вы ничего не сделали, чтобы понять, почему это так.

Я был на вокзале в Индии, в Нагпуре, и когда я собирался войти в кондиционированный вагон, подбежал один человек, оттолкнул меня в сторону и засунул в него свои чемоданы. Я стоял в стороне и наблюдал все это - потому что поезд должен был стоять еще полчаса. В кондиционированном вагоне не бывает толпы. Мое место было забронировано.

Когда он внес все, я спросил:

- Можно ли мне войти?

Ему стало немного стыдно. Он сказал:

- Извините, что я вас оттолкнул.

- Нет, это не проблема, - сказал я. - Люди торопятся на поезд; это только непонимание... вы не понимаете, что этот поезд будет стоять еще полчаса. Здесь только два пассажира, вы и я. Я думаю, что за полчаса нам легко удастся войти обоим - а кто войдет первым, не имеет значения. Мое место забронировано, поэтому нет речи о том... и я думаю, ваше место тоже забронировано.

Попасть в первый класс, не забронировав место, очень трудно. Те, кто привык путешествовать первым классом, должны бронировать места за пятнадцать дней, иначе место может найтись, а может и не найтись, потому что их не так много. Во всем поезде бывает только один кондиционированный вагон.

- Нет, мой билет не забронирован, - сказал он.

- И все же никакой спешки нет. Вместо того чтобы вбегать в вагон, вам следовало бы поймать кондуктора и проверить, есть ли места.

Я вошел и нашел свое место. Он посмотрел на список пассажиров у дверей: другого места не было. И он пришел ко мне и сказал:

- Может быть, вы были правы: я должен был найти кондуктора. Кажется, мест нет, разве что кто-то не придет или выйдет на следующей станции.

Как раз в этот момент вошел кондуктор. Он сказал этому человеку:

- Я выгнал вас из третьего класса, потому что у вас нет билета. Вы пришли во второй класс, я выгнал вас из второго класса. Вы пришли в первый класс, а теперь, видимо, решили, что, может быть, в кондиционированном вагоне никто не будет проверять билеты. Обычно их никто не проверяет, потому что каждое место забронировано, но я следовал за вами.

Я сказал этому человеку:

- У вас нет даже билета, а вы думали, что для вас может быть забронировано место! И вы вбежали, оттолкнув меня в сторону. Я не понимаю, что вы за человек. Но одно я могу понять: ваше беспокойство.

Теперь я вижу, что вы не хотели меня толкать - вы боялись, что вас увидит кондуктор. Он уже выгнал вас из трех мест и шел сюда, поэтому, прежде чем он вас догонит, вы должны были войти и где-то устроиться, притвориться спящим или сделать что-то в этом роде, или пойти и спрятаться в уборной. Ваша спешка и невежливое поведение, то, что вы насильственно меня толкнули, просто показывает, что вам чего-то не хватает.

Людам, которые делают неправильные вещи, всегда психологически чего-то не хватает, и если им можно просто помочь немного медитировать, это не будет такой проблемой; по крайней мере, человеческое общество может избавиться от насилия. А если человеческое общество избавится от насилия, это будет значить здоровое общество, здоровое психологически и духовно.

Но с жестокостью ничего нельзя сделать прямо, действовать нужно косвенно. Сделать что-то нужно с медитацией. И все люди, которые медитировали во все века, оказались совершенно не насильственными. Ненасилие кажется вершиной опыта тех, кто понял, что ничто не может их разрушить; тогда весь страх исчезает. Именно страх создает насилие, именно страх создает жестокость. Ты ничего не можешь сделать с жестокостью прямо, тебе придется сделать что-то со страхом, из которого она возникает.

Игра кошки и мышки очень важна. Она наслаждается игрой, давая мышке немного пространства, чтобы мышка почувствовала, что, может быть, ей удастся убежать. Мышка убегает из этого угла в тот, думая, что может убежать, а кошка дает ей возможность убежать, потому что знает, что прикончит ее одним прыжком.

Нет радости просто в том, чтобы прикончить мышку. Она хочет создать что-то волнующее, какой-то вызов - что она убивает не просто мышку, но великую мышку, которая почти убежала. Она наслаждается не жестокостью, но эго. Она может тут же убить мышку. Нет необходимости позволять ей бегать из одной комнаты в другую, из одного места в другое, но это дает ей идею: «Как велика моя власть! Наверное, она хорошо бегает, но она не знает меня». И в конце концов, она убивает мышку. Таким образом, удовлетворена ее основная потребность в том, чтобы убить мышку, и в придачу удовлетворена потребность в утверждении эго.

Я слышал одну историю - наверное, ты ее тоже слышал, - что в одном доме кошка убила столько мышей, что, в конце концов, они собрались и спросили старых и мудрых:

- Что нам делать?

И одна мудрая мышь сказала:

- Есть простой метод: повесьте кошке на шею колокольчик, чтобы, куда она ни пришла, мышки были предупреждены.

Совершенное решение, такое же совершенное, как и многие решения, проповедуемые религиями, политиками; в них нельзя найти никакого изъяна.

Но одна молодая мышь спросила:

- А кто же сделает эту работу?

- Моя работа в том, чтобы советовать, - сказала старая мышь. - Я могу просто рекомендовать, за действие ответственные вы. Я дала вам прекрасный совет. Теперь кто это сделает - это ваше дело.

Это известная история, ей тысячи лет. Но я завершил ее, потому что она стара и нуждается в дополнении.

Это происходит снова - великое собрание, снова тот же самый совет. И молодая мышь, вместо того чтобы говорить, что это невозможно, говорит:

- Ладно, я это сделаю.

Все потрясены, потому что это против традиции. Эта история продолжалась веками - все спрашивали, как это сделать, кто это сделает, и на этом история кончается. А этот дурак говорит, что сделает это! Все говорят:

- Ты что, не знаешь истории? Это не новая история, она древняя, как мыши. Всю нашу историю мы собирались, и наши старшие давали советы. Ты первый оказался идиотом, иначе нет никакого способа завершить эту историю.

Но молодая мышь сказала:

- Идиот я или нет, я это сделаю.

- Но это же разрушит всю историю! - сказали они.

- Что бы ни случилось, - сказала она, - будет история разрушена или нет, но завтра на шее у кошки будет колокольчик.

Все они подумали, что эта мышь сошла с ума. Тысячи лет люди говорили об этой истории, наслаждались ею, и вот наступает мгновение, когда собрание должно быть распущено, потому что как его сохранить? Кто может это сделать? Странно... конфликт поколений. Он не понимает старой истории, традиционной ортодоксии - что этого никто никогда не мог сделать, что это вообще невозможно. Но кто объяснит этому идиоту, который говорит: «Завтра вы это увидите»?

На следующее утро они услышали колокольчик. «Боже мой!» Все мыши выбежали из нор. С колокольчиком на шее пришла кошка, - очень изумленная, потому что колокольчик звенел, - но прежде чем она приближалась к мышам, та успевала улизнуть в нору. Она не могла понять, что случилось, и как этот колокольчик оказался у нее на шее. И к вечеру она умирала от голода, потому что ни одна мышь...

Все мыши собрались и сказали:

- Что ты наделал! Ты разрушил всю историю, но ладно, потому что ты действительно это сделал!

- Это было просто. Я просто изумлен, почему за тысячи лет эта история не была разрушена. Я просто вышел на улицу, пошел в аптеку, вернулся из нее с несколькими таблетками снотворного и бросил их в молоко, которое кошка пьет каждое утро. Она заснула, и мне удалось привязать колокольчик ей на шею. А утром, когда она проснулась, она не могла поверить, что случилось, и не могла его отвязать - это невозможно. Теперь и навсегда никому больше не нужно бояться никакой кошки.

Простая формула... Эти великие советники и старшие просто советуют. Они не говорят, что именно нужно сделать; во всем они просто объясняют, как должно быть, как правильно, и говорят: «Не сбейся с пути».

Если ты хочешь, чтобы человек не был жестоким, не начинай учить его: «Не будь жестоким. Жестокость уродлива, она животна. Она не позволит тебе быть настоящим человеком». Этот человек может подавить свою жестокость, но она выйдет наружу тем или иным образом, из какого-то другого источника. Примени правильный подход.

В каждом человеке есть страх смерти. Есть страх того, что жизнь коротка, соревнование тяжело, и если ты недостаточно насильствен, то окажешься проигравшим. Но реальность состоит в том, что только ненасильственные люди одерживают победу, все остальные терпят поражение.

Любимый Ошо,

Чувствуешь ли ты недостатки в учениях тантры, которые склоняют тебя к тому, что тантрические методы не подходят нам?

Это не полная система. Есть одно основное заблуждение, в которое впадают человеческие существа: они находят маленький путь, путь истины, и вместо того чтобы обнаружить целое, чтобы открыть оставшуюся часть, начинают воображать, чтобы заполнить этот пробел. Поскольку у них есть часть истины, они умеют спорить и могут создать систему, но оставшаяся ее часть - просто их изобретение.

Это делали все системы. Вместо того чтобы открыть всю истину, человек имеет тенденцию говорить: «Зачем об этом беспокоиться? Мы нашли небольшую часть, и этого достаточно для истины, достаточно, чтобы заставить умолкнуть врагов, какой бы вопрос они ни подняли», - а все оставшееся - это только их изобретение.

Например, тантра права в том, что сексуальная энергия - это основа всей энергии, что эта энергия должна быть трансформирована в высшие формы. Это истина. Но случилось так, что тантрики никогда не углублялись в медитацию; медитация осталась вторичной. И человеческая сексуальность проявляется с такой силой, что под именем тантры это стало просто сексуальной оргией. Без медитации это и должно было случиться. Медитация должна была быть самым первым приоритетом, но стала вторичной.

И многие люди, которые были сексуально извращенными, сексуально подавленными, присоединились к школе тантры. И эти люди привнесли все свои извращения, все свои подавления. Они не были заинтересованы ни в какой трансформации, они были заинтересованы только в том, чтобы избавиться от своих подавлений; их интерес в своей основе был сексуальным.

Поэтому, хотя в тантре и содержится часть истины, ее нельзя было правильно использовать. Если только этот фрагмент истины не переместить на второе место, а медитацию - на первое, в тантре всегда будет происходить так, что люди будут заниматься всеми возможными извращениями. И под ее великим именем они не будут чувствовать, что делают что-то неправильное; они будут чувствовать, что делают что-то религиозное, что-то духовное.

Тантра потерпела поражение по двум причинам. Одна причина была внутренней - медитацию не сделали ее центром. И во-вторых, у тантры нет специальной методологии для извращенных и подавленных, чтобы сначала были удалены их подавления и извращения, и они стали здоровыми. И как только они становятся здоровыми, им представляли бы медитацию. Только после глубокой медитации им нужно разрешать тантрические эксперименты. Это было неправильной установкой, и вся эта затея превратилась, под именем тантры, просто в эксплуатацию секса.

Именно это делают многие терапевты. Только сегодня я видел рекламу группы тантры Раджена - с непристойной фотографией. Это привлечет людей, потому что это порнография. Зачем делать себе труд и смотреть картинки, напечатанные на бумаге, если можно посмотреть на живых людей, занимающихся порнографией? У Раджена нет никакого понимания медитации, он никогда не медитировал.

И все эти люди почувствуют себя хорошо, почувствуют облегчение, потому что общество не позволяет им... В этой группе им позволят делать все, что они хотят делать, и столько подавления будет выброшено, и они почувствуют легкость и освобождение от бремени, и будут благодарны за то, что получили великий опыт тантры. А все это не было опытом тантры - это было просто сексуальной оргией. И через несколько дней они снова накопят подавления, потому что не смогут делать то же самое снаружи, в обществе. Они станут постоянными клиентами, хроническими тантриками.

А так называемые терапевты наслаждаются деньгами, которые это приносит. Им нечего терять, они просто позволяют свободу. Они начинают с великих слов, которые использовал я, - «свобода», «выражение», «никаких подавлений», «просто будь самим собой и не волнуйся о том, что подумают другие», «делай то, что для тебя естественно». И все эти идиоты начинают делать то, что для них естественно!

Сначала людям должна быть представлена медитация, затем им можно представлять методы тантры. Это не тантра. Методы тантры - совершенно другие. Эти люди, занимающиеся тантрой, на самом деле ничего не знают о тантре.

Например, Рамакришна глубоко медитировал, и каждый раз, когда он чувствовал, что сексуальный порыв беспокоит его медитацию, он просил свою жену Шарду - которая была красивой женщиной - сесть обнаженной на высокое сидение, а он садился напротив и смотрел, медитируя на нее, пока сексуальный порыв не угаснет. Тогда он касался ног Шарды, своей жены, и благодарил ее:

- Ты безмерно мне помогла, иначе, куда бы я пошел? Порыву нужно какое-то выражение, и просто наблюдать было достаточно.

В храме Кхаджурахо есть прекрасные статуи в различных сексуальных позах. Именно школа тантры создала этот храм и эти статуи. И первое, что должен был сделать студент, это медитировать на каждую статую - а их расположили таким образом, что из одного угла ты обходишь весь храм по кругу. Это может занять шесть месяцев, но ты должен наблюдать каждую статую, пока не увидишь, что в этой статуе нет никакой сексуальности - а она в сексуальной позе. Но если ты просто наблюдаешь ее, видишь многие месяцы, она становится чистым произведением искусства; вся порнография исчезает. Все извращения человеческого ума были вложены в эти статуи.

И лишь когда ты обходил по кругу вокруг всего храма, мастер разрешал тебе войти в храм. В эти шесть месяцев интенсивной медитации и безмерного облегчения от бремени все подавления исчезли: ты чувствуешь абсолютную легкость. Тогда мастер позволяет тебе войти. И внутри храма нет ни одной сексуальной скульптуры; внутри храма нет ничего - пустота.

Тогда мастер учит тебя, как идти глубже в медитацию, которая возникла за эти шесть месяцев, и как ты можешь проникнуть очень глубоко, потому что нет никакого препятствия, никакой проблемы, никакой сексуальности. И это глубокое вхождение в медитацию без всякого сексуального беспокойства означает, что сексуальная энергия движется в медитацию, не против нее. Именно так она трансформируется и принимает высшие формы.

Все эти так называемые терапевты ничего не знают о тантре, ничего не знают о том, почему она потерпела поражение. Но их интересует не это, их интересует эксплуатация этих вдавленных людей. И подавленные люди довольны, потому что через семь или десять дней занятий тантрой они чувствуют облегчение; они думают, что это какой-то духовный рост. Но через два или три дня весь этот духовный рост исчезает, и они готовы для следующей группы.

Есть некоторые люди - их называют «группы» - которые движутся от одной группы к другой. Вся их жизнь - это только движение из одной группы в другую. Точно как хиппи... но их называют «группы».

Глава 39

Мои слова - лишь указатели на пути к молчанию

Любимый Ошо,

Что бы ты сказал правительствам стран, которые отвергли твое присутствие, пребывающим в иллюзии, что они экономически и политически независимы от Америки, тогда как фактически мы знаем, что все как раз наоборот? Может быть, некоторые из этих правительств эффективно обмануты и должны посмотреть, что действительно происходит, и увидеть, что являются орудием американского ужасного преступления против мудрости?

Человечество живет в иллюзии свободы. Но нет такой вещи, как свобода, в том, что касается человеческой истории, какой она была до сих пор. Виды рабства менялись, новые формы рабства занимали их место, но никакой свободы не случилось. Свобода по-прежнему остается мечтой. Было время, когда человека продавали на рынке точно так же, как другие вещи. Мы думали, что это рабство, и чтобы от него избавиться, потребовались тысячи лет - но мы смогли избавиться только от формы. Содержимое осталось.

Сейчас ты не покупаешь человека на всю жизнь, ты покупаешь его как слугу на пять или шесть часов в день. И, кажется, что это свобода - фактически это оказалось полезным для покупателей. Купить человека полностью... его нельзя использовать двадцать четыре часа в сутки, он будет работать только эти пять или шесть часов. За оставшееся время ты заплатил напрасно; когда-то он заболеет, однажды он состарится. Он может умереть в результате несчастного случая, и все твои капиталовложения будут потеряны.

Таким образом, перемена формы рабства не помогла человечеству, но помогла владельцам - рабы остались рабами, рабами с частичной занятостью.

Во всем мире раньше существовала политическая зависимость. Теперь эти империи развалились, и это дало нациям великую иллюзию, что теперь они свободны. И каждый раз, когда какая-то иллюзия красива, ты хочешь, чтобы она оказалась правдой, ты хочешь в нее верить, но веришь ты в нее или нет, иллюзия есть иллюзия - это ничего не меняет.

Я видел в этом кругосветном путешествии, что великие нации, гордящиеся своей независимостью, просто живут в иллюзии, - и они не обманывают никого, кроме самих себя.

Я никогда не был в Германии. Я никому не причинил никакого вреда. Я не нарушил ни одного из законов Германии - а ее правительство решило, что я не могу въехать в Германию.

Давление исходит от Америки. После второй мировой войны половина Германии осталась с Советским Союзом; она была занята армиями Советского Союза, и с тех пор они ее не покинули. И выглядит так, словно половина Германии осталась зависимой, тогда как другой половине,

занятой американскими силами, была предоставлена - на поверхности - политическая свобода, демократия, но Германия остается величайшей военной базой Америки в Европе.

Миллиарды долларов вливаются в нации, которые никогда не смогут их отдать, и Америка никогда не захочет, чтобы они их отдавали, а хочет, чтобы они оставались под бременем, под экономическим давлением. И Америка обещала им в ближайшие годы еще миллиарды долларов. Вся их экономика теперь оказалась в руках Америки. И это гораздо более опасное рабство, чем политическое.

Фактически такая страна, как Индия... Уинстон Черчилль был против того, чтобы предоставить Индии независимость. Индия была величайшим сокровищем британской империи - терять ее было опасно. И Уинстон Черчилль был прав: как только Индии будет дана свобода, вся империя развалится, потому что другие тоже попросят свободы, и не будет причины сказать им нет.

Но после Уинстона Черчилля к власти пришел Эттли, а он был гораздо более экономически грамотным умом. Уинстон Черчилль был ориентирован на прошлое, его ум остался викторианским; он был ортодоксальным человеком.

Эттли смог увидеть, что это глупо - что Британия несет такое экономическое бремя. Такие нации, как Индия, вот-вот взорвутся громадным перенаселением, и вся ответственность за их бедность, голод, смерть ляжет на плечи Британии. Абсолютно неразумно и нежелательно было удерживать такие страны в составе Британской империи.

Но можно создать другой расклад вещей, при котором ты остаешься хозяином тайно. Есть два огромных преимущества: первое - нет политической зависимости, нет речи о том, чтобы против тебя произошла революция. Второе - ты можешь по-прежнему удерживать эти страны в зависимости, контролируя их экономику.

Его план был тщательным. Вы удивитесь: Маунтбаттен был назначен Эттли вице-королем Индии со словами: «Как можно быстрее выберите из Индии. Мы не хотим, чтобы нас винили в бедности Индии, - и ее пропорции скоро выйдут из-под контроля».

В это время в Индии было всего четыреста миллионов человек. Теперь в Индии девятьсот миллионов человек, - население удвоилось, - а к концу века оно выйдет за пределы миллиарда. Впервые она станет величайшей страной мира по численности населения. До сих пор лидировал Китай, но Китай оказался более здравомыслящим, внедрив контроль рождаемости, потому что он больше не находится под влиянием религиозных суеверий.

Но Индия все еще живет под влиянием множества религиозных суеверий, которые соглашаются, что контроль рождаемости - против Бога. К концу века почти пятьсот миллионов человек в Индии будут умирать от голода. И, кажется, им ничем нельзя помочь.

Эттли был прав в том, что старался выбраться как можно быстрее, иначе вся ответственность легла бы на Британию. Эттли решил, что 1948 год был крайним сроком. Но Маунтбаттен, видя Индию, подумал, что расчеты Эттли были чисто теоретическими; она уже умирает. Он поторопился, и вместо того чтобы дожидаться 1948 года, дал Индии свободу в 1947 году.

Индия думает, что стала свободной, и это совершенно неправильно. Теперь она более несвободна, чем когда-либо раньше. Теперь она зависит в технологии от Советского Союза, Теперь она зависит в финансовой помощи от Соединенных Штатов. Теперь она начинает зависеть даже от таких наций, как Япония. А на фасаде вывешена свобода. Если Советский Союз отвернется от Индии, Индия развалится в то же мгновение.

Такая же ситуация везде, даже в этой маленькой, красивой стране, состоящей из очень славной группы ненасильственных людей. Они верят в демократию, они думают, что живут в демократии, но реальность состоит совершенно в другом.

Только пять дней назад все три партии, составляющие коалиционное правительство, и президент, согласились дать мне разрешение на постоянное проживание. Но как только об этом услышал американский посол, немедленно он осведомился: «Что делать?»

Он позвонил президенту и сказал:

- Выбор за вами - вы свободны, у вас демократия, мы ничего не можем вам навязать - но это послание из Белого Дома: если этому человеку будет дано разрешение на постоянное проживание здесь, в Уругвае, все займы, которые мы собирались вам предоставить, - а они составляют миллиарды долларов, - будут приостановлены. Кроме того, мы потребуем возврата миллиардов долларов, которые дали вам в прошлом. Если вы не можете их вернуть, мы поднимем годовой процент. Вы можете выбирать - вы свободны.

И эта бедная страна, маленькая страна, хотя и хотела, чтобы я был здесь, не может этого себе позволить: эта страна умрет, если помощь прекратится, и им придется выплачивать старые займы, для чего у них нет средств. Немедленно нам сообщили, что это будет невозможно, и Белый Дом проинформировали, что шантаж удался.

Это сущий шантаж. Но я собираюсь обнажить его перед всем миром. Это было сделано таким образом, что о нем никто не знает: люди Уругвая не знают, даже сотрудники правительства не знают. Только президент знает, что его шантажировали, что ему угрожали.

А когда послание, что они передумали, достигло Вашингтона - на следующий же день они были вознаграждены, вознаграждены немедленным предоставлением займа в сто пятьдесят миллионов долларов - которого не было в бюджетном плане, и который явился полной неожиданностью. А двести миллионов прошлых займов в прошлом были отброшены, стерты; их больше не потребуют. Поэтому в целом награда составила триста пятьдесят миллионов долларов. И займы, о которых было решено раньше, будут продолжаться, но эти триста пятьдесят миллионов долларов...

Если бы у президента было какое-то чувство чести, он выдал бы мне комиссионные! Если бы не я, он не получил бы этих трехсот пятидесяти миллионов долларов. И если так будет и дальше, я могу просто переезжать из одной страны в другую; это хороший бизнес.

Но это не демократия, это не свобода.

Фактически, объехав вокруг света, я пришел к заключению, что в мире есть только две страны: Соединенные Штаты Америки и Советский Союз. Все остальные страны - только марионетки. Им дали немного более длинный поводок, и они называют это «свободой», но поводок находится либо в советских, либо в американских руках.

Наверное, вы бывали в театре марионеток - когда марионетки танцуют, обнимают друг друга, делают всевозможные вещи, а за занавесом стоит кукловод, который тянет их за веревочки. Если бы у этих марионеток были души, они думали бы: «Боже мой, эта девушка такая красивая; я влюбляюсь», - но все делает кукловод. Ни ты не влюбляешься, ни девушка, но для публики и для вас самих... Кукловод дает представление, и ты обнимаешь девушку и целуешь ее, и даже говоришь: «Я люблю тебя, и буду любить всегда».

В Индии есть долгая традиция, которая верит, что все мы марионетки; Бог - кукловод. Он тянет за веревочки - мы танцуем, мы поем, мы радуемся, мы плачем, мы рыдаем, мы несчастны, мы счастливы. Все находится в его руках.

Я против всей этой идеи, потому что если есть кукловод, человека не существует; тогда у человека нет никакой свободы, только фасад. Все устраивают очень красиво - тайком, подпольно, - тогда как на поверхности все тихо и спокойно.

Уругвай никогда не узнает, что здесь был незнакомец, и он полюбил эту страну и ее людей и захотел в ней остаться. И он был абсолютно безвреден.

Но в американских глазах я самый опасный человек. Именно поэтому американский посол сказал президенту: «Он самый опасный человек, потому что он чрезвычайно разумен и к тому же анархист. У него достаточно сил, чтобы менять умы людей. Поэтому не подвергайте себя понапрасну этой опасности. Даже мы не смогли позволить себе противостоять этой опасности - а вы маленькая страна, вы за это поплатитесь».

Я не террорист. Я не делаю бомб, я не учу насилию.

Я учу любви.

Я учу медитации.

Я учу молчанию.

Но для людей, которые у власти, эти вещи опаснее ядерного оружия, потому что если люди начнут медитировать, они не будут оставаться посредственными - какие они есть. Они станут достаточно разумными для того, чтобы увидеть, что ими правят идиоты, и что в руках этих идиотов - огромные разрушительные силы.

Если люди станут молчаливыми, мирными и радостными, они выгонят всех этих политиков - которые не кто иные, как разжигатели войн.

Вот в чем «опасность». Но я думаю, что нам нужны в мире такие опасные люди, потому что только эти опасные люди могут спасти мир от разрушения в третьей мировой войне.

Но создать страх так просто. И им это удалось на всем нашем пути: во всей Европе, в каждой стране, которой я достигал, они создавали идею, что: «Этот человек опасен» - так опасен, что

Англия не позволила мне даже переночевать в транзитном зале первого класса в аэропорту. Страх кажется бесконечным.

Что бы я мог сделать? Я приехал туда среди ночи и собирался уехать на следующее утро. Просто поспав в аэропорту, я разрушил бы мораль, церковь и правительство Англии? Я был «опасным человеком».

Именно это было сказано Британскому парламенту - потому что на следующий день был задан вопрос: «Почему ему не дали переночевать в транзитном зале?» И ответом было: «Он опасный человек». И никто не сделал себе труда осведомиться: «А что значит "опасный человек"? Что вы подразумеваете под "опасным человеком"?»

И то же самое правительство разрешило Рональду Рейгану использовать Англию как базу для бомбежки бедной и маленькой страны Ливии - которая была абсолютно невинна. Это случилось ночью, и бомбежке подверглось мирное население. Для Англии это было не опасно. Но реальность в том, что Англия находится под властью американской экономической империи, - как и Германия.

Падение Адольфа Гитлера и его режима не было победой Англии, не было победой Франции, и победу эту одержал не кто другой, как Америка. С исчезновением Адольфа Гитлера исчезла свобода всей Европы: она оказалась в экономической зависимости от Америки.

Я был в Ирландии. Может быть, этот человек в аэропорту выпил слишком много пива, и поэтому просто... мы просто хотели пробыть там один день, чтобы могли отдохнуть пилоты, - он дал нам семь дней. Он не побеспокоился о том, кто мы такие, какова наша цель. Наверное, он был действительно пьян.

Мы добрались до гостиницы, а утром приехала полиция, спросила паспорта и отменила эти семь дней.

И мы сказали:

- Мы немедленно сделаем заявление для мировой прессы. Вы дали нам семь дней, а теперь отменяете это, не приводя никакой причины. Никто из наших людей не покидал гостиницы, никто не совершил никакого преступления. Вы не можете этого сделать.

Они испугались, потому что оказались перед дилеммой. Нам дали семь дней, теперь они их отменили, не приводя никакой причины. И они сказали:

- Можете оставаться, сколько хотите, но не покидайте гостиницы.

- Но, - сказал я, - это будет нелегально, потому что у нас не будет никакой визы.

- Никто об этом не будет беспокоиться, - сказали они. - Только оставайтесь в гостинице.

Мы оставались там пятнадцать дней, потому что нам нужно было немного времени. Наши люди работали в Испании, и испанское правительство было готово дать мне разрешение на постоянное проживание.

И то же самое, что и в Уругвае, произошло и в Испании, повторился в точности тот же образец: они согласились и тут же, через час, сказали: «Нет, это невозможно». Мы так и не узнали, что именно произошло, - но теперь мы знаем.

Здесь, в Уругвае, поскольку это маленькая страна, все всех знают; и мы завязали контакт со всеми политическими партиями, со всеми министрами - которые все были дружественны, кроме министра иностранных дел. Видя, что все за, он тоже проголосовал за.

Он действовал, как американский агент, - чтобы создать ситуацию, чтобы мне не дали разрешения на постоянное проживание, - чтобы выглядело так, словно Америка не имеет к этому никакого отношения. У него была своя цена, и она состояла в том, чтобы Америка рекомендовала его в секретари ООН. Это было ценой. Мне жаль этого беднягу. Он потерял свою награду, потому что проголосовал за меня - видя, что все остальные голосуют за.

Теперь мы знаем, что случилось в Испании: та же самая история. Месяц они постоянно говорили: «Все готово, осталась только подпись». А нам только нужно было время: если бы Испания была готова, мы приехали бы из Ирландии в Испанию. Мы оставались пятнадцать дней в Ирландии без всякой визы.

Мы покинули Ирландию; в тот день, когда мы уехали, в парламенте Ирландии соответствующий министр, министр внутренних дел, сообщил парламентариям, что мы никогда не были в Ирландии.

Можно увидеть, до какой степени лицемерными могут быть политики, и как им удается самая уродливая ложь. А это полная ложь - потому что мы можем доказать, что были в этой гостинице. Когда мы покидали гостиницу, присутствовала пресса, были фотографии. Они сфотографировали

нас напротив гостиницы и приняли мое заявление. А эта гостиница была в пятнадцати милях от аэропорта.

Но этот министр обманул парламент и всю страну. И может быть... наверное, он принудил журналистов не публиковать мое заявление и не печатать фотографии, иначе я не вижу, как бы это у него получилось. И все это цивилизованные страны, культурные люди, образованные люди - и так грубо лгут, что я никогда не был в Ирландии. А он прекрасно знал, знало его правительство, знал начальник полиции.

Я думаю, что как только я где-нибудь остановлюсь, я начну... одна за другой каждая страна должна быть привлечена к суду за всю эту ложь, за то, что они называют меня «опасным», за то, что соглашаются, а через час отказываются. Я собираюсь разоблачить их, чтобы в мире случилось простое понимание того, что никакой демократии нигде нет.

Только вчера я получил приглашение от премьер-министра Мавритании, что он хотел бы, чтобы я был в Мавритании. Я сказал моему секретарю связаться с ним и объяснить, с какой ситуацией ему предстоит столкнуться, потому что снова через месяц... Он пройдет через всю процедуру и в конце концов, подчинится американской руке. «Дай ему понять, что мы уже прошли через весь этот процесс в Испании и Уругвае, и вот что случилось».

В Германии мне не разрешили въезда - даже по туристической визе.

В Грецию меня впустили на четыре недели, а через пятнадцать дней я был внезапно арестован без всякой причины. И мне угрожали - поскольку я спал, угрожали моим людям - «Мы подожжем ваш дом». И они показали им динамит, говоря: «Мы можем взорвать ваш дом, если вы не выдадите нам Ошо. Он должен немедленно покинуть эту страну».

Джон прибежал ко мне. Он разбудил меня и сказал:

- Сложилась такая ситуация. Что нам делать? Пока он говорил мне это, полиция начала швырять большие камни в окна, в двери, ломать дом. Казалось, что взорвалось несколько бомб.

Я спустился и сказал этим людям:

- Вы просто понапрасну ведете себя негуманно. Если я сплю, меня должны разбудить, мне нужно было одеться, чтобы спуститься к вам. Вы что, не могли обождать пять минут? И по какой причине вы отменяете мою визу? Я здесь только пятнадцать дней, и я не покидал дома.

Он сказал, что это было потому, что архиепископ почувствовал, что я опасен. Я мог разрушить мораль людей, я мог разрушить их традицию, я мог разрушить их церковь; а поскольку он был главой церкви, правительство должно было к нему прислушиваться. И президент с ним согласился.

Я сказал:

- Прекрасно, что вы его слушаете, но президент должен был спросить архиепископа: «Две тысячи лет вы учили людей морали, а он сможет ее разрушить за две недели?» Тогда ваша мораль ничего не стоит. И что это за церковь вы создавали две тысячи лет, если она боится одного-единственного человека, который не выходит из дома, который ни с кем не разговаривал в этой стране, который говорил только с приехавшими с ним его собственными людьми? Почему вы должны так волноваться?

И архиепископ, который, может быть, проповедовал в церквях: «Любите своего врага, как самого себя», угрожал в церкви, что если я не покину страну, то буду сожжен живым. С одной стороны, «Люби своего врага» - а я даже не враг, просто турист. Но, без сомнения, в их Библии нет слов: «Люби туриста», и естественно, это не противоречит религии; туриста они могут сжечь.

И он говорит, что я был послан прямо из ада с миссией, разрушить греческую православную церковь. Я сказал:

- Я не такой особенный, я обычное человеческое существо. Будучи специальным посланником ада, я не нуждался бы ни в какой туристической визе. И ни ваше правительство, ни вы не смогли бы мне помешать, потому что за целую вечность ваш Бог не смог уничтожить дьявола.

Ваш Бог - всемогущий, всевластный, а бедный дьявол не всемогущий и ни в каком смысле не может состязаться с Богом; но даже Бог не смог за целую вечность уничтожить этого дьявола. И мы не думаем, что у него это когда-нибудь получится и в будущем, потому что не существует ни Бога, ни дьявола; не существует ни рая, ни ада.

Все это ложь, повторяемая столетиями, направленная на то, чтобы править умом человека. Я называю это духовным рабством.

Таким образом, есть множество видов рабства, и самое глубокое - это рабство духовное, которого вы не осознаете. Если ты христианин, индуист, мусульманин или еврей... Ты никогда не

подумаешь, что твое еврейство является рабством, ты подумаешь, что это твое наследие. Ты подумаешь, что быть индуистом - предмет твоей великой гордости, что ты являешься частью старейшей религии мира. Это просто значит, что ты старейший в мире раб; ты был в рабстве десять тысяч лет, и так и не осознал, что являешься рабом.

Духовное рабство - наиболее опасное, потому что оно не приходит снаружи. На твоих руках нет наручников. Цепей не видно, они глубоко в твоём уме, их постоянно тебе навязывали с самого твоего детства.

Что касается меня, я нигде не вижу никакой свободы. А свобода - это величайшая ценность и величайшее достижение в жизни. Каждый должен быть свободным от всех видов оков - политических, экономических, психологических, духовных.

Пока мы не сможем создать мир, который действительно свободен, мы живем только в иллюзии свободы.

Любимый Ошо,

Мои вопросы так тщетны. Спросить тебя не о чем, но, пожалуйста, продолжай говорить с нами, потому что ты даешь нам ключи. Каждая тайна дает ключ, который открывает величайшую тайну, зовущую меня туда, где мне никогда не будет тебя не хватать.

Это указывает на истину, которую нужно понять, потому что то, как я говорю с вами, в самой своей основе отличается от всяких других разговоров.

Когда люди разговаривают, они пытаются обратить вас в свое мнение: они пытаются распространить тонкую империю. Когда люди говорят, они хотят подчинить вас своей доктрине - потому что каждый, у кого есть доктрина, глубоко внутри боится: правильна она или нет? Единственный способ почувствовать, что она правильна, это обратить в нее многих людей и увидеть в их глазах убежденность, обращение. Тогда ему становится легко, и вот его арифметика: «Если столько людей находят такое утешение в том, что я им говорю, наверное, в этом должна быть какая-то истина».

Люди говорят с другими, чтобы другие поверили в то, о чем они говорят.

Моя ситуация - совершенно другая. Я говорю с вами не затем, чтобы дать вам какую-то идеологию, но чтобы разрушить все идеологии, которые у вас есть. Моя функция негативна в своей основе: она состоит в том, чтобы опустошить ваш ум - не наполнить его новыми идеями, но просто опустошить его от всего мусора и хлама, дать уму пространство, в котором вы можете быть самими собой.

Я не пытаюсь дать вам никаких идей, чтобы вы стали тем или другим. Я просто пытаюсь помочь вам увидеть, что вы - уже те, кем вам нужно быть. Просто отбросьте все стремления, все желания, все амбиции быть кем-то другим, чтобы вы могли просто быть теми, кто вы уже есть.

Я не хочу отвлекать вас от вашего собственного существа. Я хочу, чтобы вы подходили ближе и ближе к своему существу, чтобы, в конце концов, остались наедине с собой.

И мое говорение с вами - только средство. Пока я говорю, твой ум занят, а пока ум занят, твое сердце может войти в сопричастие с моим. Ум не может его побеспокоить, он слишком увлечен. И мое говорение - это скорее техника, средство, чем послание. Что бы я ни говорил, в этом есть много измерений целей, но ни одна из них не состоит в том, чтобы сделать тебя рабом.

Все цели сводятся к одной общей: дать тебе полную свободу, потому что свобода - это твое цветение, твой лотос, раскрывающийся на утреннем солнце. И пока этого не произойдет, ты не сможешь найти никакой удовлетворенности, осуществленности, покоя, которые человек чувствует, придя домой.

И каждый носит свой дом у себя внутри.

Тебе не нужно никуда идти.

Ты должен перестать куда-то идти, чтобы оставаться там, где ты есть, чтобы оставаться тем, кто ты есть. Просто будь.

И в этом сущем молчании существа скрыты все тайны существования.

Любимый Ошо,

С тех пор как я тебя увидел впервые, я всегда знал, что нахожусь в присутствии редчайшего из существ. Годами я видел тебя как «гиганта среди людей», особенно из-за того, как ты многие годы рассекал на части каждый вопрос, который только мог быть у человека, который только когда-либо возникал у человечества. Ты разрушал ложь и лицемерие мира, расчищая для человечества путь вперед от всего гнилого мусора неудавшегося вчера.

И на днях я был благословен возможностью перепечатать твой комментарий к хайку Басё: «Сидя в молчании, ничего не делая...» Я почувствовал твою мягкость, твою нежность, твое вечное терпение. Твои слова и молчание были так деликатны и так любящи, что я знал с абсолютной определенностью, впервые, что недалеко то время, когда эти твои беседы в Уругвае трансформируют мир.

Я люблю тебя, Ошо, и в чем-то я всегда буду на твоей стороне.

Я не мыслитель. Я не философ. Я не человек слов. Хотя я использовал слова более чем кто-либо другой в истории человека, все же я не человек слов.

Мои слова - лишь указатели на пути к молчанию.

Я говорю с вами, чтобы вы могли научиться не говорить.

Я что-то говорю вам, чтобы вы стали способны быть в молчании.

Это очень противоречивая работа.

Но я ей наслаждался и наслаждаюсь, я ее любил и люблю, и я нашел людей, которые поняли основное противоречие, и которых не беспокоит это противоречие. Они отбросили слова и приняли содержимое глубоко внутрь себя.

Эти слова - только упаковка.

Содержимое же - молчание.

Ты прав, эти слова, произнесенные в Уругвае, помогут миллионам людей, достигнут миллионов сердец. Несчастье, что Уругвай меня лишится. Однажды они раскаются.

Но так бывает всегда. Иуда продал Иисуса Христа за тридцать серебряных монет. Для него тридцать серебряных монет, наверное, казались более ценными, чем Иисус.

Но христиане не рассказывают людям настоящую историю. Когда Иисус был распят, на следующий день - через двадцать четыре часа - Иуда повесился на дереве из раскаяния, осознав, что он сделал за тридцать серебряных монет. Неважно, тридцать ли это монет, или три тысячи, или пятьдесят тысяч, или триста пятьдесят миллионов долларов - количество не играет роли.

Уругвай был бы не беднее, если бы отказал Америке, потому что поддаться шантажу - значит лишиться своей духовной силы.

И если бы он отказал Америке, это преподало бы Америке урок и доказало бы другим нациям, великим нациям: Германии, Греции, Англии, Италии, Испании, Португалии, - что «хотя я и маленькая страна, у меня большое сердце. Может быть, вы большие и более сильные страны, но у вас нет никакого сердца».

Но определенно, что однажды они раскаются. Сегодня они приняли решение в пользу денег. Но деньги - не что-то такое, что может дать духовную силу, целостность.

Мое присутствие здесь привело бы сюда тысячи саньясинов. Уругвай стал бы местом святого паломничества. Это безмерно укрепило бы его духовные силы. Эта маленькая страна расцвела бы красивыми людьми, новыми, молодыми, свежими и разумными людьми со всего мира. Она упустила эту возможность.

На эти доллары вы не можете купить мир, не можете купить любовь, не можете купить молчание, не можете купить сострадание, не можете купить ничего ценного. Фактически, принимая эти доллары, вы продали самих себя.

А лучше быть бедным, чем продаваться на рынке рабов.

Я хочу, чтобы эти слова достигли президента Уругвая, всех министров и всех людей этой красивой страны. Однажды они поймут.

Это единственная надежда, ради которой продолжают работать все люди пробужденного сознания. Вопреки постоянным неудачам, вопреки человеческому невежеству и упорному идиотизму они продолжают. Их надежда бесконечна, и их терпение не знает пределов.

Меня может здесь не быть, но слова, которые я сказал здесь, достигнут самых дальних уголков земли. И люди, которые никогда не слышали названия Уругвая, впервые услышат об Уругвае. И Уругвай услышит эти слова, стыдясь самого себя.

Могло быть наоборот. Это могло бы быть гордостью: что там, где великие и могучие нации оказались фальшивыми, маленькая бедная страна проявила свою душу.

Я не понимаю языка этой страны, но я видел ее людей и чувствую, что, может быть, нет ни одной другой страны столь же мирной, люди которой столь же непринужденны. Я так хотел бы сделать ее своей мистической школой. Но если хозяин не хочет, я не из тех гостей, которые продолжают навязываться хозяину.

Если мое пребывание здесь, в каком угодно смысле создаст для этой страны проблему, если она подвергнется истязанию со стороны американского фашизма... президенту этой страны не стоило ничего мне говорить, я уехал бы сам. Мне не хотелось бы, чтобы из-за меня кто-то пострадал.

Глава 40

Мысль о тишине никого не вдохновляет

Любимый Ошо,

Много лет я был «группи», ищущим способа понять самого себя. Я был в таком страдании, что почти ничто предлагаемое мне не было неприемлемым, если сулило малейший шанс помочь моему горю.

И вот ты предлагаешь медитацию в качестве средства оставить мое страдание позади, а все, что я делаю, это сопротивляюсь. Мысль о том, чтобы пребывать в мире и тишине, меня не вдохновляет. Фактически, она меня пугает, и по большому счету я испытываю еще большие тревоги. Я этого не понимаю.

Не будешь ли ты так добр, объяснить это сопротивление медитации?

Мысль о покое и тишине никого не вдохновляет. Это не твоя личная проблема. Это проблема человеческого ума как такового, потому что быть тихим, быть молчаливым значит быть в состоянии не-ума.

Ум не может быть тихим. Ему нужно постоянное мышление, постоянная работа. Ум функционирует, как велосипед; если ты продолжаешь крутить педали, он едет. В то мгновение, когда ты прекращаешь крутить педали, он падает. Ум - это двухколесное транспортное средство, точно как велосипед, а твое мышление - постоянное вращение педалей.

Если даже иногда ты и становишься немного тихим, ты начинаешь беспокоиться: «Почему я тих?» Подойдет что угодно, чтобы создать тревогу, мышление, потому что ум может существовать только одним способом - на бегу, всегда гонясь за чем-то и от чего-то убегая, но всегда на бегу. Бег есть ум. В то мгновение, когда ты останавливаешься, ум исчезает.

Прямо сейчас ты отождествлен с умом. Ты думаешь, что ты - ум. Отсюда этот страх. Если ты отождествлен с умом, естественно, если ум остановится, с тобой будет все кончено, тебя больше не будет. И ты не знаешь ничего за пределами ума.

Реальность в том, что ты - не ум, а нечто за пределами ума; поэтому абсолютно необходимо, чтобы ум остановился, чтобы впервые ты узнал, что ты не ум - потому что ты все еще есть. Ума не стало, а ты все еще есть - и с великой радостью, с великой славой, с великим светом, с великим сознанием, с великим бытием. Ум притворялся, и ты попался в его ловушку.

Вот что ты должен понять в процессе медитации: как человек отождествляется с чем-то таким, чем не является на самом деле.

В древней притче Востока говорится, что одна львица прыгала с одного холма на другой и в прыжке родила львенка. Львенок упал на дорогу, где паслось стадо овец. Естественно, он смешался с овцами, стал жить с овцами, вести себя, как овца. Он понятия не имел, и ему даже не снилось, что он - лев. Как он мог знать? Вокруг него были только овцы. Он никогда не рычал, как лев; овца никогда не рычит. Он никогда не оставался один; овца никогда не остается одна. Она всегда в толпе - толпа уютна, безопасна, надежна. Если вы видите идущих овец, они всегда ходят вместе, так тесно, что почти спотыкаются друг о друга. Они так боятся остаться одни.

Но лев стал подрастать. Это было странное явление. Умственно он отождествлял себя с овцой, но биология не слушается твоих отождествлений; природа не собирается тебе следовать.

Он стал красивым молодым львом, но поскольку все случалось постепенно, овцы привыкли к тому, что он лев, а лев привык к овцам. Овцы, естественно, думали, что он немного сумасшедший.

Он не ведет себя правильно - он немного с приветом - и продолжает расти. Так не должно быть. Он притворяется львом... но он не лев. Они видели его с самого рождения, они его растили, они давали ему молоко. Он не был вегетарианцем от природы - ни один лев не вегетарианец, но этот лев был вегетарианцем, потому что овцы вегетарианцы. Он привык с большой радостью есть траву.

Они приняли то небольшое отличие, что он немного больше их и похож, на льва. Одна очень мудрая овца сказала: «Это просто уродство природы. Изредка это случается». И он сам принял, что это правда. Он был другого цвета, у него было другое тело - наверное, он - урод, отклонение от нормы. Но предположить, что он лев, было невозможно! Его окружали все эти овцы, и овечьи психоаналитики объясняли ему: «Ты - уродство природы. Не волнуйся. Мы здесь, чтобы позаботиться о тебе».

Но однажды мимо проходил старый лев, и он увидел этого молодого льва в толпе овец. Он не мог поверить своим глазам! Он никогда не видел, никогда в своей жизни не слышал, чтобы лев был окружен толпой овец, и ни одна овца его не боялась. И этот лев ходил точно, как овца, и жевал траву.

Старый лев не мог поверить своим глазам. Он забыл о том, что собирался поймать на завтрак овцу. Он совершенно забыл о завтраке. Это было нечто настолько странное, что он попытался поймать молодого льва. Но он был стар, а молодой лев молод - он бросился бежать. Хотя он и считал себя овцой, в минуту опасности это отождествление было забыто. Он бежал, как лев, и старому льву было очень трудно его поймать. Но, в конце концов, старый лев схватил его, и он заплакал и заскулил:

- Прости меня, я только бедная овца.

Старый лев сказал:

- Ты идиот! Просто остановись и посмотри на свое отражение в пруду.

Рядом был пруд. Он подвел к нему молодого льва. Молодой лев не хотел идти, но с неохотой пошел - как тебе противиться льву, если ты только овца? Он может тебя убить, если ты за ним не пойдешь. И он отправился с ним. Пруд был тихим, без всякой ряби, почти как зеркало. И старый лев сказал молодому:

- Просто посмотри. Посмотри на мое лицо и на свое. Посмотри на мое тело и на свое тело в воде.

Через секунду раздался громкий рык! Эхо его отразилось от всех холмов. Овца исчезла; он был совершенно другим существом - он узнал себя. Отождествление с овцой не было реальностью, оно было только умственной концепцией. Теперь он увидел реальность. И старый лев сказал:

- Теперь мне нечего тебе сказать. Ты понял.

Молодой лев почувствовал странную энергию, которой никогда не чувствовал раньше... как будто она спала. Он почувствовал огромную мощь, тогда как всегда был слабым, скромным овцой. Вся эта скромность и слабость просто испарились.

Это древняя притча о мастере и ученике. Функция мастера в том, чтобы привести ученика к тому, чтобы он увидел, кто он такой, а то, во что он продолжает верить, - неправда.

Твой ум не был создан природой. Старайся всегда помнить это разделение: твой мозг создан природой. Твой мозг - это механизм, принадлежащий телу, но твой ум был создан обществом, в котором ты живешь, - религией, церковью, идеологией, которой следовали твои родители, системой образования, которой тебя обучили, всевозможными другими вещами. Именно поэтому есть христианский и индуистский ум, мусульманский и коммунистический. Мозг естествен, но умы - искусственное явление. Все зависит от того, к какому стаду ты принадлежишь. Было ли стадо овец индуистским? Тогда, естественно, ты будешь вести себя как индуист.

Один из моих друзей, профессор языка пали и буддизма - он сам был индуистским брамином и очень ортодоксальным брамином - приехал в Тибет, чтобы произвести исследования для своей докторской диссертации по тибетскому буддизму и различиям, возникшим между индийским и тибетским буддизмом. Но он не смог там пробыть дольше двух дней по той простой причине, что с самого рождения его учили принимать холодную ванну перед рассветом. А принимать холодную ванну в Тибете перед рассветом значит просто обледенеть! Ты можешь погибнуть. Но, не приняв ванны, ты не можешь поклоняться и принимать пищу. Ванна абсолютно необходима.

Это очень хорошо в такой жаркой стране, как Индия, но не в Тибете? - который покрыт вечными, никогда не тающими снегами.

В тибетских писаниях говорится, что, по крайней мере, раз в год каждый должен мыться. Это религиозный долг... по крайней мере, раз в год. Далай-лама бежал из Тибета в Индию, и тысячи лам приехали в Индию, но с ними очень трудно разговаривать. Раньше они приходили ко мне, но они так воняют - потому что и в Индии они следуют своей религии... и мылись раз в год.

В Индии, если ты будешь мыться раз в год, тебя одного будет достаточно, чтобы наполнить вонью всю округу - столько пота, столько грязи. И эти ламы по-прежнему носят такую же одежду, слой за слоем, я думаю, по меньшей мере, семь слоев. Они страдают от жары, но ум... они чувствуют, что что-то не так, но ум проник так глубоко. Веками они жили таким образом.

Я сказал им:

- Если вы хотите разговаривать со мной, вы должны оставаться на расстоянии десяти футов. Не подходите ко мне, потому что у меня аллергия на все виды запахов - все равно, буддистские они или нет.

В Индии принято мыться два раза в день, один раз утром, другой раз вечером. А те, у кого есть время, такие люди, как я... Я принимал ванну три раза - утром, вечером и ночью перед сном. Только тогда ты можешь оставаться свежим.

Мусульманин может без всяких трудностей жениться на четырех женщинах, его совесть не ущемлена. Он даже не думает, что то, что он делает, бесчеловечно - потому что мужчин и женщин в мире одинаковое число, и если один мужчина женится на четырех женщинах, трое мужчин останется без женщин. А ислам - это вторая по численности религия в мире. Если каждый мусульманин женится... предела нет: четыре - это минимум. У Мухаммеда было девять жен.

Один мусульманский король, Низам Хидерабада, имел пятьсот жен - только в этом веке, перед самой независимостью Индии. Кажется, женщины - это скот, их можно держать сколько угодно. Каждого, кто не отождествлен с этой идеей с самого начала, это ранит.

В Китае люди едят змей, и это считается деликатесом. Им только отрубают головы, в которых находятся ядовитые железы, а все тело готовится как овощи. Никто больше в мире не может себе представить, что змей можно есть, но вы, в свою очередь, делаете другие вещи. Вы можете есть других животных, никогда не думая, что они тоже участвуют в той же самой жизни. Точно так же, как хотите жить вы, хотят жить и они. И убивать их только ради вкуса, ради такой мелочи... в задней части языка есть несколько вкусовых рецепторов, которые чувствуют вкус.

Ты можешь сделать пластическую операцию, и тогда ты не будешь чувствовать никакого вкуса; ты сможешь есть что угодно - это будет все равно. Только ради этих вкусовых рецепторов люди убивают всевозможных животных... и смеются друг над другом!

Не думаю, что есть какое-то животное, которое в каком-то виде не едят. Едят даже самых грязных животных, которые питаются человеческими испражнениями. Все, что нужно уму, это постоянное обуславливание, чтобы он становился плотнее и плотнее, и постепенно ты забываешь, что отделен от него; ты становишься им. Именно в этом проблема.

Авирбхава задала этот вопрос.

Медитация - это единственный метод, который может дать тебе осознать, что ты не ум, и это дает тебе огромные силы. Тогда ты можешь выбирать, что в твоём уме правильно, а что неправильно, потому что ты отстранена, ты зритель, наблюдатель. Тогда ты не настолько привязана к уму, а это и есть твой страх.

Ты совершенно забыла себя, ты стала умом. Это отождествление совершенно.

Поэтому когда я говорю: «Будь молчаливой. Будь тихой. Наблюдай свой мыслительный процесс», ты теряешь голову, пугаешься. Это выглядит как смерть. Может быть, в каком-то смысле ты права, но это не твоя смерть, это смерть твоих обусловленностей. В сочетании они называются твоим умом.

И как только ты способна ясно видеть это различие - что ты отдельна от ума, а ум отделен от мозга, - это немедленно происходит... одновременно: ты устранишься из ума и внезапно видишь, что ум находится посередине: по обе стороны от него находятся мозг и сознание.

Мозг - это просто механизм. Ты можешь делать с ним все, что захочешь. Проблему представляет ум, потому что его сделали для тебя другие. Это не ты, он даже тебе не принадлежит, все это заимствовано.

Священники, политики, люди, стоящие у власти, люди, входящие в круговую поруку, не хотят, чтобы ты знала, что ты - над умом, за пределами ума. Все их усилия направлены на то, чтобы удерживать тебя в отождествлении с умом, потому что ум управляем ими, не тобой. Тебя обманывают таким тонким образом. Управляющие твоего ума находятся снаружи.

Спроси индуиста:

- Если ты веришь, что твоя мать - корова, мы не возражаем - но почему тогда бык не твой отец?
- и он немедленно полезет драться.

Одним из богатейших людей Индии был Джугал Кишор Бирла. Услышав обо мне, прочитав мои книги, он захотел со мной увидеться. Я сказал:

- Что он может иметь со мной общего? Но не будет никакого вреда.

Находясь проездом в Дели, я встретился с ним. Он сказал:

- Я готов дать вам, сколько хотите денег. Я могу дать вам все необходимое, если вы объедете вокруг света и распространите индуизм, особенно идею, что должно быть прекращено истребление коров.

- Вы обратились к неправильному человеку, - сказал я. - Почему нужно прекратить истребление коров? Нужно прекратить всякое истребление... это можно понять.

Он сказал:

- Потому что корова - наша мать.

Он был старик. Я спросил:

- Тогда как насчет быка? Он что, тоже ваш отец?

Он так разозлился, что сказал, что если бы я не был его гостем, то он выгнал бы меня. Я сказал:

- Можете меня выгнать хоть сейчас. Нет никаких проблем. Это покажет, сколько в вас любви к жизни и уважения к живым существам - даже человеческим существам, даже тем, которых вы приглашаете в гости. А еще вы хотите спасти коров от истребления!

Это не вы этого хотите, это хочет ваша обусловленность. Вы индуист, и у вас индуистский ум, и вы никогда не могли поставить себя немного позади ума и увидеть его стратегию.

Когда сознание становится отождествленным с умом, мозг беспомощен. Мозг просто механичен. Мозг делает все, чего бы только ни захотел ум. Но если ты отделен, тогда ум теряет силу, иначе он остается совершенным. И ты боишься медитации именно из-за этого.

Но я жив - от медитации никто не умирает! Фактически мастер не может ничего другого, кроме как подвести вас к пруду и показать вам эти лица в зеркале. Я жив, хотя у меня нет никакой обусловленности: я не принадлежу ни к какой религии, я не принадлежу ни к какой политической идеологии, я не принадлежу ни к какой нации. Я не занимаюсь наполнением себя всевозможной чепухой, называемой «священными писаниями». Я просто оттолкнул ум в сторону. Я использую непосредственно мозг; нет необходимости, ни в какой обусловленности, нет потребности ни в каком посредничестве.

Но твой страх понятен. Тебя воспитали с определенными концепциями, и, может быть, ты боишься их потерять.

Например, для христианской школы алкоголь не грешен, но для Махатмы Ганди грехом был даже чай. В его ашраме не то, что алкоголь, даже пить чай было нельзя!

Христиане продолжают говорить миру, что Иисус совершил много чудес; одним из них было то, что он превратил воду в алкоголь, в вино. Но если спросить джайнов или буддистов, они скажут:

- Это не чудо, это преступление! Если бы он превращал вино в воду, это было бы чудом, но делать вино из воды - просто преступление. За это его следовало бы посадить за решетку, за это его не следует почитать.

Для джайнизма и буддизма непостижимо, как любой человек, у которого есть хоть немного медитативности, может пить алкоголь или принимать какие-то другие наркотики.

Все наркотики используются для того, чтобы вы забыли свое несчастье. Но если несчастье исчезает, забывать нечего. Если болезни больше нет, ты выбрасываешь в окно бутылочку с лекарством. Ты не продолжаешь носить ее с собой: «Это великое лекарство, и я буду поклоняться ему всю жизнь, и иногда я буду его пробовать, потому что оно излечило мою болезнь».

Человек медитации просто больше не несчастен. Он забыл язык страдания, тоски, тревоги. Он знает только радость. Он знает любовь, он знает покой. Ему нечего забывать. Фактически, если заставить его пить, он откажется, потому что при этом он забудет покой, радость, блаженство, молчание.

Если ты несчастен, если ты в страдании, в постоянном напряжении и тревоге, тогда, конечно, алкоголь может принести облегчение, временное облегчение, и, может быть, очень большой ценой, потому что завтра ты снова проснешься со всеми этими страданиями и желанием снова

пить тот же алкоголь, чтобы их забыть. И каждый раз количество наркотика нужно увеличивать, потому что с каждым разом у тебя повышается к нему иммунитет.

Я знаю несколько человек... один из них жил рядом с моим домом. Он дружил с моим отцом и был очень красочным человеком. Редко встречается такой красочный человек, особенно в Индии, где люди живут просто; он был действительно красочным.

У него был специальный набор одежды на каждый день в году - и вся одежда была западная. Во всем городе никто больше не носил западной одежды - он был единственным. У него были прекрасные шляпы и прекрасная трость... и он был всегда пьян. Он никогда не был женат. Он получил большое наследство. Он подсчитал, что этого достаточно: «Даже если я проживу две жизни, этого хватит». И все, что он делал, это пил, и сознательно пил так много... утром он начинал пить, а вечером засыпал, все еще продолжая. Но никогда нельзя было застать его пьяным. Он всегда оставался совершенно обычным.

Люди часто пробовали - просто для проверки - напоить его до бесчувствия, и он пил и пил. У них кончался алкоголь, но он не терял здравого смысла. Он был в полном порядке. Представить себе было нельзя, что он выработал такой иммунитет. Но каждый наркотик приносит иммунитет. Рано или поздно его эффект прекращается.

Его звали Манмохан Рай. Он очень любил меня. Он часто приводил меня к себе и говорил:

- Послушай, - и он показывал на свой бар, - никогда не пей.

- Это хорошо... - говорил я. - Хорошо получить такой совет от тебя.

- Да, - говорил он, - потому что это меня испортило. Теперь слишком поздно. Я не могу вернуться назад. Фактически меня испортил отец, отдав мне все эти деньги. Мне не приходилось работать. Но человек должен что-то делать, иначе он становится нервным, напряженным. Поэтому просто чтобы успокоиться, я начал пить и нашел, что это приносит огромное облегчение, и вскоре я втянулся в это.

- Теперь я даже сомневаюсь, - говорил мне он, - кровь ли действительно или алкоголь у меня в жилах, потому что я выпил столько алкоголя. И проблема в том, что мои тревоги как были, так и есть. Фактически, теперь я еще более тревожен, потому что потратил жизнь впустую. Я даже не знаю смысла жизни. Я просто как животное.

Я притворяюсь перед всем городом, и каждый думает, что у меня потрясающая жизнь, но дома в постели я плачу и рыдаю: что это за жизнь? - пить целыми днями с самого утра. Врачи говорят: «Ты лишаешь себя шансов на жизнь. У тебя может отказать сердце». Но я не могу остановиться. Я не могу остановиться, потому что алкоголь, по крайней мере, помогает мне на время забыть все эти вещи. Но они возвращаются с удвоенной силой, с огромной силой.

Авирбхава, если ты действительно хочешь жить осмысленной, важной жизнью, жизнью, в которой есть песня, в которой есть музыка, в которой есть танец, жизнью, которая знает бессмертие твоего глубочайшего существа, тебе придется отбросить страх перед медитацией.

И что тебе терять? Человек испытывает страх, когда ему есть что терять. Я не вижу ничего такого, что ты могла бы потерять; у тебя ничего нет.

Карл Маркс в своей книге «Манифест коммунизма» написал в конце прекрасные строки - в другом контексте, но они имеют важность. Он говорит: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». Бедные всего мира, соединяйтесь, потому что вам нечего терять, кроме своих цепей, а получить вы можете все. Так зачем ждать?

Я не скажу этого бедным. Но я скажу это духовно бедным людям: «Вам нечего терять, кроме своих цепей, а получить вы можете все».

Обычному бедному человеку терять есть что - Карл Маркс в этом неправ. У него есть свобода, у него есть индивидуальность. Карл Маркс никогда не думал об этих вещах. Он думал только о деньгах - что у бедного человека нет денег. Но у бедного человека есть собственная индивидуальность. У него есть свобода и свобода выражения. По крайней мере, он не раб. Может быть, он нищий, но ему есть что терять. И в Советском Союзе он это потерял. Он потерял свою свободу, он потерял свою индивидуальность. А что он получил? Через семьдесят лет он остался таким же бедным.

Но для духовно бедных... духовному пролетариату терять нечего. И нет вопроса о том, чтобы он объединялся. Я говорю: «Духовные пролетарии, медитируйте. Вам нечего терять, кроме своих цепей, а получить вы можете все».

И нет речи о том, чтобы соединяться, потому что мы ни с кем не собираемся бороться. Духовность - это не драка, она не требует сплоченности. Именно поэтому я говорю, что нет необходимости в организованных религиях.

Зачем нужна организация? Каждая индивидуальность должна исследовать сама по себе - истину, реальность. Организация не может помочь. Она, несомненно, может помешать - и мешает. Она заинтересована не в том, чтобы люди становились духовными гигантами. Ее усилия направлены на то, чтобы люди оставались как можно более умственно отсталыми, чтобы их можно было посылать в религиозные войны, крестовые походы, джихады, заставлять убивать друг друга... и все они убивают друг друга по религиозным причинам.

Религия не имеет ничего общего с убийством, не имеет ничего общего с дракой, не имеет ничего общего с покорением других стран. Она связана с исследованием твоего собственного внутреннего пространства. Это индивидуальное явление - без всяких организаций, без всякой сплоченности.

Тебе нечего терять. У тебя нет индивидуальности - ты можешь ее получить в медитации. У тебя нет никакой свободы - потому что твой ум - это твое рабство. Ты можешь получить свободу, если сможешь отложить ум в сторону.

Ты полна страха. Страх в своей основе связан со смертью.

Если ты медитируешь и познаешь себя, то узнаешь, что смерти нет.

Смерти никогда не случалось. Это одна из самых иллюзорных вещей. Только кажется другим, снаружи, что кто-то умер, - изнутри никто никогда не умирает. А медитация приводит тебя к твоему глубочайшему внутреннему ядру. В познании его страх исчезает.

В познании его исчезает вся жадность - потому что нельзя получить сокровища большего, чем ты находишь внутри самого себя. Весь мир и его империя не стоят даже сравнения с ним. Но поначалу это будет, словно ты учишься плавать, - тебе страшно. Человеку, который не умеет плавать, страшно.

В суфийской истории говорится, что Мулла Насреддин захотел научиться плавать. Он нашел учителя, который многих научил плавать, и пришел с ним к реке, но поскользнулся на ступеньках и упал в воду. Учитель с огромным трудом его вытащил. Два или три раза он ушел под воду и стал кричать: «Помогите! Помогите!» Выбравшись из воды, он схватил в руки туфли и бросился прочь. Учитель спросил:

- Куда ты?

- Я и близко не подойду к воде, - ответил Мулла, - пока не научусь плавать!

Но как тебе научиться плавать, если ты не приблизишься к воде? Ты не можешь научиться плавать на матрасе: ты можешь лечь и начать махать руками и ногами, сломать одну или две кости - но ничему не научишься. Тебе придется прийти к воде - но продвигаться методично.

А медитация и есть метод, который не просто бросает тебя в глубины, к которым ты не способен, она приводит тебя туда шаг за шагом.

Так, любой учитель плавания приводит тебя сначала туда, где мелко, где ты можешь стоять, чтобы голова не оказалась под водой, но была над ней. Он создает в тебе уверенность, и как только ты начинаешь плавать на мелководье, становится неважно, глубока ли вода, потому что плавание происходит всегда на поверхности. Затем постепенно он позволяет тебе двигаться в более глубокие места, и по мере того, как ты осознаешь, что плавание так просто, весь страх исчезает. Напротив, возникает огромное радостное волнение - ты научился новому искусству.

Медитация начинается очень постепенно и становится глубже по мере того, как ты более и более привыкаешь к ней. Поэтому не волнуйся. Страх естествен, но он исчезает. И здесь я.

Все эти люди здесь медитируют. Если ты не можешь медитировать среди этих медитаторов, тебе будет очень трудно сделать это одной. Когда ты видишь, что столько людей плавают, внезапно ты начинаешь чувствовать: если это получается у всех этих людей, почему не может получиться у меня? У меня такие же руки, такие же ноги, такое же тело. Естественно поначалу бояться, но не делай из этого великой проблемы. Это не так.

Любимый Ошо,

Недавно ты говорил о тотальности смеха и о том, что все действия просветленного существа тотальны.

Вопрос, который для меня остался вопросом, связан со свидетельствованием и тотальности в действии - и смех кажется хорошим примером. Я обнаружил, что иногда могу наблюдать гнев, обиду, разочарование, но смех всегда охватывает меня прежде, чем я это осознаю и могу наблюдать.

Не будешь ли ты так добр, рассказать нам о свидетельствовании в этом свете?

Смех в определенном роде уникален. Гнев, разочарование, беспокойство, грусть - все они негативны и никогда не тотальны. Ты не можешь быть тотально грустным, нет никакой возможности. Никакая негативная эмоция не может быть тотальной, потому что она негативна. Для тотальности нужна позитивность. Смех - это позитивное явление, именно поэтому он уникален - и это делает немного трудным осознавать смех. Есть две причины. Во-первых, он приходит внезапно. Фактически ты осознаешь его, только когда он уже пришел. Если только ты не родился в Англии... там он никогда не приходит внезапно.

Говорят, что если рассказать анекдот англичанину, он рассмеется дважды - сначала чтобы быть с тобой милым. Он не понимает, почему смеется, но раз ты рассказал анекдот, от него требуется рассмеяться, и, не желая тебя обидеть, он смеется. Но в нем нет смеха. Позднее, среди ночи, когда до него доходит... он смеется.

Разные расы ведут себя по-другому. Немцы смеются только один раз - когда видят, что смеются все вокруг. Они присоединяются, чтобы не остаться в одиночестве, потому что иначе люди подумают, что они не поняли. И они никогда никого не спрашивают: «В чем смысл?» - потому что это сделало бы их невежественными.

Один из моих саньясинов, Харидас, пробыл со мной пятнадцать лет, но каждый день он кого-то спрашивает: «В чем дело? Почему все смеются?» - и он тоже смеется. Ему никогда не удавалось понять ни одной шутки. Немцы слишком серьезны, и из-за этой их серьезности...

Если рассказать шутку еврею, он не будет смеяться, - и кроме того, он скажет:

- Это старая шутка, и, кроме того, ты все рассказываешь неправильно.

В отношении шуток они - самые искушенные люди. Я не знаю ни одной шутки, у которой не было бы еврейских истоков.

Никогда не рассказывай анекдотов еврею, потому что он обязательно тебе скажет: «Это очень древний анекдот - не приставай с ним ко мне. К тому же ты все рассказываешь неправильно. Сначала выучи этот анекдот, научись этому искусству». Но он не засмеется.

Смех естественно приходит, как гром, - внезапно. Это сам механизм шутки, любой простой шутки. Почему она заставляет людей смеяться? Какова ее психология? Она накапливает в тебе определенную энергию; твой ум начинает мыслить в определенном направлении, пока ты слушаешь анекдот, и ты так волнуешься в предвкушении соли шутки - чем она кончится? Ты начинаешь ожидать какой-то логической концовки - потому что ум не способен ни к чему, кроме логики, - но шутка не логика. И когда приходит конец, он кажется таким нелогичным и абсурдным, но таким подходящим, что энергия, которую ты сдерживал, ожидая конца, внезапно взрывается в смехе. Велика или мала шутка, неважно, психология ее одна и та же.

В небольшой школе у учительницы есть красивая куколка. Она собирается дать ее в награду мальчику или девочке, которые правильно ответят на вопрос. В конце урока она задаст простой вопрос, и каждый, кто сможет на него ответить, получит эту красивую куколку.

И целый час она настойчиво рассказывает мальчикам и девочкам об Иисусе Христе, так и этак, - истории о нем, его философия, его распятие, его религия, его величайшая в мире конфессия, - все сжато в один час. Затем в конце она спрашивает:

- Я бы хотела знать, кто величайший человек в мире?

Маленький мальчик встает и говорит:

- Авраам Линкольн. - Это был американский мальчик.

- Хорошо, - говорит женщина, - но недостаточно хорошо. Садись.

Целый час она рассказывала об Иисусе Христе, а этот бедняга-американец выступает с Авраамом Линкольном! Хорошо, что эта шутка старая, иначе он выдвинул бы Рональда Рейгана.

Маленькая девочка поднимает руку, когда учительница снова спрашивает:

- Кто величайший человек в мире?

- Махатма Ганди, - отвечает девочка. Она индианка.

Учительница чувствует большое разочарование. Целый час усилий! Она говорит:

- Хорошо, но недостаточно хорошо.

И тогда очень маленький мальчик начинает тянуть руку как сумасшедший. Учительница говорит:

- Да, скажи нам, кто величайший человек в мире.

- Нет никаких сомнений... Иисус Христос.

Учительница озадачена, потому что этот мальчик - еврей. Он заслужил приз, но когда все уходило из класса, она отвела его в сторону и спросила:

- Разве ты не еврей?

- Да, я еврей, - ответил он.

- Тогда почему ты назвал Иисуса Христа?

- В глубине сердца я знаю, что это Моисей, - ответил он, - но бизнес есть бизнес!

Любая шутка кончается поворотом, которого логически ожидать было нельзя. Поскольку это позитивное явление, на это потребуется немного больше времени, но не пытайся слишком усердно, иначе ты упустишь смех. Просто оставайся расслабленным, и когда придет смех, точно как приходит волна в океане, молчаливо наблюдай его. Но не позволяй наблюдателю побеспокоить смех. Позволить нужно и то, и другое.

Смех - это красивое явление. Его не следует отбрасывать. О нем никогда не думали таким образом. Нет никаких изображений смеющегося Иисуса Христа, смеющегося Гаутамы Будды, смеющегося Сократа - все они очень серьезны.

Для меня серьезность - это болезнь. Чувство юмора делает тебя более человечным, более скромным. Чувство юмора - согласно мне - это одна из самых существенных составляющих религиозности. Религиозный человек, который не может смеяться полно, не религиозен в полной мере. Чего-то по-прежнему недостает. Поэтому ты почти, что должен идти по лезвию бритвы. Смех должен быть позволен во всей его полноте.

Поэтому сначала позаботься о смехе, чтобы полностью позволить смех. И наблюдай. Может быть, сначала это будет трудно - сначала придет смех, затем, внезапно, ты начнешь осознавать. Ничего страшного. Постепенно промежуток станет меньше. Нужно только время, и вскоре ты сможешь быть и совершенно осознанным, и тотальным в смехе.

Но это уникальное явление; не стоит забывать, что ни одно животное не смеется, ни одна птица не смеется - только человек, и то только разумный человек. Частью разума является способность тотчас же увидеть нелепость какой-то ситуации. А в мире столько нелепых ситуаций. Вся жизнь забавна, тебе нужно только обострить чувство юмора.

И помни: двигайся постепенно, торопиться незачем, но смех не должен быть потревожен. Осознанность с тотальным смехом - это великое достижение.

Другие вещи: грусть, разочарование, освобождение от иллюзий - просто ничего не стоят. Их нужно выбросить. Не нужно быть с ними очень осторожным. Не обращай с ними бережно, просто осознай их полностью и позволь им исчезнуть. Но смех нужно сохранить.

Помни, почему Гаутама Будда, Иисус и Сократ не смеются - они забыли. Они обошлись со смехом так же, как и с негативными эмоциями. Они были так настоятельны в своей осознанности, что исчез даже смех. Смех - это очень тонкое явление и очень ценное. Когда с осознанностью исчезли грусть, несчастье, страдание, они стали более и более укорененными в осознанности и совершенно забыли, что, может быть, что-то стоит сохранить - и это был смех.

У меня такое чувство, что если бы Иисус мог смеяться, христианство не стало бы таким бедствием, каким оказалось. Если бы Мухаммед мог смеяться, ислам не был бы такой жестокой, насильственной религией. Если бы Гаутама Будда мог смеяться, миллионы буддистских монахов после него не были бы так печальны, так тупы, так бесцветны, безжизненны. Буддизм распространился по всей Азии и сделал всю Азию бледной.

Не случайно буддизм выбрал бледный цвет для своих монахов, потому что бледен цвет смерти. Когда приходит осень, и деревья обнажаются, их листья бледнеют и начинают осыпаться, и остаются только ветви. Эта бледность подобна той, какой покрывается человек, когда умирает. Тогда, если разрезать ему кожу, не найдется никакой крови, только вода. Кровь распалась, она больше не красная. Она начала распадаться, пока он умирал, именно поэтому он выглядел таким бледным. Фактически мы ничем не отличаемся от деревьев. Мы ведем себя точно так же.

И буддизм сделал печальной всю Азию.

Я искал шутки, которые имели бы индийские истоки. Я не нашел ни единой. Серьезные люди... всегда говорящие о Боге, рае, аде, перевоплощении и философии кармы. Для шутки нигде нет подходящего места.

Когда я начал говорить - а я говорил о медитации, - иногда я мог рассказать анекдот. Время от времени ко мне приходил какой-нибудь джайнский или буддистский монах или индуистский проповедник и говорил:

- Ты так прекрасно говорил о медитации, но зачем ты вставил этот анекдот? Он все разрушил. Люди засмеялись. Они были так серьезны. Ты разрушил все свои усилия. Ты полтора часа что-то делал, чтобы сделать их серьезными, а потом взял и все разрушил. Зачем, ради всего святого, ты рассказал этот анекдот? Будда никогда не рассказывал анекдотов. Кришна никогда не рассказывал анекдотов.

Я говорил:

- Я не Будда и не Кришна, и меня не интересует серьезность.

Фактически, именно потому, что они стали серьезным, я должен был рассказать анекдот. Я не хочу, чтобы кто-то становился серьезным. Я хочу, чтобы все были игривыми. И жизнь должна более и более стать сродни игре, чем серьезности.

Глава 41

Тайны жизни очень просты

Любимый Ошо,

В журнале «Ньюсвик» в статье о так называемой быстроедействующей терапии я прочитал анекдот. Один человек среднего возраста много лет приводил в отчаяние всю семью своей неизлечимой привычкой рвать на кусочки бумагу и разбрасывать их всюду, куда бы он ни пришел. Родственники водили его к самым известным фрейдянкам, юнгианцам и адлерянкам, за большие деньги и с совершенно нулевым результатом. Попытки пролить свет в мрачную бездну его бессознательного, где, несомненно, угнездились эта привычка, потерпели поражение.

В конце концов, родственники привели его к сомнительному, но изобретательному новому психотерапевту. Этот волшебник некоторое время ходил по конторе со своим новым пациентом, нашептывая что-то ему на ухо. Затем он объявил удивленной семье: «Можете забрать его домой; он излечен». В течение года привычка не возобновилась, и благодарная семья спросила доктора, что же такое он сказал пациенту. Тот пожал плечами и ответил: «Не рви бумаги».

Ошо, это мне так напоминает то, что я один раз услышал от тебя: «В существовании есть две вещи, которые беспредельны: первая - это терпение и любовь мастера, и вторая - это глупость ученика». Годами ты нашептывал нам на ухо свое простое, но такое мощное и трансформирующее послание. Я чувствую себя так глупо, но просто пытаюсь молчаливо ждать и больше не рвать бумаги.

Тайны жизни очень просты, но ум пытается сделать их сложными.

Ум любит сложность, по той простой причине, что ум нужен, только если есть что-то сложное. Если ничего сложного нет, сама необходимость в существовании ума отпадает.

Ум не хочет отказываться от своего господства над тобой. Он только слуга, но ему удалось стать господином, и все в твоей жизни перевернулось с ног на голову.

Эта шутка просто указывает на весьма очевидный факт. Этот человек рвал и разбрасывал бумагу; естественно, все подумали, что с ним что-то не так: ему нужен психоанализ, ему нужен какой-то великий человек, который понимает действие ума, чтобы тот вернул его в чувство. Никто даже не побеспокоился сказать ему: «Не делай этого».

Выглядело так, будто этот человек терял рассудок, и они обратились к фрейдянкам, адлерянкам, юнгианцам, к великим психоаналитикам. И, должно быть, все эти психоаналитики усердно работали, часами, годами анализируя сны этого человека, чтобы обнаружить, почему он рвет на кусочки и разбрасывает бумагу. Но никто не добился успеха. В последней надежде они привели его к волшебнику, и он исцелил этого человека.

Но «Ньюсвик» - журнал снобов, поэтому шутка не окончена. Именно поэтому вы не видите, как она хороша.

Волшебник походил по лестнице и прошептал этому человеку на ухо:

- Перестань рвать бумагу, или я дам тебе пинка и спущу с лестницы. - А он был очень сильным человеком. - Берегись, потому что я не верю в психоанализ и ни во что подобное, я верю только в пинки. И я пинками выгоняю людей из этого места. Они скатываются на дорогу по сотням ступенек. Теперь иди домой; только помни, что у меня только один трюк. Когда ко мне приводят умственно больного человека, я исцеляю его. Именно поэтому я хожу с тобой по этим ступенькам: чтобы показать, что это значит, если я дам тебе пинка. А сейчас иди домой и запомни это. В следующий раз я ничего не скажу, я просто это сделаю. - И этот человек понял; понял бы кто угодно.

Эту часть шутки исключили, и это разрушило всю ее красоту. Этот человек, наверное, наслаждался пережитком из детства, когда рвал и разбрасывал бумагу. И из-за этого его наслаждения все были озадачены. Это было просто явлением инфантильности. Этот человек был умственно отсталым, ему не нужно было никакого психоанализа. Ему нужно было дать хорошего пинка - и этот язык он немедленно понял.

Во многом мы продолжаем думать о простых вещах с точки зрения сложного. Наши проблемы в большинстве своем просты, но ум сбивает тебя с толку. А эти люди эксплуатируют тебя. Они делают твою проблему еще более сложной.

Однажды ко мне привели одного мальчика. Наверное, ему было шестнадцать или семнадцать лет, и он изводил и приводил в замешательство всю свою семью, хотя не было никакой необходимости никому приходить в замешательство. Этот мальчик все время говорил, что ему в живот залетели две мухи, и они постоянно движутся внутри его тела - то они летают в голове, то перелетают в руку.

Его водили к врачам, и те говорили:

- Это не болезнь.

Ему делали рентген, но не было никаких мух и ничего подобного. Ему пытались говорить:

- В тебе нет никаких мух.

Но он говорил:

- Как я могу вам поверить? Они движутся всюду внутри моего тела. Должен я верить своему переживанию или вашим объяснениям?

Случайно кто-то предложил родителям привести его ко мне, и они привели. Я услышал всю историю. Мальчик выглядел очень упрямым, будто он пришел с неохотой, потому что он устал от всех этих врачей, которые, как один, говорили: «Никаких мух нет».

- Вы привели его к правильному человеку, - сказал я. - Я вижу этих мух. Бедный мальчик страдает, а вы говорите ему, что он глупый.

Мальчик расслабился. Я был за него - первый человек, который принял его идею о мухах.

Я сказал:

- Я знаю, как они влетели. Наверное, он спит с открытым ртом.

- Да, - сказал мальчик.

- Это так просто. Если ты спишь с открытым ртом, влететь может кто угодно. Тебе повезло, что влетели только мухи. Я видел людей... в них забегали крысы...

- Боже мой, крысы? - сказал он.

- Не только крысы, но за крысами и кошки...

- Наверное, этим людям пришлось плохо, - сказал он.

- Так и есть. С тобой не случилось ничего страшного, твой случай очень простой - всего две мухи. Просто ляг вот сюда, и я их извлеку.

Он сказал:

- Вы первый человек, который проявил к бедному мальчику какое-то понимание. Никто меня не слушает. Я настаиваю, что они там. Я показываю место... они здесь, а теперь вот здесь... и все они смеются и заставляют меня чувствовать себя дураком.

- Сами они дураки, - сказал я. - Они не сталкивались с такими случаями, но у меня это главная специальность. Я занимаюсь только людьми, которые спят с открытым ртом.

- Я знаю, что вы понимаете, потому что вы тут же узнали, где они, - вы указали точное место.

Я сказал его родителям выйти из дома и оставить его со мной на пятнадцать минут. Я сказал ему лечь. Я завязал ему глаза и велел держать рот открытым. Но он сказал:

- А если залетят еще мухи?

- Не волнуйся, здесь кондиционер, окна закрыты, и никаких мух нет. Просто лежи с открытым ртом, а я попытаюсь убедить мух вылететь.

Я оставил его там и выбежал из дома, чтобы как-нибудь поймать двух мух - впервые, потому что я никогда раньше этого не делал. Но кое-как это мне удалось, и я принес двух мух в небольшой бутылочке. И приложив бутылочку к его рту, я снял с него повязку и сказал:

- Посмотри!

Он сказал:

- Эти две маленькие мухи... какой хаос они создавали! Вся моя жизнь была разрушена. Не отдадите ли вы мне теперь этих мух?

- Да, могу. - Я закрыл бутылочку и отдал ему. Я спросил: - Что ты собираешься сделать?

- Пойти ко всем этим врачам, которые только брали деньги, ничего не делали и говорили мне: «Никаких мух нет». К каждому, кто сказал мне это... Я покажу им, что вот они, мухи.

Он был исцелен. Его ум уцепился за эту идею. Но если ты пойдешь к психоаналитику, он сделает гору из кротовой норы - столько теорий, объяснений... уходят годы, а проблема остается прежней, потому что проблемы это не коснулось. Он стал об этом философствовать и пытался навязать свою философию этому бедному пациенту.

Но большинство болезней ума - семьдесят процентов болезней ума - очень просто излечить. Самое основное - принять; не отрицать, потому что отрицание ранит гордость человека. Чем более ты отрицаешь, тем более он будет настаивать: это простая логика. Ты отрицаешь его понимание, ты отрицаешь его чувство, ты отрицаешь его человеческое достоинство. Ты говоришь: «Ты ничего не знаешь» - о его собственном теле!

Первый шаг - это принять: «Ты прав. Те, кто отрицал твою правоту, заблуждались». И немедленно половина проблемы охвачена. Теперь с этим человеком установлены сочувственные отношения. Тем, кто страдает умственной болезнью, нужно сочувствие; им нужно одобрение, не отрицание. Они не хотят, чтобы их низводили до сумасшедших, ненормальных. Просто прояви к ним сочувствие, дай им понимание, будь любящим.

Позволь им подойти к тебе ближе и найди простой способ. Не ходи кругами с фрейдистскими писаниями - это почти священные писания, и литература по психоанализу постоянно увеличивается в объеме, ее становится больше и больше. Ты начинаешь применять к этому бедняге все эти идеи, а у него нет ничего серьезного.

Мое собственное понимание состоит в том, что каждому человеку нужна любовь, и каждому человеку нужно также и любить. Каждому человеку нужна дружба, дружелюбие, сочувствие - и каждый человек хочет также их и отдавать.

Это мне напоминает... это произошло, когда Джорджу Бернарду Шоу было почти восемьдесят лет. Его врачу было девяносто лет - его личному врачу - и они были большими друзьями.

Однажды среди ночи Бернард Шоу почувствовал боль в сердце и испугался: может быть, это сердечный приступ. Он позвонил врачу и сказал:

- Приезжайте немедленно, потому что я могу не дожить до восхода солнца.

- Держитесь, - сказал врач. - Я еду, не волнуйтесь.

Приехал врач. Ему пришлось подняться на три пролета ступенек - девяностолетний старик с чемоданом, весь в поту.

Он пришел, положил чемодан на пол, сел в кресло и закрыл глаза. Бернард Шоу спросил:

- В чем дело?

Врач приложил руку к сердцу, и Бернард Шоу сказал:

- Боже мой, у вас же сердечный приступ!

И он увидел... девяностолетний старик, три пролета ступенек, среди ночи, весь в поту...

И Бернард Шоу встал, стал обмахивать его веером, обмывать ему лицо холодной водой, дал ему выпить коньяку, потому что ночь была холодной, попытался, как только мог... укрыл его одеялом и совершенно забыл о собственном сердечном приступе, ради которого и вызвал врача.

Через час врачу стало лучше, и он сказал:

- Теперь я в порядке. Это был сильный сердечный приступ. Это случилось в третий раз и, как я подумал, в последний, но ты очень мне помог. А теперь дай мне гонорар.

Бернард Шоу сказал:

- Гонорар? Я носился вокруг тебя, приносил все необходимое и тебя обслуживал. Это ты должен дать мне гонорар.

- Чепуха. Все это было притворство. Я делаю это с каждым пациентом-сердечником - и это всегда работает. Они забывают свои сердечные приступы и начинают ухаживать за мной -

девяностолетним стариком. Давай мне мои деньги. Прошло полночи, и мне пора домой, - и он взял гонорар.

И Бернард Шоу сказал:

- В этом что-то есть. Обычно я считал себя шутником, но этот врач тоже играет практические шутки. Он действительно меня вылечил.

Его сердце было в полном порядке. Он совершенно забыл о нем. Это было лишь небольшой болью, которая умножилась в его уме... страх сердечного приступа, идея сердечного приступа, идея смерти была многократно умножена.

Но это был действительно хороший врач. Он поднял на ноги Бернарда Шоу, получил все услуги, выпил хорошего коньяку, а в конце концов взял гонорар и пошел домой. И Бернард Шоу выглядел совершенно заинтригованным. «Этот человек говорит, что делает это с каждым сердечником и всегда добивается успеха. Только из-за возраста это ему так прекрасно удается. Каждый на моем месте забудет...

Любой другой врач стал бы делать из этого сложное явление, с уколами, лекарствами и отдыхом, сменой климата и круглосуточным дежурством медсестры. Но этот человек сделал все так легко и быстро, без всяких сложностей».

Я встречал всевозможные случаи, связанные с умом. Все, что им нужно, это очень сочувственный, дружеский, любящий подход, и в каждом случае необходимо уникальное лечение - потому что все, что делали с этим человеком, было обычным, общим, и постепенно этот пациент начал чувствовать, что добился успеха и победил все возможные виды медицины - аллопатию, гомеопатию, натуропатию, аюрведу, акупунктуру, акупрессуру, - всех возможных врачей, и все же никто не смог его излечить. Он начинает ощущать в этом отношении определенное эго: его болезнь - что-то особенное. Он хочет, чтобы его приняли как особенного. Это заменитель.

Это нужно понять: каждый хочет быть особенным, незаурядным - великим музыкантом, великим танцором, великим поэтом - но никому это не удастся. Чтобы стать великим музыкантом, нужна долгая, тяжелая дисциплина.

Я знаю великого индийского музыканта, Вилайята Али-Хана, одного из лучших ситаристов мира. Он обычно начинал заниматься с самого раннего утра, около четырех часов, и продолжал до девяти или десяти - пять или шесть часов каждый день. Мы жили вместе. Однажды, сидя в саду, я спросил его:

- Теперь ты известен на весь мир; нужно ли продолжать заниматься?

- Ты не понимаешь, - сказал он. - Если я не позанимаюсь один день, я сразу это увижу. Если я не позанимаюсь два дня, каждый, кто понимает музыку, это увидит. Если я не позанимаюсь три дня, это увидят даже те, кто не понимает музыки. Это такое тонкое явление, что нужно продолжать, чтобы оживлять его, жить им, идти в него глубже и глубже. Остановиться невозможно.

Музыка - это тяжелая дисциплина, так же как и скульптура... любая творческая деятельность. Но чтобы иметь особенную болезнь, никакой дисциплины не нужно. Ее может иметь каждый, и заимев ее, каждый может стать особенным. И ты можешь увидеть, как это явление происходит во многом. Мы видели, как хиппи входят в моду и исчезают. Почему это привлекало молодежь? Они выглядели особенными - а на самом деле они были неудачниками, больными; они были эскапистами.

Именно в этом точный смысл слова «хиппи» - тот, кто показал бедра (Hips) и убежал от проблем жизни. Своими длинными волосами, своим странным образом жизни - фактически, грязным образом жизни, негигиеничным... потому что все они поначалу происходили из христианских домов, где их учили: «Чистота соседствует с Богом» - они хотели отрицать Бога, но где найти Бога? Ты можешь быть нечистым, можешь доказать, что грязь - твой образ жизни; если чистота была путем старого поколения, тогда грязь будет путем молодого. Оставаясь грязными, они отрицают Бога. И, несомненно, если бы и был какой-то Бог, он не стал бы соседствовать с хиппи - хиппи воняют.

Теперь есть панки... Я видел их фотографии. Они стригут волосы... половину волос стригут, а половину красят в зеленый, красный цвет. Половину усов сбривают, а половину красят. Они просто пытаются таким инфантильным образом состязаться с Микеланджело, Леонардо да Винчи, Шекспиром, Байроном, Ван Гогом, Пикассо.

В этих людях следует видеть не что иное, как желание признания - «Вот он я!», а никто не обращает внимания. Что-то нужно сделать, людей нужно принудить обратить внимание. И если

мимо тебя пройдет кто-то, у кого половина волос обрита, а половина покрашена в зеленый цвет, не оглянуться на него будет трудно. В этом весь смысл слова «уважение» (Respect): респект, повторный взгляд, а именно этого и добивался этот бедняга - уважения. Куда бы он ни пришел, он везде будет выделяться.

В Индии есть старая история об одной женщине, бедной женщине... но независимо от того, беден человек или богат, черный он или белый, восточный или западный, ум остается прежним. Кое-как ей удалось купить серебряный браслет. Это было единственное украшение, которое ей удалось купить за всю жизнь. Она убирала в домах людей, этого не хватало даже на еду и одежду.

Теперь ей хотелось, чтобы кто-то что-то сказал об этом браслете. Целый день она ходила по городу, держа руку на виду, делая всяческие жесты, чтобы люди его увидели. Но обычный серебряный браслет... Никто не думал, что она испытывала такую нужду, человеческую нужду в признании, и что бедная женщина была бы так счастлива, если бы ей сказали хоть два слова. Никто ничего не говорил.

К вечеру в отчаянии - целый день она ничего не ела; для нее это было большим поражением, чем, если бы Александр великий потерял весь мир, - она подожгла свою маленькую хижину, и вся деревня собралась вокруг. Она била себя в грудь, но с тем, чтобы в огне горящего дома засверкал браслет. И одна женщина сказала:

- Боже мой, какой красивый браслет! Где ты его достала?

И женщина ответила:

- Если бы ты мне это сказала раньше, то могла бы спасти мою бедную хижину. Теперь я осталась без дома. Весь город был так скуп, что не смог сказать ни единого слова о моем прекрасном браслете, а теперь слишком поздно. Но все же я счастлива оттого, что хотя мой дом и сгорел, и у меня нет крыши над головой, кто-то признал: «У тебя красивый браслет».

На самом деле человек хочет, чтобы кто-то ему сказал: «Ты красивый». Когда это невозможно, подойдет заменитель: «У тебя красивые украшения, красивая одежда» - что угодно.

Винсент Ван Гог, один из великих художников новой школы, ее основатель... Он был безобразен, но это была не его вина. Ни одна женщина никогда его не любила. Он хотел, чтобы какая-то женщина хотя бы сказала ему, что любит его, что он красивый.

Он нерешительно сделал предложение одной из своих двоюродных сестер. Родители очень расстроились, потому что он на такое осмелился! Что он о себе думает? Такой урод - кто захочет его любить? Рядом горела большая свеча, и девушка сказала Ван Гогу:

- Если ты сможешь удерживать ладонь в пламени свечи, пока я не скажу да...

Он положил руку на свечу - а женщина не думала, что он это сделает. Рука горела, но он не убирал ее. Отцу девушки пришлось убрать свечу:

- Он сумасшедший - не только уродливый, но и сумасшедший. Он сжег себе всю руку!

Но никто не видит простого факта сердца и его потребности... чтобы кто-то сказал: «Ты хорош таким, как ты есть. Я тебя принимаю». Он готов был сжечь руку... его рука осталась обожженной на всю жизнь.

Его младший брат, видя эту ситуацию, подумал, что хорошо будет как-нибудь это организовать, договорился с проституткой и все ей рассказал.

- Пожалуйста, будь к нему добра. Я заплачу деньги, но пусть хотя бы одна женщина... и он никак не сможет узнать, проститутка ты или нет. Просто встретиться с ним случайно в саду, поболтай, скажи, что любишь его. Приведи его домой. По крайней мере, я хочу, чтобы один человек сказал это - чтобы он не чувствовал себя пустым, отвергнутым всем миром, оскорбленным и униженным всеми.

Эта проститутка была прекрасной женщиной. Она это сделала и действительно почувствовала, что этот человек был великим гением - но только уродливым. Но когда она сказала: «Я люблю тебя», он не смог в это поверить.

Он сказал:

- Действительно? Но что ты во мне любишь? - потому что мое лицо уродливо, это говорят все. И я знаю себя, потому что смотрю в зеркало. Мое лицо уродливо.

Женщина растерялась, но не найдя, что еще сказать, ответила:

- Я люблю твои уши; они красивые.

В тот вечер он пришел домой, отрезал себе ухо и завернул его; кровь текла по его одежде и лицу. Он снова пришел к проститутке и отдал его ей. Он сказал:

- В первый раз в жизни кому-то что-то во мне понравилось. Это мильный камень. Я не забуду этот вечер. Мне нечего тебе подарить, но тебе понравились мои уши, поэтому я принес тебе одно из них.

Женщина не могла поверить своим глазам. Этот человек действительно сумасшедший! Она никогда не думала, что из-за того, что ей нравятся его уши, он их отрежет. Но можно увидеть, что на самом деле он не безумен; на самом деле он - настоящее человеческое существо, со всей его хрупкостью. Только, кажется, нигде нет никакого понимания.

Каждый кажется закрытым. Ни в чьем сердце нет открытых окон. Ничьи двери не открыты, чтобы приветствовать гостя. Вся эта ситуация создает странные вещи. Настоящие потребности человеческого ума не удовлетворены; он начинает вести себя странно.

Может быть, это и было единственной причиной того, что этот человек рвал и разбрасывал бумагу, - просто чтобы дать знать: «Вот он я, и я отличаюсь от всех остальных. Я делаю что-то такое, чего не делает больше никто». Может быть, его не принимали, не понимали, не любили.

И лекарство, которое он получил, было хуже любой болезни. На самом деле это и было болезнью - что его никто не любил, - а теперь этот волшебник дает ему лекарство: «Если ты сделаешь это снова, я дам тебе такого пинка, что ты скатишься по сотне ступенек, а потом упадешь на дорогу».

Но он перестал это делать - что показывает, что вместо того чтобы получить больше любви, он получил больше страха.

Страх тоже может изменить твоё поведение, но это не перемена к лучшему, это перемена к худшему. И если доступна любовь - а она ничего не стоит - почему не использовать ее?

Я не вижу никакой психотерапии, которая была бы лучше любви. Если психотерапевт может изливать любовь, болезнь исчезнет без всякого анализа.

Весь этот анализ - просто чепуха.

Психотерапевт сам избегает любви. Он избегает сталкиваться с пациентом лицом к лицу. Он боится осознать реальность. Все психоаналитики фрейдистского лагеря, самого большого и самого важного, не сидят напротив пациента. Пациент лежит на кушетке, а за кушеткой сидит психоаналитик. Пациент говорит, лежа на кушетке, ни к кому не обращаясь, а психоаналитик просто сидит рядом. Никакого человеческого прикосновения - он не может даже взять пациента за руку, не может посмотреть пациенту в глаза.

На Востоке никогда не случалось ничего подобного психоанализу, и по той простой причине, что были тысячи мастеров, глубоко в медитации, и каждый, кто к ним приходил... самой их любви, их сочувствия, того, как они смотрели в глаза пациенту, было достаточно. Люди были исцелены. Дело было не в том, что не было психоанализа... На Востоке с неврастениками, психопатами происходило именно то, что они претерпевали мгновенную перемену. Все, что им было нужно, это безмерная любовь, которая ничего не просит, - человек мира и молчания, чье само присутствие становится лекарством.

Вы удивитесь, узнав, что слова «медицина» и «медитация» происходят от одного корня. Медицина лечит тело, медитация лечит ум. Корень один и тот же, и смысл один и тот же - только они функционируют в разных сферах.

И человек, который долгое время медитировал, становится неисчерпаемым источником. Он излучает нечто такое, что невидимо для глаз, но уловимо для сердца. Нечто достигает твоего глубочайшего ядра и изменяет тебя.

Проблемы просты. Решения просты. Чтобы увидеть эту простоту, человек должен выйти из ума. И тогда, что бы ни делал человек в молчании, в мире, в радости, это будет целебным и несущим здоровье. Это будет целительной силой.

Любимый Ошо,

Вчера я получил первый сеанс гипноза с Кавишей. Выйдя из-под гипноза, я пристально смотрел на деревья, раскачиваемые ветром. В сравнении с их движением я чувствовал такую тишину в мыслях, «если бы со мной всегда была хотя бы малая часть этого мира, насколько другим человеком я был бы тогда, насколько по-иному я воспринимал бы окружающее». Как самое поразительное откровение - ощущалось открытие, что «расслабление», это одно слово, является ключом ко всему, что для меня всего драгоценнее. Разве это не суть красивых библейских слов, «будь тих и знай», и «покой, что превосходит все понимание»?

Да. Расслабление - это ключ к твоему глубочайшему существу. И расслабление состоит из тишины, состоит из покоя; и несомненно, эта тишина, этот покой превосходит понимание. Ты можешь его знать, ты можешь им быть, но не можешь его объяснить. Ты не можешь строить о нем теорий. Он остается самым таинственным опытом.

Библия права. Если ты тих, впервые ты знаешь, кто ты такой, - твое существо - и твое существо божественно. Ты составляешь часть божественности, окружающей все.

Лишь эти небольшие мгновения расслабления мало-помалу принесут тебе осознание того, что они не должны ограничиваться мгновениями; они могут быть всем твоим стилем жизни. Все двадцать четыре часа ты можешь быть молчаливым и спокойным, делая все, что необходимо в жизни. Все же все эти вещи не будут беспокоить ни твоего покоя, ни молчания; не будут отвлекать тебя от твоего существа.

Это одна из самых важных вещей, которые я хотел бы подчеркнуть, потому что в прошлом происходило так, что люди, которые приходили в молчание, начинали бояться мира. Это было естественной реакцией. Они думали: как им теперь быть лавочниками, служащими, станционными смотрителями, отцами, учителями? - во всей этой ответственности потеряется их молчание, и будет потревожен их покой. И старые религии мира стали антижизненными: «Отрекись от мира. Беги в горы, в пещеры, где ты сможешь защитить свое сокровище покоя и молчания». Но это было заблуждением.

Настоящий покой, настоящее молчание необходимо подвергнуть испытанию мира, рыночной площади. Если оно потревожено, это просто показывает, что оно было очень поверхностным - тебе нужно идти в него глубже. И рыночная площадь окажет большую помощь в том, чтобы показать тебе это.

Далеко в горах невозможно проверить, глубоко твое молчание или только поверхностно. Ты можешь оставаться молчаливым всю жизнь и умереть, а молчание будет не глубже кожи, потому что нет ничего, чтобы его потревожить, и ты не можешь определить, насколько оно глубоко.

Я хочу, чтобы религиозный человек был в мире, но не от мира - в мире, потому что рыночная площадь - это место, где ты в каждое мгновение подвергаешься испытанию. Ты должен быть благодарен рыночной площади, потому что она постоянно дает тебе понять свою ситуацию. В тот день, когда ничто не может тебя потревожить, ничто никак не влияет на твое молчание... Это можно осознать только на рыночной площади, не в Гималаях.

В Гималаях есть все возможности впасть в заблуждение - потому что молчание Гималаев не потревожит твоего молчания. Молчание Гималаев даст тебе ложное понятие - что это твое молчание. А в тебе его лишь тонкий слой, бедный слой.

Я против того, чтобы отрекаться от мира.

Я абсолютно за мир.

Мир - это великая школа.

Экспериментируй, медитируй и постоянно сталкивайся с вещами, которые тебя тревожат. Однажды тревожить не будет ничто, и это будет день великой радости.

Глава 42

Политика - это болезнь

Любимый Ошо,

Вчера вечером ты сказал, что когда найдешь место, чтобы остановиться, то начнешь разоблачать лицемерие мировых правительств и политиков, одного за другим.

Я еще не разоблачен. Упустил ли я свой шанс?

Миларепа, ты не политик. Тебе не нужно никакого разоблачения. Ты саньясин и уже танцуешь под солнцем, под дождем, на ветру, ничего не пряча от других.

Это один из самых фундаментальных принципов саньясы - не прятаться. Просто будь открытым и доступным. Никакие двери, никакие окна в твоем существе не должны быть закрыты, чтобы свежий ветерок мог продолжать дуть, поддерживая тебя всегда свежим, всегда готовым к

любому приключению, всегда ожидающим, что случится что-то божественное. Ты становишься хозяином, который ожидает гостя.

Люди, которые закрываются и держат все окна и двери запертыми, живут в застойном воздухе и застойной жизни. Никакой новый ветер не может прийти и освежить их. Они никогда не становятся молодыми; они рождаются старыми, или, может быть, рождаются мертвыми. Они никогда не отправляются в приключение заглядывания в неизвестное. Они так боятся, что откроется какое-то окно. Их так тревожат сильные ветры. Их так тревожат такие люди, как я, которые - не что иное, как сильные ветры, которые продолжают биться в ваши закрытые окна, стучаться: «Пожалуйста, открой окно». Закрытый со всех сторон, ты уже в своей могиле.

Я часто встречал прекрасную суфийскую историю. Великий король очень боялся смерти, боялся, что его убьет его собственный премьер-министр, его собственные сыновья, его собственная армия. Он сделал прекрасный дворец без окон и дверей, с одной лишь дверью, чтобы в него заходить. И у этой двери он поставил семерых охранников - одного, чтобы охранять дом, второго, чтобы охранять первого, третьего, чтобы охранять второго... и так далее. Он жил в паранойе. Он никому не мог доверять, никого не мог любить и, естественно, не принимать любви, не мог принимать доверия. А жизнь, лишённая любви, лишённая доверия, - это жизнь без всякого сока, это сухие кости. Этот человек - просто скелет.

Дворец был построен, и он был очень рад, что никакой вражеский агент, никакой грабитель, никакой убийца, никакой похититель не сможет войти к нему в дом. Охрана была организована так тщательно, что даже ни один охранник не мог ничего сделать, его немедленно застрелил бы другой охранник.

Соседний король услышал об этом дворце. Он находился в том же затруднении - незащищенность, страх, смерть. И чем больше у тебя есть, тем более ты заставляешь людей завидовать себе, и тем больше окружаешь себя незащищенностью.

Он пришел, чтобы повидать этого короля и посмотреть на его дом, и он был чудесен. Он сказал:

- У меня нет слов, чтобы восхититься твоей мудростью. Ты сделал такое, чего никто никогда не делал раньше, - такие меры безопасности!

Владелец дворца был очень счастлив. Он вышел, чтобы проводить его. Прежде чем сесть в золотую колесницу, соседний король сказал:

- Я восхищаюсь твоим дворцом и его архитектором, я хотел бы, чтобы ты прислал этого архитектора ко мне. Я хочу сделать такой дворец в моем королевстве. Я испытываю те же трудности - мы с тобой в одной лодке.

Король сказал:

- Нет никаких проблем. Я пришлю архитектора и окажу любую помощь, какая бы тебе ни потребовалась.

Как раз в этот момент, когда король восхищался дворцом, сидящий на улице нищий рассмеялся. Его смех был очень ироничным.

Владелец дворца спросил нищего:

- В чем дело? Почему ты смеешься?

Он сказал:

- Я смеюсь потому, что этот дворец совершенен, но только почти совершенен, не абсолютно совершенен. Я сижу здесь и прошу милостыню каждый день, и я недоумеваю: знаешь ли ты, что одна дверь все еще остается, и смерть может войти в эту дверь? - и твои охранники не смогут ей помешать. И в твоём дворце нет другой двери, чтобы бежать в нее.

Вот мое предложение: войди вовнутрь и вместо того, чтобы выставить охрану, скажи архитектору, чтобы он замуровал эту стену - тогда ты будешь абсолютно защищен; даже смерть не сможешь войти.

Король сказал:

- Наверное, ты сумасшедший! - что это будет за жизнь? Я задохнусь! И жив я буду или нет, это будет неважно; это будет не дворец, а могила.

Нищий сказал:

- У тебя есть немного разума. А теперь посмотри на всю математику того, что ты сделал: ты закрыл все окна, все двери, и, продолжая закрывать окна и двери, ты урезал свою жизнь. Твоя жизнь сейчас осталась лишь в этой маленькой двери. Ты мог бы быть таким же свободным, что и я. Все небо - мое.

Он был голым монахом. Голые монахи в Индии назывались *дигамбарами*. Дигамбара значит тот, чья единственная одежда - это небо и звезды, он обнажен.

Эта история значительна. Саньясин выбрал путь, на котором он будет открываться к людям, деревьям, птицам, океану, реке. Он не будет жить в страхе, бесстрашие будет его ароматом. Приходит смерть... она приходит к каждому, и потому, что она так определена, не стоит испытывать к ней никакого страха. В жизни, кроме смерти, все неопределенно: это может случиться, может не случиться. Но в смерти ты можешь быть уверен.

Если она абсолютно определена - а никто за всю историю мира никогда не мог ее избежать, - твоё беспокойство о ней совершенно напрасно. Она придет, когда настанет время, ее нельзя предотвратить. Ты можешь совершенно забыть о ней. Это не твоё дело. Существованию решать, когда переменить тебе тело и дать новое тело, новую форму.

Твоя забота - жить сейчас как возможно более тотально, не заботясь о смерти, но оставаясь тотально влюбленным в жизнь.

Утверждение жизни - это существо саньясы. Тебе не нужно, Миларепа, никакого разоблачения. Став саньясином, ты сам себя разоблачил.

Политикам нужно разоблачение, потому что в их шкафах много скелетов. Каждый политик - это преступник, но удавшийся преступник.

Есть два типа преступников: удавшиеся преступники, которые добиваются власти и делают историю, и неудавшиеся преступники, заключенные в тюрьмы, камеры, умирающие позорной смертью... которые живут бессмысленно и бессмысленно умирают.

Удавшегося преступника иногда можно поймать. Например, президента Никсона поймали. Если бы его не поймали, вы никогда не подумали бы, что он преступник. В истории он остался бы великим президентом великой страны.

Важно вспомнить, что сказал Мао Цзе-Дун из Китая, когда Никсон был с большим позором отстранен от президентского поста. Мао Цзе-Дун сказал:

- Я не понимаю, какое преступление совершил Никсон, - потому что все политики везде делают те же самые вещи. Вина этого бедняги лишь в том, что его поймали - он не совершил никаких преступлений, его просто поймали.

И вы должны помнить, что даже после того, как Никсон перестал быть президентом, Мао Цзе-Дун прислал специальный президентский самолет из Китая, чтобы он прилетел в Китай в отпуск, чтобы утешить его и сказать: «Ты не сделал ничего неправильного. Не чувствуй себя виноватым. Каждый политик делает то же самое, тебе просто нужно было быть осторожнее».

Иосиф Сталин убил миллионы русских, а в России не было и миллиона богатых людей; эти миллионы составляли бедные люди - люди, ради которых делалась революция, во имя которых Сталин стал диктатором, во имя которых он правил страной. Почему были убиты эти бедные люди? Они не осознавали, что, выбирая коммунистическую партию и проходя через революцию, они совершают ошибку; они только думали, что коммунисты каждого сделают богатым. У них была другая идея.

Их идея была очень проста - они были простые люди: когда коммунистическая партия придет к власти, каждый будет богатым и счастливым, у каждого будет работа. Но когда коммунистическая партия пришла к власти, начали происходить тысячи других вещей, о которых люди и не подозревали.

Они делали революцию, они боролись с царем и его царством не ради этих вещей. Сначала они были потрясены. Вся семья царя - девятнадцать человек - были грубо убиты, и среди них шестимесячный ребенок. Они не позволили жить даже этой маленькой девочке... которая никому не причинила никакого вреда, которая даже не знала, что такое жизнь, которую совершенно не заботили богатые и бедные и весь этот жаргон. Их заставили выстроиться в линию и расстреляли из автоматов.

Когда люди слышали об этом, они не могли поверить, потому что никогда не думали, что до этого дойдет. Затем начали происходить другие вещи. Церкви нужно было превращать в больницы, в школы, потому что у коммунистической партии нет Бога. И она не верит, что в человеке есть душа, как не верит и в то, что в сознании есть нечто большее, чем просто сочетание физических элементов; сознание - это побочное следствие, поэтому убить человека все равно, что разобрать стул - все это материя.

Бедные люди не сознавали, что делают революцию и умирают за нее, чтобы принести материализм. А когда их церкви были закрыты, они стали сражаться; когда у них стали отнимать

Библии, они стали сопротивляться. Конечным результатом было убийство миллионов людей, потому что они были еще не готовы принять коммунистическую идеологию материализма.

Но никто не думал о Сталине как об убийце - в истории его будут помнить как великого вождя. Обычных убийц, которые, может быть, убили одного человека, осуждает общество, закон, суд; что бы они ни сделали, общество делает это с ними. Оно по-прежнему живет в каменном веке, миллионы лет назад, когда законом было «око за око» - если ты бросишь в меня камень, я брошу в тебя булыжник, это было законом. И это по-прежнему остается законом. Хотя эти слова и не произносятся, конечный результат остается прежним.

Один Адольф Гитлер убил шесть миллионов евреев ради простого, идиотского желания: властвовать над всем миром. И вы не поверите: в Америке я получил письмо от президента Американской Нацистской Партии, который угрожал мне и говорил, что я подвергаю себя опасности, критикуя Адольфа Гитлера, «потому что Адольф Гитлер был реинкарнацией пророка Ветхого Завета Илии, и каждый раз, когда вы его критикуете, это оскорбляет наши религиозные чувства». Адольф Гитлер, который убил шесть миллионов человек, - реинкарнация пророка Илии!

Никогда раньше людей не убивали в таких огромных количествах и с такой научной аккуратностью. Он создал газовые камеры. Тысячу человек можно было поместить в газовую камеру; стоит лишь повернуть выключатель, и из труб валит дым, в котором за несколько секунд исчезала эта тысяча людей. Остались только кости. Выкапывались канавы во много миль длиной, чтобы зарыть эти кости. После войны, когда эти кости откопали, никто не верил, что какой-то человек мог это сделать.

Но все еще есть люди, чьи «религиозные чувства» оскорблены! Я никогда не мог себе представить, что критика Адольфа Гитлера может настолько оскорбить чьи-то религиозные чувства, чтобы он угрожал мне, что если я сделаю это снова, он меня убьет.

Политики, все политики мира должны столь многое прятать, чтобы достичь осуществления своих амбиций - стать президентом, премьер-министром, - что сделают что угодно... легально это или нелегально, нравственно или безнравственно, неважно. Средства не важны для политиков, важен только конечный результат; если достигнут конечный результат, все средства были правильными.

Политики, несомненно, нуждаются в разоблачении, потому что, насколько я вижу, если политики полностью разоблачены, человечество - впервые - будет способно освободиться от политики.

Политика - это болезнь, и ее нужно лечить точно как болезнь. Она опаснее рака, и если необходима хирургическая операция, ее нужно провести. Политика грязна в своей основе. Она грязна неизбежно, потому что к одному посту рвутся и стремятся тысячи людей; естественно, они будут бороться, убивать, будут готовы на все.

Вся программа нашего ума неправильна: мы запрограммированы на амбиции. И именно в этом состоит политика. Политика не ограничена обычным миром политики, она загрязнила даже вашу повседневную жизнь.

Даже маленький ребенок начинает улыбаться матери, отцу - фальшивой улыбкой, за ней нет глубины. Но он знает, что, улыбнувшись, он будет вознагражден. Он научился первому правилу политики. Он еще в колыбели, но его уже научили политике.

В человеческих отношениях полно политики.

Мужчина искалечил женщину. Это политика.

Женщины составляют половину человечества. У мужчины нет права их калечить, но веками он их совершенно калечил. Он не позволял им быть образованными. Он не позволял им даже слушать священные писания. Во многих религиях он не позволял им входить в храм. Или, если это им и позволялось, для них было отведено специальное отделение; женщины не могли стоять рядом с мужчинами, как равные перед Богом.

Но началось с самого Бога. Вы, может быть, не знаете... потому что обычно все это забывают. Христиане этого не упоминают, евреи этого не упоминают. Адам и Ева приводятся как первые мужчина и женщина; Адам, конечно, первый мужчина, но Ева не первая женщина. Бог создал Адама и Лилит, и он сделал их равными - одного и того же роста, одного и того же разума, одной и той же силы, одного и того же ума.

Но боги так глупы, что и люди не могут быть слишком мудрыми. Он создал эту пару, но не смог сделать двуспальной кровати! Он сделал маленькую кровать, и первой же ночью возникла проблема, кто будет спать на этой кровати, а кто на полу. И - борьба подушками не нова, но

древняя, как мир, - они стали швырять друг в друга, чем ни попадя. Оба были равны физически и умственно, и женщина не могла подчиниться: Адаму пришлось спать на полу.

Видя, что всевозможные животные через окно видят, что происходит, - а женщина была упряма, как и всегда, - она стала спать на кровати, а бедный Адам - на полу, но он был очень зол. На следующий день он пришел к Богу и сказал:

- Эта женщина мне не подходит. Слишком много проблем. В одиночестве мне было вполне хорошо. Я сам виноват, я сам тебе сказал: «Мне одиноко; дай мне компаньона».

И что же за компаньона ты мне дал? Не мог ли ты быть немного более понимающим? Как два человека могут спать в такой маленькой постели? Мне нужна женщина, которая ни в каком отношении не будет мне равной.

Лилит была разобрана. Теперь, совершенно по-другому, была создана Ева. Случилась первая в мире хирургическая операция. Пока бедный Адам спал - может быть, ему дали что-то вроде хлороформа, - Бог вынул у него одно ребро и сделал из этого ребра женщину, чтобы она никогда не была ему равной; она будет только ребром. И Ева стала известна как первая женщина, хотя на самом деле была второй.

Я предпочел бы первую женщину, в ней была какая-то соль, какая-то сила. Ей удалось в первую же ночь отправить Адама на пол. Он в этом нуждался.

Но Ева была очень похожа на рабыню. Все, что она делала каждый раз, когда он возвращался домой и ложился спать, это считала его ребра. Она боялась, что Бог создал и других женщин, вынув другие ребра. И с тех пор мужчина... может быть, идея Бога тоже принадлежит мужчине. Бог - тоже мужской шовинист: в его троице нет места для женщины.

Мужчина попытался отрезать для женщины любой путь к свободе. Это политика, это не любовь.

Ты любишь женщину, но не даешь ей свободы. Что это за любовь, если не давать свободы?

Ты сажаешь ее в клетку, как попугая. Ты говоришь, что любишь попугая, но не понимаешь, что убиваешь его! Ты отнял у этого попугая все небо, а дал ему взамен только клетку. Эта клетка может быть золотой, но даже золотая клетка - ничто в сравнении со свободой попугаев в небе, перелетающих с дерева на дерево, поющих свою песню, - не то, что ты заставляешь их говорить, но то, что для них естественно, что для них подлинно.

Женщина продолжает делать то, что хочет мужчина. Она мало-помалу совершенно забыла, что она тоже человеческое существо.

В Китае тысячи лет муж мог убить жену. Только в 1951 году был принят новый закон, запрещающий это. До 1951 года муж был наделен властью - если он хотел убить свою женщину, это было его дело; это была его женщина, его собственность. Закон не заинтересован в том, чтобы вмешиваться в дела твоей собственности. И, кроме того, Китай думает, что у женщин нет душ, душа есть только у мужчины.

Именно поэтому за всю историю Китая нельзя найти ни одной женщины калибра Лао-Цзы, Чжуан-Цзы, Ли-Цзы, Конфуция, Менция - ни единой женщины. Если у тебя нет души, ты просто вещь; ты не можешь состязаться с мужчиной.

Половина человечества в каждой стране, в каждой цивилизации была уничтожена семейной политикой. Вы можете не называть это «политикой», но это политика. Что угодно, в чем есть желание власти над другим человеком, является политикой. Власть всегда политическая - даже над маленькими детьми. Родители думают, что любят их, но это только идея у них в уме, потому что они хотят, чтобы дети были послушными, - а что значит послушание? Это значит, что вся власть находится в руках родителей.

Если послушание - такое великое качество, почему родители не должны слушаться детей? Если это такая религиозная вещь, родители должны быть послушны детям. Но это не имеет ничего общего с религией. Все, с чем это связано, это попытка скрыть политику за красивым словом.

Человек нуждается в разоблачении везде и во всем, во что вошла политика, - а она вошла во все, в любые отношения. Она загрязнила и постоянно загрязняет всю жизнь человека.

В ваших школах вы учите детей быть первыми. Но почему? Вы когда-нибудь думали о психологии этого? Человек, добившийся первенства, становится эгоистом - потому что он первый, - а тот, кто оказывается последним, начинает чувствовать себя неполноценным. Есть ли в этом какая-нибудь необходимость? Экзамены можно просто упразднить.

Не нужно никаких экзаменов; учителя могут просто ставить оценки каждый день точно так же, как отмечают посещаемость. Они могут ставить оценки каждому ребенку, и в конце тот, кто

разумнее, перейдет в следующий класс раньше; тот, кто немного ленивее, перейдет позже - на два месяца позже, на четыре месяца позже. Но экзамена нет, и никто не переходит «первым классом», «вторым классом» и «третьим классом», что становится клеймом.

И если человек за всю свою карьеру школы, колледжа и университета всегда был «третьим классом», вы унижаете его чувство самоуважения. Вы убили его самоуважение; он знает, что он ничего не стоит. Теперь о нем никто не справится.

Сами слова «третий класс» стали так уродливы, что в Индии, если кого-то спросить: «Каким классом ты прошел?» - если этот человек прошел третьим классом, он скажет: «Классом Махатмы Ганди», потому что Махатма Ганди никогда не пользовался никаким другим классом. Он всегда проходил третьим классом и всю жизнь путешествовал третьим классом железной дороги. Поэтому никто в Индии не скажет: «Я прошел третьим классом», но «классом Махатмы Ганди» - покрывая, пытаясь одурачить самого себя.

Создается амбиция, что ты должен стать кем-то в мире; ты должен доказать, что ты не обычный человек, ты незаурядный. Но для чего? Какой цели это служит? Это служит только одной цели: ты приобретаешь власть, другие становятся подчиненными тебе. Ты незаурядный человек. Они бедняги - класс Махатмы Ганди; они могут быть клерками, они не могут стать больше никем. У них не хватит духу. Вы разными способами кастрировали все человечество, и эта кастрация - очень политическая.

И те, кто у власти, продолжают оставаться у власти поколение за поколением. В Индии сейчас, после сорока лет борьбы за свободу, главенствует одна семья. Она стала династией, не демократией. Невозможно их отстранить, потому что сорок лет они устраивали все так, чтобы отстранить их было нельзя. Они стали незаменимыми, они собрали досье - я своими глазами видел досье, которые Индира Ганди использовала против всех остальных политиков ее собственной партии и оппозиции.

В этих досье собраны все преступления, совершенные этими политиками, все принятые ими взятки, все нелегальные вещи, которые они делали, все злоупотребления властью. Это удерживает политиков в страхе, что если они пойдут против Индиры Ганди, она разоблачит их. И это великая власть.

Все же вы удивитесь: когда Санджай Ганди, второй сын Индиры, умер в результате несчастного случая... она была сначала политиком, потом матерью. Его самолет упал недалеко от того места, где жила Индира. Услышав об этом, она побежала на это место. Там собралась толпа и полиция. Первым ее вопросом не было: «Как Санджай? Жив он или мертв? Как случилась эта катастрофа?» Вот что она спросила: «У него было два ключа: где эти два ключа?» И из этих двух ключей один был от шкафа, где хранились эти досье, а второй связан с черными деньгами, которые использовались для выборов, - миллионы долларов...

Политик может пожертвовать всем остальным, но не может пожертвовать властью - и это бессознательно. И когда ей сказали, что эти два ключа найдены и находятся в полицейском участке, вместо того чтобы поехать в больницу и посмотреть, в каком состоянии ее сын, она поехала в полицейский участок, чтобы взять эти два ключа - потому что эти два ключа были важнее, чем сто Санджаев Ганди. Ничто не имеет значения; его она может повидать позже - а он все равно умер.

Когда я услышал, что сначала она спросила у ключах, я был потрясен... но не смертью Санждая Ганди. Люди умирают - это не большая проблема, - и у каждого свой стиль смерти. Кто-то умирает в катастрофе, кто-то умирает как-то по-другому; некоторые умирают обычным, общепринятым способом, просто лежа в постели. Постель - это самое опасное место, там умирает девяносто девять процентов людей! Никогда не спи в постели, потому что девяносто девять процентов людей умирает именно там, а ты ложишься в постель каждый вечер. Лучше спать на полу.

Санджай Ганди умер в катастрофе - это был его стиль смерти. Это не проблема... но эта женщина, его мать, спросила о ключах! - не о смерти сына и не о катастрофе. Она поспешила в полицейский участок, пока не потерялись эти ключи.

Вы удивитесь, узнав, что Индира Ганди никогда долго не жила со своим мужем - а это был брак по любви. Индира Ганди была из семьи индуистских браминов, а ее возлюбленный был парсом, и такой брак было очень трудно принять ортодоксальным умам. Но Индира была единственной дочерью Джавахарлала. Он не хотел разрушать ее жизнь, а она была упряма: если она вообще

выйдет замуж, то только за этого человека, ни за кого другого. И она вышла замуж за молодого парса - Джавахарлал позволил ей выйти за него замуж.

Она втянула в политику и своего мужа. Он стал членом парламента, но она редко с ним жила - и он был очень зол. Я знал его. Он был очень разочарован, потому что Индира продолжала жить с Джавахарлалом - там была власть, и она была его единственной дочерью. У Джавахарлала не было сына, его жена умерла. Индира имела все возможности стать его преемницей. А что мог дать ей муж? В конце концов, произошло полное расставание, и он стал слишком много пить; может быть, он умер оттого, что пил.

Но Индира продолжала жить с отцом, потому что там было все, там была сконцентрирована вся власть страны. И от него она получила обучение политике и все эти досье. Когда он умер, она получила все эти досье, она получила все деньги: партия не могла себе позволить существовать без нее. Партии пришлось выбрать ее - потому что даже первые люди в партии, первые лидеры, боялись этих досье. И у нее были деньги.

Как еще можно победить на выборах? - особенно в такой стране, как Индия, где можно купить голоса, просто отдав две рупии. Не нужно ничего делать, только дай человеку две рупии, и он проголосует за тебя. Он понятия не имеет ни о какой идеологии, он понятия не имеет ни о какой демократии. Две тысячи лет Индия была в рабстве, и он понятия не имеет о свободе. Две рупии кажутся ему важнее всего остального - более плотными, более осязаемыми. Демократия и свобода кажутся только словами бедным, голодающим людям; две рупии кажутся важнее. Поэтому каждый, у кого есть деньги, у кого есть средства и нужные связи, чтобы внести деньги, будет продолжать оставаться у власти.

Невозможно, чтобы Индия избавилась от семьи Неру. Под именем демократии это просто монархия, династия. И такая же ситуация во всем остальном мире; именно так все работает. Люди видят только фасад, они не видят закулисных вещей.

Я действительно хочу разоблачить весь образ действий политики. Меня заботят не политики, но то, каким образом функционирует политика: она уродлива, она бесчеловечна; политика - варварство. Мы должны жить неполитическим стилем жизни. Наши отношения должны быть не политическими, иначе у нас будут не отношения, но только названия, ярлыки, а за этими ярлыками содержание будет каким-то другим.

Любимый Ошо,

Я чувствую себя ближе, чем когда-либо раньше, и глубже в чем-то таком, что не хочу отпускать, в чем-то таком, чего я долго жаждал - свет, тепло, любовь, что окружают нас.

Волнующе смотреть, как быстро я меняюсь, как подхожу ближе к дому, пробыв от него вдалеке долгое-долгое время. Но внутри сосущее чувство, ощущение, что тебя могут у нас отнять, незнание, где ты будешь дальше, и будем ли мы благословенны снова сидеть в твоём присутствии.

Не будешь ли ты так добр прокомментировать?

Не стоит беспокоиться. Никто не может меня отнять по той простой причине, что даже прикосновение ко мне создаст опасность для этого человека, или для партии, или для нации.

Это мне напоминает, что когда меня арестовали в Америке - без всяких законных оснований, без всякого ордера на арест, - меня не отпустили под залог, просто чтобы протащить меня по всем этим тюрьмам. Я проехал почти по всей Америке: пять тюрем за двенадцать дней. Но странно было то, что каждый раз, когда я выходил из самолета и садился в полицейскую машину, человек, который вел меня и передавал из рук в руки маршалу США, шептал ему на ухо - а я сидел позади него и слышал: «Этот человек опасен, поэтому не делайте ничего прямо. Не касайтесь даже его тела, потому что весь мир наблюдает, и как только он выйдет, он разоблачит все, что происходит в этих тюрьмах. Поэтому будьте с ним вежливыми и разумными; не обращайтесь с ним как с преступником».

Это сообщение постоянно передавалось каждый раз, когда я переезжал из одной тюрьмы в другую. Моего тела никто не касался, никто ничего не делал со мной прямо. Они пытались делать что-то косвенно, но потерпели поражение.

Например, до одной тюрьмы я добрался около одиннадцати вечера, и маршал США не захотел вписать мое имя в форму - он сказал мне, чтобы я подписался как «Дэвид Вашингтон».

Я спросил:

- По какому закону конституции вы препятствуете мне вписать мое имя и принуждаете меня вписать имя, которое не принадлежит мне? Я не буду его писать.

А вы должны быть учреждением, насаждающим законность. На вашем плаще написано: «Департамент Правосудия» - что же это за правосудие? Среди ночи, когда я устал... целый день в дороге, а вы хотите, чтобы я вписал имя кого-то другого? Вам придется дать мне объяснения. Он сказал:

- Я не знаю никаких объяснений. Не сердитесь на меня - я просто следую директивам, пришедшим сверху.

- Тогда скажите этим людям, которые дали вам директивы, что я не собираюсь подписываться «Дэвид Вашингтон». Если вы хотите, можете заполнить эту форму сами, с Дэвидом Вашингтоном и всем остальным, а я подпишу.

- Это кажется хорошим компромиссом, - сказал он. - Потому что я тоже хочу спать. Пока вы не подпишете эту форму, вы не можете отправиться в камеру и лечь спать.

И он заполнил эту форму своей рукой, а я подписал своей подписью. Он посмотрел на мою подпись и сказал:

- Что это значит?

- Наверное, «Дэвид Вашингтон», - сказал я. - Разве не так меня зовут?

- Но я не могу понять, что вы написали, - сказал он.

- Я пишу на своем языке: это «Дэвид Вашингтон».

И я сказал ему:

- Завтра утром мы увидим по телевизору ваш почерк, мою подпись и стоящую за этим идею... во всех новостях. Почему вы хотите скрыть мое имя? Чтобы вы могли даже убить меня, и не осталось никакого следа - потому что я никогда не поступал в эту тюрьму. Дэвида Вашингтона вы можете завтра выпустить, но форма должна быть подписана. Но помните, вы не сможете скопировать мою подпись.

- Но почему вы так уверены, что об этом узнают средства массовой информации?

- Узнаете утром.

В полицейской машине со мной была одна женщина. Она оказалась многоопытной тюремной птицей. Она мне сказала, что ее выпускают из тюрьмы.

- Тогда сделайте мне одно одолжение, - сказал я. - Просто послушайте внимательно разговоры, происходящие между мной и маршалом США. Вся пресса окружает тюрьму. Когда вы выйдете наружу, соберите их всех и дайте им информацию.

И она сделала это великолепно.

На следующее утро пришел маршал, вырывая на себе волосы. Он сказал:

- Что вы сделали? Во всех газетах, на телевидении! Теперь готовьтесь, нам придется перевести вас из этой тюрьмы. Мы не можем оставить вас здесь.

- А мне здесь нравится, - сказал я. - Не нужно ничего менять. Какой смысл переезжать? Дэвид Вашингтон готов жить здесь, сколько захотите.

Он сказал:

- Не делайте меня посмешищем. Меня уже осуждают за то, что я принуждал вас подписаться чужим именем. Но меня интересует, как вам удалось достичь средств массовой информации?

- Вы совершенно забыли, что нас было двое, и эта женщина сидела в углу и слышала весь разговор. Она повторила его слово в слово.

Они потерпели поражение. Они тут же сменили тюрьму, чтобы можно было сказать, что я никогда там не был, а все эти репортажи ложны. Я сказал:

- Вы не можете этого сделать. Форма осталась. На ней моя подпись, а моя подпись известна на весь мир - ее не так легко скопировать. Даже я сам не могу ее скопировать! Каждый раз она меняется.

Во второй тюрьме меня поместили в камеру с заключенным, который страдал смертельной болезнью - инфекционной болезнью - и который почти умирал. Врач сказал, что шесть месяцев никого нельзя помещать в эту камеру, что он должен жить один, потому что эта болезнь очень заразна. Меня поместили в эту камеру - и при этом присутствовал врач, суперинтендант, маршал США.

Но вы видите... этот заключенный не очень хорошо говорил по-английски - он был из Кубы - но ему удалось что-то написать и сообщить мне:

- Я страдаю, Ошо, и почти нахожусь на грани смерти от смертельной болезни. Шесть месяцев в эту камеру никого не помещали. Вас поместили сюда умышленно. Это косвенный способ вас убить.

Я тут же вызвал врача, суперинтенданта и маршала США и сказал:

- Прочитайте это.

Я спросил врача:

- Что вы за врач? Вы здесь в тюрьме, чтобы заботиться о заключенных или чтобы их убивать?

Шесть месяцев эта камера не назначалась ни для кого другого из-за этой болезни; почему ее назначили мне? Я знаю, что вас постоянно информируют: «Причиняйте вред косвенно», но вы не можете даже причинить вреда косвенно. У вас не хватает ума даже на это! Вы выглядите почти как идиоты. Вы не видите, что вот у этого человека здесь более человеческое сердце и понимание, чем у вас всех.

Они немедленно согласились изменить камеру и сказали:

- Пожалуйста, отдайте нам этот листок бумаги.

- Это пойдет в средства массовой информации, а не к вам, - сказал я.

Кажется, преступники управляют, преступники держат в заключении невинных людей. Я был удивлен, узнав, что в тюрьмах, в этих пяти тюрьмах - а в каждой было от пятисот до шестисот заключенных - все были черные, ни одного белого.

Я спросил тюремщика:

- Значит ли это, что в Америке белые не совершают преступлений? Тогда почему в тюрьмах, которые я посетил, нет ни одного белого? Я спрашивал этих чернокожих людей. Они говорят, что не совершили никакого преступления, никакого греха. Их просто взяли и силой посадили в тюрьму, и они ждут суда. Кто-то прождал девять месяцев, и каждый день ему говорили: «Завтра у тебя будет шанс». Но они не оказываются перед судом, потому что суд освободит их. Они ничего не сделали. Это просто мучение, направленное против черных. - Все они были молодые люди, которых подозревали в том, что они революционеры.

Поэтому не волнуйся, ни одно правительство ничего не может со мной сделать. Если со мной что-то сделают, это будет для них самоубийством. Тогда моя работа по разоблачению политиков будет выполнена.

Они так боятся одной-единственной индивидуальности, у которой нет никакой власти, но есть прозрение. Все они слепы, и эти слепые люди не могут причинить мне никакого вреда. Они так боятся, что могут оклеветать меня, пропагандировать обо мне совершенно абсурдные идеи. Но это не поможет, потому что я собираюсь призвать к суду каждую нацию, которая вела себя таким образом, и им придется доказать все.

Вчера вечером я узнал, что Германия рассылает всем правительствам сообщения - они были посланы и сюда, - что я пропагандирую проституцию. Все прямо наоборот: я против проституции. И я раз за разом говорил, что браки - это больше не браки, что это проституция, долгосрочная проституция. И неважно, используешь ли ты тело женщины одну ночь или всю жизнь; если без любви ты просто используешь тело женщины за деньги, за весь комфорт, который ты можешь ей дать, это проституция. А все они говорят, что я пропагандирую проституцию, что я пропагандирую сексуальную эксплуатацию детей! Это я слышу впервые... и, фактически, у нас здесь нет никаких детей.

Я собираюсь привлечь к суду германское правительство. Они должны доказать, какую сексуальную эксплуатацию детей я пропагандирую, или когда я в ней участвовал, или каким образом был за нее ответствен. Я не оставляю этих людей в покое. У них много власти - у меня власти нет - но они полны лжи и преступлений, и я разоблачу их перед судом. Они распускают обо мне клевету, которую не могут доказать.

Как может британский парламент доказать, что мое пребывание в транзитном зале аэропорта было опасно для Англии? Как ни напрягай воображение, доказать этого нельзя. Меня проверили: у меня не было ни бомб, ни оружия, ни наркотиков. Как, проспав ночь в транзитном зале, я мог подвергнуть опасности Англию? Им придется это доказать. Как только я где-нибудь остановлюсь... я выступлю против всех этих наций, одной за другой.

В Италии шестьдесят шесть всемирно известных, выдающихся людей - поэтов, писателей, танцоров, режиссеров, актеров, ученых, Нобелевских лауреатов подписали петицию против правительства, в которой говорилось, что это уродливо и что мне не должны препятствовать во въезде в Италию только потому, что против меня римский папа.

Я сообщил моим людям: «Просто пойдите к римскому папе и попросите его подпись. Если он скажет "нет", значит, он против свободы, и этого будет для нас достаточно. Если он скажет "да", то окажется перед дилеммой».

В Голландии собирают подписи протеста. Это случится в каждой стране и, в конце концов, предстанет перед ООН. Нельзя преследовать одну индивидуальность - без всякой причины, без всякого преступления - во всем мире. Такой заговор должен быть вынесен на рассмотрение людей: «Вот ваши лидеры».

Но вам не стоит беспокоиться - со мной ничего не случится. Я даю обещание.

Глава 43

Напрасный лай друг на друга

Любимый Ошо,

Мне было очень приятно услышать о твоей встрече со старым просветленным песочным скульптором из Бомбея. Сталкивался ли ты в своих путешествиях с другими просветленными индивидуальностями?

Я сталкивался с некоторыми очень замечательными индивидуальностями, но они не были просветленными: они были на самой грани. О них можно сказать «почти просветленные». Но даже из этого состояния человек может пасть.

Они были замечательны во многом. Некоторые из них были музыкантами. Странно, что большинство людей, которых я встречал и могу описать как замечательных, были музыкантами. Это не может быть случайностью. У музыки есть какое-то сходство с медитацией.

В игре на любом инструменте есть две возможности. Либо человек может совершенно потеряться - остается только музыка, - и тогда этот человек будет великим музыкантом, уникальным, но не просветленным. Другая возможность - и это немного трудно в отношении музыки, и может быть, именно по этой причине они немного медлили на самой границе - другая возможность в том, чтобы быть тотальным в музыке, но все же оставаться осознанным.

В любой другой деятельности ты можешь быть и тотальным, и осознанным. В музыке, в танце все по-другому. Когда ты тотален, этот опыт так прекрасен, что тебе хочется, чтобы он продолжал тебя окутывать всегда. Но для просветления требуется, чтобы даже в этом безмерно прекрасном опыте ты мог стоять в стороне.

В страдании легко стоять в стороне, быть осознанным. В несчастье легко быть осознанным, потому что, кому хочется быть несчастным? Кому хочется быть в страдании? Опыт страдания, тревоги, несчастья сам по себе помогает тебе из него выбраться. Но опыт музыки, опыт танца, опыт великого художника, скульптора - любая творческая деятельность, которая поглощает тебя и требует, чтобы ты был в ней тотальным, не оставляя ни малейшей части, труднее всего.

Эти люди были замечательными. В них была великая красота - индивидуальности, свободы, творчества, - но чего-то недоставало. Они тоже чувствовали, что чего-то недостает, но не могли установить, чего именно.

Этот опыт приносит такую удовлетворенность, что невозможно постичь, чего же недостает. Один из этих музыкантов спросил меня:

- Не сможешь ли ты мне установить, чего именно мне может не хватать? - потому что я не вижу ничего подобного: я в музыке тотален.

И он был удивлен, когда я сказал ему:

- Проблема именно в этом: ты должен совершить очень противоречивое действие - быть тотальным в музыке и все же оставаться наблюдателем.

- Это трудно, - сказал он.

- Я знаю, что это трудно, - сказал я, - но другого пути нет. Это не невозможно. Просто потому что этот опыт так радостен, ты не хочешь отстраняться от него. Все твое существо тонет в нем, и ты не хочешь из него выйти. Но ты не знаешь, что если ты сможешь из него выйти, то не окажешься в проигрыше. Тебя ждет гораздо большее блаженство, гораздо большее благословение.

Просто попробуй. Тебе нечего терять. Если ты почувствуешь, что что-то теряешь, вернись к своей старой вовлеченности в музыку и проживи жизнь радостно. Нет никакой спешки. Ты подошел очень близко, однажды, в какой-то жизни, ты совершишь этот шаг.

Он спросил:

- Как я могу совершить этот шаг в этой жизни или в следующей? Я не могу постичь такой возможности.

- Ты не понимаешь одного, - сказал я. - Как бы красив ни был опыт, как бы он ни был чудесен, однажды он тебе надоест. Может быть, чтобы заскучать, тебе потребуется несколько жизней, но поскольку это один и тот же опыт, рано или поздно начнется скука, и именно в это время ты станешь осознанным. Но это для неразумного человека - дожидаться скуки. Разумный человек может сделать это прямо сейчас.

И ему это удалось... Он был учителем Рави Шанкара и его тестем. Он был стар; он жил дольше ста десяти лет. Но в тот день, когда ему это удалось, он умер. Он умер со своим ситаром в руках. Но на его лице можно было увидеть следы, отпечаток: Будда только что прошел по мокрому песку. В возрасте ста десяти лет он выглядел таким молчаливым, таким мирным, таким молодым.

Он был замечательным человеком и во многих других отношениях. Я боялся, что это может случиться: если он попытается, такой старый, такой хрупкий, может быть, он не сможет удержать вместе душу и тело. Внезапный, подобный молнии опыт станет смертью для тела, отделением от тела. И именно это случилось.

Я видел многих музыкантов, но никто из них не обладал таким качеством. Он мог использовать как инструмент что угодно - просто железные прутья, и он начинал играть на этих прутьях. И вас изумило бы, какую красоту музыки он создавал из этих прутьев, которые обычно не могут производить ничего, кроме шума.

Он был мусульманин. Благодаря нему я познакомился с его дочерью, которая вышла замуж за Рави Шанкара. Рави Шанкар предал ее. Он не оказался настоящим человеком души и сердца. Просто чтобы добиться признания, он женился на дочери мастера, потому что это сделало его самым известным учеником. Но как только он уехал на Запад, он больше не заботился о жене. Она живет в бедности.

Она сама - великий музыкант, но мусульманским женщинам религия запрещает любые публичные выступления - если только они не объявляют себя проститутками. И поскольку она не может этого сделать, не может она и публично выступать. Но я слышал, как играет она, и слышал записи Рави Шанкара: Рави Шанкар далеко от нее отстает. Он стал всемирно знаменитым, потому что играет на ситаре на Западе, где никто его не понимает, где никто не понимает его тонкостей. Он редко приезжает в Индию, потому что в Индии есть многие, кто его превосходит. Его собственная жена значительно превосходит его.

Этот старик не мог жить как просветленный человек, но смог умереть как просветленный человек. Другие музыканты, которых я знал, не осмелились осознать, когда были совершенно погружены в музыку.

Я могу понять их проблему: она действительно так поглощает, что они забывают поддерживать наблюдение.

Во-вторых, когда они узнали, что один человек попробовал мой метод и умер, в их умах возник огромный страх, потому что они не могут понять, что смерть, приходящая в просветлении, это не смерть - это дверь в божественное. Но для всех, кто остается снаружи, она выглядит как смерть.

Я знал нескольких танцоров, у которых была такая же проблема. Брат Рави Шанкара, Удай Шанкар, был, может быть, величайшим танцором этого столетия, но та же проблема... он совершенно терялся. Не было никого, чтобы осознать. Он умер обычной смертью.

Я сказал ему:

- Перед тобой выбор: умереть обычной или просветленной смертью. Твои дни сочтены. Ты стареешь: пришло время, ты можешь рискнуть. Смерть придет в любом случае, теперь не нужно бояться.

Но он не смог преодолеть страх и умер, очень близкий к просветлению.

По-моему, так называемые религиозные люди не очень близки к просветлению, напротив, они очень далеки от него. Художники - гораздо ближе, чем кто-либо другой. Но хотя они и ближе, большинство из них его упускает. По странному капризу судьбы быть несчастным, быть в страдании, в боли гораздо лучше в отношении просветления. Может быть, это экзистенциальное средство - что так много людей страдает.

Может быть, вы помните кошмарные сны, в которых страдание продолжает расти, расти и расти. Но затем наступает кульминация - просто страдание становится таким невыносимым, что ты просыпаешься. Никто не проходит кошмарный сон полностью. Если ты переживаешь кошмар полностью, значит, он был мягким; это не было настоящим кошмаром, это было просто сном.

Настоящий кошмар... ты падаешь с горы и видишь бездонную пропасть, и знаешь, что теперь спасения нет: вскоре ты разобьешься на части... Прямо перед тем как удариться о землю, ты просыпаешься. Это больше, чем можно вынести: сон не может продолжаться. То же самое касается страданий в жизни.

Вы страдаете, но ваше страдание - тоже буржуазное, обывательское. И оно не слишком остро, оно половинчато, ни тепло, ни холодно. Ни теплое, ни холодное страдание мало, чем поможет, потому что ты можешь терпеть его всю жизнь. Фактически ты можешь так привыкнуть к нему, что не сможешь без него жить; тебе оно нужно. Оно определяет тебя. Без него ты начнешь чувствовать, что теряешь свою тождественность.

Когда страдание остро, не просто вспышка, не просто роль, которую ты играешь, не просто привычка, но настоящее страдание, отчаяние; когда ты видишь, что жизнь лишена смысла, что каждое дыхание кажется просто ненужным... Зачем продолжать жить, для чего? - ничего не произойдет, нигде нет никакого выхода. Когда боль становится такой интенсивной, что выходит за пределы человеческой способности ее терпеть, внезапно ты можешь выйти из кошмара. Тогда это так называемое пробужденное состояние окажется только другого рода сном, сном с открытыми глазами.

Тебя можно разбудить. В существовании нет ничего такого, что не готово было бы тебе помочь, просто ты должен быть доступен, чтобы принять помощь.

Люди говорят о страдании - я слышал, как многие говорили о страдании, - но то, как они говорят о своем страдании, производит такое впечатление, словно они им очень довольны. Их страдание - нечто подобное произведению искусства. Они его преувеличивают, они продолжают делать его больше и больше - и наслаждаются этим.

Я слышал об одной женщине, которая исповедовалась католическому священнику:

- Меня изнасиловали, и я умираю от стыда. Вы не можете понять, как я несчастна.

- Но, - сказал священник, - это странно! Три недели вы приходите каждое воскресенье - как вам удастся подвергаться изнасилованию каждую неделю?

Она сказала:

- Кто вам сказал, что меня насиловали каждую неделю? Это все одно и то же, первое изнасилование.

- Но в нем вы уже исповедовались. Зачем вы беспокоите меня - каждое воскресенье то же самое изнасилование, то же самое несчастье, то же самое страдание?

- Сказать по правде, я наслаждалась этим. Я не могу рассказать больше никому, поэтому я должна ждать воскресений, чтобы исповедаться. Но это был действительно потрясающий опыт!

Люди говорят о несчастье, и ты, должно быть, думаешь, что они хотят выбраться из этого несчастья, - ты ошибаешься. Никогда не пытайся уменьшить их несчастье: они разозлятся и никогда тебя не простят. Они наслаждаются тем, что их страдание больше всех в мире - а ты пытаешься его уменьшить или проигнорировать!

Человеческий ум - это очень странное создание. Вместо того чтобы попытаться понять свое страдание, вы начинаете восславлять его. Вы начинаете чувствовать своего рода мученичество, а мученичество - это недуг, болезнь души.

Но вся традиция человечества славил мучеников и называла их великими человеческими существами. Они - просто мазохисты, которые хотят, чтобы их мучили при любой возможности! Никто этого не говорит, потому что это значило бы, что всю историю нужно переписать заново: в ней говорится не об искренних и настоящих людях, а о больных психопатах.

И если ты начинаешь наслаждаться своим несчастьем, возникает проблема. Это снова то же самое: кто-то наслаждается музыкой, ты наслаждаешься страданием. Оно стало твоей музыкой. В то мгновение, когда ты чем-то наслаждаешься, тебе становится трудно это наблюдать. Что угодно, с чем у тебя нет отношений, можно использовать как объект наблюдения - это будет легче.

Как только твое наблюдение окрепнет... Например, наблюдай дерево, наблюдай океан, наблюдай вещи, к которым не испытываешь никакой эмоциональной привязанности. Наблюдай, как по улицам ходят люди, как ездят машины. Просто наблюдай. Просто тренируй

наблюдательность: наблюдай вещи, к которым у тебя нет никакой эмоциональной привязанности, в которые ничего не вложено.

Сначала окрепни в наблюдении, затем попробуй его в небольших вещах. За едой будь наблюдающим. Принимая душ, будь наблюдающим. Небольшие вещи, которые ничего не значат... надевая одежду, будь наблюдающим. Это нужно просто для того, чтобы более и более уплотнить твоё наблюдение, чтобы, когда ты наблюдаешь что-то волнующее тебя эмоционально, твоё наблюдение было достаточно сильным, чтобы прорезать эмоциональную вовлечённость.

И если твоё наблюдение становится действительно сильным... тогда это может быть музыка, танец, любовь - не имеет значения: наблюдение просто врежется, словно острый меч между тобой и объектом, каким бы он ни был. Религиозные люди, может быть, более всех далеки от наблюдения, потому что они занимаются молитвой, практикуют преданность Богу, пытаются верить в Бога. Они боятся наблюдения, потому что наблюдение означает, что Бог просто исчезает - потому что это только верование, не факт. Молитва исчезает, потому что она была посвящена, обращена к Богу, которого не существует. Преданность исчезает, потому что некому высоко вверх, в небе, быть преданным.

Религиозные люди боятся наблюдения. Это мой опыт. Они не хотят медитировать, они не хотят быть бдительными, они не хотят быть более осознанными, потому что на карту поставлена вся их религия. И называя меня опасным, они правы, потому что я говорю им нечто такое, что разрушит все их строение, всю систему, согласно которой они живут, верят, надеются. Тогда они останутся в пустыне.

Очень трудно убедить этих людей, что прямо сейчас они находятся в пустыне ложных верований, что наблюдение выведет их из пустыни в сад существования со всей его зеленью, со всеми его цветами.

Я нашел, что труднее всего учить святого - индуист ли он, мусульманин, джайн или христианин - медитации. Она просто повергает в дрожь все его существо, потому что пятьдесят или шестьдесят лет он жил согласно определенной системе верований, и это хорошо окупалось: люди чтили его, поклонялись ему.

Однажды в Хидерабаде случилось так, что мной заинтересовался один джайнский монах, очень почитаемый в Южной Индии. Слушая меня, читая мои книги, в конце концов, он набрался храбрости и отбросил монашество.

Я сказал ему:

- Ты предпринимаешь очень рискованный шаг. Потом не вини меня, потому что нет необходимости ничего отбрасывать, можешь продолжать это представление. Я говорю только, оставайся бдительным. Я даже не говорю актеру прекратить представление, так в чем же проблема? Ты изображаешь святого, и пусть вся эта жизнь будет драмой. Оставайся бдительным. Мое учение состоит в том, чтобы быть бдительным, - я не говорю тебе отбросить всю эту чепуху.

- Но, - сказал он, - это кажется неискренним. Я в это верил, и это было одно. Теперь это будет сущим лицемерием. Я не смогу говорить с такой же уверенностью. Ты отнял у меня всю уверенность. Я знаю, что все это ложно, я не могу притворяться.

- Тогда помни, что идешь на риск.

- Я понимаю, - сказал он. Он отбросил монашество.

Я жил там у друга. Мой друг был джайном - он не мог поверить своим глазам! Он спросил:

- Что случилось с твоим особым монашеским одеянием?

- Я его выбросил, - сказал он.

- Тогда ты не можешь войти в мой дом, - сказал мой друг. Он был одним из самых преданных учеников этого монаха - именно поэтому он к нему пришел. Во-первых, там остановился я, и во-вторых, мой друг был очень предан этому монаху. Но он просто не пустил его в дом:

- Убирайся! Я не хочу с тобой связываться.

В тот самый день я собирался выступить перед джайнской конференцией, и этот бывший джайнский монах пришел со мной на эту конференцию. Джайнские монахи всегда сидят на высоких платформах, и просто по привычке он прошел за мной на платформу, с которой я собирался выступать. Он сел позади меня, испуганный, потому что там было, самое меньшее, пять тысяч джайнов, разгневанных до предела, - это было заметно. Это были «ненасильственные» люди. А этот человек ничего не сделал - просто переоделся.

Поднялся большой переполох. Кто-то встал и сказал:

- Этого парня нужно стащить со сцены. Он не вправе сидеть на сцене.

- Но в чем проблема? - спросил я. - Я не джайнский монах, и я вправе сидеть на сцене. Он больше не джайнский монах.

- Ваша ситуация другая, - сказали они. - Вы никогда не были джайнским монахом. Но он оскорбил всю нашу традицию.

И они уже шли на сцену, чтобы стащить с нее этого беднягу.

Видя всю ситуацию, я сказал ему:

- Тебе лучше спуститься самому, иначе они тебя стащат, и это будет гораздо уродливее.

Но вы видите человеческий ум! Он не двигался. Он не мог сидеть с обычными людьми, он никогда с ними не сидел. Я сказал:

- Раньше ты был их святым, теперь ты больше не их святой.

Мне пришлось встать между толпой и этим человеком, и я сказал:

- Он вышел на возвышение просто по привычке. Если вы хотите меня слушать, вам придется терпеть его на возвышении, если вы не хотите меня слушать, я уйду - только тогда уйдет и он, вместе со мной. Решайте.

Они хотели меня слушать, но не хотели терпеть его, и поэтому жестами показывали ему: «Мы тебе покажем, как только речь закончится». И именно это случилось: когда я закончил и сошел с возвышения, вся толпа схватила этого беднягу и стала его избивать.

Я сделал все, что мог. Я говорил:

- Вы же ненасильственные люди, а сами кого-то бьете! Вчера вы касались его ног. Он тот же человек, ничто не изменилось.

Так трудно было - они убили бы его - вытащить его оттуда и силой усадить в машину. И толпа по-прежнему пыталась вытащить его из машины с другой стороны.

Добравшись до дома, я сказал ему:

- Это было абсолютной глупостью с твоей стороны. Ты не понимаешь: религиозный ум - самый лицемерный из всех. Он говорит одно, а делает прямо противоположное. И теперь ты увидел своих поклонников. Иначе ты бы их никогда не понял. Раньше они касались твоих ног, теперь они готовы тебя убить. Ты должен уехать из этого места, переехать куда-нибудь. Они не дадут тебе спокойно жить. Езжай в горы, найди тихое место и медитируй.

И то, что он сказал, очень удивительно. Он сказал:

- Я могу делать что угодно - посты, асаны йоги... Я могу час за часом распевать мантры. Я могу цитировать писания, потому что помню их, - но медитация? Этого я никогда не делал. И то, что ты описываешь - что я должен быть осознанным, - так ново для меня, что я не думаю, что без тебя когда-нибудь смогу войти в этот опыт.

Я сказал:

- Значит, теперь ты на моей ответственности! Мне пришлось взять его с собой... три месяца он был со мной. И этому человеку было труднее всего научиться медитации - по той простой причине, что он бросил одежду, но не смог бросить верование, не смог бросить свою мифологию, не смог бросить свою религию. Это не так легко. Изменить одежду очень легко.

Художники были ближе всего к просветлению - эстетический опыт лежит на самой его границе, - а так называемые религиозные люди от него далее всех. Я никогда не слышал, чтобы хоть один религиозный человек когда-нибудь стал просветленным. Это кажется странным, потому что так быть не должно: религиозные люди должны быть ближе всех к просветлению. Но они полны таким количеством мусора - а думают, что это сокровище. Они не могут видеть, как он исчезает.

Наблюдение - это волшебство: оно заставляет все исчезнуть из твоего ума и оставляет тебя в полном молчании, тишине. Из этой тишины возникает ощущение твоего существа и существа всей вселенной.

Любимый Ошо,

Есть высказывание: «Руки - это продолжение сердца». Не потому ли ты не можешь говорить без помощи рук? - чтобы словесное встретилось с сердцем, чтобы добавить еще одно измерение?

Это правда. Люди, которые говорят только из ума, не жестикулируют, потому что руки не нужны. Ум чувствует, что слова закончены, что слова несут смысл, и не нужно никаких добавлений.

Но если ты говоришь из сердца, есть проблема. Сердце постоянно чувствует, что того, что ты говоришь, недостаточно: что-то нужно добавить, чтобы сделать это законченным и полным. А руки - очень мощное средство выражения. Они дополняют чувства сердца.

Я, безусловно, не смогу говорить, если вы привяжете мне руки к креслу, и я не смогу ими двигать. Я буду неспособен говорить.

Впервые это стало ясно в Америке... потому что никогда раньше мои руки не были связаны. Только в Америке на меня надели наручники, и внезапно я почувствовал, что скованы не только мои руки, заключено в тюрьму и мое сердце. И когда была пресс-конференция...

Суперинтендант тюрьмы влюбился в меня с первого мгновения. Я сказал ему:

- Я не смогу говорить или отвечать на вопросы, если мои руки останутся в наручниках. По крайней мере, на время пресс-конференции вы должны снять наручники.

Я хотел бы, чтобы весь мир увидел мои руки в наручниках: это демократия - без всякого ордера на арест, не приводя никаких причин, не позволяя человеку связаться со своими адвокатами, можно надеть на него наручники, сковать ему ноги цепями... и не удовлетвориться даже этим. Они поместили еще одну цепь, чтобы удерживать руки прикованными к цепи вокруг пояса, чтобы я не мог даже махнуть руками своим людям.

Он смог понять. Он сказал:

- Это незаконно, но для вас я готов на все. Прежде всего, это первая пресс-конференция, которая проводится внутри тюрьмы. Этого никогда раньше не бывало! Я сниму наручники.

До этого момента я чувствовал, что говорить невозможно. Слов для этого недостаточно; они незаконченны, неадекватны, они не несут правильного смысла.

Но чтобы понять жесты рук, нужна также определенная группа людей, которые слушают из сердца, иначе эти жесты тщетны: ум не может уловить в них никакого смысла. Именно от сердца к сердцу руки позволяют скользнуть чему-то такому, что нельзя высказать, но можно понять.

Любимый Ошо,

Есть старая революционная поговорка, которая гласит: «Если вас не пытаются заткнуть, это означает, что вы недостаточно эффективны». Любимый Ошо, насколько еще ты можешь стать эффективнее?

Только обожди, и ты увидишь! Им меня не одолеть.

Любимый Ошо,

Где разграничение между моим внутренним миром и внешним миром? Как только каждое явление внешнего увидено моими глазами, моим восприятием, оно, кажется, становится частью моего мира и, таким образом, оказывается внутренним. А с другой стороны, если свидетель - моя внутренняя реальность, и все же свидетель - вселенский, мне кажется, что я снова все переворачиваю вверх тормашками.

Четана, ты сходишь с ума! Внешний мир, даже воспринимаемый тобой, не становится твоим внутренним миром. Он точно как зеркало: вещи отражаются. Думаешь ли ты, что теперь они оказались внутри зеркала? Они по-прежнему снаружи. Зеркало просто отражает их.

Твои восприятия внешнего мира - просто зеркало, но ничто не становится внутренним. Твоя осознанность - это твоя внутренняя реальность. Твоя внутренняя реальность не подобна острову, твоя внутренняя реальность представляет собой целый континент.

Таким образом, снаружи мы отделены друг от друга, но изнутри мы едины. Именно поэтому осознанность - вселенская. Это не значит, что она оказывается снаружи тебя. Это просто значит, что есть только осознанность, только сознание: нет никакого разграничения между внешним и внутренним.

Разграничение между внешним и внутренним создается из-за того, что есть ум, который разделяет вещи на внешние и внутренние. В осознанности ум исчезает, и вместе с ним исчезает и все разграничение на внешнее и внутреннее. Есть лишь только единство.

Тысячи лет в Индии люди работали над той же проблемой, и они даже не говорят, что «остается единство», из-за логической трудности - если есть один, должно быть и два, должно быть и три.

«Один» не может существовать без всего спектра номеров. Какое значение будет у «одного»? Если нет двух, трех, четырех, пяти, шести, семи, восьми, девяти, десяти, какой тогда смысл будет у «одного»? Никакого смысла не будет.

Поэтому в Индии не говорят: «Остается лишь единство», но говорят: «То, что остается, не-двойственно» - это просто окольный способ выразиться, чтобы не попасться в логическую ловушку. То, что остается, - не-двойственное явление. Это не два. Не говорят, что это одно; говорят, что это больше не разделено. И я думаю, в этом есть определенное прозрение.

Когда ты говоришь «не-двойственный», это не подразумевает другие числа. Но когда ты говоришь «один», подразумеваются другие числа. Но тебе не стоит сходить с ума, просто осознавай и не беспокойся о том, что внутри, а что снаружи. Твоя осознанность сделает для тебя ясным, что это не-двойственное существование: ничто не внутри, ничто не снаружи.

В Джайпуре в Индии есть место, созданное королем-мистиком. Он был действительно великим архитектором; он спланировал Джайпур. Его звали Джай Сингх; отсюда название города. Джайпур - это единственный в Индии спланированный город - и спланированный так красиво! Его идея была в том, чтобы победить Париж, и он преуспел бы в этом, если бы не умер. Город остался незаконченным, но даже незаконченным он дает ощущение того, что его линии могли бы затмить Париж.

Город был весь одного цвета, красного цвета саньасы - целый город из красных камней. Все дома, все магазины - одного цвета, чтобы передать ощущение, что все едино: нет никакой возможности двойственности. И его дороги так красивы. Прямо посреди дороги растут тенистые деревья - дороги достаточно широки - а с обеих сторон тротуары закрыты так, чтобы в сезон дождей не нужно было ходить под зонтом... и чтобы в жаркий сезон не нужен был зонт от солнца. В Джайпуре зонт вообще не нужен. И все сделано из точно одного и того же красного камня.

Этот человек пытался создать город, в котором нет никакого рода различий. Деревья только одного вида посажены вдоль всех дорог, во много миль длиной. Используется только один цвет, только один камень, один и тот же дизайн - прекрасный дизайн.

Он создал храм, сложенный снаружи из красных камней, а внутри его - маленькие зеркала... миллионы зеркалец внутри. И когда тыходишь вовнутрь, ты видишь свое отражение в миллионах зеркалец. Ты один, но твоих отражений - миллионы.

Говорят, что однажды ночью в этот храм вошла собака, и она погибла. Никого не было: охранник ушел из храма, запер его, а собака осталась внутри. Она лаяла на других собак - миллионы собак. И она металась из стороны в сторону, и раз за разом билась о стены. И все эти собаки лаяли... Можно увидеть, что происходило с этой бедной собакой: всю ночь она лаяла и боролась и, в конце концов, погибла, ударяясь о стены.

Утром, когда двери храма открылись, собака была найдена мертвой, и все вокруг было в ее крови - все стены - и соседи сказали:

- Всю ночь мы недоумевали, что случилось. Эта собака все время лаяла.

Наверное, эта собака была интеллектуалом. Естественно, она подумала:

- Столько собак, боже мой! Я одна, сейчас ночь, и двери закрыты, и со всех сторон меня окружают эти собаки... они убьют меня!

И она погубила сама себя; никаких других собак вовсе не было.

Это одно из основных и существенных пониманий мистицизма: люди, которых мы видим вокруг, - только отражения. Мы напрасно лаем друг на друга, напрасно боремся друг с другом, напрасно боимся друг друга. В нас столько страха, что мы копим друг против друга ядерное оружие - а собака всего одна, все остальные - только отражения.

Очень вероятно, что человек умрет так же, как умерла эта собака. И с кем он воюет? - с собственными отражениями.

Поэтому, Четана, не будь интеллектуалкой. Не думай об этих проблемах, иначе ты будешь недоумевать все больше и больше. Лучше стань осознанной, и ты увидишь, что проблемы исчезают.

Я здесь не для того, чтобы разрешить ваши проблемы, но для того, чтобы их рассеять, - и разница огромна. Разрешить ваши проблемы, значит дать вам интеллектуально удовлетворяющий ответ; рассеять же ваши проблемы, значит предоставить метод, дающий вам самим осознать, что совершенно никакой проблемы нет: проблемы - это ваше собственное изобретение, не нуждающееся ни в каких решениях.

У просветленного сознания нет ответа.

Его красота в том, что у него нет вопросов.

Все его вопросы растворены, исчезли. Люди думают по-другому: они думают, что просветленный человек должен иметь ответ на все. Реальность в том, что у него вообще нет ответа. У него нет вопросов. Как у него может быть ответ, если нет вопросов?

Когда Гертруда Штайн, великая поэтесса, умирала, окруженная друзьями, внезапно она открыла глаза и спросила:

- Каков же ответ?

И кто-то сказал:

- Но мы не знаем вопроса, как нам знать ответ?

Она открыла глаза в последний раз и сказала:

- Ладно, так каков же вопрос? - И она умерла. Это были ее последние слова.

Очень красиво находить последние слова поэтов, художников, танцоров, певцов. В них есть нечто безмерно значительное.

Сначала она спросила:

- Каков ответ?

...Как будто вопрос может быть разным для разных человеческих существ. Вопрос должен быть одним и тем же, не нужно его формулировать. И она торопилась, поэтому вместо того чтобы пойти традиционным путем - задать вопрос и выслушать ответ, она просто спросила: «Каков же ответ?»

Но люди не понимают, что каждое человеческое существо находится в одном и том же положении: один и тот же вопрос - это вопрос каждого. Поэтому какие-то глупые люди спросили:

- Но как мы можем знать ответ, если не знаем вопроса? Это кажется логичным, но это не логично: это просто глупо - и с умирающим человеком... Но бедная женщина снова открыла глаза. Она сказала:

- Ладно, каков вопрос? - И наступило молчание.

Никто не знает вопроса.

Никто не знает ответа.

Фактически, нет вопроса, и нет ответа; есть только образ жизни в замешательстве, в уме. Тогда вопросов и ответов миллионы, и каждый ответ приносит миллионы новых вопросов, и этому нет конца.

Но есть другой образ жизни: жить в сознании - и тогда нет ответа, и нет вопроса.

Если бы я присутствовал, когда умирала Гертруда Штайн, я сказал бы ей:

- Сейчас не время озабочиваться вопросами и ответами. Помни, нет вопроса, и нет ответа: существование хранит о вопросах и ответах абсолютное молчание. Это не урок философии. Умри без всякого вопроса и без всякого ответа; просто умри в тишине, сознательно, мирно.

Глава 44

Я говорю, чтобы трансформировать твое сердце

Любимый Ошо,

Я вспоминаю историю о стрелке, которую ты рассказал на днях. Не расскажешь ли ты нам еще, как с таким подходом распространять твои слова в мире, негативном и враждебном к тебе? Бывает ли борьба без борьбы?

Борьба без борьбы, действие без действия, усилие без усилия есть. Это - сама душа религиозности. Логически это кажется абсурдным сказать «усилие без усилия», но экзистенциально это возможно, и это один из самых красивых опытов.

Когда ты спонтанен, это означает, что ты не действуешь согласно какой-то заранее спланированной идее. Фактически ты не готов, не подготовлен, чтобы что-то сделать; действие пришло как отклик, само собой.

Тебе придется понять эти несколько слов. Сначала пойми различие между реакцией и откликом. Реакцией управляет другой человек. Он оскорбляет тебя: ты приходишь в гнев и действуешь из гнева. Это реакция. Ты не независимый человек, каждый может подтолкнуть тебя в ту или иную сторону. На тебя легко воздействовать, тебя легко эмоционально шантажировать.

Реакция - это эмоциональный шантаж.

Ты не был гневен. Этот человек тебя оскорбил, и его оскорбление создало гнев; из этого гнева исходит твое действие.

Отклик приходит из свободы.

Он не зависит от другого человека.

Другой человек может тебя оскорбить, но ты не становишься гневным; напротив, ты можешь медитировать на этот факт - почему он оскорбляет тебя? Может быть, он прав. Тогда ты должен быть ему благодарен, а не приходить в гнев. Может быть, он неправ. Если он неправ, тогда почему ты должен сжигать свое сердце гневом из-за его неправоты?

Есть лишь две возможности: либо он прав, либо неправ. В любом случае гнев неуместен. Если он прав... и это возможно увидеть, только если в тебе нет гнева, - гнев туманит глаза, видение, ясность. Если ты видишь, что он прав, ты поклонись ему и будешь ему благодарен, потому что он оказал тебе услугу, сказав о тебе правду, которой никто тебе не говорил. Может быть, он говорит, что ты трус... возьми его слова и поищи внутри себя, и ты найдешь этого труса.

В этом так называемом вежливом обществе люди не говорят прямо. Они не говорят вещи, которые видят, они говорят только то, что хорошо для поддержания разговора.

Англичане очень бдительны: они говорят только о погоде, никогда не о религии, не о политике - эти темы эмоционально нагружены. Кого волнует погода? Она не может касаться ничего верования или религии, и в любом случае это реальность, доступная обоим собеседникам. Это хорошая тема для разговора... не может быть речи о споре.

Но мои люди должны понять, что мы - не вежливое общество, что наша преданность - искренности, подлинности, что мы хотим говорить то, что истинно.

Поэтому когда кто-то что-то говорит, обдумайте это. Скажите этому человеку:

- Пожалуйста, обожди десять минут. Дай мне это обдумать - может быть, ты прав.

Если он прав, будьте ему благодарны. Если он неправ, пожалейте его и скажите:

- Твоя идея неверна. Ты хозяин собственных идей - можешь думать что хочешь - но я, со своей стороны, лишь скромно предполагаю, что эта идея неправильна. Я был бы очень рад, если бы ты лучше ее обдумал.

Отклик очень молчалив, очень спокоен. Он не зависит от другого человека, это твое собственное понимание, действие спонтанно в моменте. Отсюда возможность борьбы без борьбы.

Всю жизнь я это делал. Я сражался на многих фронтах, один - но без гнева, без насилия, без всякой личной вовлеченности. Я боролся не за что-то для себя. Мне ничего не нужно; все, что должно было случиться в моей жизни, уже случилось.

Я свободен от всяких амбиций, потому что нельзя быть амбициозным после просветления... потому что идти некуда, ты достиг высочайшей звезды.

Но я постоянно сражался, сражался, чтобы помочь тем самым людям, с которыми сражался. Эта борьба была из любви и сострадания. Я не гневен на общество - я ни на кого не гневен. Я никого не делаю ответственным за все несчастье мира.

Я просто пытаюсь разъяснить людям причины:

- Вы цепляетесь за причины и не хотите следствий. Вы продолжаете сеять семена определенного цветка, но не хотите его цветов, и поэтому постоянно разрушаете их - но не прекращаете сеять семена. Это становится вашим замешательством, вашим конфликтом, вашим несчастьем.

Борьба, которой тебе нужно научиться, исходит не из ненависти, но из любви. Она исходит не из мести, но из понимания. Она направлена не на твою собственную пользу, но на пользу тех, с кем ты сражаешься. Тогда это становится борьбой без борьбы. Тогда добьешься ты успеха или проиграешь, не будет иметь значения; значение имеет то, что ты сделал все, что мог. Это приносит тебе удовлетворение - что ты сделал все, что только было можно, что ты ничего не удержал. Ты totally бросился в огонь.

Но ты не был против кого-либо в частности. Ты был против определенной серии причин, которые безличны. Но миллионы людей страдают из-за этих причин. Они продолжают цепляться, думая, что это их наследие.

Твоя работа по распространению моих слов не должна вложить тебе в руки меч, чтобы его острием убеждать людей, что то-то и то-то правильно.

Именно это делали мусульмане. За четырнадцать столетий они обратили в свою веру так много людей, просто острием меча. И, очевидно, кто угодно, если ему предоставить выбор между

смертью и сменой формальной религии... Никто, на самом деле, не индуист, и никто не будет настоящим мусульманином - дело только в ярлыке. Только ради ярлыка ты готов расстаться с жизнью? Любой человек понимания скажет: «Измени ярлык». Миллионы людей стали мусульманами не потому, что были убеждены, но потому, что хотели жить. И они продолжали жить точно так же, что и раньше. Ислам или индуизм просто повисают в воздухе; они не становятся реальностью.

Как раз недавно польский папа был в Индии. Индийские христиане, которые по своей сути индуисты, были обращены другой стратегией, потому что теперь угрожать мечом кажется неправильным, и мировое общественное мнение это не поддержит; это будет выглядеть грубо, дико, уродливо. Христианство изменилось. Оно приходит к голодным, нуждающимся людям с хлебом в одной руке и Святой Библией в другой. Нельзя взять только хлеб: оно предлагает то и другое - физическую пищу и духовное питание. Если ты хочешь хлеба, то должен принять и Святую Библию.

А умирающего человека совершенно не заботит, создал ли Бог мир, и было ли это шесть тысяч лет назад, и длилось ли это шесть дней; является ли Бог троицей. Человеку, умирающему от голода, нужен хлеб, но хлеб приходит вместе с Библией - и заодно он принимает и Библию. Все эти индийские христиане куплены и подвергаются эксплуатации из-за голода и бедности.

Они становятся христианами, но продолжают жить по-старому, продолжают делать то же самое. И когда здесь был папа, индийские христиане сказали, что хотят зажечь в церкви благовония, как зажигают их в индуистских храмах. И они хотят, чтобы у входа в церковь висел колокол, точно как перед каждым индуистским храмом. Сначала ты должен дать знать Богу, что ты пришел. Может быть, он уснул, задремал, и ты звонишь в колокольчик, чтобы разбудить бедного старика. Колокольчик абсолютно необходим. И благовония... без благовоний место совершенно не будет выглядеть святым для глаз индуиста. Прекрасный аромат благовоний отличает этот дом от других домов. Обычно церковь выглядит как любой другой дом.

И папа согласился, что можно повесить колокол:

- В этом нет ничего страшного. Внутри можно жечь благовония; ничего страшного.

Вскоре они скажут, что Иисус Христос, висящий на кресте, не выглядит как единственный едиnorodный сын божий. Кришна подходит больше, с флейтой у губ. Иисус символизирует смерть. Кришна символизирует радость, танец, жизнь; то, как он стоит в позе танца, то, как он одет, экзотично и красиво. Иисус выглядит таким печальным, и естественно, если ты улыбаешься или смеешься на кресте, это выглядит противоречиво: настоящий это крест, или ты даешь представление? Когда человек умирает, и его руки и ноги прибиты к дереву большими железными гвоздями, нельзя ожидать от него ничего, кроме грусти.

Но вот что я пытаюсь объяснить: эти индуисты - индуисты, как и прежде; от христианства только этикетка. Они по-прежнему поют те же песни преданности, только вместо «Кришна» теперь они говорят «Иисус» - и это небольшая перемена, потому что люди, понимающие лингвистику, скажут, что «Христос» - это форма слова «Кришна».

В Бенгале в Индии есть много людей, которых зовут «Христо». Это форма «Кришны».

Если даже в Индии язык может заставить слово «Кришна» превратиться в «Христо», в чем тогда проблема? Это слово, проделав путь в далекую Иудею, может стать «Христом».

Изменить «Кришну» на «Христа» значит, вообще ничего не изменить, и жизнь человека остается прежней. Он по-прежнему верит, что его мать - корова, хотя он христианин, а в христианстве нет такого верования. Но религию на него вылили, она не возникла из его спонтанности.

Я не хотел бы, чтобы вы каким бы то ни было образом, принуждали кого-либо принять мое послание, потому что это будет разрушением моего послания, самого послания. Само послание состоит в том, что никого нельзя принуждать верить ни во что. Все, что вы можете сделать, это объяснить любяще; и прежде чем любяще объяснить, вы должны прожить то, что я говорю, чтобы объяснение было не только на словах, но и в вашей жизни.

Поэтому вместо того чтобы идти к людям и объяснять, пусть люди приходят к вам и спрашивают:

- Что с тобой случилось? Почему твои глаза так молчаливы, почему твое лицо так сияет? Почему быть с тобой так хорошо? - как будто у берега прохладного озера. Почему у меня такое чувство, что подул мягкий прохладный ветерок?

Пусть люди спрашивают тебя.

Ты должен прожить это.

Именно своей жизнью, своими действиями, своей спонтанностью, любовью и блаженством ты можешь достичь сердец людей. И пусть вопросы исходят от них. Не продолжай выливать на них свои ответы. Если вопроса нет в природе, все ответы бесполезны.

Если ты сможешь сделать свою жизнь такой сияющей, такой музыкальной, такой гармоничной, люди обязательно спросят тебя:

- Что ты делаешь? Что с тобой случилось? Почему у тебя в глазах определенное волшебство?

Тогда ты можешь объяснить, что ты делал, что с тобой случилось. И ты можешь сказать между делом:

- Это может случиться и с тобой, потому что у тебя такой же потенциал, что и у любого другого человеческого существа.

Это и будет борьбой без борьбы.

Любимый Ошо,

В статье из журнала для американских женщин говорится, что целых пятьдесят миллионов американцев страдает так называемой бессонницей. Согласно этой статье, по количеству обращений к врачу бессонница стоит на третьем месте после ОРЗ и головной боли. Не будешь ли ты так добр прокомментировать?

Бессонница - это не болезнь. Бессонница - это определенный образ жизни.

Человек создан природой так, чтобы совершать в день, по крайней мере, восемь часов тяжелой работы. Не проделав восемь часов тяжелой работы, он не зарабатывает права глубоко спать. И чем богаче становится общество, тем меньше у людей тяжелой работы. В ней нет необходимости, за них могут работать другие, или машины. Целый день они занимаются небольшими вещами, которыми наслаждаются, но это не тяжелая работа, не работа шахтера или дровосека. Тело сделано так, чтобы после восьми часов тяжелой работы ему естественно нужно было заснуть, чтобы обновить энергию. Но кажется, это трудно... ты заработал достаточно денег и все же восемь часов рубишь дрова? Это выглядит глупо. Ты мог бы с таким же успехом рубить дрова, и не став миллионером.

Поэтому если пятьдесят миллионов американцев страдают бессонницей, это просто означает, что эти люди не зарабатывают права спать. Они не работают над ситуацией, в которой происходит сон. В бедной стране нельзя найти пятьдесят миллионов человек... не найдется и пяти человек.

И веками было известно, что нищие спят лучше, чем императоры. Люди, занимающиеся физическим трудом, работающие руками, спят лучше интеллектуалов. Бедные спят лучше богатых, потому что им приходится много работать, чтобы добыть хлеб с маслом, но вместе с тем они также зарабатывают и право на прекрасный сон.

Бессонница - это не болезнь, это богатейший в мире образ жизни. Фактически вот что происходит: целый день ты отдыхаешь; ночью ты вертишься и ворочаешься в кровати. Это единственное упражнение, которое тебе остается, и ты не хочешь даже этого упражнения. Вертись и ворочайся как можно больше. Если целый день ты отдыхал, то ночью не сможешь спать. Ты уже отдохнул.

Если люди, которые страдают бессонницей, и действительно хотят от нее избавиться, - они не должны думать о ней как о болезни. Обращаться к врачу бессмысленно. Они должны начать работать в саду, заняться какой-то тяжелой работой и забыть о сне - он придет. Он всегда приходит, его не нужно вызывать.

Вот в чем трудности. В намерения природы никогда не входило, чтобы кучка людей в мире владела всеми богатствами, а большинство людей были бедны. Глядя на намерения природы, кажется, что она хочет, чтобы каждый работал. Она никогда не хотела этих классов богатых и бедных, она хотела бесклассового общества, где работают все.

Возможно, работа будет другой. Если ты целый день рисуешь, это тоже принесет сон. Или если ты создашь искусственные упражнения - пойдешь в тренажерный зал, пробежишь или пройдешь пешком несколько миль. Многие идиоты это делают. Бесполезное упражнение - зачем бегать, если можно рубить дрова? Зачем бегать, если за твоим садом ухаживает кто-то другой, и этот человек прекрасно спит? Ты платишь ему за работу, а он прекрасно спит.

Ты бегаешь, и тебе за это никто не платит, и тебе трудно уснуть. Сколько ты можешь бегать? А человеку, который всю ночь не спал, не хочется утром бегать, потому что всю ночь он боролся, чтобы найти хоть каплю сна. Устав вертеться и ворочаться, утром он находит немного сна - и в это время ему предлагается выйти на пробежку!

Бессонница не должна считаться болезнью. Людям нужно позволить осознать, что они не следуют естественному курсу потребностей тела. Ты можешь делать небольшие вещи... плавание, теннис - но это не будет настоящим заменителем восьмичасового тяжелого труда. Человек по своей основе был охотником - без всяких автоматов, без всяких стрел, - который мог догнать оленя. Не каждый день он получал пищу. Целый день он бежал, преследуя животных, и никого не мог поймать, и возвращался домой с пустыми руками, смертельно усталый.

Твое тело по-прежнему этого просит. Ты можешь выбрать, как это сделать, и тогда бессонница исчезнет сама собой.

Эти пятьдесят миллионов страдающих бессонницей не нуждаются ни в чьем сострадании. Им нужно сказать прямо и непосредственно:

- Ваш образ жизни неправилен. Измените его или продолжайте страдать.

И если пятьдесят миллионов человек начнет работать восемь часов в день, это вызовет великую революцию. Им это нужно не ради пищи, одежды, крова, но они могут работать ради тех, кому нужна еда, кому нужны лекарства, кому нужны другие необходимые в жизни вещи.

Если пятьдесят миллионов человек начнет восемь часов в день делать тяжелую работу, на благо бедным, это изменит весь климат общества. Сама идея борьбы, противостояния между классами исчезнет - потому что не будет никаких классов.

И эта проблема будет с каждым днем становиться больше и больше, потому что в каждой отрасли человека заменяют машины. Машины эффективнее, послушнее, они могут работать без всякого отдыха двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю... без всяких выходных, без всяких религиозных праздников, потому что они не евреи, не христиане и не индуисты.

В индийских школах, колледжах, университетах столько праздников - я однажды сосчитал, - что получается, что праздники составляют почти шесть месяцев, и шесть месяцев остается для работы, потому что религий и их богов так много, и все дни рождения нужно праздновать. В каждой религии есть собственные праздники; их нужно праздновать. Потом приходит жаркое лето, и нужно предоставить два или три месяца каникул. Затем сезонные каникулы. Кончаются дожди, и это радость, - которую отмечают праздником огней. Начинаются дожди - вы снова празднуете, потому что вся страна живет дождями, иначе люди останутся голодными, еды не будет.

Есть столько предлогов. Есть политические праздники - день, когда Индия стала свободной, день, когда Индия стала республикой. Затем политические лидеры - Махатма Ганди, Локманья Балгангадхар, Тилак, Гокхале, Субхаш Чандра Босе, Джавахарлал Неру, и к этим именам постоянно добавляются новые... Индира Ганди... Сплошные праздники. Рабочих дней становится меньше и меньше.

Машины ничего не просят, даже перерыва на кофе. И одна машина может работать вместо сотни людей - или тысячи - и скоро весь мир окажется в затруднении: бессонница будет одной из величайших проблем грядущих дней, потому что когда работать станут машины, человек будет свободен. Ему будут платить пособие по безработице, и его будет достаточно, чтобы он не просил работы. У него будет достаточно денег.

И что он может делать? Он может играть в карты, шахматы, пить алкоголь, драться - и страдать бессонницей. Бессонница будет всемирным явлением. То, что происходит с пятьюдесятью миллионами американцев, будет происходить почти с каждым человеком, у которого отняли работу. Когда люди выходят на пенсию, они начинают страдать бессонницей, которой никогда не страдали раньше.

Таким образом, я не верю, что это болезнь. Не относи ее к категории третьей по распространенности болезни. Она не из категории болезней, дело в нашем неправильном образе жизни.

Может быть, есть некоторые люди, очень немногие люди, для которых это действительно болезнь - например, интеллектуалы, чьи умы постоянно работают и вырабатывают привычку работать. Тогда ночью, когда они хотят спать, ум продолжает работать, и этого достаточно для бессонницы. И у них нет контроля над умом, чтобы остановить его. Они могут ему кричать сколько угодно, ум не обращает никакого внимания.

Ум, пока ты отдыхаешь в постели, продолжает разворачиваться, потому что за день случилось много побочных линий мыслей, которые остались неоконченными; они должны быть окончены. Ум - педант. Он хочет, чтобы все было совершенным, и пытается окончить все, что осталось неоконченным. И он не нуждается во сне. Во сне нуждается только тело. Если тело не работало и не заработало никакого сна, а ум работал слишком много и так быстро, что пристрастился к этому, человек такого склада, даже работая физически, будет страдать бессонницей. Тогда это будет болезнью. Тогда он нуждается в лекарстве, которое я называю медитацией, чтобы его ум мог расслабиться и позволить телу спать.

Лишь очень немногим людям, просветленным, может не помочь физическая работа. Я пробовал это. Я бегал несколько миль утром, четыре мили вечером, делал всевозможную тяжелую работу. Даже перед сном - а я засыпал в двенадцать - с одиннадцати до двенадцати я выходил на прогулку, но что бы я ни делал, это только расслабляло мое тело. Мое тело было в полном покое, но я был полностью пробужден. Это не беспокоило, но осознанности было так много, что невозможно было ее уменьшить; ее нельзя уменьшить. Как только она случилась, она только продолжает расти.

Но просветленный человек, если он не может спать из-за слишком большого сознания, может, по крайней мере, отдыхать, и отдыхать тотально. И этот отдых даст телу нечто, почти подобное глубокому сну.

Когда в Америке я двенадцать дней был в тюрьме, я спал двадцать четыре часа, «спал» - значит отдыхал с закрытыми глазами. Я вставал, чтобы что-то съесть или пойти в ванную; затем я возвращался к себе, снова закрывал глаза и засыпал.

Медсестры и врач были озадачены. Они сказали:

- Как вам удастся спать двадцать четыре часа?

- Я не сплю даже и двадцати четырех секунд! - говорил я.

- Но вы выглядите так, словно глубоко спите, - говорили они.

- Это только снаружи! Снаружи я глубоко сплю, мое тело в покое. Но внутри я глубоко пробужден.

Нет никакого способа... физические упражнения не помогают. С физическими упражнениями или без, я могу расслабить тело, но сон не приходит. Но если ты просветленный, какое тебе дело до бессонницы? Ты можешь заплатить эту небольшую цену за большое сокровище.

Но, к несчастью, не все, кто страдает бессонницей, просветленные. Они живут в Америке, где просветление кажется самой трудной вещью. До сих пор не было ни одного американца, который был бы просветленным человеком. Некоторые люди подходили близко, но они были из мира искусства - Уолт Уитмен, Эмерсон, Генри Торо. Они были на самой границе, но так и не пересекли этой границы.

Но эти люди, которые не могут спать, действительно ужасно страдают, потому что в их жизни ничего нет - никакого смысла, сплошное лицемерие. Они называют ее «социальным поведением» (Socializing, амер.). И не могут даже спать ночью. День бесполезен, ночь бесполезна. Они потеряли контакт с жизнью. Им нужно оказать помощь.

Должно быть больше медитационных центров специально для людей, страдающих бессонницей. Медитация поможет им расслабиться. И когда они придут медитировать, им нужно сказать:

- Только медитация не поможет, это половина работы. Половину работы должны сделать вы - и это тяжелый физический труд.

И я думаю, что люди так страдают без сна, что смогут сделать все, что им предложат.

В тяжелой работе есть своя красота. Рубя дрова, тело разгорячено, и прохладный ветерок... В теле такое прекрасное ощущение, которого человек, не делавший тяжелой работы, не может даже понять. У бедного человека - собственные предметы роскоши. Их знает только он.

Любимый Ошо,

Во время твоих прекрасных бесед я нахожу, что слушаю тебя с острым умом и одновременно с открытым сердцем. Я чувствую понимание, приходящее из того, что ты говоришь, но в следующее мгновение - когда задан другой вопрос - замечаю, что мой ум, до сих пор такой острый, забывает все, что ты только что сказал. Как бы то ни было, чувство, что я был очень глубоко затронут, остается со мной. Меня это удивляет.

Не будешь ли ты так добр и не поможешь ли мне понять, что происходит?

Не стоит запоминать то, что я говорю, потому что я не даю вам доктрины, которую нужно помнить. Важно именно то, что в твоём сердце остаётся чувство, что ты был глубоко затронут. Это значительно - а не то, что именно я сказал.

Многие вещи я говорю, просто чтобы дать тебе чувство, что затронуто твоё сердце. Именно поэтому я всегда подчеркиваю, что я говорю совершенно по-другому, чем кто-то ни было в истории человечества. Все эти люди говорили, чтобы что-то сказать, я говорю, чтобы что-то сделать. Они говорили, чтобы передать знание; я говорю, чтобы трансформировать твоё сердце.

Поэтому не стоит запоминать, иначе ты обезумеешь. Если ты будешь запоминать все те вещи, что я вам говорю, ты, несомненно, обезумеешь. Разве ты не видишь меня? Я обезумел!

И я не помню ничего из того, что сказал вам раньше. Я никогда не читаю собственных книг, и это красиво, потому что я всегда спонтанен. И это красиво, потому что я могу легко сказать все, что приходит в это мгновение, не беспокоясь о том, не противоречит ли это тому, что я сказал годами раньше. Я не могу себе противоречить, потому что это тоже было не менее спонтанно; все мои слова связывает спонтанность. Какими бы противоречивыми ни казались эти слова, они исходят из одного и того же спонтанного источника.

Не пытайся запоминать. Легко помнить Иисуса, потому что он сказал не так много - четыре Евангелия, один и тот же репортаж, написанный разными журналистами. Разница невелика. Достаточно запомнить одно Евангелие, вот и все; ты знаешь всего Иисуса. Это так легко.

Со мной очень трудно. Христианские миссионеры говорили мне, что я должен написать хотя бы одну книгу, подобную христианскому катехизису, в качестве вступления, «потому что у вас так много книг, - какую прочесть, с какой начать? Нужна небольшая книга, чтобы дать представление...»

- Невозможно, - сказал я. - Можете начать, откуда угодно - любая книга будет введением к остальным тремстам девяносто девяти. Но катехизис... это невозможно. Я не могу вложить несколько принципов в несколько слов, чтобы вы могли запомнить их, как попугай.

Но постороннему очень трудно понять, что то, как я говорю, - совершенно другое.

Это - более сопричастие, чем общение.

Это - более любовь, чем знание.

Это - более молчание, чем слова.

Таким образом, если ты можешь оставаться живым и трепещущим, не беспокойся о словах. От них нет никакой пользы. Их работа сделана. Они всколыхнули твоё сердце, они тебя воспламенили: они больше не нужны. Если ты попытаешься помнить мои слова... Я сказал столько миллионов слов, что почти невозможно, чтобы ты помнил их все, и их целью никогда не было дать тебе доктрину, философию, но видение... видение - это совершенно другое. Если оно открывает твоё сердце, если оно очищает твой разум, это больше, чем можно просить.

Несчастливы те, кто помнит слова, и ничего больше с ними не происходит. Они станут попугаями, эрудитами, пандитами - но никогда не станут саньясинами.

Быть саньясином - это нечто уникальное. Сердце, воспламенённое жадой неизвестного, любовью к целому, песней, которую нельзя вложить в слова... Саньясин - сам по себе священное писание... не потому, что помнит слова, но потому, что в этих словах он преображен. Он рождён заново.

Любимый Ошо,

Быть с тобой на этих лекциях для нас все равно, что дважды в день садиться за пиришественный стол. Закуски, главные блюда и десерт то появляются в традиционном порядке, то, зачастую, оказываются в хаотичной, но совершенно очаровательной смеси всех трех, скатанных в одно. Но что бы ты ни сервировал перед нами, ты всегда обладаешь способностью переполнять меня до краев и все же заставляешь меня приходить за добавкой - в третий и в четвертый раз.

Ошо, я хотел бы поднять тост за шеф-повара!

Хорошо... потрясающе! Это будет пятый раз!

Об авторе

Ошо - современный мистик, жизнь и учения которого повлияли на миллионы людей всех возрастов и всех областей жизни. «Сандэй Таймз» в Лондоне описывает его как одного из «тысячи создателей двадцатого века», а «Сандэй Мид-Дэй» в Индии - как одного из десяти человек - наряду с Махатмой Ганди, Неру и Буддой - которые изменили судьбу Индии.

О своей работе Ошо сказал, что помогает создать условия рождения нового вида человеческого существа. Он часто характеризовал это новое человеческое существо как «Зорбу-Будду», - способного наслаждаться и земными удовольствиями Грека Зорбы, и молчаливой безмятежностью Гаутамы Будды. Красной нитью через все аспекты работы Ошо проходит видение, объединяющее безвременную мудрость Востока и высочайший потенциал науки и технологии Запада.

Он также известен своим революционным вкладом в науку внутренней трансформации - подходом к медитации, который учитывает увеличивающуюся скорость современной жизни. Его уникальные «Активные Медитации» разработаны таким образом, чтобы сначала высвободить стрессы, накапливающиеся в теле и уме, чтобы легче было пережить не-мысль и состояние расслабления медитации.

Книги Ошо не написаны, но транскрибированы с аудио- и видеозаписей импровизированных лекций, данных ученикам и друзьям за время его жизни.

Osho Commune International, медитационный кампус, созданный Ошо в Индии как оазис, где его учения могут быть воплощены на практике, продолжает привлекать более 15 000 гостей в год более чем из 100 разных стран всего мира.

Чтобы получить больше информации об Ошо и его работе, включая тур по медитационному кампусу в г. Пуна, Индия, посетите: www.osho.com

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

